

РУСЯЕВА А.С.
СУПРУНЕНКО А.Б.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ ЭЛИНО-СКИФСКОЙ ЭПОХИ

РУСЯЕВА А.С., СУПРУНЕНКО А.Б.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ
ЭЛЛИНО-СКИФСКОЙ ЭПОХИ**
(культурно-политические контакты и взаимовлияния)

Киев-Комсомольск
«Археология»
2003

A.S. RUSYAEVA, A.B. SUPRUNENKO

**HISTORICAL PERSONALITIES
OF THE HELLENIC-SCYTHIAN TIME**
(cultural, political contacts and mutual influences)

Kyiv-Komsomolsk
«Archaeology»
2003

Эта книга увидела свет при содействии и финансовой поддержке
дирекции ОАО «Полтавский горно-обогатительный комбинат».

Генеральный директор В.Ф.Бадагов.

Главный инженер В.В.Лотоус.

**Ukrainian National Academy of Sciences
INSTITUTE of ARCHAEOLOGY
Center of Protection & Research of Archaeological Sites
Culture Board of the Poltava Province's State Administration
Komsomolsk Historical & Country-Stidying Museum**

**Anna S.RUSYAEVA
Alexander B. SUPRUNENKO**

HISTORICAL PERSONALITIES OF HELLENIC-SCYTHIAN TIME

(cultural, political contacts and mutual influences)

Kyiv-Komsomolsk
«Archaeology»
2003

Национальная Академия наук Украины
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
Центр охраны и исследований памятников археологии
управления культуры Полтавской облгосадминистрации
Комсомольский историко-краеведческий музей

РУСЯЕВА А.С., СУПРУНЕНКО А.Б.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ ЭЛИНО-СКИФСКОЙ ЭПОХИ

(культурно-политические контакты и взаимовлияния)

Киев-Комсомольск
«Археология»
2003

УДК 930 (477.7)
ББК 63.3 (0)3 + 63.4
Р 20

Утверждено к печати
Учёным советом Института археологии НАН Украины

Научный и ответственный редактор:
член-корреспондент НАН Украины **С.Д.Крыжицкий**

Рецензенты:
В.М.Зубарь, доктор исторических наук
Н.А.Гаврилюк, доктор исторических наук

Русяева А.С., Супруненко А.Б.

Р 20 ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ ЭЛЛИНО-СКИФСКОЙ ЭПОХИ (культурно-политические контакты и взаимовлияния): Монография. — Киев-Комсомольск: Археология, 2003. — 320 с.: ил. — (НАН Украины. Ин-т археологии. Центр охраны памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации. Комсомольский историко-краеведческий музей).

ISBN 966-02-2455-9

В монографии рассматривается политическая и культурная деятельность известных исторических личностей античных государств Северного Причерноморья, Скифского и Сарматского царств в аспекте их контактов и взаимодействий, начиная с VI в. до н.э. и кончая I в. н.э. Первым персонажем этой своеобразной галереи является знаменитый в античном мире мудрец — скиф Анахарсис, за которым следуют Леокс, сын Мольпагора, из Ольвии, эллинофил и скифский царь Скил, прославившиеся правители Боспора — Левкон I, Перисад I, Евмел, Гигиенонт, Аспург, храбрейший из скифских царей Атей, а также Скилур и сарматский царь Фарзой. Большое место отведено характеристике демократических деятелей — Евресибия, сына Сирика, Каллиника, сына Евксена, Протогена, сына Геросонта, Никерата, сына Папия, Абаба, сына Каллисфена из Ольвии, Агасикла, сына Ктесия, и известного в Причерноморье историка Сирика, сына Гераклида, жившего в Херсонесе Таврическом. Общеизвестно важное значение женщин в политической и религиозной деятельности античной эпохи, в частности боспорских цариц Камасарии и Динамии, херсонеситки Гикий. Анализируются контакты античных государств Северного Причерноморья с греческими городами и Римской империей, земледельцами и скотоводами Лесостепи, скифскими номадами, синдами, фракийцами и сарматами.

Для археологов, историков, государственных деятелей, современных политиков, студентов и всех, кто интересуется историей и культурой древнего населения Украины.

ББК 63.3 (0)3 + 63.4

ISBN 966-02-2455-9

© Институт археологии НАН Украины, 2003.
© Русяева А.С., Супруненко А.Б., 2003.
© ВЦ «Археология» ЦОИПА, 2003.

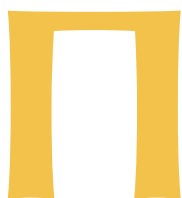
ВВЕДЕНИЕ

На обороте:

Деталь ситуты с изображением
головы Афины-Паллады.

Случайная находка у с. Песчаное
Золотоношского района Черкасской обл.
V-IV вв. до н. э. **Бронза.**

Проблема контактов и взаимовлияний эллинов и варваров в Северном Причерноморье остается одной из малоразработанных в нашей науке. В настоящей монографии рассмотрен лишь один из аспектов этой многогранной проблемы сквозь призму политической и культурной деятельности отдельных исторических личностей из античных государств, скифских и сарматских этнополитических объединений. Сведения об одних из них зафиксированы в греческой и римской литературе, о других — существуют упоминания только в эпиграфических и нумизматических источниках. О большинстве этих деятелей сохранились крайне отрывочные и малоинформативные данные. Тем не менее все они заслуживают внимания, так как оставили тот или иной след в истории древнего населения нашей страны. Рассматриваемые в работе личности жили не в закрытых обществах, поэтому их дела и действия нередко становились известными далеко за пределами Причерноморья.

На протяжении своей тысячелетней истории на краю северной античной ойкумены основавшие здесь города и поселения эллины еще в VII в. до н. э. проникли в Лесостепь, населенную близкими им по роду занятий земледельцами и скотоводами, длительное время соседствовали с кочевыми скифами, а затем сарматами. Если эллины занимали узкую полосу земли вдоль морского побережья Понта Евксинского, опасаясь селиться в отдалении от морских путей, то скифы, а позже и сарматы — занимали и контролировали огромные степные пространства.

Естественно, что в целях безопасного существования эллины северо-понтийских государств стремились с самого начала установить мирные взаимоотношения с окружающими их воинственными и сильными племенами-соседями. Тем не менее в течение всей многовековой античной истории эти отношения не были ровными и постоянными. Установление мира и дружбы или начало конфронтации во многом зависело от деятельности того или иного лидера, его способности рационально осмыслить выгоду мирного сосуществования со своими соседями, умения наладить тесные экономические и культурные контакты в интересах обеих сторон.

Судя по античным письменным и эпиграфическим источникам, тысячелетняя эпоха жизни этих народов оставила не так уж много имен выдающихся личностей. Создается впечатление, что лишь время от времени рождался человек, которому судьбой и обстоятельствами предназначалось оставить заметный след в истории. Естественно, что без изучения исторических судеб и характеристики деятельности таких выдающихся личностей немислимо изучение прошлого любого из государств.

Три совершенно различных и, тем не менее, главенствующих этноса, находившихся на присущих их образу жизни ступенях политического и культурного развития, в силу различных причин оказались на одной земле, получившей в античной литературной традиции общее название — Скифия. Соответственно Геродоту и другим античным авторам, это была обширная скифская область в географическом, но не политическом смысле этого слова. Ее границы простирались от Дуная до Дона, на севере — охватывали лесостепные регионы с обитавшими там местными племенами. На северопонтийской прибрежной полосе Скифии как историко-культурной или географической области находились античные государства. Для их граждан стало привычным считать, что они живут на скифской земле, сакральными владыками которой являются все же их главные герои — Геракл и Ахилл, а вместе с ними — олимпийские божества, и, прежде всего, — Аполлон.

Сложные и всесторонние связи между жителями греческих городов и скифами, — будь то кочевники или земледельцы, — а позже — сарматами, не могли не отразиться на жизни каждого известного лидера, независимо от его этнической принадлежности. Только выяснив основные черты и особенности исторической среды в тот или иной период, соответствующие ему взаимодействия между определенными этносами, можно в какой-то степени понять не только характер и направление деятельности каждого из лидеров, но и его мировоззрение, внутренний «культурный климат», психологию и отношение к собственной личности, а также — к своему народу, уровень политического и культурного развития, увидеть различия в нравах и обычаях земледельцев и кочевников.

Несмотря на всестороннее изучение истории, культуры, археологии всех этносов Северного Причерноморья эллино-скифской эпохи, специальной работы, посвященной исследованию их выдающихся или известных деятелей, не существует. Между тем эти личности представляют большой интерес не только сами по себе. Благодаря им можно глубже понять отдельные аспекты политической, социально-экономической и культурной жизни того народа, представителями которого они являлись, а также, что наиболее важно в ракурсе настоящей темы, — раскрыть характер культурно-политических контактов и взаимовлияний между более цивилизованными эллинами и воинственными кочевниками, стоявшими на совершенно иной ступени социально-политического и культурного развития.

Северопонтийские эллины постоянно помнили о своих этнических корнях, своем происхождении, до конца эпохи античности сохранив в чистоте язык, веру в отеческих богов и культурные традиции. Столь же преданными собственным обычаям и нравам, божествам и исконным традициям были и варвары, основная часть которых относилась к иранскому миру. Между теми и другими существовали огромные различия. «И все же на общем фоне истории Древнего мира, да и не только древнего, греческая цивилизация воспринимается как нечто и в самом деле необыкновенное, как некое чудо или, если перейти на язык строгой науки, как резкое отклонение от общих норм, как неповторимое, уникальное явление, нигде и никогда более не встречающееся в истории человечества. Все древневосточные цивилизации, при всем их многообразии, более или менее однотипны и в наиболее существенных своих чертах и особенностях так или иначе повторяют друг друга. Одна лишь греческая цивилизация ни на кого не похожа и никого не повторяет» (Андреев, 1998. — С.8).

Поскольку античные государства Северного Причерноморья являлись составной частью этой цивилизации, то точно так же, на фоне всех здешних народов, они были ни на кого не похожи. Эллины принесли сюда свои

открытия во многих сферах жизни, впервые на этой земле построили настоящие города с благоустроенными улицами, площадями, ордерными храмами, хорошо спланированными каменными жилыми домами, общественными сооружениями и т.п. По возможности они пытались распространить свои достижения и среди соседних племен, хотя практически достигли цели лишь в самом малом. Во многом способствовали проникновению этого влияния в среду соседей только понимающие значение цивилизованного образа жизни эллинов цари и вожди отдельных этнополитических объединений.

В науке не угасает интерес к историческим личностям и их роли в жизни людей. В этой связи любопытно проследить, в каких конкретно условиях начинал свою деятельность тот или иной лидер, каковы ее последствия в итоге, как она сказалась на исторической судьбе его народа. В особенности это касается государственных деятелей, одни из которых находились у власти длительное время, а другие, по той или иной причине, — совсем недолго, успев все-таки сделать гораздо больше многих долгожителей, имена которых навсегда канули в мрачную Лету.

Необходимо отметить, что в силу различных обстоятельств, в первую очередь, неравнозначности письменных источников, освещение роли отдельных личностей не может быть полным. В каждом конкретном случае нельзя избежать гипотез и предварительных интерпретаций, которые при появлении новых источников могут меняться.

Вследствие того, что в науке существует громадное количество концепций и индивидуальных точек зрения на те или иные исторические процессы как относительно скифов и сармат, так и античных государств Северного Причерноморья, мы намерены придерживаться собственных взглядов, сложившихся после широкого ознакомления с многочисленными материалами и научными трудами. В основу настоящей работы будут положены прежде всего разнообразные литературные, эпиграфические и нумизматические источники, требующие также в некоторых случаях переосмысления и понимания сквозь призму характера и деятельности той или иной исторической личности и окружающего её мира.

Кроме того, следует также отметить, что только роль и политические судьбы отдельных греческих и скифских деятелей в определенной мере подвергались целенаправленному, хотя и не всестороннему, изучению. Это, прежде всего, знаменитый мудрец скиф Анахарсис, скифские цари Скил и Атей, ольвийские деятели Леокс и Протоген, боспорская царица Динамия и, в значительно меньшей степени, другие правители. В научной литературе имеется также немало работ, в которых кратко отмечена роль боспорских царей, ольвийских или херсонесских магистратов, скифских и сарматских вождей. По возможности, опубликованные данные о них, которые нам удалось прочитать, учтены в соответствующих разделах.

В настоящей монографии впервые поставлена задача на материалах отдельных «биографий» или исторических портретов рассмотреть основные черты и особенности взаимодействия северопонтийского греческого общества со скифами-земледельцами Лесостепи, кочевыми скифами и сарматами во второй половине VII в. до н. э. — I в. н. э. Древнейшим персонажем этой своеобразной галереи является знаменитый в античном мире скиф Анахарсис, за которым идут значительно менее известные личности, с характерными для каждого из них политическими и религиозными взглядами, вплоть до времени правления царицы Динамии — внушки Митридата Евпатора, а также царя Аспурга на Боспоре и сарматского царя Фарзоя в Северо-Западном Причерноморье. Все они в течение своей жизни так или иначе были связаны с античным миром и проводили активную

политику, направленную на установление политических, экономических и культурных контактов.

Настоящая работа выполнялась в течение 1994-1998 гг. Перед ее изданием были сделаны лишь отдельные, совсем небольшие дополнения. В нынешнем неустойчивом и постоянно меняющемся мире невозможно ознакомиться со всеми новыми публикациями, в которых, вполне вероятно, затрагивались и проблемы, связанные с интересующими нас историческими личностями. И они, в силу всем понятных причин, остались нам неизвестными.

Само собой разумеется, что рассмотрение многих вопросов в данной монографии было бы невозможно без множества научных трудов современных ученых, интерпретации ими исследованных археологических памятников, литературных, эпиграфических и нумизматических источников, высказанных исследователями интересных идей и гипотез, которые нами то безоговорочно воспринимаются, то подвергаются сомнению. Однако, это не значит, что только мы во всем правы. Хорошо известно, как на протяжении двух последних веков при исследовании тех или иных вопросов менялись точки зрения ученых после открытия того или иного памятника — археологического, эпиграфического или нумизматического. Кроме того, у каждого исследователя существует собственный подход к решению научных проблем, собственное понимание как исторических процессов, так и отдельных источников.

В огромном ряду современных исследователей мы выделили двух ученых, которые совсем недавно ушли от нас. Своими трудами они как бы олицетворяют рассматриваемые нами два главных мира — эллинский и скифский — в их неразрывном постоянном взаимодействии. Это выдающийся украинский скифолог *Борис Николаевич Мозолевский*, открывший непревзойденные шедевры ювелирного искусства, специально изготовленные эллинскими мастерами для скифских вождей, и выдающийся русский антиковед эпиграфист *Юрий Германович Виноградов*, посвятивший всю свою жизнь изучению античных памятников Северного Причерноморья. Научные и археологические достижения этих ученых давно перешагнули границы их родины, став широко известными во всем мире. Их светлой памяти авторы посвящают и настоящую монографию.

И, конечно же, мы искренне признательны всем коллегам, которые так или иначе содействовали созданию этой работы, графические иллюстрации для которой выполнены М.В.Русяевой; авторам оригинал-макета монографии — зав. сектором Полтавского областного Центра археологии А.В.Титкову, художнику издания Т.В.Менчинской, техническому редактору С.В.Хореву; составителям именного и географического указателей С.В.Хореву, А.И.Удовиченко и С.А.Баштовенко.

**ДРЕВНЕЙШИЕ
ЭЛИНО-СКИФСКИЕ
КОНТАКТЫ**

Анахарсис	16
Леокс, сын Мольпагора	40
Скил	50

На обороте:

Фрагмент канфара.

Вазописец Эпиктет, гончар Никосфен.
Остров Змеиный (Левки), святилище Ахилла Понтарха.
Конец VI в. до н. э.

Керамика, черный лак.

На обширной территории современной Украины в VII — первой половине V вв. до н. э. произошли грандиозные этно-демографические изменения, вызванные очередным переселением народов. Почти одновременно большое географическое пространство юга Восточной Европы, в силу различных причин оказавшееся в канун этого не заселенным местными земледельческо-скотоводческими племенами, за исключением Лесостепи, привлекло внимание, с одной стороны, эллинов из Малой Азии, а с другой, — скифских кочевников с Востока. Во многих отношениях это были совершенно разные народы.

Если со времени колонизации в Северном Причерноморье стали возникать греческие города-государства (полисы), в которых с самого начала первенствующую роль играла гражданская община, то номады не только не имели своего постоянного территориально-целостного, с четкими границами государства из-за присущего им образа жизни, но и совершали грабительские походы и набеги как в Переднюю Азию, так и в Лесостепь.

Полноправные граждане северопонтийских полисов в VI в. до н. э., согласно традиции, уже имели собственные участки земли и доходы, участвовали в управлении государством и во всех религиозных мероприятиях, исполняли общественно-политические и военные функции, становясь в случае опасности ополченцами-защитниками городов-государств.

Как и в других регионах Эллады, тут выше всего ставилась полисная солидарность, интересы гражданского коллектива были выше личных. В общем итоге эти главные черты политической организации эллинов в Северном Причерноморье способствовали их окончательному закреплению на занятых землях, консолидации не только в отдельно взятом полисе, но и созданию отдельных религиозных амфикистий, способствовавших сближению милетских колоний и популярности культа их главного покровителя и защитника — Аполлона Иетра — как в Северо-Западном, так и в Северо-Восточном Причерноморье.

Основанный около середины VII в. до н. э. Борисфен, как первый опорный пункт ионийцев на Северном Понте, стал примером для создания других ионийских полисов, возникавших здесь периодически в разных местах в течение VI в. до н. э. За этот относительно короткий промежуток времени были основаны главные полисы на северном побережье Черного моря — Никоний и Тира в Нижнем Поднестровье, Ольвия в Нижнем Побужье, Керкинитида и ранний Херсонес (Мегарика) в Западной Таврике, Пантикапей, Нимфей, Феодосия, Фанагория и другие апойкии на Боспоре Киммерийском.

По существу все они еще в метрополии конституировались как самостоятельные полисы, имевшие в заселенных местностях все необходимое для экономического самообеспечения и поставившие в основу своего хозяйства земледелие, скотоводство и торговлю. «В гражданской общине существовала своя система ценностей. Сам полис сограждан был высшей ценностью. Противопоставление личности обществу, индивида коллективу не могло иметь места, ибо только благо и процветание целого обеспечивало благо и процветание каждого. Земледелие рассматривалось как наиболее достойное гражданина занятие, иные занятия осуждались, осуждалось и стремление к богатству выше уровня, необходимого для нормального существования членов ойкоса. Гражданская община стремилась регулировать благосостояние, не допуская чрезмерного расслоения, угрожающего однородности гражданского коллектива. В системе ценностей, созданных гражданским коллективом, важное место занимала традиционность, стремление сохранить все отношения в неизменном состоянии» (Кошеленко, 1983. — С.31). Безусловно, постоянное сохранение таких полисных норм и традиций практически было невозможно в силу самых разнообразных обстоятельств и изменчивости судеб не только одного человека, но и страны.

Только предположительно можно считать, что северопонтийские полисы в VI — первой четверти V в. до н.э. следовали основной системе полисных традиций своей метрополии. В сознании эллинов этого времени вырабатывалась идея мирного сосуществования со всеми этносами Скифии. Эта идея, нашедшая наиболее яркое воплощение в почитании божеств с сотерическими свойствами и в пропаганде мирной стрелковой функции их верховного покровителя и спасителя Аполлона Иистра (Врача), а также его символического миссионера — Абариса, была закреплена в мифах. Кроме того, она пропагандировалась посредством заключения сакральных браков в этногонических легендах о происхождении разных народов от Зевса и местной нимфы реки Борисфен, знаменитого героя Геракла и местной Ехидны.

В период греческой колонизации северопонтийской прибрежной зоны скифские номады обитали главным образом на Северном Кавказе (см.: Мурзин, 1984; 1990; Мелюкова, 1988). Здесь находилась царская ставка и сосредотачивалась воинская аристократия, сооружались ее курганные некрополи, отсюда осуществлялись походы в Переднюю Азию и к лесостепным племенам. С постепенным демографическим увеличением и экономическим укреплением греческих полисов, а заодно и лесостепных городищ, кочевники начали более интенсивно осваивать Степь и контролировать торговые пути эллинов к земледельческим племенам, совершая периодические набеги на их земли.

Образование в V в. до н.э. Скифского царства в степном Поднепровье (Причерноморской Скифии) положило начало новому пути развития скифо-эллинических контактов. Относительно политического характера этого царства существуют разные точки зрения: последняя ступень военной демократии или примитивное государственное образование (Мелюкова, 1988. — С.25). «Естественно, эти раннеполитические образования были весьма далеки от государства развитого типа как органа диктатуры экономически господствующего класса, и своей незавершенностью, рыхлостью соответствовали уровню развития скифского кочевого общества. Двойственная природа этого общества обуславливала обратимость развития скифской государственности в периоды спада внешнеэксплуататорской деятельности» (Мурзин, 1989. — С.41).

Основной причиной организации кочевой орды с плацдармом в Поднепровье следует считать перемещение интересов с Передней Азии на гре-

ческие города Понта и лесостепные городища. Занятый кочевниками степной коридор от Дона до Дуная позволял вести различные типы эксплуатации двух земледельческих народов на протяжении многих десятилетий.

Однако, по мнению отдельных исследователей, в рассматриваемом регионе сложилась несколько иная ситуация. Ранее пришедшие сюда скифы были вытеснены во второй четверти — середине V в. до н.э. новыми кочевыми ордами в Нижнее Подунавье (Добруджу), где было создано небольшое скифское царство (своего рода «Малая Скифия»), которую Геродот именовал «архаической» (Виноградов, Марченко, 1991. — С. 150; Алексеев, 1992. — С. 103-113; Марченко, 1993. — С. 43-47; Андрух, 1995). Именно эти скифы, которыми управляли цари Ариапиф — Скил — Октамасад, установили наиболее тесные отношения с эллинами Северо-Западного Причерноморья (Истрия, Никоний, Ольвия) в виде экономического протектората (Виноградов, 1989. — С. 93-109; Марченко, 1993. — С. 43-47).

Созданный греками и скифами оборонительный союз против «новых номадов» способствовал сохранению греческих городов; во время его существования «был достигнут наивысший уровень культурных взаимодействий ионийцев и скифов, выразившийся, в частности, в появлении в среде местных жителей первых вполне эллинизированных представителей туземной элиты, выпуске отдельными греческими городами серий монет, удостоверяющих сюзеренитет скифских властителей, и, главное, в создании целостной системы вполне упорядоченного контроля варваров над экономической сферой жизнедеятельности колоний» (Марченко, 1993. — С. 46-47).

Отсюда ясно, что при существовании двух диаметрально противоположных концепций относительно скифских номадов, пристального внимания заслуживают источники, касающиеся отдельных исторических личностей этого времени, которые, следует думать, дадут возможность поддержать или подкрепить ту или иную точку зрения.

Таким образом, в VII - V вв. до н.э. на территории Скифии или Скифской земли, как чаще всего именовал ее Геродот и другие греческие авторы, начали контактировать три самых сильных этноса — эллины, скифы-номады и скифы-земледельцы, несмотря на то, что были совершенно отличны друг от друга по образу жизни, а также политическому и культурному развитию. Скорее всего, в этот период здесь сложились благоприятные экологические условия. Промежуточное положение скифских кочевников, — будь они пришлыми с Северного Кавказа или новой ордой из-за Волги, — между Лесостепью и античными государствами во многом стимулировало их экономическое развитие и подъем, но оказывало, бесспорно, негативное воздействие на последних, особенно на пограничные зоны.

В данном плане эллины, привязанные к морскому побережью, являясь первоклассными мореплавателями, оказались в более выгодном положении, чем лесостепные племена. Для жителей античных городов связи с Элладой и родственными понтийскими государствами были намного важнее и продуктивнее, чем с варварами, и помешать им в этом скифы не могли, поскольку не имели своего флота. Но жесткий контроль над торговыми путями эллинов в Лесостепь приводил нередко к уменьшению и даже периодическому прекращению каких-либо контактов с отдаленными оседлыми аборигенами Лесостепи.

Следует помнить, что самые дальние путешествия эллинов в глубинные северные районы относятся еще к первой половине - середине VII в. до н.э. — тому времени, когда скифское этнополитическое объединение располагалось на Северном Кавказе, и до вторжения «новых номадов», скорее всего, так называемых царских скифов, оставалось довольно много времени. Географические «открытия» эллинов почти полностью прекрати-

лись с установлением господства кочевников в Степи. Даже самым грекам в позднеклассическое и эллинистическое время рассказы о таковых представлялись сказочными или малореальными, как, например, «Аримаспейя» Аристейя Проконнесского.

По-разному складывались исторические судьбы северопонтийских государств. Каждое из них, в силу своей социально-политической и экономической специфики, развивало собственные связи с варварским миром, которые накладывали отпечаток не только на жизнь всего населения, но и на отдельных известных нам деятелей.

В Северном Причерноморье Нижнее Побужье, прежде всего, выделилось как регион древнейших связей с иноэтническими объединениями. В VII-VI вв. до н.э. первопоселенцы Борисфена, а затем Ольвии и их потомки беспрепятственно проложили пути к близким по образу жизни и ведению хозяйства лесостепным племенам (см. подробнее: Русяева, 1999). Со времени проникновения нижебугских эллинов в Лесостепь начинается постепенный, но ярко выраженный расцвет здешних городищ и небывалый подъем во всех сферах жизни. На этом историческом фоне вырисовываются всего лишь три наиболее известные личности: Анахарсис, Леокс, сын Мольпагора, и Скил.

Анахарсис

Ни разрушительные войны и гибель античной цивилизации, ни исчезновение многих этносов и городов, ни темные века в истории Европы не смогли предать забвению имя мудрого скифа Анахарсиса. Его личность серьезно интересовала как древних, так и современных историков и философов. В последние десятилетия прошлого столетия появились специальные научные труды, в том числе и монографии, посвященные в основном творчеству Анахарсиса и выяснению вопросов его царской родословной. Хотя в общем их не так-то много, тем не менее сейчас четко наметилась тенденция полярного и даже, в какой-то степени, негативного отношения к его историчности. Если никто из античных авторов и следующие их надежной достоверной информации в основном русские, украинские и некоторые западноевропейские ученые (М.И.Ростовцев, В.Ф.Смолин, И.В.Куклина, Т.М.Кузнецова, Ю.Г.Виноградов, М.В.Скржинская, В.Ю.Мурзин, Ю.В.Павленко, Г.Роулинсон и другие) не сомневаются в реальном существовании Анахарсиса, то отдельные исследователи, в частности А.Хансен, А.Гутшмит, В.Али и примкнувшие к ним полагают, что он является вымыслом Геродота и Эфора, как историков, идеализирующих скифских кочевников.

В этом плане особенно обращает на себя внимание не так давно изданная небольшая книга шведского ученого Яна Фредерика Киндстранда (*Kindstrand, 1981*). В ней рассмотрены 50 изречений, приписываемых Анахарсису разными — в общем почти семьюдесятью — древними авторами, что, безусловно, имеет большое научное значение. Однако, путем их абстрактно-субъективного анализа с привлечением специально подобранной литературы, Я.Ф.Киндstrand целенаправленно выводит концепцию, которая не может не вызвать недоумения у серьезных исследователей истории и археологии Северного Причерноморья, работ которых он не учитывает.

Считая, вслед за отдельными учеными, что Аристей Проконнеский в поэме «Аримаспейя» отразил жизнь шаманов северных народов на территории России, он приписывает шаманизм и Анахарсису, приравнивая его к легендарному Абарису. Поскольку к шаманам близки энареи в рассказе

Геродота (IV, 68, 69), то, согласно Я.Ф. Киндstrandу, выдуманное путешествие скифа в Элладу — это отличительная черта в изображении греками первых с посланцами Аполлона Гиперборейского в далекие северные края. По сути, им возрождена гипотеза К.Мейли (*Meuli, 1935*) о том, что скифские энареи являлись профессиональными шаманами, которую он решил подтвердить на примере Анахарсиса.

Правда, близкие к этому взгляды значительно раньше высказывал Л.А.Ельницкий (1948. — С. 116, 117), полагая, что Анахарсис был тесно связан со скифским жречеством, в первую очередь с энареями, которых наказывали за святотатство. По его мнению, над ним был произведен культовый акт убийства жреца подобно тому, как скифские цари казнили уличенных во лжи гадателей.

Сам Я.Ф.Киндstrand в результате своих рассуждений, видимо, не совсем четко представляет себе, кем же на самом деле был этот во всех отношениях загадочный Анахарсис: шаманом, легендарным героем греческого мифотворчества или реальным человеком — выходцем из какой-то северной страны, действительно прибывшим в Элладу в архаическое время. С его точки зрения, имя Анахарсис было специально придумано какому-то легендарному шаману самими эллинами. Впоследствии под этим именем он стал ассоциироваться с мудрыми людьми, по-видимому, очень рано был причислен к группе семи мудрецов, став, таким образом, героем многих легенд.

В имени Анахарсис, бесспорно, прослеживаются элементы греческого языка, оно явно, хотя и в незначительной степени, могло быть видоизменено в скифо-эллинской среде соответственно его происхождению. Но это отнюдь не доказательство того, что сами греки специально придумали такое имя в угоду непонятно кому и ради чего, тем более — вдали от его родины. Причина его смерти действительно, скорее всего, представлена самим Геродотом по образцу смерти Скила, но и тогда это не значит, что он вовсе не существовал. Наоборот, все, что сказано о нем Геродотом, свидетельствует о том, что историк именно в Элладе более всего был наслышан о мудром Анахарсисе и только после этого попытался узнать те факты, которые не были известны в более ранних источниках, в особенности его родословную и причину смерти (ср., например: *Armstrong, Mac, 1948. — P.19, 20; Куклина, 1971. — С. 113 сл.; Kindstrand, 1981 — P.9-87; Скржинская, 1991. — С. 60 сл.*)

Я.Ф.Киндstrand, безусловно, прав, что скифо-кочевнические черты в описании Анахарсиса античными авторами очень общие и суммарные, не обладают какой-либо хотя бы минимальной конкретностью или точностью. Но из этого тоже нельзя заключать, что он или не существовал вообще, или ассоциировался с каким-то неизвестным выходцем из далекой северной страны типа пророка Абариса, или же просто принадлежал к шаманам. Очевидно, что такое незнание древними авторами конкретного этнического происхождения и послужило Геродоту стимулом считать его скифом-номадом. Тем не менее, ни в одном рассказе или упоминании о нем в античной литературной традиции не сообщается о том, что в Элладе он воспринимался как мифический персонаж.

В противовес концепции Я.Киндstrandа в русской и украинской литературе появились совершенно иные взгляды на личность Анахарсиса. Как и в случае создания образа легендарного шамана под этим именем, последняя концепция о нем как царевиче Великой Скифии, дипломате и даже разведчике была разработана тоже не одновременно и спонтанно, а постепенно (ср.: *Смолин, 1915; Ростовцев, 1925; Куклина, 1971; Виноградов, 1980; Скржинская, 1982; 1991; Кузнецова, 1984; Павленко, 1994*). Считается, что Анахарсис только около середины или в 50-40 гг. VI в. до н.э. посетил лидийского царя Креза, куда он был послан скифским царем с особой

целью. Поскольку скифы замыслили новый азиатский поход и были заинтересованы в ослаблении Персии, то «истинная цель путешествия Анахарсиса состояла в разведке настроений греков, лидийцев, а также в дипломатических переговорах» (*Скржинская, 1991. — С. 65*).

Разведывательно-дипломатическая деятельность Анахарсиса дальше была развита Ю.В.Павленко. Так как Лидия времени царствования Креза являлась самым могущественным государством, то Великая Скифия стремилась наладить с ней политические отношения. В середине VI в. до н.э. скифские лидеры «могли осознавать возможность в будущем большой войны с Персидско-Мидийской державой, которая и началась через 30-40 лет. Это тоже понимали цари Лидии, Египта, Вавилона, правители Самоса и Спарты. В таком контексте поездку Анахарсиса можно рассматривать как важную дипломатическую миссию, целью которой являлось не только признание Великой Скифии в ее новых границах и как хозяина Северного Причерноморья, но и заключения союза со странами Эгеиды, возможно, даже всего Ближнего Востока, против государства Кира» (*Павленко, 1994. — С. 168-170*).

Таким образом, методом исключения разнообразных сведений об Анахарсисе в античной литературной традиции, в угоду создания новых концепций, была сдвинута не только хронология его жизни, придумана глобальная даже для нашего времени дипломатическая и разведывательная деятельность скифского царевича, одного из претендентов на царскую власть в так называемой Великой Скифии, которой на самом деле в это время еще вовсе не существовало (*см.: Мурзин, 1989; Давня історія України, 1998. — Т.2. — С. 40-72*).

Совершенно в ином аспекте представляет себе Анахарсиса А.И.Козаев (1982). Не сомневаясь в том, что скифы, давшие миру Анахарсиса, были предками современных осетин, он связывает его с их культурой и мировоззрением, героизмом осетин в борьбе за социальную свободу в досоветский период, приписывает ему множество самых разных сентенций, в том числе и таких, которые ни в одном из сочинений древних авторов не упоминаются.

Столь разноречивое и неадекватное понимание личности Анахарсиса, требующее, в свою очередь, специального историографического и критического анализа, что не входит в задачу настоящей работы (*см.: Русяева, 2001*), заставляет тем не менее подойти к его изучению с совершенно иных позиций. Новейшие исторические легенды о нем, — а по-другому трудно определить отдельные точки зрения современных исследователей, — находятся в противоречии со всеми сведениями античных авторов, с археологическими источниками о кочевых скифах в последней четверти VII — середине VI в. до н.э., со временем жизни Анахарсиса, его происхождением и главными занятиями в Элладе, благодаря которым (и только им!) он стал тем, кем был на самом деле и каковым его знали древние греки.

Его личность нередко рассматривалась вне связи с историей и культурой древнего населения на территории Украины, без научного выяснения времени его жизни во взаимосвязи с эпохой мудрецов Эллады, а также того конкретного этноса на территории Скифии, где мог родиться будущий мудрец. Зачастую игнорируются и вопросы эллино-скифских брачных союзов, хотя в античной литературной традиции сохранились достоверные сведения о том, что его матерью была эллинка.

Анахарсис — один из немногих древнейших мудрецов Эллады, продолжительность жизни которого не отмечена в письменных источниках. Это дает повод современным исследователям свободно оперировать временем его путешествия по греческим городам и возвращения в Скифию, отвергая одни сведения как недостоверные и придуманные древними авторами, но почему-то принимая на веру другие. В связи с этим причина его

Анахарсис.
Античная гемма.

пребывания в Элладе переосмысливается, а время жизни иногда измеряется всего лишь термином «около середины VI в. до н.э.» Естественно, что в таком случае вообще не ясно, сколько же жил Анахарсис и что стало причиной того, что он стяжал себе славу мудрейшего скифа на той земле, которая вообще славилась множеством своих мудрецов.

Древнейшие упоминания о нем оставили, по всей вероятности, его современники — мудрецы первой половины VI в. до н.э. — Ферекид Сиросский (*Levy, 1984. — P.5-14*) и Хилон Лакедемонский. Из сочинений этих авторов мог почерпнуть первые сведения об Анахарсисе и Геродот. Правда, существуют разные точки зрения относительно первого из них, вследствие того, что существовало три Ферекида: Сиросский, Афинский и Леросский (*см. лит.: Иванчик, 1999. — С. 19-21*). Выяснить это достоверно из сочинения Константина Александрийского, записавшего сведения об Анахарсисе со ссылкой на Ферекида, вряд ли когда-либо удастся.

Доказательством того, что Ферекид Сиросский не упоминал его, не может служить анекдот о символических дарах, присланных скифским царем Идантисом Дарию (*Herod. IV, 131-132*). В данном аспекте нельзя не отметить, что новелла Геродота об Идантисе заслуживает объективного исследования, особенно в свете всего рассказа историка о феноменальном походе Дария в Скифию в сравнении со сведениями других авторов, отметивших, что царь Персии не продвинулся дальше Гетской пустыни (совр. Бужакская степь) (*Strabo. VII,3, 14; Ktes. Knid. 29,17*).

Геродот в рассказе о символических дарах называет другие имена, не те, которые имеются в сочинении Климента Александрийского, со ссылкой на Ферекида, — будь-то Сиросский или Афинский, — бесспорно, предшественника историка. Здесь скифский царь — Идантюр, а разгадкой смысла даров занимаются не сам Дарий и Гобрий, а некие Оронтопад и Ксифодр (*ср.: Herod. IV, 131-132; Clem. Alex. Strom. V, 8, 44*). Кроме этого, не совпадает и количество даров, а соответственно этому и заключенная в них символика, что явно свидетельствует о переработке Геродотом этого рассказа, а не прямом заимствовании им первоисточника. В таком случае не ясно, как на самом деле звали скифского царя: Идантюр или Идантис.

Как бы то ни было, но сравнительно подробные свидетельства об Анахарсисе представлены в трудах Геродота, Диодора Сицилийского и Диогена Лаэртского. Хотя сочинение последнего иногда по тому или иному случаю подвергается критике, в нем, тем не менее, содержится множество подроб-

ностей, в том числе и хронологических данных, без которых не обходится сейчас ни один исследователь античной культуры (Лосев, 1979. — С. 58).

Прежде всего обращает внимание, что во многих письменных источниках зафиксирован факт знакомства Анахарсиса с Солоном в Афинах, что в общем вряд ли можно считать неправдоподобным. Исходя из разных соображений относительно его скифо-эллинского происхождения, приведенных в античной литературной традиции дат и возможности встречи уроженцев Афин и Скифии, можно считать, что Анахарсис находился в Афинах приблизительно в пределах 594–584 гг. (ср.: *Schol. Plat. Resp. X, 600A; Diog. Laert. I, 8, 101–102; Plut. Sol. 5; Ammon. De diff., p.15; Heinze, 1891; Смолин, 1915; Ростовцев, 1925. — С. 86; Куклина, 1971. — С. 113–115; Виноградов, 1980; Кузнецова, 1984; Нахов, 1984; Armstrong, Mac, 1948. — P.18–20; Vinogradov, 1997. — S.626; Русяева, 1998 а).*

Если он прибыл в Элладу в молодом возрасте, то имеются основания предполагать, что родился Анахарсис приблизительно в 620–610 гг. до н.э. или несколько раньше. Неизвестно, какими источниками пользовался для определения абсолютных дат жизни Анахарсиса (638–559 гг.) П.С.Таранов (1997. — С. 5). Столь же произвольными представляются абсолютные даты (614–556 гг. до н.э.) жизни Анахарсиса в недавно изданной книге «Семь мудрецов древности» (2001).

У древних авторов сохранилась еще одна дата, имеющая отношение к Анахарсису. Диодор Сицилийский (IX, 26, 2) и Диоген Лаэртский (I, 8, 105), безусловно, использовав какие-то более ранние, не дошедшие до нашего времени сочинения, отметили, что этот скиф посетил правителя Лидии Креза, царствовавшего в 560–546 гг. до н.э. Геродоту также было известно, что «в богатые и могущественные Сарды стали стекаться все жившие тогда в Элладе мудрецы (каждый из них — по самым различным побуждениям)» (I, 29). Однако историк рассказал только о встрече Креза с Солоном (I, 29–33).

В свою очередь Диодор Сицилийский отмечал, что в одно время к Крезу прибыли «скиф Анахарсис, Биант, Солон и Питтак, которых он на пирах и в собраниях отмечал величайшими почестями, показывая им свои богатства и могущество его власти» (IX, 26, 2). Из них лишь Питтак, если следовать хронологии жизни древнейших мудрецов, вряд ли посетил Креза в период его царствования. Остальные же, несмотря на известный сдвиг в хронологии исторических событий, связанных с государствами Малой Азии в «Истории» Геродота, в начальный период царствования Креза были живы, в том числе и Солон, точное время рождения и смерти которого устанавливается по-разному. В соответствии с тем, что он умер в восьмидесятилетнем (или несколько старше) возрасте уже после того, как его родственник Писистрат в 560 г. стал в Афинах тираном, этот энергичный деятель, бывший мореплаватель и поэт вполне мог посетить Сарды.

При этом обращает внимание явное хронологическое и логическое несоответствие в свидетельствах Геродота и Диогена Лаэртского относительно времени десятилетнего путешествия Солона. Геродот писал, что Солон отправился путешествовать сразу после установления своих законов — то есть, приблизительно в 593/592 г. до н.э. (I, 29), что абсолютно не соответствовало датам правления Амасиса в Египте и Креза в Сардах, где якобы он в то время побывал (см.: Струве, 1968. — С. 41). В свою очередь, Диоген Лаэртский, с указанием на биографа эллинистического времени Сосикрата, считал, что путешествие Солона в Египет, на Кипр, в Сарды, Киликию, потом снова на Кипр, где он умер, происходило в последние годы его жизни после изгнания из Афин из-за политической борьбы с Писистратом (I, 2, 49–50), что в общем больше соответствует реальному

положению дел в этом полисе в первой половине VI в. до н.э., характеру политической деятельности Солона, его отношению к согражданам и последним устремлениям неутомимого поэта и мудреца, жаждущего и в старости новых знаний и морских путешествий (*Боннар, 1992. — С. 146*).

Почти все известные мудрецы, согласно хронологии Гермиппа, Сосикрата и Диогена Лаэртского, жили долго и умирали в глубокой старости, что, наряду с их многознанием и образованностью, также благоприятствовало созданию канона «Семи мудрецов». Так что Солон вполне мог посетить славящегося несметными богатствами лидийского царя незадолго до своей смерти. Точно так же, долго прожив в Элладе, умудренный знаниями и опытом, став известным среди многих других образованных греков своего времени, узнав о богатствах Креза и что в его столицу прибывают «разные мудрецы из Эллады, каждый по своему побуждению» (*Herod. I, 29*), Анахарсис также решил познакомиться с необыкновенным царем, благосклонно принимавшим мудрых старцев.

Таким образом, известны две относительные даты, когда Анахарсис прибыл в Афины (594/593 — 585/584 гг.) и когда он посетил Креза в Сардах (560-546 гг. до н.э.). По сведениям Геродота, он был убит своим братом Савлием, отцом Идантиса, которого историк прославил как победителя Дария (*IV, 76, 77*). «По прошествии времени Анахарсис воротился в Скифию, — добавляет и Диоген Лаэртский, — но там по великой его любви ко всему греческому он был заподозрен в намерении отступить от отеческих обычаев и погиб на охоте от стрелы своего брата...» (*I, 8, 102*). Исходя из данных Диодора Сицилийского о его встрече с Крезом, почти все исследователи склонны относить возвращение мудрого скифа приблизительно к 550-540 гг., в редких случаях к 530 г. до н.э. (*ср.: Смолин, 1915; Скржинская, 1982. — С. 95; Виноградов, 1980. — С. 107, прим.100; Павленко, 1994. — С. 167-169*).

Только длительное пребывание в разных местностях Эллады, путешествие с целью чему-нибудь научиться и как можно больше узнать, проявление неординарного мышления, нашедшее выражение в его стихах и сентенциях, наконец, возраст как психологический и нравственный критерий мудрости и мудрой старости в глазах всех знавших его образованных эллинов, обеспечили ему славу мудреца, которая не угасла и после его смерти.

Для суждения о продолжительности жизни Анахарсиса имеет значение и то, что он находился в Элладе в «эпоху мудрецов» — первых греческих софистов, положивших начало зарождению теоретических знаний и философии. Уникальное проявление умственных способностей, умение мыслить и выражать мысли в форме коротких сентенций не столько ради собственного удовольствия, сколько для того, чтобы дать пищу для рассуждений другим, донести их суть до каждого слушателя, стремление к политическим преобразованиям в собственном государстве ради блага всего населения, большой жизненный опыт, долголетие, бодрость духа и работоспособность в старости имели важное значение при зачислении той или иной личности в группу мудрецов. Вообще, в представлении многих народов мудрость сочеталась со старостью.

Поэтому вряд ли Анахарсис возвратился из Эллады в относительно молодом возрасте. Традиция относить к древнейшим мудрецам, каковым, несомненно, являлся и Анахарсис, долгожителей — в среднем от семидесяти до девяноста лет (*Diog. Laert. I, 1-7, 9-10*), позволяет считать таковым и этого мудрого скифа, хорошо известного эллинам в пожилом возрасте. Весть о его смерти на родине дошла к ним не сразу и не была точно зафиксирована никем из его современников. Вследствие такого незнания Анахарсис — единственный из мудрецов, чей возраст не отмечен в письменных источниках.

Установление хотя бы относительной хронологии жизни Анахарсиса играет главную роль для понимания его происхождения и причин путешествия в Элладу. По данным Геродота, он с отцовской стороны являлся дядей Идантиса, царя скифов, «сыном же Гнура, сына Лика, сына Спаргапифа» (IV, 76). После этого историк добавил, что «если Анахарсис был действительно из этого рода, то да будет известно, что он умер от руки брата: ведь Идантис был сыном Савлия, а Савлий — это и был тот, кто убил Анахарсиса». Исходя из этого видно, что Геродот не был уверен в том, что Анахарсис на самом деле принадлежал именно к этому роду.

В противоречии как раз с такой родословной Анахарсиса, то есть причислением его к царскому роду Идантиса, находится и хронология жизни этого скифа, превалирующее в античной литературной традиции отнесение его к роду некоего Гнура, сына Лика, без упоминаний о том, что они являлись царями. Ни во время рождения Анахарсиса, ни в период его отбытия в Элладу и, по всей вероятности, даже в год возвращения в Нижнее Побужье, а тем более в окрестностях Ольвийского полиса не засвидетельствовано каких-либо следов кочевания скифских племен, из которых якобы происходил Анахарсис (ср.: *Скржинская, 1982. — С. 94*).

Вообще, как отмечалось выше, тесные контакты с кочевыми скифами эллины Борисфена и Ольвии установили только после образования Северопричерноморской Скифии с центром в Среднем Поднепровье в конце VI - первой половине V вв. до н.э. (*Давня історія України, 1998. — С. 40-43*). Однако эти скифы никакого отношения к Анахарсису не имели. В свою очередь, основание Ольвии в конце первой или начале второй четверти VI в. до н.э. снимает и все рассуждения о том, что именно отсюда он отправился на корабле в Элладу, что здесь обучился греческому языку и завязал знакомства с эллинами метрополии.

Единственным центром в Северном Причерноморье, откуда Анахарсис действительно мог отплыть в Элладу, был Борисфен. Во второй половине VII — первой половине VI вв. до н.э. жители Борисфена поддерживали торговые и культурные связи только со скифами-земледельцами Лесостепи. Более того, по некоторым археологическим источникам прослеживается, что эллины начали проникать в лесостепную Скифию еще во второй четверти VII в., пытаясь не только наладить отношения с местными племенами, но и закрепиться там на какое-то время (см. *подроб.: Русяева, 1999 — с лит.*). Как раз здесь в VII — первой половине VI в. еще не наблюдаются какие-то особые политические объединения, во главе которых могли бы находиться цари.

Геродот вовсе не был уверен в том, что Анахарсис имел царское происхождение. Тем не менее, на основании его сведений, разработана царская родословная, в которую включен и он, как личность, стремившаяся во что бы то ни стало править в Скифии после своего возвращения из Эллады (ср.: *Смолин, 1915. — С. 390-394; Виноградов, 1980. — С. 103 сл.; Скржинская, 1982. — С. 97-98; Кузнецова, 1984*). Однако, данные реконструкции генеалогии скифских царей в настоящее время не согласуются с новейшими исследованиями о разных скифских этнополитических объединениях на Северном Кавказе и в Подунавье. Тем более хронологически далек от них Анахарсис.

Геродот считал, что главной причиной того, почему никто из скифских номадов его не знал, является измена Анахарсиса отчим обычаям. Они якобы сознательно забыли нарушившего их законы. Правда, этого историка нельзя упрекнуть и в том, что он уверенно причислял его к роду Идантиса и Савлия или был уверен в его царском происхождении, хотя ему очень хотелось, чтобы этот мудрый скиф находился в родстве с его люби-

мым скифским царем Идантирсом, так хитро отомстившем персам — злейшим и ненавистным врагам всех эллинов, и, в первую очередь, самого Геродота. Лишь в главном, касающемся прямой родословной, историк не отступил от точных сведений: Анахарсис — сын Гнура, сына Лика. Ни тот, ни другой не имели царского титула.

В последующее время ни один из древних авторов не воспользовался предположительными данными Геродота относительно его родства с Идантирсом. Во всех случаях, согласно с общепринятой эллинской традицией, ставить патронимик, Анахарсис всегда именовался просто сыном Гнура. Очевидно, лишь благодаря этой традиции сохранилось имя его отца. Если бы этот Гнур на самом деле был царь, что в мировоззрении всех эллинов имело немаловажное значение для человека и его дальнейшей судьбы, то не может быть сомнения в том, что его титул был бы зафиксирован в литературных источниках.

Неизвестно, какое этническое и социальное происхождение имел отец Анахарсиса. Даже Геродот, пытаясь разобраться в родословной мудрого скифа, ничего конкретного и достоверного о нем не узнал. В итоге можно констатировать, что самые сведущие в античной литературе авторы не указывали, что Анахарсис происходит по прямой линии из царского рода. Лишь анонимным позднеантичным комментатором «Государства» Платона указано, что «Анахарсис Гнуров — сын царя скифов» (*Schol. Plat. Resp. X, 600A*). Кроме того, Лукиан Самосатский неизвестно почему считал его сыном какого-то Давкета — из знатного, но отнюдь не царского рода (*Skyth.*) Однако, это было художественное произведение, в котором автор почти все придумал соответственно собственным взглядам, представлениям и фантазии. Но интересно, что, используя для своего сочинения некоторые данные из произведений других авторов, он также не счел нужным причислять Анахарсиса к царскому роду кочевых скифов.

В двух поздних источниках кратко отмечено, что его братом был царь Кадуид. Возможно, из какого-то более раннего, чем «История» Геродота, труда, — а то, что он явно существовал, намекает сам же историк (*IV, 77*), — было хорошо известно, что Анахарсис называл себя сыном просто Гнура, но братом царя Кадуида. Видимо, поэтому версия Тимна, переданная Геродотом, о его родстве с Идантирсом не нашла поддержки ни у одного из античных авторов, что само по себе удивительно, поскольку они использовали многие его свидетельства.

В таком случае крайне любопытно, что отец и дед не именовались царями, а только брат имел этот титул. Возможно, в этом кроется одна из загадок конкретного и реального этнического происхождения Анахарсиса. В данном аспекте весьма важны свидетельства о матери Анахарсиса. Он знал греческий язык потому, что его матерью была элинка (*Diog. Laert. I, 8; Schol. Plat. Resp. V, 600A*). Ее социальный статус никем из древних авторов не уточнялся. Поскольку в античном обществе с древнейших времен главным считался отец, полноправный гражданин полиса, его имя играло первенствующую роль в родословной каждого человека. Имя матери упоминалось крайне редко. Поэтому хотя бы такая краткая справка о двойном этническом происхождении Анахарсиса имеет большое значение для понимания того, каким образом и почему уроженец Скифии в столь ранний период, по существу, — на заре греческой колонизации Северного Причерноморья, оказался в Элладе, приобщился к ее культуре, был зачислен в число ее древнейших мудрецов. При отсутствии воспитания матерью-элинкой и не знании в совершенстве эллинского языка он вряд ли смог бы совершить свое путешествие и достичь на земле Эллады тех успехов, которые способствовали его славе мудрого скифа.

Исходя из этого, как уже отмечалось, брачный союз между туземцем и эллинкой во второй половине VII в., хотя и косвенным образом, свидетельствует о принадлежности отца Анахарсиса к земледельческо-скотоводческим племенам Лесостепной Скифии, а его матери — к первопоселенцам Борисфена. Первоначально понятие «царь», по-видимому, не было присуще для скифов-земледельцев. Тесные взаимоотношения с другими этносами, в частности фракийцами, греками, номадами, агафирсами способствовали, очевидно, тому, что только Кадуид, сын Гнура, вождя одного из скифских земледельческих племен, провозгласил себя царем. Если на самом деле соответствует действительности тот факт, что Анахарсис был послан в Элладу царем для обучения (*Herod., IV, 77*), то таковым мог быть его старший брат Кадуид. Если же он брат и по матери, и тоже воспитан ею хоть в какой-то мере в эллинском духе, то весьма логично было бы, при таком резком феноменальном политическом и культурном подъеме Лесостепи под влиянием греков, послать своего младшего брата в Элладу для более обширного ознакомления с ее достижениями и законами.

Геродот, конечно, прав, что все племена Скифии упрямо и фанатически придерживались присущего им образа жизни. Ведь, как ни удивительно для современного человека, находясь в таких тесных взаимоотношениях с эллинами, они так и не сумели или не захотели подняться до их уровня. Не заимствовали у них письменность, политическое устройство, гончарный круг, многие элементы культурного развития, кораблестроение, мореплавание и др. Лишь позже военно-аристократическая элита начала постепенно приобщаться к эллинской культуре. Но это приобщение совершенно не сказалось на духовной жизни и в быту рядового населения всей Скифии, и не только Скифии, за исключением винопития и использования отдельных сосудов греческого производства.

Возвращаясь к родословной Анахарсиса, в частности к его брату Кадуиду, нельзя исключать, что Гнур был одновременно женат на элинке из Борисфена и местной женщине. Но учитывая его высокий социальный ранг, последняя могла происходить из знатного рода агафирсов или фракийцев. Из рассказа Геродота (*IV, 78-80*) о Скиле видно, например, сколь сложные династические переплетения существовали среди высшей знати автохтонов. Занимавшие обширные территории от Дуная до Днестра и Карпат агафирсы, по-видимому, периодически входили в состав Геродотовой Скифии. Находясь в многосторонних взаимных контактах с фракийцами, с одной стороны, лесостепными автохтонами, с другой, а также северо-западнопонтийскими эллинами, они все оказывали друг на друга огромное влияние (*Колосовская, 1982; Мелюкова, 1979; 1988*). Вообще же, агафирсы по многим своим обычаям были более всего схожи с северными фракийцами, значительная часть которых в раннеархаический период мигрировала на территорию современной Украинской Лесостепи (*см. лит.: Смирнова, 1983; Бессонова, 1996; Давня історія України, 1998. — С. 22, 29*).

Ничего определенного нельзя сказать и о том, где жил Анахарсис до отъезда в Элладу. Находился ли он на одном из лесостепных городищ или же все-таки хоть какое-то время жил и в Борисфене у деда-эллина. Общее положение, вытекающее из античных письменных источников, что Анахарсис — кочевой скиф, было признано как в древности, так и в наше время. При такой общепринятой установке вообще, казалось бы, не стоило затрагивать вопрос о происхождении этого мудреца.

Однако, как бы то ни было, никто еще не пытался выяснить его конкретную этническую принадлежность. Просто по традиции, заложенной еще в эпоху античной идеализации скифских номадов, в основном благодаря Эфору и Страбону, он всеми начал восприниматься как их представитель.

Геракл и Несс.

Деталь росписи амфоры
из Дипилонского некрополя в Афинах.
Последняя четверть VII в. до н.э.

Более того, современными исследователями он считается царевичем Великой Скифии. Но как было показано выше, во время рождения Анахарсиса и даже в период его пребывания в Элладе, а затем и возвращения оттуда, скифов-кочевников можно было найти преимущественно на большом расстоянии от Борисфена — Северном Кавказе или Передней Азии, куда они совершали походы (см. *подроб., в том числе и лит.: Мелюкова, 1988; Мурзин, 1990*), а также в Лесостепи, куда они также периодически проникали с целью грабежа (*Скорий, 1990*). Хронологические несоответствия, разница в передаче сведений о родословной Анахарсиса, характер его деятельности и его интересы убеждают в том, что он не мог быть уроженцем кочевой Скифии.

Идеальным местом происхождения Анахарсиса могла быть «архаическая Скифия» Геродота (*IV, 99*), расположенная, по его данным, в приморской части от Истра до города Керкинитиды. Однако в противоречии с этим также находятся не только археологические источники, но и хронологические несоответствия. Во-первых, для того, чтобы уверенно считать, что Анахарсис был родом из данного региона, необходимо установить, что уже в первой половине VII в. до н.э. здесь обитало какое-то скифское кочевое, — пусть даже отпочковавшееся от основного, — племя. Наиболее ранние, но, к сожалению, все еще единичные находки, которые можно отнести к скифской культуре в Подунавье, датируются VI-V вв. до н.э. (см. *лит.: Марченко, 1993. — С. 45-47; Вахтина, 1993. — С. 53-55*). В основном это согласуется и с топонимом, который приводит Геродот для обозначения восточной границы этой скифской земли. Поскольку здесь назван как пограничный пункт греческий полис Керкинитида, основанная значительно позже, чем Борисфен, то так называемая архаическая Скифия могла возникнуть уже после середины VI в. до н.э. — то есть, по существу, после смерти Анахарсиса.

В Днепро-Дунайском регионе эллино-скифские контакты налаживаются в основном со времени образования Северопричерноморской Скифии (*Давня історія України, 1998. — С. 40-43, 64-65*). Восточно-греческие ойнохои из курганов Темир-Гора в Восточном Крыму и Филатовка в районе Перекопа относятся ко времени скифских походов в Переднюю Азию и могли попасть к кочевникам не из Борисфена, а из мест их непосредственного производства в Ионии, как и другие престижные вещи. Поэтому у нас не имеется пока никаких достоверных источников для того, чтобы отнести Анахарсиса к истинно кочевым скифам, потомки которых в IV в. до

н.э. действительно занимали царствующее положение в Степи. Учитывая, помимо всего остального, и его родословную, начиная с прадеда Спаргапифа, деда Лика и отца Гнура, при минимальных сроках их жизни можно отнести ее начало даже к концу VIII в. до н.э.

Кроме того, не лишне добавить, что имя прадеда Анахарсиса — Спаргапиф полностью совпадает с именем царя агафирсов первой половины V в. до н.э. и с именем сына царицы массагетов Томирис в Средней Азии (*ср.: Herod. I, 211; IV, 76, 78*). Не исключено, что имя прадеда было придумано самым Геродотом, поскольку такая многоступенчатая родословная ни для одного из скифских царей и даже греческих мудрецов не представлена историком.

Небезинтересно и то, что близко середины VI в. до н.э. в святилище Аполлона Борея в Ольвии была преподнесена амфора с медом, на венчике которой большими буквами прочерчена посвятельная надпись от Анаперра, сына Анахирса (*Виноградов, Русяева, 2001. — С.136,141*). По мнению Ю.Г.Виноградова, последнее имя можно уверенно сопоставлять с именем знаменитого Анахарсиса. Оно только подверглось некоторым изменениям в местной среде, но является бесспорным доказательством связи мудреца с нижнебугскими эллинами. Если это так, то не только сам Анахарсис, но и его сын поклонялись греческим богам. Культ Аполлона в ипостаси Борея (Северного) милетские переселенцы могли пропагандировать именно среди племен, обитавших от них далеко к северу. Из скифской Лесостепи был доставлен и мед в святилище этого бога. Тесные взаимоотношения между ольвиополитами и лесостепным населением подтверждаются многими источниками, а также налаженными брачными союзами (*см. лит.: Русяева, 1999; Супруненко, 2000; Кулатова, Супруненко, 2002*).

Вряд ли когда-либо можно будет точно установить, почему именно Анахарсис отправился в Элладу, на какие средства он жил и путешествовал, а также — на самом ли деле он был послан туда обучаться царем скифов (*Herod. IV, 77*). Для первой половины VI в. до н.э. еще не известны случаи отправления юношей из греческих апоекий на Понте Евксинском, а тем более из Скифии, в Элладу для получения образования и усовершенствования знаний, что стало характерным для более позднего времени. Разве что следует сделать исключение из общих правил, поскольку Анахарсис во всех отношениях личность уникальная. Даже и в том случае, если он был послан царем, можно предполагать, что сначала он поехал к родственникам или знакомым по материнской линии. При их помощи, покровительстве и содействии талантливый молодой человек смог в дальнейшем посмотреть многие страны и города, изучить законы Солона в Афинах и Ликурга (или Хилона) в Спарте.

Это и было время его интенсивного знакомства с Элладой, с ее традициями и художественным творчеством, ее политическими преобразованиями и полисными законами. Зарабатывал ли он самостоятельно на пропитание и переезды из одного места в другое, неизвестно. Сопровождал ли его кто-нибудь на корабле в Элладу и в путешествиях по ней, тоже ничего конкретного сказать нельзя. Выше уже отмечалось, что многие мудрецы торговали. Торговля давала им большие прибыли. Заработанные таким образом средства они тратили на путешествия, могли заниматься политикой, творчеством и научными изобретениями. Однако, у античных авторов не имеется даже намек, что Анахарсис принадлежал к купцам, как, например, Солон или Фалес Милетский.

Что же представляла собой Эллада в первой половине VI в. до н.э.? Действительно ли там можно было чему-то научиться и стать образованным человеком? Конечно, Анахарсису не посчастливилось узнать настоящее, по образному выражению Эрнста Ренана, «греческое чудо» — феноменальное

развитие философии, астрономии, математики, истории, изобразительных искусств, увидеть величественные храмы и статуи, услышать речи граждан Перикловых Афин. В его время еще не звучали на сценах театров трагедии Эсхила, Эврипида и Софокла, не смеялись эллины над аристофановскими скифами-полицейскими, не раздавались речи знаменитых ораторов и философов на площадях и в судах многих демократических полисов. Даже не производилось еще того обилия расписных сосудов талантливыми афинскими вазописцами, которые благодаря предприимчивости аттических купцов стали известны всем, населявшим античную ойкумену.

Но это уже была Греция Гомера и Гесиода, Греция архаической лирики и музыки, Греция первых философов, наконец, Греция олимпийских спортивных, музыкально-поэтических и первых софистических состязаний (см. лит.: Gerlack, 1932; Jeffery, 1976; Зайцев, 1985; Андреев, 1999). Стремление к доблести и славе пронизывало ее духовный мир, наполняло новым содержанием мироощущение греков. Они прошли первый этап своего культурного переворота, хотя и не представляли еще себе, какой взлет творчества их ждет впереди. Благодаря своей удивительной работоспособности, одаренности и творческой инициативе греки заняли совершенно особое место в истории человечества.

В первой половине VI в. до н.э. в Элладе уже были широко распространены в устной передаче непревзойденные эпические поэмы Гомера и Гесиода. Особенно «Илиада», воспевающая любовь к жизни и славу подвига, пропагандирующая идею чести человека, ставящая ее выше благополучия и счастья, стала мерилom последующего культурного развития, подняла менталитет эллинов на совершенно иной уровень. В восприятии многих образованных эллинов Гомер представлялся поэтом — родоначальником всей античной литературы и мудрецом, знающим все и разбирающимся во всех областях человеческой жизни, положившим начало всей древнегреческой философии и культуре (Plato. Leg. X, 606 E). Поскольку во время путешествия Анахарсиса Эллада дышала гомеровским духом и внимала его стихам, то, конечно, их слышал и он. Но, помимо поэм Гомера, здесь можно было узнать и много других удивительных вещей и открытий.

В своей замечательной книге «Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э.» А.И.Зайцев выделил основные факторы или движущие силы «культурного взрыва» (1985). В отличие от народов Востока и Скифии, в Греции происходил быстрый процесс разрушения традиционных норм жизни, тормозивших любые новшества в культуре. Особенно следует подчеркнуть большую роль агонального начала в жизни греков. Почти все антиковеды признавали, что для них был свойственен особый «агональный дух». Ни один народ ни до, ни во времена греческой цивилизации не устраивал международных олимпийских состязаний. Ни у одного народа религиозные празднества в каждом из городов не сопровождались спортивными и музыкально-поэтическими агонами. Наконец, ни один народ не совершал грандиозных панэллинских празднеств в честь богов в основных сакральных центрах Эллады, ставших и главными культурными центрами.

Одновременно проповедывалось, что благая мудрость или просто мудрость может стать средством для достижения успехов в жизни. Творческие достижения отдельных личностей очень рано получили всенародную поддержку и поощрение в греческом обществе. Именно в первой половине VI в. до н.э. жили прославившиеся различными проявлениями интеллектуального превосходства Фалес, Солон, Периандр, Питтак, Хилон, Биант и другие мудрецы (Diog. Laert. I, 1-10). Созданный в панэллинском святилище в Дельфах канон «Семи мудрецов» поднял на новый культурный уровень интеллект не только главного покровителя поэзии Аполлона, но и эллинов.

В разных уголках Эллады в конце VII - первой половине VI вв. до н.э. жили известные поэты-лирики: Мимнерм в Ионии, Алкей и Сафо на о-ве Лесбосе, Алкман и Тиртей в Спарте, Солон в Афинах, Стесихор в Сицилии, Арион в Коринфе (*Эллинские поэты, 1963*). Большинство из них были современниками и ровесниками Анахарсиса. Многие стихи становились обрядовыми и народными песнями, быстро распространялись среди населения. Поскольку исполнение стихов античными поэтами происходило в напевном тоне в сопровождении музыкальных инструментов — лиры, кифары и флейты, — поэзия и музыка стали основой культурной жизни греков уже в архаический период. Поэты будили чувства, прививали любовь к человеку и природе, воспевали радость жизни, призывали к борьбе против врагов. Они нередко выступали борцами против консервативных традиций и господствующего образа мыслей, способствовали вере в будущее, что в общем создавало благоприятную атмосферу для оптимистически радостного мироощущения.

Помимо широко популярного поэтического творчества во время пребывания Анахарсиса в Элладе началось первое проявление научно-теоретического познания и осмысления окружающего мира. Многие образованные люди стремились как можно больше узнать и высказать свое понимание происходящего в природе, космосе, обществе. Рациональное и новаторское охватило все сферы бытия, так что прибывшему из далекой Скифии Анахарсису можно было увидеть не только разнообразные города, спортивные и мусические состязания, первые статуи богов, но и познакомиться с поэтическим и первоначальным теоретическим творчеством, попытаться вникнуть в него, чтобы самому стать творцом, изучить нравы и традиции греков. Для пытливого ума и любопытного, во все вникающего взгляда Эллада, бесспорно, представляла большой интерес даже в тот очень ранний период своей истории.

К сожалению, очень мало сохранилось сведений о том, где именно побывал Анахарсис в Элладе и с какими людьми познакомился там. Можно лишь предполагать, что сначала он прибыл к своим родственникам в Милет. Уже в то время это был значительный торговый и культурный центр. Здесь тогда жили Фалес и Анаксимандр. Тяга к путешествиям, открытиям новых земель, научным познаниям овладела гражданами Милета с удивительной силой. Ведь именно Милету — метрополии первых основателей Борисфена, а затем и многих городов на Понте суждено было стать тем местом, где впервые в Элладе зародились философия, история, математика, астрономия. И это зарождение, влечение к умственным размышлениям происходило как раз в первой половине VI в. По мнению Б.Л.Ван дер Вандена и А.И.Зайцева, Фалес как раз в это время в Милете совершил революцию в человеческом мышлении (*Зайцев, 1985*).

Милет жил морскими путешествиями и открытиями, новостями из новообразованных колоний. 590-560 гг. были одним из главных пиков массового освоения северного побережья Понта, основания многих городов и поселений (*Виноградов, 1983; Alexandrescu, 1990; Кошеленко, Кузнецов, 1992; Русяева, 1998 а*).

Скорее всего, что отсюда, воспылав жадой путешествий, Анахарсис начал свой продолжительный путь странника. Первое надежное свидетельство с упоминанием места, куда прибыл Анахарсис в 48-ю олимпиаду, были Афины. Этот город, в свою очередь, считался метрополией Милета и был с ним тесно связан. Как будто ничто не противоречит тому, чтобы считать, что, узнав о знаменитых солоновских законах, записанных на крутящихся медных досках и выставленных на площади Афин (*Ruschenbusch, 1966*), Анахарсис прежде всего устремился в этот город, чтобы самому про-

читать и познакомиться лично с выдающимся, прославившимся своей справедливостью законодателем. При существовании интенсивных торговых связей средиземноморских эллинов с Борисфеном вести об уникальном законодателе могли дойти не только до жителей этой первой милетской апойкии, но через них и к элите Лесостепи.

О встрече Солона с Анахарсисом в той или иной мере сообщали многие античные авторы. Такого рода встречи не редкость между разными людьми даже в то отдаленное от нас тысячелетиями время и еще столь раннее в истории Эллады и Скифии. Авторитет Солон не только в Афинах, но и во многих других городах Эллады, его слава законодателя и поэта, возможно, способствовали с самого начала и признанию эллинами Анахарсиса. Солон здесь в первой половине VI в. до н.э. был главной фигурой. Все события, происходившие с ним и в его окружении, волновали многих афинских граждан, так как он всегда выступал на их стороне (*Зельин, 1965; Donlan, 1970; Bravo, 1996*).

Возможно, Анахарсису действительно повезло в том, что он познакомился с Солоном. Этот великий законодатель, провозвестник классической демократии Перикла, несмотря на свое чуть ли не царское происхождение, отличался необыкновенной добротой и доброжелательностью ко всем людям (*Plut. Solon; Боннар, 1992*).

По свидетельству Геродота, Анахарсис «посетил многие земли и в каждой из них воспринял много мудрого» (*IV, 76*). Но историк отметил лишь Спарту и город Кизик на Геллеспонте. В последнем он оказался уже тогда, когда решился возвратиться в Скифию. В Лакедемон к нему тоже отнеслись благожелательно. Любопытно, что Геродот из какого-то источника знал, что Анахарсис отмечал увлечение эллинов «всякого рода мудростью» и выделял среди них только лакедемонян, которые отличались большой простотой, могли разумно отвечать и выслушивать, понимали чужую речь (*IV, 77*).

Эта характеристика эллинов Анахарсисом вполне отвечает духу времени и в ней вряд ли есть преувеличения. Нужно помнить, откуда приехал Анахарсис и какой предстала Эллада его неискушенному взору. Хотя эллины только начинали теоретически мыслить, они тем не менее были увлечены этими неожиданно открывшимися способностями своего ума. Обладая феноменальной памятью, — благо, информация была еще не столь обширной, — они многое запоминали. Ведь уже то, что поэмы Гомера, Гесиода, архаическая лирика хранились в памяти, передавались из поколения в поколение и были записаны во второй половине VI в. до н.э., заслуживает не только восхищения, но и покоряет — как удивительная способность эллинов помнить.

Зарождение творческой мысли, работа ума, стремление к поучениям и краткости ответов в виде изречений нашло проявление в одно время во многих уголках Эллады. Но в каждом из них это было свойственно лишь редко кому, чаще всего одной какой-нибудь личности. И поэтому она сразу же обращала на себя внимание. Осознание индивидуальности каждого гражданина, уважение к его интеллектуальным качествам стало чуть ли не главным рычагом культурного развития. Тем более должен был обратить на себя внимание прибывший из варварской страны умный человек. Его удивление, выраженное прямодушно и откровенно, его наивность и простота рассуждений, краткость ответов иногда со скрытым смыслом, его оригинальное имя запоминались и передавались от одного к другому.

Возможно, судьба сталкивала Анахарсиса со многими образованными людьми его времени, в том числе и теми, кого указывает Диодор Сицилийский (*IX, 26, 2*). Лишь этот историк, по-видимому, следуя за Геродотом, но в противовес ему, рассказал о том, как к лидийскому царю Крезу одновре-

менно прибыли Анахарсис, Биант, Солон и Питтак. Если встреча Анахарсиса с Солоном в Афинах нашла поддержку и развитие у других античных авторов, то сообщение Диодора в сохранившихся источниках так и осталось единственным. Даже Плутарх, хорошо знавший о встрече Анахарсиса и Солона в Афинах, ни словом не обмолвился о таковой в Сардах у царя Креза. Но вслед за Геродотом рассказал о посещении афинским законодателем Креза в Сардах, а также поведал о встрече Солона с Фалесом в Милете (*Plut. Solon. XXVII*).

Выше уже отмечалось, что, хотя в «Истории» Геродота хронология несколько нарушена, у Креза в гостях могли побывать Солон, Биант и Анахарсис. Но и сам историк отметил, что к Крезу в разное время явились Солон и Биант, относительно же Питтака он высказал неуверенность (*ср.: Herod. I, 27 и 29-30*). Другое дело, что Диодор Сицилийский, воспользовавшись информацией Геродота, что в Сарды «стали стекаться все жившие тогда в Элладе мудрецы», посчитал, что они прибыли сюда в один день. Присоединив Анахарсиса, он сочинил разговор между ним и Крезом по примеру того, как Геродот придумал рассказ с диалогами о встрече Солона с Крезом.

Разумеется, не все подробности этих встреч достоверны. Придуманные историками диалоги в рассказах о них — явное тому доказательство. В них они демонстрируют свое умение сделать рассказ занимательным и доступным для многих читателей. Но из-за этого вряд ли стоит отрицать исторический факт посещения мудрецами, в том числе и Анахарсисом, процветающего в это время города Сарды. Однако информация Диодора Сицилийского менее достоверна, чем сведения о встрече Анахарсиса с Солоном в Афинах.

По пути в Скифию Анахарсис, как сообщает Геродот, посетил город Кизик, где увидел празднества в честь Матери богов. По-видимому, пройти мимо Кизика в те времена какому-либо кораблю было просто невозможно. Так что Анахарсис действительно мог видеть этот город, наблюдать мистериальные празднества, даже чем-то восхищаться или осуждать греческие обычаи. Если же он на самом деле был таким добродетельным и строгим, воздерживающимся от прелестей жизни, каким представляет его себе античная традиция, то оргии поклонников Матери богов вряд ли могли вызвать его особую симпатию. Разве что во время религиозных торжеств в ее честь он действительно испытал чувство страха перед дальнейшим путешествием по бурному Понту и принес этой богине обет ради благополучного прибытия на родину.

Согласно одному граффито из Ольвии, — так называемому письму жреца из Гилеи в Ольвию, — около середины VI в. до н.э. в этой лесистой местности были установлены эллинами алтари Матери богов, Гераклу и речному божеству Борисфену (*Русяева, Виноградов, 1991; Русяева, 1992. — С. 145*). Кроме того, Мать богов в Ольвии именовалась владычицей Гилеи. Поэтому, вполне вероятно, что именно в приднепровской Гилее у алтаря Матери богов Анахарсис совершал обряд по греческому образцу — «с бубном, увешав себя священными изображениями» (*Herod. IV, 76*).

Однако версия о его убийстве именно во время обряда представляется при всех возможных вариантах маловероятной. Поэтому правы те исследователи, которые считают, что его смерть по причине приобщения к мистериальному культу Матери богов — это литературный домысел Геродота, вызванный желанием удостовериться смерть двух именитых скифов — Анахарсиса и Скила вследствие нарушения и измены скифским отчим обычаям. В связи с Гилеей можно выдвинуть и другие соображения относительно его пребывания там, но на этом мы остановимся ниже. А сейчас возвратимся к пребыванию Анахарсиса в Элладе и возможному воздействию на него древнейшего творчества эллинов.

Общепринято, что первые мудрецы стали предвестниками культурного переворота в Элладе. В них видят один из источников философии, хотя чаще всего первым философом признают только Фалеса. Жизнестойкость и цепкость их мысли, какой бы простой она нам не казалась сейчас, показывает, что эллины даже в эпоху наивысшего взлета своей культуры дорожили своими древнейшими мыслителями. Во многих случаях термин «мудрец» представляется в общесмысловом значении объемным и глубоким. Наблюдательность древнейших мудрецов, их практическая хватка, острый ум, утонченность и краткость фразы, безудержное стремление к путешествиям и познаниям, умение анализировать и рассказать об увиденном, дать собственную оценку происходящего в мире, — будь то война, экологическое бедствие или простое приключение, — постоянно пополняли общую корзину «народной мудрости».

Отдельные сведения о них сохранились в вышеупоминаемом трактате Диогена Лаэртского, другие рассыпаны по произведениям многих авторов. Уже выдающиеся греческие философы четко выделяли среди них мудрейших, кто ближе всего стоял к истокам теоретического осмысления мира (см. подробнее: Colli, 1977. — Vol. 1; Kirk, Raven, Schofield, 1983; Mansfeld, 1986. — Vol. 1). Тем не менее в числе «семи мудрецов» постоянно фигурировали только четверо: Фалес, Биант, Питтак и Солон. Трех в придачу к ним предлагалось избирать из большого списка. Так, Гермипп называл семнадцать мудрецов.

Анахарсис среди них обычно занимал восьмое или девятое место. И лишь отдельные авторы ставили его на последнее место в числе «Семи». А вот Гиппобот в «Списке философов» отвел ему пятое место, поставив даже впереди таких прославленных, как Фалес, Биант и Питтак. Платон же, наоборот, вообще его не упоминает, впрочем, как и многих других мудрецов. По его мнению, к числу первых философов относились Фалес, Питтак, Биант, Солон, Клеобул, Мисон и Хилон. «Все они были ревнителями, — писал знаменитый философ, — поклонниками и учениками лаконского строя, и нетрудно заметить, что это наложило отпечаток на их мудрость: краткие и достопамятные изречения каждого из них. Собравшись вместе, они посвятили Аполлону в Дельфийский храм первинки своей мудрости, начертав [на его стене] то, что все повторяют: «Знай самого себя» и «Ничего слишком». К чему я это говорю? Да к тому, что таков стиль философии древних: прямо-таки лаконское краткословие. Точно так же ходило по устам в частном порядке и это превозносимое мудрецами изречение Питтака: «Трудно быть хорошим» (Plato. *Protag.* 343A).

Это свидетельство Платона интересно прежде всего тем, что, оказывается, не только Анахарсис, согласно Геродоту, восхвалял лаконское краткословие и мудрость. Платон также прямо указывает, что краткие изречения мудрецов в частном порядке «ходили по устам». Запоминалось и передавалось не только само изречение, но и автор, его составивший. Важно и то, что Платон верил во встречу всех мудрецов в Дельфах, где они на стенах аполлонова храма начертали «первинки своей мудрости».

Нигде, кроме Эллады, не был создан канон «Семи мудрецов», навечно вошедших потом в письменную традицию. Это особенно ясно видно из того, сколь часто повторяются их изречения и их имена многими авторами, включая и византийских. Эти короткие сентенции служили для размышлений и умственных упражнений.

«Мудрость «семерых», закрепленная в традиции, послужила основой для множества рассказов, стихов, пословиц и поговорок, стала частью народного просвещения, своеобразной «популярной философией» древних греков. Ее жизненность, логичность, стремление к разумному объяснению фактов про-

изводят неотразимое впечатление. К тому же это не «божественная мудрость», почерпнутая из мифа, из религии, но мудрость человеческая и для людей предназначенная. В изречениях «семи» отражается и тот «шок» возникающей цивилизации, который пробуждает философское мышление. Однако нравственные сентенции, политические наставления, житейская мудрость повидавшего мир человека и жизнь человека не превратилась у них в сколько-нибудь целостный взгляд на мир. Лишь у Фалеса, не случайно относимого и к «мудрецам», и к философам, мы видим громадное расширение горизонта мысли, связанное с подключением космологических проблем» (*Богомолов, 1985. — С. 30*). И когда мы оцениваем значение их изречений, рассуждений, ответов, не стоит забывать, что эллины стояли не только на пороге своего культурного переворота, но это уже была и первая ступенька к нему.

Безусловно, что панэллинское святилище Аполлона в Дельфах сыграло огромную роль в создании канона «Семи мудрецов». Во-первых, об этом свидетельствует цифра семь — священная в культе Аполлона. Ей всегда придавалось особое символическое значение (*см. подробнее: Русяева, 1986а*). Во-вторых, свидетельства многих авторов о том, что самые краткие и самые мудрые изречения были записаны на стенах храма этого сакрального покровителя своего народа и его пробудившегося разума в архаическое время. И наконец, в третьих, созданная затем легенда о треножнике, который переходил от одного мудреца к другому, содержит явно реальные сведения о том, что в Дельфах устраивались агоны «мудрейших», кто из них быстрее придумает самую краткую и самую умную сентенцию. Победителю, как и поэтам, побеждающим в мусических агонах, присуждался треножник.

По некоторым данным первым мудрецом был назван Фалес в архонтство Дамасия в Афинах — 582/581 г. до н.э. В «Списке архонтов» Деметрия Фалерского указывается, что в этот год мудрецами были названы те семеро, изречения которых были начертаны на стене храма Аполлона в Дельфах (*Фрагменты..., 1989. — С. 100*). Если это так, то в святилище могло быть устроено лишь одно соревнование мудрых, когда среди них избрали только семь главных победителей. Всех остальных по прошествии какого-то времени причисляли к ним отдельные авторы соответственно своим собственным соображениям и взглядам.

Поскольку близко к этому времени Анахарсис был в Афинах, то вовсе не исключено, что он участвовал в агоне мудрых или же был его свидетелем. По какой-то причине, очевидно, уже во второй четверти VI в. до н.э., когда еще продолжали жить и путешествовать все известные мудрецы, их соревнования прекратились, воспоминания о них ушли в прошлое и вокруг личностей первых софистов складывались легенды. Однако, как это ни удивительно, но в письменных сочинениях в той или иной мере сохранилось довольно много самых разнообразных сентенций (*см., напр.: Фрагменты..., 1989. — С. 91-94*).

Из сочинений древних авторов известно, что Анахарсиса причисляли не только к софистам, но и к философам. Климент Александрийский, воспитанный на греческой литературе и философии, отмечал: «Скиф был и Анахарсис, о котором пишут как о выдающемся из многих эллинских философов». Какими сведениями для такой его высокой оценки воспользовался этот автор, сказать сложно. «Из варваров никто, как известно, не занимался философией, кроме одного скифа Анахарсиса, который и во сне не видел бы философии, если бы раньше не изучил языка и литературы», — очень разумно заметил Лактанций в своих «Божественных наставлениях». Даже христианский писатель Феодорит отмечал, что «Анахарсис был философом. Его до такой степени жгла любовь к философии, что он стал весьма известным и у всех прославленным» (*Or. 12*). Оказаться в числе

греческих мудрецов можно было бы, само собой разумеется, только зная язык и понимая его тонкости, разбираясь в понятиях и логике мышления на том простом уровне, когда проходил процесс зарождения теоретического осмысления мира и жизни человека.

Большинство античных авторов только констатировали, что Анахарсис обладал мудростью, прибыл в Элладу с целью ознакомления с ее нравами и людьми, законами и обычаями: «стяжал себе славу мудреца» (*Herod. IV, 76*); «мудрости которого удивлялись эллины» (*Ap. II, 37*); «считался в числе мудрецов» (*Dion. Chrysost. Orat. 30*); «скифом по происхождению был и сам Анахарсис, в качестве же мудреца он вызвал такое восхищение у эллинов, что некоторые считали нужным и его причислить к семи мудрецам» (*Cyr. Alexandr. Contra Julian. IV*) и т.д.

Кто же были эти «некоторые» Кирилла Александрийского, кто считал Анахарсиса одним из «Семи»? На этот вопрос ученые отвечают по-разному: то Эфор первым включил его в эту знаменитую группу, то первые киники, начиная с Антисфена, а то и дельфийские жрецы еще в архаическое время, когда формировался их канон. Естественно, поскольку не сохранилось об этом никаких сведений, можно делать самые различные предположения. И все же, думается, что внесение Анахарсиса в число «Семи» началось еще во времена Геродота и «старших софистов». Правда, историк вообще ничего не говорит о существовании именно группы «Семи», хотя упоминает мудрецов. На полстолетия позже Платон уже прямо перечислил тех мудрецов, которых он считал по особому принципу («лаконское краткословие»), заслуживающими быть в числе «Семи».

Известно же (но только из более поздних авторов), что Эфор относил Анахарсиса к одному из Семи мудрецов. Анализ его фрагмента, сохранившегося у Николая Дамасского, позволил ученым считать, что Эфор уже знал о том, что этот скиф признан одним из Семи мудрецов. Описывая нравы гомеровских абиев, Николай Дамасский привел цитату из сочинения Эфора: «Из них (т.е. абиев) был и признанный одним из Семи мудрецов Анахарсис, который прибыл в Элладу, чтобы изучить эллинские обычаи» (*Paradox. 3*). Отсюда ясно, что не Эфор, прославившийся идеализацией скифских кочевников, среди которых он выделял только гомеровских абиев, причисляя к ним и Анахарсиса, произвел перестановку в списке мудрецов по собственному усмотрению.

Таким образом, это произошло раньше, однако когда именно и по какой причине, точно не известно (*Куклина, 1969; 1971*). Не исключено, что это могли быть и киники. Но изречения других мудрецов не менее нравственно-морализирующие и наставляющие, не менее соответствующие киническим идеям, чем Анахарсиса. Поэтому его выделение киниками среди многих других эллинских мудрецов тоже относится к области гипотез.

В большей степени заслуживают внимания «старшие софисты» V–IV вв. до н.э. Это был век так называемого Просвещения, когда началось интенсивное изучение риторики софистами. «Классические мудрецы» по способу выражения мысли отличались от «архаических мудрецов», но в то же время в чем-то были им сродни. Утонченные, но сознательно вводящие в заблуждение рассуждения софистов V–IV вв. содержат в себе элементы изречений мудрецов первой половины VI в. (*Богомолов, 1985. — С. 110–122*). При этом нельзя исключать и другие мотивы — политические и экономические. Уже во второй половине V в. до н.э., особенно в эпоху Перикла и последующее время начинается своеобразная пропаганда мудрости кочевых скифов (*Herod. IV, 46; Strabo. VII, 3, 9; Куклина, 1969; Тахтаджян, 1992*).

Как бы то ни было, но факт остается фактом, что Анахарсис стал иногда называться в числе Семи мудрецов еще до Эфора, однако его нельзя

считать каноническим мудрецом. «Седьмым мудрецом одни называют Периандра Коринфского, другие — скифа Анахарсиса, третьи — критянина Эпименида...» — писал Климент Александрийский (*Strom. I, 14, 59*). То же самое сказано у Феодорита: «...Что же касается до семи мудрецов..., то даже говорящие на греческом языке не знают их имен. Что же мне говорить о наших современниках?! Даже у древних было сомнение относительно их: одни причисляли к ним Периандра Коринфского, другие — Эпименида Критского, иные — Акусилая Аргосского, иные — скифа Анахарсиса, иные — Ферекида Сиросского, а Платон — Мисона Хинейского» (*Or. V, 945*).

Что собой представляли на самом деле изречения Анахарсиса? Сказалось ли на них влияние других софистов и киников? Какие из них наиболее отвечали мироощущению скифа, а что могли придумать за него другие? Диоген Лаэртский с той же скрупулезностью и четкостью по отношению к тому, кто, что и сколько написал, сообщил, что Анахарсису принадлежит 800 стихов о военных делах, что он также описывал скифские и эллинские обычаи, предлагал, как можно удешевить жизнь (*I, 8, 101*). Конечно, если бы сохранилась хотя бы часть этих сочинений, то не существовало бы о нем столько домыслов и гипотез. Хотя и в данном случае вряд ли не было бы споров и скептицизма по отношению к нему только потому, что он не являлся уроженцем Эллады, а прибыл неведомо из каких северных краев.

Я.Киндstrand собрал все высказывания Анахарсиса и разделил их на десять групп: 1) защита собственного достоинства в ответ на упреки в варварском происхождении; 2) рассуждения о поведении людей; 3) о человеческих взаимоотношениях; 4) о зависти; 5) о роли языка; 6) о вине и вреде пьянства; 7) о мореплавании; 8) о порицании занятиями атлетикой; 9) об отношении к политике и устройству общества; 10) об отношении к культам, смерти и похоронным обрядам (*Kindstrand, 1982. — P.99-164*). Все затронутые Анахарсисом темы не выходят за рамки весьма заурядных, житейских, подсказанных опытом жизни и личными испытаниями.

Подобно сентенциям других мудрецов он ассоциируется в культурной памяти эллинов со временем успокоительно-ясного созерцания окружающего мира и началом пробуждения творческих возможностей разума, стремящегося к выдумке, размышлениям и универсализации мысли.

Внутренне духовная и этнопсихологическая сущность личности Анахарсиса прослеживается по целому ряду его как бы спонтанных и интуитивно брошенных ответов на провоцирующие вопросы. Во всяком случае, отдельные из них имеют отношение только к его образу, характеру, ментальности, пониманию им современного ему человека и его увлечений.

Диоген Лаэртский отметил высказывания Анахарсиса, вызванные его удивлением перед всем увиденным в Афинах. Мало-мальски образованные эллины, привыкшие воспринимать происходившее в их городской жизни, считавшие свои обычаи само собой разумеющимися, в свою очередь удивлялись тому, что говорил скиф. «Он же выразил удивление тому, что у эллинов состязаются художники... Он выражал удивление и тому, что эллины, издавая законы против обидчиков, почитают атлетов за то, что они бьют друг друга... Он выражал также удивление тому, что эллины при начале (пира) пьют из малых (чаш), а насытившись — из больших... Он говорил, что с величайшим удивлением видел у эллинов то, что дым они оставляют в горах, а деревья свозят в город» (*Diog. Laert. I, 8*).

Находится ли что-либо такое в его удивлении, что противоречило бы взглядам человека, впервые приехавшего в Элладу и впервые увидевшего то, о чем он раньше не знал и не догадывался. Вполне вероятно, что все, чем он был потрясен в Элладе, нашло отражение в его сочинении об обычаях. Древние авторы их знали и на их основании составили его изречения. Например,

в древнейшем рассказе об Анахарсисе отмечается, что даже во время сна он «держал левую руку на половых органах, а правую на устах, обозначая этим, что нужно владеть тем и другим, но важнее владеть языком, нежели удовольствиями» (*Clem. Alex. Strom. V, 8, 44*), что якобы отвечало лишь взглядам киников и поэтому получило в дальнейшем развитие представлений о нем, как о воздержанном человеке. Античность оценила в Анахарсисе неиспорченность, стремление к познаниям и утверждению справедливости.

Вот почему вопрос: принадлежат ли данные изречения Анахарсису или вовсе не принадлежат — нельзя решать однозначно. Можно не настаивать на подлинности всех элементов в них, но вряд ли стоит скептически относиться к тому, что такового вообще быть не могло, что все придумано эллинами. Отзвук его удивления, его ответов, его стихов дошел до писателей эллинистического времени. Трудно представить, чтобы в век критического отношения к мифам и философским сочинениям, их рационального осмысления было специально и целенаправленно приписано Анахарсису, — да и не только ему, а многим мудрецам, — относительно большое количество изречений. Причем столь хитро и искусно, что все эти изречения чаще всего не перепутаны, во многом строго индивидуальны. Многие из того, что сказано Фалесом или Солоном, не могло быть сказано кем-то другим, тем более Анахарсисом. Круг приписываемых ему изречений строго ограничен тематически и не отличается глубиной теоретических рассуждений (*ср.: Kindstrand, 1981. — P.99 сл.*).

С первого взгляда в них по сути нет исторической реальности. Они как бы лишены конкретного времени и серьезных идей, сложных теоретических измышлений ума. Но в то же время в них можно отыскать глубокий смысл, строгое отношение к собственной личности и к жизни, понимание различий между Элладой и Скифией.

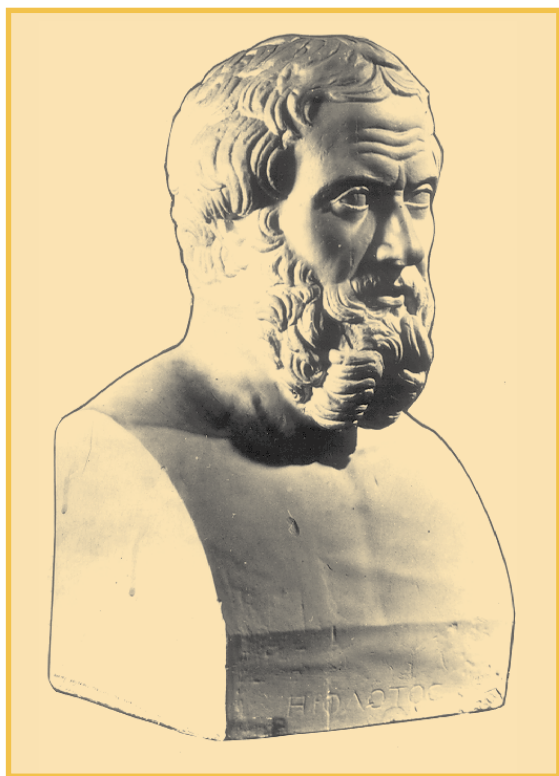
Плоды мыслей и чувств первых софистов продолжали участвовать в культурных процессах в Элладе. О них никогда не забывали. С возрождением архаических традиций во многих сферах культуры, с обожествлением Гомера, сентенции мудрецов переходят в творческое вдохновение киников.

Не исключено, что именно обращение к истокам греческой философии породили сначала софистическое, а затем и киническое движение, соответственно, и философию риториков и скитальцев. Только каждый брал из их изречений то, что можно было лучше всего использовать для пропаганды собственных идей. Но это уже была иная социальная почва, иная реальность, и цель ее философских умозаключений носила совсем другое назначение. Близкие, например, идеям киников некоторые изречения мудрецов вновь приобрели свое звучание (*Нахов, 1984*).

Однако, было бы неверно усматривать в их применении в совершенно другое время, после знаменитых философских сочинений Платона и Аристотеля, некое предчувствие последующего прогресса, как это было в архаический период. Эллада шла к закату своей культуры, и те, кто дал на заре ее зарождения толчок к расцвету теоретической мысли, уже были бессильны изменить картину упадка и ушедшего в прошлое величия человеческого разума.

Вместе с этим нельзя не обратить внимание на то, что ни один из хорошо известных киников, несмотря на то, что сохранилось достаточно большое количество фрагментов их сочинений, не упоминали Анахарсиса, не приводили его изречения для доказательства своих идей и проповедей. В различных антологиях кинизма изречения Анахарсиса вообще не упоминаются. Единственное исключение составляют его подложные письма, которые, бесспорно, свидетельствуют о том, что в III-I вв. до н.э. его имя использовалось анонимными киниками, специально составившими якобы написанные им письма различным деятелям. В них прямо выражался про-

Герогот.
Римская копия.
Мрамор.

тест мудрого скифа против обмана, корысти, пьянства, роскоши, гимнасия, в котором устраивались спортивные состязания юношей. Однако и в этом случае нельзя считать его каким-то особым исключением. Письма были построены на основе его известных высказываний (Нахов, 1984. — С. 37).

«Эти фиктивные письма, — считает историк кинической философии И.М.Нахов, — примыкают к давней традиции, идеализирующей «естественные», «варварские» народы и наполненной острым социальным смыслом под влиянием кинизма. Мудрый скиф Анахарсис — один из наиболее ярких героев этой традиции. В этом образе заложено все, что могло пригодиться кинической пропаганде, — бесхитрость «дикаря», близкого к природе, прямоту, ореол свободы, справедливости и силы, окружавшей далекий северный народ. Киникам был важен, конечно, не исторический Анахарсис, а романтическая легенда, сделавшая из него «скифского киника». «Письма Анахарсиса», безусловно, фиктивны, в них немало анахронизмов. Их кинический автор использовал образ Анахарсиса для потребностей своего века, в частности для отклика на идеальную проблему эллинизма и варварства» (1984. — С. 37).

Автор или авторы этих писем поставили целью, используя зафиксированные в письменной традиции изречения и сведения об Анахарсисе, показать через его образ свое отношение к вышеназванной проблеме. Поскольку Анахарсис стоял в ряду мудрецов и даже был включен в группу «Семи», то его образ, как и остальных, становится популярным. Нередко их имена, их мысли, их высказывания и даже специально составленные письма стали служить определенным целям — воспитанию в духе добродетели и правды, для пропаганды идеалов простоты и естественности, мудрости и справедливости. Особенно отчетливо проступает тенденция возведения Анахарсиса в ранг «кинника»-защитника естественных представителей природы в противопоставлении с человеческими законами в рассказе Диодора Сицилийского о встрече четырех мудрецов у Креза (IX, 26, 2).

Как уже отмечалось, скорее всего, именно Дельфы играли важную роль в устройстве агонов будущих мудрецов: это было целенаправленное развитие искусства диалогов, кратких высказываний и кратких ответов, ставших затем отдельными сентенциями. Поскольку они показывали свое умение перед зрителями, поскольку греки еще не были искушены теоретическими знаниями, — их просто не существовало, — то диалоги в основном строились по самому простому принципу и на самые простые, нередко житейские темы. В отличие от стихов эти «творения» ума первых мудрецов — не столько плоды вдохновения, сколько стремления ответить оригинально, быстро и остроумно на поставленный вопрос. Сохранилось множество изречений различных мудрецов. По существу каждое из них достойно уважения. Они «прожили» тысячелетия и будут обращать на себя внимание тех, кто без предубеждения и с любовью относится к эллинам на первом их пути к настоящей философии.

Между изречениями мудрецов, хотя и далекими тематически, что, безусловно, указывает на их творческую самостоятельность, прослеживается внутренняя преемственность, одинаковое отношение к жизни и человеку, правде и лжи, свободе и бедности, умение контролировать свои поступки. Унаследовав многие фольклорные представления своего народа, Геродот именовал их софистами — то есть мудрыми образованными людьми своего времени, отдавая должное их творческим усилиям и изобретениям. Согласно историку, мудрость Анахарсиса проистекает из того, что он объездил много стран и в каждой из них почерпнул что-то новое для своего ума. В его представлении — это путешественники, странники. Отправной точкой их путешествий был большой интерес ко всему, что происходило в окружающем их мире. На этом пути восприятий увиденного шел процесс разумного сопоставления и сравнительного анализа. Во всяком случае художественное самоопределение Анахарсиса выросло на почве его знакомства со многими землями Эллады, ее людьми, законами и обычаями.

Вместе с тем не может не обратить на себя внимание то, что многие мудрецы после своих морских путешествий в молодости впоследствии занимались государственной деятельностью. Увиденное ими в других странах и городах, — Египте, Финикии, Фригии, Вавилоне, Сардах, Милете, Афинах, — они стремились в той или иной мере «воссоздать» или хотя бы частично ввести и в своем родном полисе. Больше всего это удалось Солону, создавшему свои знаменитые законы. И, пожалуй, меньше всего — Анахарсису. Судя по тому, что он побывал как раз в тех городах (Афины, Лакедемон, Сарды), которые во время его пребывания в Элладе уже прославились и в них открывался широкий простор для творческого осмысления многих элементов культуры и государственного устройства, очевидно, что скифа также интересовали вопросы последнего.

В Афинах Солон разработал и осуществил программу социально-экономических и политических преобразований, в особенности славилась его реформа долгового права под образным наименованием «стряхивание бремени» (сейсахтейя) (*Diog. Laert. I, 2*). Она заключалась в том, что по его закону были запрещены сделки самозаклада человека за долги, в результате чего крестьянство Аттики было навсегда освобождено от порабощения. Однако Солон побоялся произвести передел земли в Аттике, что, по его мнению, могло бы привести к гражданским междоусобицам. Он тем не менее издал закон, препятствующий приобретать землю свыше определенной нормы.

Однако в Спарте по закону, приписываемому Ликургу или Хилону, был произведен передел земли. Здесь же, как и в Афинах, в управлении государством (полисом) участвовала — во всяком случае, внешне, — вся гражданская община. Решение народного собрания имело силу закона.

Так что в Аттике и Спарте, где побывал Анахарсис, он действительно прежде всего мог познакомиться с полисной организацией жизни населения, сосуществованием царской и выборной власти, силой земледельческого демоса в решении государственных дел.

Сарды же давали представление о совершенно другой структуре государственного устройства и жизнедеятельности лидийского народа, основным стимулом к обогащению которого была война. Анахарсису, согласно Геродоту (*IV*, 77), более всего импонировал спартанский образ жизни и стиль их разговорной речи. К сожалению, историк был далек от того, чтобы выяснить причину поездки Анахарсиса в Элладу и сумел ли этот скиф что-либо из узанного, позаимствованного там учредить на своей земле. Его интересовала исключительно морально-религиозная сторона смерти Анахарсиса, хотя как раз в Спарте и Аттике, по всей видимости, еще можно было узнать о нем что-либо достоверное. Однако, находясь под влиянием трагедии, веры во власть божества и неперменное наказание за измену отчих обычаев, Геродот отверг все то, что узнал в Лакедемонии об Анахарсисе, как неправдоподобное.

А между тем, если бы он привел точный и конкретный источник, из которого почерпнул сведения о том, что «Анахарсис был послан царем скифов обучаться в Элладе» и что он встретился с пославшим его царем, поведав тому, «что все эллины поглощены всякого рода мудростью, кроме лакедемонян, но только эти последние могут разумно вести речь и воспринимать (чужую)» (*Herod. IV*, 77), насколько меньше было бы сейчас всевозможных дискуссий и размышлений на эту тему. Ведь, на самом-то деле, Анахарсис тонко подметил увлечение эллинов «всякого рода мудростью», что соответствует реально происходившему во многих городах Эллады. Лишь консервативная Спарта продолжала жить своими старыми традициями.

Однако, в этом завуалированном пассаже Геродота обращает на себя внимание и то, что кому-то из пелопонесских авторов было известно, что Анахарсис не только был послан в Элладу для обучения царем скифов, но, что особенно важно, рассказал этому царю о спартанцах по возвращении из Эллады. Если это так, то Анахарсис побывал здесь, по крайней мере, дважды. Кто же мог быть тот автор, кто оставил такие сведения? Действительно, во время путешествия Анахарсиса в Спарте жил один из мудрецов — Хилон, сын Димагета, лакедемонянин (*Diog. Laert. I*, 3). Прежде всего с мудрым скифом его роднит немногословие и изречения: «Сдерживай свой язык, особенно в застолье»; «Языком не упреждай мысль». Его краткословный стиль выражения мыслей Аристагор Милетский называл «Хилоновым».

Наряду с этим, Хилон так же отличился некоторыми законодательными актами. Он, став эфором в 556/553 гг. до н.э., возвысил коллегия эфоров «в одну упряжку с царями» для их активного участия в управлении государством. Отдельными современными историками, например, В. Эренбергом, высказаны предположения, что именно мудрый Хилон был единоличным автором «законов Ликурга» (1927. — *S.27*). Во всяком случае, Спарта времени Хилона, как и Афины — Солоня представляли несомненно большой интерес для того, кто мог быть послан для знакомства с их государственным устройством и заимствования их законов. В V в. до н.э. это были два абсолютно разных полиса, своего рода антиподы. Но в первой половине VI в. при становлении полисных структур в них заметно и кое-что общее, в частности, что касается земледельцев и социально-политических преобразований, направленных к оздоровлению и демократизации общества. Тем не менее в Спарте уже в это время вводится система государственного воспитания молодежи, установление контроля над лич-

ной жизнью и хозяйственной деятельностью, потреблением продуктов и т.д. (см. лит.: Андреев, 1983. — С. 194-216).

Как и в случае с Солоном, нельзя исключать, что Анахарсис встречался с Хилоном в Лакедемонне, который по этому случаю написал стихи. Диоген Лаэртский отмечает, что мудрый спартанец оставил двести стихов (I, 3). Геродот — естественно, весьма скептически относясь к поэзии, — посчитал все, что в ней говорилось об Анахарсисе, выдумкой лакедемонян. Тем более, что историку, считавшему Анахарсиса выходцем из племени скифских кочевников, придумавших такой отличный способ жизни, как передвижение в повозках, могло действительно показаться странным и неправдоподобным, чтобы он интересовался законами и обычаями государства земледельцев с целью их изучить и рассказать своему царю.

Завуалированный рассказ историка о том, что Анахарсиса знали в Спарте, также наталкивает на мысль, что он был выходцем из скифской Лесостепи, где в первой половине VI в. до н.э. шел интенсивный процесс становления государственности и где на самом деле нужны были знания о разных их моделях политического устройства и их конечном результате. Используя полисную модель, земледельцы, как показывают археологические исследования, явно шли по пути своего прогрессивного развития. Способствовал ли этому формированию скифских городищ в какую-то этнополитическую общность Анахарсис, нам, очевидно, никогда не узнать. Но наряду с этим нельзя не отметить, что вряд ли цари скифов-номадов в первой половине VI в., после их неоднократных нападений на малоазийские земли, двадцативосьмилетнего владычества в Передней Азии, интересовались государственным устройством и законами земледельцев Аттики и Спарты.

Мудрость Анахарсиса, включение его в число мудрецов античными авторами определялись по-разному. Геродот считал, что он приобрел славу мудрого мужа благодаря путешествиям; Эфор, относя Анахарсиса к гомеровским абиям, полагал, что он был включен в число Семи мудрецов за необыкновенную воздержанность и разум; Страбону казалось, что Анахарсис пользуется большой славой среди эллинов благодаря своей любезности, простоте, справедливости; Николай Дамасский и Дион Хрисостом отмечали, что Анахарсис считался в числе мудрецов и прибыл в Элладу для получения образования или с целью ознакомления с ее нравами и людьми; любителем образования и словесности называл его Фемистий; император Юлиан относил его к тем, кто чтит правду. Ход мыслей и подход в данных суждениях разный, но в принципе во взглядах древних авторов нет противопоставлений. Все вместе взятое было характерно для мудрецов и выделяло их среди масс как духовные личности, заговорившие языком назидания и дававшие первые нравственные уроки, образцы высокой морали.

Тем не менее обращает внимание то, что как в изречениях, так и письмах нет ничего такого, что не отвечало бы позициям и мироощущению полускифа-полугрека, знающего греческий язык, много путешествовавшего и получившего известность мудрого человека в Элладе. Это мировосприятие почти реально осязается в сочинениях античных авторов. Из него не создали ни знаменитого писателя и историка, ни выдающегося философа, ни политического деятеля, ни даже очень образованного варвара. Его жизненно-реальные высказывания интересны потому, что он принадлежал к эпохе зарождения философии, стоял у ее истоков и по происхождению был варваром, хотя и воспитывался матерью-гречанкой. Никто из древних не приписал ему обладание свойствами мудреца благодаря божественной силе. Анахарсис по силе разума и образованности, судя по его изречениям, намного уступал многим мудрецам, в особенности же Фалесу, Солону и

Ферекиду Сиросскому. Даже те авторы, кто, может быть, и хотел как-то возвысить Анахарсиса среди других, не сделал этого и не пытался сделать.

Создается впечатление, что в итоге, если отбросить разные измышления, он остался таким, каким представлялся еще в архаическое время. Он мудр и справедлив, но не претендует на высшую мудрость. Он — благовестник добродетели и свободы, но как же ему далеко до знаменитых киников! Эллинофилу Анахарсису никогда, даже с помощью идеализирующих его писателей, не удастся достичь быстроты и глубины мысли Фалеса или Солона. Не только в аспекте любого изречения Анахарсиса, но и согласно общему о нем представлению позднейшими авторами, возможно принять положение, что образ Анахарсиса развился со времени его жизни — эпохи архаики, эпохи мудрецов в результате сохранившихся и какое-то время существовавших его сочинений и стихов. Это явилось жизненным побуждением к развитию его образа разными поколениями авторов, начиная от софистов V в. до н.э., взявших на вооружение сентенции «архаических софистов».

Хотя эллины помнили, что Анахарсис — скиф, но одновременно с этим он был и полуэллин, и эллинофил. Он говорил и творил по-эллински. Его сосуществование с греческими мудрецами и сходство с ними по многим данным, его путешествия и кругозор, его интерес к государственным делам и законам, знакомство с мудрецами, образованность, немногословие и умение кратко выражать свои мысли, быстро и неординарно отвечать на вопросы, наконец, его длительное пребывание в Элладе способствовали тому, что он рано был включен на этой земле в число мудрых людей. Однако лишь некоторые авторы относили его к группе «Семи мудрецов». Главный стержневой момент его жизни и последующей славы — это, несомненно, его связь с мудрецами. Не будь он принят в их число, вряд ли бы античные авторы оставили о нем те сведения, которыми можно оперировать в настоящее время.

Леокс, сын Мольпагора

Если об Анахарсисе сохранилось много различных сведений в античной литературной традиции, то о следующем за ним по времени Леоксе, сыне Мольпагора, из Ольвии, как и о многих других личностях, имеются лишь единичные, а часто вообще отрывочные свидетельства. Поэтому при их рассмотрении будет уделяться и большее внимание источникам.

Леокс известен по одной, фрагментарно сохранившейся надписи на уникальной двусторонней стеле, которая сама по себе также представляет большой интерес, поскольку может дать отдельные штрихи к образу этого гражданина Ольвийского полиса.

В 1895 г. на территории с.Парутино, там, где в древности находился некрополь, при не совсем выясненных обстоятельствах была обнаружена средняя часть стелы общей высотой 0.66 м при ширине 0.36 м. Памятник представлял собой узкую тонкую плиту из белого мрамора, возможно, увенчанную пальметтой, подобно большинству аналогичных ионийских стел позднеархаического и раннеклассического времени. На узких боковых торцах стелы были высечены надписи, сохранившиеся частично, как и рельефы.

Первая, наиболее обширная и полная публикация этого памятника была сделана Б.В.Фармаковским (1915). В своей статье, состоящей из семи небольших разделов и представляющей и поныне по широте обзора и методике прекрасный образец для исследования подобного рода источников,

ученый самым скрупулезным образом рассмотрел обстоятельства его находки и историю изучения (в его время еще очень краткую), дал подробное описание сохранившейся части стелы, стилистический анализ изображенных на ней фигур с привлечением многочисленных и разнообразных аналогий и полной реконструкцией как рельефов, так и надписей. Большое внимание было уделено также ее датировке, назначению, сюжетной связи представленных на ней персонажей и, наконец, подробной интерпретации.

Однако, четкая заданность подчинения разбора сюжетов рельефов соответствию текстам восстановленных надписей привела Б.В.Фармаковского к определенным ошибкам и противоречиям в осмыслении памятника в целом и в характеристике его отдельных деталей. В общем после того, как чтение надписей было согласовано им с В.В.Латышевым, А.В.Никитским и М.И.Ростовцевым, они были реконструированы следующим образом:

[ΣΤΗΛΗΝ ΤΗΝ Δ ΑΝΕΘ]ΗΚΑ ΛΕΙΩΔΟΤΙ ΤΗΛΕ ΠΟΛΕ[ΩΣ ΣΟΙ
ΕΝ ΓΑΙΕΙ ΣΚΥΘΙΑ]Ι ΛΕΩΞΟΣ Ο ΜΟΛΠΑΓΟΡ[ΕΩ]

«Я, Леокс Молпагоров, посвятил тебе, Подательница добычи, эту стелу вдали от города (Ольвии), в скифской земле».

Вторая надпись, от которой сохранилось всего пять букв, была восстановлена в соответствии с первой:

[ΛΕΙΩΔΟΤΙ ΠΑΜΦ]ΑΕΙ — «Подательнице добычи
[ΛΕΩΞΟΣ ΜΟΛΠΑΓΟΡ]ΕΩ — Леокс Молпагоров»

Лишь с незначительными коррективами эти надписи были переизданы В.В.Латышевым, где он указывал, что не вполне уверен в правильности такого восстановления, высказав предположение, что надпись имеет посвятельный характер, поместив ее все же в разделе «Varia» (*IOSPE. I², 270*). После этого с новым предложением чтения выступил О.О.Крюгер, подвергнув обоснованной критике новообразованное слово ΛΕΙΩΔΟΤΙ, как сомнительное и даже неприемлемое (*1921. — С. 41-50; 1925. — С. 91-94*). Тем не менее, В.В.Латышев упорно отстаивал собственную интерпретацию (*1922. — С. 65-70*). Очевидно, только в связи с его смертью эта дискуссия не получила продолжения в советской литературе.

Между тем во многих зарубежных изданиях древнегреческих надгробных стихотворных эпитафий эти надписи воспроизводятся преимущественно за восстановлением О.О.Крюгера в ряду так называемых говорящих стел погребального назначения:

«Стою. Говорю, (что) вдали от города ... находится Леокс, сын Мольпагора» — на одном торце стелы и на другом «Могила Леокса, сына Мольпагора». Это наиболее минимальное дополнение надписей служит и наиболее важным аргументом в пользу их достоверности (*ср.: Peek, 1955. — № 1172; 1960. — № 7; Jeffery, 1961. — № 60; Clairmont, 1970. — S.31-33; Pfuhl, Möbius, 1977. — S.12*). В последнее время Ю.Г.Виноградов представил новое расширенное восстановление большой надписи:

[ΜΝΗΜ ΑΡΕΤΗΣ ΕΣΘ]ΗΚΑ ΛΕΓΩ Δ ΟΤΙ ΤΗΛΕ ΠΟΛΕ[ΩΣ ΠΡΟ]
[ΟΥΛΟΜΕΝΟΣ ΚΕΙΤ]ΑΙ ΛΕΩΞΟΣ Ο ΜΟΛΠΑΓΟΡ[ΕΩ] —

«Памятник доблести, я говорю, что вдали за отчизну,
Жизнь отдавши, лежит сын Мольпагора Леокс»

(*Виноградов, 1989. — С. 89; Vinogradov, 1991. — S. 597, 508; 1997. — S. 238*).

Разумеется, такая реконструкция эпитафии больше соответствует смыслу и характеру этого уникального памятника, однако, насколько она реальна и на самом ли деле совпадает с теми словами, что не сохранились,

вряд ли можно уверенно утверждать. Вполне вероятно, что в дальнейшем появятся и другие варианты ее восстановления. Важным, как представляется, при всех возможных реконструкциях, остается то, что не подлежит сомнению: стела поставлена Леоксу, погибшему вдали от родного города. Относительно надписи на другом торце стелы также не исключены предположения, что она удостоверяет вторично не имя этого гражданина, а изображенного в полный рост его слугу.

Не меньший интерес представляют и изображения на обеих ее сторонах. Согласно точке зрения Б.В.Фармаковского, здесь был изображен юноша-воин с копьем в шлеме и амазонка, якобы сходная в отдельных деталях с ее фигурой на краснофигурном алабастре из Одесского археологического музея. Богиня с эпиклезой Лейодота идентифицировалась им с Афиной как богиней-воительницей в соответствии с воином и амазонкой, имеющей к этому культу непосредственное отношение (Фармаковский, 1915. — С. 123-124). Учитывая это, упоминаемая здесь богиня выступала в образе Лейодоты (подательницы военной добычи).

Именно такой богине особенно почетно было посвятить стелу с изображением воинов. Б.В.Фармаковский был склонен видеть в рельефных изображениях даже Тесея и Антиопу. В общем, на основании главным образом восстановленной надписи, им была предложена и интерпретация назначения стелы: некий Леокс, одержав победу и получив хорошую добычу, решил отблагодарить Афины постановкой ей votivного памятника с соответствующими ее культу воином-юношей и воительницей-девушкой в святое место, находившееся вдали от города (Там же. — С. 123).

В дальнейшем, одни из исследователей, так или иначе касавшиеся этой стелы, буквально приняли определение и трактовку Б.В.Фармаковского (Иванова, 1953. — С. 48-50; Славин, 1970. — С. 465; Кобылина, 1972. — С. 6; Блаватский, 1947. — С. 56; Бритова, 1975. — С. 154); другие формально писали об этом памятнике, не касаясь его назначения. Лишь М.А.Максимова и М.М.Наливкина отмечали, что он интересен как редкий тип стелы, украшенной двумя рельефами, оставаясь тем не менее до конца не истолкованным (1955. — С. 299). Исходя из текста надписей и рельефных изображений, А.П.Иванова и Л.М.Славин относили стелу к посвящениям Афине в благодарность за какую-то победу над скифами. Характеризуя ее как одно из лучших произведений восточногреческой скульптуры из северопонтийских городов, М.М.Кобылина вообще считала, что она найдена вдали от города Ольвии, хотя такие сведения исходили из текста надписи, но отнюдь не из конкретного места находки.

Немногим позже Г.И.Соколов определил стелу как надгробие, одновременно соглашаясь с предыдущими авторами, что надпись на ней являлась посвятельной (1973. — № 3, 4). Однако, как может согласовываться посвятельная надпись Афине с погребальным назначением памятника, так и осталось не ясным. Только в последнее время без всяких оговорок он считается надгробной плитой с эпитафией (Русяева, 1986. — С. 532-553; 1987. — С. 158; 1987а. — С. 137-138; Виноградов, 1989. — С. 87-89; Vinogradov, 1997. — С. 449-510).

При этом не лишне подчеркнуть, что вслед за О.О.Крюгером зарубежные ученые единодушно относили его к надгробиям, исходя не только из содержания надписей, но и общего сюжета, а также аналогичных изображений (ср.: Buschor, Hamann, 1924. — S.36; Langlotz, 1927. — S.127; Diepolder, 1931.; Lippold, 1950. — S.118; Akurgal, 1955. — S. 17; Pfuhl, Möbius, 1977. — S.12; Rolle, 1980. — S.285).

Действительно, с определением стелы как votivной нельзя согласиться, несмотря на, казалось бы, очень убедительное истолкование ее перво-

Надгробная
стела Леокса,
сына
Мольпагора,
с изображе-
нием юноши
с посохом и
лучника.
Мрамор.

издателем. Прежде всего следует учитывать тот несомненный факт, что ее фрагмент был найден на территории ольвийского некрополя, скорее всего, в закладе могилы. Его не могли специально доставить для этой цели из святилища Афины-Лейодоты, расположенного якобы далеко за пределами города. Был ли сам Леокс похоронен здесь или только находился его кенотаф, установить сейчас невозможно. Представляется все же, что если в надписи указывается слово «вдали», независимо от того, как трактовать его во взаимосвязи с последующим словом («вдали от города» или «вдали за отчизну»), то в том и другом случае ясно, что Леокс погиб за их пределами и в Ольвии был установлен памятник над его пустой могилой.

Относительно определения фигур также существуют разнообразные взгляды. Высказанное Б.В.Фармаковским мнение, что на одной стороне представлен юноша-воин, а на другой — амазонка в той или иной мере, иногда с оговорками, принято отдельными исследователями (см.: *Виноградов, 1989. — С. 87; Vinogradov, 1991. — S. 504; Rolle, 1980. — S. 285*). В то же время многие считают, что это — скифский лучник или эллинизированный варвар (ср.: *Pfuhl, Möbius, 1977. — S. 12; Русяева, 1987. — С. 159*), который являлся слугой или провожатым Леокса.

Особняком стоит точка зрения А.П.Ивановой, видевшей в обнаженном юноше грека-ольвиополита, который посвятил эту стелу и изобразил самого себя, а фигура в скифском одеянии должна была показывать того противника, над которым одержана победа (1953. — С. 48-49). В отдельных случаях ученые вообще воздерживались от интерпретации, отмечая только характер одежды и вооружения. Не обошлось в научной литературе и без курьезов. Так, немецкий историк Ф.Альтхайм в труде об истории Азии в древнегреческий период опубликовал фотографию ольвийской стелы с лучником, где указывает, что это изображение сакского лучника из Персеполя, хранящееся в Берлинском государственном музее (*Altheim, 1947. — Abb.23*).

Рассматриваемая стела на самом деле принадлежит к тем уникальным памятникам, точная интерпретация которых затруднена прежде всего из-за их фрагментарности, способствующей зачастую различным домыслам и утверждениям, нередко ничем не доказываемым, а также отсутствием близких аналогий. Среди многочисленных памятников древнегреческой скульптуры, подобной или близкой ей по сюжету и расположению столь разных фигур, не имеется. Можно с полным правом говорить о том, что это единственное оригинальное произведение, изготовленное по заказу. Причем редкость заключается именно в показе необычной фигуры лучника на одной стороне стелы в смысловой связи с греческим юношей, тип которого в обнаженном виде был весьма распространен в искусстве Эллады. Он не играет особой роли, поскольку в его постановке и чертах прослеживаются многие сходные элементы со скульптурой позднеархаического и раннеклассического времени. Основная нагрузка и нерешенность вопроса связывается с фигурой лучника.

Изображения амазонок были нередки в древнегреческой вазописи, однако они крайне редки в скульптуре VII-V вв. до н.э. (*Bothmer, 1957*) и не имеют ничего общего с ольвийской стелой; не встречены они и в ионийской пластике этого времени. Сравнительный анализ дает крайне незначительное сходство в трактовке оружия. Несмотря на мужской костюм, в которых их обычно изображали, амазонки всегда выглядят с утонченно женскими чертами, грациозными движениями, в куртках и длинных, облегающих ноги штанах, что абсолютно не присуще фигуре на ольвийской стеле.

Здесь представлена статичная фигура юноши с хорошо развитой грудной клеткой, несколько выступающей верхней частью спины с большими лопатками, толстой левой рукой с широкой кистью. На нем тщательно моделирован висящий сбоку горит с луком на портупее, переброшенной через плечо, и, очевидно, кожаные браслеты у кистей рук, которые Б.В.Фармаковский определил как отвороты куртки. Между тем никакой одежды при самом тщательном осмотре фигуры не видно. Не заметны на скульптуре и следы от раскраски узоров плетенки, которые только предполагал первоиздатель, опираясь на изображения амазонки в вазописи (*1915. — С. 114*). В такой же мере он предполагал и «типичные пестро разукрашенные штаны, плотно обтягивающие ноги», хотя, как ни странно, никаких следов на фигуре от них, как и от шапки, не сохранилось ни в рельефном, ни в графическом, ни в живописном изображении.

Несмотря на то, что такой красочный костюм виделся лишь предположительно, в публикации представлена реконструкция М.В.Фармаковского великолепной фигуры амазонки в орнаментированной одежде, которая до сих пор воспроизводится в некоторых изданиях, хотя не подтверждается никакими данными. Именно эта реконструкция мешала в значительной мере правильной интерпретации всего памятника. Ведь уже то, что оружие столь подробно и тщательно моделировано, вызывает удивление, почему мастер, владевший тонкой проработкой аксессуара, ни единым штрихом не отметил детали одежды, надеясь только на роспись, на ее живописное отображение. Насколько известно, подобная манера не была присуща скульптуре и при ее раскраске. В такой же мере можно было бы считать, что и обнаженный юноша также был в живописном костюме.

В общем, если объективно оценивать изображение лучника, не допуская каких-либо предположений, а учитывая лишь то, что имеется сейчас на стеле, необходимо признать, что он представлен без одежды, что не свойственно ни для изображений амазонок, ни, тем более, скифов или других варваров. Во всех известных случаях на многих видах памятников

искусства они лишь иногда обнажены до пояса, чаще всего облачены в длинные куртки и штаны.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сугубо гипотетически считать, что на одной стороне надгробия изображен юноша с копьем или посохом. Его правая рука, полностью сбитая вместе с плечом, судя по расположению торса с приподнятой правой мышцей груди, была поднята высоко вверх и опиралась на какую-то палку. Во всяком случае, хотя и не совсем четко, можно различить, что прямое, но не гладко отесанное, древко прислонено вплотную к фигуре юноши справа и выделено едва заметной рельефной полосой, слегка очерченной с двух сторон. Его левая нога явно была выставлена несколько вперед, вся тяжесть туловища покоилась в основном на правой ноге. С обратной стороны стелы находился, по всей вероятности, его слуга и доверенное лицо с оружием скифского типа, который мог быть как греком, так и эллинизированным варваром, погибшим вместе с Леоксом. Факт использования причерноморскими греками скифского оружия являлся исторически закономерным, подтверждаемым к тому же и рядом археологических источников.

На античных надгробных памятниках чаще всего слуга изображался рядом с хозяином в несколько уменьшенном виде. Однако и среди них, особенно в архаический и раннеклассический периоды, имеются исключения. Примечательно, что слуга или служанка показаны в профиль. На ольвийской стеле именно профильное, а поэтому более узкое и как бы уменьшенное, по сравнению с основным персонажем, изображение лучника, повернутого лицом в сторону юноши, является основным связующим звеном между ними, служит соподчиненности одного рельефа другому, сюжетной связи между ними. Как раз профильная фигура является соподчиненной с развернутой в фас и занимающей все поле плиты фигурой с посохом. По сравнению с ней лучник выглядит меньше, уходит на второй план.

Б.В.Фармаковский, описывая обнаженного человека в фас, отмечал, что мастер ольвийской стелы «настолько владел знанием форм человеческого тела и умением передать их характер, что изображение не оставляет сомнений на счет возраста изображенного здесь юноши» (1915. — С. 101). Во многом это касается и фигуры лучника, находившегося в таком же молодом возрасте, хотя профильное изображение и уступает фигуре эллина по мастерству и детализации. В нем отчетливо просматривается некоторая суммарность в моделировке предплечья, верхней части спины и груди, что в свою очередь служит доказательством того, что он играл на стеле второстепенную роль.

Очевидно, в древнегреческой надгробной скульптуре раннего времени, когда происходило зарождение и становление этого вида искусства, еще не было выработано каких-либо строго определенных канонов, тем более, если это касалось уникальных памятников, изготовленных по специальному заказу соответственно личности умершего или погибшего, где слуга самоотверженно защищал его или оказал другие важные услуги, за которые удостоился чести быть изображенным на одном памятнике со своим господином, чтобы так же верно служить ему и в загробном мире.

Узкая форма стелы, расположение на всей ее плоскости основной фигуры строго выдержаны в том стиле, который был характерен для архаических надгробных стел, когда рядом с ней не оставалось места для какого-либо другого персонажа. Лишь со второй четверти V в. стелы стали немного расширяться и появились рельефы с двумя фигурами. Ольвийская же стела, следуя главным художественным принципам этих памятников и их стилю, в то же время является среди них исключением, так как

имеет изображение на обороте (*Ср.: Akurgal, 1955*). Скорее всего, как и в других, крайне редких случаях, оно диктовалось пожеланием заказчика.

Большинство исследователей считает стелу привозной из Ионии (Милета). За ее ольвийское изготовление высказались только А.П.Иванова (1953. — С. 50) и Ю.Г.Виноградов (1989. — С. 88). Причем А.П.Иванова считала, что та точность, которая свойственна изображению варварского костюма на лучнике, заставляет предполагать, что рельеф изготовлен в Ольвии греческим мастером, стремившимся к реалистическому отображению представителя местной среды. Однако, этой весьма интересной точке зрения противоречит ряд фактов и, прежде всего, отсутствие самого костюма. Скифское оружие было известно и средиземноморским грекам.

Помимо этого, нельзя не учитывать, что стела относится к тем редким памятникам древнегреческого искусства, которые создавались первоклассными мастерами, знающими все основы ваяния своего времени, прекрасно знакомыми с анатомией человека и обладающими тонким техническим мастерством обработки мрамора. Характер камня, форма стелы, обнаженность персонажей, тщательная моделировка тела, целостное построение и четкость силуэтов на узких пространствах плиты, тесно вписанных в ее поле, почти графическое изображение деталей оружия, наконец, наиболее характерные стилистические черты, свойственные восточногреческой скульптуре позднеархаического времени, указывают на ее принадлежность к скульптурам ионийских мастеров.

Изучение позднеархаической и раннеклассической скульптуры Ольвии в комплексе показывает, что здесь работали в это время весьма заурядные мастера, им не под силу было создание такого произведения. При теснейших политических, экономических и культурных контактах, существовавших между Ольвией и ее метрополией до гибели в 494 г. до н.э., не исключено, что такой памятник был заказан милетскому скульптору, который, разумеется, мог бы прибыть и в Ольвию, но в таком случае здесь были бы найдены и другие первоклассные рельефы этого времени.

В данном случае важно выяснение датировки стелы. Исходя из палеографического анализа, В.В.Латышев датировал ее IV в. до н.э. На основании аналогий, известных как в скульптуре, так и вазовой живописи, Б.В.Фармаковский относил ее к 475–460 гг. до н.э., точнее, приблизительно к 470 г., базируясь в основном на художественном анализе фигуры юноши с копьем (1915. — С. 126–127). Он отмечал как рельефы, роднящие его с архаическими скульптурами, в частности, торсом юноши из Милета конца VI в. до н.э., который и поныне остается ближайшей аналогией, так и отдельные детали, сходные с памятниками раннего строгого стиля. Исследователь, безусловно, прав, что для ольвийской стелы с самого начала были задуманы оба рельефа, одновременно исполненные одним мастером. Тем не менее, характеризуя стилистические особенности обеих фигур, он склонен был несколько омолаживать фигуру лучника, относя ее к периоду от 490 до 460 гг. до н.э., причем ближе к последней дате. Такой метод его датировки, в котором заведомо скрывались противоречия и неуверенность, очевидно, в дальнейшем способствовали тому, что надгробие со ссылками на первоиздателя все же датировалось по-разному — от конца VI до середины V в. до н.э. (*ср.: Крюгер, 1925. — С. 92; Блаватский, 1947. — С. 56; Иванова, 1953. — С. 50; Кобылина, 1972. С. 6; Максимова, Наливкина, 1955. — С. 299; Русяева, 1987. — С. 159; Pfuhl, Möbius, 1977. — S. 12; Rolle, 1980. — S. 285; Vinogradov, 1991*).

Еще Фармаковский при исследовании стелы отмечал ряд стилистических особенностей, характерных для архаической ионийской скульптуры: жесткость и суховатость отдельных линий рисунка тела, подробное обо-

значение мускулов груди и живота, плоскую форму его поверхности, некоторую скованность и малоподвижность (1915. — С. 101-102), то есть основные элементы, дающие основание для датировки стелы не второй четвертью V в., а хотя бы его началом, когда лишь намечался легкий переход к скульптуре раннего строгого стиля.

В ольвийских рельефах на стеле превалирует преимущественно архаический стиль, фигуры статичные, очень плоские, в них не прослеживается той свободы, мягкости и динамичности, свойственных скульптуре второй четверти V в. Кроме того, при датировке необходимо учитывать и форму плиты. Тип высокой узкой стелы с рельефным изображением одной фигуры, заполняющей целиком все ее пространство, к которому относится и наш памятник, был наиболее распространен во второй половине VI — начале V в. до н.э. в ионийском монументальном искусстве.

Общеизвестно, что с завоеванием Ионии и разгромом Милета в 494 г. персами скульпторы, как и многие другие выжившие мастера, переселились в Атику и Великую Грецию. Если же только ольвийская стела была изваяна в Ионии и, скорее всего, в Милете (тем более, что она наиболее близка милетской скульптуре), то хронологические рамки ее изготовления следовало бы сузить от 500 до 495 гг. до н.э. (Русаева, 1987. — С. 159).

Вся известная в настоящее время пластика Ольвии архаического и раннеклассического времени не имеет среди надгробий ничего подобного ни по мастерству исполнения, ни по размерам, ни по оригинальности. Очевидно, стела была заказана очень влиятельным и богатым гражданином или же самим городом для увековечивания памяти Леокса. Обычно статуей награждался деятель, сделавший значительные услуги государству, как это явствует из многих эпиграфических документов Ольвии и других античных городов. Дорогие памятники сооружались также и членами семьи.

Во всяком случае, судя по столь редкому надгробию, Леокс принадлежал к известным гражданам. Ни в одной из опубликованных лапидарных надписей такое имя больше не встречается. Имя его отца — Мольпагор — было довольно распространено в Милете в VI-V вв. до н.э. Оно встречается в списках милетских стефанефоров или отцов стефанефоров, найденных в Дельфинионе (*Milet, I, 3*). Они избирались из старинных аристократических родов и состояли в самом влиятельном религиозном союзе мольпов. В ольвийских надписях V в. также зафиксировано имя Мольпагор (*НО, 56, 58*) среди посвятителей памятников Аполлону Дельфинию и принадлежащих к ольвийскому объединению мольпов. Поэтому вполне вероятно, что Леокс тоже происходил из влиятельного аристократического рода.

Мастер, изготовивший стелу, несомненно знал историю его смерти. И памятник был предназначен только Леоксу. Его уникальность, в свою очередь, свидетельствует о каких-то экстраординарных событиях как в жизни Леокса, так и Ольвийского полиса. На рубеже VI-V вв. до н.э. он приобрел авторитет важного политического, экономического и культурного центра на Северном Понте. В полисном владении находились обширные территории, населенные эллинами — колонистами последних волн переселенческого движения, спровоцированного войной и сложными взаимоотношениями с персами.

Хотя поход Дария в 519 г. до н.э. (или немногим позже) не затронул Ольвию, — если верить Страбону (*VII, 3, 14*), то он не дошел даже до Тираса, — тем не менее, нижнебугские греки не могли не знать о движении персидской армии вдоль западного побережья, во главе флота которой находились их соотечественники-милетяне. Как они отреагировали на эти события, конкретно ничего не известно. Как бы то ни было, но отход Дария они не могли не воспринять с громадным облегчением. Именно к

периоду последариевского похода относится интенсификация полисных структур, расширение сельскохозяйственной округи, укрепление взаимоотношений с лесостепными городищами.

К началу V в. до н.э. номады, по-видимому, взяли под свой контроль обширные степные территории, а также отдельные районы Лесостепи (см. лит.: Мелюкова, 1988. — С. 17 сл.; Виноградов, 1989. — С. 84; Мурзин, 1990. — с. 53 сл.; Скорый, 1990). Они становятся здесь основной военной силой. А во времени Геродота оформилось политическое объединение степного и лесостепного населения в рамках союзного образования (Мурзин, 1990. — С. 65).

В зависимости от датировки стелы Леокса находится выяснение причин его смерти и той политической обстановки, которая сложилась во взаимоотношениях Ольвии с кочевыми скифами. Так, Ю.Г.Виноградов связывает этот памятник со временем запустения ольвийской хоры и скифской экспансией Ольвийского полиса (1989. — С. 86 сл.; 1991. — С. 508-510). Единичные, разрозненные и не синхронные данные (находка на поселении Большая Черноморца II сброшенного в хозяйственную яму первой четверти V в. человеческого скелета с пробитым черепом, поверх которого лежал собачий скелет с наконечником стрелы в плечевой кости, несколько погребений убитых начала V в. до н.э. на Березанском поселении; три погребения ольвиополитов V в. до н.э., сраженных стрелами), по его мнению, указывают на враждебность и конфронтацию на первых порах варваров и греков (1989. — С. 86-87).

Тем не менее, систематические и многообъемные исследования ольвийской хоры не дали той же картины, что в Лесостепи, где одни поселения погибли в пожарах, а другие были оставлены их жителями. Приведенные факты вряд ли могут свидетельствовать о враждебных взаимоотношениях между ольвиополитами и номадами: такого рода убийства нередко происходили в результате внутренних конфликтов на поселениях. Поэтому вряд ли целесообразно именно с такими событиями связывать смерть Леокса, якобы павшего «за отечество в одном из сражений со скифами, которыми, видимо, была так полна история Ольвии второго десятилетия V в.» (Виноградов, 1989. — С. 88). Автор этой концепции исходит в основном из трех положений: датировка стелы в пределах 490-480 гг. до н.э.; изготовление ее ольвийским мастером; соответствие этой даты скифской экспансии.

Однако, как указывалось выше, не имеется пока никаких надежных источников для утверждения, что таковая здесь именно в это время происходила (ср.: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. — С. 95, 97; Марченко, 1993). Анализ скульптуры из Ольвии VI — первой половины V в. до н.э. показывает, что в этом городе и его округе не имеется ни одного подобного по художественным качествам памятника. Ольвийские мастера в это время изготавливали небольшие рельефы и статуи из местного камня. Вся мраморная скульптура, — а Ольвия особенно известна наличием архаической пластики, — была привезена сюда из Милета (Русяева, 1987; 1992. — С. 100, 144, 145). После его гибели в 494 г. ее поступление прекращается. Вообще пока не найдено ни одного изваяния (привозного или местного), которое можно было бы датировать в пределах 490-450 гг. до н.э. Только во второй половине V в. до н.э., с расширением связей с Атикой, в Ольвии вновь появляется ряд произведений скульптуры, но уже афинских ваятелей.

Учитывая все вышеизложенное, вне зависимости от внешне- и внутриполитической обстановки в Ольвийском регионе, стелу Леокса предпочтительней относить к самому началу V в. до н.э. Такой ее датировке не противоречат ни стилистические приемы изображения персонажей, ни палеография надписей, ни место изготовления, ни наличие теснейших связей с метрополией, поставлявшей сюда множество товаров, памятни-

ков искусства и даже разнообразные архитектурные детали для строительства храмов и алтарей.

Думается, что если бы с самого начала или в какое-либо другое время скифские номады стремились подчинить Ольвию с помощью военной силы, они, безусловно, достигли бы этой цели. Северопонтийские эллины во всех государствах интересовали их с других позиций — как источники получения дани и торговли.

В таком случае на самом ли деле только на основании фрагментов рассмотренных надписей и рельефов можно однозначно установить, кем был Леокс, каким образом он погиб и где именно его настигла смерть. Многие вопросы, связанные с данным памятником, и обилие взглядов по разным из них свидетельствуют, что это невозможно. У каждого исследователя складывается собственное мнение относительно того, какую информацию из него он пытается почерпнуть и для доказательства каких концепций пристегнуть.

Представляется, что в данном аспекте можно выдвинуть еще два возможных решения причин смерти Леокса. Ю.Г.Виноградов резонно полагает, что, несмотря на любые дополнения эпитафии, бесспорен тот факт, что он погиб вдали (ТНЛЕ), а надгробие воздвигнуто над его кенотафом (1989. — С. 86). Однако, с этим фактом мало согласуется его точка зрения, что умерший сражался со скифами на ольвийской хоре или даже у границ самого города. Неужели в таком случае ольвиополиты не сумели бы забрать тело своего прославленного гражданина-защитника или выкупить его для надлежащего погребения?

Отмеченное в надписи «вдали», если учитывать, что ольвиополиты даже около середины V в. до н.э., по данным Геродота, все еще считали себя милетянами, а Милет своей отчизной, может относиться и к метрополии. Тем более это возможно, если родители или другие близкие родственники, узнав о смерти Леокса в далекой земле, послали ему надгробную стелу. Если же сами ольвиополиты решили установить достойную памяти своего героя величественную стелу, то и в этом случае еще в столь раннее время они осознавали себя живущими и умирающими вдали от своей исконной родины. Поэтому нет никаких конкретных доказательств, что она была установлена только над кенотафом.

С другой стороны, естественно, нельзя не учитывать, что Леокс на самом деле погиб вдали от Ольвии, исполняя одну из «посольских» миссий к земледельцам Лесостепи или кочевым скифам. Обращает особое внимание, что древко так называемого копья в руках юноши больше похоже на посох. Копье обычно изображали в виде тонкого, прямого, одинаковой толщины по всей длине древка, а посох по сравнению с ним выглядел сучковатым, плохо обработанным, более толстым (*ср., например, рельефные надгробные стелы конца VI - начала V вв. до н.э.: Виннер, 1972. — № № 105, 106*). Как раз такой показана палка у торса обнаженного юноши на Леоксовой стеле.

Исходя из этого, предположительно, тоже можно считать, что он олицетворяет собой не воина, а гражданина, отправленного с мирными намерениями в сопровождении охраняющего его слуги, а вместе с этим проводящего и переводчика, к какому-то племени, где его по неизвестной причине настигла смерть. Если это так, то стела действительно была установлена через какое-то время над «братским» кенотафом, поскольку вместе с ним, видимо, погиб и лучник.

Особый интерес представляет, конечно, и его личность. Слугой Леокса вряд ли мог быть представитель кочевников. При тех разносторонних контактах, которые установились между нижнебугскими эллинами и населе-

нием Лесостепи вплоть до заключения смешанных браков, не исключено, что он принадлежал к выходцам из этой области Скифии. Вместе с тем, можно предположить, что в социальном отношении, находясь в иерархическом соподчинении Леокса, он в то же время являлся свободной личностью, служил защитником и проводником, но отнюдь не рабом.

Таким образом, изображения фигур обоих персонажей могут трактоваться с разных точек зрения, что в общем и прослеживается во многих исследованиях этого неординарного памятника. Даже та картина, которая вырисовывается вследствие их рассмотрения, — во многом противоречивая и дискуссионная, — дает возможность отметить, сколь сложными являются фрагментарно сохранившиеся источники для установления единства взглядов при решении затронутых в них вопросов.

На основании рассмотренной стелы можно более-менее уверенно констатировать, что Леокс, сын Мольпагора, принадлежал к аристократическому милетско-ольвийскому роду и, соответственно, своему социальному рангу играл важную роль в государственной жизни Ольвийского полиса, скорее всего, погиб за него вдали от города при исполнении особой миссии. Его уникальная надгробная стела вне зависимости от интерпретации деятельности и причин смерти — неоспоримый документ существования на рубеже VI-V вв. до н.э. мирных эллино-скифских контактов, своеобразным олицетворением которых является уникальное изображение лучника на надгробном памятнике Леокса, сына Мольпагора, из Ольвии Понтийской.

Скил

События, связанные со смертью скифского царя Скила, почти единодушно все исследователи относят близко к середине V в. до н.э. В Северо-Западном Причерноморье в это время основную роль играли три разных этноса. В Подунавье все более усиливалось Одрисское царство, влияние которого распространялось на многие племена и даже античные города. В степной зоне, прилегающей к сельским территориям эллинов от Истра до Борисфена, обитали кочевники, зимние стоянки которых базировались в основном в Северной Добрудже. К востоку от Борисфена располагались более воинственные кочевники, соответственно Геродоту, царские скифы, под властью которых, видимо, пребывали и отдельные небольшие племенные объединения. В прибрежной части Северо-Западного Причерноморья уже полностью сформировались независимые друг от друга, с собственными государственными структурами и денежным обращением греческие полисы — Истрия, Никоний, Ольвия, в состав которой, вероятно, около середины V в. до н.э. вошёл и Борисфен. После походов Дария на Скифию в 519 г. до н.э. или немногим позже и скифов на Херсонес Фракийский в 496 г. до н.э., последние расширили сферы влияния как на греков, так и на фракийцев.

Экономические и культурные потребности трех главных этносов в данном регионе побуждали их не к враждебной конфронтации, а к поиску мирных взаимоотношений. Однако попытки установления таковых не всегда способствовали постоянному миру и благоденствию. Агрессивная политика отдельных претендентов на власть нередко приводила к столкновениям и нарушениям мирных контактов, кратковременным конфликтам из-за соперничества и политического влияния в регионе.

История Скила служит во многих отношениях уникальным примером для понимания эллино-скифских взаимосвязей во второй четверти V в. до

н.э. Главным источником сведений о нем является историческая новелла Геродота, описавшего причину смерти Скила и попутно затронувшего ряд других моментов из его жизни (IV, 78-80). Помимо этого, в окрестностях Истрии был найден золотой перстень Скила и одного из его предшественников Аргота (Виноградов, 1980).

В последнее время считается, что монеты с надписями ΣΚ, ΣΚΥ, ΣΚΥΛ из Никония принадлежали этому династу (Карышковский, 1987; Загинайло, 1989; Виноградов, 1989. — С. 106; Анохин, 1989. — С. 76-77). Эти важнейшие источники, бесспорно, подтверждают историчность Скила и снимают сомнения в том, что его якобы для сравнения с Анахарсисом придумал сам Геродот (ср.: Алу, 1921. — С. 128; Куклина, 1971. — С. 116). Большинство ученых, касаясь личности Скила, отмечали надежность сведений Геродота и отводили ему определенное место в генеалогии скифских царей (см. лит.: Доватур, Каллистов, Шишова, 1982. — С. 317-318; Кузнецова, 1984; Виноградов, 1989. — С. 95 сл.).

Не углубляясь в подробную историографию, поскольку отдельные точки зрения будут отмечены в дальнейшем, все же следует подчеркнуть, что разностороннее изучение новеллы Геродота об этом царе, иногда в совокупности с другими источниками, позволило в значительной степени осветить многие вопросы, связанные с его личностью. В первую очередь сказанное относится к пребыванию скифского царя в Ольвии и выяснению реальных причин его устранения от царствования над скифами, появления его монет именно в Никонии и особенностях золотого перстня, найденного случайно, возможно, на том месте или неподалеку от него, где он был убит.

И тем не менее до сих пор не имеется обобщающей характеристики Скила в контексте эллино-скифских взаимоотношений. Не выяснен окончательно вопрос о том, над какими же скифами царствовал Скил, как и его предшественники. Одни ученые причисляют его к царям так называемой Великой Скифии, которая, по их представлениям, в V в. до н.э. уже обладала мощным экономическим и военным потенциалом, овладела некоторыми племенами Лесостепи и держала под своим контролем понтийские полисы; другие, наоборот, сужают территориальные рамки его владычества до Северо-Западного Причерноморья или Северной Добруджи.

Вся сложность отмеченных вопросов заключается в большом количестве существующих ныне разных, а порой и диаметрально противоположных взглядов на этнополитическую историю Скифии, в том числе и в первой половине V в. до н.э. Исходя из этого, не остается ничего другого, как опираться преимущественно на источники и те исследования, которые не находятся в разительном противоречии с ними.

Геродот представил довольно подробный рассказ о Скиле сравнительно с Анахарсисом. Бесспорно, это объясняется тем, что его информатор Тимн в действительности знал Скила и был осведомлен о многих перипетиях его жизни. Столь важные свидетельства, изобилующие именами царей скифов, фракийцев, агафирсов, указывают на то, что Тимн находился какое-то время в постоянной ставке царя Ариапифа, но вряд ли был ольвиополитом, поскольку являлся его поверенным (ср.: Скржинская, 1982. — С. 98, 1991. — С. 68; Виноградов, 1989. — С. 100). Скорее всего, он был братом или близким родственником жены-истрианки Ариапифа.

Само собой разумеется, что о жизни Скила, погибшего во времена Геродота, было известно намного больше подробностей, чем об Анахарсисе по прошествии 150-100 лет, когда сменилось не одно поколение жителей в греческих городах. Об этом мудреце, по данным Геродота, уже никто из скифов и греков не помнил. А, возможно, если только наше предположение о его принадлежности к скифской элите Лесостепи и Борисфена верно, ни

ольвиополиты, ни тем более «новые» номады о нем никогда и не слышали, так как они в столь раннее время здесь еще не обитали. Поэтому Тимн, исходя из расспросов историка, высказал лишь собственные соображения о его родословной в то время, как родословную Скила он хорошо знал.

Нередко при рассмотрении новеллы Геродота, как и некоторых других его пассажей, отдельные исследователи для достоверности собственных выводов прибегают к абсолютно не доказанному пребыванию историка не только в Ольвии, где он якобы лично общался с ольвиополитами, давшими ему полную информацию о двух скифах — эллинофиллах, но и в Скифии (ср.: *Гриневиц, 1964. — С. 106; Скржинская, 1982. — С. 98; 1991. — С. 68-69; Рыбаков, 1988; Виноградов, 1989. — С. 100; Русяева, 1993 — с лит.*). Учитывая характер его повествования и метод изложения исторических реалий, необходимо критически подходить ко многим его сведениям с тем, чтобы вычленив из них или различать истинные факты и художественный вымысел или ироническое отношение к определенным событиям в связи с его личными симпатиями и антипатиями, к которым нередко прибегал Геродот, создавая занимательные рассказы для эллинов (ср.: *Кузнецова, Миллер, 1984; Немировский, 1986*).

Скил был сыном, очевидно, единственным, родившимся от брака царя скифов Ариапифа и эллинки из Истрии (*Herod. IV, 78, 1*). Его отец, кроме того, имел жену-туземку, видимо, скифиянку или агафирсиянку Опойю, от брака с которой известен сын Орик, и жену-фракиянку, дочь основателя Одрисского царства Тереса, родившую Октамасада. Если только на самом деле Ариапиф имел три жены, которые относились к разным, но соседним этносам, то это редчайшее свидетельство для того времени дальновидной политики этого царя, его умения налаживать дружественные связи путем заключения межэтнических браков.

Как и в любом другом древнем обществе, цари фракийцев и скифов, а также эллинская аристократия понтийских полисов, были наиболее активными и предприимчивыми во многих делах, рационально предвидели, что родственные отношения на высшем уровне в наибольшей степени могут способствовать миру, приносящему благо и всему населению.

Из геродотовой новеллы неясно, кто из сыновей Ариапифа являлся старшим сыном и получил ли Скил право на царствование законно, соответственно своему старшинству. Брак Ариапифа с дочерью Тереса датируется то концом VI- началом V в. или 480-ми годами, то вообще примерно 465 г. до н.э. (ср.: *Фол, 1972. — С. 139; 1975. — С. 139; Мелюкова, 1979. — С. 245; Доватур, Каллистов, Шишова, 1982. — С. 320*). По некоторым данным, брачный союз Ариапифа с эллинкой был заключен раньше, чем с фракиянкой. Поскольку неизвестно, в каком именно возрасте Скил унаследовал власть и как долго он правил, можно высказывать самые различные гипотезы, которые, впрочем, мало что дают для выяснения реальных событий и фактов.

Как бы то ни было, но местная эллинская аристократия Истрии, Борисфена и Ольвии стремилась укрепить свои позиции в Северо-Западном Причерноморье путем брачных союзов со скифской и фракийской царствующими семьями. Как раз женщина во все времена оказывала действенное, хотя подчас и скрытое влияние на многие стороны политической жизни (ср.: *Женщина..., 1995*). Однако трудно представить, чтобы образованный и цивилизованный эллин согласился на то, чтобы его дочь всегда жила в кочевой скифской среде после замужества даже и в роли супруги царя.

Очевидно, как и жена Скила — ольвиополитка, его мать в основном продолжала жить в отцовском или специально выстроенном для царской семьи доме в Истрии, воспитывая сына в эллинском духе, обучая его грамоте и своему языку. По примеру отца, из каких-то особых соображений,

возможно, и чисто меркантильных, Скил женился на гречанке из Ольвии, периодически посещая ее в этом городе, где имел также собственный «дворец». Ясно, что если бы он свое детство и юность провел среди кочевников, то вряд ли бы хорошо знал эллинские обычаи и проникся к ним особой любовью даже при знании языка и грамоты.

В чисто психологическом плане его эллинофилский настрой и приверженность к религии Диониса не могли возникнуть спонтанно, а являлись итогом воспитания и жизни в греческой среде. Воспитанный таким образом человек, восприняв власть своего отца — царя скифов, должен был особенно остро и болезненно осознавать превосходство эллинского образа жизни и культуры. Приобретенные в процессе воспитания и обучения навыки и образ мышления способствовали еще большему укреплению отношений между скифами и античными городами Северо-Западного Причерноморья после того, как Скил стал царем.

Согласно Геродоту, «Ариапиф был предательски убит царем агафирсов Спаргапифом, а Скил наследовал царскую власть и жену отца, имя которой было Опойя» (IV, 78, 2). В каком возрасте это произошло, историк не уточняет. Женился ли он на ольвиополитке до наследования царской власти или после нее, тоже ничего определенного сказать нельзя. Ю.Г.Виноградов правомерно допускает, что процесс эллинизации скифских царей начался еще при Ариапифе, а, возможно, и при Арготе (1989. — С. 103). Если учитывать при этом, что борисфенцы и ольвиополиты заключали выгодные браки с представительницами лесостепной скифской элиты, истрийцы женились на фракиянках, а нимфейцы и пантикапейцы — на синдианках и скифиянках, то в мировоззрении эллинов Северного и Западного Понта в этом аспекте произошел заметный сдвиг.

Заключение этнически смешанных браков в первоначальный период существования античных городов являлось необходимой закономерностью их демографического развития, хотя и не всегда способствовало прочности дружественных контактов между всеми обитавшими здесь народами. Для царских родов таковые стали во многих случаях почти традиционными.

Относительно наследования Скилом не только власти, но и жены отца, высказаны разнообразные мнения: как свидетельство обычая полигамии у скифов (Minns, 1913. — P. 116), доказательство существования минората (Артамонов, 1947. — С. 72) и даже левирата (Елагина, 1963. — С. 77). Если Скил все-таки был старше всех своих братьев по отцу и тем более не являлся братом убитого царя, то вряд ли правомерно говорить о наличии у скифов минората или левирата. Разумеется, это не исключается в других случаях в зависимости от того, что могло произойти с наследниками того или иного царя. Делать же на основании сведений о Скиле какие-либо выводы о минорате и левирате преждевременно.

Очевидно, Геродоту было известно о существовании у кочевников обычая полигамии. Однако и при таком предположении не исключено, что Ариапиф женился каждый раз после смерти очередной жены. Самая младшая из них осталась на попечении Скила, тем более, что с ней находился его сводный младший брат Орик. При этом нельзя забывать, что и отец, и сын были связаны брачными узами с эллинками. Насколько известно, в античных городах существовали моногамные браки. Не имеется никаких сведений, как могли реагировать родственники жен-эллинок и сами жены на одновременное существование других жен из варварской среды. Если они были еще живы, то, по-видимому, ничего о таковых не знали, тем более, если постоянно жили в городах, а не в местах обитания скифов.

Рассказ о Скиле и его родословной является бесспорным доказательством существования династических браков из знатными цивилизованны-

ми иноземками. Оказавшись по соседству с античными полисами и фракийцами, уже владевшими собственными землями в установленных границах, скифские номады более всего нуждались в налаживании между ними мирных контактов, чему в наибольшей степени отвечали брачные союзы. В мировоззрении многих эллинов была побеждена варварофобия, и хотя они не стали варварофилами, все же открыто не противодействовали таким бракам.

В судьбе Скила значительную роль сыграло его периодическое проживание в Ольвии и привязанность к эллинской культуре. «Управляя скифами, Скил отнюдь не был доволен скифским образом жизни, но гораздо больше был склонен к эллинским обычаям, вследствие воспитания, которое он получил, — отмечал Геродот. — Делал он следующее: всякий раз, как Скил вел войско к городу борисфенитов (борисфениты эти говорят, что они милетяне) и приходил к ним, он оставлял войско в предместье, сам же проходил внутрь, за городскую стену и запирали ворота. Сняв с себя скифскую одежду, он надевал эллинский костюм. Когда он шел в этом костюме на рыночную площадь, за ним не следовали ни телохранители и никто другой (а ворота охраняли, чтобы никто из скифов не увидел его в этой одежде). И во всем остальном он пользовался эллинским образом жизни, приносил жертвы богам по законам эллинов. Проведя так месяц или более того, он уходил, надев скифскую одежду. Делал он это часто, и дом построил себе в Борисфене, и женился там на местной женщине» (IV, 78, 3-5).

С учетом всех этих сведений и того, кем была его мать, становится понятным, почему к такому образу жизни он стремился. По своим взглядам и общему мироощущению этот скифский царь вовсе не был исконным номадом. Воспитанный в эллинском духе, воспринявший с младенчества традиции и образ мыслей, усвоивший все известные его матери и окружающим его истрийцам взгляды на жизнь, он в общем стал больше похожим на них, чем на скифов. Тем не менее от эллинов он отличался, прежде всего, своим происхождением и принадлежностью к царскому роду, вследствие чего после роковой смерти отца наследовал власть над скифами. В таком случае не исключено, что, будучи взрослым, он значительную часть времени проводил в ставке Ариапифа.

К сожалению, Геродот, уделив столь много места этнографии Скифии, ни словом не обмолвился о том, над какими конкретно из названных им скифских племен царствовали Ариапиф, а затем Скил, где они в основном обитали и какой образ жизни для них был более всего характерен, а также, как именно управлял ими царь. Если Скил подолгу находился в Ольвии, а его войско в ее предместье, то кто же управлял остальными скифами и как далеко в такое время они отстояли от этого города?

Многие исследователи очень мало касались этих вопросов. Для них само собой разумеется, что это были скифские номады или царские скифы, занимавшие обширные территории Юга Украины, которые имели одного могущественного царя и которому вынуждены были подчиняться разрозненные племена, названные Геродотом, на территории всей Скифии на самом деле как географической и культурно-исторической области, но отнюдь не единого государства.

Однако, как раз царские скифы, всегда тяготевшие к более богатым боспорским городам, а затем и правителям Боспора, вряд ли в первой половине V в. могли так тесно взаимодействовать с греками Северо-Западного Причерноморья и фракийцами. К тому же, если верна концепция о вторжении новых воинственных номадов с востока приблизительно в конце VI - первой четверти V вв. до н.э., то скифы Ариапифа — Скила не имели с ними ничего общего, им не подчинялись.

Перстень Скила.

В данном аспекте особенно заслуживает внимания точка зрения К.К.Марченко (1993. — С. 45-46). Действительно, при внимательном рассмотрении всех сообщений Геродота о скифских царях: Ариапифе, Скиле и Октамасаде (IV, 78-80), становится ясным, что их деятельность географически ограничена только западной, а не восточной частью Северного Причерноморья. В последней в основном располагались кочевья царских скифов Геродота, власть которых в это время вряд ли распространялась и на Северо-Западное Причерноморье, в особенности Подунавье. Два мощнейших водораздела и другие причины препятствовали первоначально близким и тесным контактам. Нельзя исключать при этом как экономическое, так и политическое разделение сфер влияния, особенно в первой половине V в. до н.э.

Между тем, вблизи границ ольвийской хоры в пределах этого времени непосредственно к северу и западу уже обитало скифское племя каллипидов или эллино-скифов. «От эмпория борисфенитов (ведь он самый срединный из приморских [пунктов] всей Скифии), от него первыми обитают каллипиды, будучи эллинами-скифами; а выше них — другой народ, которые называются алазонами. Вот они и каллипиды занимаются всем прочим так же, как скифы, но сеют и едят хлеб, а также и лук, и чеснок, и чечевицу, и просо» (Herod. IV, 17). О локализации каллипидов и их наименовании высказывались самые разнообразные взгляды и гипотезы (см.: Русаева, Скржинская, 1979. — С.23 сл.; Доватур, Каллистов, Шишова, 1982). В настоящее время существуют в общем две главных концепции: это скифское, отчасти уже эллинизированное полукошачье племя, занимавшее территорию к северу и западу от ольвийской сельскохозяйственной округи, а в период ее значительного запустения они могли подкочевывать и к ближайшей городской хоры; это особое греко-варварское население ольвийской хоры, возникшее в результате смешения эллинов со скифами (Марченко, 1983; 1991. — С. 22).

Однако, как показывают широкие и всесторонние исследования ольвийской округи, ее поселения были заселены в основном эллинами, что, впрочем, не исключает наличия на них, как и в самом городе, какого-то варварского населения, втянутого в обработку земли (*Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. — С. 90-94*) или появившегося здесь вследствие межэтнических браков. К тому же неуместно игнорировать то, что, представляя этнокарту Скифии, а не сельских территорий античных полисов, Геродот имел ввиду именно племенные объединения.

Если бы каллипиды на самом деле обитали на ольвийских поселениях, то около середины V в. до н.э., когда историк собирал информацию, их бы уже не существовало, так как хора в основном была оставлена ее жителями. Вряд ли Геродот не знал бы о таком феноменальном и относительно быстром смещении двух абсолютно разных по уровню развития этносов, как греки и номады, если бы на самом деле в Нижнем Побужье образовалось особое население, получившее к тому же чисто греческое название каллипиды (прекрасноконные).

В степной зоне Северного Причерноморья, что тоже весьма важно, в конце VI — первой половине V в. до н.э. не прослеживаются явственные следы единого и политически стабильного во временном и географическом отношении политического образования номадов, которое обладало бы мощным экономическим и военным потенциалом (*Марченко, 1993. — С. 44*). Как этнокарта Геродота, так и археологические материалы свидетельствуют о существовании различных неустойчивых и раздробленных этнических объединений кочевников и полукочевников, среди которых в аспекте данной темы особое место занимает племя каллипидов.

Локализация каллипидов и хронология, а также, что особенно интересно, ранняя приверженность к эллинской культуре Ариапифа и Скила, а, возможно, и их предшественников, дают возможность предполагать о принадлежности их к данному этносу. По всей видимости, еще в VI в. какая-то группа кочевников перебазировалась в Подунавье, где ими была занята определенная местность для зимних стойбищ и возможного контроля над греками этого региона. Во главе этих «прекрасноконных» мог стоять и Идантис, хитрость и храбрость которого Геродот обыграл в новелле о походе Дария.

Не исключено, что как раз они совершили поход и на Херсонес Фракийский в 496 г. до н.э. Вследствие их необыкновенной «всаднической мобильности», скорости передвижения и множества лошадей греки присвоили им этноним каллипиды, так как это племя не имело своего самоназвания. Их зимние стоянки базировались в Северной Добрудже, где они стали обитать во все времена года после того, как новая волна кочевников в конце V - IV вв. до н.э. заняла более обширные территории вплоть до Тираса, проникая периодически и дальше на запад.

Находясь преимущественно только в Подунавье, Ариапиф смог заключить выгодные для него брачные союзы со знатной истрианкой и дочерью фракийского царя Тереса. Последняя женитьба интерпретируется как первый мирный скифо-фракийский договор (*Мелюкова, 1979. — С. 245; Виноградов, 1980*). О пребывании скифов в Подунавье свидетельствуют погребения конца VI-V вв. до н.э. с их расширением в сторону Буджакской степи (*Андрух, 1992. — С. 5-6; 1995*).

Вследствие того, что Ариапиф был убит царем агафирсов, его наследник Скил где-то в начале второй четверти V в. мог откочевать к востоку, за Днестр, чтобы не вступать в военный конфликт с этим племенем. Помимо этого, на такое решение Скила могла повлиять внешнеполитическая обстановка: с одной стороны, враждебные агафирсы, а с другой, фракий-

цы, царь которых Терес, имея внука от брака своей дочери с Ариапифом, способствовал, чтобы именно он стал царем скифов. К тому же как раз при нем значительно усиливается Одрисское царство, стремившееся значительно расширить свои границы и политическое влияние.

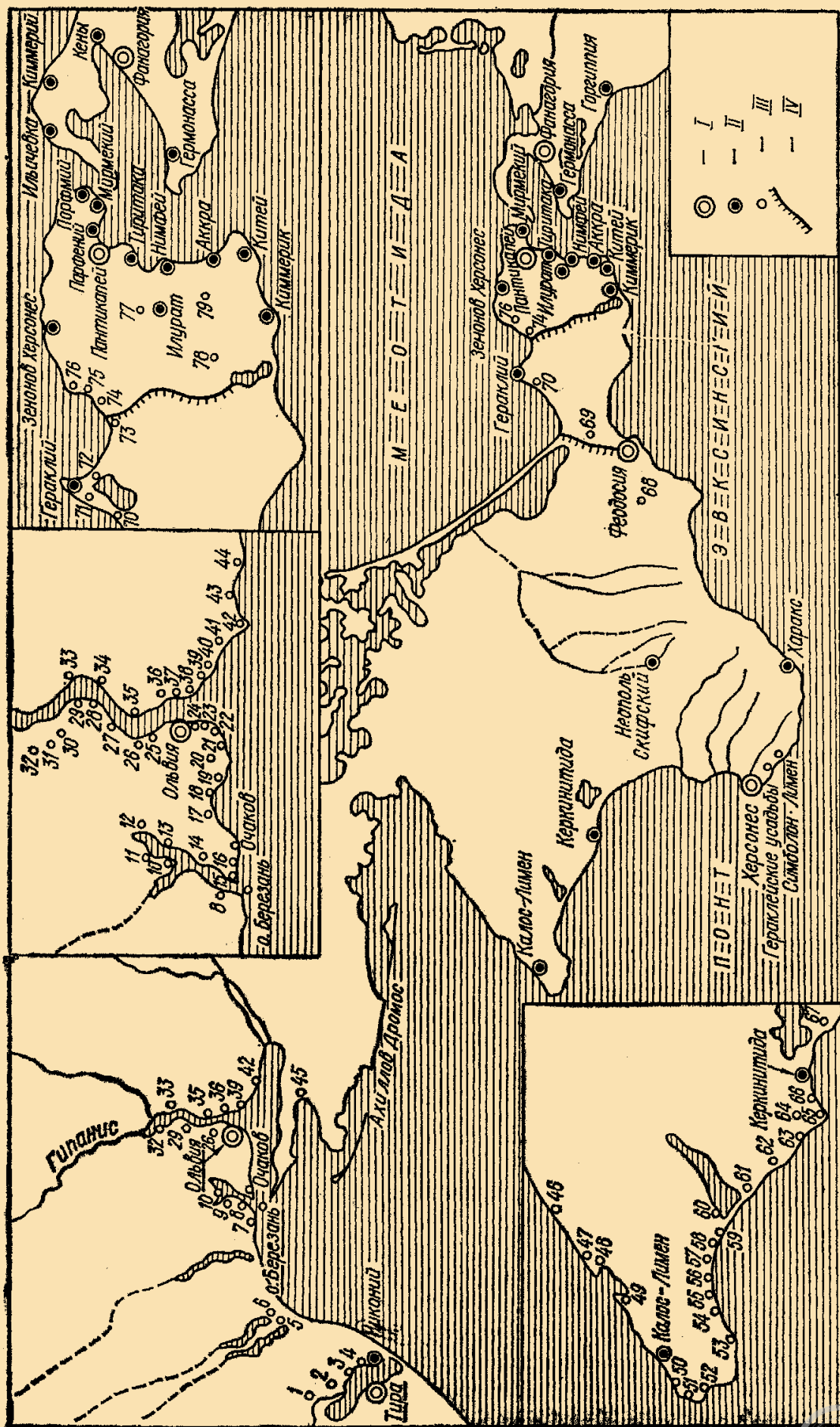
Еще в результате похода на Херсонес Фракийский скифы явно столкнулись с фракийцами (см. лит.: *Каллистов, Доватур, Шишова, 1982. — С. 389, 390; Виноградов, 1989. — С. 85, 86*). Скифские погребения второй-третьей четверти V в. до н.э. в Добрудже почти не известны (*Мелюкова, 1979; Андрух, 1992*). Их наличие в конце VI — начале V вв. до н.э., а затем хронологический разрыв вплоть до конца V в., дает право предполагать об откочевании скифов с данной территории, а затем — возвращении.

Общеизвестно, что эллины нередко давали названия отдельным племенам по имени или прозвищу их царя или вождя. Учитывая, что Ариапиф тоже мог родиться от смешанного (эллино-скифского) брака, то отсюда — его особая приверженность к Скилу и желание не только самому иметь жену-эллинку, но и способствовать заключению брака своего сына с ольвиополиткой, что, в свою очередь, значительно расширило границы скифского влияния. Именно Скилу в наибольшей степени соответствует прозвище эллино-скиф, хотя не исключено, что таковое имел еще его отец. Находившиеся в их подчинении скифы, среди которых, — во всяком случае, в элитарной группе племени, — также были рожденные от смешанных браков, по происхождению, а, соответственно, и прозвищу царей могли именоваться эллино-скифами.

Под влиянием или давлением эллинизированного царя и социальной верхушки племени исконно кочевой этнос мог перейти к полукочевому образу жизни, заниматься не только скотоводством, но и земледелием, употреблять в пищу те продукты, которыми обычно пытались греки. Разумеется, что инициатором такого изменения жизни кочевников мог быть очень волевой, инициативный, хорошо знающий эллинские обычаи царь. В роли такого преобразователя выступил или еще Ариапиф, или же продолжатель его деятельности Скил. Эту потребность в занятиях земледелием, — пусть только частичным, — усиливало, бесспорно, влияние эллинов, а также возможные стихийные катаклизмы, как война, угон или гибель скота. Подобные события нередко вынуждали отказываться от традиционного образа жизни, тем более, что налицо были примеры успешного ведения сельского хозяйства в античных полисах в прибрежной полосе.

В этом, как представляется, следует видеть «образование» особого и единственного в таком роде этноса Скифии — каллипидов или эллино-скифов, которые вряд ли имели постоянное место проживания на протяжении столетий. Первоначально, уже под предводительством Скила, они находились между Днестром и Гипанисом, поддерживая теснейшие связи с Никонием и Ольвией. По-видимому, благодаря Скилу и его родственным связям с истрийской аристократией между Никонием и Истрией установились особые отношения.

В не имевшем собственной монеты Никонии получили широкое обращение так называемые истрийские «колесики», а затем или одновременно с ними здесь в конце первой - второй четверти V в. до н.э. были выпущены собственные бронзовые монеты по образцу ольвийских или истрийских с изображением колеса, на лицевой стороне которых представлена сова в сопровождении букв: на самых мелких номиналах — ΣΚ, на средних — ΣΚΥ, на более крупных — ΣΚΥΛ (*Карышковский, 1987; Загинайло, 1989; 1990; Анохин, 1989*). Вслед за П.О.Карышковским, почти все нумизматы и антиковеды считают, что под этим сокращенным именем следует видеть скифского царя Скила, а не никонийского полисного магистрата с греческим именем.

← **Античные государства Северного Причерноморья (по С.Д.Крыжицкому):**

I - важнейшие города; II - прочие города; III - поселения и их современные названия;

IV - валы.

1 - Беляевка, 2 - Маяки, 3 - Наглиманское, 4 - Николаевка, 5 - Жеваховское, 6 - Лузановское, 7 - Кошары, 8 - Викторовка, 9 - Лиманы, 10 - Мыс, 11 - Шмигтовка, 12 - Каменка, 13 - Каборга, 14 - Большая Черноморка, 15 - Бейкуш, 16 - Малая Черноморка, 17 - Куцуруб, 18 - Ивановка, 19 - Дмитриевка, 20 - Аджигол, 21 - Петуховка, 22 - Днепровское, 23 - Закисова Балка, 24 - Широкая Балка, 25 - Чертоватое, 26 - Кателино, 27 - Козырка, 28 - Старая Богдановка, 29 - Новая Богдановка, 30 - Малая Корениха, 31 - Большая Корениха, 32 - Варваровка, 33 - Широкая Балка, 34 - Сиверсов Маяк, 35 - Октябрьское, 36 - Лиманы, 37 - Лупарева Балка, 38 - Семенов Рог, 39 - Скелька, 40 - Александровка I, 41 - Александровка II, 42 - Станислав, 43 - Золотой Мыс, 44 - Софиевка, 45 - Ягорлыцкое, 46 - Маслины, 47 - Гроты, 48 - Межводное, 49 - Панское, 50 - Кагель, 51 - Джангуль, 52 - Чоротай, 53 - Ойрат, 54 - Джан-Баба, 55 - Ак-Чокрак, 56 - Тарпанчи, 57 - Лазурное, 58 - Кальчукское, 59 - Беляус, 60 - Западно-Донузлавское, 61 - Южно-Донузлавское, 62 - Аирчи, 63 - Береговое, 64 - Молочное, 65 - Маяк, 66 - Чайка, 67 - Кара-Тобе, 68 - Старый Крым, 69 - Фронтное, 70 - Семеновка, 71 - Мысовое, 72 - Афанасьевка, 73 - Заморское, 74 - Ново-Отрадное, 75 - Золотое, 76 - Куль-Тепе, 77 - Тасуново, 78 - Тамарино, 79 - Костырино.

При этом одни из исследователей полагают, что Никоний был подчинен Скилу (*Карышковский, Клейман, 1985. — С. 44-45; Карышковский, 1987*), другие видят в нем протектора, распространившего зону своего влияния вплоть до Истра (*Виноградов, 1989. — С. 107; Охотников, 1990 — С. 69*). Более того, С.Б.Охотников предполагает, что в основании Никония принимала участие Истрия «под эгидой Скифской державы, а само название города объясняется победой номадов над Дарием» (1990. — С. 69).

Вместе с тем, этот процесс датируется также несколько другим временем и связывается с возросшим экономическим влиянием Истрии далеко на восток — в район Нижнего Поднестровья, где она могла создать один из основных опорных пунктов ионийцев Северо-Западного Причерноморья (ср.: *Avram, 1990. — S.24; Марченко, 1993. — С. 46*). Однако, в противоречии с этим находится как более раннее основание Никония (*Секерская, 1980*), отсутствие на его территории явных следов истрийского влияния во второй половине VI — начале V вв. до н.э., так и какое-либо присутствие скифов в это время. Другое дело, что во второй четверти V в. в Никонии действительно появляются истрийские монеты и налаживается собственный выпуск монет с именем Скила.

Относительно такого положения самого бедного и небольшого полиса в Северо-Западном Причерноморье высказана еще одна, заслуживающая внимания точка зрения. «Вряд ли можно считать, что Никоний был подчинен Скилу... Трудно согласиться и с тем, что господство обеспечивало бы царю (?) скифов большую выгоду, чем хорошо налаженные стабильные торговые связи со свободным городом. Здесь более важен другой момент — попытка Скила наладить выпуск собственной монеты по образцу ольвийской, с которой он, по-видимому, познакомился, живя в этом городе. Вряд ли эту попытку можно расценивать как элементарное подражание, не имеющее под собой экономических корней. Скорее следует думать, что Скил намеревался строить на базе греческого Никония свою, независимую от Ольвии, торговую и финансовую политику. Эта попытка, вполне согласующаяся с личностью Скила — скорее грека, чем скифа — создавала для Ольвии неприятные перспективы торгового соперничества. Как показывают находки «дельфинов», интересы ольвиополитов простирались и на Никоний» (*Анохин, 1989. — С. 77*). В этих рассуждениях, в общем дающих объективное понимание сложившейся обстановки, не учитывается то, что

в начальный период царствования Скила огромное значение имела не ольвийская, а истрийская олигархия, к которой он также принадлежал по происхождению от знатной эллинки из Истрии. Именно истрийские «колесики» в этот период широко распространились по территории Северо-Западного Причерноморья, включая Ольвию и ее округу.

Поэтому не исключено, что, воспользовавшись царствованием Скила, истрийские олигархи какое-то время оказывали давление как на Никоний, так и на Ольвию, состоявших в одной сакральной амфикинии под покровительством Аполлона Иетроса (Русяева, 1992. — С. 40-41). Колесо как символ этого бога практически в одно и то же время изображается на истрийских и ольвийских монетах, а также на монетах Скила. Хотя Ольвия в религиозном плане в определенной степени обособилась от других милетско-понтийских полисов, выдвинув на верховное место в пантеоне Аполлона Дельфиния, здесь, тем не менее, продолжала существовать символика Аполлона Иетроса, что также следует объяснять силой и влиянием старых аристократических родов, связанных с истрийской олигархией.

Любопытно, что в период царствования Скила ольвийский аристократ Ксанф и, возможно, почетный гражданин Истрии, посвящает треножник на мраморном постаменте Аполлону Иетросу — владыке Истра (Русяева, 1992. — С. 35-36; 1998; Rusjaeva, Vinogradov, 2000). По неизвестным причинам он не сумел его доставить в Истрию и установил в ольвийском святилище этого бога. Не смерть ли Скила и ухудшившиеся на какое-то время в связи с этим внешнеполитические взаимоотношения помешали его намерениям? Общий символ на монетах двух важнейших в Северо-Западном Причерноморье полисов в V в. указывает, что религиозная амфикиния продолжала существовать. Находившиеся у власти олигархи как в Ольвии, так и в Истрии стремились к объединению под защитой одного бога. Однако, ольвийская оппозиция, скорее всего, состоявшая из приверженцев культа Аполлона Дельфиния, в особенности мольпов и нумениастов, постоянно препятствовала представителям исконной аристократии, предки которых основали полис.

Поскольку Скил был воспитан в эллинском духе, то он, безусловно, хорошо знал культовую символику. Изображение колеса он раньше всего мог видеть на истрийских монетах. Очевидно, как и истрийцы, будучи приверженцем культа Аполлона Иетроса, исконно аристократического, поскольку именно этот бог являлся покровителем и защитником первопоселенцев, Скил следует традиции и помещает его символ — колесо — на собственных монетах. Но, вместе с тем, он отдает предпочтение атрибуту Афины — сове, которая всегда ассоциировалась с мудростью, и рядом с ней ставит свое имя.

С одной стороны, можно предполагать, что тем самым он отдает дань уважения богине, под сакральным предводительством которой, по убежденности афинян, они одержали грандиозную победу над персами в 480-479 гг. до н.э. Выпуск в Ольвии литых ассов с головой Афины также связывается с победами греков над персами. Поэтому Скил в этом городе мог подробно узнать как о событиях, происходящих в Элладе, так и о стремлении ольвиополитов отметить победы над общим врагом. К тому же в среде скифов еще не стерлась из памяти их победа над персидским войском Дария. Но, с другой стороны, вовсе не исключено, что сова являлась символом Скила, желавшего продемонстрировать эллинам как собственную мудрость в управлении скифами, так и свое уважение к эллинским божествам.

В данном аспекте обращает на себя внимание общая судьба сельских поселений Истрии, Никония, Ольвии. Приблизительно в одно время в начале второй четверти V в. жизнь на большинстве из них прекращается.

Короче говоря, обширные сельскохозяйственные территории какое-то время находились в относительном запустении. Причины этого явления до настоящего времени точно не выяснены, хотя и высказано множество разнообразных гипотез и утверждений (ср.: Русяева, 1979; Русяева, Скржинская, 1979; Виноградов, 1989; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989; Охотников, 1990; Марченко, 1991; 1993). Большинство из них с теми или иными оговорками и поправками сводятся к обострению военно-политической обстановки в Северо-Западном Причерноморье в целом, главным образом, во взаимоотношениях эллинов со скифами, в последнее время — с новой волной восточных номадов.

Однако, при всех, порой весьма интересных и оригинальных взглядах, ни в одном случае это явление не связывается с личностью Скила, хотя запустение сельскохозяйственных округ северозападнопонтийских полисов произошло как раз в период его царствования в той области Скифии, которая тесно соприкасалась с ними. К тому же, если бы на самом деле между эллинами и скифами существовали враждебные отношения или возникали конфликтные ситуации, приводившие к военным столкновениям, следовало бы ожидать следов насильственной смерти не нескольких человек, а разрушений целых поселений и пожаров на них.

Все исследователи сельских поселений, наоборот, отмечают, что процесс свертывания хоры в Нижнем Побужье, в Нижнем Поднестровье и Нижнем Подунавье был относительно постепенным, — от отдаленных мест проживания до ближайших к городам; на протяжении около пяти лет жители оставили свои жилища, унеся с собой все свои вещи и утварь. Никаких разрушений ни в одном из них не прослеживается. Все ли они переселились в города или же некоторые из них возвратились на ионийскую родину в освобожденные от персов места, точно не известно.

Так как запустение хоры произошло не в середине V в. до н.э., когда погиб Скил, а на четверть века раньше, то вряд ли можно делать вывод, что свержение этого царя заставило население ольвийской хоры покинуть свои незащищенные поселения (ср.: Доманский, 1981. — С. 159-160; Кузнецова, 1984. — С. 15). Они были оставлены в основном в первоначальный период его царствования. Вместе с тем, если он поддерживал очень тесные взаимоотношения со всеми греками Северо-Западного Причерноморья, то непонятно, почему совместно с ними не выступил на защиту сельского населения против новой волны кочевников, из-за которой якобы опустела вся здешняя хора (Марченко, 1991. — С. 23).

С учетом всех этих особенностей исторического развития греческих полисов в рассматриваемом регионе можно представить, что между ними и царством Скила, если только он являлся царем каллипидов, был заключен особый экономический договор. Основной его пункт заключался в том, что каллипиды производили для жителей городов все необходимые продукты в обмен на товары (вино, посуда, одежда, оружие, украшения и пр.), которые для них должны были поставлять эллины. Тем самым Скил стимулировал занятия своих соплеменников по отцу земледелием.

Привыкшие употреблять в пищу мясо и молочные продукты, рядовые кочевники вряд ли бы так быстро перешли к совершенно иному образу жизни. Стремление Скила создать свое особое государственное образование с применением, очевидно, каких-то эллинских политических и экономических элементов, привело его к пропаганде выгоды от занятий земледелием и заключения с олигархическими правителями Ольвии и Истрии соответствующих договоров. Этим самым можно объяснить запустение, в частности, дальней хоры. В противном случае совершенно непонятно, как горожане выживали в условиях не функционирующей сельской округи,

столь обширной, к тому же, до этого времени. Помимо того, не просто выживали, а занимались интенсивным строительством общественных и культовых сооружений, жилых домов, оборонительных стен, благоустройством, а также вели торговлю как с главными центрами Средиземноморья, так и с более отдаленными от них племенами.

Выпуском собственной монеты в Никонии Скил, по-видимому, на самом деле, попытался наладить независимую от Ольвии (*Анохин, 1989. — С. 77*) и в такой же степени от Истрии торговую и финансовую политику. Никоний был избран потому, что в этом регионе он являлся самым бедным и слабым. Его граждане также могли быть заинтересованы проводимой политикой Скила. Крайне незначительное количество его монет и их нахождение только в Никонии свидетельствует о том, что его далеко идущие планы не увенчались успехом, так как вскоре он был убит. Ольвийские и истрийские олигархи проявляли в данном плане большую изворотливость и силу.

Однако, вряд ли столь прямолинейно следует считать, что Скил погиб лишь из-за своей экономической политики, «став жертвой интриг ольвиополитов, договорившихся со скифской верхушкой о замене его «настоящим скифом»» (*Анохин, 1989. — С. 77*). Во-первых, «настоящим скифом» мог быть лишь Орик, если только его мать не относилась к соседнему племени агафирсов. Однако, о его правлении Геродот вообще не упоминает. Скифо-фракиец Октамасад, заменивший Скила, не мог полностью удовлетворить тех скифов, которые сохраняли свои исконные традиции, а вместе с тем и греков, всегда стремившихся к независимости. Тем более, что за Октамасадом стояла сила Одрисского царства, где у власти в это время находился его воинственный дядя Ситалк.

Было бы ошибкой полагать, что в смерти Скила замешаны ольвиополиты, которые из-за его филэллинства и приверженности культу Диониса относились к нему с доверием и симпатией. Противников этого царя, как и тех ольвиополитов, которые не воспринимали культ Диониса Вакха, явно было немного. Судя по рассказу Геродота, поначалу царь только изредка и на короткое время посещал Ольвию. Затем, видимо, ему так понравился этот город, что он построил себе здесь большой дом. Косвенным образом такое течение событий может указывать и на то, что Скил женился на ольвиополитке не сразу, а по прошествии какого-то времени. После этого он оставался здесь на более длительный срок — «месяц или более того» (*Herod. IV, 78.5*).

Относительно того, что за воротами Ольвии, у ее стен, Скил оставлял свое войско, высказаны разные мнения. Ю.Г.Виноградов резонно отмечает, какие серьезные противоречия кроются в новелле Геродота, когда он пытался объяснить, как скифский царь жил в городе и какие предосторожности предпринимал, чтобы его воины не увидели, чем он занимается и в какой одежде ходит (*1989. — С. 102*).

С целью доказательства своей главной идеи, что скифы жестоко наказывают своих вероотступников, «отец истории» сфокусировал свое внимание на самом деле на том, что не могло быть причиной его смерти. Скифы прекрасно знали, какое происхождение имел их царь, на ком был женат его отец и что, собственно, представлял собой Скил. Если бы его хотели убить из-за вероотступничества, это произошло бы давно, а не потому, что кто-то из жителей Ольвии донес на него дозорным, пригласив их посмотреть, как веселится их царь. Кроме того, вызывает недоверие, что его войско месяцами стояло под ольвийскими стенами. Такое, по сути, осадное положение могло бы вообще парализовать экономическую жизнь города (*Виноградов, 1989. — С. 102*). Неправдоподобно и то, что Скил приводил сюда все войско (особенно при том, когда в нем видят

царя всей Скифии (см., например: Грантовский, 1980. — С. 145-146; Виноградов, 1989 — С. 100, прим.84).

Следуя своей концепции о скифском протекторате над Ольвией, Ю.Г.Виноградов представляет его следующим образом: владыка Скифского царства Скил полностью продолжал политику предков, прежде всего своего отца Ариапифа, который держал в этом полисе своего поверенного Тимна; власть скифских царей простиралась преимущественно, если не исключительно, на экономику полиса; это нашло выражение в переносе доминанты в хозяйстве ольвиополитов с земледелия и скотоводства на транзитную торговлю скифскими поставками в Эгеиду, а также ремесло; ольвиополиты обрабатывали только ближайшие к городу земли; непосредственная внеэкономическая эксплуатация ольвиополитов со стороны скифов проявилась, видимо, в системе кормления войска, которая должна была ощутимо затронуть бюджет Ольвийского полиса; не исключено и взимание определенной подати или система даров; невмешательство скифских правителей и их наместников во внутреннюю и внешнюю политику; Скил периодически посещал Ольвию для получения подарков и дани (1989. — С. 107-109; Vinogradov, 1997).

Представленный таким образом протекторат Скила над Ольвией, лишенной к тому же своей хоры, как главной базы экономического самообеспечения, к чему всегда стремились граждане всех греческих полисов, не только ощутимо затронул бы ее бюджет, но вообще вверг в страшную нищету и голод. Тот относительно небольшой гражданский коллектив ольвиополитов в первой половине V в. до н.э. при всех стараниях и при посреднической торговле не смог бы долго продержаться, если бы кормил даже периодически огромное войско Скифского царства и платил дань.

Между тем, как уже отмечалось, Ольвия не только не пострадала, а постепенно превращалась в цветущий город, набирая силу и увеличивая экономический потенциал. Внешняя торговля с греческим миром по-прежнему активно развивалась (см. подробн.: Крыжицкий, Русяева, Крапивина, Лейпунская, Скржинская, Анохин, 1999. — С. 130 сл.). Не наблюдается погребениям скифских кочевников, особенно на территории Северо-Западного Причерноморья времени Ариапифа и Скила, как и в последующий период, особого обогащения ни царской семьи и знати, ни отдельных скифских воинов. Скил выпускал самую заурядную, по сравнению с Ольвией и Истрией, по размерам и весу небольшую литую бронзовую монету.

Отсюда ясно, что если бы Скил действительно проводил столь жесткую авторитарную политику по отношению к эллинам Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья, его судьба сложилась бы совершенно по-другому, как и судьба жителей греческих городов. Как экономическое ухудшение в таком случае, так и моральное потрясение привело бы их к потере уверенности в своих силах, краху надежд и сопутствующей этому состоянию эмиграции. Для примера можно вспомнить декрет Протогена более позднего времени, когда только слухи о нашествии галатов и скиров заставили многих ольвиополитов покинуть свой город (*IOSPE. I², 32*). Однако ничего подобного не произошло в период правления Скила. Экономическая сфера жизнедеятельности эллинов не претерпела резкого упадка, который должен был проявиться как явное следствие скифского протектората (ср.: Марченко, 1993. — С. 43-47).

Исходя из собственной идеи о сходстве причин гибели Скила и Анахарсиса как вероотступников, Геродот подробно описал, как первый из них пожелал быть посвященным в таинства Вакха, даже несмотря на величайшее знамение, когда сгорел его богато украшенный скульптурами сфинксов и грифонов дом из белого камня, так как бог метнул в него

молнию (*Herod. IV, 79. 1-2*). Остатки этого дома волновали многих археологов. Большую скульптуру сфинкса из Ольвии М.М.Кобылина прямо приписывала ольвийскому царскому дому (1972), хотя она была изготовлена намного позже — в последней четверти V в. до н.э. — и служила надгробным памятником, как и скульптуры архаических и эллинистических львов. В целом же приходится констатировать, что таковой на самом деле здесь еще не обнаружен. Если же он на самом деле сгорел, то после интенсивного домостроительства в эллинистический, — а в отдельных районах города и греко-римский период, — его остатки могли быть полностью уничтожены.

В рассказе Геродота о том, как некий ольвиополит сообщил старейшинам скифов, якобы находившихся вместе с войском под стенами Ольвии, безусловно, много новеллистических моментов, если это вообще не художественный вымысел. При помощи диалога историк акцентировал особое внимание на том, как Скил, став приверженцем чуждого скифам культа Диониса Вакха, вместе с другими посвященными пребывал в вакхическом экстазе и как это удалось увидеть старейшинам, поведавшим об этом всему войску. Археологические исследования оборонительной системы города свидетельствуют, что самые ранние стены и башни из сырцового кирпича, а не камня, относятся к IV в. до н.э. (*Крыжицкий, 1985. — С. 84-86*). Так что, вполне вероятно, что Геродот только представлял себе, что в окружении варваров на далекой периферии античного мира не мог существовать город без мощнейших оборонительных стен.

Создается впечатление, что Скила убили преднамеренно не поблизости от Ольвии, где он явно мог бы найти спасение и поддержку, а в Добрудже или в каком-то другом месте, наиболее близком к Фракии, где, очевидно, располагалась главная царская ставка. Здесь скифы восстали против него, поставив во главе его сводного брата Октамасада (*Herod. IV, 80.1-3*). Скил бежал, как ни странно, к правящему в это время в Фракии сыну Тереса Ситалку, приходившемуся дядей по матери Октамасаду. Несмотря на родственные связи, Октамасада «пошел войной на Фракию» с целью во что бы то ни стало убить Скила (*Herod. IV, 80.2*). Взвесив все последствия такой войны, молодой Ситалк решил вопрос дипломатическим путем: Скил был выдан скифам в обмен на брата Ситалка. «И Ситалк, взяв брата, увел его с собой. Скилу же Октамасада там же на месте отрубил голову. Вот таким образом скифы охраняют свои обычаи, а тех, кто перенимает чужеземные законы, вот так наказывают», — в назидание всем своим читателям писал Геродот (*IV, 80.5*).

Столь откровенное филэллинство Скила, проявившееся во всех сферах его жизни и деятельности, естественно, могло вызвать недовольство тех скифов, которые особенно чтили традиции своего народа. Но почему-то ни женитьба его отца на истриянке, а затем и его на ольвиополитке, ни воспитание в эллинском духе, ни выпуск монет с чисто греческой религиозной символикой, ни грамотность и длительное пребывание в Ольвии, а до этого и в Истрии, ни даже возможный переход под его воздействием к полуоседлому образу жизни не стали той основной причиной, которые привели его к гибели. Во главу угла Геродот, как и в рассказе об Анахарсисе, ставит посвящение в вакхические таинства Диониса и отправление мистерияльного культа Матери богов.

«Отец истории» по своему религиозному мировоззрению, очевидно, был противником этих двух культов с их дикими оргиями, необузданностью и пьянством. вполне вероятно, что сквозь призму религии простого, но самого мудрого народа среди варваров, по его убеждению, он решил показать неприемлемость почитания этих божеств здравомыслящими и

цивилизированными эллинами. Во всяком случае, вряд ли безоговорочно можно согласиться с его морализующим утверждением об истинной причине смерти как Анахарсиса, так и Скила. Не религия их погубила, а вечно существующее стремление к власти. Вероотступничество могло стать лишь побудительным мотивом. Основная причина заключалась не в изменении курса внешней политики скифов (Кузнецова, 1984. — С. 15), а в далеко идущих планах пришедшего к власти около середины V в. до н.э. фракийского царя Ситалка.

По сведениям античных авторов, это была известная и незаурядная личность (Thuc., II, 95-97; Diod., XII, 50). Границы Одрисского царства при нем значительно расширились, фракийская знать как никогда обогащалась (Златковская, 1971). Вполне вероятно, что первоначально Ситалк хотел укрепить свое государство за счет северо-восточных земель. Путем различных переговоров и хитросплетений он сумел выдвинуть своего племянника Октамасада на место Скила. Последнего кто-то — не исключено, что брат Ситалка, находившийся в это время у скифов, — уговорил бежать во Фракию, хотя ясно, что он мог бы спрятаться у своих родственников как в Истрии, так и Ольвии. По заранее придуманному фракийским царем плану Скила обменяли на брата. Скифо-фракийская война не состоялась и этому царю резонно приписывают дружественную политику по отношению кномадам (Блаватская, 1952. — С. 55). Родственные связи между скифами и фракийцами после смерти Скила значительно расширились. Поставив во главе скифов Октамасада и тем самым установив неприкосновенность границы своего царства по Истру, Ситалк занялся расширением его территории к югу и западу.

Интересно, что недалеко от Истра (в 10 км к югу на морском побережье, где, очевидно, был убит Скил) при вспашке поля был случайно найден золотой перстень с изображением сидящей в кресле женщины с зеркалом в правой руке и надписями: возле фигуры — ΣΚΥΛΕΩ — «Скила» (перстень); с оборотной стороны — ΚΕΛΕΟΕ ΑΡΓΟΤΑΝ ΠΑΡΕΝΑΙ — «Вели быть при Арготе» (Виноградов, 1980. — С. 93-98). Ю.Г.Виноградов считает, что Аргот — первый владелец перстня — являлся родоначальником прерванной после Идантирса династии скифских царей, отцом Ариапифа и дедом Скила. Судя по происхождению Скила и Октамасада, эта династия не была этнически чистой. Ее несомненная близость к северозападнопонтийским городам и Одрисскому царству указывает на то, что эти цари не принадлежали к царским скифам, поле деятельности которых находилось к востоку от Борисфена и в Лесостепи в V в. до н.э.

Существует, однако, ряд данных, которые позволяют говорить о совершенно новом этапе эллино-скифских взаимоотношений при Ариапифе и особенно Скиле. Во-первых, показательны территориальные масштабы их самых непосредственных контактов вследствие заключения браков с гречанками из Истрии и Ольвии. Расположенный между ними Никоний, по-видимому, на какое-то время становится главной ставкой Скила. Начиная с конца VI в., а возможно, и раньше, отдельные группы управляемых ими скифов под воздействием своих царей постепенно переходят к занятиям земледелием. В первой половине V в. столь эллинизированные цари (по сути, действительно эллино-скифы) могли стоять во главе племени калипидов, периодически занимавших местности к северо-востоку от Истрии до Гипаниса. Возможно, во времена Геродота в весенне-летний период они в основном обитали непосредственно к северу от ольвийской хоры и частично на ней после того, как греческие земледельцы оставили эти земли. Именно к этому времени относятся многочисленные погребения со смешанным эллино-скифским обрядом (Ковпаненко, Бунятян,

1978; Гребенников, 1989). Марицинский курганный могильник, видимо, является местом захоронения знати каллипидов.

В их среде, под влиянием эллинов, был создан при царе специальный совет из отдельных представителей этого племени, которые чем-либо отличились и находились во главе отдельных военных групп, сопровождавших Скила. Во всяком случае, термин ΟΙ ΠΡΟΣΤΕΩΤΕΣ (буквально: «стоящие во главе») до сих пор не имеет однозначной интерпретации. Соответственно письменным источникам и постепенному увеличению репрезентативных археологических материалов, действительно, вся деятельность известных по именам скифских царей от Идантирса до Октамааса тяготеет к историко-культурной области от Истра до Гипаниса.

В последнее время скифологи пытаются идентифицировать так называемые царские курганы с известными по именам царями. Чаще всего это происходит без учета всего комплекса источников о том или ином царе. Относительно того, где был похоронен Скил с отрубленной головой, никто из них не решился определить, однако его сводные братья Октамасад и Орик, по мнению А.Ю.Алексеева, были погребены в кургане Солоха (1994. — С. 7). Более того, этот автор считает, что на золотом гребне из кургана изображена батальная сцена как аллегория междоусобного конфликта сыновей Ариапифа — Скила, Октамааса и Орика, с чем согласиться невозможно, поскольку эти цари не имели отношения к царским скифам, и им могли принадлежать только более скромные захоронения в Северо-Западном Причерноморье.

Таким образом, поступательное движение эллинизации одной из значительных групп скифских кочевников было прервано новой волной кочевников с востока. Их гегемонистские устремления в итоге во многом нарушили тесные связи ольвиополитов с лесостепными племенами и каллипидами, оказав значительное воздействие на ход внешнеполитической обстановки в Северном Причерноморье. Скил же — ярчайший образец уникальных эллино-скифских мирных взаимоотношений на всех уровнях. Его гибель нанесла непоправимый ущерб их дальнейшему развитию и внедрению эллинского образа жизни в среду рядовых скифов Северо-Западного Причерноморья, а также вероятному созданию более усовершенствованного государственного образования по примеру эллинских полисов.

**«ЗОЛОТОЙ ВЕК»
ЭЛИНО-СКИФСКИХ
КОНТАКТОВ**

Левкон I	70
Перисад I	85
Атей	95
Евресибий, сын Сируска	106

На обороте:

Деталь чаши.

Курган Гайманова Могила в Запорожской обл.

IV в. до н. э.

Серебро, позолота.

Греческие полисы на Северном Понте и в дальнейшем своем развитии не стремились к созданию единого государственного образования. Автономия каждого из них была основой политического и этнического самосознания. В данном аспекте, как представляется, необходимо учитывать различие между собственно интересами гражданских общин в каждом конкретном полисе и отдельных лидеров, стремившихся к завоеваниям чужих земель, расширению территории своих государств, подчинению многих народов.

Весь ход исторического развития античных государств на Понте Евксинском показывает, что все они более всего ценили свою политическую свободу и независимость. При таком мировоззрении они вряд ли стремились к созданию единой Понтийской державы, которая была образована лишь на короткое время на рубеже II-I вв. до н.э., когда на исторической арене появился знаменитый Митридат VI Евпатор (см.: Шелов, 1986; Виноградов, 1995; Сапрыкин, 1996). Совсем другое дело, когда понтийские эллины поддерживали интенсивные экономические связи, способствующие и их культурному развитию, демонстрируя тем самым свои достижения и предоставляя почести и льготы тем, кто приносил прибыли полисам.

Однако в V-IV вв. до н.э. каждое из античных государств на Понте Евксинском в процессе исторического развития, различных условий существования и интенсивности взаимоотношений как с варварским, так и греческим миром шло собственным путем. В результате тиранической политики Археанактидов, а затем Спартокидов боспорские города были объединены в одно крупное государство. Тем не менее они долго сохраняли полисные традиции и независимость, хотя их свобода и была значительно урезана, по сравнению с другими понтийскими полисами.

Консолидация городов на Боспоре, чаще всего насильственная, присоединение к ним территорий, населенных разными разобщенными племенами, постоянная экспансионистская политика ранних Спартокидов создали все условия для организации в IV в. до н.э. сильной наследственно-тиранической державы (АРХН) (Шелов-Коведяев, 1985. — С. 82 — 144 — с лит.). Хотя Боспорское царство по многим чертам не являлось неким уникальным образованием в государственной практике эллинов, особенно эллинистического периода, тем не менее длительное господство фрако-эллино-скифской по происхождению династии боспорских правителей над греческими полисами удивляет своей политической гибкостью и практицизмом, многочисленными межэтническими браками, хитростью дипломатических связей с номадами, земледельческо-скотоводческими племенами.

нами Лесостепи и особенно столь высокоразвитым демократическим полисом, как Афины. Династические браки между представителями рода Спартокидов и вождей местных племен, а также царских скифов обеспечили преимущественно мирные взаимоотношения с ними.

Никогда кочевники Приднепровской Скифии не получали от эллинов такого множества разнообразных изделий из золота и других металлов, как в IV в. до н.э., во время царствования Левкона I и Перисада I. Найденные в богатых скифских и боспорских курганах уникальные произведения эллинских торевтов поражают утонченностью, художественным вкусом, высоким мастерством пластики и выразительностью образов как номадов, так и мифологических персонажей (*Мозолевський, 1971; Давня історія України, 1998. — С. 129 — 145; Русяева М.В., 1998 — с лит.*). Их накопление определяло в широком аспекте мировоззрение скифских царей и элиты, а вместе с этим — и сильное тяготение к владевшим большими богатствами боспорским правителям. Действительно, это время теснейших взаимоотношений между Боспором и Скифией можно считать «золотым веком».

Стремление к расширению полисных границ и экономической эксплуатации так или иначе проявлялось также в политике Ольвии, Тиры и Херсонеса Таврического. Однако, они совершенно не сравнимы с территорией Боспора. Кроме того, эти полисы никогда не владели таким количеством драгоценных металлов, как боспорские цари. Это подтверждается не только отсутствием столь богатых погребений и погребальных сооружений, как на Боспоре и в Приднепровской Скифии, но и сравнительной бедностью захоронений скифов на территории Степи от Гипаниса до района Добруджи в Подунавье, с которыми они главным образом контактировали.

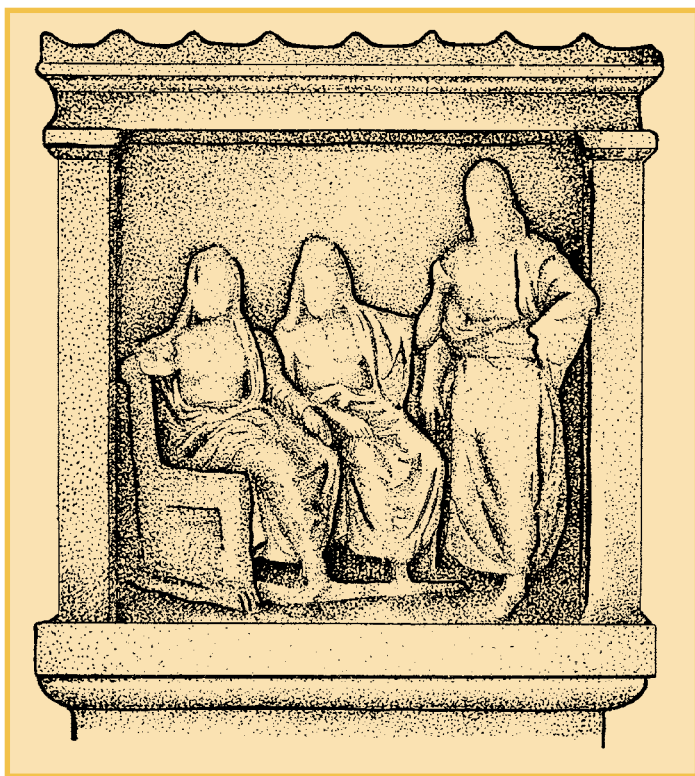
Если в VI - первой половине V вв. до н.э. в Северном Причерноморье столкнулись интересы эллинов и варваров, и было еще не ясно, какими путями в своем политическом развитии пойдут два столь разных мира, то во второй половине V - IV вв. здесь взаимодействовали несколько государственных образований (*Виноградов, Марченко, 1987; Marchenko, Vinogradov, 1989*). На прибрежной, относительно узкой полосе земли значительно более уверенно утверждали свое право на жизнь в данном регионе высокоорганизованные греческие государства с разным политическим устройством. В степной зоне — особенно между Борисфеном и Танаисом — наибольшую силу представляли кочевые (соответственно Геродоту) царские скифы. Именно от них, учитывая их военную силу, грабительские нападения и требование дани, в огромной степени зависела судьба как эллинов, так и многих других, но более слабых варварских объединений, в том числе к западу от Гипаниса. Боспорские цари в своей внешнеполитической деятельности, бесспорно, учитывали особенности географического расположения своего государства, стараясь различными способами поддерживать мирные взаимоотношения с воинственными соседями.

Левкон I

После сорокадвухлетнего (480/479 - 438/437 гг. до н.э.) правления «царствующих Археанактидов» (*Diod. XIII, 3, 1*) к власти на Боспоре пришла династия Спартокидов, правившая более трехсот лет (*см. лит: Гайдукевич, 1949; Шелов-Коведяев, 1985; Давня історія України, 1998*). Первый ее царь Спартак (в боспорской просопографии Спарток), находившийся у власти всего лишь семь лет, стремился к политике мирных договоров между полисами. При нем, как и при Археанактидах, консолидация большин-

Рельеф с изображением
сыновей Левкона I
на стеле с почетным
декретом.
Афины. 346 г. до н.э.
Мрамор.

ства из них носила в основном оборонительный и сакральный характер. Ситуация начала меняться при его сыне Сатире, начавшем экспансионистские действия с целью расширения территории своего государства за счет присоединения еще независимых полисов Нимфея и Феодосии. Полностью они были подчинены только при его сыне Левконе, деятельность которого стала широко известна в античном мире.

В общем к началу его правления династия Археанактидов и первые Спартокиды консолидировали большинство греческих городов на Боспоре, перед угрозой скифской опасности, под властью одного правителя. В это время была заложена основа нового надполисного территориального государства, которое с помощью объединенного войска было способно защитить города и их сельскохозяйственные округа от скифских вторжений. Сооружение мощного Тиритакского вала и оборонительных стен в отдельных городах значительно укрепили Боспорское государство. Кроме того, были налажены теснейшие связи с синдами благодаря брачным союзам между представителями боспорской и синдской элиты, в том числе дочерью Сатира и синдским царем Гекатеем.

Однако резко заметный сдвиг во всех сферах жизни боспорцев начался только во время правления Левкона I (389-347 гг. до н.э.). Относительно абсолютной хронологии его пребывания у власти, как и других боспорских правителей, не существует пока единой точки зрения, хотя расхождения в датах и не значительные (ср., например: Гайдукевич, 1949; Шелов-Коведяев, 1985; Яйленко, 1990).

Решительного и инициативного нового боспорского деятеля в Афинах считали даже основателем новой царствующей династии Левконидов (*Ael. Var. hist. VI, 13*), показывая тем самым, как высоко оценивали его деятельность в греческом мире. Не исключено, конечно, что эллинам в данном случае больше импонировало его греческое имя при сравнении с фракий-

ским Спартак. В глазах многих греков благодаря ему он мог считаться эллином, а не варваром.

Тем не менее, Левкон был внуком Спартока и сыном Сатира. Судя по имени, его дед, скорее всего, принадлежал к роду фракийских царей (*Гайдукевич, 1949. — С. 55; Шелов-Коведяев, 1985. — С. 83-85*). Вполне вероятно, что один из представителей знатного рода, — нельзя исключать, что он происходил и из малоазийских, а не балканских фракийцев, — появился на Боспоре вследствие заключения династического брака с дочерью последнего Археанактида, не имевшего прямого наследника. Учитывая то, что Спарток правил только семь лет и не оставил заметных следов в истории Боспора, но имел взрослого наследника, ему явно было много лет, его могли хорошо знать граждане городов, если он исполнял при Археанактидах высокие государственные должности и в сущности продолжал их политику.

Как бы то ни было, но то, что во главе большого на то время греческого государства стоял фракиец — факт уникальный в истории Эллады. При том, что эллины всегда противопоставляли себя варварам, вряд ли какие-либо группировки и союзы на Боспоре долго удерживали бы власть тирана при традиционно существующей полисной системе в его городах, если бы Спарток, как считают некоторые исследователи, захватил здесь власть насильственным путем. Ярко выраженная деятельность его сына Сатира, особенно в религиозной сфере, очевидно, исполняющего и должность главного жреца в храме Аполлона, его греческое имя и старшего сына (Левкон) указывают на то, что он воспитывался в эллинском духе и воспринял эллинские обычаи, следуя образу жизни боспорских греков. Возможно, что он был женат на элинке из знатного рода Пантикапея или Нимфея, где к этому времени укрепились аристократические роды первопоселенцев.

Если Спарток нарек старшего сына греческим теофорным именем Сатир, то в этом можно усматривать его особую приверженность веселому божеству из свиты Диониса, рождение его в дни дионисийских празднеств и желание угодить своим подданным из боспорских городов. В свою очередь, Сатир известными именами своих сыновей (Левкон, Горгипп и Метродор) еще более упрочил эллинские традиции в своем роду. Нельзя исключать, что имя Левкон хотя бы косвенно связывается с нимфой Ино, больше известной как Левкотея (светлая богиня). Если Спарток, а затем и Сатир почитали Диониса, то, естественно, хорошо знали его мифологию. Именно Левкотея после смерти своей сестры Семелы взяла на воспитание ее сына Диониса, провозглашая всюду его божественность.

Вместе с этим обращает внимание, что на монетах Нимфея времени Сатира с лицевой стороны изображена женская голова, на обороте — виноградная лоза — главный атрибут Диониса. Скорее всего, это образ Ино-Левкотеи, как спасительницы и второй матери бога виноградарства и виноделия, а также доброе морское божество, спасающее всех терпящих бедствия на воде (*ср.: Hom. Od. V, 333-353; Ovid. Met., IV, 416-431, 494-541*). Такое сочетание символики наталкивает на мысль, что Сатир был женат на знатной нимфеянке. Возможно, этим самым объясняется его нежелание вести лично прямые военные действия по захвату Нимфея. Разумеется, это все только гипотезы (*Русяева, Зубарь, 1998. — С.29-30*), требующие отдельного рассмотрения религиозного мировоззрения граждан Нимфея в сопоставлении с политикой боспорских архонтов, непосредственно связанной с этим полисом. Однако новейшая надпись из Нимфея времени раннего правления Левкона прямо указывает на то, что в этом городе не только почитали Диониса, но в его честь устраивали агоны, организацией которых занимался агонифет (*Соколова, 2001*).

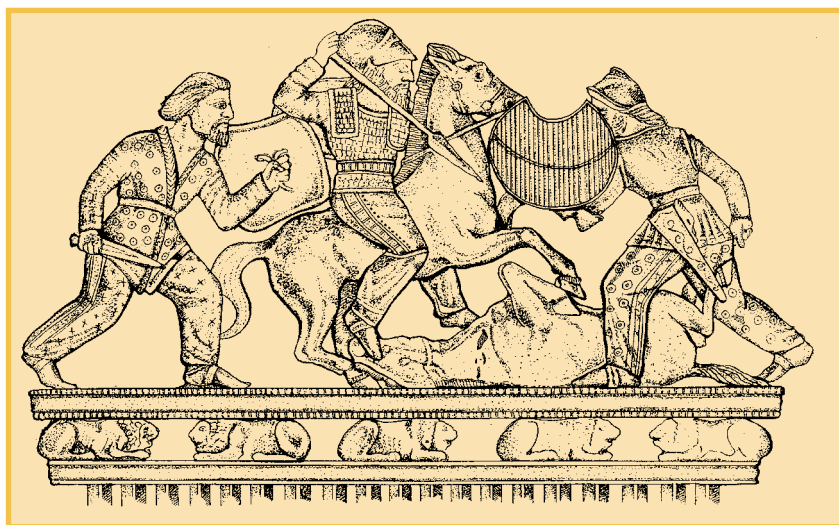
Таким образом Левкон продолжал следовать эллинскому образу жизни, получив, по всей видимости, высшее образование в Афинах. Во всяком случае, его необыкновенная «привязанность» к этому городу, его знание греческой культуры и желание, чтобы лучшие образцы памятников аттического изобразительного и прикладного искусства получили распространение на Боспоре, особенно в его столице Пантикапее, свидетельствуют о хорошем знании этим царем Афин, где в его время была сосредоточена творческая и политическая жизнь всей Эллады, но вместе с тем шла ожесточенная борьба политических группировок. Вообще история Эллады этого времени могла представить множество примеров того, как необходимо расправляться с неудобными оппозиционерами и врагами (Андреев, 1998. — С.350-358), что, вполне возможно, мог использовать Левкон в своей государственной деятельности, находясь постоянно в столь тесных отношениях с ее главными городами.

Однако то, что своим непосредственным наследникам он дал не эллинские имена Спарток и Перисад, лишь младшего назвав Аполлонием, в свою очередь указывает на сохранение в его семье фракийско-боспорских традиций и в IV в. В таком случае нельзя исключать, что он был женат на фракийской царевне. При этом любопытно отметить, что фракийский царь Котис считал себя сыном Аполлона. Все вместе взятое свидетельствует о том, что приверженность к Аполлону — исконному покровителю и защитнику боспорских греков подкреплялась в какой-то степени и тем, что он почитался и в фракийском царском роду. Очевидно, теофорное имя младшего сына Левкона было не случайным, а диктовалось приверженностью царской семьи к культу Аполлона, что подкрепляется наличием постамента статуи этого бога с вотивной эпитафией, найденного на Семибратнем городище (Блаватская, 1993), в которой этот бог в ипостаси Феба воспевается как владыка города Лабрита (Rusjaeva, Vinogradov, 2000. — S.231).

Древние авторы считали Спартокидов варварами (Strabo. 3, 7, 8; Plut. De stoic. rep. 20, C-D; Adv. stoic. 7), хотя весь комплекс источников, относящийся к их правлению, скорее всего указывает на то, что они были таковыми только по происхождению. Со временем в их родословной появились и смешались разные этносы, однако боспорцы, как и сами цари, помнили, что по главной (отцовской) линии они принадлежат не к исконным эллинам, несмотря на их имена и образ жизни.

С самого начала Левкон продолжал политику своего отца по расширению и укреплению территории Боспорского государства, следуя, как будет показано ниже, заповедям предков о сохранении гражданских прав и гражданских общин в городах с предоставленными им привилегиями в торговле. Как видно из некоторых источников, Сатир после своей внезапной смерти под стенами Феодосии оставил своему наследнику много сложных проблем и нерешенных дел. Левкон получил в наследство финансы, обремененные большими тратами на строительство, ведение войны с Феодосией, содержание войска под ее стенами, разоренную Синдику и области Азиатского Боспора в результате грабежей отвергнутой царицы синдов меотянки Тиргатао, неудачную внешнюю политику, растущее в связи с таким положением недовольство городских жителей и возможность заговора для свержения династии Спартокидов (Шелов-Коведяев, 1985. — С. 119).

В такой неблагоприятной ситуации молодому правителю необходимо было мобилизовать свои силы и разум, окружить себя верными сторонниками и помощниками, чтобы сообща укрепить власть в государстве и улучшить его экономическое положение. Письменные источники, в частности четыре новеллы Полиэна, объединенные под именем Левкона, дают некоторое представление о том, как он справился с поставленными задачами, а

Гребень из кургана Солоха. Конец V — начало IV в. до н.э. Золото.

также об образе и характере этого царя, неординарных методах его правления и проявлениях жестокости, хитрости и рациональном подходе к конкретным случаям в жизни боспорцев (*Polyaen.* 6, 9, 1-4).

При этом не лишне отметить, что пока не имеется никаких веских доказательств для того, чтобы данные рассказы Полиэна относить ко времени Левкона II, правившего приблизительно в середине — второй половине III в. до н.э. (ср.: Шелов, 1950; Шелов-Коведяев, 1985. — С. 114-121; Сапрыкин, 1986. — С. 72-73). Очевидно, Полиэн использовал сочинение более раннего автора, скорее всего, Дуриса, который был хорошо осведомлен в делах боспорских правителей Сатира и Левкона I (*Ростовцев*, 1925. — С. 130; *Струве*, 1968. — С. 185).

Начатое еще Сатиром большое строительство в Пантикапее, с перепланировкой города и благоустройством улиц, а также ведение войны, несомненно, требовали больших средств. С целью улучшения финансов Левкон придумал, как безболезненно для всех можно выйти из этого положения. Прежде всего, он объявил, что хотел бы чеканить другую монету, для чего нужно, чтобы каждый житель принес ему все имеющиеся у него деньги: «и ему принесли, кто сколько имел; он же, наложив другой штемпель, написал двойной номинал на каждой монете, так что, присвоив себе половину собранного, не повредил ни одному из граждан» (*Polyaen.* 6, 9, 1).

Если эта новелла действительно относится к Левкону I, то он предстает здесь одновременно как хитрый мошенник и добродетельный архонт, не допустивший разорения своих подопечных. Его «денежная реформа» способствовала в итоге улучшению не только его личного благосостояния, но и казны, финансы которой использовались на нужды государства, в особенности организации оборонительной системы и содержания войска.

Хитрость и расчетливость Левкона в наибольшей степени выражена во второй новелле Полиэна о Левконе. В ней повествуется о том, что царь узнал о заговоре против него. Среди заговорщиков оказались многие из граждан и его бывших друзей. С целью предотвращения государственного переворота он «созвал всех купцов и попросил у них займы все деньги, сколько у кого было, говоря, что ему выдают врагов» (*Polyaen.* 6, 9, 2). После того, как ему были одолжены деньги, он пригласил купцов к себе во дворец, раскрыл составленный против него заговор и сделал купцов своими телохранителями, предупредив их, что они смогут получить обратно свои деньги, если он останется жив. С помощью своих преданных друзей и купцов,

желавших не потерять свои деньги, Левкон «схватил и перебил участников заговора, упрочил за собою власть и отдал купцам деньги» (*Там же*).

Таким образом, купцы в Боспорском государстве представляли главную силу, на которую опирался Левкон, будучи в общем и сам первым наиболее инициативным и богатым купцом (*Гайдукевич, 1949. — С. 63-64*). Факт заговора на его жизнь был вполне возможен, особенно в начале его правления. Плохое экономическое положение государства, неудачи внешней политики в последние годы царствования его отца, разорительная для всех граждан война с феодосийцами были неизбежным следствием нарастающего недовольства в стране прежде всего против правящей династии. Альянс Левкона с купцами укрепил его уверенность и силу, предоставил возможность продемонстрировать жесткость своего характера и неумолимость по отношению к врагам. В итоге жестокая расправа с противниками и их уничтожение способствовали развитию мирных взаимоотношений этого царя с политами.

Роль Левкона в политической и экономической жизни Боспора значительно возросла с насильственным присоединением Феодосии. Войну с ней начал еще Сатир. Однако свободолюбивый полис при поддержке Гераклеи Понтийской мужественно сопротивлялся. В начале IV в. он являлся одним из самых сильных конкурентов в Северо-Восточном Причерноморье в торговле хлебом. Выгодное географическое положение Феодосии позволяло развивать интенсивное сельское хозяйство, а соответственно этому и торговлю, при наличии самого удобного и крупного после Пантикапея порта. В это время Феодосия представляла собой уже процветающий город (*Dem. 20, 33; Strabo. 7, 4, 4*). Овладение им стало одной из первостепенных задач Левкона.

Стремление боспорского правителя во что бы то ни стало присоединить этот полис и его хору к своему государству диктовалось не только его выгодным экономическим и экологическим положением, якобы даже незамерзающим портом, расширением западных границ, обосновавшейся там боспорской оппозицией (*Шелов-Коведяев, 1985. — С. 115*), но, несомненно, и тем, что Феодосия оставалась единственным независимым, вероятно, олигархическим полисом на Боспоре, где граждане имели все права, жили лучше, чем в других здешних городах, провоцируя тем самым у них желание иметь такую же свободу. Своей независимостью и процветанием, обширными торговыми и культурными связями со многими городами Эгеиды и Понта она представляла сильнейшую угрозу царскому режиму Спартокидов. Это понимал еще Сатир, начавший завоевание Феодосии, и, тем более, его сын, на практике узнавший, сколь опасен заговор даже немногих граждан подчиненных ему городов.

Насильственное присоединение Феодосии к Боспору вызвало с ее стороны столь мощное сопротивление, что борьба за нее для Сатира и Левкона превратилась в самое длительное и тяжелое мероприятие. Возможно, эта война не была бы столь затяжной, если бы Феодосию не поддерживала Гераклея Понтийская (*Polyaen. 6, 9, 3-4; Ps.-Arist. Oec. 2, 2, 8*). Этот дорийский полис, будучи метрополией соседнего Херсонеса Таврического, опасался экспансии боспорских царей в западном направлении (*Гайдукевич, 1949. — С. 58*) и их контроля над торговыми морскими путями. Вряд ли гераклеоты на самом деле стремились завладеть Феодосией как важной гаванью хлебной торговли (*Сапрыкин, 1986. — С. 72*).

Две последние новеллы Полиэна о Левконе показывают, сколь хитрым, коварным и жестоким был этот царь и в ведении войны против феодосийцев и гераклеотов. Как и в случае с заговором против него самого, он узнал об измене некоторых начальников военных кораблей (ΤΩΝ

ΤΡΙΝΡΑΡΧΩΝ), намеревающихся перейти на сторону врага, «схватил их и сказал, что слышал невыгодные для них слухи, но, конечно, не поверил им; приказал им оставить службу для того, чтобы в случае поражения их не сочли его виновниками, и назначил других триерархов» (*Polyaen.* 6, 9, 3). Но при этом родственников подозреваемых он назначил управляющими над отдельными селами (ΚΩΜΩΝ), доказывая тем самым, что они не причастны к измене и он не собирается их наказывать. И только после успешного завершения войны он объявил о предании суду триерархов совместно с их родственниками. Когда они собрались в здании суда, Левкон приказал своим воинам их всех перебить.

В последней новелле Полиэн рассказал, что во время войны с Феодосией гераклеоты прибыли к здешнему побережью с многочисленным флотом и стали делать высадки в разных местах на его территории. «Левкон, видя, что его войска действуют нерадиво и не препятствуют высадке врагов, для противодействия этому поставил впереди гоплитов, а позади их — скифов, и громко приказал последним в случае, если гоплиты будут действовать вяло и разрешать врагам высадиться, стрелять в них и убивать. Услышав это, гоплиты мужественно воспрепятствовали врагам высадиться» (*Polyaen.* 6, 9, 4).

Хитрость, жестокость и расчетливость Левкона помогли завоевать Феодосию. Его войско, как видно из новелл Полиэна, было разнородным и полиэтничным, состояло из флота, наемной тяжеловооруженной пехоты (гоплитов — греков) и скифских всадников-лучников. Последние помогали Левкону на правах союзного (*Гайдукевич, 1949. — С. 58*) или же наемного войска. Греки, очевидно, не желали воевать против феодосийцев и гераклеотов, поскольку у них не было причин считать их врагами своего государства.

Как долго тянулась эта война, источники умалчивают. Существует предположение, что победа Левкона была облегчена тем, что в Гераклее вспыхнула внутренняя социальная борьба, которая в 364 г. привела к установлению тирании Клеарха, в результате чего она не смогла больше помогать Феодосии (*Гайдукевич, 1949. — С. 59*). По мнению других исследователей, большая война между Боспором и Гераклеей происходила в пределах 389-370 гг., в результате которой победу одержала последняя. И только между 370 и 354 гг. до н.э. Левкон сумел окончательно подчинить Феодосию.

Такой подход к боспоро-феодосийско-гераклейскому военному противостоянию может не вызывать возражений, если подходить к нему, исходя из внутренней истории южнопонтийского полиса. Однако, как показывает история Боспора первых десятилетий правления Левкона, Феодосия была присоединена несколько раньше. На основании последнего выпуска монет автономной Феодосии считается, что этот правитель, опираясь на скифов, сумел подчинить ее приблизительно в пределах еще 80-х годов (*Шелов, 1956. — С. 42; Анохин, 1986. — С. 30; Шелов-Коведяев, 1985. — С. 122 — с лит.*). Эта точка зрения нашла подтверждение в найденной на Семибратнем городище votивной эпитафии Левкона I (*Блаватская, 1993. — С. 34-47*).

После присоединения этого полиса в официальных надписях Левкон именовался «архонтом Боспора и Феодосии» (*КБН, 1111*). Из этой титулатуры ясно, что она действительно имела важное значение в политике и экономике Боспорского государства как из-за своего географического положения, так и потенциального хозяина огромной сельскохозяйственной округи (*Гаврилов, 1999*). Возможно, что она всегда имела особый политический статус в составе державы Спартокидов (*Виноградов, 1978. — С. 22-25*). А это, в свою очередь, наталкивает на мысль, что в итоге длительной войны феодосийцы поверили обещаниям Левкона о сохранении их

Ритон с дионисийскими сценами.
Северное Причерноморье.
Первая четверть IV в. до н.э.
Серебро, позолота.

полисных традиций и гражданской общины с ее правами и самоуправлением при выполнении определенных требований.

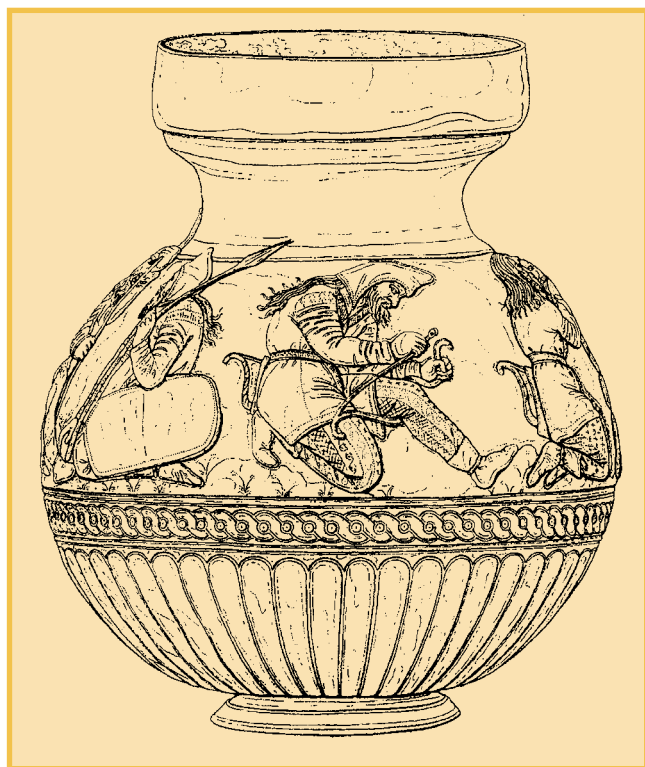
Феодосийский порт, явно пострадавший во время войны, к 355 г. до н.э. был полностью перестроен и стал после пантикапейского крупнейшим экспортером боспорского хлеба (*Dem. 20, 33*). И в последующее время Феодосия сохраняла за собой особое положение в составе Боспора, по сравнению с другими городами. Однако для того, чтобы быстро преодолеть кризисное состояние государства, завоевания одной Феодосии было недостаточно.

Ко времени прихода к власти Левкона заметно разбогатела аристократия Синдики благодаря тесным торговым контактам с Боспором и производству товарного хлеба, поступавшего через Пантикапей еще при Сатире в Афины (*Lys. 16, 4; Isocr. 17, 57*). Именно при нем значительно укрепились позиции Боспора в Синдике после восстановления царя Гекатея на престоле и его женитьбы на дочери Сатира (*Polyaen. Strateg. VIII, 55*). Чисто эллинское имя Гекатея указывает, что его родители также состояли в смешанном греко-синдском браке. Несмотря на эти родственные связи или же, наоборот, используя их, Левкон вслед за Феодосией присоединил к Боспору Синдику (*подр. см.: Блаватская, 1959. — С. 94 сл.; Устинова, 1966. — С. 128 сл.; Шелов-Коведяев, 1985. — С. 124-134*).

Очевидно, несмотря на пробоспорский характер правления синдских царей, породненных брачными узами с династией Спартокидов, присоединение Синдики не было единовременным актом, а в какой-то мере было сопряжено с военными действиями (*Устинова, 1966. — С. 132*). Следует думать, что первоначально занятый войной с Феодосией и Гераклеей Левкон оставил здесь у власти царя — мужа своей сестры, хотя его правление, вероятно, было ограничено. Очевидно, немаловажную помощь оказывал и его брат Горгипп, который сумел прекратить разорение азиатской части Боспора, утихомирив с помощью дорогих даров разгневанную супругу синдского царя — меотянку Таргитао.

Очень интересные и еще окончательно не расшифрованные сведения кроются в вышеупомянутой вотивной эпиграмме Левкона (*Блаватская, 1993*). Надпись высечена на постаменте из керченского известняка, правая сторона отбита еще в древности, имеются также потертости и трещины, что не дает полной уверенности в ее точном восстановлении.

Соответственно интерпретации Т.В.Блаватской, в ней речь идет о посвящении памятника архонтом Левконом по обету Аполлону Фебу, что

Кубок из кургана Куль-Оба.
Вторая половина IV в. до н.э.
Электр.

в Лабрите, а также о том, что царь помогал владыке города лабритян Октамасаду после сражения и победы над Феодосией, которому указал увести от синдов обоих сыновей и уничтожить смертоносную дружбу царя синдов (1993. — С. 36). Не вдаваясь в дискуссию относительно предложенного толкования надписи без ознакомления с оригиналом, а тем более о взаимосвязанности Октамасада эпиграммы с Октамасадом, убившим Скила, несмотря на большой временной промежуток (ср.: Блаватская, 1993; Алексеев, 1994. — С.16), что выходит в общем за рамки нашей работы, отметим наиболее важные моменты, касающиеся личности Левкона.

Прежде всего очевидно, что перед походом в Синдику он дал обет, что привезет и установит памятник Аполлону Фебу, если тот поможет достичь победы. Данная эпиграмма, — единственная, кстати, от имени самого Левкона, — удостоверяет, что он выполнил обет. В эпиграмме воспевается Аполлон Феб — владыка города Лабрита, который помог царю в сражении под Феодосией, а затем и синдами, возможно, спас его сыновей и дал понять, что дружественные отношения с этим племенем невозможны. Помимо всего остального, данная надпись — уникальный документ проникновения эллинов вглубь Синдики еще в период колонизации Таманского полуострова и основанного там греческого города (совр. Семибратнее городище) под сакральным предводительством Аполлона, в котором вместе с греками жили и синды.

Только этим можно объяснить сильнейшую эллинизацию во всех сферах жизни и деятельности его жителей (Анфимов, 1963). Наделение Аполлона сакральным титулом «владыка» особенно характерно для милетско-понтийской колонизации (см. лит.: Русяева, 1992; Rusjaeva, Vinogradov, 2000). Столь же присуще эллинам в этот ранний период проникновение вглубь территорий с разными целями, привлечение на свою сторону местных племен. В таких городах, наряду с эллинами, проживали и аборигены. Более того, в периоды войн и неурядиц греки периодически могли подчиняться

местным вождям. Например, в это же время в состав Одрисской державы входил греческий полис Абдеры, в котором также находилось святилище Аполлона и жило много эллинизованных фракийцев. Фракийские цари выдавали замуж своих дочерей за греческих стратегов их наемных войск и нередко сами женились на эллинках (*Xenoph. Anab. VII, III, 38*).

Совсем недавно опубликована новая посвятельная надпись из Нимфея. Она высечена на фасадном блоке архитрава: «Теопропид, сын Мегакла, этот вход посвятил Дионису, будучи агонифетом, при Левконе — архонте Боспора и Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев, псессов» (*Соколова, 2001. — С. 369*). Титулатура Левкона разительно отличается в данной надписи от тех эпиграфических источников, где он именуется уже не архонтом над перечисленными выше племенами, а царем (*КБН, 6, 6а, 7, 1037, 1038*).

Так, в хорошо сохранившемся посвящении Стратокла Аполлону Иетросу отмечено архонство Левкона над Боспором и Феодосией, но и царствование над синдами, торетами, дандариями и псессами (*КБН, 6*). «Сначала Левкон только «управляет» областью, которая имеет свою собственную систему власти во главе с легитимным владыкой. В дальнейшем подчинение Синдики завершается, и последнее различие в положении между ней и другими варварскими областями Боспора стирается» (*Шелов-Коведяев, 1985. — С. 134*). При этом не исключено, что находившийся здесь у власти Гекатей воспротивился архонтату Левкона, и он пошел путем окончательного завоевания Синдики и устранения строптивного царя. Таким образом, боспорский правитель присваивает себе титул царя именно покоренных им этносов, оставаясь архонтом Боспора и Феодосии.

Возможно, такая титулатура существовала еще при Археанактидах, на что может указывать свидетельство Диодора Сицилийского о царствующих правителях этой династии в Азии на Боспоре Киммерийском (*Diod. XII, 31, 1*): ΚΑΤΑ ΔΕ ΤΗΝ ΑΣΙΑΝ ΟΙ ΤΟΥ ΚΙΜΜΕΡΙΚΟΥ ΒΟΣΠΟΡΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣΑΝΤΕΣ, ΟΝΟΜΑΣΘΕΝΤΕΣ ΔΕ ΑΡΧΑΙΑΝΑΚΤΙΔΑΙ. Вряд ли столь компетентный историк не знал, что значительная часть Боспора Киммерийского находится в европейской части ойкумены. Поэтому вполне можно допускать, что ему было известно о царствовании Археанактидов над какими-то племенами в областях, расположенных в азиатской части Боспора, в то время как в европейской они выступали архонтами — более привычным для греков титулом. Введенная ими и заповеданная традиция, как и сохранение многих прав пантикапейцев, во многом поддерживалась и династией Спартокидов.

Другое дело, что при них, как и при Спартоке и Сатире, не была введена практика посвятельных надписей и даров в главные святилища, где дедиканты обязаны были отмечать, при царствовании какого Спартокида проводилось такое мероприятие. Несомненно, что, выступая в роли эпонима, такие правила впервые мог ввести Левкон, явно хорошо знающий подобные обычаи в других греческих полисах, особенно Афинах, где по именам архонтов еще с VI в. до н.э. шло летоисчисление.

Тореты, дандарии и псессы, отмеченные в титулатуре Левкона, относятся исследователями к какой-то части меотского населения. По сравнению с синдами, это был более воинственный и мало эллинизированный этнос. Земли всех меотов были завоеваны только сыном Левкона Перисадом I. И если это так, то процесс их присоединения к Боспору не был мирным и простым. О гибели одного из наемников войска Левкона свидетельствует надгробная надпись Дросаниса из Пафлагонии (*КБН, 180*). Исходя из этого, а также присутствия значительной части скифских всадников-лучников в войне против Феодосии, ясно, что у Левкона было собственное наемное войско.

При рассмотрении титулатуры Левкона и его наследников обращает внимание, что никто из Спартокидов не властвовал над скифами. С этим исконно кочевым воинственным народом у них сложились совершенно особые взаимоотношения. Разнообразные попытки доказать, что на территории Боспорского царства обитали скифы, постепенно здесь оседавшие и занимавшиеся земледелием, остаются в виде гипотез, поскольку не имеется никаких точных свидетельств, что здесь происходили подобные процессы интеграции в это время.

Боспорские правители в своей политике придерживались поддержания мирных взаимоотношений с непредсказуемыми подчас действиями скифских вождей. Судя по богатым погребениям знати IV в. до н.э. на Боспоре и в Скифии, к западу от первого можно увидеть много сходных элементов, указывающих на то, что между представителями царских и других знатных родов как с той, так и другой стороны заключались выгодные брачные союзы, сопровождавшиеся множеством разнообразных даров. Родственные отношения были столь тесными, что правители обоих государственных объединений хорошо понимали силу друг друга, чаще всего жили в мире, и вряд ли Левкон был данником скифского царя, которым нередко считают Атея (ср.: *Шелов-Коведяев, 1985. — С. 135–136*).

Столь любящий подчеркивать свои титулы и верховенство над многими городами и соседними племенами, Левкон сумел бы с помощью своего наемного войска при поддержке греков, на которых в таком случае также легла бы тяжелая повинность и зависимость от скифов, отстоять свою свободу и права на Боспоре. Его хитрость и умение налаживать отношения с сильным соседом дипломатическими путями, межэтническими браками и дарами, а также участием скифов в его наемном войске, за что скифский царь мог получать высокую плату, способствовали тому, что он беспрепятственно занимался подчинением значительно более слабых племен на Азиатском Боспоре.

Не имеется никаких сведений о том, каким образом была налажена охрана в городах Боспора. Если исходить из того, что Левкон поддерживал теснейшие связи с Афинами, то он, по их примеру, возможно, организовал службу полицейских, которую выполняли в основном скифские лучники. Косвенным образом это подтверждается тем, что таковые служили в его наемном войске. Именно в Афинах впервые была введена полицейская охрана, и полицейскую службу в V–IV вв. до н.э. отправляли рабы-скифы. «В любом случае, ко времени Аристофана полицейская служба скифов в Афинах была устоявшимся фактом, неотъемлемой чертой афинской общественной жизни, которую великий комедиограф столь же выпукло отразил в своих произведениях, как и многое другое. В «Ахарниях» (425 г.), «Всадниках» (424 г.), «Лисистрате» (411 г.) и особенно «Фесмофориадзусах» («Женщинах на празднике Фесмофорий», поставленных в том же 411 г.) во всех скандальных сценах мы непрерывно сталкиваемся с присутствием скифов-полицейских, благодаря чему получаем массу дополнительной информации об их функциях и об отношении к ним в тогдашнем афинском обществе. Наряду с Аристофаном важные сведения о скифских лучниках-полицейских доставляют и древние истолкователи — авторы схолиев к пьесам того же Аристофана и лексикографы, в частности Поллукс, Гесихий Александрийский, Фотий, Сuida и составитель Большого Этимологика. Комбинируя их данные, мы получаем возможность составить достаточно полное представление как о скифах-полицейских, так и о самом полицейском ведомстве в классических Афинах» (*Фролов, 1998. — С. 143–144*). Из каких именно областей огромной Скифии поступали туда эти купленные рабы, источники умалчивают, точно так же, как и о том, существовала ли вообще подобная охрана в античных северопонтийских городах.

Хотя Левкон I являлся пожизненным архонтом греческих полисов на Боспоре, а кроме того, четырежды царем над отдельными племенами, это не помешало ему поддерживать теснейшие и долговременные экономические, политические и культурные связи с Афинами — демократическим полисом с ежегодной выборной должностью архонта и Народным собранием. Фактически он был единоличным правителем типа греческого тирана, ближайшими помощниками которого являлись наместники и члены царской семьи (*Гайдукевич, 1949. — С. 61-62*). Древние авторы именовали Спартокидов разными титулами: архонты, цари, тираны, династы (*см. подр.: Виноградов, 1983. — С. 407-414*).

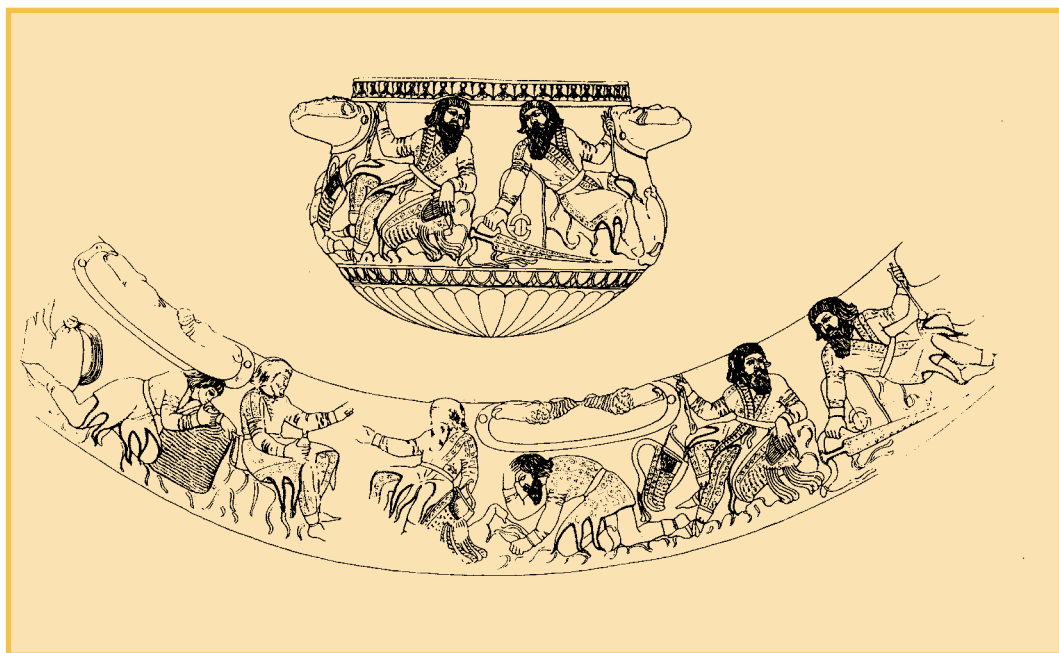
В центре политической деятельности Левкона I находилось не только территориальное расширение державы, но и взаимосвязанная с ним политика интенсивной торговли хлебом и продуктами скотоводства с греческим миром Эгеиды, особенно Афинами, испытывавшими постоянную потребность в поступлении основных продуктов питания. Левкон понимал, что чем больше земель и людей будет находиться в его непосредственном подчинении, тем больше зерна он сможет продавать в другие города. Очевидно, при нем получила широкое развитие идея интенсивного производства на всех подвластных ему землях товарного хлеба. Иначе трудно понять, откуда Боспор брал столь большое количество зерна, которое доставлялось только в Афины (*Жебелев, 1953. — С. 128*).

Уже во времена Сатира Афины и Боспор имели тесные торговые связи. Афиняне постоянно поощряли боспорских царей драгоценными подарками, помимо установленной платы, вынесением почетных декретов и установлением мраморных стел с их текстами, а также рельефными изображениями. Так, в декрете в честь сыновей Левкона I (*IG. II², 212*) указывается, что при их деде и отце граждане Афин пользовались исключительными правами беспощинного вывоза хлеба и первоочередности при погрузке кораблей.

Заслуги Левкона перед Афинами лучше всего представил знаменитый оратор Демосфен в своей речи против Лептина (*XX, 29-40*), относящейся к 355/354 г. до н.э. Лептин внес законопроект об отмене всех ателий и проксений с целью улучшения финансового положения города. Демосфен, как внук Гилона, спасенного Сатиром в благодарность за сдачу Нимфея, и знатной скифянки, на которой он женился, живя в Кепях на Боспоре, выступил с резкой критикой закона Лептина, показав его несостоятельность на примере отношений с Левконом I. Из нее ясно, что царь со своими сыновьями имели здесь ателию, в результате которой им были дарованы гражданские права в Афинах и беспощинная торговля.

Таковыми, в свою очередь, пользовались на Боспоре афинские купцы. «По происхождению Левкон, конечно, иноземец, но по вашему постановлению — афинский гражданин. Но по этому закону ни первое, ни второе не дает ему права на свободу от повинностей. Между тем, если поразмыслить, то окажется, что он постоянно оказывает нам благодеяния, и при том такие, которые наиболее нужны нашему городу, тогда как каждый из других благодетелей был вам полезен лишь в течение некоторого времени. Вы ведь, конечно, знаете, что к нам привозится хлеба гораздо больше, чем ко всем другим. Хлеб, привозимый водою из Понта, по количеству равняется всему, привозимому из других рынков. И понятно: это происходит не только от того, что эта земля производит огромное количество хлеба, но и потому, что ее правитель Левкон даровал беспощинность купцам, везущим хлеб в Афины, и обнародовал приказ, чтобы отплывающие к вам грузились первыми» (*Dem. XX. 30-31*).

Далее Демосфен привел цифровые данные для подтверждения доказательства, сколь важно для Афин не лишать ателии Левкона и его сыновей.

Чаша из кургана Гайманова Могила.

Вторая половина IV в. до н.э. *Серебро, позолота.*

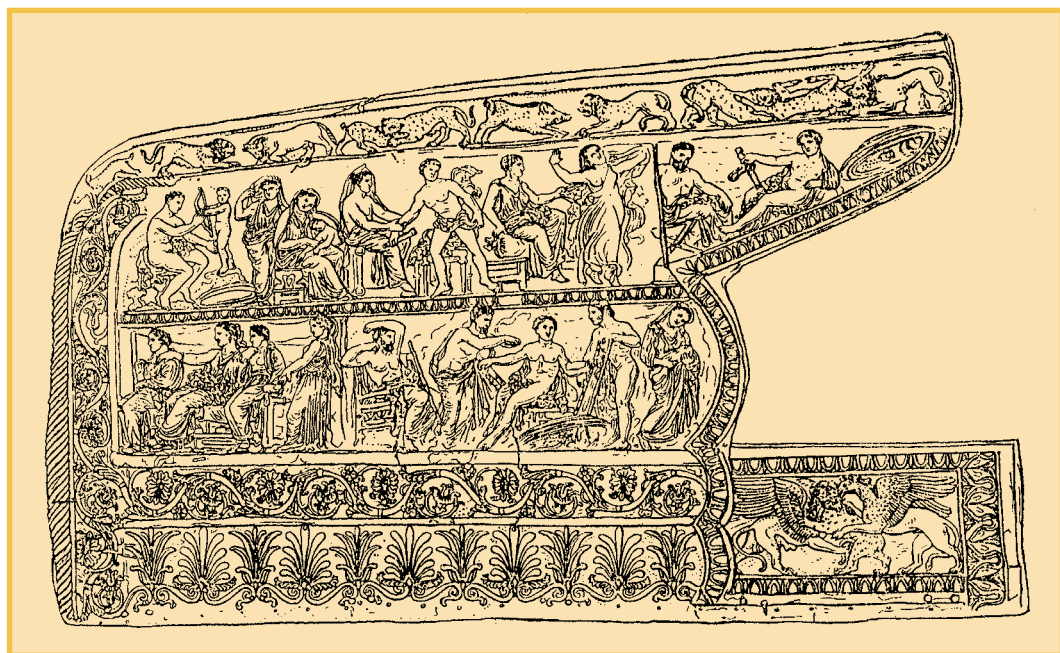
Ежегодно сюда поступало с Боспора 400 тыс. медимнов (16380 т) беспошлинно, что практически значило, что 3300 медимнов (540 т) хлеба этот город получал бесплатно. «Притом он так далек от мысли лишать нас этого благодеяния, — утверждал в своей речи Демосфен, — что, устроив новый торговый порт Феодосию, которая, по словам моряков, ничуть не хуже Боспора, — и здесь даровал нам беспошлинность» (XX, 32). По данным Страбона, через этот порт в Афины при Левконе было вывезено 2100 медимнов (86 тыс. т) зерна (VII, 4, 6).

Отстаивая ателию Левкона, Демосфен, конечно, был лично заинтересован в торговле боспорским хлебом. Благодаря ей он каждый год получал 1 тыс. медимнов (41 т) беспошлинного хлеба (*Deinarch, 1, 43*). Тем не менее, поскольку его слушали многие афиняне, он вряд ли преувеличивал заслуги Левкона, напомнив им также, что за два года до его выступления, когда все города Эллады испытывали недостаток хлеба, боспорский царь прислал его в Афины столько, что те продали излишки, получив в казну 15 талантов.

Главенствующее положение в этой торговле занимал Левкон. Демосфен называл его господином боспорского хлеба (XX, 31). Что же получал Левкон за свой хлеб, кроме денег, которые он тратил на содержание наемного войска и другие нужды — как личные, так и государственные? Прежде всего, предметы роскоши, вино, оливковое масло, необходимые ремесленные изделия, дорогие ткани и прочее.

Ведь ни в одном из античных государств Причерноморья не найдено такого большого количества высокохудожественных, нередко вообще уникальных сосудов, ювелирных украшений, скульптуры. Изделия из золота, серебра, бронзы и драгоценных камней входят в обиход царской семьи и ее окружения, в виде посольских и свадебных даров поступают к синдо-меотской и скифской знати. Очевидно, Левкон пригласил в Пантикапей лучших мастеров торевтов, которые начали изготавливать украшения для скифских царей. Во всяком случае уже во время его правления их количество возрастает как в погребениях на Боспоре, так и в Скифии.

Горит из кургана Чертомлык.
340-320 гг. до н.э. Золото.

Его связи с Афинами были столь дружественными, что он не боялся хранить свои деньги в здешнем банке (*Dem. XX, 40*). За свои благодеяния он, скорее всего, получал и подарки от афинян, посылая им свои. Кроме беспощинного хлеба, таковыми могли быть и другие виды продовольствия, а также местные изделия. Среди первых афиняне особенно ценили боспорскую соленую рыбу, восхвалению которой даже посвящались стихи. Косвенным образом на существование обоюдных даров указывает все тот же Демосфен: «Ведь, конечно, никто не воображает, что Левкон допустит, чтобы ваши дары у него были отняты, а данные им остались за вами» (*XX, 35*).

Между Левконом и афинянами был заключен договор, содержание которого было зафиксировано на трех мраморных стелах, одна из них была поставлена, по-видимому, в порту Пантикапея, вторая в афинском Пирее, третья в каком-то афинском святилище (*Dem. XX, 36-37*). «Не думайте, что эти плиты поставлены для какой-либо другой цели, а не в виде договора, обо всем том, что вы получили или дали, — увещевал своих сограждан Демосфен. — Левкон окажется верным этим условиям и всегда готовым оказывать вам какие-нибудь услуги...» (*XX, 37*).

Действительно, Левкон I до конца своего правления не нарушал договор с Афинами, чему следовали в своей деятельности и его наследники. Вполне вероятно, что он какое-то время жил в Афинах или же даже получил там высшее образование. Этот город после Перикловой перестройки не мог не поразить воображение мыслящего человека своими величественными храмами и статуями. Судя по строительным остаткам Пантикапея первой половины — середины IV в. до н.э. и его материальной культуре, Левкон, несомненно, стремился превратить столицу Боспора в самый красивый и богатый город на Понте (ср.: Толстиков, 1992. — С. 78). Этому способствовали гигантские для греческого мира, как видно из цифровых данных Демосфена, масштабы торговли хлебом Левкона с Афинами. Помимо этого, он торговал хлебом с Аркадийским демократическим союзом городов, в которых имел проксенические привилегии (*КБН, 37*). Еще большие

запасы зерна стекались к этому предприимчивому правителю из подвластных ему территорий.

Левкон I именовался архонтом Боспора и Феодосии, хотя его правление было чуждо греческим, а тем более афинским идейно-политическим традициям. Спартокиды, в основном же Левкон, положили начало новой форме античной государственности. Полисы оказались поставленными под более жесткий контроль, чем при Археанактидах. Однако, несмотря на единовластие боспорских правителей, они все же сохраняли в определенной степени свою свободу и самоуправление. Некоторые из них прекратили чеканку собственной монеты (Нимфей, Феодосия, Тиритака). Это право было оставлено только Пантикапею, где монета чеканилась от имени гражданской общины на протяжении всего периода царствования династии Спартокидов (Анохин, 1986).

Монархические тенденции при Левконе еще более усовершенствуются. Провозглашение его царем над варварами было не только данью управленческой традиции подчиненных племен, но в значительной степени подняло авторитет единоличной власти в государстве. Левкон стал как полновластным архонтом для греков и царем для завоеванных синдов и меотов, так и эпонимом. Однако, его эпонимат носил совершенно иной характер, чем в демократических полисах, где архонты-эпонимы или жрецы-эпонимы избирались ежегодно. Эпонимат на Боспоре был пожизненным и наследственным.

Очевидно, Левконом лично была введена формула для официальных и частных документов, обозначающая их дату: «При Левконе — архонте Боспора и Феодосии, царе синдов, торетов, дандариев, псессов» (КБН, 6). Это новшество на эпиграфических памятниках Боспора явно указывает, что такая формула применялась и в официальных обращениях к правителю, его желании постоянно подчеркивать и провозглашать эти титулы.

По-видимому, не случайным является появление на монетах времени его правления новой эмблемы — изображения стоящего льва на реверсе (Анохин, 1986. — С. 43). Вскоре она была видоизменена на львиноподобного грифона с копьем в пасти, стоящего на пшеничном колосе. Золотые статеры с этой эмблемой ясно раскрывают двойственную политику боспорской столицы во главе с Левконом. Экспансия варварских территорий, масштабная продажа хлеба, удачный выбор торгового партнера, появление множества золотых изделий должны были продемонстрировать мощь боспорского государства. Столь же двойственный смысл имело и имя Левкон (от ΛΕΥΚΟΣ — «сверкающий», «светлый» и «приносящий счастье»). В таком случае эмблематика льва и львиноголового грифона, как символа Аполлона и мифологического стража золота, в сочетании с оружием и пшеничным колосом символизирует силу, могущество и власть над варварами как Левкона, так и основного политического ядра государства — пантикапейцев, не препятствовавших, а скорее очень довольных его деятельностью, благодаря которой они тоже обогащались и чувствовали себя уверенно на далекой окраине греческого мира.

Исходя из всего сказанного, режим Левкона I можно охарактеризовать как «земледельческо-торговую монархию», в которой на постоянной службе находились наемные войска. Причем, среди воинов встречались наемники из самых отдаленных областей Малой Азии, а также Фракии и Скифии. Очевидно, пограничную службу несли специальные отряды. Царский двор, располагавшийся на акрополе (гора Митридат), как центр и опора власти, также имел свою охрану. Неизвестно, насколько граждане боспорских городов несли бремя по содержанию царской семьи, его чиновников и войска. Или же, будучи первым купцом в государстве, Левкон эксплуа-

тировал сельское население, продавая огромное количество зерна, и за этот счет обеспечивал все нужды, связанные с государственными и личными потребностями. Рассказы Полиэна о Левконе свидетельствуют о том, что он опирался на богатых купцов даже в борьбе с недовольными его политикой гражданами.

Однако, нельзя не считаться с тем, что в период его правления впервые начался экономический расцвет Боспорского государства, которое благодаря ему получило по сути полное политическое и территориальное оформление. Несмотря на то, что он был его единовластным правителем и главным военачальником, распорядителем и господином всех царских земель и первоклассным торговцем, исполнителем высшей судебной власти и жрецом, а также эпонимом, он тем не менее делал определенные уступки полисным традициям городов. Чеканка боспорской монеты производилась неизменно от имени пантикапейцев, сокращенное название которых сопровождало царскую эмблему. Полисные традиции сохранялись также в отправлении исконно греческих культов, особенно Аполлона в ипостаси Иетроса и Феба, а также Диониса, главными сакральными спутниками которого являлись Сатир в Пантикапее и спасительница бога нимфа Ино-Левкотея в Нимфее, где были учреждены специальные агоны (*Соколова, 2001*). Большую роль в городах играло образование, способствовавшее сохранению и многостороннему развитию эллинских в своей основе культурных традиций. Благодаря этому значительно расширились взаимоотношения со многими городами античного мира, укреплялась уверенность в их помощи при возможном столкновении с разноликими варварскими племенами.

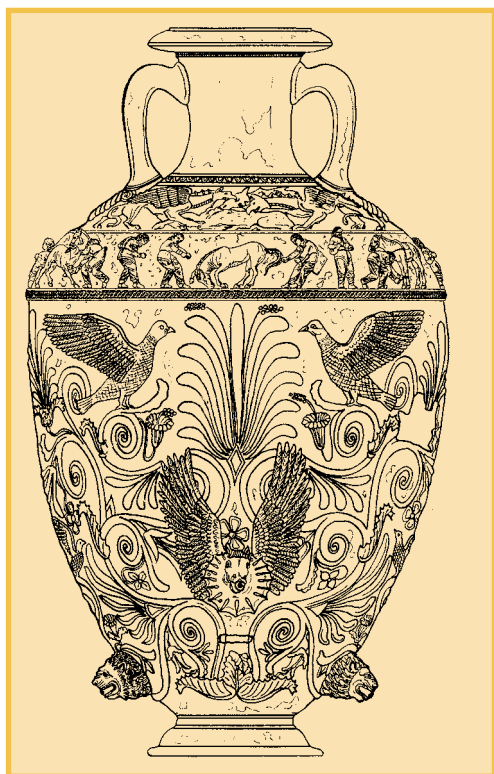
На базе идеологических представлений, в которых сочетались демократические элементы под воздействием или влиянием Афин, и монархические взгляды, заимствованные в своем большинстве из-за тесного общения с синдскими и скифскими царями, Левкон впервые на Боспоре Киммерийском создал огромное по тем временам государство, в котором его наследники могли уверенно, следуя его политике, продолжать и укреплять царскую власть и процветание городов.

Перисад I

После смерти Левкона власть унаследовали два его сына — Спарток II и Перисад I, которые непродолжительное время (пять лет) правили совместно, пока не умер старший из них. Возможно, в последние годы жизни отца они помогали ему управлять государством, поскольку он явно находился в преклонном возрасте. Оба брата с младшим Аполлонием представлены на стеле, установленной в их честь афинянами (*IG. II², 212; Фармаковский, 1927*). Рельеф в прямоугольном наиске, обрамленном двумя колоннами в аттическом ордере, расположен на постаменте с текстом декрета. На тронном кресле в богато драпированных гиматиях с обнаженной грудью изображены два старших брата, младший стоит рядом в неприужденно гордой позе. Лица, к сожалению, не сохранились, черты почти полностью стерты, поэтому трудно сказать, насколько они соответствовали живым оригиналам. Различие прослеживается в том, что у сидящих длинные локоны падают на грудь, а у стоящего — короткая прическа.

Декрет был поставлен в 346 г. вскоре после смерти Левкона, еще при жизни старшего сына Спартока, получившего наследственное имя основателя династии Спартокидов. Обращает внимание, что Левконида, придя к власти, в первую очередь направили посольство в Афины. В тексте

Амфора из кургана Чертомлык.
340-320 гг. до н.э. *Серебро, позолота.*

декрета отмечается, что прибывшие туда послы Сосий и Феодосий подтвердили их желание «заботиться о высылке хлеба, как заботился их отец, и ревностно служить (афинскому народу) во всем том, в чем народ нуждается»; обещали гарантии прежних льгот в торговле хлебом, которая иногда производилась в кредит; обратились с просьбой к афинянам произвести набор матросов для боспорских торговых кораблей, что быстро было исполнено с предложением народного собрания «быть хорошими исполнителями приказаний по отношению к детям Левкона изо всех сил» (*IG. II², 212*). Помимо этого афиняне, в благодарность за их доброе отношение, предоставили те же привилегии, которыми пользовался в Афинах Левкон. Во время празднования великих Панафиней Спартока и Перисада увенчивали золотыми венками по тысяче драхм, которые были ими подарены в храм Афины.

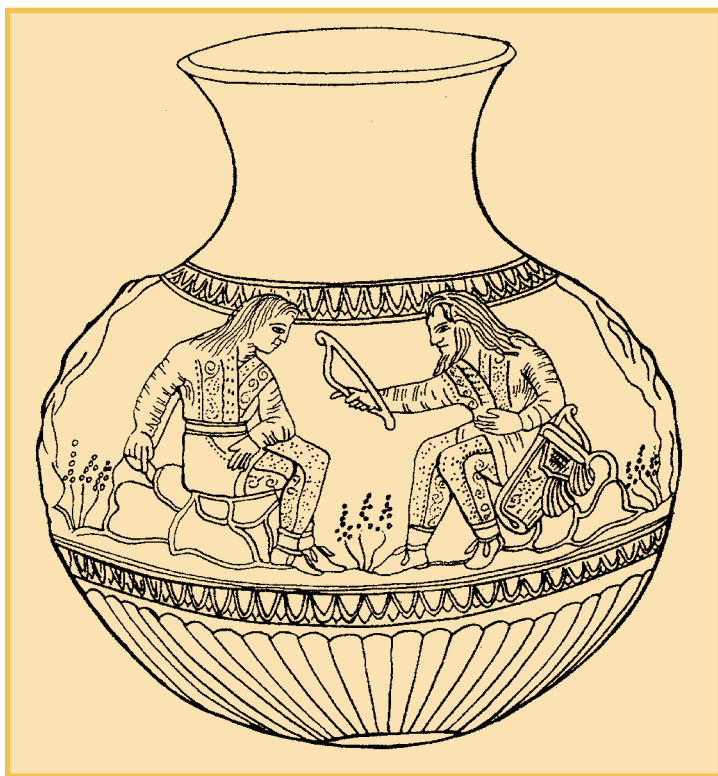
Теснейшие взаимоотношения с Афинами продолжались и тогда, когда Перисад остался у власти единоличным правителем. Как и для его отца, Афины представляли для него главное значение во всей внешней политике.

Тот немаловажный факт, что он и его старший брат носили негреческие имена, может указывать на то, что в семье Левкона соблюдались какие-то традиции, по линии отца, фракийского рода, хотя он и его отец носили греческие имена. Причем, как одно, так и другое являлись теофорными. К таковым относится и имя младшего сына — Аполлоний. Как фракийские, так и боспорские цари в это время были сильно эллинизованы. Вряд ли афинский скульптор изобразил бы сыновей Левкона в исконно греческих костюмах и позах, если бы они таковые не носили и считали их чуждыми своим обычаям и нравам.

Памятник имел государственное значение, был поставлен в самом большом порту Эгеиды, а добрые отношения с боспорскими правителями играли для афинян основополагающую роль. В таком случае они не решились бы выставить на всеобщее обозрение не соответствующие реальности

Кубок из Частых
курганов под
Воронежем.
Вторая половина
IV в. до н.э.
Серебро, позолота.

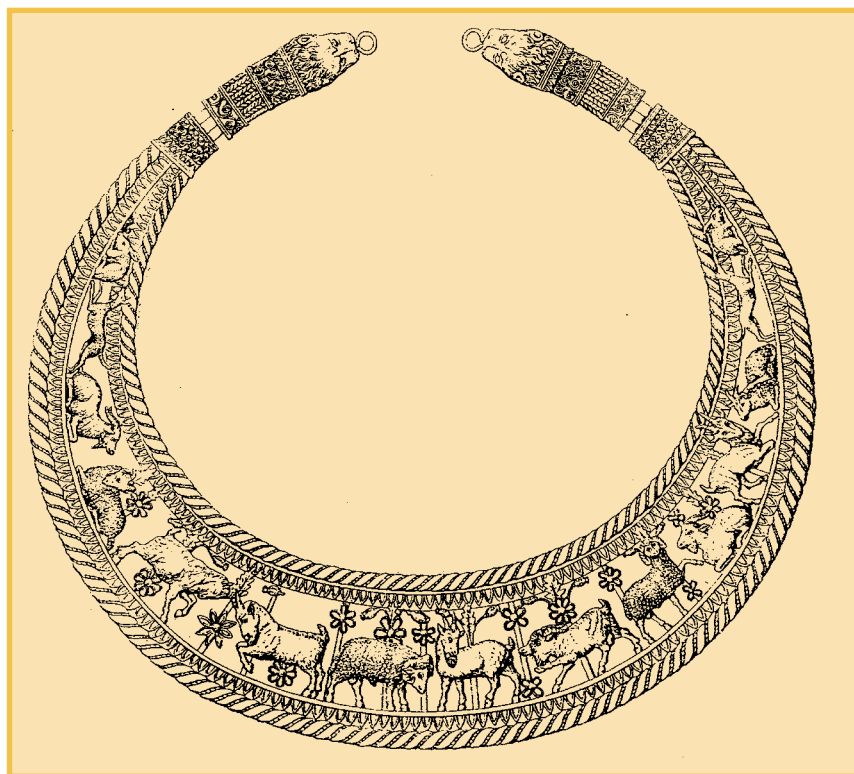

их изображения. При том богатстве, которым владел Левкон, его сыновья не один раз могли побывать в знаменитом городе, где они пользовались многими правами, чтобы получить высшее образование и овладеть знаниями в торговых операциях.

Исследователи истории Боспора резонно полагают, что афинский декрет в честь сыновей Левкона с демонстрацией их возможных портретов, столь модных в IV в., служит одним из главных источников для доказательства соправительства на Боспоре в определенные периоды. То, что Спарток II и Перисад I сидят на тронном кресле, а младший Аполлоний стоит, свидетельствует, что два брата правили совместно (*Фармаковский, 1927; Шелов-Коведяев, 1985. — С. 154-157*). Если бы старший из них вскоре не умер, то Перисад I вряд ли бы достиг той известности, которую он имел в период своего единоличного правления на протяжении довольно длительного периода (343/42 — 309/308 гг до н.э.).

Как и Левкон, Перисад также стремился расширить границы своего государства за счет покорения новых мало известных и, скорее всего, слабых племен, обитавших на азиатской стороне Боспора. Соответственно эпиграфическим памятникам, он подчинил только фатеев и досхов (*КБН, 9, 972*). При этом любопытно отметить, что в посвятельной надписи некоего Фениппа указывается совершенно особая титулатура этого царя: «при Перисаде — архонте Феодосии и царе синдов, досхов (?) и фатеев» (*КБН, 9*).

Иногда при интерпретации данной надписи выдвигают предположение об ошибке резчика. Однако, не исключено, что после смерти отца или же еще в последние годы его жизни при разделе власти, по его завещанию, Перисад получил в наследство только эти области. В таком случае земли досхов и фатеев были им завоеваны в самый ранний период царствования. Спарток II как старший брат являлся архонтом собственно Боспора, в состав которого входили все населенные греками земли, и царем синдов и майтов. И только после его смерти Перисад становится единовластным

Пектораль
из кургана
Большая
Близница.
IV в. до н.э.
Золото,
эмаль.

правителем. О племенах азиатской части Боспора, фигурирующих в титулатуре Левкона, а затем Перисада, не имеется ясности и четкости.

Перисад чаще всего именовался архонтом Боспора и Феодосии, царем синдов и всех майтов (ΒΑΣΙΛΕΥΩΝ ΣΙΝΔΩΝ ΚΑΙ ΜΑΙΤΩΝ ΠΑΝΤΩΝ) (КБН, 10, 11, 971, 1039, 1040). Иногда к ним добавлялись фатеи (КБН, 1015), в одной надписи «все майты» не упоминались вовсе, а только синды, тореты, дандарии (КБН, 1014). Стоит ли в таком неодинаковом упоминании племен видеть их непродолжительное пребывание под властью Перисада или же все они отдельными посвятившими именовались под общим названием «все майты», трудно сказать. О периодически меняющемся составе подданных Спартокидов на Азиатском Боспоре упоминает и Страбон (2, 2, 11).

Ф.В.Шелов-Коведяев предполагает следующую реконструкцию эволюции титулатуры Перисада I: от отдельного упоминания фатеев и досхов в период, непосредственно следующий за их присоединением (КБН, 9, 972, 1015), к их включению в нерасчлененное понятие «всех майтов», подвластных Боспору в более поздний период его царствования (КБН, 10, 11, 971, 1039, 1040; Шелов-Коведяев, 1985. — С. 145).

Судя по другим источникам, Перисад являлся правителем огромного для того времени территориального государства. В одной из эпитафий он именуется властелином всей земли, какая лежит между крайними пределами тавров и Кавказскими горами (КБН, 113). Здесь суммарно определены границы Боспора на западе — предгорья, где обитали тавры (по линии, идущей от Феодосии), и на востоке — северные отроги Кавказского хребта (Жебелев, 1953. — С. 174). Отсюда ясно, что Боспорское государство в период правления Перисада I занимало значительно большую территорию, чем раньше. В одном из рассказов Полиэна он называется даже царем Понта (7, 37). Этим титулом подчеркивалось не только могущество Боспора, но и контроль над всеми торгово-морскими путями на Черном море.

Очевидно, недаром с самого начала боспорский торговый флот был укреплен наемными профессиональными матросами из Афин (*IG, IP², 212*).

Складывается впечатление, что Перисад в своей внешней и внутренней политике в основном занимался укреплением Боспорской державы и поддержанием мирных отношений с соседними городами и кочевыми скифами. В античной литературной традиции сохранилось лишь одно сообщение о том, что Перисаду пришлось воевать с последними. В речи против Формиона в 328 г. до н.э. Демосфен указывал, что когда этот торговец был на Боспоре, Перисад воевал со скифским царем и дела там были настолько плохи, что никто не хотел покупать привезенные им товары (*Dem. 34, 8*). Однако, такое положение, очевидно, было непродолжительным. Боспорцы победили или же сумели откупиться, заставив номадов отступить от границ своей державы.

Именно ко времени Перисада относится самое большое количество богатых погребений скифских кочевников, в которых находились золотые и серебряные изделия греческих мастеров, в том числе и шедевры эллино-скифского искусства, масса греческой посуды, амфор с вином и другие греческие изделия (см., например: *Мозолевский, 1979; Тереножкин, Мозолевский, 1988; Ильинская, Тереножкин, 1983; Золото Степу, 1991; Давня історія України, 1998; Русяева М.В., 1998*). Скифские вожди за относительно короткое время при правлении Левкона и Перисада овладели такими богатствами, каких никогда до этого они не имели.

Относительно этих дорогих товаров в погребениях скифской элиты, в том числе и царей, высказаны самые разнообразные мнения: поступление их через торговый обмен, по специальным заказам, вследствие посольских даров, дани, откупа и прочее. Очевидно, в той или иной степени все эти причины имели место в сложных взаимоотношениях с ближайшим и воинственным соседом. Понимая силу и непредсказуемость номадов, боспорские правители предпринимали все возможное для поддержания в основном мирных контактов.

В данном контексте не следует пренебрегать и таким поздним сочинением, как новелла Лукиана Самосатского «Токсарис или дружба» (*Лис. Тох. 44*). В ней повествуется, как скифский посол Арсак, явившись к боспорскому царю Левканору за данью, влюбился в его дочь и просил отдать ему ее в жены. Лукиан явно использовал какое-то сочинение, в котором рассказывалось об исторических событиях времени правления Левкона, Перисада и Евмела, изменив имена и воссоединив их для доказательства главной идеи своей новеллы. Но в ней можно проследить и ряд любопытных фактов из жизни кочевников в их взаимоотношениях с боспорскими царями.

В определенной степени они подтверждаются археологическими исследованиями скифских курганов и сведениями Диодора Сицилийского о войне Евмела за власть на Боспоре. Так, в кургане Огуз в Приазовье — то есть ближайшей к Боспору местности, — открыто погребение в каменном склепе, идентичном боспорским склепам IV в. (*Болтрик, Фіалко, 1995*). Исходя из размеров кургана, погребального инвентаря и отдельных ювелирных украшений более раннего времени, скорее всего, еще правления Левкона, здесь также была похоронена жена скифского царя и дочь или близкая родственница этого боспорского правителя. По мнению его исследователей, именно она могла пригласить боспорских строителей для сооружения своему умершему супругу склепа, подобного тому, какой видела на своей родине (*Там же. — С. 11*). Если это так, то становится понятным, почему внук Перисада, тоже Перисад, во время междоусобной войны его сыновей бежал к скифскому царю Агару, где нашел спасение. Возможно, этот Агар был сыном похороненной в Огузе дочери Левкона и родной сестры Перисада.

Демосфен. IV в. до н.э. Мрамор.

В своей внешней политике с греческим миром Перисад продолжал развивать ранее налаженные контакты, в особенности с Афинами (*Dem.* 34, 36; *Deinarch*, I, 43; *Strabo*, 7, 4, 6). Более того, он впервые на Боспоре ввел, по примеру демократических полисов, практику предоставления проксений купцам из разных городов Греции. Разница заключалась в том, что они издавались здесь не от имени совета и демоса, а самого царя и его сыновей, но с сохранением общепринятых формулировок (*КБН*, 1-4, 194, 1193). Интенсивная торговля как с Афинами, так и другими полисами приносила огромные доходы, дававшие возможность значительно укрепить границы государства, заниматься сельским хозяйством и промыслами, развивать ремесла и строить новые дома в городах. Общий экономический подъем благотворно сказывался на всех сферах жизни боспорских греков.

Как и раньше, особое внимание уделялось строительной и культурной деятельности в Пантикапее. В последней трети IV в. в результате единовременной обширной программы, осуществленной под контролем царя, происходит значительное расширение территории акрополя. На месте городской жилой застройки более раннего времени сооружается новый укрепленный дворцовый комплекс боспорских династов, заверченный, очевидно, сыном Перисада Евмелом. В это же время вокруг акрополя воздвигаются мощные укрепления, «ключевым пунктом и своеобразным символом которого могла служить цитадель на скалистой вершине Первого кресла (горы Митридат — А.Р.), доминировавшая над возведенным ранее храмом Аполлона» (*Толстиков*, 1992. — С. 93). Представители пантикапейской знати сооружали себе дома с окруженным колоннадой перистильным двором и помещениями, украшенными полихромной росписью по штукатурке. Для высокохудожественных монументальных росписей в домах и склепах приглашались талантливые живописцы из Афин и других городов (*Ростовцев*, 1914. — С. 13 сл., 113-136).

Тесные связи Перисада с Афинами и другими демократическими полисами способствовали, очевидно, его лояльному отношению к гражданским общинам городов. Во всяком случае, для времени его правления неизвестны какие-либо заговоры или выступления против него. В официальных документах межгосударственного характера (проксении) он и его сыновья именовались как частные лица без упоминания их титулатуры, свойственной для различных посвячительных надписей Пантикапея, Фанагории, Гермонассы. Их количество и разнообразие упоминаемых в

**Краснофигурные
аттические лекифы**
с изображением
грифонов, стерегущих
золото, и аримаспа,
сражающегося
с грифоном.
IV в. до н.э.

них божеств свидетельствует, что при Перисаде значительно возросла практика такого отношения к почитанию Аполлона Иетроса, Деметры, Афродиты Урании — владычицы Апатура, Артемиды Эфесской и др. Возможно, к его времени относится и введение уникального культа Диониса Аррея, возникшего под влиянием орфизма, хотя по своему внутреннему содержанию такой культ ближе мировоззрению его сына Евмела.

Особенно интересно посвящение Местора, сына Гиппосфена, отбывшего должность агонифета в Гермонассе и поставившего памятник за своего отца Аполлону (*КБН*, 1039). Из него следует, что даже в небольшом боспорском полисе при Перисаде I устраивались агоны и празднества Аполлона, возможно, общепоспорского значения. Из других надписей известно, что гермонассы почитали этого бога в двух его ипостасях — Иетроса и Дельфиния (*КБН*, 1037, 1038). Как и посвящение Сатириона, жреца храма Аполлона Иетроса в Пантикапее, оно показывает, что традиционно эллинский культ верховного патрона и сакрального защитника колонистов не был упразднен ни Левконом, ни Перисадом (*КБН*, 10).

На монетах, выпускавшихся по-прежнему от имени пантикапейцев, превалировала эмблема (голова то молодого, то старого сатира) дионисийской религии, влияние которой все более усиливалось в среде греков Боспора с началом прихода к власти Спартокидов. Тем не менее на оборотной стороне этих монет пантикапейцы, как и управлявшие ими Спартокиды, отдавали дань в завуалированной, но хорошо им понятной семантической форме религии Аполлона, с выражавшейся через изображения его атрибутов и символов — льва и львиноголового грифона, лука и стрелы. В сочетании с копьем и пшеничным колосом они попрежнему олицетворяли богатство и крепость государства, символическую взаимосвязь хлеба и золота.

В эпиграфических памятниках из боспорских городов не имеется каких-либо личных посвящений Перисада божествам, как и его предшественников. Но, пожалуй, одним из редких явлений в религиозной жизни боспорцев его времени является непосредственное участие в ней царской семьи. Жена царя Комосария, дочь дяди Перисада Горгиппа, по обету посвятила сильному богу Санергу и Астаре две известняковые статуи в греческом стиле (*КБН*, 1015; *Розанова*, 1949). Эти божества, несомненно, восточного происхождения, свидетельствуют не об их широком почитании боспорцами, а лишь о том, что они были известны в роду Спартокидов, начиная с Горгиппа, который был женат на знатной женщине одного из

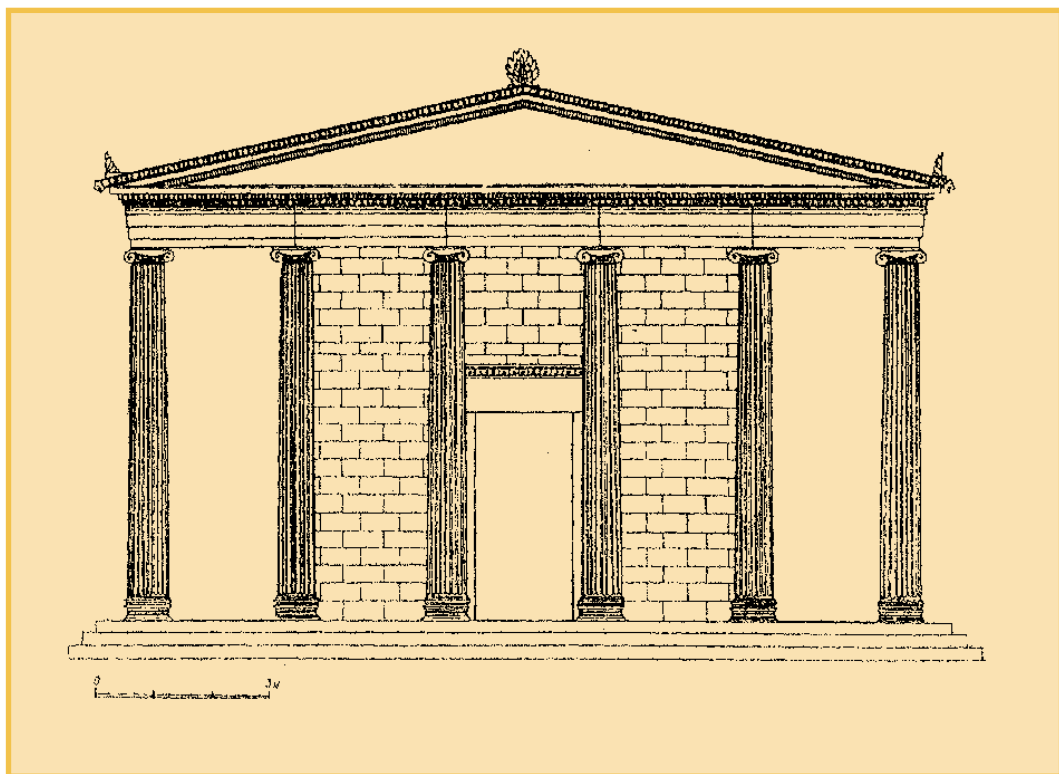
Дионис, Афина и Посейдон. Деталь росписи гирри. IV в. до н.э.

малоазийских государств, принесших с собой их культ и передавшей веру в них своей дочери Комосарии. Став царицей, она поставила, что очень интересно и важно, памятники этим божествам по обету, данному, видимо, своей матери. Они были установлены на горе в безлюдном месте возле Фанагории (у современного берега Ахтанизовского лимана).

В свою очередь, по-видимому, дочь Перисада и Комосарии Акия установила в Гермонассе мраморную статую Афродите (*КБН*, 1041). Вообще, именно ко времени Левкона и Перисада относится наибольшее количество посвящений в Гермонассе, где, если только верно предположение Ю.Ю.Марти, жила Акия, будучи женой некоего Демофонта (*КБН*, 1037; *Марти*, 1935. — С. 57).

Небывалый расцвет Боспорского государства при Перисаде и значительное улучшение жизни всех слоев населения, его демократизм и дружеские отношения с Афинами, где в 324 г. по инициативе Демосфена были установлены статуи этого царя с сыновьями Сатиром и Горгиппом (*Dem.* 43), уважительное отношение к исконным греческим традициям в языке, религии и других сферах духовной культуры снискали ему славу справедливого и мудрого правителя. Очевидно, это сыграло немаловажную роль в учреждении культа Перисада на Боспоре и его обожествлении (*Strabo*. 7, 4, 5). Исходя из поздних сведений о том, что Перисада на Боспоре считали богом, высказывались разные точки зрения относительно возможной даты провозглашения его культа и длительности существования (ср.: *Ростовцев*, 1989. — С. 193; *Яйленко*, 1990 а. — С. 298).

Общеизвестно, что обожествление монархов было характерно в той или иной степени для всех эллинистических государств, но на Боспоре о таковом, кроме Перисада, ничего не известно. М.И.Ростовцев полагал, что

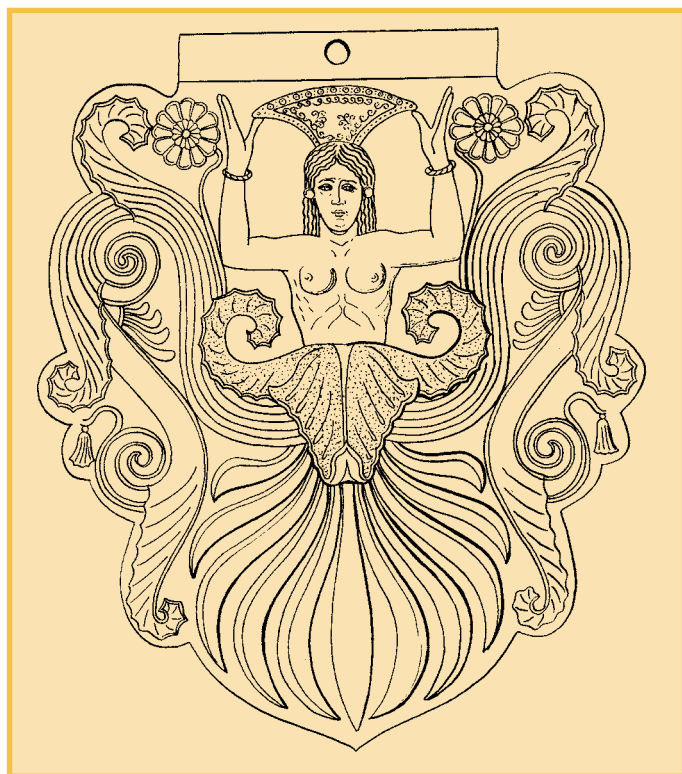

**Храм Аполлона. Пантикапей. V в. до н.э.
Реконструкция И.Р. Пичикяна.**

культ Перисада аналогичен культу Дионисия Младшего в Сиракузах. В обоих государствах было положено начало обожествления правителей, но на этом оно заглохло и дальнейшего продолжения не имело. В связи с этим не была создана единая и прочная религиозно-политическая концепция обожествления идеального правителя, спасителя подданных и державы. Тем не менее, признанный богом Перисад явно уделял большое внимание в своей деятельности не только торговцам, но и всем гражданам полисов, поскольку это диктовалось необходимостью удержания своей власти и поддержания державы во всех жизненно-важных для процветания сферах (Ростовцев, 1989. — С. 193).

Однако, с таким подходом к личности и характеру обожествления Перисада не согласовывается ряд моментов, — прежде всего теснейшие связи с Афинами, где при его жизни не существовало правила введения культа правителя. Только после его смерти в Афинах в 307 г. был провозглашен культ государственных деятелей Антигона и Деметрия, приравненных к богам-спасителям с ежегодным проведением религиозных празднеств с агонами и жертвоприношениями (Самохина, 1986. — С. 59-77). Поэтому, скорее всего, более прав В.П.Яйленко, считающий, что культ Перисада на Боспоре был учрежден под воздействием его сына Евмела с целью своей реабилитации из-за братоубийства перед родом Спартокидов (1990а. — С. 298-299). Считается также, что его культ существовал еще четыре с лишним столетия после ухода Спартокидов с исторической арены и что он упоминается в надписи времени царя Тейрана (275-278 гг. н.э.) (ср.: КБН, 36; Яйленко, 1987. — С. 34).

Совсем другое дело, как будет показано ниже, что память об обожествлении Перисада действительно была еще жива в его роду, особенно в III-II

**Изображение богини
на тазе из кургана
Чертомлык.
340-320 гг. до н.э.
Серебро, позолота.**

вв. до н.э., когда правили одноименные ему правители, стремившиеся следовать его политике. Среди граждан боспорских городов этот культ не прижился и не получил особого распространения. Во всяком случае, не сохранилось каких-либо источников о существовании такового, кроме короткой справки Страбона.

Таким образом, в период правления Левкона I и его сына Перисада, продолжавшего основные политические и экономические наставления отца, Боспор превратился в окончательно сформированное государство с уникальным режимом власти. Они заложили основу великодержавного и полиэтнического объединения, которое имело резкие отличия от всех других припонтийских полисов не только размерами и подчинением разных по образу жизни племен, но и своей политико-правовой структурой, со своеобразным синкретизмом власти с демократическим уклоном архонта для эллинов и царя по отношению к местному варварскому населению.

Боспорская держава благодаря политическому единству, созданному с помощью авторитарной власти, считается территориальной монархией. Правители в своей деятельности опирались на хорошо организованную администрацию и наемное войско, в котором значительное место занимали скифские всадники — лучники, а также земледельцев и купцов, определенный контингент граждан городов и межполисные храмы, в особенности Аполлона, Афродиты Урании и Диониса.

Военизированная и одновременно целенаправленная на увеличение богатств власть Левкона и Перисада способствовала всестороннему развитию экономики, в первую очередь, аграрного хозяйства и культуры, постепенному обогащению всех слоев населения, проведению широкого строительства и благоустройства боспорских городов, укреплению оборонительной системы. Самое интенсивное развитие аграрного хозяйства, в котором главное значение уделялось земледелию, наблюдается со второй четверти IV в., когда на

хоре городов организуется традиционная античная система земельных наделов с соответствующими усадьбами (*Масленников, 1993. — С. 13*).

Левкону и Перисаду удалось создать крупнейшее государство, способное соперничать по своей мощи и размерам с другими государствами. Оно постоянно укреплялось и усиливалось во многих отношениях в результате удачной внешней политики этих правителей как с эллинскими полисами, так и соседними скифами. За постоянное обеспечение хлебом и дружеское отношение, понимание и признание демократического строя, Афины гарантировали Спартокидам не только материальные блага, политическую и военную поддержку, но и высокое культурное развитие, приобщение к величайшим достижениям эллинской культуры.

Эти правители сумели окончательно приспособить полисное устройство боспорских городов к надполисной государственной структуре. Идеи воссоединения всех эллинов и соседних варваров, стремление к гегемонии в данном регионе постоянно определяли их политическую деятельность. Они вывели Боспор на первое место в Причерноморье в торговле хлебом с Афинами. Ни одно государство на Понте не смогло достичь столь больших успехов во всех сферах жизни и обеспечении кочевников таким количеством непревзойденных памятников эллино-скифского искусства, как Боспор в период их правления.

Атей

Самый известный благодаря античной литературной традиции скифский царь Атей правил одновременно с боспорскими правителями Левконом I и Перисадом I. Поэтому целесообразно рассмотреть его деятельность вслед за ними, чтобы попытаться выяснить, действительно ли с царством Атея имели тесные отношения Спартокиды и при нем ли Скифия прославилась множеством золотых изделий. От объективного решения этих вопросов во многом зависит установление той области, где на самом деле могло располагаться царство Атея и над какими скифами он царствовал.

По данным Лукиана Самосатского известно, что Атей погиб в сражении с Филиппом Македонским у реки Истр в возрасте более 90 лет (*Лук. Samos. Macrob. 10*). Дата битвы установлена благодаря упоминанию Юстиана об осаде Византии (339 г. до н.э.) и не вызывает разногласий у современных исследователей (*см. лит.: Шелов, 1965. — С. 18; 1971*). Исходя из этих сведений, можно считать, что он родился в 30-е годы V в. и, вполне вероятно, уже царствовал в то время, когда Левкон I стал архонтом Боспора и царем подвластных варваров. Однако долговременная жизнь и царствование Атея не особенно интересовали греческих авторов до тех пор, пока он не столкнулся с Филиппом Македонским.

О нем сохранилось сравнительно много источников, но все они относятся к позднему времени. Приведенные в них факты и рассказы, как и монеты с его именем, породили в науке ряд гипотез и концепций, разногласий и сомнений. В настоящее время можно выделить три альтернативные точки зрения относительно того, каким именно скифским царством управлял Атей: объединенной, так называемой Великой Скифией, племенным объединением скифов на территории от Борисфена до Дуная или небольшим военно-политическим формированием в Добрудже (*см. лит.: Шелов, 1965; 1971; Андрух, 1992; Болтрик, Фіалко, 1995*).

В античной литературной традиции Атей именуется царем (ΒΑΣΙΛΕΥΣ, rex), и только в сочинении Юстина упомянуто о «Скифском царстве» (*Just.*

IX, 2). Как ни странно, ни один из авторов не указывает его точное географическое расположение, хотя все, за исключением Страбона, размещали его в Нижнем Подунавье. Из письменных источников ясно, что у скифов Атея существовала определенная государственная организация, во главе которой находился царь (*Каришковский, 1971. — С. 58*).

Власть переходила от отца к сыну после смерти первого. Так, несмотря на свой преклонный возраст, Атей не только номинально значился царем, но и участвовал в военных походах и сражениях, что свидетельствует о его необычайной физической выносливости и крепком здоровье, а также стремлении продемонстрировать эти свои качества как перед собственным племенем, так и перед врагом. Несомненно, что в своем царстве он пользовался популярностью и уважением, если все еще находился у власти в возрасте более 90 лет и мог водить своих воинов на битвы.

В такой ситуации можно было удержаться у власти в том случае, если в его окружении существовала значительная группа старейшин, поддерживавших его политику и мероприятия. Насколько в варварских этнополитических объединениях было развито соперничество за власть между братьями и сыновьями, хорошо известно из новелл Геродота об Анахарсисе и Скиле. Видимо, такое отношение к власти не нашло проявления в царстве Атея, что можно объяснить отсутствием сильных претендентов на престол; силой его влияния, активностью действий, огромной популярностью и авторитетом среди всех подданных; личной храбростью; мудростью решений во внутренней и внешней политической деятельности; сохранением исконных обычаев предков. Литературные свидетельства лишь до некоторой степени позволяют раскрыть характерные черты его деятельности.

Соответственно историческому труду римского писателя Помпея Трога, дошедшего в изложении Марка Юстина (*Just. IX, 2*), у Атея был сын. Между тем вызывает большой интерес тот факт, что царь, терпя притеснения во время войны с истрианами, через аполлонийцев обратился за помощью к Филиппу II Македонскому, пообещав ему за это усыновить его и сделать, как ни странно, наследником Скифского царства (*in successionem eum regni Scythiae adoptaturus*) (*Just. IX, 2, 1*).

Но поскольку истрианский царь (*Histrionorum rex*) внезапно умер, то Атей тут же передумал и отверг помощь Филиппа, передав ему, что он вовсе не просил его помочь и не предлагал усыновления, так как наследник при жизни собственного сына ему вовсе не нужен. При этом возникает закономерный вопрос: почему Атей сделал такое предложение, а Филипп поверил ему, послав на помощь отряд своих воинов. В принципе, не могло быть, чтобы македонский правитель не знал, что на самом деле представляет собой царство Атея, его семейство и окружение, а также лично сам царь, если воспользовался столь заманчивым предложением и решил оказать ему военную помощь.

Относительно «усыновления» высказаны и другие взгляды. Так, Д.Б.Шелов считал, что не Атей пообещал усыновить Филиппа II, а последний «послал в помощь Атею македонский отряд, обусловив эту помощь тем, что Атей усыновит Филиппа и оставит ему в наследство Скифию» (*1971. — С. 55*). Однако, это не только противоречит свидетельствам Юстина, но и дает совершенно другое представление как о македонском, так и скифском царе, позволяет и дальше считать, что Атей правил Великой Скифией, в отдельных областях которой находились соправители — его братья или сыновья. А если это так, то тем более не ясно, как можно было в такой ситуации без военных действий присоединить скифские земли к владениям Филиппа.

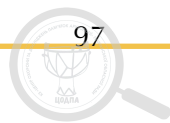
Скорее всего, исходя из преклонного возраста Атея и столь необычно-го предложения, его прямой наследник не соответствовал по своим умственным и физическим качествам — во всяком случае, с точки зрения воинственного и здорового Македонца, — правителю скифского царства. Возможно также, что он хорошо знал о возрасте Атея и отсутствии у того прямых наследников, так как таковые должны были проявить себя и уже сами имели бы сыновей и даже внуков. Трудно сказать, насколько план с предложением усыновления Филиппа II, — даже если он и являлся хитрой выдумкой самого Атея или придумавшего этот рассказ античного автора, — был близок к реальности и осуществился ли он, если бы не преждевременная смерть истрианского правителя, наводившего страх на скифов.

Филиппу II в то время исполнилось сорок два года и по своему возрасту он вполне подходил, чтобы быть не только сыном, но и внуком Атея. К тому же ко времени начинавшегося скифо-истрианского конфликта (340 г. до н.э.) Филипп уже прославился на весь мир своей агрессивной внешней политикой на Балканах: разгром иллирийцев и иллирийско-пеоно-фракийского союза (т.н. Северной лиги), борьба с Афинами и выход к морю, взятие Амфиполя, Пидны, Мефоны, завоевание Фессалии, Фокиды, Халкидики, расширение македонских владений на фракийском побережье до Пропонтиды и т.д. (*Diod. XVI-XVII; Just. VIII-XI*). Македонская монархия при Филиппе стала новой политической силой в борьбе за гегемонию в Элладе (*Wust, 1938; Ellis, 1976*). Практически к 340 г. идея утверждения македонского господства на обширной территории Балкан почти завершилась. Соппротивление оказывали наиболее сильные на то время полисы, в том числе и Афины.

Кроме прямых военных действий, Филипп II использовал дипломатические переговоры, в результате которых греки некоторых полисов обращались к нему за помощью. Так, свободные фессалийские города попросили его оказать им поддержку против ферских Ясонидов. В итоге под лозунгом защитника общеэллинского дела и борца за освобождение Дельф македонский царь сумел присоединить всю эту область, в том числе и фессалийские города, к своей державе и провозгласить себя их пожизненным господином (*Diod. XVII, 4, 1; Just. XI, 3, 2*). В его внешнеполитической разносторонней деятельности прослеживается много сходных элементов с методами расширения Понтийского царства при Митридатах (*Сапрыкин, 1996*).

Вполне вероятно, что Филипп II планировал завоевание всего Причерноморья с его эллинскими городами (*Шелов-Коведяев, 1985. — С. 138-139*). Спартокиды поддерживали Демосфена не только потому, что он защищал боспорские интересы в Афинах, но вместе с тем и потому, что он являлся одним из самых известных лидеров антимакедонской партии и антигегемонистских устремлений македонского царя (*Блаватская, 1959. — С. 130-131*). Немаловажное значение имела и для них завоевательная политика Филиппа против Фракии. Существует мнение, что рассказ Полиэна о разведывательной операции Мемнона (5, 44, 1), основная цель которого заключалась в попытке узнать количество населения Боспорского государства, отражает интерес к нему Филиппа II (*Блаватская, 1959. — С. 130-131; Шелов-Коведяев, 1985. — С. 138-139*).

Таким образом, в борьбе за создание великой Македонии Филипп II использовал разнообразные методы, в том числе и достаточно хитроумные, как в случае с Атеем. Без всякой борьбы, лишь оказав подмогу, и путем усыновления он надеялся присоединить к своей державе и скифские земли в Добрудже, что в итоге открыло бы для него более прямой путь к подчинению западно- и северопонтийских полисов. Однако обращение к нему Атея было вызвано лишь экстраординарными событиями в его жизни

и дальнейшем существовании подвластного ему племени, страхом престарелого вождя на склоне жизни лишиться власти и стать подданным значительно более молодого правителя.

Как только отпала необходимость в помощи македонцев, Атей срочно отказался от своего предложения, хотя не мог не знать о завоеваниях Филиппа, его военной силе и возможностях. Очевидно, идея сохранения собственного царства для Атея была не менее важна, чем панэллинская идея, завладевшая царем Македонии. Тем не менее, даже мысли об его усыновлении, кратковременные и преходящие, показывают, что он уважал Филиппа больше всех возможных претендентов на свое место в скифском царстве и других правителей в соседних государствах. Только в нем он увидел царя, достойного заменить его и равного ему по образу действий и характеру, если, конечно, рассказ об усыновлении не является хитроумной выдумкой.

Бесспорно, трудно оценить всю совокупность обстоятельств, вследствие которых престарелый Атей продолжал управлять своим племенем и принимать участие в сражениях. Из разрозненных сообщений античных авторов можно выяснить лишь отдельные черты его характера. Правда, среди них высказаны и такие, которые, очевидно, как и об Анахарсисе, относятся к идеализирующей тенденции варваров (ср.: *Каллистов*, 1969. — С. 129-130). Идеализация скифов нашла отражение в сочинениях многих авторов (Страбон, Полиэн, Оросий, Фронтин, Климент Александрийский, Плутарх), которые так или иначе упоминали и Атея.

Так, в «Нравственных изречениях» Плутарха, где были записаны изречения царей, привлекают внимание высказывания Атея. Даже если они не в полной мере отражают реалии из жизни этого правителя, они интересны тем, что именно таким его представляли эллины, любившие размышлять над разными сентенциями. В одной из них, якобы взятой из письма Филиппу II, Атей писал: «Ты властвуешь над македонцами, обученными воевать с людьми, а я — над скифами, которые могут бороться и с голодом, и с жаждой». Явное противопоставление экспансионистской политики Филиппа и мирного сосуществования скифов со своими соседями, если те не предпринимали против них враждебных действий, на самом деле отвечает историческим событиям периода взаимосвязей обоих царей. Складывается с археологическими источниками и относительная бедность того скифского племени, которое базировалось в Подунавье, вытекающая из их умения бороться с голодом и жаждой (*Андрух*, 1992; 1995).

В таком контексте можно понять и другие изречения Атея, свидетельствующие о его любви к своему коню. Пришедших к нему послов он спросил, чистя коня, занимается ли этим Филипп. Захватив в плен прекрасного флейтиста Исмения, Атей приказал ему сыграть на своем инструменте. Когда все слушатели начали восхищаться, царь якобы клятвенно произнес, что он с большим удовольствием слушает ржание коня (*Plut. Apophthegm.*). Его гордость собственными лошадьми, похвальба их выносливости и быстроте косвенно отражена во вставленном Агоракритом послании, сохранившемся у Климента Александрийского: «Царь скифский Атей демосу византийцев: не вредите моим доходам, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды» (*Clem. Alexandr. V, 5, 31*). О каких именно отношениях скифов с Византием идет здесь речь, установить не удалось, хотя в данном послании звучит явная угроза Атея захватить город, если его жители не перестанут вредить каким-то его доходам. Можно только предположить, что византийцы помогали Истрии вести торговые операции и содействовали проходу их торговых кораблей через узкий Босфорский пролив, пре-

пятствуя таковым со скифами, которые могли продавать грекам своих лошадей и других животных.

Древние авторы отмечали также особую хитрость Атея в проведении военных сражений с соседними племенами. Безусловно, ничем иным, как хитростью, нельзя считать и рассмотренное выше предложение царя об усыновлении Филиппа. Зная, что Македонец постоянно воюет ради увеличения своей монархии, скиф, помимо всего остального, мог решить, что только таким способом может привлечь его на свою сторону и выиграть при нападении истриан. Было ли это войско какого-то небольшого гетского племени, обитавшего по Истру, как считается отдельными учеными, трибаллы, или же народное ополчение Истрийского полиса под предводительством своего воинственного стратега (*Шелов, 1971. — С. 59-60*), в общем, не столь важно. В данном случае термин «гетх» не обязательно должен обозначать только «царь», поскольку он имеет несколько значений. И в понимании римского писателя таковым вполне мог быть архонт или стратег Истрийского полиса, владевшего большой хорой, полисные границы которой могли грабить или нарушать скифы. Любопытно то, что Атей в этой непростой ситуации сумел на какое-то время сохранить мир в своем царстве.

Во время одного боя с трибаллами он приказал женщинам, детям и всем остальным, кто не входил в число его воинов-всадников, подогнать к тылу врага ослов и быков, неся при этом поднятые копья (*Jul. Front. Strateg. II, 4, 20*). Одновременно пронесся слух, что идет помощь от более отдаленных скифских племен. Трибаллы испугались и отступили. Видимо, этот же или другой случай рассказывает и Полиэн: скифы попросили земледельцев и коневодов (ΤΟΙΣ ΓΕΩΡΓΟΙΣ ΚΑΙ ΤΟΙΣ ΙΠΠΟΦΟΡΟΙΣ) создать видимость подкрепления (*Polyaen. Strateg. VII, 44, 1*). Увидев движущуюся массу кричащих людей на лошадях, трибаллы ушли.

Из обоих источников можно понять, что не скифы напали на трибаллов, а последние вторглись на их земли. Крайне интересно, что в сообщении Полиэна отмечается три главных категории населения: воины, земледельцы и коневоды. Если на самом деле в царстве Атея существовало такое разделение, то оно располагалось в строго очерченных границах, где скифы обрабатывали землю и, очевидно, имели свои поселения. Вообще, создается впечатление, что Атей в основном воевал с теми, кто пытался вторгнуться или вторгся на территорию его царства. В этом аспекте наиболее убедителен рассказ Помпея Трога, переданный Юстином, о причине столкновения Атея с Филиппом II (*Just. IX, 2*).

После того, как Атей отправил обратно военный отряд, присланный Филиппом для борьбы с истрианами, со словами, что у него есть наследник, разгневанный Македонец направил к нему своих послов с требованием предоставить хотя бы часть издержек по осаде Византия, который ему никак не удавалось завоевать. «Атей, указав на суровый климат и скудость земли, которая не только не обогащает скифов наследственными имениями, но едва дает нужное для пропитания, ответил, что у него нет таких сокровищ, которыми можно было бы удовлетворить столь богатого царя; что, по его мнению, постыднее отделаться малым, чем отказать во всем, и что скифы ценятся не по богатствам, а по душевной доблести и телесной выносливости» (*Just. IX, 2, 7-9*).

Сняв осаду Византия, Филипп со своим войском отправился на войну со скифами. Посланные им предварительно послы уведомили Атея, что македонское войско движется к Истру ради установки статуи Геракла согласно обету, и Филипп просит свободного пропуска через его земли. Поняв его хитрость, скифский царь передал ему, что будет лучше, если привезут статую без сопровождения воинов, он сам ее поставит, и она

будет находиться здесь в целостности и сохранности. В противном случае он не позволит македонскому войску нарушить границы его владений, а если Филипп посмеет поставить статую героя, то она будет переплавлена на наконечники стрел, как только он уйдет.

Угроза Атея не изменила планов Филиппа, явно хорошо осведомленного о том, какими на самом деле военными силами обладает гордый скиф. В состоявшемся сражении скифы были побеждены. Македонцы разорили скифское царство, захватили в плен 20000 женщин и детей, большое количество скота, а также 20000 чистокровных лошадей. Очевидно, все скифские воины были перебиты. Обычно Филипп очень жестоко расправлялся с противниками. Стоит хотя бы вспомнить, что после победы в кровавой битве на Крокусовом поле в Фессалии в 352 г. он повелел всех захваченных в плен фокидских воинов численностью около 3000 утопить в море, а труп их автократора Ономарха распять (*Diod. XVI, 35, 6; 61, 2*).

В бою против Филиппа Атей погиб. Как поступил с его телом Македонец, никто из авторов не сообщает. Но самого главного, за чем пришел сюда Филипп, на скифской земле не оказалось. Он не смог увезти отсюда ни золота, ни серебра. Тем самым подтвердились слова Атея о бедности скифов в том значении, как понимал богатство македонский царь, для которого оно выражалось во владении драгоценными металлами. Главной гордостью скифского правителя были чистокровные лошади и земля, на которой обитали его соплеменники.

Из рассказа о скифо-македонском военном конфликте, как и в случае с трибаллами и истрианами, важнее всего для него являлась целостность территориальных владений, любыми средствами он готов был отстаивать свою землю. Несмотря на то, что он, несомненно, знал о военной мощи и жестоком нраве Филиппа II, завоевавшего уже к тому времени много эллинских городов, он не только предупредил его, что не допустит свободного прохода македонского войска через территорию своего царства, но и после того, как оно вторглось все-таки в его владения, решил дать отпор, хотя силы были явно на стороне Филиппа.

В античных источниках отсутствуют какие-либо прямые сведения о завоевательной политике Атея. Он угрожал только в тех случаях, когда угрожали скифам или нападали на его земли. Тем не менее, агрессия приписывается ему современными учеными, которые в основном опираются больше на собственные соображения и существующую традицию о воинственности кочевников, считая его «главой огромной скифской державы, охватывавшей все Северное и часть Западного Причерноморья» (*Шелов, 1971. — С. 56*). Однако почему в таком случае Атей со своим войском оказался столь бессильным, мало кто пытается объяснить. По мнению Е.В.Черненко, Филипп победил вследствие уже выработанных и апробированных в предыдущих битвах тактических приемов, построенных на тесном взаимодействии различных видов пехоты с конницей (*1989. — С. 244*).

Но вряд ли только в этом следует видеть поражение Атея и полный разгром его царства. Скорее всего, скифы были разбиты потому, что на самом деле Атей являлся царем небольшого этнополитического объединения в Добрудже, а не властелином «Великой Скифии». Филипп напал на них не внезапно и Атею ничто не мешало увести женщин и детей, а также столь ценимых им отборных скакунов в степи даже и в том случае, если он решил вступить в бой. Однако складывается впечатление, что ему просто некуда было спрятать то, что составляло богатства его маленькой страны, без нарушения границ других племен.

Скифские памятники в Нижнем Подунавье все еще мало исследованы в том плане, чтобы с их помощью можно было определить хронологичес-

кие процессы образования исконно скифского царства именно в этом регионе. Считается, что массовое передвижение скифов в Добруджу началось после распада Одрисского царства в 357 г. до н.э. (*Блаватская, 1952. — С. 80; Шелов, 1971. — С. 58-59; Андрух, 1992. — С. 10*). Отдельные их вторжения начались несколько раньше, хотя никаких разрушений или прекращения жизни на гетских поселениях этого времени не отмечено (*Андрух, 1992. — С. 10-11*). Все это дает основания предполагать, что первоначально Атей получил здесь какие-то земли по наследству или же занял никому не принадлежащие местности, мало пригодные для земледелия. Во всяком случае, если исходить из античной литературной традиции и монет Атея, он владел только небольшим царством в Добрудже — возможно, именно теми исконно скифскими землями, которыми управляли его предки, начиная с Идантирса и кончая Октамасадом.

Имеются ли в действительности какие-то определенные источники, чтобы считать, что Атей царствовал над всеми скифами от Волги до Дуная, как считается в современной науке? В основном, опираясь на краткую справку Страбона: «Атей, воевавший с Филиппом, сыном Аминты, кажется, господствовал над большинством тамошних варваров» (*VII, 3, 18*), ученые по-разному определяют границы его царства. Из имеющихся в литературе высказываний, гипотез и мнений можно выделить три главных точки зрения.

Согласно первой из них, наиболее характерной для русских и украинских археологов, Атей являлся царем объединенной Скифии, простиравшейся от Азовского моря до отрогов Балканского хребта, создателем первого скифского государства (*Граков, 1954. С. 9, 20-24; Шелов, 1965. — С. 19-20; 1971. — С. 56-57; Ильинская, Тереножкин, 1983. — С. 367; Шелов-Коведяев, 1985. — С. 146-147 (с библи.); Павленко, 1994. — С. 182-183; Болтрик, Фіалко, 1995; Павленков, 1999 и др.*). Б.Н.Граков предполагал, что центром этого колоссального территориального государства времени владычества Атея было Каменское городище на Днепре (*1954. — С. 172*). Ф.В.Шелов-Коведяев связывает войну Перисада I со скифами, о которой упомянул Демосфен в речи против Формиона (*34, 8*), с этим могущественным скифским царем. Он представляет его единоличным правителем, исполнителем задачи объединения Скифии под эгидой единой центральной власти, человеком, при котором развитие скифского раннеклассового государства достигло своего апогея (*1985. — С. 146*). «В долголетнее правление этого монарха, погибшего почти в столетнем возрасте, Скифия предстает перед нами мощной централизованной державой, раскинувшейся от Дуная до Дона (включая Крым) с ярко выраженной социальной и имущественной дифференциацией общества, четко организованным аппаратом управления на всех уровнях власти, эксплуатацией зависимых оседлых земледельцев и скотоводов-кочевников, оформившейся столицей на Днепре, собственными развитыми производствами, обширной торговлей, царской монетой, чеканенной в греческих городах. Осуществляя давние устремления скифов, Атей ведет довольно успешные военные действия во Фракии, угрожает весьма удаленному от его владений Византию и на равных ведет себя с создателем Македонской державы Филиппом, в битве с которым и находит свою кончину в 339 г.» (*Шелов-Коведяев, 1985. — С. 146-147*).

При таком понимании образа Атея и мощности его царства, который должен был иметь сильное и многочисленное войско, вызывает недоумение, почему он не разгромил богатейшего в то время боспорского царя; почему он только создавал видимость множества войска в борьбе с трибалами и опирался преимущественно на свою природную хитрость и мудрость; почему он обратился за помощью к Филиппу, когда на него хотел

идти войной истрианский правитель, который вряд ли имел более сильное войско, чем так называемая объединенная Великая Скифия.

Согласно точке зрения Ю.П.Павленко (1994. — С. 182-183), который исходит из справки Страбона, Атей объединил все племена Скифии от Дуная до Дона, после этого двинулся на запад, победил гетов, утвердился на правобережье Дуная, распространив свое влияние и на западнопонтийские города. В 346 г. до н.э. он заключил союзный договор с Филиппом в борьбе против Фракии, что в итоге привело к ее ликвидации как государства. Эти победы ознаменовались чеканкой скифских монет, а фракийцы платили дань скифам. Атей отныне претендует на роль гегемона в Подунавье, и центр Скифии перемещается в Добруджу. Такая политика Атея вызвала недовольство Филиппа, что в итоге привело к войне. «Рассматривая все эти данные во взаимосвязи, создается впечатление, — пишет далее этот автор, — что длительное и суровое владычество Атея привело к окончательному уничтожению ресурсов лесостепных праславян. Для войн и роскошной жизни скифская знать увеличивала налоговые поборы, а возможности повышения производительности труда были уже фактически исчерпаны. Местное население вынуждено было бежать на север, в малозаселенные леса Невриды. Вполне вероятно, что где-то в середине IV в. до н.э. приведенное к отчаянию население Лесостепного Правобережья восстало против Атея, что привело к поражению и уничтожению всей социально-политической системы местных скотов» (Павленко, 1994. — С. 183). Разорив таким образом население Поднепровья, Атей решил искать новые объекты эксплуатации в Подунавье и на Балканах, усилил давление на Боспорское царство и другие античные города. Готовясь к решающей битве с Атеем, Филипп координировал свои действия с боспорским царем Перисадом и провоцировал восстание лесостепных праславян, человеческий и экономический потенциал которых составлял основу могущества Великой Скифии. Разгром войск Атея положил конец этому государству (Там же. — С. 183). Однако в противоречии с этой весьма интересной точкой зрения находятся археологические памятники и литературные источники, отнюдь, как сказано выше, не являющиеся доказательством могущества и богатства этого скифского царя.

Разумеется, что такое понимание личности Атея и созданного им государственного образования могло быть порождено существующей в науке концепцией о «Великой Скифии», которая так или иначе исподволь вырисовывалась по отдельным археологическим источникам, начиная еще с архаического времени, и была близка мировоззрению советского человека второй половины XX в. Тем не менее этот феномен скифской «империи» почему-то совершенно не нашел отражения ни в античной литературной традиции, ни в политике или экономике северо- и западнопонтийских государств.

Ни один из рассмотренных выше письменных источников не дает права считать, что Атей на самом деле правил столь огромной державой, населенной к тому же разноразличными племенами. Не увязывается с таким представлением о царстве Атея сообщение о захваченных Филиппом 20000 женщин и детей, множестве скота и лошадей. Так как Македонец не сделал внезапного нападения на скифов, а Атей догадывался о нем заранее, зная, какие государства им уже захвачены, он мог бы призвать себе на помощь остальные войска и не подвергать женщин и детей тяготам войны. Однако этого не случилось. Как не было и тогда, когда он хитростью изгнал со своей земли трибаллов. Получается, что его владения в Добрудже находились как бы в замкнутом кольце, ограниченном со всех сторон землями других народов. Отступать, означало бы нарушить границы других государственных объединений. Ни греки западнопонтийских полисов, ни соседние племена не пришли на помощь Атею в борьбе с Филиппом.

Монета
Атея.
Серебро.

Д.П.Каллистов прав, что справка Страбона об Атее, которая никак логически не увязывается ни с предыдущим, ни с последующим текстом его сочинения, не может служить неопровержимым свидетельством о создании Атеем столь огромного для тех времен территориального и полиэтнического государства (1969. — С. 124-129). Географ нигде не указывает, что это были именно северопричерноморские и лесостепные племена (ср.: Шелов, 1965; 1971). В данном случае, поскольку речь идет о битве с Филиппом, то термин «тамошних или здешних варваров» непротиворечиво увязывался бы именно с племенами Подунавья, где происходило сражение, а не с огромной территорией от Дона до Дуная.

Кроме того, весьма важно вводное слово (ΔΟΚΕΙ) — «по-видимому», «кажется», которое Страбон поставил не просто случайно, а явно потому, что у него не было точных сведений о том, какими именно племенами управлял Атей и так ли это было в действительности. В целом, исходя из всей суммы письменных источников, в них нет ни одного свидетельства, которое можно было бы связать с Атеем как царем «Великой Скифии». В такой же мере вряд ли правомерно считать, что он, как один из величайших царей, был похоронен в кургане Чертомлык (Болтрик, Фялко, 1995. — С. 10-11; Болтрик, 2000. — С.53-55), а его сын с женой — дочерью боспорского царя — в кургане Огуз. Одним из аргументов для доказательства определения погребенного царя приводится граффито на доньшке серебряного кубка (ΑΑΤΑΑ), которое читается, как имя Атей. Однако, на дне этого сосуда прочерчен целый ряд других буквенных знаков и рисунок, что в совокупности следует трактовать как магические знаки, возможную связь с богиней забвения Атой, но уж никак не с Атеем.

Согласно второй точке зрения, не получившей широкого признания, но заслуживающей внимания, царство Атея простиралось от устья Днепра и Перекопского перешейка до нижнего Дуная, а место битвы скифов против македонского войска находилось на левом берегу Истра, в южной части Прутско-Днестровского междуречья (Карышковский, 1971. — С. 56-58). Но и такая локализация противоречит письменным источникам, а также монетам Атея, отнюдь не дающим представления о том, что его власть распространялась на большое число проживавших на этой территории скифских и нескифских племен.

Исходя из всех рассмотренных данных, в настоящее время имеются основания признать, что наиболее правы те исследователи, которые счита-

ют, что царство Атея в 340-е годы было локализовано в области Нижнего Дуная в Добрудже (*Alexandrescu, 1967; Каллистов, 1969; Iliescu, 1969. — P. 171-176; 1974; 1975. — P.13-24; Анохин, 1973. — С. 39-40; Черненко, 1987; Андрух, 1992. — С. 11*). Борьба с истрианами и трибаллами носила оборонительный характер, так как они явно пытались изгнать его с этой территории, возможно, из-за скифских набегов и требований характерной для кочевников дани.

Весьма важна для определения так называемого могущества Атея самая ранняя, к сожалению, отрывочная справка из исторического труда неизвестного автора III в. до н.э., в которой указывалось, что Филипп «легко победил» (ΡΑΔΙΟΣ ΕΠΙΚΕΣΕΝ) скифов и убил их царя Атея (ΒΑΣΙΛΕΑ ΑΥΤΩΝ ΑΤΕΑΝ ΑΠΕΚΤΕΙΝΕΝ) (*Roberts, 1938. — P. 111*). Легкость победы, естественно, объясняется тем, что этот царь не имел большого войска, как и не обладал обширным и могучим государством, не владел теми богатствами, которые уже накопили скифские цари причерноморской степной Скифии посредством теснейших связей с Боспором, откуда к ним поступали многочисленные изделия из драгоценных металлов и многое необходимое для жизни.

Эта точка зрения находит подтверждение и в чеканке не золотых, а только серебряных монет с именем Атея (*Анохин, 1965; 1973*). На монетах первой серии на лицевой стороне изображена голова Геракла, стилистически весьма близкая к его образу на монетах Гераклеи Понтийской, что, по мнению В.А.Анохина, свидетельствует об их изготовлении в этом городе. На реверсе представлен скачущий всадник, стреляющий из лука, в типичном костюме скифа-воина (*Анохин, 1973. — С. 24-25*). Всадник опоясан широким поясом с привешенным сбоку горитом. За спиной всадника — имя ΑΤΑΙΑΣ.

На монетах второй серии на аверсе изображена голова Артемиды — одной из главных богинь Каллатиса, на монетном дворе которого были выпущены эти монеты, а на реверсе — тоже стреляющий из лука скифский всадник. Помимо имени царя на них указаны начальные буквы названия города Каллатис (*Анохин, 1973. — С. 32-35*). Последняя серия по художественному исполнению воина и лошади значительно уступает первой. Поскольку Каллатис являлся дочерним полисом Гераклеи Понтийской, то нет ничего удивительного в том, что именно там в угоду Атею каллатийцы заказали выпуск его монет.

Исследованию монет Атея посвящено много работ (см. библи.: *Анохин, 1973*). В аспекте изучения этого царя важно, что все они концентрируются на территории Добруджи, где в период их выпуска (345-340 гг. до н.э.) Атей владел определенной небольшой областью, скорее всего, между городами Томи и Дионисополем (ср.: *Анохин, 1973. — С. 39; Alexandrescu, 1967. — P. 90; Iliescu, 1969. — P. 176; 1974. — P. 667-669; 1975. — P. 17-21*). Метрологические данные и особенности типологии Атеевых монет по их тесной связи с дидрахмами Филиппа II позволяют полагать, что выпуском своих монет скифский царь хотел приравнять себя к Македонцу (*Шелов, 1971. — С. 56-57; Анохин, 1973. — С. 39*).

Монеты в совокупности с литературными источниками свидетельствуют об эллинизации Атея, хорошо осведомленного о наличии чеканки монет в античных городах, их торговом назначении и символике. Не исключено, что скифский царь подарил свою монету Филиппу, который по ней решил, что тот знает и ценит греческого героя Геракла и поэтому разрешит установить его статую на берегу Истра.

Какие-то взаимоотношения были налажены между царством Атея и западнопонтийскими городами. По всей видимости, в основном подвла-

стные ему племена занимались скотоводством и земледелием (*Polyaen. Strateg. VII, 44, 1*). Производимая ими продукция по примеру соседних городов могла поступать на внешний рынок, для усиления которого, хотя и в самом конце жизни, была выпущена монета Атея. Вместе с тем она демонстрировала его финансовые возможности и стремление наладить денежный обмен при торговых операциях, служила для подарков соседним правителям, через символику Геракла и Артемиды выражала уважение к эллинским обычаям, одновременно показывая в образе стреляющего всадника воинственный характер и возможность защитить собственные владения.

Неоднократно высказывалось мнение, что после смерти Атея начался закат всей Скифии, его битва с Филиппом якобы положила конец «героическому» периоду ее истории, нанесла непоправимый удар складывавшейся государственности и могуществу скифов (ср.: *Граков, 1954. — С. 22-24; Шелов, 1965; 1971; Анохин, 1973; Ильинская, Тереножкин, 1983. — С. 367; Павленко, 1994. — С. 183*).

Между тем, исходя из археологических исследований, именно к послееатеевскому времени (340–300 гг. до н.э.) относится наибольшее количество богатых скифских курганов, в том числе и так называемых царских, с шедеврами эллино-скифского ювелирного искусства в Степи Северного Причерноморья, что, безусловно, отражает высокий экономический статус этнополитического объединения царских скифов, сосредоточенного в Поднепровье–Приазовье и держащего под своим контролем как Боспор, так и Херсонес, и Ольвию, их торговлю с лесостепными племенами, начиная со второй половины V в. Последняя треть IV в. до н.э. в истории этих кочевников получила верное определение «золотой осени Скифии», поскольку только после нее начинается собственно ее закат, вызванный постепенным нарастанием общего кризиса в античных государствах и окружающих их этнополитических объединениях (*Виноградов, Марченко, 1987. — С. 39; Marcenko, Vinogradov, 1989. — P. 810-813*), разгромом скифского войска сираками в междоусобной войне сыновей Перисада I.

Однако, эта Скифия ничего общего не имеет с царством Атея, более всего ценившего не золото, а лошадей. Двадцать тысяч чистокровных коней, угнанных Филиппом после поражения скифов, составляли гордость царя и являлись самым большим его богатством. Его безграничная любовь к лошадям, послужившая даже для сочинения своеобразного анекдота о нем, их захват македонцами наталкивает на мысль, не было ли скифское племя Атея сродни каллипидам («прекрасноконным»), как прозвали их северозападнопонтийские греки и благодаря которым они стали известны Геродоту (см. подр.: *Русяева, Скржинская, 1979*).

В таком случае, уместно предположить, что после смерти Скила во второй половине V в. до н.э., со вторжением новой волны кочевников, каллипиды начали постепенно отступать на запад в Подунавье, где находились их исконные земли и где принял смерть этот эллино-скифский царь от руки своего сводного брата Октамасада. Не исключено, что Атей был внуком Скила, который сумел возродить скифское царство в Добрудже. Косвенным подтверждением этого могут быть его проэллинские взгляды, выпуск собственной монеты с изображением греческих божеств, торговые связи с близлежащими античными городами. Как и каллипиды, здесь население занималось земледелием и скотоводством, выращивало отборных лошадей, обитало в определенных, не особенно обширных местностях, где земля считалась неплодородной (*Just. IX, 2, 7*).

Подчеркивая во многих случаях хитрость Атея, которая сродни мудрости, античные авторы ни разу не дали понять, что его скифы могли

быть непобедимыми из-за кочевнического образа жизни подобно тому, как это утверждал Геродот (*IV, 46*). Владея большим количеством прекрасных лошадей, казалось бы, войску Атея, как и некогда Идантирсу, ничего не стоило хитростью заманить врага в ловушку, уничтожить или заставить отступить, также уйти за пределы Подунавья и скрыться в бескрайних степях. Тем не менее он со своим войском и всем, что у него имелось, остался на своей земле с полной уверенностью — изгнать врага или же погибнуть, защищая ее. Его взгляды были созвучны настрою его воинов и всего населения, отражали психологию сопротивления войску Филиппа. Атей, как убежденный сторонник сохранения своего царства и личной свободы, защищал интересы и своих подданных, несмотря на преклонный возраст.

При всей действительной храбрости и доблести Атея его царство было разгромлено, что наложило неизгладимый отпечаток на дальнейшее существование скифов в Добрудже. Даже если у Атея и был оставшийся в живых наследник, ни его имя, ни имена его ближайших потомков не нашли отзвука в сочинениях древних авторов. Существенный перелом с пребыванием скифов в Нижнем Подунавье происходит позже — с образованием полиэтнического объединения Малая Скифия в III в. до н.э., цари которой также выпускали собственные монеты. Однако, не имеется никаких достоверных источников даже для предположения, что правившие там цари вели свое происхождение от рода Атея, хотя нельзя исключать, что на месте разоренного и разграбленного Филиппом II его царства постепенно возродилось качественно новое политическое образование, с выходом на арену деятельного и незаурядного правителя.

Евресибий, сын Сирикса

В отличие от Скила, деятельность Атея не нашла никакого отражения в жизни Ольвии, где как раз в это время происходило становление демократического режима власти. Усиление демократических тенденций в греческом мире, установление демократии в Милете, Синопе, Истрии, с которыми Ольвия поддерживала теснейшие контакты, вхождении ее в Афинский морской союз, наконец, черноморская экспедиция Перикла, при котором, вполне возможно, также на короткое время победу одержали демократы, способствовали здесь интенсивному развитию новых идей и увеличению сторонников афинского государственного устройства (см. *лит.: Русяева, 1994*).

Однако процесс установления постоянного демократического режима в нижнебугском полисе был затяжным и, видимо, не совсем легким. Коренной перелом в его внутривнутриполитической жизни произошел в конце V - первой четверти IV в. до н.э., когда здесь окончательную победу одержали демократы. Их движение и введение политической системы, подчиненной идее народного суверенитета, связано с именем Евресибия, сына Сирикса.

Источники о характере его личности и деятельности, по сравнению с выше рассмотренными, крайне скудны и малочисленны. Столь знаменательное событие, как победа демократии в Ольвии, в отличие от некоторых других полисов на Понте, не получило отражения в античной письменной традиции. С ней связывается лишь три посвяительные, но малоинформативные надписи Зевсу Элевтерию и фрагмент почетной эпитафии, которые по палеографическим особенностям укладываются в

одинаковые хронологические рамки — первая четверть IV в. до н.э. (Виноградов, 1989. — С. 135 сл.; Русяева, Крапивина, 1992. — С. 24-25; Русяева, 1994. — С. 49).

Первая надпись, опубликованная еще В.В.Латышевым, была вырезана на фрагментарно дошедшем мраморном постаменте статуи (*IOSPE, I², 160*). Согласно последнему восстановлению, она читается следующим образом: «Гекатеон, сын Гикесия, (статую) своего отца Гикесия, сына Гекатеона, (посвятил) Зевсу Элевтерии» (Виноградов, 1989. — С. 135. — Прим.2). Это, раньше других найденное посвящение Зевсу Элевтерии, оставалось длительным период (с 1899 по 1971 г.) единственным свидетельством его культа в Ольвии, на основании которого не делалось никаких далекоидущих выводов, а тем более — о его связи с победой демократии в Ольвии.

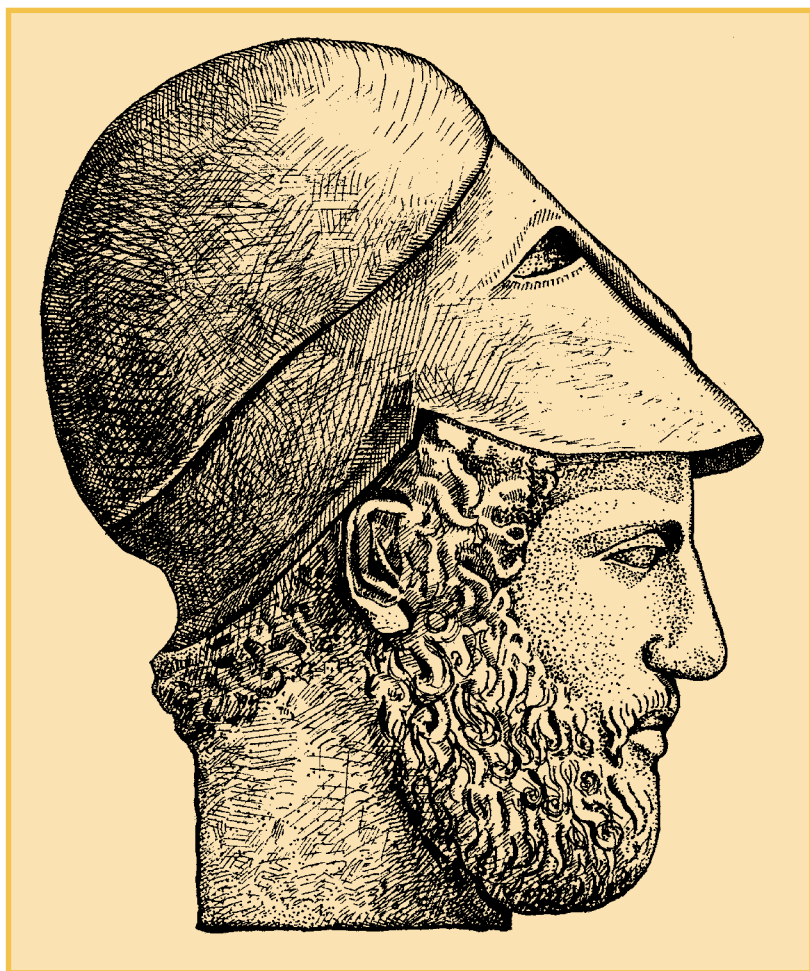
Два других посвящения этому богу связаны с именем Евресибия. Они представляют собой votивные эпиграммы, вырезанные на базах статуй. Полностью сохранившаяся надпись на небольшом мраморном постаменте была найдена в 1971 г. Б.В.Борисовым случайно, во время вывозки земли с выкидов раскопов между участками Е-6 и Западным теменосом, в гумусном слое на глубине 0.20-0.30 м от уровня современной поверхности, будучи перемещенной в это место, очевидно, еще в первые века нашей эры в результате разбора Восточного теменоса, где, по всей вероятности, она должна была находиться, поскольку на его территории располагалось святилище Зевса.

В тезисной форме надпись впервые опубликовал А.А.Белецкий, а затем Ю.Г.Виноградов (1989. — С. 136). В ней воспеваются один из ольвиополитов: «Достойный похвалы Евресибий, сын Сириска, поставил меня (статую) Зевсу Элевтерии, царю богов, укрепляя отеческую землю и по справедливости почитая славное владычество Зевса Элевтерия». В кратком посвяtitельном стихе применены эпитеты, характерные для произведений аттических поэтов и votивных эпиграмм Зевсу, что может свидетельствовать о знакомстве ольвийского сочинителя не только с мифологией, где Зевс, как царь богов, господствует на Олимпе, но и с литературным творчеством своего времени, правилами стихосложения, что, бесспорно, свидетельствует о получении им хорошего образования, возможно, даже в Афинах.

Вторая эпиграмма вырезана на большом мраморном постаменте для статуи, но частично сбита: «...по одному обету (ты поставил статую) отца Евресибия, ...по второму — ты посвятил меня Зевсу Элевтерии» (Русяева, Крапивина, 1992. — С. 22). Имя посвяtitеля неизвестно. Ю.Г.Виноградов предполагает, что это был Леократ (1989. — С. 147), но не исключено, что и Сирик.

Таким образом, в обеих эпиграммах упоминается, очевидно, один и тот же человек, Евресибий, сын Сириска, прославившийся в Ольвии в результате каких-то особых политических действий, связанных с борьбой за свободу, символом которой в данном случае выступает Зевс Элевтерий. В истории греческих государств классического времени имеется немало примеров о введении этого культа после победы демократии (*Diod. XI, 72, 2; Oliver, 1960. — P.12; Raaflaub, 1985. — S.125-143; Виноградов, 1989. — С. 136-137*). Чествование Зевса Освободителя сопровождалось жертвоприношениями, агонами и участием всего демоса на празднике, где нередко устраивались угощения для всех присутствующих.

Возвращение демократической элевтерии Ольвийскому полису Евресибием, сыном Сириска, предположительно можно видеть и в третьей, реконструируемой Ю.Г.Виноградовым эпиграмме, в которой речь идет о

Перикл.
V в. до н.э.
Мрамор.

независимости и свержении тирана (1989. — С. 142). Если она действительно связана с деятельностью Евресибия и синхронна с вышеприведенными, то этот гражданин сделал настоящий политический переворот в Ольвии.

По мнению Ю.Г.Виноградова, тирания в Ольвии просуществовала на протяжении почти всего V в. до н.э. Одновременно с ней ольвиополиты находились под протекторатом скифских царей (1989. — С. 90-134). Евресибий не только освободил свой полис от власти тирана, но и укрепил отеческую землю, защищая ее, по-видимому, от каких-то внешних врагов. Совместно с ним действовали Гекатеон, сын Гикесия, и неизвестные по именам ольвиополиты. Однако для столь точного восстановления политической истории Ольвии все еще не хватает конкретных, полностью сохранившихся эпиграфических источников. Поэтому его можно воспринимать как одну из гипотетических версий, имеющих право на существование, как и ранее высказанные взгляды исследователей.

В среде самой богатой и образованной верхушки ольвийской гражданской общины появились приверженцы антиолигархических и антитиранических идей, захвативших в итоге власть и провозгласивших демократическое устройство полиса. Во главе их, исходя из всех эпиграфических документов, находился Евресибий, хорошо знакомый с афинской формой демократии и, очевидно, нашедший поддержку в Афинах. Не исключено, что именно там он хорошо познакомился с политическим устройством и оттуда заимствовал культ Зевса Элевтерия, который просуществовал в

Ольвии непродолжительное время и, в общем, был связан только с определенным историческим моментом — победой демократии и завоеванием свободы. Знаменитый памятник афинских тираноубийц Гармодия и Аристогитона служил наглядным примером борьбы с тиранией.

Безусловно, что при своей жизни Евресибий оказывал большое влияние на государственную жизнь Ольвии, ее внутреннюю и внешнюю политику. Поскольку демократия была завоевана представителями аристократических образованных слоев населения под предводительством Евресибия, то его род в дальнейшем был заинтересован в их постоянной поддержке. Почетные надписи, связанные с его именем, появились здесь не сразу после победы демократов, а, по традиции, после смерти или же выполнения жреческой службы, как это видно по многим другим эпиграфическим памятникам. Поэтому вряд ли правомерно, исходя из относительных датировок, считать, что тираны управляли Ольвийским полисом и в первые десятилетия IV в. до н.э., а вместе с тем, что он все еще пребывал под скифским протекторатом.

Судя по серебряным монетам с символикой Диониса и этником ОΛΒΙ или ОΛ (*Анохин, 1989. — С. 22*), впервые появившемся именно на них, вероятно, демократия была установлена еще в конце V - начале IV в. до н.э. С этой датой совпадает начало возрождения ольвийской сельскохозяйственной округи и реорганизации земледельческой территории (*см. лит.: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. — С. 99*). По всей видимости, нет пока надежных источников для утверждения, что Ольвия в первой четверти IV в. осуществила территориальную экспансию в Северо-Западный Крым, где якобы ольвиополиты соорудили один (Панское I) или несколько укрепленных фортов для защиты обрабатываемой земли, а затем вела войну с Херсонесом Таврическим, отстаивая свое право на овладение ею (*ср.: Виноградов, Щеглов, 1990. — С. 313 сл.; Буйских, 1997*).

В округе Ольвии было немало никем не занятых плодородных земель, не требующих специальной защиты, чтобы заниматься земледелием в столь отдаленных от города и опасных местах. Если там и могли оказаться выходцы из Ольвии, то их появление целесообразнее связывать с политическими изгнанниками — врагами демократии, а не территориальной экспансией, характер и причины которой трудно объяснимы для нижнебугского полиса. Среди таковых гипотетически можно считать родственников последнего тирана и его приверженцев, или же других ольвиополитов, нарушивших полисные законы или священные обычаи.

Огромное расширение ольвийской аграрной зоны, возникновение урбанизированных поселков с развитым каменным домостроительством в течение конца V - первой четверти IV вв. до н.э. (*Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. — С. 99; Буйских, 1997*) свидетельствуют об экономическом расцвете Ольвии, энтузиазме ее населения и явной поддержке новой власти. Беспрепятственное овладение теми же территориями, что и в архаическое время, отсутствие на них каких-либо оборонительных сооружений, в отличие от Боспора, показывает, что никакой угрозы грекам в этом регионе не существовало, как и в начальный период освоения данного региона. Сосредоточение погребений скифских кочевников этого времени к востоку от Борисфена до Танаиса — свидетельство того, что в орбите их интересов по многим причинам находилось Боспорское царство и в наименьшей степени их интересовала сравнительно бедная Ольвия.

Получение большого количества хлеба в первые десятилетия демократического строя и экономический подъем полиса стали причиной введе-

ния нового символа на ольвийских монетах — головы покровительницы земледелия и зернового хозяйства Деметры (*Карышковский, 1988; Анохин, 1989*). Судя по хронологии В.А.Анохина, она начинается с мелких медных монет, на которых изображалась голова этой богини в профиль с этниконом ОΛΒΙΟ, а на обороте — эмблема Ольвийского полиса (орел над дельфином) и буквы ΕΥ (*1989. — № 29*). Эти буквы, вполне вероятно, относятся к имени ΕΥΡΕΣΙΒΙΟΣ.

Если это так, то по его инициативе и предложению на народном собрании было принято введение новой символики, связанной с интенсивным развитием хлебного хозяйства и продажей зерна в другие города, в частности Афины. В таком случае Евресибий в это время исполнял должность жреца в храме Аполлона Дельфиния и являлся эпонимом. Следует думать, что после мольбов эпонимная должность с установлением демократии перешла к жрецам главного культового центра — Дельфиниона и оставалась за ними до гетского разгрома (*Русяева, 1992. — С. 195*).

Помимо этого, обращает внимание недавно найденный фрагмент надписи начала IV в. до н.э., свидетельствующей об установлении особых связей между Боспорским государством и Ольвией (*Виноградов, Крапивина, 1995; Vinogradov, 1997. — S. 515–525*). Из ее не полностью сохранившегося текста выясняется, что ольвиополиты дали проксению боспорскому царю Сатиру и вскоре заключили мирный договор с его сыном Левконом I о помощи. Относительно причин появления этих документов Ю.Г.Виноградовым предложена следующая гипотеза, базирующаяся в основном на допущениях и его концепции о скифском протекторате над Ольвией.

В общих чертах она сводится к таким положениям: в 392–389 гг. до н.э. ольвиополиты еще находились под властью тирана и скифским протекторатом; Сатир, наоборот, установил со скифами добрососедские и союзные отношения; в войне с оппозицией, засевшей в Феодосии, и поддерживающей ее Гераклеей он решил сделать Ольвию своей союзницей, а за это «уладить со скифскими владыками вопрос о дезавуировании их в Ольвии и аннулировании трибутивного договора»; но за это ольвиополиты должны были оккупировать Северо-Западный Крым и, возможно, создать форпост в Керкинитиде, ощущавшей уже потенциальную или реальную угрозу со стороны Херсонеса; задача Спартокида облегчалась тем, что ему легче было договориться с правящим тираном как с «родственным себе по духу (а не исключено, и по фамильным отношениям)» (*Vinogradov, 1997. — S. 523*). «Двусторонние обязательства были выполнены, и Сатир — вместе с почестями за свою неопределимую эвергетическую услугу — получил от ольвиополитов надежный плацдарм в тылу у Херсонеса (соответственно — Гераклеи), постоянно заставлявшего дорян, оглядываясь на реальную возможность нападения с северо-запада, отвлекать часть своих сил с феодосийского театра военных действий» (*Там же*). В свою очередь, Левкон I, чтобы окончательно завоевать Феодосию, с той же целью заключил союзнические отношения с Ольвийским полисом, одним из важнейших пунктов которых явилось обязательство военной помощи в случае нападения на одну из договаривающихся сторон.

К сожалению, эта интересная во многих частях гипотеза не согласуется с внешне- и внутреннеполитической обстановкой, сложившейся в последней четверти V — первой четверти IV вв. до н.э. не только в Нижнем Побужье и Северо-Западном Крыму, но и в Херсонесе, а также на Боспоре и Скифии. Мы все еще далеки от установления истинного положения Ольвии в это время, а тем более какой-либо зависимости от скифов, которая как раз и не находит подтверждения ни в каком из многочисленных источников.

Как монетная чеканка, так и расширение ольвийской хоры в западном, северном и восточном направлениях скорее дают все основания полагать, что полис находился в процессе экономического подъема, был полностью независимым, проводил торговлю со многими средиземноморскими и понтийскими городами. Синхронность афино-боспорских и афино-ольвийских теснейших взаимоотношений, к которым можно добавить и торговые контакты с Аркадией в Пелопоннесе и другими городами (ср.: *НО*, 4; *КБН*, 37), наводит на мысль, что ольвиополиты предоставили почетное гражданство и торговые льготы Сатиру и его сыну Левкону вследствие общей задачи — хлебной торговли с Афинами и, очевидно, под их влиянием, если только восстановление и интерпретация данной надписи верны.

Боспор, как уже отмечалось, во времена Левкона поставлял туда половину необходимого хлеба, вторая половина шла из других полисов. Среди них Ольвия, судя по афинскому импорту, занимала не последнее место. Левкон во всех отношениях продолжал политику своего отца, особенно поддерживая и расширяя торговлю с демократическими Афинами. Заключение ольвиополитами дружественного договора с этим боспорским правителем по сути является подтверждением почетного гражданства, предоставленного Сатиру и его потомкам, и дружеского расположения к нему после смерти отца. Во всяком случае, только такую информацию можно почерпнуть из сохранившейся второй части надписи. Если в ней и могла идти речь о какой-то помощи, то она касалась безопасности торговли хлебом на Понте в связи с возрастающим морским пиратством. Как для Боспора, так и Ольвии торговля хлебом в это время являлась одним из главных факторов усиления и обогащения государства. При этом нельзя не учитывать лояльное отношение ранних Спартокидов к демократии, полисным традициям, ярко выраженное уважение культов греческих божеств и возможный демократизм их власти на Боспоре.

В данном случае эти вопросы взаимоотношений с боспорскими правителями, как и Афинами, сравнительно подробно рассмотрены потому, что в этот период в Ольвии немаловажную роль играл Евресибий, которого граждане почитали за установление демократического строя, приведшего их полис к новому отношению друг к другу, отчизне и исконным традициям.

Сыновья Евресибия и их наследники пронесли его имя через века, навсегда сохранив в своем роду почитание Зевса с разными эпиклезами, введя в полис вследствие определенных политических изменений.

Ни один род в Ольвии не стал столь известным, как Евресибиады. Уже после смерти Евресибия, сына Сируска, здесь был создан его родственниками специальный культовый союз Евресибиадов, значительное число которых составляли сыновья его внука Леократа, сына Гиппократа (*НО*, 71; *Виноградов*, 1989. — С. 149; *Русяева*, 1992. — С. 201). Он, как и его дед, отличался стремлением сохранить полисные традиции, отстоять свободу отчизны и укрепить ее ради процветания будущих поколений. Шестерым своим сыновьям Леократ дал имена, основа которых состояла из слова ПОЛУ — «много, весьма»: Поликрат («многосильный»), Полимед («многоумный»), Полистрат («весьма боевой»), Полихарм («многорадостный»), Полидем («многонародный»), Полимедон («многоцарствующий»).

Ясно, что каждому из них имя давалось обдуманно, соответственно определенной цели и мировоззрению Леократа, видевшего в своих наследниках продолжателей и защитников рода. Тем не менее, своего старшего сына он нарек Евресибием, а следующему за ним дал имя, близкое по смыслу и скрытому значению своему собственному. На протяжении почти

всего исторического развития Ольвии наследники Евресибия являлись жрецами в культе Зевса.

Несмотря на то, что принцип прямого народовластия в Ольвии осуществлялся не всегда в соответствии с законами, установление постоянного демократического строя являлось важнейшим событием в ее жизни. Не имеется никаких прямых свидетельств, чтобы сами ольвиополиты стремились заменить его другим видом государственной власти. Поэтому в долговечном роду Евресибиадов их знаменитый предок пользовался почетом, и в нем никогда не забывали давать своим наследникам это очень редкое в греческой просопографии имя. Время от времени кто-нибудь из них, особенно в первые века нашей эры, с возрождением старых отчих обычаев, избирался на важные государственные должности (см. лит.: Русяева, Кравівіна, 1992).

Последний из них, известный по эпиграфическим документам, Евресибий, сын Каллисфена, в конце II или самом начале III в. н.э. построил при жизни совместно с женой Аретой, дочерью Папия, один из самых богатых каменных склепов (героонов) под высоким курганом, очевидно, по образцу склепа под «Зевсовым курганом», где гражданской общиной Ольвии был похоронен его родной брат Каллисфен, сын Каллисфена, прославившийся в последние годы перед присоединением города к Римской империи своей политической и эвергетической деятельностью, мудростью и жреческой деятельностью в культе Зевса с новыми эпikleзами Полиарх и Ольвий (Русяева, 1992. — С.187-191). Судя по последним деяниям представителей аристократического и образованного рода Евресибиадов, они до конца его существования оставались верны Ольвийскому полису, способствуя сохранению единства гражданской общины, главных полисных и религиозных традиций, а также демократических принципов власти.

**ЭЛИНИСТИЧЕСКИЕ
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
СЕВЕРОПОНТИЙСКИХ
ГРЕЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ**

Каллиник, сын Евксена	118
Евмел	127
Агасикл, сын Ктесия	135

На обороте:

Деталь пластины — украшения конской узды.
Курган Бабина могила
у с.Тарасова-Григорьевка Днепропетровской обл.
IV в. до н. э.
Серебро, позолота.

Греческие государства в Северном Причерноморье имели ряд специфических особенностей, отличались не только от средиземноморских, но и не были сходными между собой. Считается, что с конца V — начала IV в. до н.э. мир греческих полисов вступил в полосу кризиса. Еще большее углубление распада собственно раннеклассического полиса с его традициями, — прежде всего, тесной связью гражданской общины с земельной собственностью — происходит с выходом на международную арену державы Александра Македонского, положившего начало созданию эллинистических монархий и эллинистических политических и культурных преобразований на огромных территориях античной ойкумены.

Разнообразные процессы, происходившие в это время во многих регионах, вскоре сказались на развитии северопонтийских государств, граждане которых довольно быстро реагировали на определенные изменения в окружающем мире, воспринимая новшества и вместе с тем сохраняя исконные полисные традиции, особенно в политике и религии.

Некоторые исследователи небезосновательно также считают, что в Северном Причерноморье быстрее, чем где-либо, проявились эллинистические тенденции развития государственности и социально-этнической структуры. Последние весьма выразительно заметны на Боспоре в особом слиянии греческой и туземной верхушки в одно состояние конвергенции эллинского и варварского миров, появлении верховных правителей эллинистического типа, кровнородственных браках, обожествлении предка-монарха (Яйленко, 1990 г. — С.308).

Отдельные сходные черты в развитии Боспора и эллинистических монархий способствовали созданию теории протоэллинизма не только относительно него, но и других периферийных государств, соседствовавших с варварскими племенами и контактировавших с ними на том или ином уровне. В.Д.Блаватский аргументировал такое сходство различными признаками, среди которых важное место занимали смешанный эллино-варварский характер государства и культуры, разнородная в этническом и социально-экономическом аспектах структура их элементов, наплыв населения из Эллады и расцвет градостроительства (Блаватский, 1985. — С.109-131). Однако «боспорский протоэллинизм», как и Боспорское царство эллинистического времени, имеет свою специфику, и распространять ее на всю греческую периферию вряд ли правомерно, поскольку в каждом полисе складывались только ему свойственные взаимоотношения с варварами (Шелов-Коведяев, 1985. — С.182-184). К тому же эллинский, как более цивилизованный и прогрес-

сивный элемент, всегда превалировал во всех сферах жизни граждан боспорских городов.

Во многих регионах, несомненно, существовали как общие тенденции эволюции государств, так и их отличия, особенно в тех, которые находились на окраинах античной ойкумены в окружении или по соседству с миром часто меняющихся этнополитических объединений кочевников. Однако, подобные черты не только генетически, но и эволюционно различны. В IV в. до н.э., как уже отмечалось, вообще начался новый этап в развитии полисной системы, — будь то протоэллинизм или всеобщий кризис единства гражданских общин, — с характерным стремлением выйти за созданные предыдущими поколениями территориальные, экономические и политические рамки отдельного полиса (*Шелов-Коведяев, 1983. — С.330-331*).

Совершенно особое явление состоит в том, что Боспорская держава прошла два этапа: доэллинистический, несколько близкий младшей греческой тирании, и эллинистический, когда отмечается определенное сходство в государственно-правовом формировании власти и одинаковой экономической базе, в основе которой находились крупные землевладения и экспортная торговля хлебом.

В целом в Северном Причерноморье можно проследить общие черты и типологические особенности при формировании основных государственных структур, которые в наибольшей степени проявились как в полисных, так и надполисных образованиях. Полисные тенденции в развитии государственности и духовной культуры были свойственны поначалу всем причерноморским колониям. Самым типичным полисом на Понте Евксинском была Ольвия, унаследовавшая многие характерные черты своей метрополии — Милета. Именно здесь полисная модель демократического толка впоследствии достигла высокого уровня, дожив до конца античности. В Ольвии дольше, чем в других городах, сохранялись наиболее типичные для полисной демократии формы управления и морально-этические принципы гражданской общины, ее решающее значение в политической жизни государства, сохранение и усиление культов верховных божеств (*Русаева, 1994*).

В результате сложных политических и экономических процессов на Боспоре, наоборот, раньше всех резко проявились надполисные тенденции в развитии государственности со все усиливающимся автократичным режимом власти. Консолидация крупных полисов в единое государство, вопреки нежеланию отдельных из них, присоединение территорий, населенных варварскими племенами, постоянная экспансионистская политика ранних Спартокидов создали все условия для живучести и стойкости сильного царства, которое постепенно превратилось в эллинистическую монархию особого типа.

Вместе с тем, в некоторых отношениях оно не было полностью оригинальным в греческой государственной практике (*Виноградов, 1983. — С.418-419*). Такая форма государственной власти, как династическая автократия с параллельным существованием института соправления (чаще всего два брата или отец со старшим сыном, или двумя сыновьями), определила особенную роль придворной знати и столичной руководящей верхушки в социальной структуре всего населения. Династические браки между представителями разветвленного рода Спартокидов и вождями местных племен, а также малоазийских государств в IV-III вв. до н.э. обеспечили в основном мирное сосуществование в регионе.

Надполисные тенденции в эллинистическое время проявились и в развитии Херсонеса Таврического, который подчинил себе автономный полис Керкинитида и занял огромную территорию вдоль западного побережья Таврики, а также в Ольвии и Тире. Херсонес на какое-то время превратился

в территориальное государство со строго дисциплинированным, полувоенным укладом его общины, достигшей наибольших успехов в организации аграрной зоны (*Виноградов, Щеглов, 1990. — С.310, 370; Рогов, 1999*).

Стремление к расширению полисных границ и экономической эксплуатации было характерно и для ольвиополитов, которые в последней трети IV - первой половине III в. до н.э. освоили огромные территории от Борисфена до Тилигула, а возможно, и Одессы (*Диамант, 1978; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. — С.100-101*). По всей видимости, в кризисные периоды своей истории Ольвия в определенной мере эксплуатировала нижнеднепровские поселения, основанные выходцами из ее нижнебугской хоры вследствие истощения почв и многолетних засух.

В Северном Причерноморье, как и во всем греческом мире, политическое, экономическое и культурное развитие определяли большие города — столицы государств: Пантикапей, Херсонес, Ольвия, Тира. Именно городские слои населения — в первую очередь образованные граждане — составляли здесь влиятельную социальную прослойку. Их политические стремления и идеи, особенно в демократических полисах, религиозные и философские взгляды, художественные вкусы и поведение постоянно влияли на развитие всей идеологии и культуры.

Следует подчеркнуть, что даже в боспорских городах сохранялись полисные традиции, что хорошо видно из длительного существования в них гражданских общин, сохранивших свое единство, этническую чистоту, язык, верность полисным культам и обычаям. В гражданских коллективах значительное место занимала духовная элита как хранитель эллинских традиций и распространитель новых общеэллинских достижений. Под ее влиянием находились как боспорские правители и их приближенные, так и магистраты демократических полисов. В эллинистическое время урбанистические тенденции нашли выражение в интенсивном развитии не только основных северопонтийских центров, но и малых городов Боспора, а также поселений на хоре Ольвии и Херсонеса.

Кроме того, в понтийских государствах прослеживается яркая картина постоянно действующего процесса социальной и имущественной дифференциации населения. В демократических полисах он был менее заметным и более замедленным, чем на Боспоре, где различия между царскими семьями, знатью и рядовыми гражданами, а тем более — зависимыми прослойками, были неизмеримо больше. Однако, и в Ольвии, а также Херсонесе важную роль по-прежнему играли аристократы, занимая ведущие должности в управлении государством. Широкомасштабное ведение аграрного хозяйства, когда спрос на его продукцию, в частности хлеб, постоянно возрастал, требовало больших человеческих ресурсов. Они не могли быть обеспечены только за счет эллинов. Отсюда ясно, что приток рабочей силы шел и извне — то есть, из среды варваров, выполнявших наиболее трудоемкую работу.

Несмотря на то, что в степной части Восточной Европы происходили постоянные демографические и этнические изменения и миграционные процессы среди кочевого и полукочевого населения, периодические грабительские вторжения на аграрные территории греческих городов и взимание дани, ни один из них не был завоеван или полностью разграблен вплоть до гетского нашествия на Тиру и Ольвию около середины I в. до н.э. Причем, особенно важно, что такая глобальная завоевательная политика не прослеживается среди кочевых скифов Поднепровья, а родилась она только с выходом на арену нового вождя гетов Буребисты.

Поэтому понятно, почему при развитии в основном мирных контактов между северопонтийскими эллинами и кочевыми скифами начался

самый большой расцвет как греческих государств, так и их царства в Поднепровье. Благополучие каждого из них зависело от понимания выгоды для себя и соседа, хотя к таковому они подходили разными путями.

Каллиник, сын Евксена

При рассмотрении деятельности известных по именам личностей приходится постоянно сталкиваться с вопросами хронологии эпиграфических памятников, а также дискуссионными переводами текстов, их реконструкцией и интерпретацией. В значительной степени это касается и декрета в честь Каллиника, сына Евксена, из Ольвии.

Он был высечен на боковой стенке монументального беломраморного постамента для статуи, но сохранился в трех фрагментах, собранных и в таком виде впервые опубликованных Ю.Г.Виноградовым и П.О.Карышковским (1982. — С.26-46; 1983. — С.21-39). После отдельных замечаний Луи Робера надпись с некоторыми коррективами была вновь переиздана Ю.Г.Виноградовым (1989. — С.153-164).

Хотя первый фрагмент этого эпиграфического документа был найден еще в 1848 г. (IOSPE, I². 25), тем не менее только благодаря вышеназванным исследователям он по существу был введен в научный обиход, вызвав к себе неординарный интерес. И, как это часто происходит при исследовании фрагментированных надписей, вскоре появились критические замечания, новые переводы, восстановления и толкования (ср.: Robert J. et L., 1984. — P.457-458; Hatzopoulos, 1987. — P.124; Анохин, 1989. — С.28-30; Яйленко, 1990 а. — С.268-272). Не существует и единой точки зрения относительно его датировки. Как ни странно, но этот декрет — один из немногих, датирующийся учеными столь разноречиво, с хронологическим разрывом почти в сто лет: 380-370 гг. до н.э. (Анохин, 1989. — С.29); 325-320 гг. (Виноградов, Карышковский, 1982. — С.30 сл.; Виноградов, 1989. — С.163; Robert J. et L., 1984. — P.457); вторая четверть III в. до н.э. (Яйленко, 1985. — № 31).

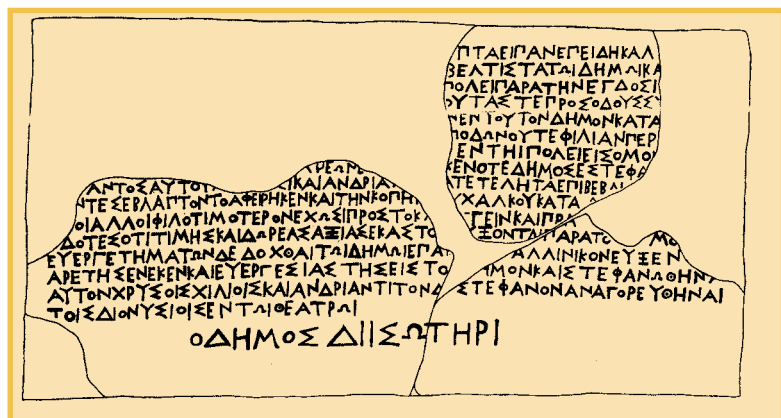
Следует признать, что наиболее полное и серьезное исследование этой надписи сделано Ю.Г.Виноградовым и П.О.Карышковским. Особое значение имеет аргументированная связь документа со временем осады Ольвии Зопирионом и послезопирионовской жизнью ольвиополитов. Как раз это позволяет с наибольшей достоверностью охарактеризовать активную деятельность Каллиника и определить его роль в установлении радикальной демократии, что в итоге способствовало самому высокому экономическому расцвету Ольвийского полиса и значительному расширению его территориальных владений в последней трети IV в. Именно в его время была предпринята попытка превысить площади ранее занимаемых земель с целью получения как можно большего количества хлеба и других продуктов для экспорта и обогащения города.

Декрет в честь Каллиника был издан при его жизни от имени совета и демоса по предложению архонтов и коллегии Семи. Привлечение к чтению этого гражданина широкого круга должностных лиц указывает на важность документа и других связанных с ним мероприятий. Поскольку памятник Каллиника был посвящен демосом Зевсу Сотеру, коллегия Семи, ведавшая храмовой казной, являлась одним из инициаторов представления ему высоких почестей.

При чтении надписи прежде всего обращает внимание заключительная, полностью сохранившаяся формула: «(Чтобы и) другие ревностнее советовали и творили (наилучшее), зная, что каждый получит от народа

Декрет в честь
Каллиника,
сына Евксена,
на базе статуи.
Прорисовка
Ю.Г.Виноградова.

почесть и награду, достойную их благодеяний, да постановит народ: восхвалить Каллиника, сына Евксена, за его доблесть и благодеяния для народа, и пусть он будет награжден тысячей золотых и статуей, а о награждении возвестить на дионисии в театре. Народ (посвятил) Зевсу Спасителю» (Виноградов, 1989. — С.156). Если конкретные заслуги Каллиника перечислялись в начале текста, то эта клаузула подытоживает его характеристику как политического деятеля и эвергета. Он выступал на народных собраниях с речами-советами, способствовавшими значительному улучшению жизни в Ольвии, и принимал личное участие в важных государственных делах, исполнение которых тоже принесло большую пользу.

Из-за отрывочно сохранившейся надписи конкретные заслуги Каллиника не так ясны, как хотелось бы для выяснения многих аспектов его неординарной деятельности и личных качеств. В отдельных случаях приходится оперировать допущениями и догадками. Так, Каллиник помог городу при раздаче каких-то работ, из-за чего, видимо, увеличились доходы государства и его жителей. Непосредственно в послеэпирионовское время, как сейчас хорошо известно из археологических источников, в Ольвийском полисе, как в самом городе, так и на его хоре, развернулись колоссальные работы по перестройке, перепланировке и сооружению новых жилых домов, общественных и культовых зданий. Вместе с тем возобновление сельскохозяйственных работ на обширной территории также требовало немало рабочих рук. Заодно новый стимул получило развитие ремесел и разных промыслов — в частности, рыболовного, — что в итоге довольно скоро дало ощутимые результаты при правильной организации труда и торговых операций.

На собрании демоса Каллиник внес предложение об отмене долгов, что сразу же умиротворило население в Ольвии (Виноградов, Карышковский, 1983. — С.32). «Именно благодаря этому чрезвычайному мероприятию было достигнуто единодушие жителей полиса, мобилизованы все силы на оборону и тем самым спасена от македонского завоевания сама городская община» (Виноградов, 1989. — С.158). Однако, вряд ли только из-за отмены долгов пришло спасение. В данном случае необходимо учитывать и другие факторы, среди которых не менее важны отпуск на волю рабов и предоставление прав гражданства ксенам, которые явно пополнили полисную казну. Недаром в сообщении Макробия (*Sat. I, 2, 33*) все эти мероприятия, вместе взятые, считаются главными в том, почему ольвиополиты смогли выдержать осаду врага.

Очевидно, по совету Каллиника народное собрание отменило налоговое обложение, причинявшее ущерб неимущим и малоимущим, а также для

покрытия расходов и неясных финансовых операций ввело чеканку медной монеты, что благоприятным образом сказалось на экономическом развитии всего полиса (*подробнее см.: Виноградов, Карышковский, 1982; 1983*). Тем не менее при получении всей этой прибыли вызывает немалое удивление то, что только за разумные советы и предложения ольвийский демос впервые в своей истории таким образом решил восхвалить Каллиника.

Во время издания этого почетного декрета роль гражданской общины в политической и экономической жизни полиса не вызывает сомнений. Если документ был принят по постановлению совета и демоса, то в заключительной его части указывается, что каждый получит от народа почесть и награду, если отличится своей деятельностью, что именно народ восхваляет Каллиника «за его доблесть и благодеяние для народа», и он же посвящает его бронзовую статую Зевсу Сотеру. Демос выступает здесь как главная созидаящая и руководящая сила полиса, способная отблагодарить своего спасителя и благодетеля.

Термины ΑΡΕΤΗΣ и ΕΥΕΡΓΕΣΙΑ многозначны, но близки по смыслу. Первый в значении «доблесть, мужество, сила» и т.д. в своей основе может обозначать только то, что Каллиник проявил себя наилучшим образом в каких-то делах, связанных со сражениями или военными мероприятиями. Наделение его ΑΡΕΤΗΣ, по-видимому, не случайно. Оно служит еще одним доказательством того, что он отличился в период осады Зопирионом Ольвии, в результате чего город не только не пострадал, но в психологическом и моральном аспекте выиграл.

Поскольку ольвиополиты сравнительно легко отделались от 30-тысячного войска македонского полководца, нельзя исключать, что благодаря Каллинику для войны с ними были привлечены кочевые скифы. Был ли с ними заключен специальный договор о военной помощи или же скифы были спровоцированы на отражение македонского войска, ничего определенного сказать невозможно.

Вообще, это событие в истории Ольвии до настоящего времени не имеет однозначного решения. В.В.Латышев считал, что длительная осада 30-тысячным войском положила начало ухудшению цветущего состояния города и могла быть выдержана ольвиополитами только в том случае, если на их стороне стояли дружественные скифы (1887. — С.61-68). Эта точка зрения разделяется и С.А.Жебелевым, резонно добавившем, что помимо этого сыграло свою роль «и присущее всякому эллинскому ΠΟΛΙΣ'у стремление отстоять свою самостоятельность от всяких на нее покушений», ради которой и были предприняты основные меры: освобождение рабов, предоставление прав гражданства иноземцам, cassация долгов (1953. — С.46-47).

«С огромным напряжением сил ольвийцам удалось достичь победы над трижды превосходящим по численности и вооружению, более опытным в военном деле противником», — писал Л.М.Славин (1967. — С.10). Строго следуя источникам (*Macrob. Saturn. I, 11, 38; IOSPE, I², 25+31*), Ю.Г.Виноградов и П.О.Карышковский полагают, что путем экстраординарных мер, предпринятых Каллиником, удалось мобилизовать все силы, организовать оборону и отстоять город (*ср.: Виноградов, Карышковский, 1983; Виноградов, 1989. — С.153 сл.; Vinogradov, 1997. — S. 323 ff.*). По мнению С.Д.Крыжицкого, данные о продолжительности осады и взятии Ольвии Зопирионом отсутствуют (*Крыжицкий, Русяева, Крапивина и др., 1999. — С.156*).

Новый эпиграфический источник — письмо некоего Никофана, сына Адраста, о посылке коня Зопириону — является неоспоримым доказательством того, что этот полководец со своим войском все-таки побывал на ольвийской земле (*Vinogradov, 1997. — S. 323 ff.*). В.П.Яйленко считает, что Зопирион, по приказу Александра Македонского, двинулся на Скифию,

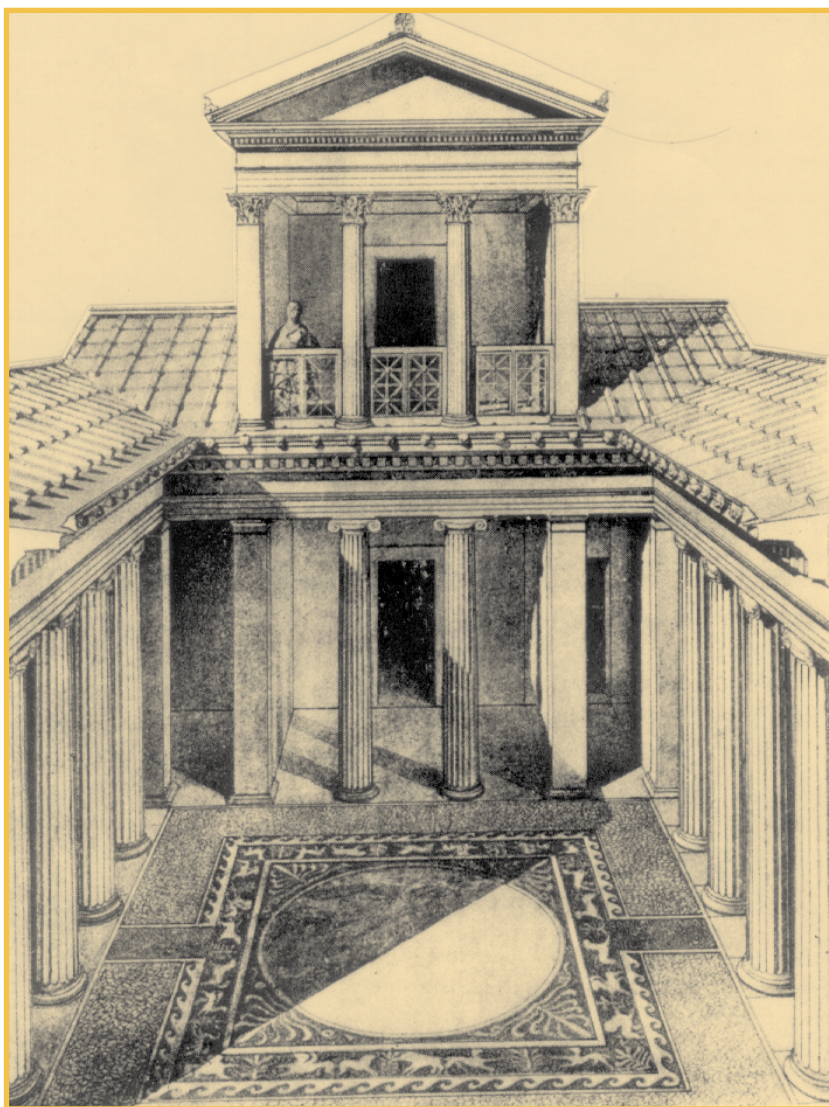
Дно чернолакового килика
с изображением головы оратора.
Ольвия. IV в. до н.э.

дошел до Каменского городища на Днепре, где жили борисфениты, но не взял его, поставил алтарь в честь Александра Македонского в ольвийской сакральной зоне, который олицетворял его победу, посадил свое войско на корабли и погиб на море (см. подробнее: Яйленко, 1990 а. — С.249-260).

Тем не менее о пребывании македонских воинов под оборонительными стенами Ольвии красноречиво свидетельствуют свинцовые пращи, найденные в гумусных слоях на прилегающей к городу территории некрополя и близлежащем поселении Широкая Балка (Anochin, Rolle, 1998. — S. 837-848). На отдельных из них сохранились надписи, в том числе и ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ, бесспорно указывающие на принадлежность этого оружия македонскому полководцу. Подобного типа свинцовые пращи были найдены и в Западном теменосе, где они служили вотивами в святилище Аполлона Иетроса в ипостаси Спасителя или же особенно почитавшейся в это время Матери богов как защитницы города.

Между тем, с военно-политических и социально-экономических позиций вопрос осады Ольвии никогда специально не изучался, что, разумеется, не входит в задачу настоящей работы. Практически все современные исследователи признают, что в последней трети IV в. до н.э. — то есть, сразу после зопирионовской осады, — Ольвия достигла самого высокого расцвета, что было бы немыслимо ни после ее взятия, ни после длительной осады, какой в принципе быть не могло, так как македонское войско намного превосходило во всех отношениях ольвиополитов. Однако, это не значит, как полагает В.П.Яйленко, что таковой вообще быть не могло, перенося все события, связанные с походом македонцев, только вглубь Скифии на Каменское городище (1990 а. — С. 249 сл.).

Ни один из древних авторов не удостоверяет ни захвата города, ни его длительной осады. Юстин, как и Курций Руф, использовавшие более ранние источники, вообще не упоминают Ольвию, считая, что целью их захвата была Скифия (Just. XII, 2, 16; Curt. I, 43). Но поскольку античные города и их хоры располагались собственно на территории Скифии как обширной географической области, то в орбиту завоеваний Александра Македонского входила вообще вся эта огромная территория, включая не только Ольвию, но и Херсонес, а также Боспор. Другое дело, что осуществлению таких грандиозных планов действительно помешали кочевые скифы. В.В.Латышев прав, что только благодаря им ольвиополиты сумели отстоять свою свободу и независимость (1887. — С.61 сл.).

**Богатый дом
в Ольвии.**
Первая
половина
III в. до н.э.
**Реконструкция
Б.В. и М.В. Фар-
маковских.**

Если исходить из того, какие сведения сохранились о гибели Зопириона в сочинениях древних авторов, то вместе со своим войском он погиб в море у побережья Буджакской степи от внезапно разразившейся бури и грозы (*Curt. X, 1, 44*). В общем, получается, что он не сражался в полной мере ни с ольвиополитами, ни со скифами, а, скорее всего, отступил от стен Ольвии, напуганный какими-то сообщениями о движущейся армии скифских всадников-лучников. Возможно, что его корабли в основном лишь с разведывательной целью побывали в Нижнем Поднепровье, где поставили алтарь в честь Александра Великого, продемонстрировав тем самым свою силу и эллинам, и варварам. Как бы то ни было, но отсутствие каких-либо разрушений как в самой Ольвии, так и на ее хоре, оставленной жителями явно во время приближения македонского войска, показывает, что Зопирион не вел здесь серьезных военных операций, вследствие которых мог бы сильно пострадать весь город, а тем более его жители.

Непосредственно после этих событий сельскохозяйственная округа Ольвии была восстановлена в довольно короткий срок, возник целый ряд новых населенных пунктов на обширной территории от Одессы — на западе, Николаева — на севере, Днепра — на востоке (*Диамант, 1978; Рубан, 1985; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. — С.98 сл.*). Воспроиз-

ведение головы Борисфена — речного божества на монетах свидетельствует о возросшей роли восточных земель с их водными богатствами в экономике полиса, что, в свою очередь, может объясняться более постоянной, чем в предыдущий период, переориентацией скифских номадов на Боспор, в результате чего возникла возможность совершенно свободного и безопасного освоения правобережных территорий Нижнего Поднепровья.

В связи с таким совершенно неожиданным изменением внешнеполитической ситуации в Днепро-Днестровском регионе можно выдвинуть относительно Каллиника некоторые предположения. Во-первых, победа ольвиополитов над Зопирионом стала возможной благодаря заключению военного договора со скифами, инициатором которого стал этот доблестный гражданин. В такой же степени он лично уведомил о совместном выступлении македонского полководца, по-видимому, представив значительно увеличенные во всех отношениях цифры. Если только в Дельфинионе Ольвии все еще стоял почетный декрет в честь боспорского правителя Сатира и его потомков, с дополненным позже договором о дружбе и помощи с Левконом I, то ольвиополиты, во-вторых, вправе были рассчитывать на боспорян и при его сыне Перисаде I. Пусть только на словах, но такой альянс со скифами и боспорцами, а возможно, и херсонесскими греками не мог не произвести впечатления на Зопириона, решившего оставить свою экспансионистскую акцию по завоеванию Скифии со всеми расположенными там античными государствами.

Вполне вероятно, что такое совместное противостояние греков и скифов против македонцев — как Александра, якобы пытавшегося захватить эти земли после Бактрии, так и Лисишаха, начавшего с Каллатиса и Истрии экспансию против греческих городов Причерноморья (*Diod. XIX, 73, 1-10; XX, 25, 1; 112, 2; XXI, 12, 6; Paus. I, 9, 6*), — не дало никаких ощутимых результатов. Боспорские правители, находясь в теснейших политических и экономических отношениях с Афинами, не могли поддерживать Македонскую державу, стремившуюся к глобальным завоеваниям. Точно так же далеки от таких настроений были и ольвиополиты.

В связи с возросшим патриотизмом после отступления войска Зопириона и его быстрой гибели вследствие сильнейшего черноморского шторма и грозы, что, несомненно, сразу стало известно ольвиополитам, связавшим это событие с вмешательством Зевса Сотера, они, следуя мудрым советам Каллиника, вскоре встали на небывалый до этого путь экономического благоденствия и значительного культурного усовершенствования города. Условия такого развития диктовались всем ходом внешнеполитической обстановки. Поэтому совершенно очевидно, что в это время появились такие стимулы, которые не оставляли другого выбора. Конечно, не следует понимать вышесказанное как особое свидетельство прямого участия Каллиника во всех преобразованиях, однако и нельзя считать, что «основной сферой деятельности Каллиника была экономика, главным образом, финансы, что характеризует его как профессионального финансиста, подобного другим ольвийским деятелям данной сферы — Канобу, Протогену, Полихарму и др.» (*Яйленко, 1990 а. — С.270*).

Вообще, обращает внимание тот намаловажный факт, что именно после похода Зопириона в Ольвии начинается коренная перестройка и перепланировка многих жилых кварталов, возводятся новые храмы, алтари и общественные сооружения. Не является ли это, в свою очередь, свидетельством того, что город все-таки в какой-то мере пострадал от осады Зопириона и этим было вызвано стремление все перестроить, а не только возросшим экономическим потенциалом полиса и стремлением его граждан жить лучше?

**Терракотовая полуфигура
Деметры.**

Ольвия.

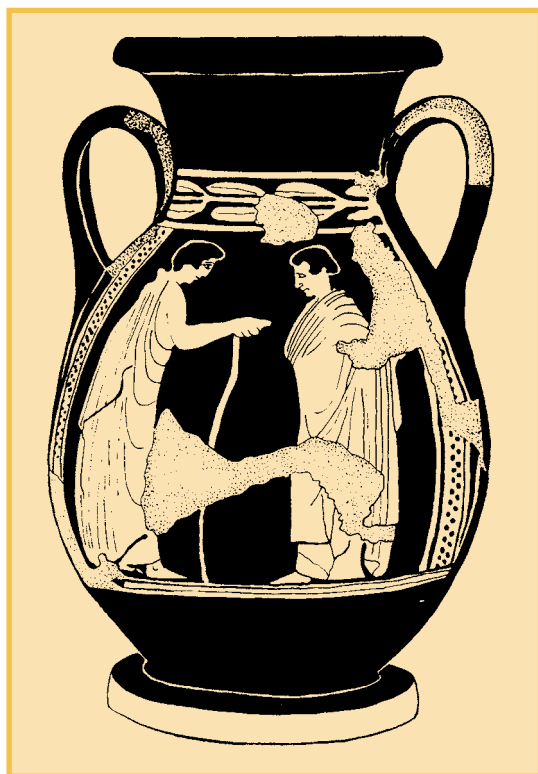
Первая половина III в. до н.э.

Судя по многим изменениям в Ольвийском полисе, синхронным жизни Каллиника и обнародованному в его честь декрету, ясно, что здесь действовал инициативный, мудрый, рационально мыслящий и образованный деятель, возможно, не единожды служивший архонтом, благодаря выдержке, мужеству и советам которого ольвиополиты добились небывалых успехов. И если они, осознав и увидев воочию все свои достижения, отметили его огромной для того времени наградой и посвятили (что тоже крайне редко встречается в северопонтийских государствах) его бронзовую статую Зевсу Сотеру, то нельзя сомневаться в том, что он получил такие почести за важнейшие заслуги перед полисом, а не просто за удачные финансовые операции.

Как раз посвящение демосом статуи Каллиника Зевсу Спасителю является важнейшим доказательством его прямого доблестного участия, — не важно, каким путем это могло происходить, — в спасении Ольвии. В античной литературной традиции сохранился ряд фактов, удостоверяющих связь этого бога с избавлением от различных опасностей, прямым спасением общины или святилища, иногда целого города от угрозы завоевания или разгрома (см. лит.: *Виноградов, Карышковский, 1982. — С.45*). Так как Ольвия стояла в одном ряду тех полисов, в пантеонах которых преобладали эллинские божества, то, бесспорно, посвящение Зевсу Сотеру не случайно, оно несет в себе большую идейно-символическую нагрузку.

Статуя гражданина-спасителя, посвященная богу Спасителю, отныне совместно становится особым символом надежды на мир и процветание. Скорее всего, что благодаря эвергетической деятельности Каллиника и других зажиточных граждан в честь этого бога к югу от его святилища на Центральном теменосе была сооружена первая многоколонная стоя, ограждающая его от агоры (*Леви, 1985*). Близка по времени к декрету Каллиника посвятельная надпись жрецов Евресибиадов и фиаситов Леократидов, поставивших в городе за собственный счет статую Зевса Сотера

Краснофигурная пелика
с изображением сцены
беседующих юношей.
Ольвия. V в. до н.э.

(НО, 71). Очевидно, что она также имела отношение к избавлению от македонского завоевания.

Любопытно, что столь огромная награда, какую получил Каллиник, никогда более в Ольвии никому не присуждалась. Более того, как видно из различных сведений о наградах граждан эллинистического времени из других государств, обычная стоимость наградного золотого венка не превышала 500 драхм и в редких случаях достигала тысячи драхм (*Guarducci, 1969. — P.21*). По данным, собранным М.Гвардуччи, лишь два человека удостоились более высокой награды: какой-то эллинистический монарх — очевидно, Антигон Гонат — получил две тысячи драхм, и мессенянин Мнасистрат за свою благотворительную деятельность в пользу святилища Деметры и Прозерпины был награжден золотым венком стоимостью в шесть тысяч драхм (*Там же. — P.21*).

В основном же в городах увенчивали отличившихся граждан более дешевыми золотыми венками, в редких случаях совместно со статуей или стелой с рельефом (как, например, Спартокидов в Афинах). К тому же нередко эти венки награжденные передаривали в святилища. По мнению Ю.Г.Виноградова и П.О.Карышковского, награда Каллиника вообще уникальна по своим размерам в античном мире времени эллинизма, а тем более в периферийных городах Причерноморья: она в десять раз превышает награду Гоната и более чем в три раза — стоимость венка Мнасистрата (*1982. — С.43*). Само собой разумеется, что этот единственный случай предоставления гражданину столь высокой награды был связан с какими-то чрезвычайными событиями в жизни Ольвии, а именно — предотвращением завоевания Зопирионом и быстрым экономическим подъемом. Подарил ли Каллиник свой венок в храм Зевса, декрет в его честь умалчивает.

Возвращаясь к анализу этого декрета, кроме ΑΡΕΤΗΣ Каллиника обращает внимание и его ΕΥΕΡΓΕΣΙΑΣ, как особо выделенные в последней клаузуле. Последний термин имеет три основных значения: «благоде-

яние, заслуга, благотворительность». В принципе, все вышеизложенное о деятельности Каллиника можно интерпретировать в смысле первых двух понятий. Однако, при этом нельзя полностью отбрасывать и его благотворительность. Именно в эллинистический период она нашла особо яркое проявление в чрезвычайных ситуациях. Ведь ольвиополиты наградили его не только за откуп работ по строительству стен и башен, за удачное ведение финансовых операций и предоставление прав гражданства ксенам, за счет которых также значительно увеличилась полисная и храмовая казна, а за целый комплекс очень важных для полиса мероприятий. Среди них, по всей вероятности, немаловажное значение имела и эвергетия во всех своих проявлениях, вовсе не стоящая в противоречии с его непосредственной деятельностью в канун и во время осады города Зопирионом.

Таким образом, рассмотренный эпиграфический памятник, несмотря на свою фрагментарность, позволяет выявить хотя бы частично отдельные черты образа Каллиника и основные моменты в его деятельности, совпавшей со временем похода македонского войска и предоставившего ему возможность проявить себя в роли деятельного и решительного правителя — возможно, первоначально в должности стратега, а затем и архонта, находившегося у власти, вопреки строгим демократическим законам, более продолжительное время. Не исключено также, что при уважительном отношении к нему он избирался на разные должности, входил в совет и умел выступать на собраниях с разумными речами. Последнее может свидетельствовать, что Каллиник получил высшее образование и овладел ораторским искусством, хорошо разобрался во внешней и внутренней политике.

Очевидно, декрет в его честь был издан, когда влияние Каллиника в Ольвии достигло своего апогея. Он относится к редчайшим случаям в истории полиса, когда столь высокие почести присуждаются при жизни. В основном сохранившиеся декреты принимались после смерти заслуженных деятелей. Возможно, что такая практика была введена специально, во избежание больших расходов, и подытоживалась вся деятельность на благо полиса того или иного гражданина, которого хоронила вся община и над могилой которого насыпался в эллинистическое время курган.

По верованиям греков, благодетели и герои и в потустороннем мире способствовали спасению своих сограждан и сородичей. Думается, что Каллиник, при помощи которого установилась радикально-демократическая власть в Ольвийском полисе, произошло разительное обновление многих сфер жизни и обогащение его жителей, а главное — спасение от македонского завоевания, также получил большие посмертные почести и вечный памятник в виде кургана возле одних из ворот Ольвии или в непосредственной близости от города.

Таким образом, время жизни и деятельности Каллиника отмечено не только большими испытаниями, связанными с осадой Зопириона, но и значительными сдвигами в политической, социально-экономической и культурной сферах. В результате планомерных и продуманных реформ уже в последней трети IV в. до н.э. Ольвия превратилась в крупный торговый и культурный центр, территория и население которого значительно увеличились. Наряду с расширением государственных границ во всех направлениях от города, в Ольвийском полисе происходил сложный процесс перехода от умеренной демократии к радикальной, наиболее стойким приверженцем которой был Каллиник, сын Евксена. При нем вместе с традиционной религиозной практикой приобрели необычно широкую популярность культы Зевса Сотера и Борисфена — божества одноименной реки, в низовьях которой, как и в архаический период, появились новые греческие поселения — бесспорное свидетельство мирных взаимоотношений со ски-

фами. При жизни Каллиника Ольвийский полис превратился в значительное территориальное государство, которое не уступало Херсонесскому по количеству сельских поселений, однако они отличались тем, что не имели оборонительных сооружений, и что, в свою очередь, является ярким показателем добрососедских эллино-варварских контактов.

Евмел

Евмел относится к тем представителям боспорской династии Спартокидов, кого сначала менее всего интересовал мир в государстве. Стремление к единоличной власти стало для него превыше всех норм и законов, даже родственных уз и моральных устоев, на протяжении полутора столетий выработанных правил престолонаследия. Видимо, осуществление любой власти в его представлении связывалось с единоначалием, что вообще нередко происходило в эллинистических монархиях времени его правления. В какой-то мере Евмел предвосхитил некоторых царей в борьбе за власть.

На Боспоре уже была создана сильная единоличная форма правления. Спартокиды опирались на своих братьев и сыновей, которые являлись соправителями, хотя в основе царской власти всегда находился тот, кому по праву старшинства передавалось государство. Их поддерживали приверженцы в лице смешанной эллино-варварской придворной элиты, наемная армия, большое число торговцев, разбогатевших благодаря широкой разносторонней торговле, но меньше всего — гражданские общины городов, всегда стремившиеся к автономии.

Уже при первых Спартокидах сформировались основные нормы полновластного владения землей и подчинения варварского населения. Левконом I и его сыном Перисадом было создано сильное и для того времени огромное государство с четко выраженными границами и оборонительной системой. При правлении последнего из них ничто не предвещало беды. Перисад оставил своим сыновьям самое богатое в Северном Причерноморье государство.

Однако, сразу же после его смерти в 309 г. до н.э., по свидетельству Диодора Сицилийского (*Diod. 20, 22-24*), на Боспоре началась жестокая борьба за власть между его сыновьями. Против законного престолонаследника Сатира II выступил его брат Евмел, тем самым нарушив закон наследования власти старшим сыном. Поскольку Перисад I царствовал 38 лет, понятно, что все его сыновья к моменту смерти находились уже в солидном возрасте. Каждый из них имел собственное представление о положении дел в государстве и методах правления, хотя точно не известно, являлись ли они наместниками определенных областей Боспора (ср.: *Гайдукевич, 1949. — С.73-75; Каллистов, 1949; Шелов, 1984; Шелов-Коведяев, 1985. — С.149-153; Яйленко, 1990*).

Прогремевшая по всей ойкумене завоевательная политика Александра Македонского так или иначе влияла на мировоззрение многих правителей, в том числе и боспорских, хорошо знающих о том, что происходило в мире. Очевидно, если бы Евмел во время смерти отца был совсем молодым, его притязания на царствование вряд ли были бы столь быстрыми и тщательно организованными.

Диодор прямо указывал на то, что Евмел «стал оспаривать власть у брата» (20, 22), а не желал лишь получить свою долю в управлении, например, азиатской частью Боспора (ср.: *Шелов-Коведяев, 1985. — С.149*). Именно столь значительные притязания и военное выступление против старше-

го брата Сатира, юридически законного преемника Перисада I, который прямо «получил власть от отца» (*Diod.*, 20, 22), свидетельствует о том, что у Евмела давно созревало решение захватить всю власть на Боспоре. Его личное желание, вероятно, так бы и осталось таковым, если бы армия, а также все подчиненные царю и союзные варварские племена так же твердо следовали традиции наследования царской власти. Междоусобная война сыновей Перисада показывает, какую большую роль они играли в процессе захвата боспорского престола и сколь пассивными оказались граждане боспорских городов.

Для осуществления своей цели Евмел прежде всего отправился на азиатский Боспор, — а, возможно, он там вообще находился как соправитель отца, а потом и брата, — где, заключив «дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы», объявил о том, что он желает стать царем (*Diod.*, 20, 22). На его стороне, по сведениям Диодора, находилось 20 тыс. всадников и 22 тыс. пехотинцев, которыми командовал царь сираков Арифарн. Согласно новым исследованиям, он был царем именно этого племени, а не фатеев (*Ростовцев, 1989. — С.192; Десятчиков, 1977. — С.45-48*). Сираки никогда не были полностью подвластны боспорским царям из династии Спартокидов.

Сатир, как законный царь, узнав о притязаниях своего брата, незамедлительно собрал свое войско и двинулся против него. «Его союзниками в этом походе были греческие наемники в числе не более 2 тыс. и столько же фракийцев, а все остальное войско состояло из союзников-скифов числом более 20 тыс. пехоты и не менее 10 тыс. всадников» (*Diod.*, 20, 22). Таким образом, Евмелу удалось собрать численно превосходящее количество воинов, в частности, более мобильных в бою всадников, которыми к тому же командовал их царь Арифарн.

Однако в битве у реки Фат Сатир сумел более рационально выстроить свои войска в боевом порядке по скифскому образцу, лично находясь в центре строя (*ср.: Блаватский, 1946; Черненко, 1981*). Очевидно, благодаря скифским всадникам он заставил Арифарна с его воинами обратиться в бегство. Преследуя и уничтожая по пути противника, Сатир, узнав о том, что войско Евмела тоже одержало победу в бою против его наемников, повернул назад. И здесь в жестокой и кровавой схватке он победил, «так что для всех стало ясно, что и по старшинству происхождения и по храбрости он был достоин наследовать отцовскую власть» (*Diod.*, 20, 22). Однако этот успех в бою еще не решил окончательно его царскую судьбу.

Все уцелевшие воины Арифарна и Евмела спрятались в неприступном дворце царя сираков среди скал, болот и лесов. Разгневанный Сатир опустошил их земли, сжег многие селения и сделал попытку овладеть укреплением. Со стороны болот его войско под предводительством Мениска сумело пройти через деревянные укрепления и начало вырубать густой лес, преграждавший дорогу к замку. Арифарн, опасаясь его захвата, так хитро расставил своих стрелков, что они методически уничтожали воинов Сатира, занимавшихся рубкой деревьев. Тем не менее, через три дня те все-таки сумели пробиться к крепости. При попытке ее захвата Сатир бросился на выручку своему стратегу Мениску и был ранен копьем в руку, вследствие чего не смог дальше вести сражение. Возвратившись в лагерь, он ночью умер, «пробыв царем всего девять месяцев после смерти своего отца Перисада. Начальник наемников Мениск, сняв осаду, отвел войско в город Гаргазу и оттуда по реке перевез останки царя в Пантикапей к его брату Притану» (*Diod.*, 20, 23).

Из этой части рассказа Диодора, — а он действительно отражает реально происходившие события, — ясно видна неблагоприятная роль Евмела. Ни в одном случае он не продемонстрировал перед войском и братом свою

Монеты с изображением головы
сатира, грифона и быка.
Пантикапей.
Последняя четверть IV в. до н.э.
Золото, серебро.

храбрость и мужество, в то время как Сатир, лично сражаясь, постоянно следил за ходом боев и бросался на помощь находившимся в опасности военачальникам. Вследствие своей самоотверженности и постоянного риска он погиб. Евмел же находился как бы за спиной Арифарна, который не только спрятал его в своей крепости, но и организовал умелую оборону, отразив натиск наемников Сатира, сохранив жизнь своему союзнику, который при ее осаде не выходил из своего убежища.

Устроив погибшему Сатиру пышные похороны и по праву заняв его место, Притан продолжил военные действия против Евмела. Последний, видимо, напуганный тем, как разворачивались события, обратился к нему с предложением о разделе государства на две части, на что Притан, ничего не ответив, оставил гарнизон в Гаргазе и возвратился в Пантикапей с целью упрочить свою власть в столице (*Diod.*, 20, 24).

Узнав об этом, Евмел решительно двинулся на завоевание азиатской части Боспора. Все попытки Притана остановить его не увенчались успехом. Евмел разбил его войско, вынудил к капитуляции и отказу от власти. Возвратившись в Пантикапей, Притан снова объявил себя царем, но под давлением Евмела бежал в Кепы, где был убит его наемниками.

Захватив таким образом власть и боясь выступлений сторонников погибших братьев, он приказал умертвить их друзей, жен и детей. Удалось спастись только одному сыну Сатира Перисаду, нашедшему убежище у скифского царя Агара. То, что на стороне юридически законного престолонаследника Сатира стояли союзники-скифы и что к их царю бежал его сын, свидетельствует о том, что между царской семьей и скифской элитой, как уже отмечалось, были установлены тесные контакты и существовали родственные узы, благодаря брачным межэтническим союзам.

Окончательно расправившись со своими родственниками, Евмел стал единоличным правителем большого государства, воплощая в себе эллинистический тип монарха (*Ростовцев*, 1989. — С.192-193). На протяжении довольно длительного времени, когда шла жестокая бойня за трон, боспорские греки не протестовали против нарушений традиций Евмелом и, судя по всему, не вмешивались в междоусобную борьбу, не пытались спасти Притана и семью Сатира. Такое поведение жителей Боспора и их пассивность указывают на то, что Спартокиды не пользовались их любовью и уважением, гражданские общины находились с ними как бы по обе стороны своих разных миров.

На первый план в борьбе за власть и с одной, и с другой стороны выступают этнополитические объединения варваров: Сатира поддерживали скифские номады, они же остаются верными ему и после смерти этого недолго правящего царя, спасая его сына. Евмел же заимел себе надежного союзника в лице Арифарна, племя которого обитало в Прикубанье. Все они базируются здесь не только как основа войска, но и как реальная политическая сила (*Шелов-Коведяев, 1985. — С.150*). В данном случае выступают не только враждующие братья, но и варварские объединения. «Все это свидетельствует о переплетении, взаимопроникновении, синкретизации интересов конкретного варварского этноса с определенной группировкой в среде боспорской верхушки, отражая заодно и расстановку сил внутри ее самой. Положение войска, состоящего целиком из внеполисных элементов, как особой социальной группы, непосредственно связанной лично с правителем и противопоставленной остальному обществу, еще более оттеняется хладнокровным и безжалостным избиением сторонников и членов семей побежденных братьев Евмела — самых именитых людей государства» (*Шелов-Коведяев, 1985. — С.150*).

Существуют различные точки зрения, почему Евмел избрал своим союзником и защитником Арифарна. Возможно, он действительно какое-то время правил при своем отце на Азиатском Боспоре, и ему приходилось сталкиваться с вождем соседствовавшего племени сираков. По сведениям Диодора, их связывала дружба (20, 22). Учитывая также, что между отдельными представителями царских родов заключались и брачные союзы, не стоит полностью отвергать и родственные связи. Не исключено, что Евмел являлся сводным братом Сатира.

На междоусобную борьбу двух братьев были брошены огромные силы, многие воины погибли в этом противостоянии. Вожди варварских войск не могли не понимать, что они также могут погибнуть. Что же тогда заставляло их идти на такой риск? По-видимому, не только дружба, но и защита собственных интересов, материальная выгода и желание находиться в дружеских отношениях с большим государством. Как сложились дальнейшие отношения Евмела с Арифарном, не известно. Но, думается, что он сумел его отблагодарить за помощь в получении царской власти и пообещать полную свободу действий. Другое дело — кочевые скифы, которые с этого времени фактически становятся мало известными.

Очевидно, население городов при виде многочисленных воинских отрядов, находившихся в распоряжении враждующих братьев, боялось вмешиваться открыто в дела кого-нибудь из них, выжидая, чем окончится кровопролитная борьба за власть. И только после того, как полностью закончилась эта трагедия в истории Спартокидов, пантикапейцы вышли из состояния апатии, стали выражать негодование по поводу убийства многих людей (*Diod., 20, 24*). Вряд ли здесь произошло какое-то открытое выступление граждан, которое можно было легко подавить с помощью наемников.

Случилось, однако, совсем другое. Получив власть царя и архонта, избавившись от всех претендентов и их сторонников, Евмел преобразился и стал совершенно другим человеком. Возможно ли это, если бы он на самом деле по своей природе был очень жестоким? Создается впечатление, что многие бесчинства, происходившие ради того, чтобы единолично править, совершались под воздействием других людей и в его неудержимом порыве во что бы то ни стало стать царем. Неизвестно, какую роль в этом мог сыграть царь Арифарн и ближайшие помощники, насколько он лично оценивал всю обстановку и все события, связанные с завоеванием власти и кого именно при царском дворе столь явственно не устраивали его два старших брата.

Прежде всего Евмел нашел верный способ примирения с гражданами Пантикапея, которые вдруг «опомнились» только после захвата им власти и

жестокой расправы. Чтобы погасить их недовольство, он созвал народное собрание, на котором выступил с проникновенной речью в свою защиту и «восстановил прежний образ правления (буквально «отеческое устройство»)» (*Diod.*, 20, 24). Этот политический акт при тираническом режиме власти свидетельствует о том, что определенные элементы полисных традиций все же сохранялись на Боспоре и Спартокиды вынуждены были считаться с гражданскими общинами, предоставляя им особые права и льготы. Евмел пошел по пути восстановления прежних порядков, видимо, нарушенных во время междоусобной войны и уничтожения многих семейств.

При бывших царях жители Пантикапея пользовались правом беспогрешной торговли, которое новый правитель пообещал для них сохранить. Они также были освобождены от всех податей. «Скоро возвратив благодеяниями прежнее расположение всех, он в свое царствование правил своими подданными согласно законам и возбуждал немалое удивление своими достоинствами» (*Diod.*, 20, 22). Пантикапейцы продолжали чеканить монеты от своего имени, что, несомненно, дает право говорить о сохранении этой исконно полисной традиции.

Естественно, Евмел понимал из опыта своих предков, что главную во всех отношениях творческую и созидательную силу, приносящую прибыль и богатства, составляет гражданский коллектив эллинов. Предоставление им льгот и увеличение торговых операций быстро изменило отношение к нему боспорцев и даже способствовало его популярности как разумного правителя. Своим выступлением на народном собрании в столице государства он сделал и первый шаг к миру со всем населением Боспора.

На протяжении своего совсем недолгого царствования (309–304 гг. до н.э.) он проявил себя как энергичный и рачительный хозяин, принеся многие блага Боспору. «Он присоединил значительную часть соседних варварских земель и доставил своему царству гораздо большую известность», — отмечал Диодор (20, 25). К сожалению, этот автор, явно использовавший сочинение боспорского историка — очевидца происходящих событий, — не раскрыл, какими путями и какие племена были им присоединены. Ни один эпиграфический источник времени Евмела не сохранился. Упомянутая В.П.Яйленко надпись, даже если и относится к Евмелу, все равно из-за плохой сохранности не дает конкретной информации о нем (1990 а. — С.299), точно так же, как и клеймо на черепице.

Поэтому не имеется никаких данных о том, какие именно племена вошли в состав Боспорского государства. Не известно также, какую титулатуру ставил Евмел, использовал ли он при этом те же самые титулы, что и его предки: архонт для граждан боспорских городов и царь для покоренных варваров. Его сын носил титулы «архонт Спарток, сын Евмела» или «царствующий Спарток, сын Евмела» (*КБН*, 18, 19, 974, 1043). Указывает ли это на то, что варварские племена не входили при нем в состав Боспора, поскольку отсутствует перечисление их названий, сказать трудно (ср.: Яйленко, 1990 а. — С.301–302). По всей вероятности, еще Евмел изменил характер титулатуры, и следовавший его политике Спарток, впервые начавший ставить имя отца, применял те же титулы, что и он.

За короткое время своего правления Евмел стал известен всему греческому миру. Согласно Диодору, он оказывал услуги византийцам, синопейцам и многим эллинам в Причерноморье (*Diod.* 20, 25), содействовал торговым операциям приезжающим сюда ксенам. Бесспорно, как и прежде, на первом месте стояла торговля хлебом с Афинами. В боспорском экспорте его вывоз в этот город был основным. В большом количестве вывозилась рыба, в частности осетр, славившийся среди афинян (*Athen.* VII, 2). В обмен на хлеб, рыбу, шерсть, кожи они везли на Боспор вино, оливковое

**Ожерелье из кургана
Аджи-Мушкай.
Конец IV в. до н.э.
Золото.**

масло, оружие, золотые и серебряные изделия, керамику. Вообще, на протяжении всего IV в. взаимоотношения Боспора с Афинами носили дружественный характер, строились на основе полного равноправия и взаимной выгоды (Брашинский, 1963. — С.134-139).

Продолжал такие же связи с Афинами и сын Евмела Спарток II, в честь которого там был издан в 285 г. до н.э. декрет, содержащий традиционное обещание военной помощи царю на море и на суше; он был увенчан золотым венком за дар в 15 тыс. медимнов хлеба во время кратковременного захвата власти македонцем Деметрием Полиоркетом, и было поставлено две его статуи (на агоре в Афинах и в Пирее, рядом со статуями его предков) (IG. II², 653). Исходя из существования такой традиции во взаимоотношениях Боспора с Афинами, Евмел не мог пренебрегать давно установленными правилами.

По всей видимости, из-за своего доброго отношения к этому прославленному в греческом мире городу боспорский правитель решительно выступал против экспансионистской политики Лисимаха. Во время осады Каллатиса этим македонцем он помог тысяче каллатийцев, покинувших свой город из-за голода и страха, предоставив им землю и область Псою для поселения и земельных участков (Diod., 20, 25). Распределив ее новым переселенцам по полисным обычаям, он значительно укрепил гражданский коллектив греков на Боспоре.

Кроме того, он, как и его отец, заботился об авторитете своего государства не только на Понте, но и за его пределами. «Для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с варварскими народами, обыкновенно занимавшимися пиратством — гениохами, таврами и ахейцами, и очистил море от пиратов, за что и получил самый лучший плод благодетельства — похвалу не только в своем царстве, но почти по всему миру, так как торговые люди разнесли молву об его великодушии» (Diod., 20, 25). Слава филэллина и благодетеля не успокоила Евмела.

Укрепив окончательно за очень короткое время свою власть на Боспоре, показав свою силу и его жителям, и всему греческому миру, с народами которого его царство поддерживало интенсивные контакты, Евмел, если верить Диодору, вынашивал планы создания понтийской державы за счет покорения проживавших вокруг моря племен. И только преждевременная смерть пресекла все его намерения. Пролцарствовав всего пять лет и пять месяцев, он погиб, возвращаясь из Синдики и торопясь принести жертвоприноше-

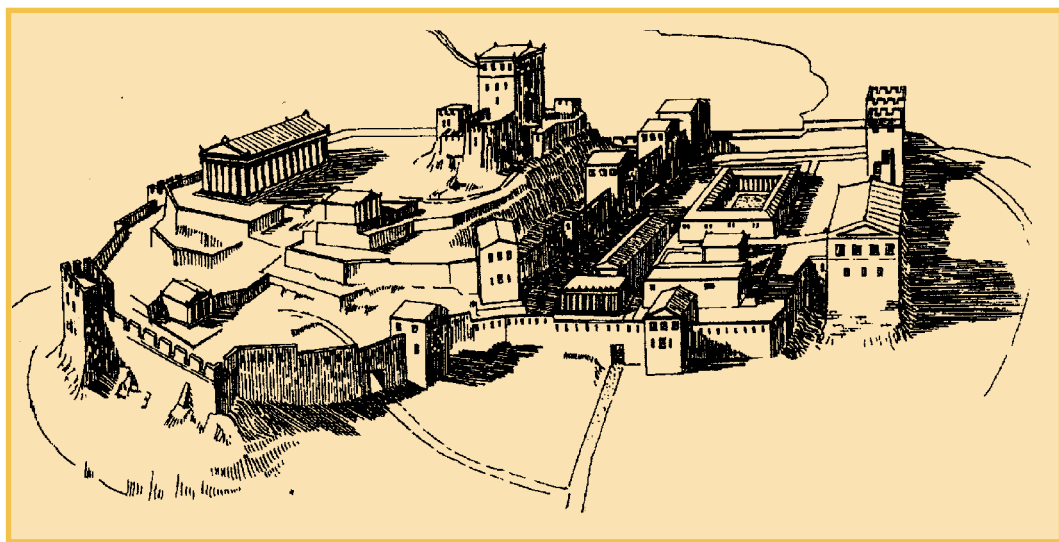
Терракотовая маска Диониса.
Пантикапей. IV в. до н.э.

ния в Пантикапее. Лошади его крытой колесницы, чего-то испугавшись, понесли. Пытаясь выпрыгнуть на ходу, Евмел зацепился мечом за колесо и умер, проташенный скачущими лошадьми (*Diod.*, 20, 25). Эта случайная, — а возможно, и не совсем случайная, если исходить из того, каким образом он пришел к власти, как расправлялся со своими противниками и сколь хитроумными в борьбе с врагами являлись скифы, — дорожная авария положила конец царствованию столь неординарного на Боспоре правителя.

Следует согласиться с В.Д.Блаватским, что Диодор при столь подробном описании междоусобной войны между братьями Перисадами и кратковременной деятельности Евмела воспользовался сочинением анонимного боспорского автора (1985. — С.203-207). Очевидно, этот автор делал отдельные записи в процессе его пятилетнего правления и принимал участие в походе на стороне Сатира, поскольку этот царь показан в более выгодном свете, чем его брат. Вторая часть рассказа о царствовании Евмела менее эмоциональна и не изобилует большими подробностями. Здесь лишь констатируются отдельные факты, за исключением дорожной аварии, где историк снова проявил свой интерес и умение дать четкое представление о причине смерти и роковой судьбе как Сатира, так и Евмела.

Почти все исследователи считают, что именно Евмел учредил на Боспоре культ своего отца Перисада I, которого, по сведениям Страбона, причислили к сонму божеств (*Strabo. VII, 4, 5*). Исходя из противоречивости характера Евмела, возможно, что он предпринял этот шаг не столько с целью политической выгоды и своей реабилитации перед родом Спартокидов, их сородичей и ксенов (*Яйленко, 1990 а. — С. 298*), сколько из-за действительного осознания величия своего отца в жизни Боспора под влиянием обожествления царей в других государствах.

Ведь даже в Афинах, как уже отмечалось, именно в период его царствования (307-304 гг. до н.э.) были учреждены культы государственных деятелей Антигона и Деметрия, приравниваемых к богам-спасителям, с ежегодным проведением празднеств с агонами и жертвоприношениями (*Самохина, 1986. — С.59-77*). Введением культа Перисада он продемонстрировал тесную связь с новыми эллинистическими государствами и признание новых течений в духовном мировоззрении этого времени. Культ Перисада свидетельствует, что Евмел не держал зла на своего отца, который при жизни, следуя установленным законам наследования власти, провозгласил своим наследником старшего сына Сатира.

Акрополь Пантикапея.

Вид с севера. III в. до н.э. *Реконструкция В.П.Толстикова.*

Вместе с тем, если Евмел верил в потустороннюю жизнь, как и в предсказание о собственной смерти (*Diod.*, 20, 26), то, страшась гнева отца за свои неблагоприятные и порочащие славу рода Спартокидов поступки, пытался таким образом умиловить его душу. Необходимо при этом учитывать и пророчество оракула о том, что он должен остерегаться движущегося дома. Это воздействовало на него психологически столь сильно, что он не входил первым ни в одно здание, пока оно тщательно не проверялось. Предсказания, как известно, всегда оказывали сильное влияние на людей, склонных к вере в разные чудеса и силу божеств. Любопытно, что на Боспоре не нашлось человека, который мог бы растолковать завуалированный смысл данного ему пророчества, если он боялся только домов, а не закрытых повозок.

Поскольку им были уничтожены все те, кто прямо мог бы его осуждать за многочисленные убийства и добиваться расплаты (судьба прямого наследника — сына Сатира Перисада, бежавшего к скифам, остается неизвестной), то Евмел беспрепятственно передал власть своему сыну Спартоку, дав ему имя родоначальника династии Спартокидов. Пролцарствовав значительно дольше, чем отец (20 лет), он в своей титулатуре постоянно подчеркивал свое родство с Евмелом, хотя был уже достаточно взрослым в то время, когда его отец столь жестоким путем занял место царя на Боспоре.

Значительные перемены произошли в конце IV в. и в Скифии. Не исключено, что ее военная мощь была значительно подорвана в результате войны против Евмела, который вряд ли впоследствии поддерживал бы скифских вождей дорогими дарами, как Левкон и Перисад. Во всяком случае, приблизительно в период его правления исчезают самые большие и богатые курганы на скифской земле. Возможно, в планы Евмела входило и ее завоевание и он только ждал удобного случая, постоянно укрепляя собственное государство.

Таким образом, Евмел предстает в нескольких, совершенно разных ипостасях. В известный период своей деятельности он отрабатывает практику захвата власти сразу после смерти отца путем заключения дружественного союза с царем сираков Арифарном, рискуя собственной жизнью и жизнью своих союзников. Все родовые предписания о доблести, нравственной чистоте монарха были нарушены с небывалой доселе жестокостью.

Самолично ли Евмел действовал и распоряжался в этой междоусобной схватке, или за него действовали другие, а он воспринимал их действия как должное, ничего конкретного сказать нельзя.

Тем более, что, получив власть, Евмел преобразуется коренным образом. Он — страстный борец за старые полисные традиции в городах и сохранение их самостоятельности в тех рамках, которые существовали при его предках. При нем Боспор становится еще более контактным, открытым, с быстро развивающейся и набирающей темпы торговлей. Евмел как эллинофилл, эвергет и победитель в борьбе с морским пиратством становится известным за пределами Понта Евксинского.

Наибольший интерес в морально-психологическом облике Евмела представляет введение им культа Перисада. Учитывая тот факт, что при нем в Пантикапее, как и раньше, находились приглашенные художники и ювелиры, как и при дворах македонских и понтийских царей, а также другие образованные люди, каковым, например, был историк, написавший хронику его царствования, он получил хорошее образование, возможно, даже в Афинах, хорошо знал современную ему политику. Единоличная власть казалась ему более престижной, чем царствование с соправителями. Честолюбивые замыслы создать большое государство в Причерноморье для него, одного из младших сыновей, при столь длительном правлении отца могли осуществиться только в результате немедленного овладения властью. Причем он пошел на ее открытое и жестокое завоевание, а не устранение брата каким-либо хитрым и тайным способом.

Учреждая культ Перисада, Евмел показал свою связь с божественными силами, помогавшими ему совершать все его деяния и приход на место отца. В его трансформированных таким образом представлениях Перисад становился сакральным спасителем государства. Оказавшись в плену собственного величия, как божественного владыки, санкционированного сверхестественными силами всевластия, по всей видимости, он прилагал все меры для того, чтобы стать прославленным правителем и оправдать свое стремление к единовластию. И кто знает, что успел бы еще сделать Евмел для своего царства и многих эллинов на Понте Евксинском, если бы он правил значительно дольше отведенного ему судьбой времени. Однако, фактом остается то, что при его жизни не было сделано ни одного посвящения божествам с указанием его титулатуры, что было столь характерно для его деда и отца. Никогда и никто в царском роду Спартокидов не называл его именем своих сыновей — прямых наследников власти. Благодаря деятельности Перисада I, сделавшего столь много для процветания Боспора и учрежденному Евмелом его культу имя этого царя сохранилось до конца существования династии Спартокидов.

Агасикл, сын Ктесия

В античной литературной традиции и эпиграфических документах VI-IV вв. до н.э. из Северного Причерноморья больше всего известно о боспорских правителях, в меньшей степени — о скифских царях и деятелях из других северопонтийских полисов, среди которых первое место принадлежит Ольвии. Для этого времени не сохранилось никаких источников о выдающихся лидерах Тиры и Херсонеса Таврического. Только в конце IV - первой четверти III в. в этих полисах начали происходить события, способствовавшие выдвижению на первый план государственных деятелей, которым были установлены памятники за заслуги перед демосом.

В Херсонесе Таврическом первое место, бесспорно, принадлежит Агасику, сыну Ктесия. Относительно его деятельности сохранился только фрагмент беломраморного постамента со скупым перечислением исполненных им должностей, в отличие, например, от почти синхронных декретов в честь ольвийского Каллиника и тирского Автокла.

Следует отметить, что почетная надпись Агасикла, обнаруженная, по сообщению П.Сумарокова, еще в 1794 г. на территории Херсонеса (*IOSPE. I², 418*), особенно после публикации ее В.В.Латышевым, привлекалась в той или иной степени многими исследователями для решения вопросов хронологии, исторического и экономического развития этого полиса. Среди них назовем В.В.Латышева, Э.Миннза, Ф.Майера, С.Ф.Стржелецкого, В.А.Анохина, В.М.Зубаря, в особенности же А.Н.Щеглова и С.Ю.Сапрыкина. Тем не менее, собственно личность Агасикла как государственного деятеля специально не рассматривалась, что в общем и является главным в данном разделе.

На фасадной стороне сохранившейся части мраморного постамента вверху над тремя венками вырезана короткая надпись: «Демос (поставил статую) Агасикла, сына Ктесия». Судя по характерным углублениям для крепления конских копыт и остаткам креплений на его верхней плоскости, это была конная статуя. Скорее всего, всадник сидел на коне в спокойно-величавой позе героя и победителя. Такого типа бронзовые конные статуи устанавливались в эллинистическое время еще достаточно редко (*Siedentopf, 1968. — S. 57, 80*). Тем более, в периферийных городах, где поставить такой памятник было не только очень дорого, но и тяжело из-за отсутствия местных талантливых скульпторов. В таких случаях мастера приглашались из других греческих городов или же изготовляли статуи в своих мастерских по заказу.

Во всяком случае, как это известно из эпиграфических источников, ольвиополиты в последней трети IV в. до н.э. поставили одну конную статую в святилище Ахилла на острове Левке неизвестному по имени деятелю, изгнавшему с этого острова пиратов и оказавшему много пользы Ольвийскому полису (*IOSPE. I², 325*). В первой четверти III в. до н.э. монументальная конная статуя на беломраморном постаменте, с высеченной на нем почетной эпиграммой и декретом в честь Автокла, была воздвигнута в Тире (*Виноградов, 1999*). Тем не менее, до сих пор ничего не известно нам о том, что подобного типа статуи устанавливались боспорским правителям в период даже самого высокого экономического и культурного расцвета их государства. Поэтому имеются все основания полагать, что Агасикл, сын Ктесия, действительно был выдающимся государственным деятелем, если гражданская община Херсонеса удостоила его постановкой такого редкостного для здешних мест памятника.

Его заслуги перед демосом в определенной мере раскрываются изображениями восьми разных венков, в средней части которых поставлены короткие надписи, указывающие, за успешное выполнение какой государственной должности Агасикл был награжден тем или иным из них. Еще В.В.Латышев отмечал, что среди этих венков различаются два (2 и 3 по его нумерации) из плюща, остальные — лавровые (*IOSPE. I², 418*). Однако при внимательном рассмотрении их изображения имеют совершенно иной вид, чем натуральные из таких веток.

На постаменте Агасикла они представляют свернутую в кольцо тонкую проволоку, к которой прикреплены отдельные плющевые или лавровые листочки. Бесспорно, что это золотые венки с имитацией листьев отмеченных выше растений, которыми чаще всего награждали почетных граждан во всех городах античного мира и которые сохранились в той или иной мере в

отдельных погребениях. Разница — и, конечно, достаточно существенная, — между ними в том, что три из них представлены на фасаде постамента и по своим размерам намного больше пяти остальных, размещенных на боковых гранях. Кроме того, они не только меньше сами по себе, но и листья на них мельче, они разбросаны реже, сравнительно с первыми.

Как известно, золотые венки оценивались в том денежном эквиваленте, насколько в тот или иной период полис имел возможность преподнести своему благодетелю дорогой дар. На памятнике Агасикла изображены разные по стоимости венки. Так как на фасаде памятника показаны большие золотые венки, то, очевидно, что именно таковыми он был награжден за исполнение наиболее важных государственных должностей, что согласуется и с надписями внутри них. При таком понимании венков исчезает какое-либо противоречие в том, почему за более ответственную должность он увенчивался плющевым венком, а за менее — лавровым (ср.: *IOSPE. I², 418; Виноградов, Щеглов, 1990. — С.351*).

Между ними в античном мире существовала значительная разница: лавровый венок всегда считался более почетным. Но когда дело касалось золотых венков, то учитывался вес золота, художественный уровень исполнения, место награждения (например, если это происходило в театре — по сути, исконном святилище Диониса), предпочтение отдавалось имитации плющевого венка, и наоборот, на празднествах Аполлона и Артемиды — важное значение имел лавровый венок. Если Агасикл во всех случаях награждался золотыми венками, то они, в свою очередь, также подтверждают неординарность его личности в Херсонесском полисе.

Относительно датировки этого памятника и прочтения плохо сохранившихся надписей в венках высказаны разные предположения и взгляды. В.В.Латышев относил его к III в. до н.э. (*IOSPE. I², 418. P.383*), что было признано многими учеными на протяжении длительного времени (ср.: *Соломоник, 1990. — С.17*). В последнее время его хронологические рамки намного сужены. На основании палеографического анализа Присяги граждан Херсонеса, Закона об изгнанниках и рассматриваемого постамента Ю.Г.Виноградов и А.Н.Щеглов пришли к выводу, что все они относятся к рубежу IV - III вв. (*1990. — С.334-335, 351*). Однако, С.Ю.Сапрыкин, хотя прямо и не выступает против такой узкой датировки и никак ее не опровергает, все же считает более целесообразным относить надписи на базе статуи Агасикла к первой четверти III в. (*Saprykin, 1994. — P.73-76*). В общем, как видно, хронологические различия не столь значительные, тем более, что абсолютная датировка в данном случае вряд ли возможна.

Судя по надписям в венках, Агасикл исполнял много разных должностей. Возможно, на постаменте отмечены только те, за которые он удостоился награждения и во время исполнения которых он особенно способствовал улучшению жизни демоса и политической обстановки в государстве. Если памятник был поставлен после его смерти, то основные годы его деятельности относятся к концу IV и первой четверти III в. до н.э.

Делая хронологические сопоставления между Присягой херсонеситов, Законом об амнистии и декретом в честь Агасикла, часто забывается, что в последнем отражены не те события, которые происходили одновременно, а на протяжении определенного промежутка времени, когда человек был в состоянии исполнять государственные должности и уже завершил свою жизнь или же приблизился к ее концу. Все, что случилось в истории херсонеситов во второй половине IV - первой четверти III в. до н.э., так или иначе касалось и Агасикла, ибо его родители и он сам имели к этому отношение. Вполне вероятно, что Агасикл происходил из рода основателей дорийско-делосского полиса.

В период его жизни в Херсонесском полисе произошли коренные изменения в экономическом развитии, что способствовало переменам как в политике, так и культуре. Прежде всего, значительно увеличилось количество населения за счет группы переселенцев из метрополии и Каллатиса (*Щеглов, 1978. — С. 11*). Херсонесское государство начало расширяться в результате экспансии Северо-Западного и Западного Крыма, подчинения Керкинитиды, что в итоге привело к тому, что здесь уже на рубеже IV - III вв. до н.э. полностью оформилось большое территориально-государственное объединение надполисного типа (*Виноградов, Щеглов, 1990. — С.326-334*). Естественно, управлять им было намного сложнее, чем небольшим классического типа полисом. Особенно значительных усилий требовало сохранение этих территорий от нападений кочевников и ежегодного урожая зерна, которое вывозилось херсонеситами для внутренних потребностей и на продажу.

Многочисленные источники из раскопок Херсонеса и его хоры свидетельствуют о том, что в последней четверти IV - начале III в. до н.э. здесь чрезвычайно высокое развитие получила хозяйственная деятельность херсонеситов, в частности, массовое производство керамической тары (амфор с клеймами), торговля вином и хлебом в северопонтийском регионе (*Брашинский, 1984. — С.152, 164-166; Зубарь, 1993. — С.41, 48 сл.*). В городе и на всей территории аграрной зоны, в том числе Керкинитиде и Калос Лимене проводилось массовое строительство (*Кутайсов, 1990*). Большое количество укрепленных и неукрепленных поселений разных типов в значительной степени характеризует интерес херсонеситов к освоению огромных массивов земли (*Щеглов, 1978. — С.53; Николаенко, 1983; Ланцов, 1991; Рогов, 1999 — с лит.*).

В Северном Причерноморье это был единственный полис, где обрабатываемые земли были разделены на отдельные участки на всей территории его хоры и где существовала единая система монументальных сооружений замкнутого плана с квадратными башнями военного назначения (*Щеглов, 1978. — С.64-78*). «Археологически документированные следы систем размежевания в Западном Крыму от Гераклеяского до Тарханкутского полуострова представляют в настоящее время уникальный пример пространственной организации не отдельных участков хоры, но полного земельного фонда и системы расселения крупного греческого периферийного территориально-политического образования в Средиземноморско-Причерноморском ареале в раннеэллинистическое время. По самым осторожным подсчетам, Херсонес в конце IV - начале III в. до н.э. только на размежеванных землях был способен производить как минимум более 20 тыс. т хлеба в обычные и 30-37 тыс. т в урожайные годы, что превышало то количество хлеба (около 15.6 тыс. т), которое при Левконе I, по словам Демосфена (*XX, 32*), ежегодно вывозилось из Боспора в Афины. В действительности зерна, очевидно, собиралось больше, если учесть, что часть его могла поступать от населения прилегающих к Гераклеяскому полуострову долин. Надо думать, что Херсонес вполне мог участвовать в понтийской хлебной торговле. Кроме того, он, как показывают данные керамической эпиграфики и археологии, занял ведущее место среди северочерноморских центров в поставках вина собственного производства» (*Виноградов, Щеглов, 1990 — С.332*).

С экономическим подъемом Херсонеса была взаимосвязана и культурная жизнь его граждан. В городе появился театр, функционировал гимнасий, возводились новые храмы и алтари, ставились монументальные статуи, в частности Афине, в город завозилась мраморная скульптура, открылись местные мастерские по изготовлению терракотовой пластики и надгробных стел (*Пичикян, 1984; Домбровский, 1960; Золотарев, Буйских, 1994; Марченко, 1997 — с лит.*).

Такой сравнительно быстрый процесс расцвета Херсонеса происходил на глазах Агасикла и, разумеется, не мог не отразиться на его мировоззрении. Как и в каждом демократическом полисе, любой гражданин имел право исполнять ту или иную государственную должность, если его избирали на народном собрании. Судя по памятнику Агасикла, если рассматривать отмеченные на нем должности в том порядке, как они поставлены, то сначала его наградили золотым венком за то, что он предложил декрет о гарнизоне и организовал его; затем за размежевание виноградников и за строительство оборонительных стен. Именно эти заслуги были вынесены на лицевую грань постамента и за это он был награжден тремя большими золотыми венками.

И если на двух из них были изображены листья плюща, то это может указывать еще и на то, что Агасикл на самом деле сделал много для интенсивного развития виноградарства и был истинным поклонником Диониса, культ которого в Херсонесе развивался более широко благодаря виноградарству и виноделию. Если в центральном плющевом венке указано, что Агасикл беспокоился о виноградниках, — в данном аспекте не столь важно, размежевывал он их или отмежевал от территории, захваченной изгнанниками-олигархами, — то, естественно, нет ничего удивительного в том, что его увенчали именно «Дионисовым» венком в театре, являвшемся по сути исконным святилищем этого бога.

Скрупулезный анализ надписи в центральном венке дал возможность установить, что в нем речь может идти не о размежевании виноградников на равнине, как считалось долгое время, а о проведении Агасиклом границы виноградной области на равнине (*Виноградов, Щеглов, 1990. — С.351-353*). Согласно мнению многих исследователей, неуклонное стремление Херсонеса к территориальному расширению своей державы и обогащению вызвало в итоге сильное социальное расслоение и политическую борьбу между олигархами и демократами, вследствие которой побежденные олигархи вынуждены были уйти в изгнание (*Соломоник, 1984. — С.72-80; Виноградов, Щеглов, 1990. — С.342-345*). Однако все еще не имеется единогласия относительно того, когда именно это произошло и куда переселились изгнанники (*Saprykin, 1994. — P.73-74*).

Очевидно, имеются определенные основания считать, что они не выехали в какой-то другой полис, а заняли удаленную часть хоры Херсонеса, что согласовывается с эпиграфическими источниками этого времени. Ярким свидетельством попыток херсонесских олигархов сбросить демократическую власть являются некоторые параграфы Присяги херсонеситов (*Жебелев, 1953. — С.223-224; Сапрыкин, 1986. — С.157; Виноградов, Щеглов, 1990. — С.346 сл.*), нашедшие подтверждение в так называемом Законе об амнистии политических изгнанников (*Соломоник, 1984*).

Три надписи в больших венках на лицевой грани постамента представляют одно целое, взаимосвязаны между собой и свидетельствуют о том, что Агасиклу после принятия предложенного им декрета о специальном гарнизоне пришлось заниматься его формированием и принимать непосредственное участие в должности предводителя по наведению порядка на хоре с тем, чтобы гражданская община Херсонеса не потеряла основную часть своих территорий, дававших колоссальные прибыли (*Виноградов, Щеглов, 1990. — С.352 сл.; Saprykin, 1994. — P. 74*).

Эти акции Агасикла, вместе с тем, были направлены на сохранение демократии в полисе. Возможно, как раз он являлся одним из самых непримиримых борцов против олигархов. Изгнанные с его помощью оппозиционеры смогли возвратиться в город лишь после его смерти. Естественно, трудно с уверенностью говорить о том, что они на пограничье херсонесской

хоры успели создать самозванное политическое образование, заручившись поддержкой скифов (см.: *Виноградов, Щеглов, 1990. — С.353*). Тем не менее, дальнейшая история Херсонесского государства показывает, что создание мощных укреплений на хоре было чрезвычайно важно и нужно, ибо кочевые скифы, потеряв свое влияние и прибыль в отношениях с Боспором, начали угрожать процветающему городу в Таврике.

По всей вероятности, третий венки с надписью «Бывшему стеностроителю» связан с тем, что Агасикл был ответственным за сооружение оборонительных стен вокруг Херсонеса и довел до конца их строительство (*Saprykin, 1994. — P.75*). Вместе с этим проводилась не только городская фортификация. Обширная программа создания сплошной оборонительной системы государства включала в себя и укрепление его сельскохозяйственных владений. Почти одновременно была проведена огромная по своим масштабам работа по созданию земельных гарнизонов. Сходство башенных укреплений в разных местах херсонесской хоры, почти одинаковая конструкция каменных стен на усадебных башнях и на юго-восточной оборонительной стене города — не случайность, а закономерный процесс создания единой оборонительной системы, которой занимались херсонесские демократы для защиты как от варваров, так и олигархов (*Saprykin, 1994. — P.75*). Так или иначе, но инициативный и мужественный Агасикл явно отличился в этот период, как единоличным руководителем, талантливым организатором и инициатор создания отдельных гарнизонов в каменных укреплениях на хоре с особой формой сигнализации и взаимосвязи.

Созданная им оборона имела громадное значение в жизни всех херсонеситов, если они и после этого продолжали увенчивать его золотыми венками, поставив в конце всей его деятельности величественный памятник. Во всяком случае, на протяжении около двух веков (до декрета в честь Диофанта) в эпиграфических памятниках Херсонеса не отмечено случаев, чтобы кому-нибудь ставили статую, тем более конную, которой удостоился, видимо, лишь один Агасикл за всю историю этого полиса. Кроме того, в эллинистическое время только его наградили таким большим количеством венков, в том числе за, казалось бы, совсем заурядные должности.

Поскольку Присяга херсонеситов синхронна памятнику Агасикла или, скорее всего, относительно совпадает с его акциями по обороне государственных территорий, то естественно думать, что он также присутствовал среди тех граждан, которые клялись оберегать свою отчизну, заботиться о ее свободе и спасении. Если Агасикл на самом деле был тем патриотом и борцом за демократию, каким он представляется, то он мог быть одним из авторов Присяги, выставленной по эллинской традиции для чтения в городе уже после того, как олигархи-зачинщики государственного переворота из него были изгнаны.

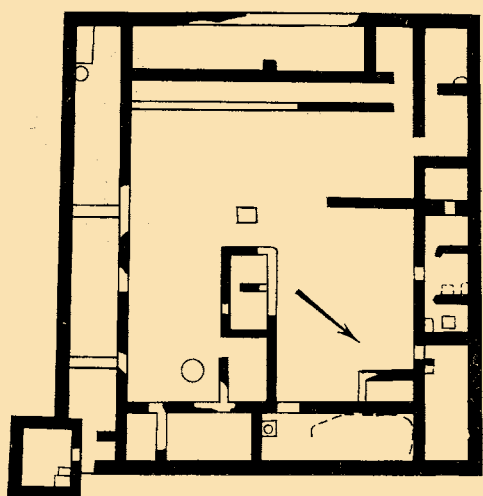
Ради сохранения державы от дальнейших угроз и нападений разных врагов, — как эллинского, так и варварского происхождения, — воспитания граждан в духе патриотизма и свободы, херсонеситы присягались своими богами и богинями, что не предадут Херсонес, Керкинитиду, Калос Лимен и другие укрепленные пункты на этой территории, которой они управляют или управляли, будут все это охранять для всего херсонесского демоса; не будут свергать демократическое устройство и не разрешат сделать это другим; будут бороться против каких-либо сговоров, верно служить народу, защищать границы, не разглашать ничего сокровенного ни эллину, ни варвару, что способно повредить государству и т.д. (*IOSPE. I², 401*).

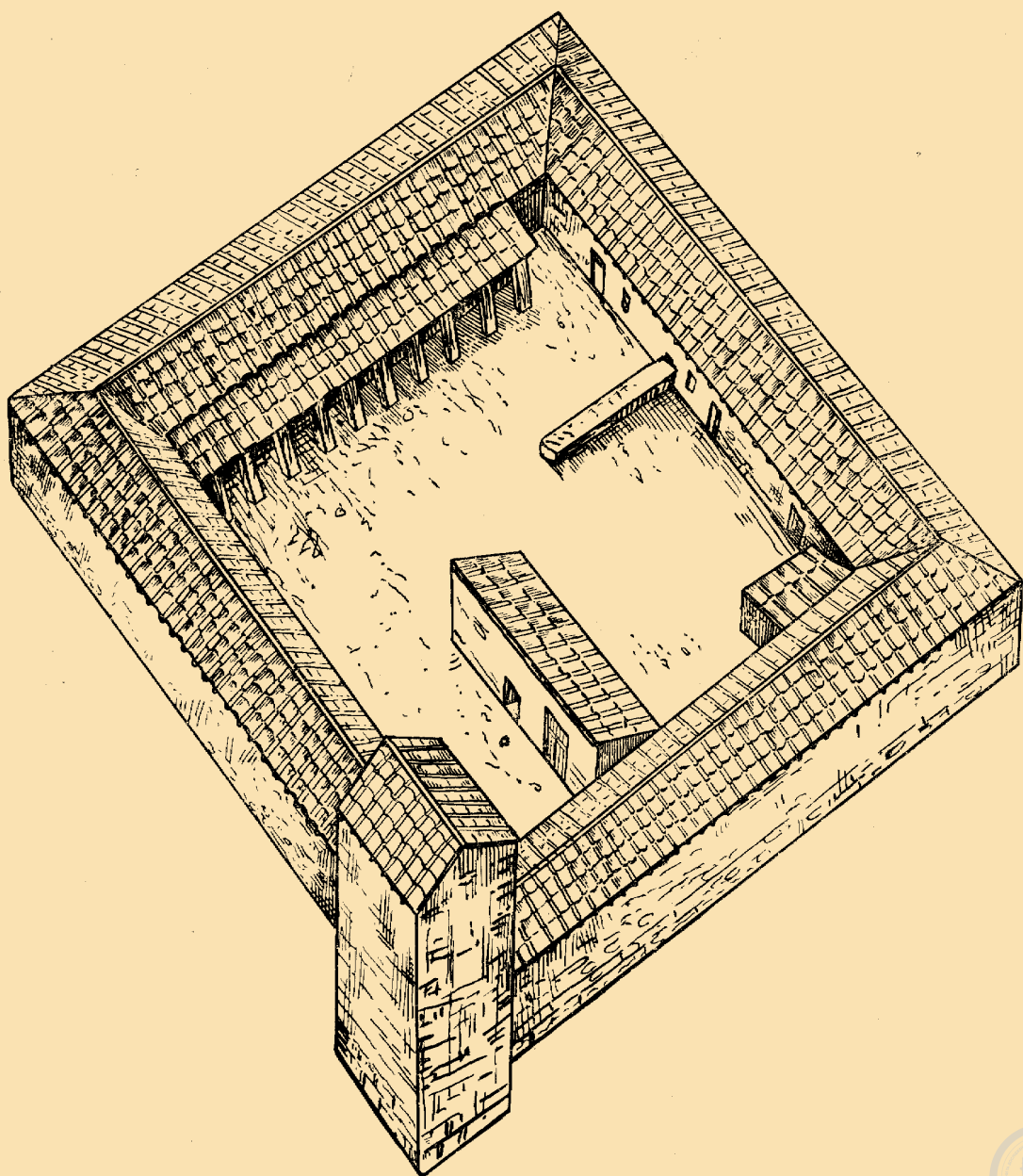
ΜΝΥΛΔΙΑΓΑΝΑΛΙΟΝΓΑΡΕΙΟΓ
 ΕΟΥΣΟΛΥΜΠΙΟΥΣΚΑΙΟΛΥΜΠΙΑ
 ΑΙΗΡΛΑΣΟΣΟΙΓΟΛΙΝΚΑΙΧΩΡΑΝ
 ΑΙΤΕΧΗΕΧΟΝΤΙΤΑΧΕΡΣΟΝΑΣΙ
 ΤΑΝΟΜΟΙΟΝΣΛΥΓΕΡΕΣΤΗΡΙΑΣ
 ΚΑΙΕΛΕΥΘΕΡΙΑΣΠΟΛΕΟΣΚΑΙΠΟΛ
 ΤΑΝΚΑΙΟΥΠΡΟΔΛΣΟΧΕΡΣΟΝΑΣΟ
 ΡΥΔΕΚΕΡΚΙΝΙΤΙΝΟΥΔΕΚΑΛΟΝΛΙΜΕ
 ΝΙΑΟΥΔΕΤΑΛΛΑΤΕΙΧΗΟΥΔΕΤΑΣΑ
 ΛΑΣΧΩΡΑΣΑΝΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΙΝΕΜΟ
 ΤΑΗΕΝΕΜΟΝΤΟΟΥΘΕΝΙΟΥΘΕΝΟΥΤΕΕ
 ΛΑΝΟΥΤΕΒΑΡΒΑΡΙΑΛΛΑΔΙΑΦΥΛΑ
 ΞΕΣΤΩΔΑΜΛΙΤΛΙΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΝΟΤ
 ΔΕΚΑΤΑΛΥΣΕΣΤΑΝΔΑΜΟΚΡΑΤΙΑΝΟΤ
 ΔΕΤΩΠΡΟΔΙΔΟΝΤΙΚΑΚΑΤΑΛΥΟΝΤΙΕ
 ΠΙΤΡΕΥΟΟΥΔΕΣΥΓΚΡΥΨΛΑΛΛΑΕ
 ΞΑΓΓΕΛΩΤΟΙΣΔΑΜΙΟΡΓΟΙΣΤΟΙΣΚΑ
 ΤΑΠΟΛΙΝΚΑΙΠΟΛΕΜΟΥΣΕΣΣΟΥΜΑΙΤΣ
 ΕΡΙΒΟΥΛΕΥΟΝΤΙΚΑΙΠΡΟΔΙΔΟΝΤΙΗΑΦ
 ΞΤΑΝΤΙΧΕΡΣΟΝΑΣΟΝΗΚΕΡΚΙΝΙΤΙΝΗ
 ΚΑΛΟΝΛΙΜΕΝΑΗΤΑΤΕΙΧΗΚΑΙΧΩΡΑΝ
 ΤΑΝΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΝΚΑΙΔΑΜΙΟΡΓΗΣ
 ΤΑΙΒΟΥΛΕΥΣΕΤΑΑΡΙΣΤΑΚΑΙΔΙΚΑΚΤΑ
 ΓΑΡΩΣΚΑΙΓΑΡΤΑΣΚΑΓΓΟΝΣΑΣΙΤΗ
 ΑΤΩΙΔΑΜΜΥΔΙΑΦΥΛΑΞΙΣΚΑΙΟΥΚΕ
 ΚΦΕΡΟΜΕΝΕΣΕΤΛΝΑΓΟΡΗΤΑΝΟΥ
 ΕΝΟΥΤΕΓΩΤΕΛΛΑΝΑΟΥΤΕΓΟΤΙΒΑ
 ΑΡΟΝΟΜΕΛΛΕΠΤΑΜΓΟΝΗΒΛΑΠΤΕΙΝ
 ΥΔΕΟΛΕΑΝΔΩΣΛΟΥΔΕΔΕΞΟΥΜΑ
 ΡΙΒΛΑΒΑΓΓΟΛΕΟΣΚΑΓΓΟΛΠΑΝΟΥΔΕ
 ΡΙΒΟΥΛΕΥΣΕΔΑΔΩΚΟΝΠΡΑΓΜΑΟΥΘΕ
 ΣΦΕΣΤΑΜΓΟΛΙΤΑΝΤΑΜΗΗΑΦΕ
 ΞΑΚΣΤΛΝΟΥΔΑΒΤΟΓΓΡΟΥΔΕΥΡΝ

ΑΛΛΕΙΣΑΓΓΕΛ ΚΑΙΚΡΙΝΩΦΑ
 ΚΑΤΑΤΟΥΣΝΟΜΟΥΣΟΥΔΕΣΥΝΩΜΟ
 ΑΝΣΥΝΟΜΟΥΜΑΙΟΥΤΕΚΑΤΑΤΟΥΚΟΠ
 ΤΟΥΧΕΡ ΣΟΝΑΣΙΤΑΝΟΥΤ ΚΑΤΑΤΛΑ
 ΠΑΝΟΥΔΙΝΟΣΩΜΗΑΡΟΔΕΔΕΙΚΤ
 ΕΜΕΜΙΟΣΤΩΙΔΑΜΛΕΙΔΕΤΙΝΙΣΙΝ
 ΕΞΑΚΑΙΕΠΤΙΝΗΛΤΑΛΕΛΑΜΜΑΙΟΡ
 ΡΕΥΧΑΙΔΙΝΟΥΑΜΕΝΟΙΜΕΝΑΙ
 ΟΝΕΙΗΚΑΙΕΜΟΙΚΑΙΤΟΙΣΕΜΟΙΣΕΜΜ
 ΟΝΤΙΔΕΤΑΕΝΑΝΥΝΑΚΑΙΙΤΙΝΑΚ
 ΣΥΝΟΜΟΤΙΑΝΑΙΣ ΠΛΑΘΟΥΣΑΝΙ
 ΝΟΜΕΝΑΝΕΞΑΓΓΕΛΩΤΟΙΣΔΑΜ
 ΤΟΙΣΟΥΔΕΣΙΤΟΝΑΓΟΤΟΥΠΕΔΙΟΥΑ
 ΤΑΓΙΜΟΝΑΓΓΕΛΩΣΥΜΑΟΥΔΕΕΣ
 ΛΑΛΛΑΙΑΓΟΤΟΥΠΕΔΙΟΥΑΛΛΙ
 ΜΕΡΣΟΝΑΣΟΝΞΕΥΚΑΙΓΑΚΑΙΑΛΙΕ
 ΓΑΡΘΕΝΕΚΑΙΟΕΨΑΥΜΠΙΟΙΕΜΜΕΝ
 ΤΙΕΜΜΟΙΕΥΕΙΗΕΝΤΟΥΤΗΕΚΑΙΟΥ
 ΚΑΙΤΕΡΕΙΚΑΙΤΟΙΣΕΜΟΙΣΜΗΕΜΜΕΝ
 ΤΙΔΕΚΑΚΩΣΝΑΛΑΥΤΩΚΑΓΓΕΡΕΙΚΑ
 ΜΟΙΣΚΑΙΡΗΝΕΓΑΛΩΜΗΙΤΕΩ
 ΕΚΑΝΟΝΦΕΤΩΝΕΝΕΝΕΝΕΝΕΝΕΝ
 ΝΟΙΝΑΜΗ

0 10 20 30 M

Создается впечатление, что Агасикл принадлежал к числу крупнейших политических лидеров гражданской общины херсонеситов, исполнял разные магистратские должности после того, как обстановка в полисе стабилизировалась. Его заслуги были столь значительны и он настолько хорошо исполнял свои обязанности, что и за них он увенчивался венками. На длинной боковой грани постамента вырезано пять маленьких венков с мелкими, редко расположенными листиками, напоминающими лавровые.

Некоторые из выполняемых им должностей точно и достоверно не установлены, потому что от надписей в этих венках — в частности 4, 5, 6, — сохранилось несколько букв. Так, согласно с их восстановлением, Агасикл упорядочил (?) рынок, исполнял должность стратега и служил жрецом. Относительно надписи о стратеге, то ее реконструкция весьма условна (см.: *Виноградов, Щеглов, 1990. — С.351. Прим. 203*). Э.Миннз, например, полагал, что здесь имелся в виду дамиург (1913. — *Р.646. № 17*). По мнению С.Ю.Сапрыкина, Агасикл, вероятно, был руководителем коллегии стратегов или одним из ее членов (1994. — *Р.75*). Так как им была выполнена грандиозная работа по организации оборонительной системы, то его несколько раз могли избирать на эту должность. Не исключено, что он исполнял специальную должность, занимаясь организацией хоры, укреплением ее границ и контролируя получаемые с нее доходы.

Однако нельзя игнорировать и точку зрения Э.Миннза, что, разумеется, вовсе не значит, что Агасикл не исполнял также должности стратега. Последняя довольно тесно была связана с теми его действиями, которые относятся к началу государственной деятельности и организации гарнизонов на хоре. Если следовать Присяге херсонеситов и тому значению, которое заложено в понятие термина «дамиург», то логично и не удивительно, если бы именно Агасикла избрали на эту должность. Дамиурги в Херсонесе, как это следует, прежде всего, из Присяги, относились к тем должностным лицам, в обязанности которых входила охрана демократического режима. Политика Агасикла была подчинена принципам народовластия и сохранению всех его норм и установлений.

Кроме того, Агасикл был избран жрецом, очевидно, святилища главной патронессы Херсонеса Партенос. Исполнение такой почетной должности было связано с проведением различных культовых мероприятий, устройством всенародных праздников и агонов. Имя Агасикла в роли магистрата отмечено и на серебряных монетах с изображением головы Партенос, лука и колчана на аверсе, бодающего быка и палицы на реверсе (*Анохин, 1977. — № 84*). Соединение на одной монете символов этой богини и Геракла свидетельствует о важности обоих культов для сакральной защиты всего Херсонесского государства.

Заслуживают внимания и остальные должности Агасикла. В античных полисах гимнасиарх чаще всего тоже избирался на народном собрании. Гимнасиархи несли полную ответственность за все то, что было связано с воспитанием и обучением будущих граждан: не только их физической, интеллектуальной и моральной подготовкой, но и состоянием помещений, наличием всего необходимого для обучения, а также организацией и проведением спортивных агонов на различных религиозных празднествах, в частности Партенос, Геракла и Гермеса. В том случае, если государство не имело средств для поддержки гимнасия, то избирались те граждане, которые могли использовать собственные средства на его нужды. В экономиче-

ской жизни полиса большое значение имела также должность агораномы, следившего за порядком на рынках и торговых операциях, реализацией продуктов питания и организацией их поступления в город.

Таким образом, Агасикл исполнял много различных должностей и, вероятно, только отдельные из них, когда он добивался наибольших результатов и успехов, отмечены на его памятнике. Следует отметить широту политического мировоззрения и разнообразных знаний Агасикла, его организаторские способности, умение исполнять разные должности с необыкновенной тщательностью и добросовестностью, серьезное отношение ко всем своим обязанностям. Первые из них — самые тяжелые и рискованные, — вероятно, исполнялись в более молодом возрасте, чем последние, требовавшие в основном постоянного пребывания в городе.

Вопреки всем затемненным коллизиям жизни и деятельности Агасикла, все-таки достаточно ясно просматривается его демократизм, преданность полису и стремление расширить его границы ради экономического и культурного процветания. Надполисные тенденции развития Херсонеса наиболее выразительно проявились в период жизни Агасикла при демократической власти с ее специфически дорийскими чертами и особенностями. Его многогранная деятельность в сложное и противоречивое в истории Херсонеса время, несомненно, сыграла положительную роль в дальнейшем развитии полиса.

Идея сохранения Херсонесского территориального государства стала программной для всех граждан, сделавших главным источником своих доходов аграрное хозяйство и торговлю. Однако, херсонеситы, верные Присяге и полисным традициям, в дальнейшем не смогли изменить ту ситуацию, которая сложилась в данном регионе после смерти Агасикла, когда вследствие наступления кочевников пришлось отказаться от своей огромной территории в Северо-Западной Таврике (*Виноградов Ю.А., Марченко, Рогов, 1997; Виноградов Ю.Г., 1997; Рогов, 1999*). Отсюда ясно, что богиня судьбы была благосклонна к Агасиклу, а вместе с ним и к тому полису, где он жил и ради блага которого достойно исполнял разные государственные должности. И даже неумолимо беспощадный Хронос после многовекового забвения извлек его имя, благодаря чему он все-таки занял свое почетное место в истории античных государств Причерноморья.

**ВСЕОБЩИЙ
КРИЗИС**

Протоген, сын Геросонта	149
Сиrisk, сын Гераклида	162
Гигиенонт	169

На обороте:

Головка сатира.

Посёлок Сенная на Таманском полуострове.

III в. до н. э.

Терракота.

Как это часто случается в истории всех государств, после экономического и культурного расцвета наступает кризисный период, спровоцированный разными причинами и обстоятельствами. Наиболее точное определение они нашли в декрете в честь ольвийского эвергета Протогена (*IOSPE. P², 32*), в котором четко сказано, что из-за войн и неурожаев происходят все бедствия людей. Почти в одно и то же время, начиная со второй четверти III в. до н.э. в античных государствах Северного Причерноморья проявлялись в той или иной мере экономические кризисы. В определенной степени они охватили города Западного Причерноморья и Малой Азии, огромные евразийские степи.

При изучении этого феномена в античных государствах внимание акцентируется на нападениях варваров, которые сначала разоряли сельскохозяйственные зоны городов, а потом вообще их захватывали. Эпиграфические и археологические источники свидетельствуют, что во второй половине III в. Ольвийский полис находился в состоянии страха перед угрозой вторжения галатов и скиров с запада, постоянных вымогательств дани сарматским царем Сайтафарном, желания каких-то скифов найти укрепленное убежище и т.п.

В это время Ольвия потеряла почти всю свою обширную хору. Город, как это видно из декретов Протогена и Антестерия, посвятителю надписи ситонов, почетного декрета херсонесита Аполлония и его сыновей, вынужден был постоянно заботиться о доставке и распределении продовольствия среди голодавших жителей. Во многих регионах постепенно угасает жизнь на сельских поселениях (ср.: Рубан, 1985; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989; Щеглов, 1978; Охотников, 1990; Масленников, 1993; 1998; Stefan, 1974).

Вместе с общим экономическим упадком начался денежный кризис, который особое проявление нашел на Боспоре и в Ольвии (Карышковский, 1988; Анохин, 1986; 1989; Щеглов, 1989). «Археологические свидетельства фиксируют катастрофическое уничтожение хоры и экономической зоны практически всех греческих образований в Северном Причерноморье в пределах первой трети — первой половины III в. Эти события связаны с тотальным изменением демографической и военно-политической обстановки в кочевом мире степной полосы, прежде всего, по-видимому, с вторжением сарматов, и они непосредственно предшествуют началу кризисных явлений в денежном хозяйстве рассматриваемых причерноморских центров. Можно предполагать, что именно резкая дестабилизация ситуации в мире варваров «степного коридора», приведшая к разорению земле-

дельческих территорий — основной экономической базы греческих государств этой зоны, — и вызвавшая серьезные экономические трудности, и была той главной причиной, которая привела к денежным кризисам» (Щеглов, 1989. — С.58). Все это, на самом деле, могло быть именно так, как считает А.Н.Щеглов.

Но вместе с тем интересно и другое: почему относительно почти в одно и то же время в разных уголках Евразии поднялись варварские племена и начали уничтожать хоры городов, с которых они раньше брали дань и как будто были удовлетворены своим существованием по соседству с эллинами. Поэтому нельзя исключать среди причин этого всеобщего кризиса и природно-климатические изменения (Полин, 1992. — С. 104 сл.). Многолетние засухи и холодные зимы прежде всего дестабилизировали хозяйство степных племен в первой половине III в., в том числе и сармат, которые, в общем, и стали той основной силой, которая не только вытеснила скифов, но и способствовала разорению аграрных зон античных государств.

Как поздние скифы, так и сарматы сначала собирали форос с греческих городов, как это видно из декрета Протогена и более поздних свидетельств Страбона (*Strabo. VII, 4, 4*). Но когда эллины не имели возможности платить его, так как из-за неурожайных лет не было прежней прибыли, начались грабительские нападения на сельские поселения, которые привели к полному их запустению. Несколько позже, вероятно, после продвижения основных групп сармат на запад и образования Скифского царства в Крыму — на Боспоре и в Ольвийском полисе начинается постепенное возрождение хоры (Масленников, 1998; Снытко, 1997). Кроме того, Ольвия начала во II-I вв. до н.э. ориентироваться на нижнеднепровские городища и поселения, находившиеся в более выгодной экологической ситуации благодаря огромным запасам пресной воды из Борисфена.

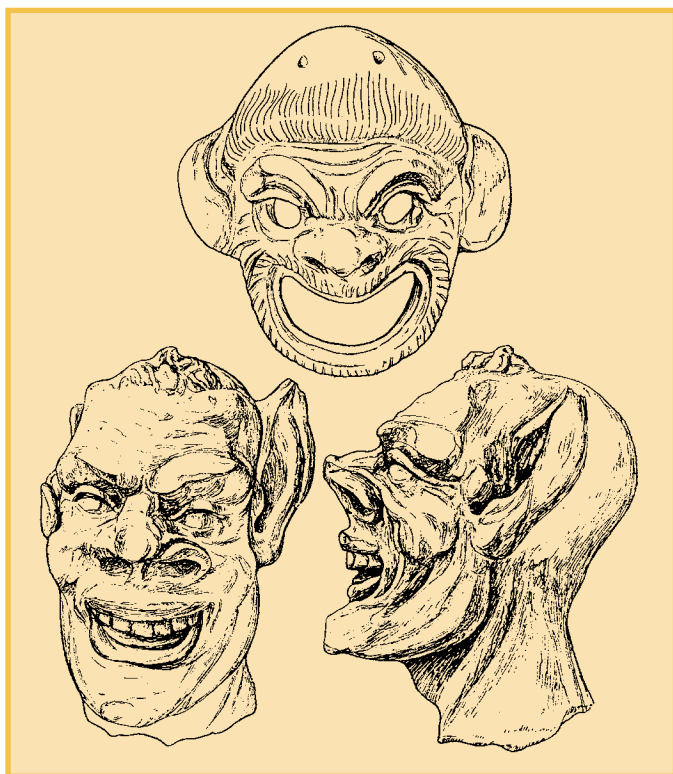
В общем, основные причины возникновения экономического кризиса во всех его проявлениях были взаимосвязаны. Смена природно-климатических условий создала предпосылки для небывалого движения разных варварских группировок в поисках продовольствия и лучших земель для обитания. С одной стороны, неурожай в аграрных зонах античных государств, из-за чего произошло падение торговли зерном, а с другой, военные нападения варваров, выплата им дани стали главными факторами экономического, главным образом, хлебного кризиса во многих северозападнопонтийских полисах, которые вынуждены были постоянно заботиться и об укреплении оборонительной системы.

В такой сложной обстановке возникали внутренние социально-политические неурядицы, имущественное расслоение и недовольство граждан своими государственными чиновниками. В античных полисах, особенно Ольвии и Херсонесе с их демократическим управлением важное значение имели исконные традиции, направленные на воспитание гражданина в духе патриотизма и верности своей отчизне.

В значительной мере в этих полисах нашли отражение главные политические идеи, характерные для многих греческих образований. «Полис завещал человечеству, по крайней мере, три великие политические идеи. Это, прежде всего, гражданская идея. Осознание себя членом гражданского коллектива, сознание своих прав и обязанностей, чувство гражданского долга, ответственности, причастность к жизни всей общины и ее достоинию, наконец, огромное значение мнения или признания сограждан, зависимость от него, — все это нашло себе в полисе наиболее полное, наиболее яркое выражение... Затем — идея демократии. Под этим мы понимаем возникшее в полисе — причем впервые в истории — представление о народоправстве, о его принципиальной возможности, о причастности

**Терракотовые изображения
комических актеров.**
Ольвия. III-II вв. до н.э.

каждого гражданина к управлению, об участии каждого в общественной жизни и деятельности... Наконец, идея республиканизма. В полисе — опять-таки впервые в истории — принцип выборности всех органов управления» (Утченко, 1977. — С. 36-57). Несмотря на тяжелую внешнеполитическую и внутреннюю обстановку, сложившуюся в III-II вв. в северопонтийских полисах, граждане испытывали еще более сильное тяготение к сплоченности и взаимопомощи.

Многогранные проявления кризиса нашли свое отражение в деятельности отдельных, наиболее известных личностей, среди которых особенно выделяются Протоген, сын Геросонта, из Ольвии, Сириск, сын Гераклида, из Херсонеса и Гигиенонт из Боспора. Каждый из них, в зависимости от обстоятельств, внутреннего социально-экономического, политического и культурного развития государств, силы и воли гражданских коллективов в каждом из них, а главное — личных способностей и характера занятий — способствовал улучшению жизни своих сограждан и защите их интересов. Это был один из самых трудных периодов в истории Северного Причерноморья. И в том, что эллины сумели выстоять, сохранить свои города и культурные ценности, в немалой степени заслуга и названных выше деятелей.

Протоген, сын Геросонта

Декрет в честь Протогена является одной из ярких и редкостных жемчужин понтийской античной эпиграфики. С тех пор, как Г.Келер и П.Кеппен впервые опубликовали его (Köehler, 1822; Köepfen, 1823), он стал неотъемлемой составной частью истории Ольвийского полиса и окружающих племен эллинистического времени. Протогеновский декрет во всех отношениях представляет собой уникальную, талантливо написанную

хронику этого государства в связи с эвергетической деятельностью его выдающегося гражданина в тяжелейший период жизни ольвиополитов.

На мраморной прямоугольной плите с двух сторон мелкими и тщательно вырезанными буквами зафиксированы свидетельства о разных племенах и их контактах с городом, сложности во взаимоотношениях элитарной верхушки с простыми членами гражданской общины, попытки преодоления голода и страха перед угрозой нападения варваров; отражен и ряд моментов, характеризующих психологическое состояние демоса в период тяжелейшего кризиса, столкновение доброты и злобы, проявление патриотизма и безразличия к судьбе отчизны, моральное падение отдельных личностей и величие души других.

Такому его восприятию помогают введенные в канву декрета отдельные эпизоды: прибытие в Канкит царя Сайтафарна, постоянно требовавшего от ольвиополитов дани и драгоценных даров, отдача под залог священных сосудов и их выкуп у ростовщика, закупка больших партий хлеба во время голода, гнев сарматского царя и страх демоса перед его наступлением, а также возможного похода галато-скиров, полное безразличие многих зажиточных граждан к судьбе Ольвии и их бегство из подвергнувшегося засухам и войнам края.

Все эти и многие другие события совершались не одновременно, а на протяжении многих лет жизни и деятельности Протогена. Постоянно звучат в тексте декрета союзы «и, а, еще же», с помощью которых не только перечисляются заслуги Протогена, но, вместе с тем, расширяются свидетельства о тяжелом положении города и его округи.

Разные вопросы, вытекающие из этого документа, остаются во многом не решенными и дискуссионными, поскольку не имеется в Северном Причерноморье эпиграфического памятника, подобного по богатству информации этому декрету, как и нет личности, сходной со знаменитым эвергетом Ольвии.

Из декрета ясно, что это был самый тяжелый период в истории полиса эллинистического времени, особенно по сравнению со всеми предыдущими годами его существования. Относительно того, когда именно ольвиополиты приняли этот документ на народном собрании, высказаны разнообразные взгляды и гипотезы. И хотя хронологические расхождения довольно значительны, все-таки, несмотря на большое количество работ, в которых рассматривалась его датировка, такие различия вызывают иногда просто удивление хотя бы потому, насколько субъективным и недоказательным может быть предложение отдельных его датировок из-за отсутствия в тексте конкретных данных, свидетельствующих о его возникновении (ср.: *IOSPE. I², 32; Латышев, 1887. — С.109 сл.; Syll., 495; Книпович, 1966. — С.142-149; Gauthier, 1985. — P.70-72; Яйленко, 1985. — С.164-170; 1990 а. — С.275; Виноградов, 1989. — С.182 и другие).*

Исходя из всего количества исследований, датировка декрета в честь Протогена имеет широкие хронологические рамки и в работах последних десятилетий XX в. (третья четверть III в. до н.э.; 20-10-е годы того же века; рубеж III-II в.; 180-170 гг.) (соответственно: *Марченко, 1985. — С.247; Виноградов, 1989. — С.182; Русяева, 1993. — С.15; Карышковский, 1988. — С.93; Яйленко, 1990 а. — С.275; Анохин, 1989. — С.48, 49).*

Как видно, расхождения весьма значительные, чтобы не обратить на них внимания. Поэтому остается, учитывая также и собственные соображения, принять одну из предложенных датировок. Исходя из многих аргументов, наиболее соответствующей тому положению, которое сложилось в Ольвии и ее регионе во время жизни и деятельности Протогена, может быть вторая половина III в. до н.э., но, очевидно, до 216 г., поскольку среди пле-

мен, отмеченных в декрете, отсутствуют бастарны, известные своей особой воинственностью и грабительскими набегами (*Щукин, 1989. — С.125, 126*).

Почти единодушно исследователи ольвийской хоры считают, что в основной своей части она была потеряна около середины III в. до н.э. (*Рубан, 1985. — С.44, 45; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. — С.150; Марченко, 1985. — С.242 сл.*). В декрете также не имеется сведений о том, что голодающий город владеет какими-то поселениями. Только в двух случаях указано, что «вместе с тем в стране случилось много других печальных событий». В данном контексте следует понимать приольвийскую полисную территорию, так как рассказ касается ольвиополитов. Возможно, как раз в этом пассаже отмечен тот факт, свершившийся десятилетия тому, когда в связи с войнами и неурожаями им пришлось оставить значительную часть аграрной зоны. Отмечено также, что Протоген никого из откупщиков податей не выгнал из их владений, которыми, вполне вероятно, назывались хозяева так называемых усадеб.

Итак, если декрет был издан где-то в пределах последней четверти III в., то это не значит, что описанные в нем события не происходили и намного раньше, как будет показано ниже в соответствии с отдельными видами эвергетической и государственной деятельности Протогена.

Разные источники свидетельствуют, что Ольвия не была одинокой в этом кризисном состоянии на протяжении нескольких десятилетий III в. Как уже отмечалось, недостаток хлеба вследствие многолетних засух находит подтверждение и в других эпиграфических документах — посвятительном рельефе ситонов Герою Благосклонно Внемлющему (*НО, 70*). Ситоны избирались в экстраординарных случаях для распределения хлеба между жителями. В синхронном декрете в честь Антестерия речь идет и о ситометрии в Ольвии (*Виноградов, 1984; 1989. — С.194 сл.*).

Социально-экономический кризис охватил многие регионы на Балканах, в Малой Азии и Причерноморье (*Stefan, 1974. — S.648-663*). С одной стороны, неурожаи вызвали катастрофический недостаток хлеба и даже голод, особенно в среде беднейших слоев населения, а с другой, постепенные экологические изменения на обширных территориях, — возможно, несколько лет подряд длившаяся засуха, — стали причиной небывалого до того времени движения разных племенных объединений, основные силы которых, естественно, были тоже направлены на поиски всего необходимого для выживания, в результате чего участились грабительские нападения на города, святилища и корабли (*ср.: Трофимова, 1963. — С.53-74; Брашинский, 1973. — С.123-133*).

Исходя из Протогеновской хроники, с запада угрожали галаты и скиры, с севера и востока — скифы, савдараты, тисаматы и особенно сайи во главе с Сайтафарном. Впервые в ольвийском документе засвидетельствовано такое четкое размежевание и знание этнонимов угрожавших городу племен, которых, несомненно, ольвиополиты хорошо знали, пусть только лишь из доходивших к ним так или иначе рассказов и слухов.

Сравнение с этнографической картой Геродота представляет неоспоримое доказательство того, что Ольвия не имела постоянных соседей со стороны Степи. К этому времени из поля их зрения совсем исчезли каллипиды и алазоны. Более того, отмеченные среди савдаратов и тисаматов скифы, пытавшиеся к тому же найти какое-нибудь укрепленное место, свидетельствуют о том, что это племя было уже численно небольшим, разгромленным сарматами и вытесненным ими из Приазовья и Поднепровья (*Марченко, Виноградов, 1997; Виноградов, 1997*). Не исключено, как показывает возникновение многих укреплений в Северо-Западном Крыму во второй половине III - первой половине II вв. до н.э. (*Зайцев, 1995*), что как

раз скифы, упомянутые в Протогеновском декрете, стали инициаторами и основателями скифского царства в данном регионе.

На протяжении догетского периода в степях поблизости Ольвии так и не были созданы долговременные объединения варварского оседлого населения. Племена разноэтнических номадов постоянно перемещались и ассимилировались: очевидно, одно племя через какое-то время вытесняло другое, из-за чего они периодически меняли места обитания и в процессе передвижения на той или иной территории приобретали новые элементы в образе жизни, быту и культуре.

В протогеновское время сильнейшими среди многих племен считаются галаты (исторические кельты) и сарматы. Однако, те завоевательские походы, которые часто приписываются галатам в отношении Ольвии, кажутся преувеличенными. Вряд ли именно галаты, проводившие активную военную деятельность на Балканах и в Подунавье еще в первой половине III в. до н.э., стали единственными виновниками гибели ольвийской хоры, которая якобы была полностью ими уничтожена вследствие нескольких опустошительных рейдов (*Отрешко, 1982. — С.34 сл.; Рубан, 1985. — С.12*). В данном случае нельзя согласиться и с тем, что эти племена просили укрытия в городе, вследствие чего их отношения с ольвиополитами были мирными (*ср.: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. — С.99*).

Если вдумчиво прочитать текст декрета в честь Протогена, то становится совершенно ясно, что галаты вообще не доходили до границ Ольвийского государства, а тем более не может быть речи об их нескольких грабительских нападениях. Нет сомнения, что если бы галаты в союзе со скирами напали на Ольвию, то она, как и во время гетского нашествия, была бы полностью разгромлена и разграблена.

Ведь в рассматриваемом документе четко сказано, что «перебежчики сообщили, что галаты и скиры образовали союз и собрали большие силы, которые и появятся зимой». Из-за таких слухов в городе началась паника, а иноземцы вообще уехали отсюда. Однако оставшиеся жители предприняли все возможное на его укрепление. В декрете не имеется даже намек на то, что галато-скирский союз совершил грабительское нападение на Ольвию или ее поселения. Отсутствие на хоре массовых убийств, пожаров и разрушений — явное свидетельство того, что хора была оставлена населением, забравшим с собой все свое имущество. И основные причины заключались в возможном нападении варваров с запада, так и непосредственном проявлении разных воинственных кочевнических группировок с востока. Среди них тисаматы, савдараты, скифы, сайи не менее пугали ольвиополитов, чем далекие галаты.

Несомненно, что ольвиополиты знали об этих племенах, которые смогли вторгнуться в Македонию и захватить значительную часть северной Эллады, дойдя до границ панэллинского святилища Аполлона в Дельфах. Разгром галатов возле этого знаменитого святилища все эллины восприняли с радостным ликованием. По случаю этих событий были учреждены ежегодные празднества с жертвоприношениями и агонами — соте́рии (*Nachtergaele, 1977*). Считалось, что победа произошла благодаря помощи почитаемой в Дельфах семейной триады — Лето, Аполлона и Артемиды. Жители Ольвии явно слышали о воинственности и силе галатов, что и стало истинной причиной их паники, бегства некоторых граждан и ксенов. Возможно, что многие из них возвратились после той злосчастной зимы, когда галато-скирский поход не состоялся.

Относительно пребывания сарматов, — пусть пока только спорадического, — в Днепро-Бугском регионе во второй половине III в. до н.э. существуют диаметрально противоположные точки зрения: одни исследователи

считают сайев сарматами (или царскими сарматами) (*Карышковский, 1973. — С.88-93; Мачинский, 1971. — С.42-54; Смирнов, 1981; 1984. — С.67; Виноградов, 1989. — С.181. — Прим.14*); другие не менее убеждены в том, что это царские скифы (*Абрамова, 1962. — С.273-283; Полин, 1989. — С.121-123*).

Однако то, что Сайтафарн только наездами требовал даров, к тому же находился на «том берегу» (то есть, на левобережье Гипаниса или же даже Борисфена, так как владения ольвиополитов простирались до Нижнего Приднепровья), а также ранее неизвестный в Северном Причерноморье этноним, не могут вызывать сомнения о его принадлежности к сарматскому этносу, начавшему выходить на широкую международную арену. При этом нельзя игнорировать знания ольвиополитов, которые в декрете отмечают конкретные этнонимы независимых от них племен и объединений, в том числе и скифов, которых они явно хорошо знали.

Таким образом, жизнь Протогена протекала в те годы, когда внешне-политическая обстановка становилась крайне опасной, близкой к той, которая таки случилась, но намного позднее, когда жителям Ольвии пришлось на какое-то время совсем оставить свой город в связи с нашествием гетов под предводительством Буребисты. Естественно, такое тяжелейшее экономическое положение в той или иной мере затронуло все слои населения. Необходимо отметить, что большинство граждан не было аполитичными, а тем более Протоген.

Соответственно всей информации декрета, он не стал ни выдающимся государственным деятелем, ни предводителем военно-политических сил; очевидно, ни разу не избирался в коллегию архонтов или стратегов. Во всяком случае, если бы это было так, то вряд ли ольвийский «летописец» при перечислении его должностей забыл бы отметить и столь важные в государственном строе Ольвии магистратские должности. Первые фразы декрета указывают на генетическую, унаследованную от отца, благосклонность к народу и об его умении говорить — то есть, выступать на народных собраниях с речами — советами и увещеваниями.

Поскольку его отец Геросонт принадлежал к зажиточным гражданам и в городе при его жизни функционировал гимнасий, то Протоген, конечно, получил образование, очевидно, даже высшее, изучал ораторское искусство и прекрасно знал математику. С одной стороны, об этом может свидетельствовать гуманизм его мировоззрения, а с другой — ярко выраженное рациональное мышление, умение удачно и безошибочно проводить сложные финансовые операции не только с целью собственной прибыли, но и для обогащения полиса, улучшения его экономического состояния, освобождения от внешних долгов и т.д.

Декрет, главным образом, информирует об эвергетической и взаимосвязанной с ней политической и финансовой деятельности Протогена. Он был избран членом коллегии Девяти, прерогативой которой являлись полисные финансы, а также на должность казначея (по Латышеву — верховного распорядителя финансами). Он оперировал важнейшими городскими доходами, удивляя своих сограждан справедливостью и мягким поведением с теми, кто вследствие тяжелых экономических обстоятельств не мог выплачивать в определенные сроки подати и долги.

Как показывает автор декрета, он не выгонял из домов (а значит, были такие, что выгоняли за долги) и не отбирал ничего из имущества, — очевидно, что такая практика существовала и являлась закономерной в государственной политике Ольвии. Протогену его филантропия засчитывается как одна из его многих заслуг и, вероятно, совсем незначительных, так как стоит на последнем месте в декрете.

ΕΠΙΤΗΝΙΟΥΛΟΥΑΠΟΔΕΙΞΕΙΕΤΙΔΕΛΟΙΠΗΝΣΟΥΧΗΣ
 ΑΣΥΝΤΕΛΕΣΤΟΥΤΗΣΚΑΤΑΤΟΜΠΟΣΙΟΣΤΥΡΓΟΝΣΧΟΙΙ
 ΝΙΑΙΑΣΕΙΣΤΟΝΕΠΑΝΟΤΟΠΟΝΕΠΙΚΑΛΕΣΑΜΕΝΟΣ[Ο]
 60 ΔΗΜΟΣΗΙΟΥΚΑΙΤΑΥΤΗΝΣΥΝΤΕΛΕΣΑΘΑΙΤΕ
 ΤΑΡΤΗΝΟΥΣΑΝΣΧΟΙΝΙΑΙΑΝΠΡΟΤΟΓΕΝΗΣΔΕΟΥ
 ΔΕΜΒΟΥΛΟΜΕΝΟΣΑΧΑΡΙΣΤΕΙΝΥΠΕΜΕΙΝΕΚΑΙΤΑΥ
 ΤΗΝΤΗΝΤΕΙΧΟΔΟΜΙΑΝΕΙΣΗΜΠΡΟΕΦΗΚΕΧΡΥΣΟΥΣΕ
 ΚΑΤΟΝΕΠΙΤΕΤΗΣΚΟΙΝΗΣΚΟΝΟΜΙΑΣΚΑΙΤΑΜΕΙ
 65 ΑΣΓΕΝΟΜΕΝΟΣΚΑΙΧΕΙΡΙΣΑΣΤΑΣΜΕΓΙΣΤΑΣΤΗΣΠΟΛ
 ΟΥΣΠΡΟΣΔΟΥΣΟΥΔΕΝΑΜΕΝΟΝΤΕΛΟΝΟΝΕΚΤΟΝ
 ΥΠΑΡΧΟΝΤΟΝΕΞΕΒΑΛΕΟΥΔΕΝΟΣΔΑΠΗΛΛΟΤΡΙ
 ΟΥΣΕΟΥΔΕΝΤΟΝΥΠΑΡΧΟΝΤΟΝΣΥΜΠΕΡΙΕΝΕΓΧΘΕΙ
 ΔΕΤΟΙΣΚΑΙΡΟΙΣΑΥΤΟΜΠΑΣΙΤΟΙΣΜΕΝΑΦΕΣΕΙΣ
 70 ΠΟΙΗΣΑΤΟΤΟΓΧΡΗΜΑΤΟΝΤΟΙΣΔΕΣΥΜΠΕΡΙΕΝΕΓ
 ΧΘΕΙΣΧΡΟΝΟΝΟΝΗΒΟΥΛΟΝΤΟΤΟΚΟΝΟΥΔΕΝΑΕ
 ΠΡΑΞΑΤΟΠΛΕΚΤΑΔΕΧΕΙΡΙΣΑΣΤΟΓΚΟΙΝΟΝΤΡΙΑΔΕ
 ΕΤΗΣΥΝΕΧΟΠΑΝΤΑΔΙΟΙΚΗΣΕΝΟΡΘΟΚΑΙΔΙΚΑΙ
 ΟΥΣΤΟΥΣΜΕΝΛΟΓΟΥΣΕΝΤΟΙΣΟΡΙΣΜΕΝΟΙΣΧΡΟΝΟΙΣ
 75 ΠΟΦΕΡΟΝΤΑΔΑΠΟΤΟΜΠΡΟΣΔΟΜΠΙΠΤΟΝΤΑ

Фрагмент декрета
 в честь Протогена.
 По IOSPE. I². 32.

Понятно, что не все ольвийские казначеи могли и хотели за свой счет погашать городские долги. Беднейшим он вообще отпускал долги, другим удлиннял срок уплаты податей без учета процентов. С самого начала, когда его избрали членом Девяти, Протоген внес в государственную казну 1500 золотых статеров в счет будущей прибыли для покупки даров Сайтафарну и скипетроносцам.

В должности казначея Протоген пробыл три года и за это время сумел освободить город от всех долгов и процентов. Из других декретов — например, в честь родосца Гелланика или трех сыновей херсонесита Аполлония, — известно, что в тяжелые времена своей истории Ольвия вынуждена была брать большие кредиты у иноземцев (IOSPE, I², 30; HO, 28, 29, 123, 240; Виноградов, 1989. — С.209). Так, Аполлоний одолжил городу 3000 золотых статеров с условием возвращения долга через несколько лет с процентами, однако ольвиополиты не смогли рассчитаться с ним при его жизни, ибо еще и сыновьям Аполлония пришлось идти на уступки, отсрочить долги и снять проценты, получив в благодарность поставленные памятники и надежду на их возвращение.

В освобождении полиса от долгов проявилась бескорыстность и гуманность Протогена. Вместе с тем, он простил задолженность тем, кто задолжал его отцу, явно уже умершему, и самому себе на общую сумму 6000 золотых статеров. Во время такого тяжелого положения должность казначея являлась важнейшей, почетнейшей и наиболее ответственной в голодающем городе, ибо именно она требовала добродетельного служения демосу, собственной порядочности и бескорыстности, а также разумного проведения финансовой политики.

Об исполнении своих обязанностей Протоген ежегодно отчитывался перед народным собранием и за безупречную работу избирался трижды, хотя такие магистратские должности, как и другие в демократической Ольвии, должны были быть одногодичными. В декрете особенно подчеркнуто, как большая заслуга Протогена, что демос, несмотря даже на конституционные установления, только ему доверил в тяжелое время свои финансовые дела на протяжении трех лет.

Действительно ли в таком случае можно усматривать значительные нарушения ольвийской демократии? Ю.Г.Виноградов полагает, что причина такого отступления от законов кроется не столько в том, что подобные должности требовали больших средств со стороны магистратов, сколько в

том, что по отношению к ним ввиду серьезной финансовой и административной ответственности применялся высокий имущественный ценз, под который уже не подходили средняя и низшая прослойки граждан (1989. — С.219-220). Но не в этом ли, особенно в кризисных ситуациях, был единственный выход для спасения полиса, когда его финансы рискованно было доверять тем, кто не имел собственных средств и мог вместо того, чтобы в казну вносить свои деньги, брать чужие?

Сразу же, как только в Ольвии было налажено финансовое хозяйство, Протоген приостановил исполнение обязанностей верховного казначея. Если бы в данном случае на самом деле произошло серьезное нарушение демократических правовых норм и Протоген стремился бы к захвату власти, то в таком тяжелом положении, в котором находилась ольвийская община, безусловно, ему удалось бы это совершить при помощи подачек, подкупа и обещаний.

Тем более, если бы Протоген действительно был тираном, коммерческим монополистом, мироедом и ростовщиком, каким его иногда представляют некоторые ученые (ср.: Minns, 1913. — Р. 465, 485; Славин, 1959. — С.101; Парович-Пешикан, 1974. — С.153-155; Виноградов, 1989. — С.217 сл.; Яйленко, 1990 а. — С.280), то ему удалось бы исполнять и обязанности главного финансиста полиса, даже не внося в казну свои собственные деньги, а манипулируя финансовыми операциями и распродавая имущество граждан-должников и неплательщиков налогов. Ситуация в Ольвии была очень удачной для захвата власти и установления единоличной тирании. Ведь даже весь эллинский мир был охвачен кризисом и разрушением старых полисно-демократических основ.

Однако в декрете нарисована совершенно иная картина. И представляется, что если бы Протоген олицетворял только черты ростовщика, эксплуататора и монополиста, мы бы никогда не увидели такого документа, который оставили нам ольвиополиты о своем знаменитом гражданине. Очень рискованно сквозь призму лишь одного Протогена делать значительные выводы о том, что в III в. до н.э. руководящие должности занимали только представители богатой знати, если это даже и соответствовало историческим реалиям. Относительно именно такой политической ситуации сохранилось очень мало надежных и конкретных документов.

Кроме финансовой деятельности, Протоген занимался также организационно-строительной. Причем и этот род деятельности был вызван угрозой возможного нападения галато-скиров, а город все еще оставался не обнесенным со всех сторон оборонительными стенами. Демос приглашал всех зажиточных людей помочь и не допустить, чтобы отчизна оказалась под властью врагов, но никто, кроме Протогена, не откликнулся на просьбы и призывы сограждан. Это подчеркивается в декрете и, очевидно, не только для того, чтобы еще больше оттенить самопожертвование Протогена, а скорее потому, что так оно и было, ибо не все люди, где и когда бы они не жили, наделены чертами альтруизма и глубочайшей преданности своему народу и земле.

Выступая на народных собраниях, Протоген пообещал «сам построить две стены» за 1500 золотых статеров и сразу же после этого принес на собрание часть этой суммы в виде залога. Более того, во время строительства стен он лично руководил работами. В результате все это обошлось без убытков для города. Отстроил он также две старые башни возле больших ворот, очевидно, с северного въезда в Ольвию, и прясло стены возле башни Посия. За его счет были отремонтированы житница, где сохранялось общественное зерно на случай неурожая или войны, пилон возле выстав-ки товаров и государственные корабли.

Сколько времени осуществлялось это строительство, в декрете не указывается. Возможно, и прав В.В.Латышев, что при общем патриотическом подъеме демоса перед угрозой нападения галатов их возвели в течение года (1887. — С. 103-110). Но так как слухи об их вторжении в итоге не оправдались, то ольвиополиты зимой занялись другими делами.

При жизни Протогена Ольвия вынуждена была неоднократно выплачивать дань царю Сайтафарну. Судя по всему, подвластное ему племя сайев не подходило непосредственно к самому городу, тем более, не был в нем и царь. Во всяком случае, декрет такого события не отмечает. Не известно даже, на берегу какой реки он останавливался со своими воинами, имел ли в ближайших к Ольвии местах свою базу; где необходимо искать Канкит, в котором проездом остановился Сайтафарн, требуя даров от ольвиополитов.

Посольский кортеж, отправленный к нему из Ольвии, свидетельствует о том, что сайи чаще всего не переходили Гипанис, а, возможно, и Борисфен, так как через эту реку было труднее всего переправляться. Царю достаточно было послать доверенных лиц, чтобы уведомить о своем прибытии за очередным форосом. В нескольких случаях Протогену приходилось давать свои деньги для уплаты дани сарматскому царю, не желавшему пойти на уступки ольвиополитам в связи с их тяжелым положением и практической невозможностью выплачивать форос и преподносить дорогие дары.

Упоминается участие Протогена в очень рискованной посольской миссии к Сайтафарну. Из-за отсутствия средств в городской казне Протоген и Аристократ, взяв свои 900 золотых статеров, отправились к Сайтафарну, однако его не удовлетворила принесенная сумма. Разгневанный царь выступил походом против Ольвии. Текст декрета в этом месте оборван, и вообще не ясно, чем закончилась его угроза. Исходя из того, что о ней так детально рассказывается в почетном декрете, все в конце концов удалось урегулировать в пользу ольвиополитов — естественно, снова-таки с помощью золотых статеров Протогена.

К сожалению, неизвестно, в какую сумму обошлась для него угроза Сайтафарна разгромить его родную Ольвию. В.В.Латышев предполагает, что Сайтафарна не удовлетворила последняя сумма потому, что она должна была быть больше той, которую принесли послы: по договору ольвиополиты платили ежегодную дань, но сайи, находясь на больших расстояниях, прибывали за ней спорадически, и тогда сумма возрастала (1887. — С. 95-97).

Косвенным образом это также свидетельствует о том, что сайи не относились к местным скифам, а время от времени появлялись с востока — по-видимому, из-за Дона, — только за тем, чтобы получить очередной форос. Если это так, то военный отряд Сайтафарна состоял из всадников, был не большим, мобильным, хорошо вооруженным, наводившим страх на всех, кто встречался на его пути или отказывался платить требуемую дань. Какое-то время он явно держал под своим контролем не только эллинов, но и небольшие племена кочевников в Степи.

Много полезного сделал Протоген и в те годы, когда на Ольвию обрушился голод. При жрецах Геродоре и Плейстархе, — а это соответствует двум годам, — с его помощью в полисной житнице было заготовлено достаточное количество хлеба. Удачные финансовые расчеты и услужливость Протогена принесли денежные прибыли и значительное количество хлеба для ольвийского демоса, несмотря на неурожайные годы. За это время Протоген продал в рассрочку и по дешевой цене за год 4500 медимнов пшеницы (около 180 т).

Автор декрета не раскрывает, каким образом Протоген, даже при неблагоприятных климатических условиях, имел столь большое количество зерна: был ли он крупным землевладельцем и земля у него была более

Стела с посвящением Герою Благоклонно Внемлющему, с изображением коллегий ситонов у алтаря и так называемой сцены «заупокойной трапезы». Ольвия. Вторая половина III в. до н.э. **Мрамор.**

плодородной, чем у многих других; или же он закупал зерно по дешевой цене в других областях. Неизвестно также, владел ли он собственными кораблями. Так, для перевозки камня при сооружении оборонительных стен использовались разные частные суда за оплату, пока Протоген не профинансировал ремонт прохудившихся государственных.

Благотворительная деятельность Протогена, согласно декрету, продолжалась на протяжении всей его жизни, хотя и нельзя точно установить хронологию его эвергетики по отдельным годам. Хронист и не ставил перед собой цель раскрыть год за годом все действия эвергета. Отсутствует четкая хронология и в той части декрета, которая размещена на лицевой части плиты. Возможно, в Ольвии не велись ежегодные хроники.

Но так ли важна эта хронология для документа об эвергетии? В первую очередь, в нем отражены важнейшие моменты благотворительной деятельности Протогена, навсегда оставшиеся в памяти ольвийских граждан, и те события, которые происходили в полисе незадолго до его смерти. Он сыграл значительную роль в сохранении независимости Ольвии. Это, прежде всего, постоянное предупреждение нападений Сайтафарна. Экономическая зависимость от этого царя, которому необходимо было периодически платить форос и преподносить дорогие дары, становилась все более обременительной, особенно в те годы, когда наступал сильный голод. Судя по всему, в критических ситуациях, когда Сайтафарн угрожал войной, ольвиополиты вынуждены были отдавать последнее, лишь бы избежать столкновений с варварами. И во многих случаях благодаря Протогену Ольвия сумела-таки выстоять в этом противоборстве.

Много для ольвийского демоса значило и то, что Протоген за 100 золотых статов выкупил священные сосуды, которые архонты заложили иноземцу Полихарму на городские нужды. Когда срок возвращения денег

миновал, он решил переплавить эти драгоценные сосуды из храмовой сокровищницы. Сумма, уплаченная за их возвращение в святилище, была самой маленькой среди всех его пожертвований, однако она отмечена в начале его декрета. Очевидно, как для демоса, так и для Протогена эти сакральные вещи имели особое значение. Они символизировали верность ионийским традициям и полисным божествам. Потерять их — значило бы похоронить в себе и часть того, что духовно соединяло жителей Ольвии и в тяжелейшие времена.

Благодаря Протогену ольвиополиты сумели в голодные годы обеспечить себя хлебом: «И когда при жреце Плейстархе снова случился сильный голод и хлеб продавался по одному и две третьих медимна за золотой статер, но было очевидно, что будет дороже, — как и стал вскоре же продаваться медимн по одному и две третьих золотого, — и потому народ испугался и считал необходимым сделать закупку хлеба, а для этого приглашал зажиточных оказать услуги, Протоген первый, когда состоялось собрание, обещал на закупку хлеба 1000 золотых статеров, которые немедленно принес и дал, из того числа 300 без процентов на год, и, дав всю сумму золотом, получил медью из 400; первый же обещал 2500 медимнов пшеницы, из которых 500 дал по четыре и одной шестой медимна (за золотой статер), а 2000 по два и семь двенадцатых медимна за золотой статер, и, между тем, как другие, предложившие хлеб в это время, немедленно получили следовавшие им суммы из доставленных денег, он, оказав снисхождение на год, получил деньги без всяких процентов, и вследствие этой услужливости Протогена народу было доставлено много денег и немало хлеба...» (*IOSPE. I², 32*). Как видно, и в этой торговой операции Протоген сыграл главную роль, заслужив своей справедливой деятельностью благодарность ольвиополитов.

На оборотной стороне стелы в текст декрета намного чаще вводились союзы «еще же, и, а», указывающие на дополнительные сведения из жизни Протогена, а вместе с тем и всей Ольвии. Здесь упоминаются и давно минувшие события: страх перед наступлением галатов, подготовка всех имеющихся сил для борьбы с ними, срочное строительство оборонительных стен и ремонт старых, освобождение города от всех долгов и погашение таковых собственным кредиторам и должникам отца на общую сумму 6000 золотых статеров. Последняя сумма была довольно значительной для того времени. И если Протогена сравнить с братьями из Херсонеса, которые все же не погасили долг Ольвии их отцу Аполлонию в 3000 золотых статеров, а только сняли проценты, то на их фоне ольвийский эвергет выступает образцом гуманности и справедливости.

В.В.Латышев привел все его заслуги в том порядке, как они, одна за одной, излагались автором декрета (1887. — С. 111, 112). Яркое представление они дают, если сгруппировать их по отдельным признакам.

пп		Количество золотых статеров
	I. Дань и дары сайям	
1	На дары Сайтафарну во время его пребывания в Канките отдал	400
2	На народном собрании, когда сайи пришли за дарами, предложил	400
3	Как член коллегии Девяти в счет будущей прибыли для даров царю и скипетроносцам предложил	1500
4	Для снаряжения посольства в резиденцию Сайтафарна дал Формиону	300
5	Исполняя обязанности посла, уплатил Сайтафарну	300
	II. Выкуп	
6	За заложенные священные сосуды уплатил	100
7	За купленное вино для демоса	300
	III. Продажа хлеба	
8	Продал демосу 2000 медимнов зерна за полцены, потеряв, не учитывая процентов	200

9	Снова продал демосу 2500 медимнов зерна, получив всю сумму медными деньгами, в результате чего потерял, по расчетам В.В.Латышева	2270
10	На закупку хлеба для демоса отдал	1000
IV. Организационно-строительная деятельность		
11	Построил две оборонительные стены	1500
12	За ремонт башен, домов и кораблей в общем отдал	300
V. Погашение долгов		
13	На должности верховного казначея города погашал долги или давал отсрочки, но о понесенных им лично убытках не отчитывался	?
14	На протяжении трех лет избавил город от процентов и долгов за собственный счет	?
15	Погасил долги всем, кто одалживал деньги у его отца или у него	6000

По подсчетам В.В.Латышева, Протоген истратил на пожертвования городу и его демосу более 15000 золотых статеров (50 талантов).

Поскольку в декрете сказано, что он всю свою жизнь «продолжал говорить и действовать лучшим образом», эту сумму (учитывая сложность выяснения действительной хронологии его эвергетики) можно разделить на тот отрезок времени, когда он мог тратить собственные средства на пожертвования. Если предположить, что он прожил минимум 50–60 лет, то приблизительно за 30 лет он вполне мог истратить определенную сумму своих прибылей на эвергетику.

Ни в одном случае автор декрета не намекает на то, что во времена Протогена, при существовании в Ольвии разных социальных прослоек населения, случались такие ситуации, когда какая-нибудь группа людей выражала недовольство своим положением или считала возможным поднять бунт против более зажиточных. Своеобразное насилие над текстом этого декрета, желание с современных классовых позиций увидеть в нем то, о чем, на самом деле, не написано, представляется методически ошибочным. Так, М.Парович-Пешикан стремится убедить, что Протоген погасил все долги лишь потому, что вынужден был пойти на такое самопожертвование, боясь должников и в результате сильных волнений среди незажиточного населения, требовавшего отмены долговых обязательств (1974. — С.155).

Если бы этот эвергет, который на протяжении всей своей жизни помогал соотечественникам, за что неоднократно увенчивался золотыми венками, действительно вынужден был погасить долги, боясь должников, то автор декрета не отметил бы этот факт как одну из важных его заслуг перед демосом. Награждение золотым венком, как видно и из других декретов, происходило на народном собрании и такая почетная награда присуждалась только в том случае, если тот или иной ольвиополит действительно отличился своей деятельностью перед демосом, способствовал его процветанию или героически погиб, защищая своих соотечественников, как Никерат, сын Папия.

Благотворительную деятельность Протогена необходимо оценивать в совокупности. Из многих эпитафических памятников эллинистического времени известно, что именно в этот период наибольшее развитие получила эвергетика разных уровней и в разных государствах (Gauthier, 1985. — P. 5-18). На фоне благотворительности отдельных граждан — главным образом, аристократического происхождения, — среди которых, естественно, были и таковые, которые стремились завоевать славу знаменитых эвергетов или же занять выгодные государственные должности (Трофимова, 1961. — С.63), Протоген выделяется не только своими значительными многолетними и разнообразными пожертвованиями, добротой и благосклонным отношением к согражданам.

Осознание гражданского долга, благочестие и взаимопонимание, что связывали его с демосом, не позволили ему оставить город ни перед возмож-

ным нашествием галато-скиров, когда многие бежали, ни в голодные годы, когда ольвиополиты запасали зерно, ни во времена домогательств дани Сайтафарном и его угроз разгромить и разграбить Ольвию, хотя при его богатстве было совсем не тяжело уехать отсюда и жить спокойно в другом месте. Однако Протоген всю жизнь оставался со своим народом, был гражданином своего полиса. В его декрете названы и другие зажиточные люди, но они даже из меркантильных соображений не следовали его примеру: отмалчивались или же покидали город, чтобы не потерять свое имущество. Исходя из этого, судьба полиса их мало волновала. И на их фоне Протоген также выступает как неординарный деятель и гражданин, строго придерживающийся полисных традиций верности коллективу ольвиополитов.

Именно Протоген принадлежал к тому типу граждан Ольвии, для которых сохранение и независимость полиса были значительно ценнее собственных богатств и благополучия. Во всех отношениях его характер соответствовал смыслу его имени (ΠΡΩΤΟΓΕΝΗΣ — «перворожденный, благородный», «знатный»). Возможно, если бы в Нижнем Побужье сложилась в период его жизни спокойная обстановка и ничто не угрожало городу, эвергетическая деятельность Протогена не проявилась бы с такой последовательностью в каждом отдельном случае, когда действительно необходимо было становиться в первый ряд для спасения населения и от голода, и от Сайтафарна, и от галатов, и от других варваров. Очевидно, в истории Ольвии это был один из важных периодов, потому что он наступил сразу же после небывалого расцвета полиса с его обширной сельскохозяйственной округой, приносившей много доходов. Благодаря Протогену, Ольвии удалось во многом преодолеть экономический кризис. Как никогда до этого, перед ней стоял вопрос выживания и сохранения своих святынь.

В III-II вв. до н.э. здесь жили и другие эвергеты, которые в основном субсидировали строительство оборонительных сооружений, часто посвящая их совместно разным божествам и Демосу, или оказывали другие услуги (Виноградов, 1989. — С.203; Лейпунська, 1990. — С.117-122). В соседних с Ольвией Истрии и Каллатисе, где сложилась сходная экономическая и внешнеполитическая ситуация, тоже осуществлялась эвергетическая деятельность (типа последней) Аристагором, сыном Апатурия, Мегистидом, сыном Пантима, Каллиадом, сыном Каллиада, Диогеном, сыном Диогена, и другими (Stefan, 1974. — S. 653 ff.). Однако их благодеяния, сравнительно с Протогеном, неизмеримо меньше.

Мы не имеем никаких сведений о том, как Протоген проводил свое свободное время, свой досуг, где именно жил и из кого состояло его семейство. Исходя из отдельных косвенных данных лишь гипотетически можно полагать, что он занимал один из наиболее богатых домов в Ольвии. Поскольку он обладал значительными средствами, то устраивал для своих друзей симпозиы, игравшие, как общеизвестно, огромную роль в жизни граждан греческих городов.

Об устройстве таковых в Ольвии свидетельствуют многочисленные так называемые застольные граффити, а также популярность культа Диониса и множество амфор, в которых в Ольвию доставлялись вина из разных центров Эгеиды и Причерноморья. То, что ольвиополитам даже в период кризиса требовалось вино, свидетельствует и декрет Протогена, закупившего его для них за собственные деньги.

В декрете образ Протогена выступает как важный элемент моральной и политической жизни Ольвии, олицетворяя выразительную систему духовных и этических ценностей, в которой большое значение имели защита и пропаганда полисных традиций единства гражданской общины. Заслуженная оценка его деятельности дана В.В.Латышевым, в которой

вряд ли следует видеть какие-либо преувеличения: «Каковы бы ни были оказанные ему почести, они исчезли без следа, но мрамор сохранил благодарное слово сограждан о его заслугах и более двадцати веков спустя воскресил из забвения благородное имя Протогена Ольвийского, который своей самоотверженной преданностью интересам отечества, своей постоянной готовностью отдать последний грош на его нужды невольно внушает к себе глубокое уважение и заслуживает почетного места в рядах самых горячих патриотов всех времен и народов!» (Латышев, 1887. — С.113-114).

Вполне вероятно, что в то время, когда умер Протоген, ольвиополиты не имели возможности поставить ему дорогостоящий памятник, как, например, безымянному освободителю от пиратов острова Левке, Каллинику, сыну Евмела, или позже Никерату, сыну Папия. Не так давно найденная надпись на постаменте статуи конца III - начала II в. до н.э. свидетельствует о том, что внук Протогена Евник, сын Евдора, отслужив должность жреца, посвятил статую своего деда Аполлону Дельфинию (Русаева, Крапивина, 1992).

Таким образом, вполне возможно, что демос не поставил ему в городе посмертную статую, какую он, бесспорно, заслуживал более, чем другие ольвийские деятели, из-за бедности и нового экономического кризиса. В святилище Аполлона Дельфиния была установлена высокая мраморная плита с аккуратно и четко высеченным текстом декрета. Несомненно, что посмертно он был увенчан золотым венком, а над могилой был насыпан курган и установлена надгробная стела. Учитывая все его заслуги перед ольвийским демосом, он был достоин большего.

Возможно, что ольвиополиты действительно сделали все возможное, чтобы надлежащим образом отблагодарить своего эвергета после смерти, однако об этом не сохранилось никаких других документов. Как бы то ни было, но хроника о его деяниях и эвергетии, хотя в ней и отсутствуют чересчур хвалебные эпитеты по сравнению с почетными декретами первых веков нашей эры, осталась навеки его наилучшим памятником, благодаря которому он навсегда вошел в историю эллинов и пополнил сокровищницу античной цивилизации.

Протоген с присущим его характеру и имени альтруизмом и чувством гражданского долга встал на путь сохранения политического суверенитета родного полиса и спасения его населения. Он принадлежал к главным инициаторам и предводителям в возможной оборонительной борьбе против галато-скиров и Сайтафарна. Именно его финансовая политика вывела Ольвию из экономического, — к тому же тяжелейшего, — кризиса и дала хорошие результаты. Его справедливость и умение выходить из критических ситуаций принесли ему популярность и тот ореол славы, каким его отметили ольвиополиты после смерти.

Протоген смог в значительной мере укрепить оборонительную систему города, восстановить контроль над финансами и торговлей, транспортными средствами и даже храмовой казной, намного усилить позиции обедневшего демоса, ставшего его главной опорой в политической борьбе за сохранение отчизны в окружении разных, хотя и небольших, но не менее опасных племенных образований и отдельных группировок, живущих за счет грабежей и вымогательства дани.

Протоген воплощает в себе славный образ ольвийского гражданина, воспитанного в старых полисных традициях и стремящегося во что бы то ни стало сохранить их ради блага всех ольвиополитов — как единого гражданского коллектива. Он наделен разумом, трудолюбием, благородством, энергичностью, способностью быстро принимать решения и даже рисковать собственной жизнью ради общей свободы.

Почетный декрет Протогена — это уникальная хроника о его благотворительной деятельности и ярко выраженной благосклонности к ольвийскому демосу в тесном переплетении со множеством событий, которые в период его жизни происходили не только в самой Ольвии, но и в окружающем ее мире. Эвергетия Протогена и по прошествии двадцати двух веков поражает своим размахом, постоянством и разнообразием, сохраняя за собой первое место в эпиграфике Причерноморья по количеству совершенных им дел и проведенных мероприятий.

Сириск, сын Гераклида

Сириск занимает совершенно особое место среди известных деятелей в Северном Причерноморье античной эпохи. Он — один из немногих писателей, которые жили и творили на своей родине, были преданы полисным и религиозным традициям, стремились следовать отчим обычаям для сохранения единства граждан.

Литературные и исторические произведения североπονтийских сочинителей, которые описывали разные события, происходившие в их время или незадолго до этого, не сохранились. Лишь совсем незначительные, по мнению современных исследователей, дошли в отрывках или сокращенных и переработанных вариантах греческих и римских авторов, например, Полибия, Диодора Сицилийского, Тацита и др.

В лапидарной эпиграфике из античных государств Понта зафиксировано только одно прямое свидетельство об историке в Херсонесе Таврическом второй половины III в. до н.э. Это декрет в честь Сириска, сына Гераклида, состоящий из трех фрагментов, найденных более ста лет тому (*IOSPE. I², 344; Ростовцев, 1915. — С.151-170*). Хотя надпись сохранилась частично, она в общем дает представление об основных фактах, которые были изложены в сочинении Сириска: «Гераклид, сын Парменонта, предложил: поскольку Сириск, сын Гераклида, явления Партенос трудолюбиво описав, прочитал и про отношения к царям Боспора (рассказал) и бывшие дружественные отношения с городами исследовал (согласно достоинству народа, — то, дабы он получил) достойные (почести), пусть постановит совет и народ похвалить (его за это, и симмномам увенчать его золотым венком в Дионисии) в 21-ый день, и быть провозглашению: «Народ венчает Сириска, сына Гераклида, за то, что он описал явления Партенос и бывшие (дружественные отношения с городами и) царями исследовал правдиво и согласно с достоинством государства. Написать симмномам на (каменной) плите народное постановление и выставить в пронаосе храма Партенос...» (*IOSPE. I², 344*).

Детальный комментарий этого декрета М.И.Ростовцевым был в основном принят всеми исследователями Херсонеса, разногласия касались городов, с которыми Херсонес установил дружественные отношения, и отдельных аспектов культа Партенос (ср.: *Толстой, 1918; Ростовцев, 1915*).

Херсонесский декрет занимает уникальное место в источниковедении Северного Причерноморья античной эпохи. Он важен не только сведениями об историке, описавшем религиозные явления в культе верховного божества Херсонеса, но и исследованием дружественных отношений с разными городами и царями. Как и другие писатели в Элладе, Сириск прочитал свое сочинение херсонеситам, собравшимся в театре. Поскольку он объективно исследовал все факты и описал так, чтобы не унижить достоинство своего полиса во взаимоотношениях со всеми городами, показал, как Херсонес

постоянно стремился проводить справедливую политику, его наградили золотым венком, а стелу с декретом поставили в пронаосе храма Партенос.

Последнее считалось особенно почетным и разрешалось только в редких случаях для декретов наиболее отличившихся деятелей. Вполне вероятно, что в благодарность за все это он подарил свой золотой венок в храм своей любимой богини, в защитные силы которой, несомненно, верил и своим сочинением убежденно пропагандировал эту веру среди сограждан.

Декрет относится ко второй половине III в. до н.э. Это был уже тот период в истории Херсонеса, когда он полностью потерял свою обширную сельскохозяйственную округу в Западном и Северо-Западном Крыму (Шеглов, 1978; Виноградов, Шеглов, 1990; Сапрыкин, 1986). Уже в первой трети III в. она подверглась разрушениям вследствие нападений кочевых орд скифов и сарматов (Виноградов, Шеглов, 1990. — С.361-362 с лит.; Виноградов, 1997). Таким образом, Сириск жил тогда, когда экономический расцвет Херсонеса оставался позади, и о нем вспоминали, как о величайшем благе, тем более, если в городе все еще стояла бронзовая статуя Агасикла.

Сириск был сыном того Гераклида, который на собрании предложил наградить его золотым венком. Он принадлежал к зажиточной и влиятельной семье, исполнял разные магистратские должности. Именно при нем и, очевидно, под его воздействием начали уделять больше внимания культу Партенос. Не исключено, что он являлся и инициатором написания сочинения Сириском, которое бы послужило оправдательным документом для тех херсонесских политиков, которые в связи с потерей хоры не могли наладить торговые связи для получения прибыли и экономического благосостояния полиса.

Общеизвестно, что в кризисных ситуациях мировоззрение людей претерпевает изменения: многие пытаются найти виновников собственных несчастий, увеличиваются магические верования, нередко одни культы божеств заменяются другими и т.д. Очевидно, в тяжелые времена в Херсонесе перестали верить во всемогущество главной патронессы Партенос, и ее почитателям, в особенности служителям святилища, необходимо было упрочить значение ее культа в государстве, продемонстрировать сотерические свойства. Косвенным образом это видно из другого декрета этого же времени, в котором прямо указывается о спасении этой богиней множества херсонеситов, вышедших для сбора урожая, от внезапного вторжения варваров (IOSPE. I², 343; Виноградов, 1997 — с лит.).

Чудесные знамения Партенос были связаны с нашествиями варваров и ее непосредственным участием в спасении херсонеситов (Ростовцев, 1915. — С.157; Толстой, 1918. — С. 102-104; Русяева А., Русяева М., 1999). Сириском были собраны все случаи, когда и где проявилась божественная и мудрая сила их божества. Все записи об эпифаниях Партенос, несомненно, хранились в храмовых хрониках, поскольку святилища всегда заботились о своем процветании и славе, авторитете главной богини — покровительницы полиса.

В сочинении Сириска были описаны все знамения Партенос. В его почетном декрете они поставлены на первое место. Это единственная — возможно, начиная со времени основания Херсонеса, — надпись в Причерноморье, в которой отмечено в краткой форме о создании религиозно-исторического сочинения. Поскольку чудесные знамения херсонесской патронессы должны были быть связаны с экстраординарными событиями в жизни полиса (чаще всего военные столкновения с варварами, неурожайные годы, другие экологические бедствия на море и суше), то Сириск, естественно, в каждом случае так или иначе отмечал, когда, как и в связи с чем проявилась чудесная сила Партенос, благодаря которой происходило спасение или выздоровление.

Сочинение Сириска было рассчитано на граждан, хорошо знавших основные свойства своей богини и пытавшихся поднять ее культ в государстве на более высокий уровень, доказать всем тем, кто начал его игнорировать, силу и возможности именно Партенос, ее связь со всеми сферами жизни херсонеситов. Историк сумел не только написать сочинение в ее защиту, но и прочитать перед своими согражданами. Возможно, он владел ораторским искусством, его произведение понравилось слушателям, так как было вынесено постановление о награждении его золотым венком, который, как и на памятнике Агасикла, изображали на фронте стелы с его декретом.

Правда, некоторые сомнения относительно его талантов сочинителя и оратора возникают потому, что вознаграждение за сделанное им было предложено его отцом, бывшем в должности магистрата. Исходя из надписей и монет, он был хорошо известным и влиятельным деятелем в своем полисе. М.И.Ростовцев отмечал, что аналогичная ситуация, когда отец выдвигает своего сына как автора к награждению, зафиксирована Линдийской хроникой (1915. — С.153). Весьма любопытно, что и в данном случае речь шла об эпифаниях богини Афины Линдийской, которые описал известный в позднеэллинистическое время филолог и поэт Тимахид, сын Агеситима, а его отец предложил увенчать его как почетного гражданина за научный труд (*Blinkenberg, 1912. — S.322-348*). Как и в Херсонесе, хроника сохранялась в храме, где служила для подтверждения «реальности» чудесных знамений Афины, что имело большое значение для развития ее культа и обогащения святилища. В двух случаях они относились к военным победам греков в битвах с персами и Деметрием Полиоркетом.

В херсонесском декрете не отмечается, с какими же событиями или военными действиями связывались эпифании Партенос. Однако, как уже отмечалось, из более раннего декрета, изданного тоже во время правления Гераклида, можно понять, что таковые в наибольшей степени проявлялись в критических ситуациях — во время борьбы с варварами. Так, наиболее четкое представление о чудесах Партенос дает более поздний декрет конца II в. до н.э. в честь Диофанта, в котором прямо указывается, что в войне против Палака «постоянная покровительница херсонеситов Партенос, и тогда содействуя Диофанту, посредством случившихся в святилище знамений предзнаменовала имеющее совершиться деяние и вдохнула смелость и отвагу всему войску; когда Диофант сделал разумную диспозицию, последовала для царя Митридата Евпатора славная и достопамятная на все времена победа» (*IOSPE. I², 352*).

Этот важный для уточнения роли Партенос отрывок из Диофантова декрета — первое прямое свидетельство того, что она являлась исконной покровительницей Херсонеса, его сакральной основательницей и постоянной простатой — защитницей. Богиня также все время содействовала успешным военным действиям Диофанта, в войске которого находились сильнейшие из херсонесских граждан. Накануне его очень важной битвы произошли знамения, интерпретированные жрецами как самые благожелательные. Слух о Партенином предзнаменовании прокатился среди воинов, а скорее всего, был специально провозглашен, чтобы вдохнуть в их души смелость и уверенность в победе. В чем конкретно проявилась эта эпифания, с какими символами или природными явлениями она связывалась, декрет умалчивает (см. *подроб.: Русяева А., Русяева М., 1999*).

Это свидетельство об исключительной вере в помощь Партенос в битве со скифами после того, как были описаны Сириском ее предыдущие знамения, — бесспорное свидетельство того, что его сочинение оказало и впоследствии оказывало большое воздействие на херсонеситов. Возможно, оно изучалось в школе, или отрывки из него читались на празднествах

в честь этой богини, но ясно, что херсонеситам постоянно с детских лет внушалась вера в особую силу их главного божества. А это в определенной мере свидетельствует о том, что Сириску на самом деле пришлось много поработать, чтобы собрать разнообразные сведения о Партениных эпифаниях, связать с реальными историческими событиями и доходчиво разъяснить, каким образом они происходили. По всей видимости, сам историк был глубоко верующим человеком, и в его роду пропагандировался культ Партенос как богини, способствующей удачам и процветанию его членов.

Вообще, вера эллинов в то, что их победы в войнах и собственных делах происходят не благодаря им лично, а с помощью и непосредственным участием божеств, пронизывает всю их религию, начиная с Гомера, в эпосах которого ярко воспеты случаи, как боги воюют наравне и совместно с героями. Божества-спасители — одно из важнейших проявлений общеэллинского менталитета, характерной чертой которого являлось стремление наделить своих божеств чудесной силой и способностью помогать человеку в критических ситуациях. Разумеется, пропагандой таких качеств божеств, в первую очередь, занимались жрецы.

В эллинистическое время даже знаменитые Дельфы провозгласили на весь мир, что, если бы не божественная сила их величественной триады (Аполлона, Артемиды и Латоны (иногда Афины)), то в 278 г. до н.э. их святилище было бы разрушено и разграблено галатами. После такого заявления Дельф сюда нахлынуло огромное количество даров от греческих полисов и отдельных граждан, даже царей эллинистических восточных государств (*Flaciliere, 1937; Heinen, 1972; Nachtergaele, 1977*). Во всех храмах велись специальные записи как религиозного, так и исторического характера. Безусловно, жрецы храма Партенос в Херсонесе занимались этим же. Здесь Сириску были предоставлены все имеющиеся материалы из храмовых хроник. По-видимому, в какой-то степени инициатива о создании такого сочинения шла от жрецов этой богини, поэтому и почетный декрет в честь историка был установлен в самом храме, и все расходы на его чествование были покрыты за счет священной казны.

Не менее интересным является и то, что Сириск «исследовал правдиво» (ΙΣΤΟΡΗΣΕ ΑΛΑΘΙΝΩΣ) государственные отношения Херсонеса с городами и царями. М.И.Ростовцев и другие ученые считали, что в сочинении описывались связи, существовавшие при жизни Сириска (*Ростовцев, 1915. — С.157; Белов, 1948. — С.74; Сапрыкин, 1986. — С.167*).

Тем не менее, термин ΙΣΤΟΡΗΣΕ, который употреблен в декрете об отношениях с городами, в отличие от ΕΓΓΡΑΨΕ, наталкивает на мысль о том, что Сириск действительно изучил развитие экономических и политических контактов Херсонеса на протяжении определенного промежутка времени, а не только те, что существовали в его время, когда он писал книгу. Ведь важно было подчеркнуть, что в период своего расцвета, когда херсонеситы широко почитали свою богиню и приносили много даров в ее святилище, она проявляла заботу об их благополучии и способствовала налаживанию дружественных отношений со многими городами и соседними царями.

Соединение в одном документе религиозных и политических дел, видимо, не случайно. Поскольку эпифании Партенос сопоставлялись с победами херсонеситов и их военными действиями, то, соответственно, они касались и тех городов, племен, отдельных царей, одни из которых могли воевать с Херсонесом, а другие поддерживали его в этой борьбе.

М.И.Ростовцев полагал, что Сириск описал дружественные связи Херсонеса с южнопонтийскими городами — прежде всего метрополией Гераклеей, а также Синопой, Амисомидр. (*1915. — С.157*). С.Ю.Сапрыкиным выдвинута совсем другая концепция (*1986. — С.167*). Так как в начале III в.

Сцена прощания матери с дочерью, перед ней — Гермес и Харон в лодке. Полихромная ваза. Ольвия. III в. до н.э.

Гераклея поддерживала интенсивные торговые отношения с Египтом и союзниками Северной лиги, то точка зрения М.И.Ростовцева представляется неубедительной.

Контакты с Гераклеей в III в. менялись в соответствии с тем, как менялось развитие торговли хлебом в Средиземноморье; чаще всего они были не совсем дружественными (Сапрыкин, 1986. — С.170-174). Херсонес, потерявший свою хору, не мог поставлять в свою метрополию необходимое количество зерна, и все ее интересы были направлены тогда на крупнейшего поставщика хлеба — Египет. Поэтому с дочерним полисом связи были совсем испорчены. Херсонес ориентировался в основном на Ольвию, западно-понтийские города — Истрию, Каллатис, Родос, Делос, Дельфы — и некоторые государства Восточного Средиземноморья, а также Боспор, особенно при Евмеле, Спартоке III и Перисаде II (Там же. — С.174).

Однако, если исходить из того, что Сириск описал «дружественные» отношения с городами и царями, существовавшие не только в III в., а и в предыдущие времена, то не может быть сомнения в том, что на первое место в его сочинении были поставлены взаимосвязи и с Гераклеей. Ведь не случайно в декрете отмечено, что он отразил их правдиво, но в соответствии с достоинством своего государства: то есть, в тех случаях, если контакты прерывались или нарушались, Сириск пытался оправдать Херсонес, показать его в выгодном свете, находя достоверные причины для доказательства того, что его полис поступал справедливо, по договоренности. Вполне вероятно, что им правдиво описывалась и вся история отношений с метрополией.

Если С.Ю.Сапрыкин прав в том, что после того, как Херсонес из-за нападения варваров потерял свою обширную аграрную зону, Гераклея разорвала с ним связи, то Сириск тем более показал свой полис как такой, который не мог себя обвинять в нарушении исконных договоров. То, что случилось с Херсонесом, можно было считать величайшим бедствием, и гераклеоты понимали, что в похожей ситуации мог оказаться любой город.

Известно, что в III в. до н.э. все причерноморские государства поддерживали торговые связи с Александрией Египетской, и диктовались они, очевидно, потребностями в хлебе. Вряд ли в стороне от этого находился Херсонес. Как и все другие города, в тяжелый кризисный период он также нуждался в привозном зерне, которое могло доставляться если не прямо из Египта, то через Ольвию или Боспор. В декрете указывается, что Сириск исследовал и отношения с царями Боспора. Как раз в тот период, когда

жил этот историк, в частности при Перисаде II, между Боспором и Египтом установились дружественные связи. Более того, туда было отправлено посольство этого царя, сведения о котором сохранились в известном документе — папирусе 254 г. из архива Зенона (*P.Lond.* 7, 1973).

Вместе с тем, не так давно стало известно на основании фрески с рисунком военного египетского корабля IΣIΣ и разных граффити из святилища в Нимфее, что близко к этому времени какое-то египетское посольство побывало и на Боспоре (*Грач, 1984*). Считается, что Птоломеи стремились установить дружеские отношения с боспорцами, чтобы заручиться их поддержкой в борьбе за торговое преимущество в Восточном Средиземноморье (ср.: *Трофимова, 1961; Will, 1966. — P.166-170; Трейстер, 1985; Литвиненко, 1991 с лит.*). Тем более, что между ними никогда не существовало торговой конкуренции из-за экспорта хлеба.

При этом важно, что как раз в Херсонесе и в Ольвии найдено много так называемых «ваз Гадра» III в. до н.э., служивших урнами, производства Александрии Египетской, а также птоломеевских перстней (*Шургая, 1965; Литвиненко, 1991. — С.15 сл.*). Эти вещи связываются с военными наемниками. Однако, трудно установить, кем именно были эти наемники: либо херсонесскими мужчинами, которые какое-то время охраняли территории, принадлежащие Птоломеям, или воевали на их стороне, а потом возвратились с этими вещами на родину, либо, наоборот, Херсонес по договору с египетскими правителями нанимал у них солдат для обороны города от варваров. Но как бы там ни было, а из археологических источников видно, что между Египтом и Херсонесом какое-то время существовали определенные отношения.

Таким образом, исходя из всего сказанного, Сириск, скорее всего, исследовал бывшие отношения Херсонеса со многими городами и царями. Сюда входили не только близлежащие государства, но, прежде всего, его метрополия Гераклея и другие центры Понта и Эгеиды. Поскольку одновременно историк писал об эпифаниях Партенос с целью возвеличить ее культ и авторитет в государстве, то он не мог обойти связи с Делосом и Дельфами (*Тюменев, 1938*).

Имеющейся в нашем распоряжении информации о личности Сириска крайне мало, чтобы о нем можно было бы составить какое-то четкое представление. Безусловно, он принадлежал к известной в городе семье, был образованным настолько хорошо, что взялся за литературно-исторический труд и справился с его выполнением, раз был удостоен почетного декрета и награждения золотым венком.

Вместе с этим возникает вопрос: чем можно объяснить, что он занялся именно эпифаниями Партенос и отношениями Херсонеса с другими государствами? Известно, что обращение к мистическим явлениям и магии в религиозной сфере никогда не бывает случайным, оно вызвано чаще всего критической обстановкой, сложившейся в государстве, святилище, жизни человека или группы людей (*Luck, 1987*). В данном конкретном случае представляется, что Сириск написал свое сочинение об эпифаниях Партонос не ради своего удовольствия, а из-за необходимости поднять авторитет святилища верховной покровительницы, а вместе с этим и своего рода, который явно всегда был приверженцем ее культа. Во всяком случае, такое впечатление создается как из рассмотренного декрета, изданного по предложению его отца, так и других эпиграфических памятников, где также фигурирует имя Гераклид (*Ростовцев, 1915. — С.156-157; Виноградов, 1997*). В это время он занимал видное место в городе и по роду своих обязанностей должен был заботиться о благосостоянии своей общины, лишенной бывших больших доходов из-за утраты аграрной зоны и прекращения обширной торговли вином.

Терракотовая статуэтка Матери богов (Кибелы).
Ольвия. III в. до н.э.

Городские укрепления на монете.
Пантикапей. Нач. II в. н.э. *Медь*.

Херсонеситы хорошо помнили те прекрасные времена, когда к ним приезжало множество торговцев и они сами имели возможность торговать даже с самыми отдаленными городами, уж тем более соседними. Как это всегда происходит в кризисных ситуациях, многие из них не могли не обвинять свои руководящие органы в таком бедственном положении. Очевидно, Гераклид, как один из лидеров демократической партии, посчитал наиболее рациональным в создавшейся обстановке обратить внимание своего народа на служение Партенос, как и в былые времена, когда ее святилище обогащалось благодаря приношениям и дарам ее почитателей.

Вероятно, были и другие причины, вследствие которых в Херсонесе именно сыном Гераклида было написано специальное сочинение. Это уникальное явление не только в истории античной Таврики, но и всего Причерноморья можно объяснить и тем, что в религиозно-политической сфере здесь началась борьба между приверженцами культа Партенос, с одной стороны, и Геракла, с другой. Как раз в пределах второй и последней трети III в. до н.э., — то есть, во время написания Сириском своего сочинения, — традиционные до этого изображения Партенос разных типов на лицевой стороне херсонесских монет заменяются головой Геракла в львиной шкуре — героя-основателя и главного патрона Гераклеи Понтийской (Зограф, 1950. — С.147-150; Анохин, 1977. — С. 26-27; Сапрыкин, 1986. — С.167). Такая резкая, хотя и кратковременная, смена образов божеств на монетах, естественно, была вызвана какими-то событиями в полисе. В.А.Анохин допускал, что Херсонес в это время входил в Северную лигу (1977. — С.37-39); С.Ю.Сапрыкин усматривает в этом возобновление тесных отношений с метрополией (1986. — С.170).

Однако, вряд ли стоит забывать, что эти два культа со времени основания Херсонеса постоянно как бы противодействовали друг другу, что красноречиво отражено не только монетной символикой IV-III вв. до н.э., но и множеством местной вотивной скульптуры Геракла, особенно на хоре последних лет ее существования. Все это свидетельствует о том, что в Херсонесе постоянно находилась определенная группировка граждан, считавшая своим гентильным покровителем Геракла и стремившаяся уменьшить роль Партенос и ее святилища в государстве. Однако экономическое положение с расширением культа этого всемогущего героя не изменилось.

Гераклид, хотя и носил теофорное имя Геракла, — очевидно, во время рождения его отец Парменонт также находился среди особых привержен-

цев этого бога-героя, — стал решительным пропагандистом почитания Партенос и ее мистической силы, способной защитить Херсонес и принести ему благополучие, если его граждане вновь обратят внимание на нее и ее предзнаменования (ср.: *IOSPE. I², 343*). В синхронной времени декрета Сирика надписи впервые сделано особое ударение на том, что эта богиня всегда спасала херсонеситов, а поэтому необходимо хорошо ей служить и чтобы весь демос почитал ее необходимыми дарами.

Для того, чтобы еще больше поднять авторитет и значение ее культа, а вместе с ним и исконно полисно-демократические традиции, Сирик написал свое сочинение. Обращением к теме эпифаний Партенос и бывших отношений с городами и царями он утверждал ценность и важность культурно-религиозного и исторического прошлого своего государства. Судя по истории дальнейшего развития Херсонеса и культа его главной богини, сочинение Сирика, безусловно, оказало влияние на граждан. Партенос снова поднялась на самый высокий уровень своего развития, а культ Геракла становился все менее популярным.

Не исключено, что сочинение Сирика также способствовало новому подъему культурно-политических и экономических взаимоотношений Херсонеса с демократической Ольвией, богатые граждане которого оказывали ей в трудные времена финансовую помощь. Любопытно, что вместе с их благожелательностью в Ольвии получил распространение и культ Партенос. В дальнейшем, как будет рассмотрено ниже, уже ольвийский гражданин Никерат, сын Папия, специально прибыл в Херсонес Таврический и сделал все возможное, чтобы умиротворить херсонеситов. Так что Ольвия и Херсонес на протяжении веков поддерживали добрососедские отношения.

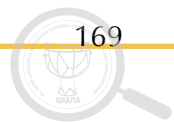
Гигиенонт

Из многих правителей Боспорского государства эллинистического времени наиболее загадочным остается Гигиенонт. Если все боспорские цари, начиная со Спартока I и кончая Перисадом V, бесспорно, принадлежали к династии Спартокидов, сохранявших родовые имена, то Гигиенонт, по мнению отдельных исследователей, резко выделяется среди них не только именем, но и титулом. Эта несовместимость породила в науке совершенно противоположные взгляды на время его правления, происхождение и государственный статус.

В отличие от других деятелей, о нем не осталось никаких литературных и эпиграфических источников, которые могли бы помочь так или иначе выяснить характер его личности, за исключением клейм на черепице и монет его чеканки (Анохин, 1986. — С. 142; 1999, с. 89-90; Молев, 1994. — С. 9-16 — с лит.).

Главные вопросы, весьма существенные для выяснения политического статуса Гигиенонта и времени его правления, — это вопросы хронологии и символики его монет. Можно с уверенностью сказать, что до настоящего времени дискуссионным остается определение датировки его монет. Отсутствие абсолютной хронологии дает основание разным исследователям манипулировать ими в том направлении, какое наиболее соответствует их взглядам на историю Боспора времени последних Спартокидов.

К последним десятилетиям III в. до н.э. (приблизительно 220-200 гг.) монеты Гигиенонта относили В.В.Шкорпил, А.В.Орешников, М.И.Ростовцев, В.Ф.Гайдукевич, Б.Н.Граков, А.Н.Зограф, Д.Б.Шелов, В.А.Анохин, Е.М.Алексеева и др. (см. лит.: Шелов, 1956; Анохин, 1986; 1999; Алексеева, 1997). Более растянутая датировка (II в.) определялась А.Л.Бертье-Де-

лагардом, Э.Миннзом, Р.Вернером, К.В.Голенко, П.О.Карышковским. Не меньше исследователей датировали эти монеты и I в. до н.э. (*Ф. Имгоф-Блумер, Б.Хед, П.О.Бурачков, Т.Рейнак и др.*).

В самое последнее время определены и три более узкие датировки: около 215–205 гг. до н.э. (*Анохин, 1999. — С. 89*), приблизительно 145–130 гг. (Молев, 1994. — С.22) и тоже приблизительно 108–100 гг. до н.э. (*Яйленко, 1990а. — С.307*). Однако и в данном случае наблюдаются существенные расхождения. Если Е.А.Молев считает, что имеются все признаки на монетах, чтобы время правления Гиgienонта поставить непосредственно перед Перисадом V — последним боспорским царем из династии Спартокидов, то В.П.Яйленко, наоборот, усматривает в нем правителя, поставленного Митридатом VI Евпатором уже после смерти Перисада V и после подавления восстания Савмака (*ср.: Молев, 1994. — С.10–13; Яйленко, 1990 а. — С.307*). Первый из них выводит приведенную выше дату после анализа всех монет и клейм на черепице, второй — путем сравнения с более поздним правлением Асандра.

И совершенно в ином направлении, без учета этих взглядов, решает вопросы прихода к власти Гиgienонта В.А.Анохин, считая, что он женился на супруге Левкона II Алкатое после его убийства и был избран архонтом на Народном собрании Пантикапея. Поскольку его уникальный золотой статер чеканен по образцу статеров лисимаховского типа, снабжен надписью *APXONTOS YΓIAINONTOS* и изображением Афины, под которым помещен трезубец, как и на монетах Византия около 215–210 гг., то это не расходится с предполагаемой датой его правления около 215–205 гг. до н.э. (*Анохин, 1999. — С.89*).

Итак, вопрос остается открытым, и вряд ли при наличии только имеющихся сейчас и крайне ограниченных источников будет в ближайшем будущем установлен консенсус между исследователями и общепринятая хронология нахождения у власти Гиgienонта, точно также, как и его происхождение.

Однако, имеется ряд данных — к сожалению, косвенных, — на которые обращалось мало внимания, или же они вовсе не затрагивались исследователями. Конечно, Ю.Г.Виноградов прав в том, что время правления архонта Гиgienонта можно решить лишь после нового детального анализа как его монет, так и археологического материала, в частности все тех же клейм в контексте с другими источниками (*1987. — С.65*). После именно такого примечания этого ученого Е.А.Молев и В.А.Анохин снова сделали попытки установить верную дату выпуска Гиgienоновых монет и черепицы (*1994. — С.12 сл.; Анохин, 1999. — С.89–90, 200, 204*), что все равно привело к значительным расхождениям в установлении не только хронологии, но и происхождения этого неординарного правителя.

При рассмотрении клейм на черепице Е.А.Молев чересчур прямо подчинил их хронологии погребального комплекса Артюховского кургана, потому что в нем была обнаружена гидрия, сходная с сосудом из одного боспорского захоронения, где находилась и черепица с клеймом Гиgienонта. На основании только этого факта, — все другие клейма встречались случайно и не связаны с хорошо датированными комплексами, — Е.А.Молев сделал окончательный вывод о том, что могилу можно датировать третьей четвертью II в. до н.э., а соответственно этому, и клейма Гиgienонта. Таким образом, с датировкой монет была синхронизирована и черепица, что, в общем, не вызывает доверия: сосуды типа гидрий с Артюховского кургана и боспорского погребения с черепицей нельзя считать таковыми, что дают право для определения не вызывающей сомнения абсолютной хронологии правления Гиgienонта.

Как бы то ни было, но пока что отсутствуют надежные критерии, которые бы позволили с точностью до десяти лет датировать позднеэллинисти-

ческие типы керамики. А вместе с этим не имеется достаточно надежных источников, чтобы с уверенностью относить время правления Гигиенонта то к одному, то другому веку, тем более, к столь точным, вышеуказанным датировкам. Во всех вариантах возможны только предположения.

Между тем, в чеканке монет Боспорского государства наблюдаются весьма интересные явления, которые, в определенной степени, могут помочь в установлении — естественно, гипотетически, — приблизительной даты нахождения у власти Гигиенонта. В отличие, например, от эллинистического Востока право чеканки монет из драгоценных металлов, особенно во времена ранних Спартокидов, принадлежало гражданской общине Пантикапея, хотя вряд ли они всегда стояли вне этого важного дела в их государстве.

Ситуация изменилась, когда боспорским царям стало хорошо известно, что только правители в восточных и западных государствах выпускают монеты с собственными именами и портретами, демонстрируя тем самым свою роль в государственной политике, экономике и религии. Очевидно, после этого они начали постепенно заимствовать такую систему, однако полностью прибрать к рукам денежное хозяйство Пантикапея им так и не удалось. Хотя Спартокиды могли к этому и не стремиться, поскольку их предками были установлены права для граждан столицы, в том числе и чеканка монет. Поэтому, наряду с выпуском царских монет, чеканились, как и раньше, монеты от имени гражданской общины Пантикапея, в чем, бесспорно, необходимо усматривать уважение и поздних Спартокидов к полисным традициям.

Общеизвестно, что до царствования Левкона II прерогатива выпуска монет принадлежала преимущественно гражданской общине Пантикапея, реже монеты чеканились от имени других полисов. Только Левкон II впервые выпустил медные монеты, на которых стояли его имя и титул — ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ, а также надчеканил бывшие в обращении монеты (ср.: Анохин, 1986. — С.56-57; Молев, 1994. — С.67 — с лит.).

Прежде всего, обращает внимание применение совершенно новой символики, которую действительно можно связать как с военно-наступательным, так и оборонительным характером действий или намерений царя: голова Геракла с атрибутами героя — палкой и луком; а на других — голова Афины и молния, щит и копье, а также меч (Анохин, 1986. — С.56, 141; 1999. — С.87-88). На основании этих монет В.А.Анохин считает, что это была специальная акция царя, связанная с какими-то военными мероприятиями. Вместе с тем Левкон II улучшил экономическое положение в государстве и качественно влиял на монетное дело во время денежного кризиса; он первым из боспорских правителей решил приспособить свою монетную систему к денежному рынку городов Левого Понта, Пропонтиды и Малой Азии.

Обращение к Афине — верховной патронессе и владычице Афин — представляет также особый интерес. До него ни Пантикапей, ни другой полис на Боспоре на монетах не демонстрировал образ Афины с защитными атрибутами. Сравнительно с другими богами, ее культ как будто не имел особой популярности в государстве. В связи с какими-то событиями Левкон II решил усилить культ Афины, а вместе с ним и культ Геракла. На наш взгляд, приверженность царя к этим культам, скорее всего, объясняется возрождением тех традиций, которые существовали при его предке Левконе, именем которого он был назван и при котором были установлены наиболее тесные взаимоотношения между афинянами и боспорцами. Символика на его монетах носит не экспансионистский, а оборонительный характер. В Афинах и Геракле Левкон II стремился найти защиту от внешних, а возможно, и внутренних врагов.

Левкону II удалось все-таки отстоять свои земли при одном из набегов варваров и новом подчинении Феодосии, которая, очевидно, воспользо-

вавшись критическим состоянием дел на Боспоре, объявила о своей автономии, выпустив самостоятельные монеты. Правда, считается, что, наоборот, Левкон II с целью стабилизации курса медной монеты и упразднения денежного кризиса разрешил феодосийцам выпустить собственные монеты (ср.: Шелов, 1960. — С.36-37; Анохин, 1986. — С.57; Молев, 1994. — С.71-72). Однако их постоянное стремление к свободе и особое положение в государстве не исключает и того, что между Левконом и феодосийцами существовали более сложные отношения. На протяжении его царствования могли происходить и разные изменения как во внешней, так и внутренней политике Боспорского государства.

Не сохранилось ни одной лапидарной надписи, указывающей на титулатуру этого царя, что может быть свидетельством его непродолжительной деятельности. Известно лишь, что в царствование своего отца Перисада II, именовавшего себя еще традиционными титулами архонта и царя, Левкон служил жрецом в храме Аполлона Иетроса (*КБН*, 25) и стал царствовать, будучи в зрелом возрасте. Любопытно, что при нем на монетах пантикапейской общины больше, чем в предыдущий период, изображалась голова Аполлона и его атрибуты — треножник и дельфин. Эти символы также свидетельствуют о продолжении связей с панэллинским святилищем Аполлона в Дельфах, куда были посланы дары отцом Левкона II Перисадом II и вследствие чего столь большое внимание отдавалось культу этого бога. В данном аспекте ясно, что даже наследник царского престола на Боспоре должен был служить в его храме жрецом.

Продолжительность правления Левкона II не выяснена даже приблизительно. По одним гипотезам, он правил 30 лет (*Молев, 1994. — С.22*), по другим — 20 или 10 (*КБН. — С.832; Анохин, 1999. — С.236*), по третьим — всего лишь около года (*Яйленко, 1990 а. — С.304, прим. 162, 307*). Однако все эти вычисления не выходят за рамки второй половины III в. до н.э.

Следующий за ним царь Спарток V также чеканил собственные монеты. Правда, сохранилась лишь одна серебряная монета, на которой изображена мужская голова в диадеме — очевидно, идеализированный образ самого царя, а на обороте — горит и трезубец с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ (*Анохин, 1986. — С.142*). Таким образом, впервые в монетной чеканке Боспора появилось изображение царя. Акт открытого признания своей личности, нарушение родовых традиций и стремление наследовать царям эллинистических монархий указывают на то, что он хорошо знал, каким образом там правят политики и к чему они стремятся.

Следует отметить, что время царствования Спартока V определено условно, как и хронология его наследников. В датировках правления разных царей — вообще множество расхождений. Не меньше их и в том, кто за кем занимал боспорский престол (ср.: *Анохин, 1986; 1999; КБН — С.832; Виноградов, 1987; Яйленко, 1990; Молев, 1994*). Как уже отмечалось, самым значительным перемещением среди них подвергся именно Гигиенонт.

Представляется, что имеются некоторые основания, чтобы поставить его сразу после Спартока, который явно правил крайне непродолжительное время и оставил малолетних наследников. В настоящее время отсутствуют какие-либо противоречия в том, что чеканка монет и изготовление черепицы от имени Гигиенонта не могли бы относиться к первым десятилетиям II в. до н.э. Как места ее обнаружения, так и характер клейм имеют настолько относительную датировку, что вряд ли стоит, как это делает Е.А.Молев, синхронизировать ее с одним сосудом, а тем более разновременным комплексом Артюховского кургана.

Для понимания времени и деятельности Гигиенонта в определенной степени можно воспользоваться сравнительным анализом символики его

монет с символикой предыдущих правителей и последних Перисадов, на что почти никто из исследователей в этом аспекте не обращал внимания. Несмотря на все возможные заимствования отдельных атрибутов с монет Византия — в частности, трезубца, украшенного дельфинами, — нет сомнения в том, что боспорские цари не слепо наследовали эту символику, а соотносили с собственными взглядами и действиями. Особенно это касается изображения сидящей на троне Афины с Никой в протянутой вперед руке.

Общеизвестно, что на боспорских монетах во времена Спартокидов господствовала символика, связанная преимущественно с культами Аполлона и Диониса, постоянный спутник которого сатир одновременно олицетворял и первого из самых деятельных царей — Сатира I. Левкон II, хотя и служил жрецом в храме Аполлона Иетроса, поместил на своих монетах символы, не имеющие ничего общего с традиционно пантикапейскими. Еще дальше пошел Спарток V. По-видимому, вследствие каких-то серьезных причин он ничего не заимствовал из монетной символики предшественников. Впервые он начал изображать собственный портрет на серебряных монетах с титулом царя. Он смог прийти к власти только после того, как Алкотея, из-за которой якобы Левкон убил своего брата, вскоре убила и своего мужа, как об этом повествуется в сочинении схолиаста Овидия и которое исследователи отождествляют именно с этими царями (*Латышев, 1909. — С.86-87; Подосинов, 1985. — С. 242-243 — с лит.; Анохин, 1986. — С.68*).

Кроме идеализированного портрета Спартока в диадеме, на монетах также впервые был представлен трезубец в окружении двух дельфинов и горит. Считается, что трезубец с дельфинами был заимствован с монет Византия, где его начали изображать в последние десятилетия III в. до н.э. (ср.: *Seyrig, 1968. — P.195-199; Анохин, 1986. — С.62; Молев, 1994. — С.10*).

Этот символ Посейдона — спасителя и покровителя морских путешественников — в III-II вв. появился на монетах разных понтийских городов. Значил ли он что-либо особенное в политике Спартока? Очевидно, да, так как на собственно пантикапейских монетах появилось изображение самого бога Посейдона. Граждане городов, наряду с культами исконных богов, начали уделять больше внимания и его культу, пропагандируя его образ на монетах. Его атрибут становится и атрибутом царской власти на Боспоре, начиная со Спартока V. В.Ф.Гайдукевич усматривает в этом раннее зарождение легенды о происхождении Спартокидов от сына Посейдона Евмолпа (1949. — С.56, 218). Между тем, могут быть и другие объяснения, не имеющие отношения к фракийской династической линии конца I - II вв. н.э.

Трезубец, как атрибут Посейдона в период развития религиозно-философских учений, приобрел особое значение в его культе. Это не простая рыболовецкая острога, а всемогущий магический знак, с помощью которого бог способен был не только открывать что-нибудь новое, но разрушать и уничтожать. Имеются некоторые сведения, что в отдельных местностях, потерпевших от землетрясения, наводнения и других экологических бедствий, его культ значительно расширился. Близко к этому времени, по наблюдениям В.П.Толстикова, в Пантикапее произошло катастрофическое землетрясение, в результате которого были разрушены царский дворец, дворцовый храм и другие постройки (1992. — С.88). Любопытно, что ни дворец, ни храм не были восстановлены, их руины во II в. до н.э. были постепенно разобраны на камень. Такое землетрясение, конечно, затронуло и многие другие районы Боспора, сказалось на экономической жизни государства и могло способствовать расширению культа Посейдона.

На золотой монете Гигиенонта с его портретом остается трезубец с дельфинами, но вместо горита впервые появляется Афина, сидящая на троне с Никой в правой руке (*Анохин, 1986. — № 148*). Лево́й бо́гиня опи-

рается на щит круглой формы, на ее голове — шлем с султаном. Образ богини напоминает ее изображения классического времени. В том же положении, что и на монетах Спартока V, внизу лежит трезубец с двумя дельфинами, но уже возле ног гордо восседающей на троне Афины. Символика всей «картинки» одновременно кажется и сложной, и простой. Здесь нельзя не вспомнить, что в Афинах весьма популярным был миф о соревновании Посейдона и Афины за право господства над Афинами, в котором победила богиня (*Paus. VI, 75-77*). Вместе с тем, на монетах Гигиенонта можно видеть и соединение символов обоих правителей.

Афина представлена в образе мудрой и сильной правительницы, защитницы государства и царского дома. И появляется в таком образе она впервые именно на монетах с его именем. До него голова Афины с разрозненными атрибутами изображалась только на монетах Левкона II.

После Гигиенонта такие изображения восседающей на троне Афины сопровождали все монеты (золотые статеры) последних Перисадов (ср.: *Анохин, 1986. — № 156, 156а, 166, 171, 178, 178а, 185*). Столь строгая последовательность символики в последние десятилетия выпуска царских монет Спартокидов не может быть случайной. Фигура Афины с Никой в руке и щитом возле трона олицетворяет государственную мудрость, победу прямых наследников царской власти и их силу. Это не грозная воинственная богиня с мечом, а мирная покровительница оборонительной войны, которая может помогать в борьбе против врагов, защитница городов и победительница.

Не исключено, что подобного типа статуя была установлена в Пантикапее еще при Левконе I, когда между Боспором и Афинами существовали интенсивные экономические и политические связи. Этот континуитет монетной символики, начало которой было положено Левконом II, несколько видоизменено, но не в идеологическом, а только в художественном смысле архонтом Гигиенонтом, а затем продолжено тремя Перисадами, не может не указывать на тесную родовую связь как раз между всеми этими правителями.

Обращение к Афине можно объяснять разными причинами. В роду Спартокидов не могли забыть те времена, когда Боспор находился на высшем уровне экономического и культурного расцвета, одним из факторов которого была торговля с Афинами. Возможно, в период кризиса еще Левкон II, нося имя своего знаменитого предка, решил установить или возобновить культ Афины, но пришедший ему на смену Спарток ввел посейдоновскую символику еще и в связи с тем, что при нем произошло землетрясение. То, что на монетах Гигиенонта трезубец находится у ног Афины, торжественно восседающей на троне с Никой, включает в себе определенное смысловое значение, связанное, вероятно, с желанием соединить эти символы и установить мир между двумя родовыми кланами, стремившимися к единоличной власти.

Вполне вероятно, что во время убийства Левкона II Гигиенонта, который, скорее всего, был одним из его младших братьев, не оказалось на Боспоре, и власть перешла к Спартоку V. Гигиенонт, как и Левкон, мог быть почитателем мудрой Афины, особенно, если он получил образование в Афинах или побывал там по другим делам. Естественно, что процветавшие Афины периода правления первых Спартокидов были уже совсем не те в III-II вв., хотя там все еще стояли их статуи и почетные декреты в благодарность за хлеб и другие услуги. Тем не менее, полисно-демократический дух оставался там в его непревзойденных памятниках и философских сочинениях.

Вместе с тем, обращает внимание образ Гигиенонта на монетах. Профильное изображение его головы, хотя и несколько идеализированное, соответствует стилю эпохи. Лицо волевое, решительное, с ярко выраженными чертами, несколько напоминает изображения Аполлона. Но на

его голове отсутствуют какие-либо царские украшения типа диадем, в которых представлены боспорские цари. Если все они на своих золотых монетах отмечали свой царский титул, то на монетах Гигиенонта значился только титул архонта.

Эти явные отличия вызвали определенный интерес исследователей. Начиная с М.И.Ростовцева, считается, что, скорее всего, он не принадлежал к царскому роду Спартокидов (ср.: *Ростовцев, 1918. — С.102; Gajdukevic, 1971. — С.93; Анохин, 1986. — С.68; Молев, 1994. — С.22*). В свою очередь, многие считали, что Гигиенонт стал архонтом после смерти Левкона II, исходя из сведений в схолиях к «Ибису» Овидия (*Латышев, 1903. — С.86-87; Gajdukevic, 1971. — С.93; Анохин, 1986. — С.68*). Кажется, ничто не мешало усматривать в Гигиенонте человека, который женился на Алкатое, вероятно, убившей своего мужа Левкона. При таком понимании занятое им положение, по мнению В.А.Анохина, мало чем отличалось от царского, что и дало ему возможность выпустить монету от своего имени.

«Роль Гигиенонта в истории Боспора представляется значительной. Это был первый правитель, который рискнул выпустить от своего имени золотые и серебряные монеты в условиях продолжавшегося денежного кризиса, правда, уже резко пошедшего на убыль благодаря энергично принятым еще при Левконе II мерам. Выпуск местного золота и серебра должен был окончательно стабилизировать положение в денежном хозяйстве» (*Анохин, 1986. — С.68-69*).

Совсем иначе представляет себе Гигиенонта Е.А.Молев, уделивший ему больше всего внимания по сравнению с другими правителями эллинистического времени (*1994. — С.20 сл.*). Поскольку он настаивает на более поздней дате его правления, то им выдвинута и другая версия его появления на Боспоре. Согласно ей, Гигиенонт являлся стратегом при Перисаде IV, который недолго царствовал и погиб в войне с варварами, оставив малолетнего наследника (*Там же. — С.22*). Стратег, отомстив за смерть царя, стал опекуном при его сыне с титулом архонта, что дало ему возможность выпустить монеты со своим именем и портретом; когда же наследник подрос, Гигиенонт предоставил ему власть на Боспоре.

Однако, никто из исследователей так и не попытался объяснить, почему он выступал в роли архонта и имеет ли отношение к этому титулу символика его монет, почему она наследовалась всеми последними Перисадами, явно правившими вслед за ним. Не пытаясь установить истину при выяснении его неординарной личности, поскольку источников крайне мало, можно все-таки выдвинуть, как представляется, и более реальную версию. Судя по всем источникам, наследственность боспорских царей не прерывалась до 109 г. до н.э.

Другое дело, что бывали случаи, когда власть занимали представители побочных линий этой династии. Чаще всего фигурировали имена Спарток, Перисад, Сатир, Левкон, но только во II в. подряд правили три Перисада. Имя Перисада I как обожествленного правителя было ничем не запятнано и поэтому начало переходить от отца к сыну. Вместе с тем, большое значение уделялось родовым традициям, установленным еще во времена Левкона I и Перисада I, когда Боспор достиг небывалого расцвета.

При этом следует помнить, что даже последние цари из династии Спартокидов не забывали о том, что они архонты по отношению к греческим городам. Определенные нарушения в их традиционной титулатуре наблюдаются при правлении тех царей, которые носили имена Спарток.

Нет ничего удивительного в том, что Гигиенонт имел чисто греческое имя, как и его предшественники — Сатир и Левкон. Кроме того, из эпиграфических и письменных источников хорошо известно, что боспорские цари своим младшим сыновьям нередко давали не традиционные в их роду имена

Метродор и Горгипп — сыновья Сатира I, Аполлоний — сын Левкона I, Притан и Евмел — сыновья Перисада I (*Diod. 20, 22; Polyaeen, VIII, 55; IG. II², 212*). В таком случае сохранением традиции можно считать и то, что одного из младших братьев Левкона II звали Гигиенонт. Тем более, что в эллинистическое время, в связи с расширением культа Асклепия и Гигиен, такое имя пользовалось популярностью на Боспоре (*КБН. 37, 291, 300, 450, 520 и т.д.*).

В том, что он называл себя только архонтом, — если при этом учитывать его символику на монетах, — следует видеть его преданность установленным традициям своих предков, которые являлись только архонтами по отношению к грекам всех боспорских городов, в почетных афинских декретах они также именовались лишь этим титулом. Никому не известно, остались ли к тому времени какие-либо подвластные боспорским правителям варварские племена.

Гигиенонт был воспитан в старых традициях уважения к гражданам своего государства. Изображением Афины на монетах он хотел продемонстрировать приверженность полисно-демократическим устоям и стремление защищать города — основу своего государства. Всадник на его серебряной монете также символизирует обороноспособность державы. Атрибуты Диоскуров как спасителей на море показаны с рогом изобилия, которые, в свою очередь, могут отражать желание Гигиенонта преодолеть кризисные ситуации в экономике, расширить морскую торговлю, приносившую в былые времена большие доходы боспорцам.

После Гигиенонта правили три последних царя, носивших имя Перисад — династическое имя Спартокидов. В отличие от него, они чеканили монеты со своими портретами в золотых диадемах и титулом царя. Тем не менее, символика с сидящей Афиной, трезубцем в окружении дельфинов становится постоянной, что позволяет считать, что они продолжали его внешнюю политику и именно он каким-то образом оказал большое влияние на детей Спартока — Камасарию и Перисада. Исходя из этого, нельзя не обратить внимание и на то, что именно они в наибольшей степени продолжали политику и религиозные традиции своих предков. Поэтому не исключено, что Гигиенонт был младшим братом как Левкона II, так и Спартока V, правившего недолго и оставившего малолетних наследников, в результате чего они воспитывались им в духе левконо-перисадовских обычаев.

Вотивная надпись «дочери царя Скилура Сенамотис» из Пантикапея, в которой поставлена эпонимная формула «трижды Перисада, сына царя Перисада» (Перисада V) подтверждает, что последние правители один за другим находились у власти, и вряд ли правильно ставить между ними кого-то другого, тем более Гигиенонта (*Виноградов, 1987*).

Естественно, такой подход к выяснению личности Гигиенонта не считается окончательным. Приведенные здесь гипотезы и рассуждения многих авторов показывают, сколь сложным может быть решение вопроса об установлении хронологии и происхождения того или иного правителя, если имеются крайне ограниченные источники, допускающие разные толкования и интерпретации. В данном конкретном случае игнорирование сходной символики на золотых монетах Гигиенонта и последних Перисадов только усложняет выяснение даты его правления и происхождения. Без ее сравнительного анализа вряд ли возможно верное представление об архонте Гигиенонте в Боспорском государстве.

**ЭЛИНО-СКИФСКИЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ВО II В. ДО Н.Э.**

Никерат, сын Папия	180
Посидей, сын Посидея, и Скилур	188
Савмак	201

На обороте:

Портрет боспорского царя.

Керчь.

I в. до н. э.

Мрамор.

Сравнительно с предыдущим временем, во II в. до н.э. в Северном Причерноморье происходили диаметрально противоположные события, хотя о них сохранилось крайне мало сведений. После затяжного хлебного кризиса, в наибольшей степени затронувшего Ольвию, которая не только потеряла значительную часть своих плодородных земель, но и раньше других подверглась непосильной дани со стороны сарматских царей, во всех античных государствах наступила временная стабилизация. Это непродолжительное затишье, по мнению исследователей, во многом совпадало с улучшением международной политической и экономической обстановки в Причерноморье (*Harmatta, 1970. — P.19; Виноградов, 1989. — С.228-229; Сапрыкин, 1996. — С.80-86*), а также несомненным урегулированием отношений с сарматами в связи с выходом на международную арену их царей, в частности Гатала. Отдельные лидеры в северопонтийских государствах вновь обратили свое внимание на упрочение политических и экономических контактов с более сильными городами в надежде на их поддержку в случае вторжения варваров.

Большую роль в их политике начали играть цари малоазийских эллинистических монархий. В 179 г. был заключен первый мирный договор между некоторыми из них. Фарнак I Понтийский, Эвмен II Пергамский, Прусий I Вифинский, Ариарат IV Каппадокийский пришли к мирному соглашению ради сохранения своих территориальных владений. К нему незамедлительно присоединились и отдельные причерноморские города — Гераклея, Херсонес, Кизик, Месембрия, а также сарматский царь Гатал и армянские правители Артаксий и Акусиллах (*Polyb. XXV, 2*).

Была ли среди них Ольвия, точно не установлено, хотя нахождение в ней многих малоазийских вещей, в том числе даже золотых и серебряных украшений, а также ее политическое положение и постоянные угрозы варваров, — как скифов, так и сарматов, — скорее всего, говорят о том, что этот город, как и западнопонтийский Одесс, заключил соглашение с Фарнаком I Понтийским. Интенсивные экономические связи были налажены с Пергамом.

«В любом случае филэллинская по отношению к понтийским городам политика этого царя — в известной степени предтечи Митридата VI Евпатора — позволяет надеяться, что предположение об ольвийско-понтийском соглашении не лишено оснований. Так или иначе, предпосылки для этого имелись с обеих сторон: Фарнак стремился к установлению своего

рода единства припонтийских государств и благоволил поэтому к греческим полисам. Ольвия, как и Херсонес, искала, прежде всего, надежного союзника и защитника от агрессивных варваров» (Виноградов, 1989. — С.230). То, что у Полибия (XXV, 2) отмечается из северопонтийских городов только Херсонес, возможно, объясняется тем, что Ольвия, как и Одесс, примкнула ко всеобщему договору несколько позднее.

Во всяком случае, уже из того, как в дальнейшем развивались связи Ольвии и ее вхождение в Понтийское царство, можно заключить, что она значительно раньше находилась в сфере его влияния. В свою очередь, включение Херсонеса и сарматов в текст мирного договора 179 г. юридически и политически укрепляло союз Херсонеса и этого воинственного племени перед лицом скифского вторжения (Сапрыкин, 1996. — С.79).

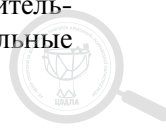
Очевидно, если между Ольвией и Херсонесом продолжались старые дружественные отношения, то сложившаяся в регионе обстановка позволила и нижнебугскому полису, в определенной мере, заниматься аграрным хозяйством на своей хоре, расширить торговые связи с южнопонтийскими городами и стабилизировать экономическое развитие. О последнем свидетельствуют и монументальные статуи посвяtitельного характера отдельным божествам и заслуженным гражданам, и значительное увеличение приношений в святилища различного типа привозной керамики позднеэллинистического времени.

Относительно Боспорского царства и его взаимосвязей с Фарнаком I высказаны разные взгляды (см. лит.: Молев, 1994. — С.106-109). Если боспорские цари и не заключали с ним мирного соглашения, то, как показывает громадное количество синопского амфорного импорта, уже после того, как Синопа стала столицей Понтийского царства в результате ее прямого захвата в 183 г., они не препятствовали развитию интенсивной торговли. Не исключено, что между ними — в частности, разветвленными родами Митридатидов и Спартокидов, — еще раньше были установлены мирные отношения благодаря заключению династических браков, что впоследствии способствовало мирной передаче престола на Боспоре молодому Митридату Евпатору.

В истории Северного Причерноморья во II в. до н.э. наиболее известны четыре деятеля, сквозь призму которых четче прослеживаются происходившие здесь события и контакты между эллинами и варварами. Заслуживает серьезного внимания тот факт, что два из них — Никерат, сын Папия, и Посидей, сын Посидея, — являлись представителями Ольвии, возродившейся после жестокого кризиса. Несмотря на крайне скудные эпиграфические и археологические источники, как раз о них сохранилось больше всего сведений. С Посидеем, сыном Посидея, теснейшими узами был связан скифский царь Скилур, вследствие чего их целесообразно рассмотреть в одном разделе. А к скифскому царю, по-видимому, какое-то отношение имел и Савмак, неожиданные действия которого проявились в борьбе за царскую власть в Боспорском государстве при правлении последнего Спартокида.

Никерат, сын Папия

Для дальнейшего понимания рассматриваемого вопроса об эллино-скифских взаимоотношениях в позднеэллинистическое время важен декрет в честь ольвийского Никерата, сына Папия (*IOSPE. I², 34*). По количеству перечисляемых в нем заслуг этого гражданина Ольвии он значительно уступает декрету Протогена. Однако в его тексте имеются отдельные

сведения, бесспорно указывающие на присущий ему, как и знаменитому эвергету, «полисный патриотизм» и преданность гражданской общине, ее исконным традициям, ради защиты которых он жертвует своей жизнью.

Текст декрета вырезан на мраморной плите, хранящейся ныне в Московском историческом музее. Надпись в отдельных местах повреждена, особенно ее первые строки, поэтому не вся отраженная в нем информация к нам дошла, хотя в ней достаточно сведений для того, чтобы составить представление об этом военном, политическом и культурном лидере ольвийского общества, его характерных чертах и достоинствах.

Прежде всего, важно на основании этого эпиграфического памятника выяснить, в какое именно время жил Никерат. Как и многие другие надписи, декрет датируется разным временем. В.В.Латышев, исходя из упоминающихся в нем постоянных варварских набегах на Ольвию и наблюдений за шрифтом, относил его к первым десятилетиям I в. до н.э., когда вскоре после этого город подвергся разрушительному нашествию гетов под предводительством Буребисты (*Латышев, 1887. — С.139-140*).

Ясно, что тогда еще не было многих свидетельств об истории Херсонеса и Ольвии, их взаимоотношениях, к которым был причастен и Никерат. При этом ни В.В.Латышев, ни остальные исследователи, согласные с его датировкой, не учитывали того, каким образом гражданский коллектив Ольвии в столь тяжелый период мог поставить своему герою конную статую и ежегодно проводить межполисные религиозно-спортивные празднества в честь Ахилла на Ахиллодроме.

К несколько более раннему времени (последние десятилетия II до н.э.) относили этот декрет М.И.Ростовцев и Я.Харматта (*Rostovtzeff, 1941. — P.766; Harmatta, 1970. — P.21, 30*). На основании критического анализа предыдущей хронологии, с учетом новейших разработок ольвийской палеографии, языковых особенностей данной надписи, а также — что особенно важно — рассмотрения исторических событий в ольвийско-таврическом регионе, Ю.Г.Виноградов предложил более убедительную датировку — первые два десятилетия II в. до н.э. (*1989. — С.184-186; Vinogradov, 1997. — S.56*).

Действительно, если, кроме того, учитывать, что с начала этого века начинается непродолжительный — около 50-ти лет — стабилизационный процесс в денежном хозяйстве Ольвии, когда здесь чеканились даже серебряные монеты (*Карышковский, 1988. — С.8, 96-101; Анохин, 1989 — С.45-48*), а также были установлены выгодные для города торговые контакты, то такое экономическое ее положение не находится в противоречии с теми мероприятиями, которые были предприняты ольвиополитами для увековечивания Никерата. Только в условиях более-менее нормального экономического развития они имели возможность наградить своего соотечественника.

Поскольку для характеристики деятельности Никерата важно не только, когда приблизительно был издан декрет в его честь, но и относительное время его жизни, то, — исходя из разных допущений и рассуждений, что погиб он будучи боеспособным и не старым, — можно предположить, что он жил в пределах последней трети III - первой четверти II в. до н.э., мог слышать о Протогене, читать его почетный декрет, что, в общем, должно было повлиять на его мировоззрение и отношение к своему полису.

Первые строки Никератова декрета не сохранились, поэтому не известно, какую должность он исполнял хотя бы в последний год своей жизни или во время исполнения ответственной миссии в Херсонесе. Из того, что осталось от шестой строчки надписи, ясно, что он возвратился в отечество, возможно, урегулировав какие-то особо важные для Ольвии дела.

После этого автор декрета отметил, что Никерат побывал в Херсонесе и «увидел обуреваемый постоянными войнами город, разрешил распрю

между ними и умиротворил город, за что и был почтен от них постановкой статуи и посвящением бюста, во всем для отечества совершая полезнейшие деяния, а себе приобретая славу и честь» (*IOSPE. I², 34*). В этом пассаже отмечены два важных свидетельства: Херсонес проводил постоянные войны, очевидно, с варварами, пытавшимися его захватить и разграбить; в нем произошла распря между гражданами, что случалось здесь и раньше и что является обычным в кризисных ситуациях. Слава о Никерате как умиротворителе конфликтов была хорошо известна в этом городе, если он прибыл туда специально со столь сложной миссией. Не исключено, соответственно одной из версий, что таковой в данном случае произошел из-за кого-то из именитых и почетных граждан Ольвии или Херсонеса. Так, из декретов известны херсонеситы, обладающие большими средствами и вкладывавшие свои деньги в ее экономику за проценты (*ср.: НО, 28, 29*), в то время, когда из-за сокращения хоры рядовое население нередко испытывало огромные трудности.

Следует думать, что Никерат прибыл для установления мира в херсонесской общине не с военным отрядом, а по предварительной договоренности, чтобы мудрыми советами помочь выйти из критической ситуации, которая здесь сложилась. Никерат настолько умело и решительно, мудро и удачно «умиротворил город», что его благодарные жители поставили ему статую и изображение (*ΟΙΣ ΑΝΔΡΙΑΝΤΟΣ ΑΝΑΣΤΑΣΕΙ ΚΑΙ ΕΙΚΟΝΟΣ*). Под последним, вероятно, лучше понимать не собственно каменный бюст, как переводил этот термин В.В.Латышев, а портретное изображение, выполненное в технике энкаустики на плите.

Если упоминание о постоянных войнах Херсонеса подтверждается различными источниками, то о внутренних гражданских распрях ничего определенного и конкретного сказать нельзя. Херсонес отчаянно защищал свою хору, но со второй половины III - в начале II вв. до н.э. скифы постепенно отвоевывали его владения в Северо-Западном Крыму; через полстолетия почти вся его аграрная зона, кроме Гераклеяского полуострова, перешла к скифам (*Щеглов, 1978. — С.128-134 — с лит.; Сапрыкин, 1986. — С.194; Зубарь, 1993*). В этой сложной ситуации херсонеситы искали разные пути выхода для продолжения своего существования в Таврике. Поэтому, по второй версии, можно также лишь предположить, что конфликт между жителями Херсонеса возник вследствие того, что одни соглашались на помощь сармат в борьбе со скифами, а другие опасались, что это чревато еще худшим, так как первые не меньше славились воинственностью и грабежами. В такой же степени возможно, что распря возникла перед заключением мирного договора с Фарнаком I в 179 г., в ком также могли усматривать потенциального завоевателя. Согласно Ю.Г.Виноградову, распри в среде херсонеситов произошли незадолго до заключения договора с Фарнаком, в обстановке непрекращающихся военных невзгод (*1989. — С.186*).

В общем, если Никерат удачно исполнил свою «миротворческую» миссию, то во всех случаях он сумел доказать верность своего решения, которое устраивало обе стороны. Считается, что после включения Херсонеса и сарматского царя Гатала в текст договора с Фарнаком Понтийским, положение в этом регионе несколько стабилизировалось (*ср.: Сапрыкин, 1986. — С. 195-199; Виноградов, 1989. — С.186*).

О том, что Никерат был неплохим оратором и умел давать разумные советы, говорится в следующих параграфах его декрета. Он постоянно отражал «устремляющихся на город врагов и в большинстве случаев, спасая граждан, он обезопасил положение города, в каждом случае подавая разумные советы и еще лучше исполняя постановления». Исходя из этих данных, Никерат входил в коллегиию стратегов и нередко лично руководил

отражением наступающих на город врагов. Вместе с тем, в этом кратком отрывке имеются сведения и о том, что в большинстве случаев он спасал граждан, но, очевидно, иногда положение складывалось таким образом, что они погибали, либо были захвачены в плен. Отсюда можно допускать, сколь опасные ситуации складывались за пределами стен Ольвии — на ее хоре, куда ольвиополиты отправлялись для обработки полей или сбора урожая, а также, как видно из последующего текста, в дни празднеств на Ахиллодроме и в других внегородских сакральных местах.

В итоге наилучшего исполнения постановлений совета и народного собрания, выполнения гражданами его разумных советов, достижения многих побед в стычках с варварами, — в городе наступило затишье. Видимо, набег кочевников на какое-то время прекратились, и группа ольвийских граждан безбоязненно переправилась в Гилею. Как ни странно, но и в этом случае Никерат отправился вместе с ними, но без воинов, а посчитав, что он сможет лично один охранять их от врагов. Очевидно, что никто в Ольвии не догадывался о том, что в Гилее на них может быть совершено нападение. Никерат, как гражданин своего полиса, на всякий случай взял с собой оружие. Иначе вряд ли, если бы в Гилее было неспокойно, туда отправились ольвиополиты, тем более без сопровождения охраны. В этом случае Никерат предстает как человек или чересчур самоуверенный в своей силе и неуязвимости, или понадеявшийся на то, что в тех местах некому на них нападать.

Но произошло все наоборот. Никерат увидел нашествие врагов и отправил всех граждан в город, а сам остался, чтобы отразить их нападение. Какое количество их было, автор декрета не отмечает. Показывая необыкновенное мужество Никерата, оставшегося в одиночестве на противоположной от Ольвии стороне, он не счел нужным объяснить, почему так случилось и почему соотечественники оставили его без защиты. Возможно, что это была небольшая группа неприятелей, которых Никерат знал, потому что «считал необходимым наказать» их, так как заботился о городе, и, очевидно, его святыщах, подвергавшихся чаще всего ограблению варварами.

Скорее всего, в это время ольвиополиты переправились в Гилею для отправления одного из культов своего божества. Никерат был среди них, как один из его почитателей. Как видно из дальнейшего текста, не исключено, что это был Ахилл, которого почитали как на Ахиллодроме, так и в священной роще Гекаты на Кинбурне, где еще в IV в. до н.э. был установлен его алтарь и посажено кедровое дерево (*IOSPE. I², 327*).

Любопытно, что враги, «испугавшись его непобедимой доблести, не осмелились напасть явно, но устроили ночью засаду и вероломно умертвили его». Как бы то ни было, но все рассуждения о сопровождавшем его отряде воинов в декрете не отмечены (*ср.: IOSPE. I². — P. 60; Толстой, 1918. — С. 79–80; Виноградов, 1989. — С. 187, прим. 43*). Можно, конечно, предполагать, что таковой уже находился в Гилее, но автор декрета, только для того, чтобы особенно подчеркнуть героизм Никерата, специально ни словом не обмолвился о находящемся там отряде воинов. Во всяком случае, не может вызывать сомнений тот факт, что ольвиополиты любили Никерата и ценили его самоотверженность. Необдуманный поступок в Гилее, приведший его к смерти, и такая неожиданно вероломная смерть, постигшая его от более хитрых, все продумавших врагов, не могли затмить его героизм и славу.

В его декрете впервые и прямо отмечено, как был проведен погребальный обряд, что раньше вообще не упоминалось в надписях. Это единственное свидетельство стало, по сути, классическим примером при характеристике погребальных обрядов населения Ольвии. Узнав о смерти доблестного гражданина, полис с трудом перенес свою печаль и негодовал против жесто-

Главная стоя агоры в Ольвии. Реконструкция С.Д.Крыжицкого.

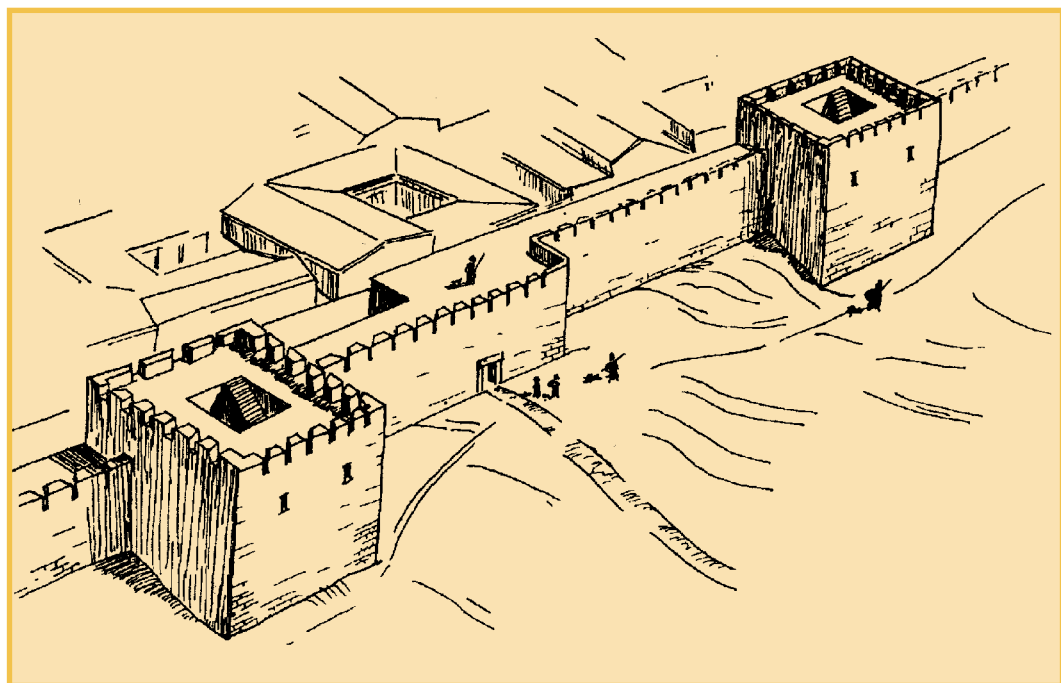
кости его врагов. Тут же было собрано народное собрание и совет, на котором было решено перевезти тело Никерата в город для надлежащего погребения.

Можно представить себе, как на улицах и агоре небольшого города его жители обсуждали смерть Никерата, который, возможно, на протяжении двух-трех десятилетий был для них залогом мира и успешного отражения вражеских нападений. Эта потеря нашла отпечаток в сердце каждого ольвиополита, ибо все они, живя в неспокойной обстановке, надеялись на храбрость и мужество таких деятелей, как Никерат.

То, что он чрезвычайно много полезного сделал для города, нашло свое особое выражение в постановлении срочно созванного народного собрания и совета. В нем подчеркнуто, что Никерат должен получить «более выдающиеся сравнительно со всеми другими почести». При его погребении все мастерские (или лавки), находящиеся в пределах города, должны быть закрыты, а граждане, одевшись в траурные одежды, будут идти в процессии в соответствующем порядке. При выносе тела, очевидно, из дома, Никерата увенчали золотым венком, в котором он, судя по находкам остатков таковых в отдельных разграбленных могилах, и был погребен. Никерата также наградили конной статуей с указанием поставить ее на том месте, где пожелают его родственники.

В декрете приведен и текст надписи, которая должна была быть высечена на постаменте его статуи: «Демос (поставил) статую Никерата, сына Папия, бывшего от предков благодетелем и оказавшего много добра городу за его доблесть и благодеяние к себе».

Помимо этого, впервые в эпиграфике Ольвии мы встречаем и такое неординарное награждение, как посмертное ежегодное увенчание золотым венком на народном собрании, предназначенном для выбора полисных магистратов и в период конских агоней, установленных «в честь Ахилла по предсказанию Пифии, при чем глашатай должен произносить провозглашение по формуле, заключающееся в подписи статуи». Как раз

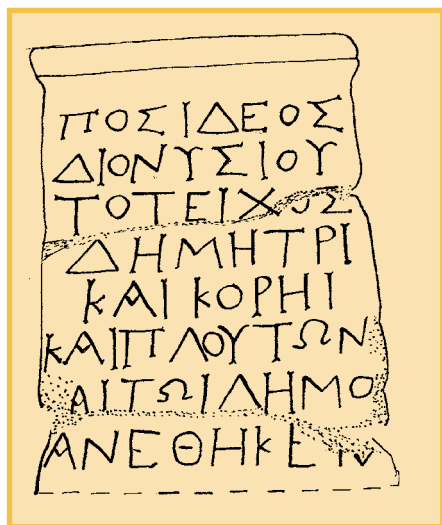

Западные ворота Ольвии в Нижнем городе. Реконструкция С.Д.Крыжицкого.

эта часть декрета может свидетельствовать, что Никерат не только погиб во время празднеств в честь Ахилла, но и принимал в них непосредственное участие.

Кроме того, если его наградили конной статуей — награда чрезвычайно редкая в античном мире, тем более в Северном Причерноморье, — то он в свое время принимал участие в конских ристаниях на Ахиллодроме. Традиция проведения таких состязаний в честь Ахилла просуществовала здесь с начала V в. до н.э. по первую четверть III в. н.э. Несмотря на все тяготы жизни и варварские набеги, ольвиополиты старались проводить их регулярно, приглашая представителей из многих городов античного мира (Русаева, 1975 — с лит.). В них чаще всего принимали участие наиболее зажиточные граждане, имеющие средства содержать и готовить специально к соревнованиям породистых лошадей.

Этим самым ольвиополиты продемонстрировали преданность древней традиции возвеличивания победителей в агонах. «Как особого рода сакральное действо, знаменующее торжество цивилизации над варварством, гармонии над первородным хаосом и, наконец, божественного разума над неистовством и безумием сил мрака, агон, в особенности агон всеэллинский, требовал всеобщего мира и, стало быть, хотя бы временного прекращения хронических военных конфликтов, раздиравших большой греческий мир на множество маленьких, непрерывно враждующих между собой мирков отдельных полисов» (Андреев, 1998. — С. 194). При проведении празднеств в честь Ахилла, которые также имели панэллинский характер, — естественно, далеко не столь масштабный, как олимпийские или пифийские игры, — ольвиополиты не могли остановить военные конфликты с соседними варварами, так как те вряд ли вообще осознавали правомерность их проведения и значение в жизни понтийских эллинов. Поэтому гибель Никерата в поединке с ними была возведена в Ольвии до высшего героизма, а сам Никерат стал идеалом для молодых граждан.

Плита с посвящением оборонительной стены
Деметре, Коре, Плутону и Демосу.
Ольвия. II в. до н.э.

Как и предки, Никерат, помимо всего остального, являлся еще и эвергетом, заботился о гражданской общине, на свои средства ремонтировал оборонительные стены и, выполняя должность стратега, вообще занимался делами обороны города. Автор декрета, в отличие от Протогенова, не называет конкретные этносы, принадлежавшие к ΟΙ ΠΟΛΕΜΙΟΙ. В его время они могли представлять небольшие группы сармат или скифов, которые занимались разбоем и грабежами, потому что ольвийское народное ополчение вряд ли могло бы отстоять свой полис при нашествии большой массы всадников-кочевников.

Характерно, что декрет в честь Никерата открыто демонстрирует «полисный патриотизм» не только своего героя и эвергета, но и всех граждан, откровенно призывая следовать по пути благочестия и более ревностно служить на благо отечества. Исходный круг норм и правил морально-этических и культурных ценностей показан здесь на примере Никерата. Гордость за то, что такой доблестный гражданин был защитником города и его традиций, ярко демонстрируется текстом постановления. Вместе с тем, оно свидетельствует о том, что только после того, как благодаря мужеству Никерата и неоднократным его победам над врагами, полис имеет возможность отметить его за огромные заслуги такими почестями, которых здесь никто пока не удостоивался, даже в лучшие времена истории Ольвии.

Целенаправленно и непротиворечиво подчеркивается в декрете, что Никерат всегда действовал в интересах своего родного города: и когда выступал в роли «третьей судьбы» в Херсонесе, и когда неоднократно спасал граждан в боях с врагами, и когда был эвергетом, и, наконец, когда в последние часы своей жизни остался, отправив соотечественников домой, чтобы спасти их в очередной раз и даже отплатить неприятелю, несмотря на то, что он оказался на противоположном от Ольвии берегу. Таким образом, в этом документе более выразительно, чем в остальных декретах, выступает идеал героического гражданина, самостоятельно принимающего решения и чрезвычайно решительного в своих действиях и поступках.

На первый план в своей жизни Никерат с самого начала поставил интересы своего государства и следовал этим принципам, — а они, в свою очередь, были заповедями предков, — до конца жизни. У него не возникало сомнений в тех ситуациях, когда он должен был сражаться с врагами. Сквозь разные сведения в завуалированной форме проступает его неудержимая ненависть к врагу.

Вместе с тем, декрет Никерата призывает к филантропии, потому что этот герой всегда был ее ревностным поборником, стараясь защитить мирных людей. Ольвия для Никерата — вся отчизна, маленькая и одновременно большая, имеющая свою историю, своих богов и единый гражданский коллектив. В трудные времена для ее спасения необходимо было воевать, выступать с речами-советами, рационально использовать собственные средства с благотворительной целью. Значительная роль разумных советов ольвийских лидеров определяется, разумеется, тем, что они особенно подчеркивались в отдельных почетных декретах. В чем заключалось их конкретное содержание, ни в одном из них не указывается.

Однако, если речь идет именно о разумных советах, то они могли касаться различных сфер жизни — в том числе и методов отражения варварских нападений, — и были направлены на ее улучшение. Этим самым декрет и прославляемый им Никерат акцентируют внимание граждан на рациональности управления и хозяйствования, осознания правильности собственных поступков на благо полиса.

Авторитет и мужество Никерата были широко известны не только в Ольвии, но и в соседних городах. Он — один из немногих лидеров северо-понтийских государств, статуи которых стояли в других городах. Будучи представителем ольвийского аристократического рода, всегда заботившегося о сохранении полиса и единстве гражданской общины, он стал ее самым известным и прославленным членом. Своей деятельностью он сделал много полезного не только для Ольвии и Херсонеса, но и отдельных ольвиополитов, воспринявших с глубокой печалью его вероломное убийство. Кроме того, Никератов декрет является ярким свидетельством дружественных отношений между двумя полисами на Понте, часто помогавших друг другу в трудное время.

К сожалению, источники умалчивают о многих конкретных делах Никерата и о тех или иных причинах, приводивших его к прямым сражениям с варварами. Не исключено, что, как и в год посещения Ольвии Дионом Хрисостомом в конце I в. н.э., она подвергалась частым набегам небольших групп скифов, сарматов и других племенных объединений (ср.: *Dion. Chrysost. Orat. XXXVI*). Одной из вероятных причин смерти Никерата могло быть специальное преследование с целью его уничтожения, поскольку он и среди врагов прославился храбростью и непримиримостью. Занимавшая экономически важное положение в Днепро-Днестровском регионе Ольвия, оправившаяся от кризиса и стремившаяся всеми возможными средствами к стабилизации и упрочению своего авторитета на Понте Евксинском, продолжала привлекать пристальное внимание варваров, привыкших получать форос. По всей видимости, Никерат являлся противником такого рода взаимоотношений с варварами, ставя превыше всего свободу и независимость родного полиса и его граждан. Вполне вероятно, что в городе в период его жизни снова появилось немало богатых и зажиточных граждан, что в особенности могло привлекать вождей иноэтнических группировок.

Таким образом, Никерат — последний почетный гражданин догетской Ольвии, в характере которого проявились лучшие духовные качества человека — военного и политического деятеля, оратора и эвергета, дипломата и умиротворителя гражданских распри в соседнем государстве. О масштабе инициатив (разумных советов) декрет информирует скупо, однако, тем самым подчеркивает, что Никерат обеспечил мирное состояние города. Будучи патриотом, он, несомненно, сам в своих делах и действиях опирался на сознательных граждан своего полиса, подняв на самый высокий уровень собственной деятельностью и мужеством гражданский патриотизм и преданность общине.

Посидей, сын Посидея, и Скилур

Если характер деятельности Никерата, сына Папия, во многом раскрывается в его почетном декрете, из которого ясно, что он являлся постоянным защитником Ольвии, то Посидей — в меньшей мере с ней связан, и его личность вообще завуалирована. Посвятительные надписи различным божествам от его имени найдены в Ольвии (одна) и в Неаполе (четыре), что, в свою очередь, указывает на определенные отношения между этими двумя центрами. Относительно же самого Посидея можно говорить, в основном, в предположительном плане, опираясь на косвенные источники. И тем не менее, несмотря на все это, о нем высказано немало гипотез и разнообразных мнений (ср.: *Латышев, 1887. — С.132; Rostovtzeff, 1951. — P. 228 ff.; Дашевская, 1960. — С.261-265; Соломоник, 1962. — С.43-44; Robert J. et L., 1965. — P. 136; Виноградов, 1989. — С.241-245; Vinogradov, 1997. — S. 68).*

Исходя из посвящений Посидея только родосским божествам (Зевсу Атабирию, Афине Линдии, богине Родос) в Неаполе и Афродите Эвплойе в Ольвии, за исключением, конечно, Ахилла, многие исследователи полагали, что по своему происхождению он — родосец (см.: *Соломоник, 1962*). Торговые операции, проводимые им в основном с Ольвией, якобы способствовали предоставлению ему ольвийского гражданства. Другим, наоборот, казалось, что, будучи исконным гражданином Ольвии, он, проводя интенсивную торговлю с Родосом, из-за этого проникся к его божествам особой любовью (*Minns, 1913. — P. 463*).

Вслед за французскими учеными Ж. и Л. Роберами, тщательно разобравшими неапольские надписи Посидея и считавшими его крупнейшим ольвийским торговцем, совершавшим многократные поездки на Родос и пристрастившимся к его культам, Ю.Г.Виноградов пришел к окончательному выводу, что Посидей мог быть только гражданином Ольвии (ср.: *Robert J. et L., 1965. — P.136; Виноградов, 1989. — С.242, 243*). Им также развит тезис И.И.Ростовцева о том, что Посидей одновременно являлся крупным ольвийским купцом-кондотьером и правой рукой Скилура. Путем различных сопоставлений с царями Малой Скифии в Добрудже, пользовавшимися услугами греческих советников, он представил Посидея в роли военачальника (типа наварха) на службе Скифского царства (*Виноградов, 1989. — С.241 сл.*).

Основываясь на большой эрудиции виднейших эпиграфистов Ж. и Л. Роберов, хорошо знающих многочисленные эпиграфические и литературные источники, а соответственно и греческую антропонию, следует согласиться, что Посидей, сын Посидея, имел имя ольвийское, а не родосское. Такое имя не зафиксировано ни в одной из надписей Родоса, тогда как в Ольвии оно встречается сравнительно часто. Помимо имени, как будет показано ниже, имеется и ряд других данных, свидетельствующих о его отношении к гражданской общине нижнебугского полиса.

Очевидно, не будет большим преувеличением относить Посидея к известному здесь роду Дионисия, сына Дионисия, тесно связанного с религиозной сферой (*Русяева, 1992. — С.207-208*). Многие представители из этого рода исполняли должности жрецов в святилищах разных божеств. Дионисий, его внук, правнуки и, скорее всего, праправнуки известны из эпиграфических источников Дельф, Делоса, Ольвии и Неаполя (*IOSPE. I², 20, 168, 77, 78, 189, 670-672; Граков, 1939. — № 257; НО, 68, 70; Лейпунська, 1990*). Отдельные из них являлись проксенами и заодно феорами дельфийского и делосского святилищ Аполлона. Вероятно, благодаря их связям с Родосом в Ольвии были учреждены культы Гелиоса, Афродиты Понтии и Эвплойи. Дионисий, сын Агрота, его сыновья Агрот и Посидей исполняли

эпонимные и жреческие должности в культе Аполлона Дельфиния в Ольвии (*IOSPE. P², 201*).

Очевидно, в роду, из которого происходил Посидей, установилась традиция давать теофорные имена сыновьям, а также имя отца одному из сыновей. Не исключено, что Посидей был младшим сыном Посидея, сына Дионисия, проксена делосского святилища Аполлона. Если это так, то его отец, а затем и сыновья, которым предоставлялись такие же привилегии, были хорошо знакомы с традициями делосских граждан.

Согласно исследованиям М.Лакруа и Кл.Виаль, гражданская община делосцев была тесно связана с местным святилищем Аполлона (*Lacroix, 1916. — P. 188-237; Vial, 1984. — P. 386*). Семья являлась наиболее значимой ячейкой в глазах делосцев, считавших, что каждый из ее представителей, имевший доходы, обязан добровольно выполнять литургии, подносить дары божествам, помогать согражданам и т.д. Звание проксена не являлось почетным титулом. Даруемые привилегии предоставлялись, как и в других полисах, тем иностранцам, которые занимались не только торговой деятельностью, но и способствовали обогащению святилища, выполняя функции феоров и возложенные проксеническими актами другие обязанности. Следует думать, что религиозно-эвергетическая деятельность Посидея была наследственной, диктовалась его воспитанием, а затем — собственным мировосприятием и менталитетом. В период дарования проксении Дионисию, сыну Посидея, Делос был теснейшим образом связан с Родосом (*Casson, 1984. — P. 73-74*), что, в общем, не исключает, что одновременно он являлся и проксеном Родоса.

Все посвятительные надписи Посидея, сына Посидея, по особенностям лапидарного шрифта, относятся к первой половине - середине II в. до н.э. (ср.: *Соломоник, 1962; Виноградов, 1989. — С.250*). Ни один из известных деятелей античных государств Северного Причерноморья не поставил так много памятников разным божествам. К тому же только благодаря им в Северном Причерноморье стали известны те божества, которые пользовались большой популярностью на Родосе. К сожалению, палеография не позволяет установить хронологическую последовательность всех надписей Посидея.

Лишь предположительно можно полагать, что посвящение Афродите Эвплойе относится к первым благодеяниям Посидея в Ольвии (*IOSPE. P², 168*). Постановка памятника богине под культовым именем, известным на Родосе, Косе, Тенедосе, вряд ли случайна. Функционально этот эпитет богини близок к ее эпikleze Понтия, которая немногим ранее появилась в Ольвии (*НО, 68*). Причем, не исключено, что алтарь и золотой венок этой богине в Ольвии посвятил дядя Посидея — Агрота, отслужив должность жреца в ее святилище.

С потерей собственной продовольственной базы морская торговля для Ольвии имела большее значение, чем раньше. Очевидно, Посидей играл важную роль в обеспечении ее населения разными товарами. Отсутствие в посвящении Афродите Эвплойе этника давало повод считать, что он, будучи родосцем по происхождению, получил ольвийское гражданство и поставил здесь памятник своей покровительнице и защитнице (ср.: *Латышев, 1887. — С.133; Дашевская, 1960. — С.263-264; Соломоник, 1962. — С.43*).

Однако, удивительно то, что и в его посвящениях из Неаполя не указан этникон. Ю.Г.Виноградов впервые обратил на это внимание и попытался дать объяснение, поскольку иноземцы традиционно отмечали свое происхождение, поднося вотивные дары божествам в других городах (*1989. — С.243-244*). Этому уникальному случаю он дает два альтернативных объяснения: «либо в то время уже существовало нечто вроде «скифского гражданства», которым и наделили скифские владыки Посидея, либо он уже до

такой степени слился с верхушкой местного общества и, возвысившись, стал настолько своим человеком при дворе, что находил излишним и даже невыгодным выставлять себя как пришельца и чужака» (*Там же*. — С.243).

Именно последнее кажется Ю.Г.Виноградову наиболее приемлемым. На основании посвящения Посидея Ахиллу, владыке острова Левке, по случаю его победы над пиратствовавшими и грабившими святилище сатархеями (*IOSPE. I², 673*), он пришел к выводу, что Скилур получал от ольвиополитов, кроме дани, и торговый флот, одним из крупных судовладельцев которого был Посидей. Его тесные связи с богатыми островными городами — прежде всего, Родосом, — способствовали обмену скифской пшеницы на вино, масло, предметы роскоши, различные изделия греческого ремесла. Все это привлекало ольвийских богачей в скифскую столицу, где они становились советниками, экспертами, военачальниками и т.п. (*Виноградов, 1989*. — С.245). Одним из них, самым деятельным и инициативным, являлся Посидей, которому Скилур, как своему номарху, приказывал проводить военные операции на море против пиратов, чтобы, прежде всего, обеспечить безопасность морской торговли Скифского царства (*Там же*. — С.246).

Однако, при всем этом весьма интересном заключении, нельзя исключать и другие объяснения, на которых следует остановиться несколько подробнее. Тем более, что остаются нерешенными многие вопросы относительно личности Посидея как гражданина Ольвийского полиса и явно очень религиозного человека. В определенной степени их можно решить путем установления хронологии царствования Скилура и деятельности Посидея, основания Неаполя в его взаимосвязи с Ольвией.

В последнее время в результате интенсивных археологических раскопок с учетом ранее найденных источников, появились более углубленные разработки конкретных вопросов истории и культуры населения Крымской Скифии, в том числе и Неаполя (*Ю.П.Зайцев, С.Г.Колтухов, А.Е.Пуздровский и другие*). По существу, все современные исследователи независимо от того, к каким заключениям они пришли относительно его первичного политического и этнического характера, признают, что в нем заметно сильное влияние и присутствие эллинов, в частности, ольвиополитов. И тем не менее, для них непреложным остается то, что Неаполь основали скифы.

При этом крайне любопытно отметить, что первые его исследователи (*И.П.Бларамберг, А.С.Уваров, П.Кеппен, П.Беккер и некоторые другие*) не сомневались в том, что это греческий город (*см. лит.: Зайцев, 1990*), основанный родосцами или ольвиополитами, настолько яркой выглядела в то время эллинская основа его культуры во всем разнообразии. Позже М.И.Ростовцев и С.А.Жебелев называли его «греко-скифским городом» Скилура, соответственно которому и царство в Крыму именовалось тоже греко-скифским (*Ростовцев, 1915*. — С.58 сл.; *Жебелев, 1953*. — С.88-91, 234, 267, 355, 358). В дальнейшем, начиная с работ Н.Л.Эрнста, к Неаполю присоединяется устойчивый эпитет «скифский», определяющий однозначное понимание его как центра позднескифской культуры, столицы государства скифов (*Высотская, 1979; Зайцев, 1995*).

В решении вопроса об основании Неаполя весьма интересными представляются взгляды современного его исследователя Ю.П.Зайцева. Первоначально, на основании всего комплекса археологических и эпиграфических источников, он пришел к правильному выводу о том, что во II в. до н.э. все сооружения совместно с синхронными им находками принадлежали грекам (*1990*). Впоследствии он отказался от своих наблюдений и заключений, развив дальше концепцию П.Н.Шульца о самобытности культуры поздних скифов, имеющих свою государственность и строящих города с сооружениями мегаронного типа, принадлежавшими знати и одновремен-

Монеты царя Скилура.
Ольвия.
Мегъ.

но представлявшими культово-общественные комплексы. «Явное структурное сходство неапольского и крито-микенских дворцовых комплексов, в совокупности с результативным сопоставлением социально-политического устройства обоих обществ, позволяют сравнивать позднескифское государство II в. до н.э. с древнейшими государствами Средиземноморского бассейна, которые, по сути, были дворцово-храмовыми» (Зайцев, 1995. — С.20; 1999. — С.147; ср.: Крыжицкий, 1993. — С.227.).

Эти столь отдаленные и вряд ли сопоставимые культуры, тем не менее, дают толчок к совершенно новому представлению об основании Неаполя, личности Посидея и Скилура, так как до сих пор нельзя считать надежно установленным не только время возникновения этого уникального центра, но и кто именно мог его основать, почему он имеет чисто греческое название. Несколько иное толкование многих, наиболее ранних материалов и строительных комплексов, несомненно, греческого происхождения из Неаполя позволяют дать альтернативное решение данных вопросов. В этом плане целесообразно опираться на вывод Ю.П.Зайцева, что к концу IV — началу III в. до н.э. здесь относится кизил-кобинская культура, которая не имеет связи собственно с неапольским городищем, возникшем в действительности только около середины II в. до н.э., или немногим раньше (1995. — С.11; 1999. — С.128-130). Причем особенно важно, что близко к этому времени или же синхронно с ним здесь находились якобы предшествующие крепости укрепленные усадьбы греческого типа.

Из справки Страбона о том, что на Херсонесском полуострове «существуют и укрепления, которые построили Скилур и его сыновья, и которые служили для них опорными пунктами в военных действиях против стратегов Митридата — Палакий, Хабеи, Неаполь» (VII, 4, 7), и упоминания царских крепостей в херсонесском декрете в честь Диофанта, можно уверенно говорить, что в период скифо-херсонесских войн при этом военачальнике Митридата VI Евпатора эти названия, как и имена царей, уже были хорошо известны в причерноморском регионе. Если два первых топонима и позже установленный третий (Напит) не находятся в противоречии со скифской топонимикой, то Неаполь кажется странным в их ряду.

Нельзя не обратить внимания, что в источниках он стоит не на первом месте, как казалось бы закономерным, если бы в нем, на самом деле, находилась главная резиденция Палака, под предводительством которого скифы воевали с войском Диофанта, или если бы, на самом деле, это была столица Крымской Скифии.

Ни в одном из известных здесь укреплений не выделяется такой уникальный архитектурно-строительный комплекс, характерный, в общем, только для культуры эллинов, как в Неаполе. Синхронны с ним и многие

другие материалы греческого происхождения, способствующие выяснению отдельных вопросов истории и культуры населения первоначального периода существования Неаполя. На базе их комплексного изучения вырисовывается несколько иная картина относительно его основания.

Общепризнанно, что, начиная со второй половины III в. до н.э. вследствие войн и неурожаев Ольвия постепенно превращалась в бедный, пустеющий город. С одной стороны, преданные своему полису граждане предпринимали все возможное, чтобы выжить, укрепить оборонительную систему и наладить разнообразные экономические и культурные контакты с основными центрами Эгеиды и Понта. С другой же, видя бедственное положение и боясь потерять накопленные богатства, многие ольвиополиты и ксены, согласно рассмотренному выше декрету Протогена, уезжали из Ольвии.

В первой половине II в. до н.э. в степях Северного Причерноморья наступает временное затишье, в результате чего стабилизировалась обстановка и в Ольвии. Это могло послужить одним из стимулов того, что ранее покинувшие ее граждане и ксены, а также их потомки начали возвращаться в город, что в значительной степени способствовало подъему его экономики.

Учитывая редчайший случай учреждения сразу нескольких родосских культов божеств как в Ольвии, так и Неаполе на протяжении узкого хронологического отрезка времени, выпуск серебряной монеты по родосской системе, интенсивную торговлю с Родосом, наличие родосских ксенов в Ольвии (*IOSPE. I², 30; HO, 24*) и громадное количество амфорной тары родосского производства, предположительно можно считать, что помимо разных других причин существования столь тесных связей, установились и родственные между представителями ольвийских и родосских семейств.

И поскольку самой яркой фигурой в отправлении и учреждении родосских культов в Ольвии и Неаполе выступает Посидей, то, вполне вероятно, что его отец и он сам были женаты на женщинах с Родоса. В конечном итоге это могло содействовать тому, что Посидей не только как проксен определенное время проживал на Родосе, где проникся верой в божества, почитаемые на этом острове, но и воспитывался в духе иного религиозного мировосприятия, нежели в Ольвии. Во всяком случае, вряд ли эпизодические визиты Посидея на Родос для продажи своих товаров и закупки родосского вина могли бы столь резко сказаться на его мировоззрении, приведя, по сути, к отказу от почитания исконно ольвийских богов, за исключением разве что Ахилла, особенно дорогого как защитника и спасителя на море.

Родос становится крупнейшим экономическим и культурным центром античного мира именно в III - первой половине II вв. Не только родосские торговцы появлялись в самых отдаленных уголках античной ойкумены, но и их города постоянно пополнялись приезжими купцами, ремесленниками, художниками, воинами-наемниками (*Diod. XX, 84; Polyb. V, 88; Vitruv, X, 16, 3-8; Inscript. Lind. I. — P. 51*). Иноземцы чаще всего объединялись здесь в сакральные союзы вокруг культа какого-нибудь божества и возглавлялись эвергетами. В первой половине II в. до н.э. на Родосе существовала специальная коллегия ксенов (*Колобова, 1966. — С.66-67*). Ее члены привлекались к литургиям и служили в ополчении, иногда получали гражданские права и могли исполнять должности полисных магистратов.

Относительно приверженности Посидея к культу богини Родос (сакральная персонификация родосского демоса), а не к культу ольвийского Демоса, интересно то, что на этом острове была создана специальная коллегия иностранцев, именуемая ΣΥΝΘΥΤΑΙ ΡΟΔΙΑΣΤΑΙ ΕΠΙΔΑΜΙΑΣΤΑΙ (*Robert J. et L., 1965. — P. 136*). Дети входивших в нее иностранцев имели больше привилегий, чем их отцы, назывались ΡΟΔΙΟΙ (*Inscript. Lind. I. — P.51*). Исходя из такого их неординарного положения, Ж. и Л. Роберы пред-

полагали, что Посидей, проникшись любовью к родосским божествам, мог и в Неаполе создать частные культовые ассоциации, которые по аналогии с родосскими и соответственно с именами почитаемых в них божеств назывались ΡΟΔΙΑΣΤΑΙ, ΑΤΑΒΥΡΙΑΣΤΑΙ, ΛΙΝΔΙΑΣΤΑΙ (1965. — Р. 136).

Как бы ни решался вопрос о происхождении Посидея, его пребывании на Родосе, в Ольвии и Неаполе, нельзя не признать, что относительно его личности и деятельности остается много спорного и высказано немало противоречивых мнений. Ясно, однако, — и это признают все ученые, — что он был тесными узами связан с Родосом. Около середины II в. до н.э., после подчинения Македонии, как известно, ведущую роль в Средиземноморье начал играть Рим. Его политика, прежде всего, была направлена на то, чтобы уменьшить торговые доходы Родоса путем лишения материковых владений и предоставления Делосу прав свободного порта (см. лит.: Горлов, 1990. — С.202; Лопухова, 1990. — С.232).

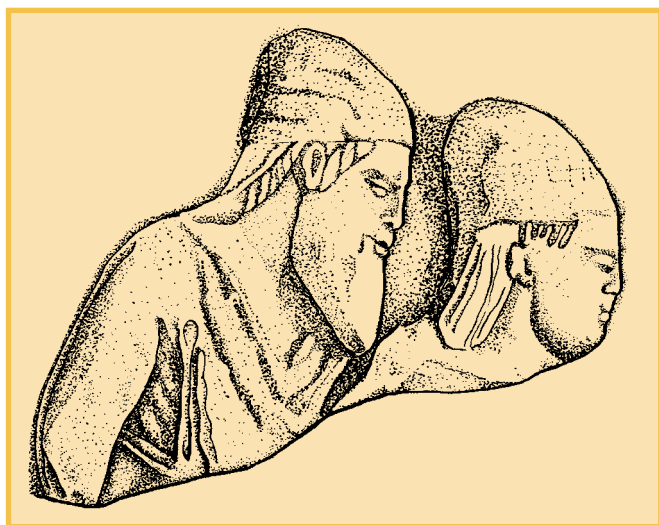
В результате этих событий, действительно сильно подорвавших экономику Родоса, около 164 г. до н.э. Посидей, — вполне вероятно, как и другие ксены, — вынужден был покинуть остров, чтобы не потерять накопленные богатства и собственный торговый флот. Тем более, что в Греции нарастало недовольство римской политикой, постоянно возникали локальные конфликты и ширились слухи о войне. Так что создававшаяся в Средиземноморье ситуация вполне могла стать причиной возвращения Посидея на исконную родину.

Много повидавший и разбогатевший Посидей, проникшийся верой в необычную силу родосских божеств, под покровительством которых Родос стал одним из самых развитых государств в Элладе, где он — а еще раньше и его отец, — стали обладателями больших средств, мог попытаться внедрить их культы и в Ольвии. Вместе с этим он стремился и в уже обедневшем полисе наладить дела, очевидно, вмешиваясь в его политику. В таком случае коренные ольвиополиты, усмотрев в этом нарушение их полисных и демократических традиций, могли выступить против его нововведений. Их нетерпимость к нему стала бы особенно сильной, если на самом деле его отец в трудное время покинул город или же длительное время жил вдалеке от него. Крайнее недовольство ольвийского демоса, возмущенного отъездом зажиточных граждан и теми, кто уклонялся от эвергетики, хорошо прослеживается в декрете Протогена.

В Ольвии Посидей успел поставить, видимо, алтарь широко почитаемой здесь Афродите с эпиклезой Эвплойя (IOSPE. P², 168). Очевидно, в таком поступке ольвиополиты не увидели ничего предосудительного, если культовое сооружение было установлено. Тем более, что Афродите здесь почитали еще с архаического времени с разными эпитетами и время от времени пополняли ее сакральную титулатуру (см. подробнее: Русяева, 1992).

Дальнейшие действия Посидея в Ольвии неизвестны. Его имя, несмотря на его религиозность и отношение к элитарной части ольвийского общества, не отмечено и в списке эпонимов и жрецов Аполлона Дельфиния (IOSPE. P², 201), хотя в нем, по наблюдению исследователей, можно проследить имена дедов, отцов, внуков, возможно, братьев и племянников из знатных и состоятельных фамилий (Виноградов, 1989. — С.220). Вполне вероятно, что после каких-то неугодных для ольвиополитов действий со стороны Посидея ему вместе с родственниками и сторонниками пришлось по своей воле или по решению сограждан покинуть Ольвию. В противовес им, как жителям ΟΛΒΙΝ ΠΟΛΙΣ, он решил основать новый полис — ΝΕΑ ΠΟΛΙΣ.

В Северном Причерноморье нет ни одного названия населенного пункта, составной частью которого являлся бы столь прозрачный термин, как ΠΟΛΙΣ. Поэтому в наименовании нового городища несомненна связь

Надгробный рельеф Скилура
и одного из его сыновей.
Неаполь. II в. до н.э.

с Ольвией, в нем закодировано стремление создать новое полисное образование по древнейшим канонам. Вообще религия представляла основу и всегда была главным символом каждого греческого полиса, всех сфер духовной жизни гражданских общин. То же самое мы наблюдаем и во всех северопонтийских полисах: гражданская община, какой бы маленькой она ни была, первоначально закладывает теменос, чтобы заручиться и на новом месте поддержкой и защитой почитаемых божеств. С этого же начал организацию своего полиса и Посидей.

Если земли в районе будущего Неаполя уже находились под контролем скифов, то Посидею за соответствующие дары и организацию торговли с ними ничего не стоило получить разрешение на его основание в Таврике. Согласно Страбону (*VII, 4, 6*), скифы-кочевники в Крыму предоставляли землю всем желающим за умеренную плату. Более того, скифский царь — скорее всего, Скилур, — был бы заинтересован в таком мероприятии эллинов.

Хотя культурные слои первоначального периода существования любой апойкии фиксируются крайне слабо, из-за чего весьма сложно определить точную дату появления первопоселенцев, все же в Неаполе имеются определенные данные, указывающие на то, что примерно в пределах 160-140 гг. до н.э. здесь отсутствовали какие-либо выразительные следы собственно скифской культуры (*Зайцев, 1992; 1995*). Любопытно, что для городища было избрано место, которое в плане напоминает Ольвию: треугольная форма, ограничение с двух сторон глубокими балками и с третьей — быстровой рекой, что создает в целом естественную защиту.

Здесь переселенцы заложили сразу же участок для теменоса и ряд усадеб греческого типа. На теменосе сравнительно быстро были сооружены небольшой каменный храм, возможно, даже не типичной схемы, — или же он превратился в таковой после перестроек скифами, — алтари, портик, другие культовые постройки, поставлены статуи божеств на невысоких постаментах (ср.: *Зайцев, 1990*). Причем большинство из известных по посвячительным надписям (богиня Родос, Зевс Атабирий, Афина Линдия, Ахилл) поставил от своего имени и на свои средства Посидей, одну — Деметре — Евмен, судя по имени, безусловно, ольвиополит (*IOSPE. I², 673*).

Отсутствие в их посвящениях закономерного указания на этникон может свидетельствовать только о том, что они уже считали себя неапольцами — гражданами новообразованного полиса. По-видимому, одновременно проводилось строительство оборонительных стен, которые по тех-

нике и внешнему виду весьма сходны с ольвийскими (*Высотская, 1979*). Для проведения столь масштабных работ требовалась большая рабочая сила, состоявшая, очевидно, из наемных рабочих как греческого, так и негреческого происхождения. Архитектурное сходство с ольвийскими сооружениями и строительная техника указывают на то, что в данном строительстве принимали участие архитекторы и строители из Ольвии.

Феноменальное внедрение одним человеком сразу нескольких культов, характерных для Родоса, — к вышеперечисленным исконно родосским, предположительно можно добавить и Гелиоса, — в Неаполе и в Ольвии требует, разумеется, отдельного большого исследования, что выходит за рамки данной темы. Необходима также сравнительная характеристика теменосов, их строительно-материальных и культовых источников как собственно с ольвийскими, так и родосскими эллинистического времени. Следует думать, что сюда из Родоса доставлялись не только амфоры с вином, но и другие керамические изделия, а также скульптура и терракотовые статуэтки. С одной стороны, здесь имеются предметы культового назначения чисто ольвийского облика, а с другой, на первый взгляд, оригинальные и как будто не имеющие аналогий, но, возможно, лишь потому, что не проведен пока сопоставительный анализ с родосскими изделиями соответствующего периода.

По всей видимости, почти сразу, как только были возведены первые культовые сооружения и поставлены статуи, Неаполь был захвачен Скилуrom. Так, первоначально быстрый расцвет уникального по своей сути небольшого политического и культурного центра в сердце варварского окружения был вскоре прерван. Сакральная зона эллинов Неаполя была превращена в царскую резиденцию. Однако, вряд ли когда-либо можно будет точно установить, как поступили в таком случае основатели Неаполя во главе с Посидеем: остались ли они на службе у Скилура, погибли или же перебрались снова в Ольвию, которая тоже какое-то время находилась в его экономической зависимости, выражавшейся в уплате дани (*ср.: Латышев, 1887; Жебелев, 1953. — С. 89; Славин, 1967; Виноградов, 1989. — С. 230 сл.*).

В связи с этим представляется целесообразным вслед за Посидеем рассмотреть все имеющиеся источники о личности и царствовании Скилура.

Откуда и каким образом этот царь появился в Северо-Западной Таврике, неизвестно. Его предшественники не упоминаются ни одним из античных авторов. Видимо, они ничем особым не выделялись во взаимоотношениях с античными городами, благодаря чему сведения о них, чаще всего, так или иначе фиксировались в эпиграфических памятниках или сочинениях разных писателей. До настоящего времени точно не выяснено, когда же именно в позднеэллинистическое время заняли таврическую зем-лю скифы и какие это были скифы.

Неясно, каким образом можно было бы связать с ними упоминаемых в Протогеновом декрете скифов. Однако, учитывая то, что они искали укрепленное место, а крымские скифы построили целый ряд крепостей, вполне допустимо, что это были те же варвары, численно небольшое племя, пришедшее сюда под натиском сарматов из района Меотиды или Восточного Крыма. Сведения декрета в честь Протогена весьма важны, так как во II в. до н.э. вожди этого племени, видя нарастание военной угрозы со стороны более сильных племен как с востока, так и запада, осознали необходимость иметь собственные крепости, которые относительно быстро возникли в Крымской Скифии (*Колтухов, 1989*). Соответственно Страбону (*VII, 4, 5*), как и в Добрудже, она именовалась Малой Скифией.

Современные исследователи по-разному интерпретируют это царство (*ср.: Harmatta, 1951. — Р. 228; Жебелев, 1953. — С. 88 сл.; Высотская, 1979; Шульц, Зубарь, 1986. — С. 240 сл.; Зайцев, 1995; 1999*). Если С.А. Жебелев

Фрагмент рельефа
с изображением
скифского всадника.
Неаполь. II в. до н.э.

считал его исключительно греко-скифским, а М.И.Ростовцеву представлялось, что оно могло быть организовано при помощи ольвиополитов, то в последнее пятидесятилетие — главным образом, из-за взаимоисключающих взглядов П.Н.Шульца (1953; 1957, 1971), фактически отрицающим влияние греков на культуру поздних скифов, а тем более их непосредственное присутствие в Неаполе, либо видевшим только крайне минимальное их воздействие, — определение «греко-скифское царство Скилура» окончательно вышло из употребления в научной литературе.

Время жизни и царствования Скилура устанавливается приблизительно. Страбон привел два разных свидетельства о том, сколько у него было сыновей: по Посидонию — 50; по Аполлониду — 80 (VII, 4, 3). Даже если речь шла вообще обо всех детях царя, то их большое количество можно объяснить существующей в скифском обществе полигамией. Судя по справке Страбона, этот царь вряд ли принимал участие в «Диофантовых войнах», которые в общем происходили около 114/113-110/109 гг. до н.э. (Виноградов, 1989. — С.69 сл.). Во главе скифов находился его старший сын Палак, с которым воевали и его многочисленные братья. Этой информации соответствует и херсонесский декрет в честь Диофанта, где речь идет о войне с Палаком, а Скилур вообще не упоминается (IOSPE. I², 352). Думается, что это наиболее важные аргументы в пользу того, что во время войны скифов против Херсонеса и Митридата VI Евпатора Скилура уже не было в живых (Виноградов, 1987. — С.69-70).

Кроме того, нельзя не обратить внимание и на то, что в центральной гробнице неапольского мавзолея на рубеже II-I вв. до н.э. был похоронен, судя по возрасту (40-45 лет, согласно М.М.Герасимову), не Скилур, а один из его сыновей (см.: Погребова, 1961. — С.174-179; Виноградов, 1989. — С.249). В последнее время против такого отождествления выступил Ю.П.Зайцев (1999. — С.136). На основании более уточненных датировок инвентаря в сочетании с общими закономерностями эволюции дворца он отдаёт

предпочтение Скилuru. Исходя из всех вышерассмотренных источников, предположительно можно считать, что наиболее успешное и деятельное правление Скилура относится ко второй половине II в. до начала войны с Диофантом.

Другие источники о его личности также малоинформативны. Это, прежде всего, медные монеты с его именем и портретным изображением, выпускавшиеся на ольвийском монетном дворе приблизительно в 140-120 гг. (ср.: Фролова, 1964. — С.44-55; Каришковский, 1973. — С.28-33; Анохин, 1989. — С.52-53; Виноградов, 1989. — С.231 сл.). Ни одна его монета вне пределов Ольвии не найдена.

Относительно этих монет, как и монет Атея, особенно в сопоставлении их с чеканкой царей Малой Скифии в Добрудже, высказаны самые различные взгляды. Наиболее правы исследователи, считающие, что чеканка монет варварскими правителями «носила ярко выраженный демонстративный характер; она была явно подчинена политико-пропагандистским целям поставить себя на один уровень с могучими эллинистическими монархами, во всем подражая их моде» (Виноградов, 1989. — С.235 — с лит.).

В свою очередь, Ю.П.Зайцев, базируясь уже на других источниках, в том числе и на предполагаемом обожествлении Скилура, определяет его державу как государство с признаками эллинистической монархии и одновременно с чертами раннеклассовых структур дворцово-храмового типа (1999. — С.147). В данном случае следует признать, что Ольвия продолжала чеканить свою собственную монету, оставаясь независимой политически и экономически, если имела возможность проводить самостоятельную финансовую политику, внутреннюю и внешнюю торговлю, религиозные мероприятия и т.д. Определенная зависимость состояла лишь в том, что она вынуждена была выплачивать форос, но был ли здесь на самом деле «военно-оборонительный» союз или протекторат, выяснить трудно (ср.: Виноградов, 1989. — С.230 сл.; Анохин, 1989. — С.52 сл., Крижицкий, Кравівіна, Лейпунська, 1994).

На отдельных монетах Скилура изображена мужская бородатая голова с длинными волосами (Анохин, 1989. — № 324). Одни нумизматы определяют ее как портрет Скилура, другие считают его Таргитаем или Папаем, а то и просто бородатым скифским божеством (Каришковский, 1973. — С.28-33, 1988. — С.102). В позднеэллинистическое время, с появлением множества портретных изображений самых разных правителей, вряд ли ольвиополиты по желанию Скилура или по своим собственным соображениям не смогли бы представить его на монетах. Не имеется никаких оснований, чтобы эту мужскую голову приписывать какому-либо из скифских мифологических персонажей, поскольку это уже был совершенно иной скифский мир, не имеющий ничего общего со скифами времени Геродота.

Образы греческих божеств и их атрибуты на монетах с именем Скилура, очевидно, символизируют характер взаимоотношений этого царя с Ольвией. Преобладание на них Гермеса может свидетельствовать как о налаженном торговом обмене между греками и скифами, так и о религиозных симпатиях Скилура, его знании эллинских культов и их функций.

Определение женской головы в покрывале как Деметры или какой-то скифской богини (ср.: Каришковский, 1988. — С.102; Анохин, 1989. — № 325) на Скилуриных монетах неубедительно с двух точек зрения: на ольвийских монетах Деметра изображалась с присущими для нее атрибутами или эмблемой Ольвии без головного убора; повозка на реверсе этих монет отражает определенную реальную ситуацию в соотношении с женщиной в покрывале, вернее, брошенной на голову гиматии, но таким образом, что хорошо видна большая подвеска или серьга в ухе. Поэтому вряд ли

будет большая ошибка в том, если это голова скифской царицы, одной из жен Скилура, ольвиополитки по происхождению, которая на такой «повозке» приезжала вместе со своим супругом, едущем на коне, или в сопровождении скифской стражи в Ольвию.

Для заключения подобного брака у Скилура были все возможности и сложившаяся в его время внешнеполитическая обстановка. То, что Ольвия, в отличие от Херсонеса, не подвергалась нападениям скифов и не стала их вассалом, в значительной мере является показателем каких-то более тесных взаимоотношений Скилура с ольвийской аристократической знатью. Если это так, то отсюда могло идти и стремление подражать эллинским правителям, и желание иметь собственную монету.

Но Ольвийский полис в этот период, как, видимо, и сам царь, не обладали настолько большими средствами, чтобы выпустить золотые или хотя бы серебряные монеты. Скилур находился в родственных отношениях и с боспорским царским родом, его дочь Сенамотис, если правильно восстановление надписи, была замужем за Гераклидом, одним из его представителей, а скорее всего, даже братом Перисада V (*Виноградов, 1987*).

Любопытно, что монеты Ольвии времени царствования Скилура содержат множество быстро сменявших друг друга образов разных богов с их защитными символами (Геракл и палица; Афина, круглый щит и копье; Артемида, лук и горит; Гермес и кадущей), которые, в свою очередь, могут указывать, что Ольвия, хотя и не потеряла свою автономию, однако находилась в постоянной тревоге за судьбу полиса, надеясь на помощь исконных богов-защитников. Ю.Г.Виноградов, правда, считает, что во взаимоотношениях Ольвии со Скилуром все складывалось намного проще. «Но, так как Скилур удерживал в руках прибрежные территории к западу от Перекопа вплоть до Днепра, ему удалось при известных условиях установить протекторат над Ольвией. Нет оснований предполагать, что их взаимоотношения с самого начала сложились на основе политического монолога, одностороннего диктата. Ольвиополиты получали у своего могучего протектора военные отряды для защиты рубежей полиса от опустошительных набегов соседних варваров и одновременно обеспечивали свою безопасность с востока. Взамен они расплачивались, видимо, той же ценой, что и Сайтафарну: либо постоянным форосом, либо время от времени выплачиваемыми дарами» (*1989. — С.245*).

Кроме того, по мнению Ю.Г.Виноградова, Скилур, помимо дани, получал и ольвийский торговый флот с опытными экипажами, принадлежавший таким крупным судовладельцам, как Посидей. Скифская столица привлекала ольвийских богачей, где они подолгу жили, становились приближенными царя, нуждавшегося в греческих советниках, экспертах, военачальниках и т.п. (*Там же. — С.245*).

Однако, относительно того, как сложились отношения Скилура и Посидея, если только наша версия об основании последним Неаполя верна, сказать трудно. Другое дело, что многие ольвийские богачи, жившие в Неаполе, после его захвата скифами или непрямого протектората над ним, перешли на сторону царя и служили ему, поскольку у них не было иного выхода.

Ведь для того, чтобы синхронизировать надписи Посидея и монеты Скилура, а по ним — и его протекторат над Ольвией, Ю.Г.Виноградов так или иначе пытается сблизить датировку обоих источников (*1989. — С.250*). Посвящения Посидея по палеографии, чаще всего, датируются в пределах первой половины II в., во всяком случае, не позднее второй четверти — середины этого столетия. Монеты же имеют более растяжимую датировку. Так, П.О.Карышковский относил их вообще к 140/135 — 115/110 гг. (*1988*).

Оборонительная
стена Неаполя
Скифского.
Реконструкция
Т.Н. Высотской.

— С.101); более близок к этой датировке и В.А.Анохин (1989. — С.53). Ю.Г.Виноградов же только из-за кажущихся тесных взаимоотношений Скилура и Посидея считает, что протекторат над Ольвией, как и выпуск ею монет скифского царя, необходимо датировать 50-40 гг. II в. до н.э. (Виноградов, 1989. — С.250).

Явная несогласованность и противоречивость этих важнейших источников свидетельствует также в пользу того, что Посидей основал Неаполь на рубеже второй-третьей четверти II в. и только после того, как он подчинился скифам, если был жив, мог остаться на службе у него и содействовать установлению каких-то отношений между ним и Ольвией.

Исходя из важнейшего источника — монет с именем Скилура и собственно ольвийских полисных монет, часто сопровождаемых одинаковой символикой, а тем более чеканившихся из одного металла — меди, это произошло в пределах 40-15 гг. II в. до н.э. Скорее всего, в это время в Неаполе все культовые постройки греческих богов стали использоваться скифами и реконструироваться соответственно их обычаям и образу жизни.

Известно, что какие-то рассказы о Скилуре и его сыновьях фигурировали в сочинениях греческих авторов. М.И.Ростовцев полагал, что Артемидором Эфесским в конце II в. до н.э. был составлен специальный перипл, отражающий этно-географическую и политическую ситуацию в Причерноморье, в том числе и в Таврике (1914а. — С.12). Скилура к тому времени уже не было в живых, но здесь остались его воинственные сыновья, стремившиеся военной силой и хитростью покорить греческие государства: Палак — Херсонес, Савмак — Боспор. Не исключено, что кто-нибудь из них претендовал и на Ольвию. Вообще, трудно предсказать, как бы сложилась судьба эллинов северопонтийских городов, если бы не вмешательство и помощь царя Понта Митридата VI Евпатора.

Согласно Плутарху (SC. I. — P.496), Скилур наставлял своих многочисленных сыновей действовать сообща при помощи дротиков, потому что только при поддержке друг друга в своем неделимом царстве они всегда будут сильными и непобедимыми. Из имеющихся источников ясно, что распад Скифского царства начался после его смерти — после поражения скифов в войне с Херсонесом и подчинением их Митридатом Евпатором. Хотя это подчинение во многом было номинальным, Скифское царство уже никогда не стало таким, как при Скилуре. Мирная, союзническая политика этого царя с Боспором, Ольвией, нижнеднепровскими городи-

щами, — если только последние вообще не входили какое-то время в его владения, — централизованное управление всеми подчиненными племенами, большая строительная деятельность, в особенности крепостей, способствовала его славе и влиянию в Северном Причерноморье.

Приписываемый ему и его сыну Палаку мраморный рельеф с изображением двух скифов — пожилого и совсем юного (*Шульц, 1946. — С.44-57 — с лит.*), при том, что не имеется сопроводительной надписи, можно лишь сугубо гипотетически считать таковым. На нем сохранились только верхние части фигур скифов в войлочных шапках, перевитых, очевидно, золотыми лентами. Бородатый скиф одет в рубаху с треугольным вырезом, по краю отороченным мехом. Его немолодое волевое лицо с опущенными вниз из-под нависающих бровей глазами и длинной бородой контрастирует с юным энергичным лицом сына, взгляд которого устремлен вдаль и несколько в сторону. Постановка фигур и их расположение соответствуют тому, что они могли быть изображены сидящими на лошадях.

Но не имеется никаких данных для того, чтобы уверенно относить данный рельеф к прижизненным портретным памятникам двух именитых скифов, как это представляется П.Н.Шульцу (*1946. — С.44 сл.*). В связи с тем, что рядом со старым скифом, если он действительно Скилур, изображен очень молодой юноша, возникает сомнение, может ли он при таком отце быть старшим сыном Палаком, которому по наследству перешло царство. Но если это все-таки надгробие, то рядом со Скилуrom представлен один из его младших сыновей, погибший или умерший вместе с отцом.

Однозначное решение в данном случае невозможно по ряду причин, и, в первую очередь, потому, что мы точно не знаем, кем на самом деле были эти скифы и каким временем можно датировать скульптуру. По своим стилистическим особенностям она относится к широкому хронологическому отрезку времени: II в. до н.э. — I в. н.э. В представленных образах не имеется царских атрибутов, и невозможно сравнить бородатого скифа с бородатым Скилуrom на монете, где из-за плохой сохранности лишь угадываются отдельные черты. Памятник, несомненно, был изготовлен греческим скульптором, а не скифом.

Итак, как это явствует из приведенного обзора разных источников о Посидее и Скилуре, очевидно, что история Неаполя времени его основания, а затем превращения в царскую крепость скифов остается малоизученной, если существуют в науке столь противоположные точки зрения относительно этого вопроса, а также и личностей, с ним связанных. Исследование всего комплекса вопросов затруднено, в первую очередь, тем, что все культовые сооружения и культурные слои, относящиеся к греческому периоду истории Неаполя и его основанию, раскапывались в XIX в., в результате чего многое утеряно, и не все исследовано методически верно.

Более того, детальный и объективный анализ всего комплекса материальной и духовной культуры греков в Неаполе, их целенаправленное исследование в сравнении с ольвийской и родосской вообще не проводились, хотя, безусловно, могут дать весьма важные результаты для лучшего понимания и раскрытия личности Посидея, а вместе с ним и царя Крымской Скифии Скилура. Об их взаимоотношениях и совместной деятельности на благо процветания этого царства, но в урон Ольвии, можно будет судить после такого исследования, а также убедительных датировок как монет, так и надписей, выявления динамики последовательно сменявшихся друг друга этих важнейших источников.

Пока же предположительно можно придти к заключению, что Посидей, сын Посидея, является основателем Неаполя, учредителем и пропагандистом в новом полисе совершенно не известных ранее в Причерноморье

рье культов родосских божеств. Вместе с тем, он остался верен ольвийскому культу Ахилла и был защитником от пиратов его святилища на острове Левке. Посидей — гражданин трех полисов: по происхождению — ольвиополит; по роду деятельности (а возможно, и благодаря отцу) — почетный гражданин Родоса и проксен; после основания Неаполя — гражданин этого полиса, имеющего соответственно ряд сходных черт как с культурой Ольвии, так и Родоса.

После превращения созданной им святыни любимых богов в скифскую резиденцию сомнительно, чтобы он лично добровольно служил Скилуру. Другое дело, если Скилур при его жизни не превратил сакральные комплексы греков для отправления культов скифских божеств и проживания в них. Вполне вероятно, что столь резкие изменения в Неаполе начали происходить при Палаке после смерти Посидея и Скилура.

Насколько дискуссионны и все еще неудовлетворительно или мало изучены вопросы правления Скилура и его личности, показывает и недавно высказанная совершенно новая точка зрения о его происхождении. Проанализировав внешнеполитические связи, первые продвижения сармат на запад, захват ими Скифии, проведя сравнительные сопоставления погребальных сооружений и комплексов, Ю.П.Зайцев склонен считать, что Скилур не являлся собственно скифом. «Такая постановка вопроса, вероятно, может послужить достаточно весомым основанием для корректировки истории царства Скилура и делает весьма актуальной проблему соотношения этой личности с конкретным этносом или народом. Обряд и инвентарь его предполагаемого захоронения, совершенно не типичные для Крыма, прямо указывают на районы Прикубанья и Таманского полуострова, в связи с чем пристальное внимание необходимо обратить на одну деталь. Явные следы лобной искусственной деформации черепа из каменной гробницы мавзолея (редчайший случай для периода позднего эллинизма) сопоставимы с предложением С.Я.Яценко о существовании такого обычая среди немногочисленного царского клана сираков, которое основано на сообщении Зинобия о «выборах» сиракских царей из числа самых длинноголовых. Не свидетельствует ли это о том, что Скилур был выходцем из аристократического рода сираков Прикубанья?» (Зайцев, 1999. — С.142-143. — с лит.).

Такой неожиданный поворот относительно происхождения Скилура привлекает внимание, хотя и требует еще дальнейшего исследования, в особенности после того, как был найден в Неаполе надгробный памятник с эпитафией царя Аргота, и продолжается изучение вопросов более конкретной локализации сираков в III-II вв. до н.э. после их изгнания из Прикубанья.

Савмак

В Северном Причерноморье античной эпохи не имеется ни одной подобной исторической личности, которая бы породила о себе и вокруг себя столь много разнообразных и противоположных научных версий, как Савмак. Кроме того, еще и тесно связанной с недавним прошлым нашей истории, и с коммунистической идеологией. Сама по себе личность Савмака темная и малоинтересная. Ее изучение представляет интерес в ракурсе истории Боспора в переходный период правления от Перисада V к Митридату VI Евпатору, а также в историографическом плане. Краткое рассмотрение истории изучения восстания Савмака на Боспоре помогает во

многим раскрыть и те события, которые привели к падению династии Спартокидов, и некоторые грани характера и происхождения предводителя восстания. Сразу следует отметить, что наиболее полный филологический анализ историографии декрета в честь Диофанта, в котором сказано об этих событиях на Боспоре, сделал З.Робинзон (*Robinson, 1980*), относительно же Савмака — А.К.Гаврилов (*1992*).

Поэтому целесообразно, прежде всего, обратиться к этому единственному источнику — декрету в честь Диофанта, поставленному херсонеситами в благодарность за спасение от скифов. В этом документе важны два отрывка, непосредственно касающиеся Савмака: «Отправившись в боспорские местности, он (Диофант) устроил тамошние дела прекрасно и для пользы царя Митридата Евпатора; когда скифы во главе с Савмаком совершили государственный переворот и убили воспитавшего его царя Боспора Перисада, а против него составили заговор, он (Диофант), избежав опасности, сел на отправленный за ним гражданами (Херсонеса) корабль и, прибыв, и упросив граждан, а также имея ревностное содействие со стороны посланного его Митридата Евпатора, в начале весны прибыл с сухопутным и морским войском, а кроме того взял и отборных граждан на трех кораблях, и, отправившись с нашего города (Херсонеса), захватил Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватил в свои руки, выслав в царство и возобновив власть царя Митридата Евпатора» (*IOSPE. I², 352*).

Приведенный пассаж, естественно, не раскрывает всех деталей и подробностей тех событий, которые происходили в 112–110 гг. до н.э. на Боспоре и в Скифском царстве. Отсюда ясно, что в период пребывания на Боспоре Диофанта, который, как принято сейчас многими исследователями, договорился о передаче престола понтийскому царю Митридату Евпатору, скифы под предводительством Савмака подняли восстание, убили последнего Спартокида, захватили ключевые позиции в царстве и продержались здесь, видимо, около года, пока Диофант снова не собрал войско и не расправился с восставшими, после чего главным правителем считался Митридат, а Боспор — одной из областей мощного Понтийского царства (см. лит.: Молев, 1994. — С.114 сл.; Сапрыкин, 1996. — С.140 сл.).

Такое возобновление власти на Боспоре, — как и почему это случилось, — из декрета понять невозможно. Пояснение к нему сохранилось в короткой справке Страбона о том, что Перисад вынужден был передать свою власть царю Понта Митридату из-за требований варваров платить дань большую, чем раньше, чему Перисад не мог противостоять (*Strabo. VII, 4, 4*). Исходя из этого, в сопоставлении с декретом, можно понять, что Савмак начал восстание только после того, как Перисад отрекся от своего сана в пользу Митридата, в чем ему дипломатическими переговорами способствовал его стратег и доверенное лицо Диофант. Возможно, первоначально он имел поручение управлять делами на Боспоре, но неудачи, возникшие в связи с восстанием Савмака, убийством боспорского царя и его бегством изменили судьбу Диофанта, несмотря на то, что он исправил свои ошибки и подавил восстание.

Обо всем, что осталось за рамками херсонесского декрета и очень кратких сведений Страбона, исследователи при решении вопросов о причинах и движущих силах, а также характере восстания, происхождении Савмака и цели предпринятого им переворота высказали множество различных гипотез и концепций. В общем, можно выделить два главных направления в изучении вышеотмеченных вопросов.

Начало интенсивному исследованию восстания Савмака было положено С.А.Жебелевым, которого вряд ли стоит сейчас обвинять в конформиз-

ме и поддержке сталинских идей, хотя в его статье «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» действительно просматривается влияние идеологии 30-х годов и, по-видимому, моральное давление кого-то из советских политиков. Очевидно, у него были еще какие-то причины, чтобы именно на широком историческом фоне отразить восстание Савмака, хотя, как видно, из приведенного отрывка Диофантова декрета, не было никаких достоверных источников, чтобы так «раздувать пламя освободительной борьбы угнетенных народов на Боспоре» (Жебелев, 1953. — С.100-115).

Представляется, что заранее была определена цель возвеличить Савмака как предводителя этой борьбы. Поэтому этот ученый с пафосом описал, как «многочисленное скифское неселение, население подневольное, бесправное, эксплуатируемое, — население, для которого переход власти в руки Митридата не мог сулить никаких надежд на изменение его социального и экономического положения, «ответило» революционным выступлением» (Там же. — С.100-101).

Соответственно концепции С.А.Жебелева, Савмак был рабом по происхождению, вскормленным Перисада V, а поднятые им скифы — тоже рабы. Причины восстания коренились в глубоких социальных противоречиях и вражде «между классом угнетателей и классом угнетенных, между классом господ и классом рабов. Эта классовая вражда вылилась, в конце концов, в открытую классовую борьбу в виде восстания скифских рабов в европейской части Боспорского государства» (Там же. — С.103).

Подобная характеристика и определение причин восстания не требуют сейчас подробного комментария. Очевидно, они были спровоцированы не реальностью источника, в котором и намек не было на что-либо подобное, а известной всем идеологией. Это находит подтверждение и в том, что С.А.Жебелев считал, что успех «скифской революции на Боспоре объясняется, в значительной мере, не только сложившимися социальными условиями на Боспоре, но, несомненно, и тем, что все его туземное неселение, может быть, за исключением его верхов, оказалось тесно сплоченным в своей вражде к господствующему и эксплуатирующему скифов классу»; пробудившимся в нем национальным (племенным) самосознанием и стремлением создать свое собственное царство (Там же — С.112).

Обращает внимание удивительное сходство терминологии этой статьи С.А.Жебелева с работами советских историков об октябрьской революции. Он не скрывал того, что для него важным и интересным было показать, что восстание скифских рабов на Боспоре под руководством «прозревшего» раба Савмака являлось первым революционным восстанием угнетенных против своих угнетателей в античных колониях на территории СССР (Там же. — С.115).

Эта «революционная» концепция сразу же обратила внимание многих ученых. Восстание рабов как «освободительно-национальное», массовое и народное, жестоко подавленное, вошло во все учебники по истории.

Одни из исследователей почти полностью восприняли концепцию С.А.Жебелева и даже несколько развили ее дальше в том же направлении. Так, В.Ф.Гайдукевич полагал, что восстание было более широкомасштабным, охватившим территорию всего Восточного Крыма, в нем принимали участие разные слои населения: городские ремесленники, особенно зависимые крестьяне, другой рабочий люд и рабы (1962. — С.20-23; 1967. С.20-22; 1968. — С.89). Савмака он также считал рабом, хотя иногда отмечал, что в декрете отсутствуют прямые указания о социальном статусе.

Решительно в защиту концепции С.А.Жебелева выступал и В.В.Струве (1950. — С.23 сл.). Рассмотрев подробно пассаж о Савмаке в Диофантовом декрете, он пришел к единственному выводу о том, что тот во всех своих

**Статер
Перисага IV.**
Около 150-140 гг.
до н.э.
Золото.

заклучениях прав. Близки к этому и взгляды Д.И.Каллистова, отметившего, что статья С.А.Жебелева пользовалась большой популярностью не только у антиковедов, но и у историков славян, поскольку он «путем тонкого и глубокого анализа известного херсонесского декрета в честь Диофанта доказывает, что в конце II в. до н.э. на Боспоре имел место не «дворцовый переворот», а произошло грандиозное по тому времени восстание рабов-скифов, до самого основания потрясшее государство боспорских рабовладельцев» (1953. — С.14).

Одним из последних, кто значительно развил концепцию Жебелева-Гайдукевича, был А.Е.Молев (1976. — С.40-43). Путем реконструкции долголетней борьбы Диофанта за Феодосию, Пантикапей и другие пункты со значительными потерями, штурмом столицы и смертью основного количества ее защитников (скифов), он также пришел к выводу, что национальное самосознание скифов стало намного выше, а недовольство многовековой экономической зависимостью от греческих городов Боспора стало основной причиной их выступления.

При этом ни один из этих авторов не вспомнил, что, наоборот, греческие города вынуждены были платить форос скифским царям и вождям других варварских племенных объединений, и что, собственно, в Диофантовом декрете вообще не идет речь о таких глобальных революционных событиях и идеологических противостояниях.

Несмотря на то, что в науке длительный период господствовала точка зрения С.А.Жебелева и его сторонников, которые столь резко выступили против взглядов других ученых, в последнее время все большую поддержку находят именно они. Ни идеологический пафос статьи автора о революции рабов на Боспоре, ни сильное влияние современной ему политики, что весьма откровенно просматривается в ней, не послужили препятствием для трех ученых, которые вскоре после ее публикации, хотя и в осторожной форме, критиковали его толкование отдельных терминов в пассаже, имевших большое значение для понимания как личности Савмака, так и всех событий на Боспоре (Коцевалов, 1937. — С.109-114; 1955. — С.22-26; Lurie, 1959. — P.76 сл.; Казакевич, 1963. — С.57-70).

Относительно критики А.С.Коцевалова, интересно, что несогласный с ним С.А.Жебелев отмечал, что не завидует его пылкой фантазии, создавшей такую «рабочую гипотезу» (1953. — С.115, прим.1). Насколько изучение восстания Савмака было связано с советской идеологией, показывает и то, что С.Я.Лурье, выступивший с критикой Жебелева в 1948 г., смог опубликовать свой доклад только в Польше в 1959 г.

Независимо от него к сходным выводам — то есть, что Савмак не являлся вскормленником Перисада, а значит, и не был рабом, — пришла и

Статер
Перисада V.
Около 125-115 гг.
до н.э.
Золото.

Е.Л.Казакевич (Грейс) (1963). Все трое единодушно считали таковым стра-тега Диофанта, приложившего все силы для того, чтобы присоединить Боспор к Понтийскому царству. Выступив в защиту рабского происхожде-ния главного предводителя восстания, В.Ф.Гайдукевич упрекал их в увле-чении филологическим анализом вопроса, вследствие чего может случить-ся так, что «из-за деревьев не будет видно леса» (1967. — С.81).

Находка надписи дочери Скилура Сенамотис дала возможность Ю.Г.Виноградову подойти к решению данного вопроса с несколько других позиций и решительно отвергнуть концепцию С.А.Жебелева и его сторон-ников (1987. — С.76 сл.; Vinogradov, 1997. — S.545-562). Действительно, дек-рет Диофанта не дает никаких прямых оснований считать восставшими каких-то других скифов, кроме группы заговорщиков во главе с Савмаком, из текста которого также нельзя утверждать, что он являлся вскормленни-ком Перисада. Правда, Э.И.Соломоник все еще поддерживает старый перевод этого текста из декрета в честь Диофанта (1990. — С.23).

Во многих отношениях обоснованную критику интерпретации отрыв-ков Диофантова декрета о Савмаке не так давно представил А.К.Гаврилов (1992. — С.53-73). По его мнению, интерпретация С.Я. Лурье и Е.Л. Каза-кевич не может вызывать никаких сомнений. Он дал высокую оценку С.Я.Лурье, которому впервые удалось пересмотреть уже ставшее традици-онным и общепринятым толкование этого отрывка: ученый взялся за новое объяснение текста, ибо конструкция С.А.Жебелева оказалась довольно шаткой; кроме того, он не касался идеологических вопросов, что в итоге помогло ему рационально переосмыслить и грамматически пра-вильно прочесть отрывок, относящийся к восстанию Савмака (Гаврилов, 1992. — С.62-63; Vinogradov, 1997. — S.562).

Однако в столь тщательно построенной, со многими филологически-ми выкладками защите чтения С.Я.Лурье, недостает того, что ему остались не известными статья А.И.Немировского (1978. — С.66-70) и работы гру-зинских историков (Ломоури, 1979. — 79-80; Тодуа, 1990. — С.50-52). Они не согласны с точкой зрения С.Я.Лурье и считают, что воспитанником Перисада V был сам Митридат VI Евпатор в тот период, когда он, будучи совсем молодым, находился в семилетнем изгнании. Эти взгляды убеди-тельно развиты дальше С.В.Сапрыкиным, показавшим в филологическом и историческом аспектах приемлемость и непротиворечивость такого тол-кования отрывка (1996. — С.142-145).

Таким образом, в интерпретации сложного, хотя и очень краткого тек-ста о происхождении Савмака в настоящее время существует три главных версии: Савмак был вскормленником Перисада и дворцовым рабом; Сав-мак не имеет никакого отношения к этому, потому что воспитывался Дио-

фант; на самом деле воспитанником был Митридат Евпатор, получивший от бездетного Перисада Боспор по наследству.

Рассмотрение историографии Савмака показывает, с одной стороны, насколько важное значение имеет правильное истолкование источника, а с другой, как рискованно объяснять исторические события прошлого с позиций современной идеологии. Сейчас нет сомнения в том, что Савмак был на самом деле совсем не таким, каким он, благодаря С.А.Жебелеву, представлялся многим исследователям и всем тем, кто так или иначе касался вопроса о так называемом восстании рабов на Боспоре.

Однако, можно ли сейчас, после стольких концепций, версий, гипотез более-менее конкретно выяснить, кем на самом деле был Савмак? Когда исследователь имеет в своем распоряжении только один источник, к тому же столь неоднозначный в своем истолковании, в котором нет и намека на то, кем он был, какое отношение имел к последнему боспорскому царю, почему он за власть на Боспоре стал цареубийцей, то понятно, что ответить точно на такой вопрос он никогда не сможет. Во всех ситуациях он остается перед выбором: заимствовать чью-то гипотезу или же, если удастся, найти собственное, но тоже гипотетическое объяснение.

С начала публикации декрета в честь Диофанта выдвигались разные версии относительно социального положения и характера личности Савмака. Многие ученые (Т.Брандис, В.Н.Юргевич, И.О.Бурачков, Т.Рейнак, Э.Миннз, М.И.Ростовцев и другие) полагали, что Перисад не имел детей, а поэтому воспитывал по своему желанию или же под давлением скифов своего наследника, возможно, даже одного из сыновей Скилура; другим (Б.Низе, С.Я.Лурье) он казался вождем какого-то союзного Боспору отряда, располагавшегося на его границе, или находился на службе у боспорского царя; или же был боспорским аристократом, который командовал скифским контингентом войска (А.С.Коцевалов). С.А.Жебелев, как уже отмечалось, усматривал в Савмаке дворцового раба. Таковым длительное время считали и многие его сторонники.

«Опираясь на тот твердый факт, что совершил переворот узкий кружок заговорщиков во главе с Савмаком, что они предприняли решительные шаги не ранее, чем была юридически оформлена передача власти над Боспором Митридату, и учитывая традиционные династийные связи скифского и боспорского царских домов, я решаюсь присоединиться к тому большинству, которое видело в Савмаке знатного скифа, не исключено даже — брата царевны Сенамотис. Его появление при дворе последнего Спартокида вовсе не обязательно было связано с усыновлением или воспитанием его Перисадом, что, как показали Лурье и Казакевич, прямо не следует из текста декрета: подобно своему предшественнику Арготу, женившемуся на овдовевшей боспорской царице Камасарии, он мог взять в жены одну из дочерей Перисада, либо кого-то из представительниц боспорской знати» (Виноградов, 1987. — С.82). Продолжая далее развивать свою версию, Ю.Г.Виноградов полагает, что Савмак в силу своего положения мог занимать одну из важных государственных должностей. Кроме того, Перисад завещал ему боспорский трон. Каким бы ни был социальный состав участников восстания, свою волю в нем, выбор конкретной тактики и политики диктовали не они, а Савмаковы скифы (ΣΑΥΜΑΚΟΝ ΣΚΥΤΘΑΙ), которые ради собственных интересов поднялись на борьбу (Там же. — С.84).

Тем не менее, несмотря на данную, казалось бы, убедительную точку зрения, А.К.Гаврилов воспринял ее скептически, полагая, что династические скифо-боспорские связи, получившие подтверждение в надписи дочери Скилура Сенамотис, жены боспорца Гераклида, не могут быть доказательством таковых в период Савмакова восстания (1992. — С.69-71). По его

мнению, в плане исторического осмысления событий, случившихся на Боспоре, близки к истине Б.Низе и С.Я.Лурье. Не совсем последовательно, но оба «все же высказывались в том смысле, что ΝΕΩΤΕΡΙΣΜΑ скифов, их ΕΠΑΝΑΣΤΑΣΙΣ, хотя и происходят на Боспоре, но, по мысли составителя декрета, адресованы к Диофанту и Митридату, иначе говоря, слова эти характеризуют мятежность, т.е. нелояльность скифов по отношению к той державе, частью которой они становились после побед Диофанта» (Там же. — С.69). А.К.Гаврилову представляется, что ΟΙ ΠΕΡΙ ΣΑΥΜΑΚΟΝ ΣΚΥΘΑΙ — это какая-то часть Палаковых скифов или близкая последним агломерация. Соответственно декрету Диофанта, Савмак был видной фигурой, его хорошо знали херсонеситы, и он мог стоять чуть ли не вровень с Палаком. «Ворвавшись из скифских пределов в боспорскую столицу», Савмак убивает Перисада, преследует Диофанта, захватывает ряд городов Боспора, устанавливает здесь свою власть почти что на год, после чего, собрав новые военные силы, стратег Митридата разгромил скифов, пленил их вождя и полностью присоединил Крым к Понтийскому царству (Гаврилов, 1992. — С.72).

Решительно отказавшись от своих предыдущих взглядов в поддержку концепции Жебелева-Гайдукевича, Е.А.Молев, то соглашаясь с Ю.Г.Виноградовым и А.К.Гавриловым, то отвергая их версии, в конце концов пришел к заключению, что Савмак являлся лидером группы скифской аристократии, связанной с давних времен с Боспорским царством (1994. — С.119-131). Политические интересы этих эллинизированных скифов не имели отношения собственно к Скифии; их главные устремления были направлены на сохранение своего социального положения в рамках новой державы, когда же их переговоры с Диофантом не увенчались успехом, они подняли мятеж и выступили против понтийского полководца (Там же. — С.130, 135).

Не сомневается в аристократическом происхождении Савмака и С.Ю.Сапрыкин, поддерживая в определенной мере взгляды Е.А.Молева (1995. — С.146-147). Он также не считает его представителем царской скифской династии Скилура и Палака, тем более наследником Перисада V. Скифы составили заговор только против Митридата VI, поскольку власть была передана ему по наследству.

Таким образом, исходя из этой разноголосицы и современных исследований относительно толкования пассажа о Савмаке в декрете в честь Диофанта, его происхождения и социального статуса, не остается ничего другого, как высказать ряд собственных соображений и согласиться с той или иной версией предыдущих авторов.

Прежде всего ясно, что при всей сложившейся тяжелой ситуации во взаимоотношениях с варварами, требовавшими увеличенного, по сравнению с предыдущим временем, фороса, Перисад, явно не имевший прямых наследников, решил передать власть на Боспоре более сильному молодому понтийскому царю. Вполне вероятно, что Перисад был женат на родственнице Митридата Евпатора, возможно, одной из его сестер. И если это так, то изгнанный из Понта совсем юный наследник этого царства скрывался не только в горах Малой Армении, но и в Пантикапее, в царском дворце. Именно ему, когда он был лишен престола в Понтийской державе, Перисад обещал власть на Боспоре, уже тогда отметив решительный характер, талант и разум Митридата.

Как будет показано при рассмотрении деятельности Камасарии, родственные связи с понтийскими царями уходят, вероятно, еще в IV в. до н.э. Тесная связь Митридата с Перисадом не случайна. Находясь в пожилом возрасте, больной Перисад, осознавая всю ответственность за сохранение

принадлежащих ему греческих городов, по примеру других припонтийских государств и во избежание их полнейшего разгрома и разграбления варварами, пришел к наиболее правильному решению.

Следует согласиться с С.Ю.Сапрыкиным, что после передачи власти Митридату, согласно распространенному в эллинистических монархиях институту соправительства, в особенности на Боспоре, Перисад должен был править совместно с усыновленным Митридатом. Тем более, это возможно, если последний в это время вовсе не стремился самолично явиться в Пантикапей и устранить последнего Спартокида. Не имеется никаких оснований и для того, что полководец Диофант должен был замещать его и править на Боспоре. Другое дело, что, находясь в Таврике с понтийским войском, он по приказу царя обязан был в случае опасности выступить против варваров.

Почему-то никто из названных исследователей не сделал попытки объяснить, какова роль в этот смутный период истории Боспора граждан городов, бесспорно, преимущественно греков, которые не проявили себя точно так же, как и во время междоусобной борьбы сыновей Евмела, пока не почувствовали с его стороны непосредственную угрозу и своей свободе. И в этом случае создается впечатление, что их мало беспокоила собственная судьба.

Исходя из того, как нередко боспорские города восставали и объединялись в борьбе против правителей, кажется немыслимым, чтобы они спокойно восприняли Савмака, ворвавшегося «из скифских пределов в боспорскую столицу» (*Гаврилов, 1992. — С.72*), чтобы убить их царя и силой захватить власть. Ведь Перисад только потому передал престол Митридату, чтобы сохранить государство от варваров. И жители городов не препятствовали такому течению событий, хорошо зная, каким образом спасли свой город херсонеситы, а также и другие припонтийские эллины (*Сапрыкин, 1996. — С.132-140*).

Однако выступление скифов Савмака их тоже не обеспокоило. Такая аполитичность и индифферентность боспорских греков кажется весьма странной. И в том, и в другом случае можно только допускать, что им было обещано сохранение их исконных прав и привилегий, и они просто выжидали, чем окончится борьба за власть на Боспоре. А раз так, то они хорошо знали, кто и кем на самом деле был Савмак. Знали его и соседние херсонеситы, поскольку в декрете, как само собой разумеющееся, просто говорится о том, что «скифы во главе с Савмаком совершили государственный переворот и убили царя Боспора Перисада».

Некорректно в данном случае подразумевать, что виноваты лишь скифы, а Савмак находился под воздействием их главных зачинщиков. Имя, приведенное в декрете, его предводительство и как раз то, что только его отправили в Синопу к царскому двору Митридата, свидетельствует о том, что он играл важнейшую роль в государственном перевороте и выступлении против передачи власти Митридату.

Такой интерес к государственному правлению и стремление занять место Перисада не может быть спонтанным, как и не могли эллинизированные скифы-аристократы очень быстро сгруппироваться, вооружиться и поднять восстание. Нельзя поверить и в то, что последний Спартокид при той тревожной внешнеполитической обстановке в регионе, — и требование дани сарматами, и жестокая война в Западной Таврике, — не имел собственного наемного войска, как и все его предки, начиная, во всяком случае, еще с Левкона I. Где же в таком случае находилось его войско, в главные задачи которого входила и защита царского двора, как и самого царя, а также границ государства и многочисленных областей с их города-

Монета с изображением
Митридата VI Евпатора.
Золото.

ми и поселениями? Поэтому кажется, что в данном плане наиболее прав Ю.Г.Виноградов, что Савмак путем заключения династического брака с дочерью Перисада или кем-то из представительниц боспорской знати достиг больших успехов в военной деятельности на Боспоре (1987. — С.82).

Если бы Савмак, как в свое время Спарток, не был хорошо знаком всем боспорцам и не имел хотя бы косвенного отношения к наследованию власти, вряд ли ему удалось столь быстро устранить Перисада и изгнать Диофанта. При этом нелишне учитывать, что у Перисада были многочисленные родственники, происходящие из разветвленного к тому времени рода Спартокидов.

Нельзя не вспомнить, что овдовевшая бабушка Перисада V Камасария была замужем за скифом или другим варваром, скорее всего, знатного, если не царского происхождения. Родственники этого Аргота, с которым она одно время совместно со своим сыном Перисадом IV — отцом Перисада V — правила на Боспоре, очевидно, также жили в Пантикапее. Переплетение династических брачных связей между представителями боспорских и скифских царских родов способствовало тому, что цари Боспора в наибольшей степени использовали скифов в наемных войсках.

Не исключено, что именно Савмак, как родственник Перисада V, командовал наемным скифским войском. И это командование продолжалось на протяжении длительного времени. Ведь никому не известно, в каком именно возрасте находился Савмак во время передачи власти Митридату VI. Вряд ли это был молодой человек, не обладавший опытом командования войском, способностью быстро принимать решения и действовать в соответствии с создавшимся положением. Очевидно, на Боспоре и в других греческих городах Савмак как предводитель боспорского войска прославился какими-то военными делами, если только на самом деле его имя знали понтийские греки.

Вполне вероятно, что в силу этих разветвленных многочисленных династических боспоро-скифо-понтийских браков Савмак приходился и каким-то родственником Митридату. Последний мог в период своего изгнания и временного пребывания на Боспоре быть знакомым с ним. Во всяком случае, несмотря на поднятый им мятеж и захват власти, Савмак не был казнен, а отправлен в Синопу. Как поступил с ним молодой понтийский царь, никому не известно. Возможно, точно так же, как он поступал со своими сыновьями и другими родственниками, пытавшимися править самостоятельно и выйти из-под его владычества.

В наше время Савмак вызывает интерес не потому, что он совершил государственный переворот на Боспоре, а из-за того, что ему посвящено чрезвычайно много научных работ, хотя он вряд ли заслуживает их более,

чем другие деятели, честно служившие своему государству. Сколько таких жестоких претендентов на власть прошло через тысячелетие античной эпохи лишь в Северном Причерноморье, не оставив о себе ни имени, ни доброго слова?.. Если бы не автор текста декрета в честь Диофанта, — С.Ю.Сапрыкин правомерно причисляет его к школе историка Сирика (1996. — С.146), — которому так хотелось до мелочей рассказать обо всех заслугах спасителя Херсонеса от скифов, имя Савмака, как и многих других, в том числе даже многочисленных царей и вождей окружающих греческие государства варварских объединений, так и осталось бы неизвестным.

Изменил ли он что-нибудь в истории Боспорского царства? Конечно, нет. Он принес в его города смерть и разорение, которые еще более увеличились, когда войско Митридата под командованием Диофанта изгоняло и уничтожало повстанцев из занятых ими городов.

В завершение рассмотрения личности Савмака нельзя также не заметить, что история Боспора времени царствования последнего Спартокида, как и его непосредственных предшественников, во многом не ясна и не может быть раскрыта из-за отсутствия источников — как эпиграфических, так и конкретно археологических. Можно надеяться лишь на то, что разнообразные интерпретации личности Савмака и всех событий на Боспоре, связанных с его безоглядным стремлением захватить царский престол и не отдать его в руки Митридата VI Евпатора, были не напрасны. С нахождением нового эпиграфического памятника этого времени они послужат основой для поиска решения тех вопросов, на которые сейчас можно ответить только гипотетически.

**ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ
С РИМЛЯНАМИ**

Аспург	214
Абаб, сын Каллисфена	225
Фарзой	232

На обороте:

Деталь пластины — украшения конской узды.
Курган Бабина могила
у с.Тарасова-Григорьевка Днепропетровской обл.
IV в. до н. э.
Серебро, позолота.

Непосредственное столкновение многих жителей античных городов Северного Причерноморья с римлянами произошло еще в период понтийско-римских войн. Ориентация Митридата VI Евпатора на Боспор, Херсонес Таврический, Ольвию и Тиру, как подвластные ему государства, внесла значительные изменения в общие взгляды эллинов на окружающий мир и отношение к идее всепонтийского объединения ради собственного благополучия, обогащения и защиты от варварских вторжений. В результате кратковременного пребывания в составе Понтийского царства они расширили экономические связи со многими малоазиатскими городами, в определенной мере стабилизировали обстановку в регионе.

Но поскольку Северное Причерноморье являлось главной опорой и плацдармом в войнах Митридата Евпатора с Римом (*Сапрыкин, 1996. — С.132 сл.*), то в итоге это в значительной степени подорвало их экономику и веру в его силы. Тем более полный разгром Понтийского царства римлянами открыл глаза северопонтийским эллинам на пагубность его политики и безнадежность собственной мечты на возрождение былого процветания.

Особенно незащищенными оказались Ольвия и Тира. Ослабленные войнами Митридата VI и набегами варваров около середины I в. до н.э., они были полностью разрушены гетами под предводительством Буребисты (*Dion. Chrysost. Orat. XXXVI*). Возможно, потому, что они являлись составной частью Понта и ничем не проявили себя в борьбе против Митридата, как, например, восставшая Фанагория (*App. Mithr. 108*), римляне не предприняли тогда абсолютно никаких шагов для защиты этих городов. Их устремления, в первую очередь, были направлены на Боспор, где оставались прямые наследники Митридата.

Хотя его сын Фарнак предал отца и был провозглашен другом и союзником римлян, однако не стал прямым исполнителем того, что диктовал ему Рим. В борьбе за возрождение великой державы Ахеменидов он погиб, после чего римские правители начали проявлять значительно больший интерес как к Боспору, так и к соседнему с ним Херсонесу, стремившемуся к элевтерии (*Гайдукевич, 1949. — С.310 сл.; Зубарь, 1994. — С.12 сл.*).

Ольвия и Тира более чем на полстолетия оказались как бы вычеркнутыми из истории, хотя многие их жители, бесспорно, после разгрома гетов в 48 г. до н.э. и смерти Буребисты в 44 г. возвратились на места своего бывшего обитания, пытаясь собственными силами наладить хозяйство и тор-

Миниатюрные маски из кургана у с.Чугунно-Крепинка. I в. н.э. *Бронза*.

говлю. Только в конце I в. до н.э. в них в определенной степени наблюдается, по археологическим источникам, активизация городской жизни и постепенное экономическое и государственное возрождение (Славин, 1959. — С.102; Карышковский, Клейман, 1985. — С.82; Сон, 1993. — С.13; Крапивина, 1993. — С.141).

Вместе с этим, крайне необходимым в целях дальнейшей безопасности, являлось налаживание более тесных связей с сильнейшим в то время государством — Римской империей. К этому стремились, в первую очередь, не только лидеры северопонтийских государств, но и цари варварских племен. Кроме того, сам Рим начал проявлять повышенный интерес к античным городам Причерноморья. Так, вследствие обоюдовыгодной политики во взаимоотношениях с Римом Херсонес окончательно освободился от боспорской зависимости, вскоре став и основным опорным пунктом империи в Таврике (см. лит.: Зубарь, 1994. — С.13 сл.).

Тем не менее, ни в этом городе, ни в Тире не известны прославившиеся чем-либо в это время деятели. На Боспоре политика Аспурга впервые внесла совершенно новое понимание царской власти после трехсотлетнего правления Спартокидов. Он заставил Рим считаться с его царствованием. В возрожденной после гетского нашествия Ольвии уже в первые десятилетия I в. н.э. тоже появился неординарный лидер — Абаб, сын Каллисфена, загадка которого интересует не одно поколение ученых. В еще большей степени последнее относится и к Фарзою, с личностью которого связывается историческая судьба Ольвии, возможно, Неаполя и сарматов в 50-70 гг н.э. в их взаимоотношениях как между собой, так и Римом.

Аспург

В истории Боспорского царства первых веков нашей эры Аспург занимает одно из первых мест. Ни один правитель этого государства не пользовался таким пристальным вниманием у современных исследователей, как этот царь (см. лит.: Сопова, 1991. — С.112-123). Однако, несмотря на повышенный интерес к его личности и деятельности, вопросы о происхождении, в том числе и этническом, хронологии и характере правления, связях с Римом все еще убедительно не решены. Ученые с разных позиций пытаются их выяснить, но отсутствие прямых и достоверных источников, нео-

динаковая трактовка имеющихся приводят лишь к разным гипотезам, комбинациям взглядов и не вызывающих полного доверия выводам. Вследствие этой главной причины не удастся избежать различных предположений и в настоящей работе.

В данном аспекте нельзя не согласиться с Ю.Г.Виноградовым в том, что один из самых темных периодов в истории Боспора приходится на столетие: от 47 г. до н.э., когда после поражения в бою с римлянами при Зеле рухнули экспансионистские планы Фарнака, сына Митридата VI Евпатора, восстановить Понтийскую державу, до начала междоусобной войны сыновей Аспурга в 45 г. н.э. «Как в династийном калейдоскопе, правители и правительницы сменяли друг друга на боспорском престоле: Асандр, Митридат Пергамский, Динамия, Скрибоний, Полемон I, Пифодорида, Аспург, Гепепирия, Полемон II, Митридат II, Котис I. Точные даты воцарения и сошествия с трона многих из них, равно как и случаи повторной интронизации, не говоря уже о возможности расширения списка царственных особ за счет монетных монограмм, целиком находятся во власти разрозненных, часто сбивчивых и лакунарных источников, а потому и открывают широкий простор для всевозможных калькуляций и спекуляций исследователей нового времени» (Виноградов, 1992. — С.130; Vinogradov, 1977. — S.563).

Пять правителей из одиннадцати вышеназванных не имели прямого отношения к Боспору. Время от времени, пользуясь нестабильным положением в этом царстве, отсутствием наследников мужского пола по прямой линии от Митридата Евпатора, Рим нередко навязывал своих ставленников с целью выполнения ими всех императорских предписаний. Вследствие такого постоянного вмешательства Рима в государственные дела Боспора и ограничения политической свободы, стремления сделать его главным военно-политическим форпостом в Северо-Восточном Причерноморье на границе с особенно воинственными сарматскими племенами, начавшими грабительские набеги даже в Подунавье, возникали критические ситуации и велись войны в борьбе за царский престол, происходили восстания греков и убийства неугодных им ставленников римских императоров.

В итоге в наибольшей степени из-за дестабилизации обстановки, разрухи и экономического кризиса страдало население боспорских городов, лишившееся возможности вести нормальный образ жизни (см. подробнее: Гайдукевич, 1949. — С.312 сл.; Gajdukevic, 1971. — S.324 ff.; Сапрыкин, 1996. — С.312 сл.).

Из всех правителей этого столетия дольше всех находились при власти Асандр и Аспург. Если в течение около 30-ти лет (46/45 — приблизительно 17/16 гг. до. н.э.) правления первого из них Боспор снова превратился в мощное территориальное государство, история которого после его смерти не совсем ясна, то Аспург сумел еще больше расширить и укрепить его границы, став царем здесь только приблизительно через четверть века после Асандра.

В связи с таким большим хронологическим разрывом одним из важнейших является вопрос о происхождении Аспурга. В одной из посвященных надписей как будто прямо и четко раскрывается, из какого именно рода он происходил: «Великого царя Аспурга (его статую), друга римлян, происходящего от царя Асандроха, друга Цезаря и друга римлян, царствующего над всем Боспором, Феодосией, синдами, маитами, тарпитами, торетами, псесами и танаитами, подчинившего скифов и тавров, Менестрат, сын Менестрата, начальник острова, (поставил) своего спасителя и благодетеля» (КБН, 40). Исходя из этих сведений, большинство ученых, начиная с В.В.Латышева и М.И.Ростовцева, считают, что Асандрох и

известный боспорский царь Асандр — одно и то же лицо (см. лит.: *IOSPE*, II, 36; *КБН*, 40; *Анохин*, 1986. — С.88; *Сопова*, 1991. — С.113 и другие).

Вряд ли в этом единодушии взглядов следует видеть какое-то нарочито-предвзятое отношение как к одному, так и к другому царю. Предположения некоторых исследователей о том, что Асандрох не мог быть Асандром лишь на основании незначительной разницы в написании и произношении этих имен, с какой бы точки зрения не подходить к их интерпретации, представляются не убедительными (ср.: *Каллистов*, 1952. — С.158; *Горемыкина*, 1956. — С.139; *Голубцова*, 1957. — С.117).

Скорее всего, что имя Асандрох являлось первоначальным исконным именем царя, заимствованным из греческого языка, но произносимого на варвароязычный манер, как и в случаях с другими именами в азиатской части Боспора. Не исключено, что Менестрат, чей сын с таким же именем установил статуя Аспурга, хорошо знал Асандра под его настоящим именем. На Азиатском Боспоре сначала правил и Асандр, которого Фарнак на время похода в Малую Азию оставил на Боспоре своим наместником. Не случайно все древние авторы называют его этнархом — вождем племени (*App. Mithr.* 120; *Cass. Dio.* XLII. 9, 46; *Luc. Macrob.* 17), к сожалению, не уточняя его наименования. Фарнак мог оставить его своим заместителем лишь при полном доверии к нему, что, в свою очередь, дает основания полагать, что он был связан с ним родственными узами, возможно, еще со времени Митридата VI Евпатора.

Заслуживает внимания и предположение В.Ф.Гайдукевича, что он мог быть одним из потомков старой династии Спартокидов (1949. — С.312, 324, 325); или же Фарнак был женат на представительнице спартокидовско-варварской знати азиатской части Боспора. В пользу такой гипотезы служит и первоначальное провозглашение Асандра архонтом, что входило в традицию всех Спартокидов. Со времен Сатира I известны брачные союзы между царскими семьями Боспора и варварских племен, а также греческие имена последних. За несколько столетий родственные отношения между разными этносами здесь настолько переплелись и стали столь разветвленными, что выяснить их, разумеется, невозможно из-за отсутствия прямых источников.

Однако нет ничего удивительного в том, что предводитель одного из племен, входивших в состав Боспора, будучи в родственных связях со Спартокидами и Митридатидами, оказался не только доверенным лицом Фарнака, но и обладал удивительной решимостью доказать свое законное право на царскую власть в этом государстве. То, что он изгнал Фарнака из азиатской части Боспора (*App. Mithr.* 120; *Cass. Dio.* XLII, 9, 46), где тот погиб в 47/46 г. до н.э. в решающей битве за царский престол, тоже свидетельствует о том, что жители городов признавали его право на царствование.

Очевидно, в их представлении он имел больше юридических прав на захват власти, чем жестокий Фарнак. Возможно, только со времени провозглашения его архонтом Боспора греки начали именовать его Асандром. Под этим греческим именем он вошел и в античную литературную традицию. Но это не значит, что его исконное имя Асандрох было полностью забыто. На азиатской части Боспора его могли попрежнему называть Асандрохом, что дошло до нашего времени в надписи Менестрата.

Хотя и не сразу, но Асандр сумел добиться признания у римских императоров, и на четвертый год правления на его золотых монетах появляется титул царя. Относительно начала чеканки монет и прихода к власти Асандра как архонта и царя высказаны разные мнения (ср.: *Анохин*, 1986. — С.77 сл.; *Фролова*, 1979; 1992. — С.228 сл.; *Сапрыкин*, 1996. — С.313). Исходя из отдельных свидетельств, с учетом семантики первых монет Асандра с титулом архонта, Nike с венком и ветвью на проре, ставшей на долгие годы

вообще символом его правления, следует думать, что он начал свою чеканку только после победы над Фарнаком. Образ Асандра на монетах наделен волевыми мужественными чертами. Определить его возраст в это время, как и на последующих монетах, затруднительно, так как его изображали всегда относительно молодым в явно идеализированном облике.

Вследствие того, что воздействие Рима на Боспор после изгнания и смерти Фарнака несколько ослабло и было не особенно эффективным, Аспурга правил по своему усмотрению, возвратив боспорским городам отнятые Фарнаком права. Очевидно, лишь после определенного давления Рима или каких-то влиятельных группировок в Пантикапее для укрепления своего положения внутри государства и провозглашения его царем, он женился на дочери Фарнака Динамии, внучке Митридата VI Евпатора. Нет сомнений в том, что до этого брака он уже был женат и имел детей, так как умер в возрасте более 90 лет (*Ps.-Luc. Macrob. 17*). Возможно, еще до женитьбы на Динамии его сын женился на Гикии из Херсонеса Таврического с целью хитроумного захвата этого города (*Const. Porph. De ad imp., 53; Сапрыкин, 1987; Русяева, 1997*). Однако весьма сомнительно связывать с этнархом Аспургой некую Гликарию из Нимфея лишь на основании восстанавливаемого имени Аспурга в стихотворной надписи (*КБН, 913; Фролова, 1992. — С.228, 229*).

Все исследователи, признающие идентичность Аспургохоса с Аспургом, считают Аспурга сыном этого царя и Динамии (*см. лит.: Сонова, 1991. — С.113*). Однако, мало кто задумывается не только над возрастом Аспургохоса (более 90 лет), но и над тем, почему в посвяительной надписи Менестрат все-таки прямо не указал на то, что он сын Аспургохоса и Динамии. Формула TON EK BACIAEQS в боспорских надписях применялась в значении происхождения от потомков царя (*ср.: КБН, 44, 55, 59, 60, 979, 1047*). И вряд ли правомерно в данном аспекте привлекать единственное посвящение агриппейцев (фанагорийцев) царице Динамии (*КБН, 979*). Весьма странно и то, что для Аспургохоса — в отличие от Динамии, очень хорошо известной на Боспоре по памятникам, поставленным от ее имени римским императорам и ей лично, — не считали нужным подчеркивать их родственные связи, что для царя было бы более выгодным для доказательства юридических прав на престол (*ср.: Устинова, 1969. — С.62*).

В общем, значительный хронологический разрыв между правлением Аспургохоса, Динамии и Аспургохоса, прямая передача царского трона при жизни Аспургом Динамии, а не их сыну, попытки Скрибония и Полемона I путем заключения браков с ней захватить Боспор, кратковременное правление Пифодориды, отсутствие каких-либо данных о прямом наследнике от двух очень известных правителей, вызывают большие сомнения в том, что именно таковой в этот самый темный и во многом загадочный период вообще существовал.

Не заметна преемственность между Аспургом-Динамией как родителями и Аспургом в духовно-религиозной сфере, исходя из символики их монет. Греческий стиль намного больше присущ монетам Аспургохоса и резко отличается от чисто ахеменидских символов Динамии, действительно чтившей традиции рода Митридатидов (*ср., например: Анохин, 1986. — № № 221-223, 228, 231-245, 253, 254, 318-320*).

При выяснении происхождения Аспургохоса важное значение имеет и то, что он, с одной стороны, был связан с аспургианами, а с другой, на его золотых монетах рядом с головой бога войны Ареса, — если только это не сам Аспурга в шлеме, — поставлена тамга (*Анохин, 1986. — № 318*). Относительно аспургиан, точно так же, как и Аспургохоса, общепринятой точки зрения не имеется, несмотря на то, что Страбон оставил о них весьма ясные сведения: «К числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии,

Тетрадрахма
Фарнака.
Серебро.

тореты... К ним же относятся и аспургиане, живущие между Фанагорией и Горгиппией на пространстве в 500 стадиев. Царь Полемон хотел напасть на них под прикрытием дружбы, но его намерение не укрылось, он был встречен войском аспургиан, попался живым в плен и был убит» (*Strabo. XI, 2, 11*). В другом пассаже географ, сообщая о том, что Пифодорида наследовала власть после смерти супруга Полемона, еще раз повторяет, что тот «окончил свою жизнь среди так называемых аспургиан, принадлежавших к числу варварских племен около Синдики» (*Strabo. XII, 3, 29*). Аспургиане как этническое объединение, занимавшее собственную территорию на азиатской части Боспора от Горгиппии до Фанагории, упоминаются также другими античными авторами (*Herodian. VII, 180, 2; Kl. Ptolem. V, 8, 17; Steph. Byz. s.v. ΑΣΠΟΥΡΓΙΑΝΟΙ*). Аспургиане, судя по надписям, были известны еще и в последней четверти III в. н.э. (*КБН, 36, 1248*).

Тем не менее, несмотря на эти, хотя и сравнительно краткие сведения, отдельные исследователи, соответственно собственным концепциям, считают их то какой-то военной дружиной, то партией политических сторонников Аспурга, то обычными военными колонистами, среди которых находились представители различных местных племен, занимавшихся земледелием, ремеслом и военным делом.

Все эти гипотезы, интересные сами по себе, принять безоговорочно трудно хотя бы потому, что аспургиане были известны еще до воцарения Аспурга, и как особое племя, подобно другим этническим группам, существовало даже при Тейране. Вряд ли, если бы так называлась дружина Аспурга или это было смешанное варварское население типа военных колонистов, их название как племени вошло бы в античную литературную традицию с конкретным указанием территории обитания или просуществовало столь длительное время при том, что азиатская часть Боспора подвергалась неоднократным разорениям. При этом также существенно, что Асандр носил титул этнарха и был, очевидно, предводителем именно племени аспургиан. По прошествии многих десятилетий получивший родовое имя Аспург — по всей видимости, внук Асандра от брака с его первой женой, — решительно выступил за обладание боспорским престолом, так как он в это время оказался наиболее соответствующим такой роли благодаря своему происхождению и решимости во что бы то ни стало стать правителем всего Боспора.

Следует думать, что Полемон I, женившись на Динамии, как полагает ряд исследователей, не случайно двинулся, прежде всего, именно на аспургиан: он хорошо знал, что там находились наследники Асандра. Однако, несмотря на то, что он уже был утвержден Римом царем Боспора, аспургиане взяли его в плен и убили (*Strabo, XI, 2, 11*). Судя по всему, после

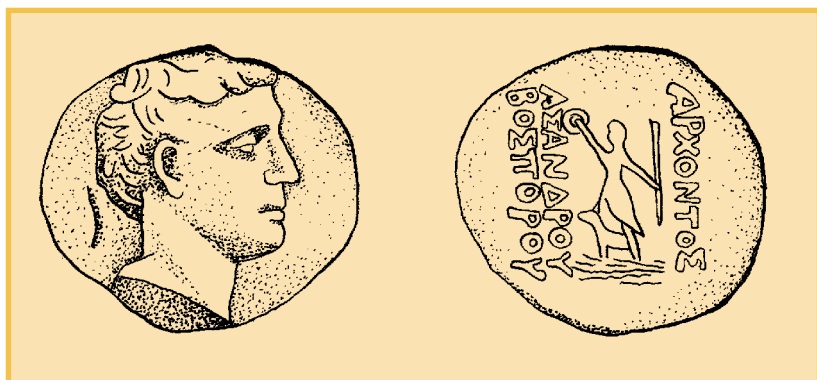

**Статер Асангра
с титулом
архонта.**

50/49 - 48/47 гг.

до н.э.

Золото.

смерти Полемона Аспург был еще несовершеннолетним или же не обладал необходимой решительностью и уверенностью в своих притязаниях на власть, и Пифодорида какое-то время оказалась властительницей Боспора (Болтунова, 1989. — С.86-91).

О том, что в отмеченной древними авторами местности обитало ираноязычное, воспринявшее эллинский образ жизни племя аспургиан, свидетельствуют археологические раскопки, в том числе и большого городища II-I вв. до н.э. с мощной оборонительной системой (Сокольский, 1975). Вполне вероятно, что наиболее приближенное к Боспору племя меотов, в течение столетий связанное с боспорской элитой как экономическими, политическими, так и родственными узами, в результате династических распрей разделилось на несколько племенных групп. В I в. до н.э. среди них наиболее сильным оказалось отделившееся от основной части племя аспургиан, получившее свое название от имени правителя. От Аспурга их название могло произойти лишь в том случае, если после его рождения ему была подарена или выделена область, населенная преимущественно этим варварским населением (ср.: Сапрыкин, 1985).

Вообще, время от 16 г. до н.э. по 14 г. н.э. не освещено никакими источниками, кроме нумизматических, относительно интерпретации которых из-за полного отсутствия на монетах имен царей существует такое удивительное разногласие, что не специалисту трудно решить, кто из нумизматов более прав и объективен (ср.: например: Анохин, 1986; Фролова, 1991; Сапрыкин, 1996. — С.319 сл.). При этом весьма любопытно, что наводятся самые разные даты правления и смерти Динамии, ее единоличного царствования и совместного с Аспургом, его пребывания у власти до утверждения царем в Риме и после этого (ср.: Ростовцев, 1916; Фролова, 1979; Анохин, 1986; Сопова, 1991; Сапрыкин, 1996).

Во многих случаях так представляется, видимо, потому, что иначе было бы трудно доказать, что Аспург не являлся сыном Динамии и правнуком Митридата Евпатора. Однако и в таком подходе не существует единогласия: по одним соображениям, Динамия умерла еще в 12 г. до н.э., а Аспург начал править с 8/7 г. до н.э., не имея до 14 г. н.э. царского титула; по другим, — она была жива, и ее правление прослеживается по монетам еще в 7/8 г. н.э.; соответственно третьим, — Аспург получил власть лишь в 10 г. н.э., но его царский титул был утвержден в Риме только в 14 г. (см. подробнее: Яйленко, 1987. — С.77; 1990. — С.147; Сопова, 1991. — С.114 сл.; Сапрыкин, 1996. — С.319 сл.). Монограммы на монетах этого промежутка времени также читаются и интерпретируются не одинаково, что, естественно, не способствует выработке единого подхода к установлению дат жизни Динамии и пребывания у власти Аспурга.

Монета Аспурга
с тамгой.
Медь.

В общем, знакомство с работами исследователей об Асандре, Динамии и Аспурге показывает, что «хронологическая война» еще далеко не окончена. И в данном случае прав Ю.Г.Виноградов, «что топтание в заколдованном кругу многократно уже обсужденных комбинаций можно преодолеть лишь с помощью повторной тщательной ревизии наличного эпиграфического и нумизматического фонда» (1992. — С.130), хотя даже и после этого появятся новые гипотезы, которые в глазах многих окажутся не настолько убедительными, чтобы раз и навсегда снять все сомнения.

В настоящее время имеется лишь одно единогласное решение относительно Аспурга: в 14 г. он получил царский титул от Рима, начал чеканить золотую монету с монограммой ВАР и портретами Тиберия и Агриппы. Только на медных монетах изображалась голова Аспурга, если, конечно, правильна их атрибуция (Анохин, 1986. — № 319, 320). Создается впечатление, что в конце правления Аспурга изображали более молодым, чем в предыдущие годы, что, по-видимому, было вызвано идеализацией образа правителя. Однако и при таком понимании видно, что Аспург получил власть на Боспоре в молодом возрасте. Весьма сомнительно, чтобы резчики монет изобразили в таком виде Аспурга, если бы он действительно был в зрелом или пожилом возрасте. Исходя из этого исключено, чтобы он начал править в 8 г. до н.э. В таком случае в 37 г. ему могло бы быть более 60 лет, что никак не согласуется с его образом на монетах последних лет жизни.

Художественное воплощение образов боспорских и римских правителей на монетах Боспора, в общем, отвечает главным принципам портретного искусства с его стремлением к реальной передаче человеческого лица. Однако, такое толкование образа Аспурга возможно лишь при том условии, что на данных монетах на самом деле представлена его голова.

Для понимания происхождения Аспурга большое значение имеют его рескрипты (Блаватская, 1965). В них высказана официальная благодарность городу Горгииппии за верность, возможно, как в период его борьбы за власть, так и во время поездки в Рим. Отсюда закономерно вытекает, что Аспург был связан с Горгииппией еще до своего царствования. Не исключено, что этот город был его резиденцией, и аспургиане входили под юрисдикцию Горгииппии. Здесь находились кирпичные эргастерии, широко клеймившие продукцию его тамгой (Алексеева, 1997. — С.55). Тамги Аспурга на монетах и кирпичах, как бы то ни было, подтверждают взгляды многих ученых о том, что он имел самое непосредственное отношение к сарматскому царскому роду (ср.: Ростовцев, 1918. — С.147; Шелов, 1956. — С.153; Горемыкина, 1956. — С.140).

Знаменательным событием в жизни Аспурга явилось его путешествие в Рим в 13/14 г. Это был совершенно новый поворот в политике Боспора во

Монета
Гепеппирии.
37/38 - 38/39 гг.
до н.э.
Медь.

взаимоотношениях с империей (Блаватская, 1965. — С.203). В результате этого визита и личного знакомства с Тиберием Аспург получил от него подтверждение на царский титул и звание друга римлян, а также, видимо, ряд льгот, что в итоге способствовало его уверенной деятельности по восстановлению границ и расширению территории Боспорского царства.

Обращает внимание то немаловажное для истории Боспора и лично судьбы Аспурга событие, которое произошло почти в то же время, когда он был в Риме или сразу же после возвращения. Не сумевшая удержать власть на Боспоре после убитого аспургианами Полемона I его супруга Пифодорида Филометора в 3/2 г. до н.э. была признана царицей Понта (Strabo. XIII, 3.29). Будучи верным сторонником филороманского политического курса и эллинских традиций, она достигла успехов в переговорах с римлянами, санкционировавшими в 13 г. н.э. брак ее дочери Антонии Трифены с фракийским царем сапейской династии Котисом III, известным своей любовью к эллинской культуре и стойкой проримской позицией (Strabo. XII, 3.29). «Доверив царскую власть в разных местах детям и внукам Пифодориды, они (римляне — А.Р.) создавали сеть верных им правящих домов и не опасались за собственные интересы на восточных границах империи. Благодаря такой политике у вассальных государств открывалась возможность устанавливать друг с другом тесные отношения» (Сапрыкин, 1996. — С.328).

Безусловно, что в русле этой политики оказался и Аспург, побывавший в это же время в Риме. Очевидно, стараниями Пифодориды, вследствие ее родственных связей с императором, Аспург вынужден был жениться на Гепеппирии, родной сестре Котиса III, ее зятя. Таким образом, как дальновидный политик, не примирившийся с потерей Боспора, она установила родственные связи с Аспургом. Очевидно, только благодаря этому браку он был официально провозглашен царем в Риме. Вряд ли случайны такие хронологические совпадения и династийные браки. Ведь Аспург, по общему признанию исследователей, получил царский титул только в 14 г. (Латышев, 1909. — С.105; Блаватская, 1965. — С.205; Фролова, 1979. — С.142-144; Анохин, 1986. — С.94; Болтунова, 1989. — С.86, 87; Сапрыкин, 1996. — С.325, 326 и другие). Исходя из этого, Гепеппирия не могла быть родной сестрой Полемона II — старшего сына Котиса III и Антонии Трифены, внука Пифодориды (ср.: Анохин, 1986. — С.95, 96; Виноградов, 1992. — С.138; Сапрыкин, 1996. — С.330 сл.).

От брака Аспурга с Гепеппирией известны два сына, старший из которых носил родовое имя Митридатидов — Митридат, а младший — родовое фракийское имя Котис, положившее начало фракийским царским именам на Боспоре.

Фибула из Ногайчинского кургана в Крыму.
I в. до н.э. - I в. н.э. *Золото, бронза, горный хрусталь.*

Из посвяtitельных надписей известно, что Аспурга величали великим царем и другом римлян, благодетелем и спасителем (*КБН*, 39, 40), что, в общем, было типично для многих правителей того времени. Однако, он лично, в отличие от предшественников и наследников, скрывал свою титулатуру в монограмме ВАР. Возможно, что ему, как непрямому наследнику престола, как и его сыну Котису, во всем следовавшему указаниям римских императоров, была предписана именно такая форма надписей на монетах.

Соответственно эпиграфическим и археологическим источникам, при Аспурге, как и при Спартокидах времени расцвета, в государственные владения Боспора входили все города и земли синдов, майтов, тарпитов, торетов, псессов, кроме того, танаитов. Преемственность, идущая от Спартокидов, наблюдается и в том, что Феодосия по-прежнему занимала особое место, наряду с Пантикапеем, среди остальных городов. В посвящении Менестрата указывается также, что он подчинил скифов и тавров (*КБН*, 39). Тарелка с надписью Гепепирии (*Яценко*, 1962. — С.101-113) свидетельствует, скорее всего, о том, что Неаполь тоже стал подвластным Боспору.

Символом экспансионистской политики Аспурга и его военных успехов были греческий бог войны Арес и трофей оружия, а также, что особенно интересно, сарматская тамга, которую стараются игнорировать те исследователи, кто отрицательно относится к наличию сарматских корней в родословной этого царя. Тем не менее, в данном аспекте как монетные тамги, так и эти же знаки на черепице из Горгиппии становятся решающим аргументом. В мировоззрении Аспурга они явно играли значительную роль, если он — вопреки общему мировидению, пожалуй, глубоко синкретическому из-за переплетения разноэтнических религиозных верований в его роду, — все-таки ставил тамгообразный знак на тех изделиях, которые имели широкое распространение на Боспоре. Вследствие многочисленных завоеваний Аспурга и его целенаправленного укрепления всех территориальных владений, Боспор в течение его длительного царствования превратился в могущественное государство (*Гайдукевич*, 1949. — С.322 сл.; *Сапрыкин*, 1996. — С.334).

Венок с изображением царя и богини победы Нике.
Пантикапей. II-III вв. н.э. Золото.

Пока Аспург находился у власти и занимался внутренним усовершенствованием и увеличением своего государства, Рим, Понт, Фракия, с которыми он был связан политическими и родственными отношениями, как будто прямо не вмешивались в его дела. Очевидно, потому, что он не нарушал установленных договоров и не пытался воевать вне тех пределов, которые бы могли нарушить предписания римских императоров. Во всяком случае, на его золотых монетах устойчивыми являлись портретные изображения его благодетелей Тиберия и Агриппы, в последний год на медных монетах — Германика и Калигулы (Фролова, 1979; Анохин, 1986. — С. 150, 151).

Ни в одном случае, как уже отмечалось, он не позволил себе — в отличие от своих ближайших предшественников Асандра и Динамии и преемников Гепеирии и Митридата III — продемонстрировать полный царский титул с собственным именем. Следует согласиться со многими учеными, считающими, что Аспург вынужден был подчинить свою внешнюю и внутреннюю политику римскому контролю, очевидно, только ради того, чтобы быть официально признанным царем Боспора (Гайдукевич, 1949. — С. 323; Калистов, 1952. — С. 152; Блаватская, 1965. — С. 206). Столь серьезное его отношение к чеканке монет указывает на то, что между ним и Тиберием, а возможно, и понтийскими правителями существовал специальный договор, который остался ненарушенным до его смерти.

Аспург стал единственным господином обширной территории в Крыму (за исключением Херсонесского государства) и на азиатской стороне Боспора, создал мощную оборонительную систему, установил мирные взаимоотношения с соседними племенами, в частности сираками, ставшими впоследствии на защиту его сына Митридата III, выпускал золотую монету и считал себя наследником великого понтийского царя, с одной стороны, и сарматского, с другой.

Большое значение для понимания личности Аспурга является посвятельная надпись на беломраморной архитектурной детали (карнизе), которую В.Д. Блаватский считал частью портика или храма Аспурга дорического ордера, якобы свидетельствующего об обожествлении этого царя

(КБН, 39 — с лит.). Однако это вряд ли было возможно на Боспоре первых веков нашей эры. Другое дело, что Аспургу посвящались архитектурные сооружения и воздвигались статуи для прославления его деятельности и в благодарность за услуги от жителей Боспора (КБН, 40). Не имеется также никаких веских оснований считать, что Аспурга обожествили на Боспоре в противовес обожествлению Августа, что в итоге, бесспорно, вызвало бы недовольство Рима и его вмешательство во внутренние дела этого царства. Однако при жизни Аспурга этого не произошло. Только после его смерти император Гай Калигула провозгласил Полемона II, внука Пифодориды, царем Понта и Боспора, победу над которым одержал Митридат III (Dio. Cass. LIX, 12, 2; Виноградов, 1992).

Имя старшего сына Аспурга может указывать не только на его митридатовскую родословную (Suet. Claud. II, 3), но и на уважение и признание им заслуг великого понтийского царя. Вместе с тем, не лишено оснований и предположение о том, что в связи с заключением брака с фракийской царевной, под давлением определенных политических сил, в первую очередь Пифодориды, Аспургу было присвоено фракийское имя Рескупорид (Гайдукевич, 1949. — С.324).

Во-первых, его общепризнанная монограмма ВАР на золотых монетах может убедительно расшифровываться, если он действительно именовался базилевс Аспург Рескупорид; во-вторых, в последующий после него период истории Боспора имя Рескупорид становится самым популярным среди его правителей (последний, известный по чеканке монет Рескупорид VI — 318/319 - 332/333 гг. н.э.). Эта фракийская ономастическая традиция в царском роду Боспора свидетельствует также о сильном влиянии Гепепирии, которая, скорее всего, отличалась волевым характером, как и жена ее брата, убитого в 19 г. Возможно, ей периодически приходилось встречаться с Антонией Трифеной, носившей царский и жреческий титулы не только во вдовстве, но и после того, как Калигула возвел на царство ее сыновей — Полемона II в Понте, Реметалка III — во Фракии, Котиса IV — в Малой Армении (Сапрыкин, 1996. — С.328-336).

Важным моментом для понимания идейной позиции Гепепирии является то, что ее сыновья Митридат и Котис стали непримиримыми врагами, как только встал вопрос, кому наследовать царский престол. Не случайным является и то, что она после смерти Аспурга провозгласила себя царицей, но, судя по монетам, правила всего лишь около года (Анохин, 1986. — С.96, 97). Попытка увязать эти события с претензиями Полемона II на царствование и в Боспоре, получившему такое право по вердикту Калигулы после смерти Аспурга, не дают полного ответа на вопросы о том, что на самом деле происходило в боспорском царском роду.

Неясно, почему Гепепирия, если имелся прямой наследник престола Митридат, решила сначала взять власть в свои руки, но очень быстро ушла с политической арены. Возможно, тем самым она хотела остановить притязания своего племянника на власть в Боспоре. Но после того, как он пошел войной на царство ее сыновей, она передала власть Митридату. В 39 г. он выпустил свои монеты, которые семантически продолжали идеологическую линию его деда Асандра — фигура Нике с венком, трезубец Посейдона и атрибуты Геракла (ср.: Анохин, 1986. — С.147-151).

Символика монет, последующая борьба Митридата с Римом после предательства Котиса, бегство на Азиатский Боспор и его поддержка местными племенами отражают неукротимое стремление царствовать самостоятельно, без диктата Рима, что не было свойственно ни его отцу, ни брату. Последний — возможно, при поддержке фракийских родственников, — во всем опирался на римлян. Проримская политика Котиса и ее

сходство с политикой Аспурга находит самое яркое проявление на монетах. Ни на одной из них не были поставлены их имена с титулами. Из монетных изображений фактически исчезает культовая символика, предпочтение отдается портретам римских императоров. Впервые при Котисе утверждается их культ, а царь становится его верховным пожизненным жрецом (*КБН*, 41). Очевидно, именно он первым среди боспорских царей, а не Аспург, кроме собственного личного имени носил династическое римское имя Тиберий Юлий (*ср.: Гайдукевич, 1949. — С.324*).

Междоусобная война, вспыхнувшая между братьями, в которой Гепеирия, скорее всего, поддерживала Котиса, является косвенным свидетельством семейного неблагополучия. Митридат воспитывался в филэллинском и промитридатовском духе, Котис — филороманском и профракийском. Кто именно занимался их воспитанием и образованием, неизвестно. Аспург, уделявший много внимания военным делам, видимо, редко находился в царском дворце, однако, во всех возможных случаях уделял больше внимания Митридату как своему прямому наследнику. Соответственно этому были подобраны и воспитатели, что в итоге способствовало появлению зависти у его брата Котиса, также мечтавшего стать царем.

В общем, в настоящее время более-менее надежно можно предполагать, что в результате разноэтнических брачных союзов между царскими семьями, видимо, уходящими своими корнями ко времени последнего Перисада и Митридата Евпатора, а затем наследников Фарнака и Асандра, Аспург сумел доказать свое право на боспорский престол. Женившись на Гепеирии, он породнился с фракийскими и понтийскими царскими родами, заключил мирный договор с ними и с Тиберием, которого неуклонно придерживался. В своих мировоззренческих взглядах отдавал предпочтение митридатовской линии правления, о чем свидетельствует наречение старшего сына Митридатом и его последующей антиримской борьбой. Вместе с тем, он с уважением относился и к роду своей жены, пожелавшей назвать второго сына Котисом — династийным фракийским именем. Он оказался более хитрым, предприимчивым и понимающим, что без помощи Рима нельзя получить царскую власть и возможность править самостоятельно.

В деятельности Аспурга и его сыновей переплелись все противоречия его родословной. Он проявил долготерпение во взаимоотношениях с Римом, Понтом и Фракией ради собственного благополучия, возвеличивания, укрепления Боспорского царства, демонстрации собственных сил и умения создать огромное государство. При сравнении его политики с Фарнаком и Митридатом III, решившими пойти против Рима, его деятельность представляется более разумной, хотя и не лишенной амбициозных устремлений, вылившихся в итоге в подчинение крымских скифов и тавров.

Абаб, сын Каллисфена

В истории Ольвии первые десятилетия I в. н.э. наименее изучены из-за отсутствия прямых источников. Очевидно, город находился все еще в процессе восстановления и, возможно, нового формирования в качестве полноценного государства с его традиционно полисными демократическими магистратурами и традициями. Сравнительно бедная и плохо датированная материальная культура, а также отсутствие денежного обращения способствовали появлению выводов, — кстати, ничем пока не доказанных, — о возвращении ольвиополитов после гетского нашествия на прежние места обитания только через несколько десятилетий (*ср.: Анохин, 1989. — С.56-58*;

Крапивина, 1993. — С.140, 141). Все это время они якобы находились на нижнеднепровских городищах.

Однако несомненный прямой континуитет многих традиций как в сфере государственной политики (демократия и главные структуры власти), так особенно духовной культуры, — чистота языка, палеография, религиозные культы, погребальный обряд, антропонимия, полисно-сакральная эмблема, увлечение «Илиадой» Гомера и философскими учениями, в частности Платона, — свидетельствуют, что хотя бы небольшая группа граждан, скорее всего, наиболее прогрессивная и патриотически настроенная, возвратилась в разоренный город вскоре после разгрома гетов в 48 г. или же смерти их вождя Буребисты в 44 г. до н.э., когда угроза их повторного вторжения навсегда отпала.

Если бы Ольвия на самом деле на протяжении нескольких десятилетий вообще не существовала, — то есть, по сути, при смене одного-двух поколений граждан при их постоянном пребывании в иноэтнической среде — в городе, с одной стороны, наблюдалось бы намного больше варварских элементов во всех сферах жизни, а с другой, прямой перенос всех компонентов ольвийской государственной системы и политики, денежного обращения, торговых связей и вообще культурно-религиозных традиций в нижнеднепровские городища. Но поскольку по данным археологических исследований говорить об этом не приходится, то не имеется пока и никаких оснований считать, что ольвиополиты просто выжидали, пока не постарели или не умерли, а их дети и внуки возвратились в давно разоренный город с целью его возрождения лишь после того, как их потеснили сарматы или по прошествии десятилетий о былом существовании такого города вспомнили скифы.

Несомненно, что ольвийские граждане, хотя и соответственно косвенным источникам, были обязаны своим возвращением римлянам, разбившим гетов и покончившим с угрозой их нападения. В таком случае и это указывает на то, что они возвратились в свой город почти сразу после разгрома гетов. В определенной степени с таким пониманием истории послегетской Ольвии связывается и деятельность Абаба, сына Каллисфена.

Сам Абаб мало привлекал внимание ученых. Чаще всего, по тому или иному случаю отмечалось наличие эпиграфических источников, свидетельствующих о его контактах с Римом, культе римских императоров и строительстве монументальных сооружений (*ср.: Латышев, 1887. — С.192; Яйленко, 1987. — С.73; Анохин, 1989. — С.56, 58; Русяева, 1992. — С. 155, 156; 1999. — С. 469, 579; Крапивина, 1993. — С.140, 141; 1999. — С.233; Крыжичкий, 1993. — С.187; Vinogradov, 1997. — S.342*). Между тем, хотя бы приблизительное выяснение характера деятельности первого из известных лидеров послегетского времени имеет немаловажное значение для понимания того, что мог представлять собой в это время как сам город, так и его гражданская община.

В надписи на мраморной плите сообщалось, что Абаб, сын Каллисфена, посвятил «императору цезарю богу сыну бога Августу, величайшему первосвященнику, отцу отечества и всего человеческого рода, императору Августу сыну бога Тиберию цезарю и Демосу на собственные средства стою» (*IOSPE, I², 181*). Очевидно, плита была вмонтирована в указанное в посвящении сооружение, остатки которого до сих пор не открыты.

Поскольку титул ΣΕΒΑΣΤΟΣ перешел к Тиберию после смерти Августа в 14 г. н.э., то надпись единодушно датируется близко к этому времени. В ней применена почти вся титулатура, которой обладал Октавиан, получивший божественный культ после смерти (*CIL, X, 3757*). Уже в 14 г. он был канонизирован и официально именовался Divus (*Tac. Ann. I, 10*), повсе-

Посвятительная
надпись Абаба,
сына Каллисфена.
По IOSPE, P, 181.

1 ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΙΚΑΙΣΑΡΙΘΕΣΘΕΟΙ.ΙΩΙΣΕ
ΒΑΣΤΩΙΑΡΧΙΕΡΕΙΜΕΓΙΣΤΩΠΑΤΡΙΠΑΤΡΙΔΟΣ
ΚΑΙΤΟΥΣΥΜΠΑΝΤΟΣΑΙ...ΩΠΩΝΓΕΝΟΥΣ
ΚΑΙΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΙΣΕΒ...ΘΕΟΥΥΙΩΙΤΙ
5 ΒΕΡΙΩΙΚΑΙΣΑΡΙΚΑΙΤΣ...Ω.ΑΒΑΒΟΣ
ΚΑΛΛΙΣΘΕΝΟΥΣΕΚΤΩΝ.ΔΙΩΝΑΝΕΟ!
ΚΕΤΗΝΣΤΟΑΝ

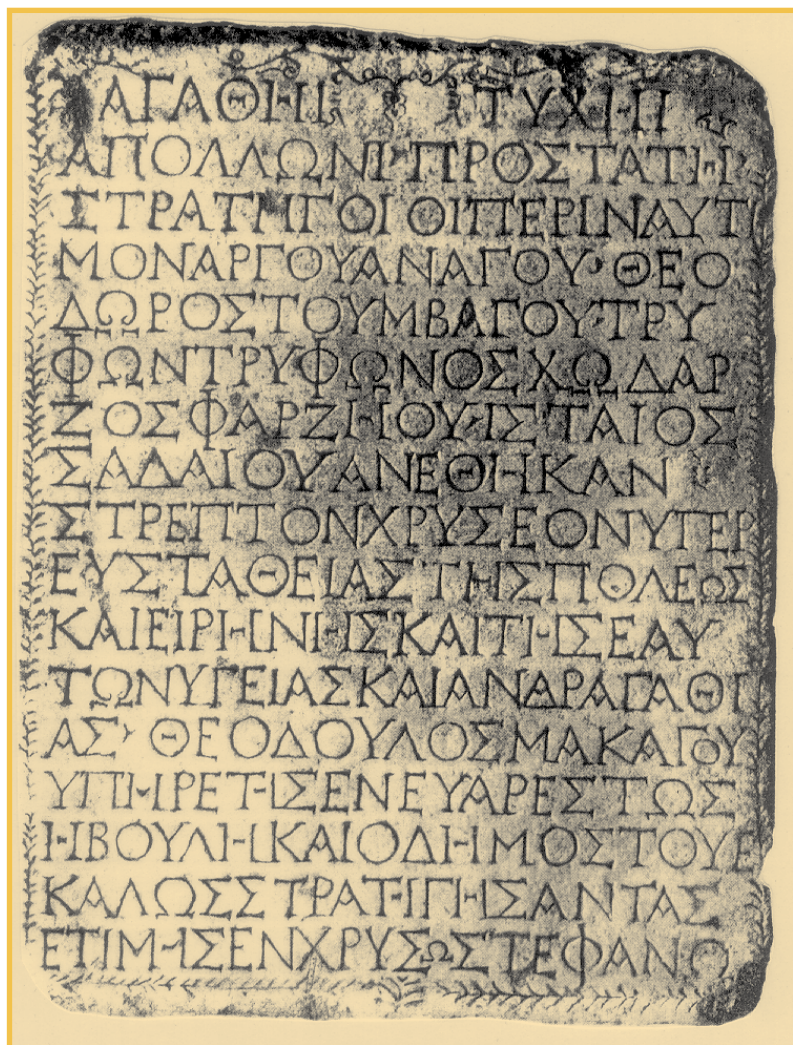
стно ставились его статуи и алтари (*Simpson, 1981. — P.492-511; Alföldy, 1984. — S.17, 51; Садовская, 1985. — С.70 сл.*).

Почитание Августа особенно популяризировалось в восточных провинциях, чему содействовал разосланный манускрипт с повелением сооружать в его честь храмы, алтари, портики, а также статуи императора для украшения городов (*Tac. Ann. IV, 37, 55; Suet. Aug. II, 52*). Нового «богочеловека» знали не только в малоазийских городах (Эфес, Сарды, Милет), но и на Понте (см. лит.: *Русяева, 1992. — С.155*). Примечательно, что, согласно Аммиану Марцеллину, на берегу Борисфена также стоял алтарь, посвященный Августу (*XXII, 8, 40*).

Не исключено, что в Ольвии был получен специальный манускрипт о сооружении Августу памятника. А это может свидетельствовать о том, что она была не только отстроена хотя бы частично на высоком южном плато и особенно в прилиманной части, откуда в случае нападения с суши было легче переплыть на противоположный берег Гипаниса или в другое безопасное место, но и возобновила прежнее государственное устройство, наладила экономические и политические связи. Абаб в это время выступает как лидер ольвийской гражданской общины и видный государственный деятель.

О том, что он являлся именно таковым, прямо указывает и проксенический декрет города Византия в честь его сына Оронта, копия которого была выставлена в Ольвии для всеобщего ознакомления по старой полисной традиции (*IOSPE. P, 79*). Оронту предоставлялись потомственные права гражданства Византия, его позолоченная бронзовая статуя была установлена там в булеветерии за заслуги в том, что он, выполняя обязанности ольвийского магистрата, относился с уважением и благосклонностью к иностранцам — в частности, византийским купцам, приезжавшим в Ольвию. Считается, что эта надпись по времени близка посвящению Абаба. Это тем более вероятно, поскольку в ней отмечено, что он, как отец Оронта, являлся «первенствовавшим не только в отечестве, но и во всем понтийском народе», возвысился до известности Августам и принес много пользы городу Византию, где также удостоился проксении.

Исходя из этого, можно уверенно считать, что Абаб занимался как торговлей, в результате которой приобрел значительные средства, так и государственной деятельностью. Термин ΠΟΛΙΣ, бесспорно, свидетельствует о том, что Ольвия в это время представляла собой автономный город, который Абаб считал своей родиной. Выполняя здесь различные должности — очевидно, попеременно архонта и агораномы, — и будучи торговцем, он особенно содействовал прибывающим в город купцам, вследствие чего добрая слава о нем распространилась во многих регионах Причерноморья. По всей видимости, как и в предыдущие времена, Ольвия, главным образом, торговала хлебом и рыбой, приезжие купцы могли доставлять сюда наиболее необходимые ее жителям недорогие товары и продукты.

Посвятительная
напись
ольвийских
стратегов
Аполлону
Защитнику.
Ольвия. II в. н.э.
Мрамор.

В этот труднейший период восстановления разрушенного почти до основания города Абаб принадлежал к тем немногим гражданам, которые обладали не только большими богатствами, но и пользовались особым авторитетом. Не исключено, что он часто избирался на высшие государственные должности, нередко выполняя их за собственный счет во благо всего демоса, что косвенно подтверждается потомственными проксениями Византия ему и его сыну Оронту, происходившими из аристократического рода Каллисфена. Это чисто эллинское имя было широко распространено в античном мире, в отличие от имен его сына Абаба и внука Оронта.

Представляет большой интерес то, что если первый из них носил редкое греческое (малоазийское) имя, то Оронт — персидское. Известно, что отец первого из династов рода Митридатидов имел имя Оронтобат (*Reinach, 1890. — P. 4, 138 sq.*). Близкие к этому имена носили и другие знатные персы. Все Митридатидаы отличались филэллинской политикой (*Сапрыкин, 1996*).

Наличие персидского имени в семье ольвиополита можно объяснять двояко: родственными связями отца или деда Абаба с какими-то представителями разветвленного рода Митридата VI Евпатора или близко стоящих к нему людей времени вхождения Ольвии в Понтийское царство, когда здесь находился специальный отряд, присланный понтийским царем для ее защиты от нападений варваров и укрепления собственной

власти (см. подробнее: Виноградов, 1989. — С.250 сл.; Сапрыкин, 1996. — С.132 сл.); связями самого Абаба с Синопой и Боспорским царством, где в его время жило немало наследников и приверженцев политики понтийского властелина. То, что Абаба считали первенствовавшим на Понте, не исключает того, что он целеустремленно, соответственно своим возможностям и амбициям, стремился к такому лидерству и почитал Евпатора.

С другой стороны, вряд ли можно сомневаться и в том, что Абаб принадлежал к древнему аристократическому роду по линии отца, скорее всего, даже Евресибиадов. В этом аспекте привлекает внимание декрет конца II в. н.э. в честь Каллисфена, сына Каллисфена, в котором упоминаются его предки, известные Августам (*IOSPE. P², 42*). Поэтому вполне вероятно, что именно Абаб, сын Каллисфена, и был предком прославленного в Ольвии Каллисфена, сына Каллисфена. Его родной брат Евресибий, сын Каллисфена, исходя из своего редкого имени и знатности происхождения, продолжал линию знаменитого в Ольвии рода Евресибиадов, стоявшего у истоков основания полиса и способствовавшего установлению демократии. Именно с ними следует связывать два известных ольвийских склепа-героона под курганами (Русаева, 1992. — С.185-191).

В период нашествия гетов отец Абаба Каллисфен, по-видимому, нашел временный приют в Синопе, с которой Ольвия всегда поддерживала теснейшие экономические связи. Только благодаря поддержке синопейцев и римлян, он смог сохранить свои сбережения, ставшие залогом успеха его сына Абаба. Не традиционно ионийские (ольвийские) имена в определенной степени могут свидетельствовать также о том, что он был женат на знатной богатой синопейке не греческого происхождения.

Если в пределах приблизительно 14-20 гг. Абаб соорудил на свои средства стою в Ольвии, уже прославился своей деятельностью на Понте, преуспел в известности Августам и имел сына, которому благодарные жители Византия поставили позолоченную статую, то к этому времени ему уже было приблизительно 50-60 лет, а значит, он мог родиться вскоре после разгрома гетов римлянами. Особая приверженность к римлянам как Абаба, так и Каллисфена, сына Каллисфена, наталкивает на мысль, что отец первого из них в наибольшей степени был заинтересован в полном разгроме самых страшных врагов Ольвии и предпринял ряд шагов, чтобы римляне начали с ними войну. После их победы у ольвиополитов появилась уверенность в том, что можно беспрепятственно возвратиться в родной город.

Вскоре после 14 г. Абаб уже имел достаточно средств, чтобы соорудить стою в честь Августов и Демоса. Поскольку она посвящалась римским императорам, то вряд ли была маленькой и плохо построенной. Посвятельная надпись с пышной титулатурой обязывала, чтобы памятник обращал на себя внимание не только у жителей Ольвии, но и приезжавших сюда иностранцев, в том числе и римлян. Для какой цели служила эта стоя, каких она была размеров и в каком месте находилась, определить сейчас невозможно. В.В.Латышев предполагал, что она предназначалась для собраний граждан, для их бесед о политике, общественных и торговых делах и потому, как и в других городах, могла быть выстроена в близком соседстве с городской площадью (1887. — С.169, прим.4).

Вполне вероятно, что в первые десятилетия I в. н.э. такая площадь находилась в прилиманной части Нижнего города и никогда не будет обнаружена вследствие разрушения ее водами лимана. Впрочем, видимо, уже в конце I в. н.э. эта стоя уже не стояла здесь, поскольку побывавший в Ольвии Дион Хрисостом при описании города не упоминает ее, хотя не преминул подчеркнуть, что ольвиополиты с презрением относятся к тем соотечественникам, кто следует римским обычаям и моде (*Orat. XXXVI*). По

Герма с изображением бога торговли Гермеса со сценой жертвоприношения барана.

Ольвия. I в. до н.э. - I в. н.э.

какой-то причине взаимоотношения с Римом были нарушены, очевидно, римские владыки не предпринимали решительных мер для постоянной защиты города от набегов варваров, и противники римской политики могли разрушить памятник.

Кроме того, нельзя не отметить, что близко ко времени сооружения стои Диомед — управитель дома Оронта, сына Абаба, — подарил своему хозяину экседру (*IOSPE. P, 182*). Так как он о своем даре оставил надпись на плите, то, следовательно, она была поставлена в общественном месте — то есть, в стое, возможно, той, что была сооружена на средства его отца. Очевидно, уже постаревшему Оронту было особенно приятно сидеть здесь со своими друзьями и поклонниками в полукруглой, защищенной от ветров нише на специальных скамейках. Во всяком случае, если бы экседра была типа гостиной в жилом доме — соответственно римской архитектуре, — то вряд ли Диомед по такому случаю оставил бы специальную надпись на плите, явно предназначенную для всеобщего ознакомления.

Из проксении в честь Оронта известно, что Абаб пробился до известности Августам. Отсюда можно понять, что он лично предпринимал какие-то действия, чтобы познакомиться с императорским домом, очевидно, еще до смерти Октавиана. А это значит, что его знакомству с обоими Августами способствовало не посвящение им стои в Ольвии, сооруженной уже после смерти первого из них, а какие-то важные дела. По мнению В.П.Яйленко, сооружением памятника Абаб продемонстрировал свою личную лояльность римским императорам, а об отношениях Ольвии с Римом на государственном уровне сведений не имеется (*1987. — С.73*). С таким выводом категорически не согласен Ю.Г.Виноградов (*Vinogradov, 1997. — S.342*).

Действительно, если только в Ольвии в это время Абаб не являлся единоличным правителем, что вряд ли возможно, то без решения народного собрания и совета, а также коллегии архонтов он не смог бы поставить памятник со столь уникальным для ольвийской истории и культуры посвя-

щением. В таком случае Ольвия, постоянно испытывавшая большие трудности, особенно в этот ранний период своего восстановления, и страх перед новым вторжением варваров, могла быть заинтересована в помощи Рима. Другое дело, что римских правителей мало интересовал этот провинциальный и полностью так и не восстановленный город, лежащий в стороне от главных морских путей.

Верноподданнические чувства Абаба к императорам могли быть вызваны разными причинами, в том числе и удачными дипломатическими переговорами с Римом, заинтересованностью дипломатов, каким мог быть и Абаб, в налаживании хороших отношений с империей и ее помощи в случае опасности. Разнообразные контакты с ней имели большое значение для стабилизации обстановки и внешнеполитических связей с другими государствами, как это видно по многим данным из северопонтийских государств (*КБН*, 38, 41, 47, 48, 52 и другие; *Блаватский*, 1985, — С.191 сл.; *Русяева*, 1992. — 115 сл.; *Зубарь*, 1994. — С.15-18). Для Ольвии, находящейся в тяжелых условиях возобновления прежнего авторитета на Понте, весьма важным являлось развитие всесторонних международных отношений. Дипломатические функции обычно переплетались с религиозными, сакральная сфера по-прежнему играла важную роль в налаживании политических и экономических контактов.

Принимая во внимание первенствующее место Абаба среди «понтийского народа», а также знакомство с Августами, он хорошо знал сложившуюся в это время внешнеполитическую обстановку. Вероятно, его действия на короткий срок что-то изменили в судьбе Ольвии, однако никаких свидетельств об этом не сохранилось. Город после этого еще около тридцати лет не чеканил собственную монету (*Анохин*, 1989).

Принципиально важным для решения вопроса о взаимосвязи деятельности Абаба с политической жизнью Ольвии является посвящение стои не только римским императорам, но и Демосу. В данном случае вряд ли стоит видеть в нем только римский народ (*Vinogradov*, 1997. — S.532), а не ольвийский обожествленный демос. Традиция посвяtitельных надписей Демосу была заложена в Ольвии еще в раннеэллинистический период и продолжалась в первые века нашей эры (*Русяева*, 1992. — С.140-143). Персонификация демоса как олицетворения народа и государства, в сопоставлении с римскими императорами, носит противоречивый характер, хотя может свидетельствовать о патриотизме Абаба, пытавшегося смягчить возможную двойственность в государственной идеологии в связи с первым признанием римского влияния в Ольвии.

Посвящения Демосу нередки и в малоазийских городах римского времени. Наиболее интересные сведения дают посвяtitельные надписи I-II в. н.э., найденные при раскопках римского театра в Милете. На нескольких мраморных плитах сделаны посвящения различным императорам, имена которых всегда стояли на первом месте с их обычными сакральными эпитетами, на втором — Аполлон Дидимский и на третьем — Демос. Так что Абаб, хорошо известный на Понте, был знаком с новыми веяниями в идеологической и политической жизни античных городов с их проримской ориентацией.

Утверждая высокие полисные ценности свободы и единства гражданской общины, служения ее интересам, он исходил, прежде всего, из понимания важности развития всесторонних отношений с другими государствами. Он видел свою миссию в том, чтобы поднять не только самого себя, но своей деятельностью способствовать сохранению и упрочению своего отечества. Как раз в этом следует видеть залог силы и успехов Абаба, утверждавшего себя в единении с ольвийским демосом.

Пример Абаба, как и его отца Каллисфена и сына Оронта, показывает, что движущей силой в духовно-моральном и психологическом аспектах возвращения ольвиополитов в Ольвию были, прежде всего, полисные традиции единства гражданской общины, патриотизм, любовь к своей отчизне и ее свобода. Только на этой земле они оставались полноправными гражданами, творцами государственной политики и хозяевами собственной земли, а не беженцами или переселенцами без гражданских прав. Только здесь они имели возможность почитать своих исконных богов, сохраняя отчие обычаи и обряды, проводить собственную внешнюю политику, воспитывать детей по давно установленным правилам и законам.

Фарзой

Фарзой — один из немногих правителей в Северном Причерноморье, чье имя и образ засвидетельствованы только на золотых монетах. По внешнему признаку их разделяют на две группы: в первой имя и титул царя расположены на реверсе, около изображения орла с тамгой в лапах, а на аверсе — голова Фарзоя; на второй — надпись помещена вокруг его портрета на лицевой стороне, а на реверсе — возле орла поставлено сокращенное имя ольвийского магистрата (*Карышковский, 1988. — С.108 — с лит.*)

На монетах представлена голова в профиль вправо в основном уже немолодого Фарзоя, с длинным, расширяющимся книзу носом, круглыми, слегка прищуренными глазами под нависающими надбровными дугами, выдвинутым вперед или приподнятым подбородком, подчеркивающим волевой и упрямый характер. Лицо чистое, худое, иногда как бы с впалыми щеками и не плотно сжатыми пухлыми губами. Над верхней — длинный закрученный ус. Царский головной убор состоял из диадемы с развевающимися сзади завязками, как и у боспорских царей, поверх коротко стриженных в скобку волос. На отдельных монетах Фарзой изображен в шапке с меховым околышем, над которым просматривается и диадема. На одной из монет ясно видно, что в средней части диадемы на лбу имеется украшение круглой формы, возможно, из драгоценных камней (*ср.: Розанова, 1956. — Табл. I, 3*). Обращает также внимание и то, что на одной из монет Фарзой представлен еще очень молодым, на другой — в пожилом возрасте: с худым лицом, длинным, сильно выдвинутым вперед носом и подбородком, а на большинстве монет — в зрелом возрасте (*ср.: Розанова, 1956; Карышковский, 1982; 1988; Анохин, 1989*).

В общем, исходя из общего характера изображений и несмотря на разные художественные качества в отображении реального образа Фарзоя, — явно не одним мастером и, тем более, не в одно время, — заметно все-таки, что его облик с возрастом менялся. Не исключено, что художники создавали и обобщенно идеализированный образ, хотя почти на всех монетах он представлен с длинным носом и крутым подбородком, в чем следует видеть его характерные портретные черты.

Если имя и облик царя Фарзоя известны по монетам, которые чеканились на ольвийском монетном дворе, то совершенно отсутствуют какие-либо письменные свидетельства о том, кем он был по происхождению, каким царством правил, в каких отношениях находился с Ольвией и другими государствами. Ответы на эти вопросы в той или иной степени строятся в гипотетическом плане на основании общей исторической обстановки, сложившейся в I в. н.э. в Северном Причерноморье, с привлечением опосредованных и косвенных источников.

Длительный период из-за некоторого сходства с монетами Скилура Фарзой считался скифским царем (см.: Латышев, 1887. — С.115-120; Розанова, 1956. — С.197-208; Карышковский, 1988. — С.108 сл.; Анохин, 1989. — С.58 сл.). Вследствие этого датировка монет Фарзоя колебалась в пределах от II-I вв. до н.э. до II в. н.э. Поскольку они чеканились в Ольвии, то неизбежно решались вопросы зависимости города от этого царя. Внезапный поворот в ином понимании этнического происхождения Фарзоя и хронологии его царствования начался с остроумного доклада П.О.Карышковского на конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир» (1973 г.). В результате сравнительного анализа тамгообразных знаков и монограмм на боспорских и ольвийских монетах, им было установлено, что монеты Фарзоя и Инисмея, как и монеты боспорского царя Аспурга, имеют тамги, и поэтому их следует относить не к скифам, а к сарматам (Карышковский, 1973. — С.15, 16).

Впоследствии им была разработана подробная хронология Фарзовых монет и на их основании раскрыты отдельные аспекты взаимоотношений Ольвии с сарматскими царями (Карышковский, 1982. — С.6-28; 1988. — С.108-115). Основное положение П.О.Карышковского сводилось к тому, что Фарзой возглавлял какую-то группу сарматских племен в середине I в. н.э. Ольвия признала над собой верховную власть этого царя. Конкретные формы этого подчинения, как и его влияния на ольвийских граждан, а также конкретизация этнической группировки сармат не уточнялись.

Сравнительно быстро исследователи признали правомерность отнесения Фарзоя к сарматским царям (Шелов, 1975. — С.127; Шукин, 1982. — С.35-38; 1989. — С.43-45; Симоненко, Лобай, 1989. — С.4, 46; Симоненко, 1992. — С.158-161; Виноградов, 1994. — С.168 сл.; Русяева, 1989; 1995. — С.25-34). По существу, это установление П.О.Карышковского вряд ли сейчас у кого-либо может вызвать сомнения или веские возражения, хотя нельзя еще сказать, что в нашей науке установилось однозначное решение этого вопроса. Так, Т.Н.Высотская и В.С.Ольховский продолжают считать его скифским царем с резиденцией в Неаполе (Высотська, 1992. — С.142; Ольховський, 1992. — С.138).

В значительно большей степени высказаны различные и даже взаимоисключающие концепции и гипотезы относительно подчинения Ольвии Фарзою, его взаимоотношений с Римом и конкретного этнического происхождения, а также локализации его царства. Вследствие разнообразия взглядов возникает потребность рассмотреть более подробно отмеченные выше вопросы, поскольку они помогут глубже разобраться в том, кем же был сарматский царь Фарзой.

Вопрос об определении его конкретного этнонима длительный период вообще никем не поднимался. Затем было высказано предположение, что Фарзой мог быть сыном сиракского царя Зорсина — на основании, главным образом, ольвийских имен Сирах, Зорсан, Фарзей и общей военно-политической ситуации, которая сложилась в это время на Боспоре и окружающем его варварском племенном мире (Русяева, 1989). А.В.Симоненко, наоборот, считает его и Инисмея царями аорсов, в основном, на основании комплекса богатого погребения вблизи с.Пороги на Винничине (1989; 1992).

Относительно локализации царства Фарзоя точки зрения тоже разделились. По находкам трех монет этого царя в разных местах и на далеких расстояниях друг от друга (Херсонщина — левый берег Днепра, р.Прут, с.Брынзены на севере Молдавии) и несколькими более-менее синхронным им погребениям, его размещают: на северный запад от Ольвийского государства; на огромных степных пространствах от Борисфена, включая левобережье, до Тираса или Истра; в Нижнем Поднепровье; непосредственно

Монеты сарматского
царя Фарзоя.
Золото.

возле границ Нижней Мезии и т.д. (ср.: Карышковский, 1988. — С.15; Шукин, 1989. — С.43; Костенко, 1990. — С.29-31; Симоненко, 1992; Виноградов, 1994. — С.168 сл.; Зубарь, 1994. — С.218 сл.).

При этом никто не обращает внимания на то, что такие находки случайны, не известно, где была найдена основная часть монет (всего 14), которые разбросаны сейчас по разным музеям мира, принадлежат коллекционерам или навсегда потеряны. Например, для того, чтобы доказать, что царство Фарзоя было расположено именно на запад от Ольвии, П.О.Карышковский считал нужным не уделять значения монете этого царя, найденной «в Херсонской губернии на левом берегу Днепра», а также монете Инисмея из острова Левке, отдавая предпочтение монетам, находки которых еще более случайны и точно не документированы, а информация о них существует лишь со слов коллекционеров (ср.: Розанова, 1956; Карышковский, 1982. — С.76, 77). В таком случае вовсе нельзя исключать, что отдельные из этих монет могли быть найдены на территории Ольвии, Неаполя, других городищ Таврики и Нижнего Днепра, где периодически проводились грабительские раскопки.

Для того, чтобы хотя приблизительно выяснить вопросы, связанные с личностью Фарзоя и его царством, прежде всего, следует обратиться к уже известным фактам, изложенных еще Тацитом (*Ann. XIII, 15-21*). Соответственно им, сейчас считается общепринятым, что римско-боспорская война 45-49 гг. стала одним из переломных моментов в истории Боспора и связанных с ним сарматских племен. В это время на Боспор были посланы римские войска для расправы с сыном Аспурга, боспорским царем Митридатом III, не пожелавшим подчиниться Риму, о чем донес туда его брат Котис, стремясь сам захватить престол. В эту карательную войну были втянуты и соседние сарматские племена — аорсы и сираки. На стороне Митридата воевал его союзник, а возможно, и родственник — сиракский царь Зорсин; Котис, наоборот, сумел заручиться поддержкой воинственных и более многочисленных аорсов. Еще незадолго до этого оба племени жили в мире и были союзниками Фарнака (*Strabo. XI, 492, 506*).

После этой войны археологические памятники сираков на Северном Кавказе исчезают (*Лимберис, Марченко, 1989. — С.125*). Локализация их племени во второй половине I-II вв., то есть, до того времени, когда они снова были разбиты боспорским царем Савроматом II в 193 г. (*КБН, 1237*), точно не определена. Исследователи чаще всего игнорируют данные Пли-

Монеты сарматского
царя Иненсимея.
Серебро.

ния Старшего (*NH. IV, 83*), что во второй половине I в. н.э. это племя находилось уже близ Ахиллова Дрома; лишь в отдельных случаях просто отмечается этот факт, однако при этом не придается ему какое-либо значение, или же он считается ошибочным. В последнее время лишь А.С.Русяева, А.Е.Пуздровский и Ю.Г.Виноградов относят это свидетельство к очевидным и реальным (*Русяева, 1989; 1995; Пуздровский, 1992. — С.130; Виноградов, 1994. — С.165*). Действительно, будучи активным участником политической жизни Рима и находясь в числе так называемых друзей императора Веспасиана, Плиний Старший (23/24 — 79 гг.) не только использовал различные свидетельства о провинциях и вассальных территориях Римской империи, но еще до этого был лично знаком с Митридатом III, находившемся здесь в ссылке, а также наместниками Нижней Мезии — Титом Флавием Сабинном и Тиберием Плавтием Сильваном (*Скрябинская, 1977. — С.8-11, 44*). Таким образом, информацию о военных событиях и расселении племен он получал, как говорится, из первых рук, а поэтому она заслуживает особого доверия. Кроме того, он постоянно вносил в свою работу, которую закончил незадолго до смерти в 77 г., те или иные поправки.

Так, Плиний, описывая в определенной последовательности месторасположение этносов вдоль побережья Понта Евксинского с запада на восток (от Тираса до Гипаниса), называет вначале тирагетов, аксиаков, кробиггов (*NH. IV, 82*). На юго-востоке от Ольвии вся территория возле Ахиллова Дрома, длина которого, по данным Агриппы, достигала 80 миль, занимали скифы-сарды и сираки (*NH. IV, 83*). В некоторой степени такую локализацию сарматов во второй половине I в. н.э. подтверждают сведения Диона Хрисостома, который побывал в Ольвии в 80-х годах этого столетия и отметил, что «реки (Борисфен и Гипанис — А.Р.) впадают в море вблизи укрепления Алектор, которое принадлежало, как говорят, супруге царя савроматов» (*Orat. XXXVI*). Это укрепление располагалось, возможно, на северо-западной оконечности Кинбурна или на высоком берегу Днепро-Бугского лимана и было видно на пути к Ольвии. В данном пассаже небезынтересен факт этнической атрибуции царицы — а именно савроматов, а не сарматов, что, представляется не случайным, поскольку как раз сираки могут быть одним из ранних этнических ответвлений савроматов.

Из рассказа Тацита о боспоро-римской войне известно, что сираки на прежнем месте проживания в Прикубанье имели не только укрепления, но и города, где жили свободные и рабы (*Ann. XII. 16, 17; Русяева, 1995. —*

С.26, 27). Исходя из этого, можно предполагать, что укрепление Алектор принадлежало изгнанным из своей родины сиракам.

Полностью соответствует Плиниевой локализации этого племени и информация танаисской надписи 193 г. о завоевании Савроматом II сираков, скифов и присоединении Таврики по договору (*КБН, 1237*). Соединение в одном сообщении двух этносов и топонима, причем в той последовательности, как проходил процесс завоевания, может указывать, что они соседили или обитали на одной территории.

Если это так, то сираки вначале могли занимать территорию в Нижнем Поднепровье от Кинбурна до Таврики или границ Крымской Скифии — возможно, даже на той земле, где несколько раньше поселились скифы-сарды. Оба этноса впервые названы в этом регионе Плинием. При этом очевидно, что приставка «скифы», как и в этническом определении «тавро-скифы», указывала на географическое расположение. А если так, то сарды тоже могли принадлежать к какой-то небольшой группировке сарматского племени. Такое близкое соседство способствовало, разумеется, значительной ассимиляции, заимствованию различных хозяйственных, бытовых и культурных элементов как у эллинов, так и у оседлых скифов. Поскольку Плиний не отмечает, кто именно занимал нижнеднепровские городища, то вполне возможно, что часть их во второй половине I-II вв. принадлежала эллинизованным сардам, а затем и сиракам, явно воспринявших к этому времени много необходимого для своего проживания и быта у эллинов, с которыми им приходилось постоянно сталкиваться как на Боспоре Киммерийском, так и в Поднепровье.

Вряд ли сейчас можно что-либо определенное сказать о численности сираков, одновременно ли они переселились в район Тендры, а также в какой роли они здесь выступали: завоевателей или беженцев. Пока что из разрозненных источников можно констатировать, что в этот период прослеживаются значительные изменения в этническом составе населения Таврики и Нижнего Поднепровья (*Пуздровский, 1989. — С.36; 1992. — С.130-132; Симоненко, 1990. — С.26; 1993. — С.116, 117*). Анализ погребального обряда на территории Крымской Скифии А.Е.Пуздровским дает возможность прийти к закономерному выводу, что здесь во второй половине I в. н.э. появилось много сарматов, которые могли относиться к сиракам (*Пуздровский, 1992. — С.130-132*). Отмечается также увеличение населения в Неаполе и на отдельных городищах. Одновременно были значительно укреплены нижнеднепровские городища. К сожалению, А.В.Симоненко, поддерживая А.Е.Пуздровского относительно сарматизации Неаполя Скифского во второй половине I в. н.э., совершенно игнорирует как свидетельства Плиния о новой географической локализации сираков и скифов-сардов в районе Ахиллодрома, так и археологические наблюдения крымского исследователя о том, что эта значительная миграционная волна более всего по своему этнокультурному характеру согласовывается с прикубанскими сарматами, а не кочевыми аорсами, к которым он под знаком вопроса относит погребения этого времени (*Симоненко, 1993. — С.116, 117*).

Определить конкретное название этноса действительно довольно тяжело, если опираться только на археологические памятники. Ведь все эти племена потому и известны под общим названием сарматы, что имели в своей культуре и облике много общего. Под влиянием греков и скифов в их быте и погребальном обряде все время появлялись какие-то новые черты и отклонения от традиционных установлений. Особенно это было характерно для военной элиты сираков, которые еще с IV в. до н.э. находились в тесных взаимоотношениях с боспорскими царями и намного быстрее воспринимали эллинские достижения, чем рядовые кочевники.

Вряд ли можно сомневаться в том, что уцелевшие в боспоро-римской войне сираки раньше своих врагов аорсов, которые разгромили их и разграбили, вынуждены были оставить места своего проживания, возможно, даже силой были вытеснены с той территории, которую они занимали несколько веков. Это подтверждается как письменными, так и археологическими источниками (*Ждановский, 1984. — С.49; 1990. — С.102-116; Шевченко, 1989. — С.143*), чего так не хватает для аорсов. Кроме того, такая миграция могла быть ускорена также и наступлением аланов. Если еще Скилур был выходцем из аристократического рода сираков Прикубанья (*Зайцев, 1999. — С.142, 143*), то отсюда вытекает, почему именно этот этнос избрал для своего переселения район близ Ахиллова Дрома — то есть, в границах Малой (Крымской) Скифии.

Логично считать, что поскольку боспорский трон занимал союзник аорсов Котис I, им были предоставлены значительные привилегии и льготы во взаимоотношениях с его царством, а возможно, и римлянами. У них не было никаких причин сразу же по окончании войны и разгрома сираков двигаться на запад ради грабительских набегов на другие государства или в поисках новой земли для проживания, что вынуждены были сделать сираки или какая-то часть этого этноса, как и те боспорцы, которые служили в войске Митридата, насильно вывезенного в Рим. Аорсы контролировали самые выгодные торговые пути из Индии, Вавилонии через Мидию и Армению к Танаису, что постоянно приносило им большие прибыли и вследствие чего они считались очень богатым племенем (*Ростовцев, 1918. — С.130*).

Если для сираков второй половины I в. н.э. мы имеем хотя и краткие, но конкретные свидетельства об их новом месте проживания в районе Ахиллова Дрома, то относительно аорсов сохранились несколько иные данные. Конкретная область проживания нижних и верхних аорсов (два царства!) на территории между рекой Танаис и Северным Прикаспием засвидетельствована Страбоном (*XI. 5. 7-8*). Они здесь обитали и в период боспоро-римской войны. Однако, потом, как отмечал еще М.И.Ростовцев, «аорсы не упоминаются ни в одном из достоверных исторических или географических источников» (*1993. — С.92*). Попытки современных исследователей отождествить с этим большим и богатым племенем амаксобиев-аорсов только приводит к путанице (*см.подробнее: Русяева, 1995. — С.28*).

В общем, как видно из отмеченного выше, относительно тирагетов, аксиаков, сираков и других племен, обитавших вблизи северо-понтийского побережья, аорсов здесь не размещает никто из античных авторов. Поскольку амаксобии, отмеченные на север от Истра или вблизи этой реки еще Помпонием Мелой, и они же с приставкой «аорсы» упоминаются Плинием в числе других сарматов, то не имеется пока никаких оснований для того, чтобы считать это племя таковым, которое одновременно переселилось за Борисфен около середины I в. н.э., заняло огромную территорию в Степи, в том числе и понтийско-прибрежную (то от Борисфена до Тираса, то от Гипаниса до Тираса или Истра), создало чрезвычайно мощное царство во главе с Фарзоем, сразу же установило протекторат над Ольвией, однако стало вассалом Римской империи.

Не соотносятся с этой концепцией и археологические памятники сарматов второй половины I в. н.э. Они случаются здесь чрезвычайно редко, чаще всего на значительных расстояниях от Ольвии, хронологические рамки их определения не совсем точные, в своем большинстве они принадлежат уже к послефарзоевскому времени и могут быть связаны с военными набегами аланов и других групп сарматов на город, а также на нижнемезийские земли. По данным римских авторов, это были разные по этнической принадлежности сарматы, наиболее воинственные и мобильные среди них — аланы и роксо-

ланы (*Seneca. Thyest.* 629-631; *Tac. Hist.* I, 79; IV, 4, 54; *Ann.* XII, 29; *Germ.* 46; *Flav. Ios. Bell. Jud.* VII, 89-91; VIII, 92-95; *Suet. Dom.* 6, 1; *Lucan.* VIII, 223; *Lucian. Tox.* 36, 39 и др.). Однако, ни сираки, ни аорсы не упоминаются среди тех сарматов, которые совершали нападения на Нижнюю Мезию, чаще всего в зимний период, когда замерзали реки и воинственные всадники могли беспрепятственно грабить население (см.: *Ovid. Trist.* III, 10; *Epist.* I, 2; IV, 7, 10; *Seneca. Nat. quest.*, IV, 7; *Tac. Hist.* I, 79; *Amm. Marc.* XVII, 12; XIX, 11).

Скорее всего, аорсы как основная часть этого племени, оставались после боспоро-римской войны на своей давно освоенной и обжитой территории (*Plin. NH.* VI, 39), но вскоре, как считают некоторые исследователи, были подчинены аланами, с которыми постепенно ассимилировались (аланоорсы, согласно Клавдию Птоломею — VI, 14, 9, 10, 13). Другое дело, что они тоже совершали время от времени грабительские набеги. Безусловно, что в процессе длительного передвижения сарматов на запад через реки и степи были сделаны хорошо проверенные и испытанные пути (своего рода коридоры), дававшие им возможность без особенных препятствий преодолевать большие расстояния. Поскольку аланы быстро распространили изделия «бирюзово-золотого» стиля, заимствованного всеми другими сарматами, конкретное этническое определение памятников последних вряд ли тоже возможно при отсутствии более определенных и документальных этноопределяющих элементов.

В частности, это касается идентификации богатого сарматского погребения вблизи с. Пороги, в котором было найдено много вещей этого стиля, а погребальный обряд не дает никаких оснований относить его исключительно к аорсам (*Симоненко, 1992. — С.150 сл.*). Отсутствуют здесь также и какие-либо бесспорные данные, дающие возможность убежденно идентифицировать погребенного здесь именно с сыном Фарзоя Инисмеем, тем более, как царем аорсов. В неразграбленном погребении сарматского царя должны были бы находиться и его царские регалии, хотя бы диадема, в которой его, как и отца, изображали на монетах, а также другие атрибуты власти. Погребальные вещи имеют разные, а не одинаковые, тамги, отдельные из них лишь слегка сходны, но не идентичны Инисмеевой на монетах. Последняя — кстати, как и Фарзоева, — имеет очень простую форму. В ней особенно заметно сходство с кадуцеем Гермеса, символика которого была хорошо известна обоим царям, так как тоже размещалась на их монетах.

Следует также подчеркнуть, что семантика тамгоподобных знаков настолько запутана, загадочна и, по сути, не разработана, что делать на основании тамги из погребения вблизи Порогов однозначный вывод о том, что здесь погребен Инисмей — царь аорсов, более чем рискованно. Ведь много близких по схеме, но разновременных и не идентичных тамг найдено на территориях от Монголии и Поволжья до Крыма, Нижнего Побужья и Подунавья (ср.: *Драчук, 1975. — С.53-62; Яценко, 1993. — С.63, 64; 1993а. — С.84-86*).

Погребенный возле Порогов с богатым снаряжением воин действительно принадлежал к высокому социальному рангу, однако его конкретная этническая, а тем более царская принадлежность из-за несинхронности и разнообразия вещей с различными тамгами, как бы ни стараться свести их к единому родовому символу Фарзоя-Инисмея, не может решаться столь однозначно. Такого типа изделия могли попасть к нему и в случае брачных или дипломатических даров, если он, например, исполнял роль скептуха, а также грабительских действий, победы в какой-то военной стычке и т.д. Ведь не случайно аналогичный меч с такими же тамгами, как на порожском, найден в погребении Рошава Драгана на территории Болгарии (*Буюклиев, 1986. — С.43-45*). Очевидно, именно в районе Порогов размещалась удобная переправа через Тирас, а погребенный возле нее мог

быть предводителем одного из отрядов, совершавших нападения на римлян и другие народы с целью грабежей. Вряд ли они возглавлялись самыми царями, тем более, Инисмеем, который после длительного царствования Фарзоя пришел к власти уже далеко не молодым человеком.

В такой же мере рискованно связывать прямо с царством Фарзоя фрагмент почетного декрета, найденного во время раскопок раннесредневековой базилики у подножия Мангупа в Крыму (*Сидоренко, 1988; 1997*). На основании этого документа Ю.Г.Виноградов развивает далее концепцию А.В.Симоненко о принадлежности степей от Борисфена до Истра кочевым аорсам Фарзоя и Инисмея (*Виноградов, 1994. — С.166-169*). Правда, он признает, что около середины I в. н.э. отдельные группы сарматских племен — аорсов и сираков — откочевали с берегов Танаиса и Меотиды далеко на запад, в Буго-Днепровское междуречье и Нижнее Поднепровье, где эти племена установили трибутивный протекторат над поздними скифами; потом аорсы ушли еще дальше, захватив, по сути, все Северо-Западное Причерноморье и, став вассалами Рима, одновременно установили протекторат и над Ольвией.

Однако, на самом ли деле «мангупский» декрет, сохранившийся, к сожалению, фрагментарно, дает бесспорные и верные факты именно для такой локализации аорсов в соединении их с царством Фарзоя? Из надписи можно получить лишь разрозненную информацию о том, что неизвестный по имени и происхождению деятель и эвергет (предположительно, ольвиополит) сделал ряд полезных дел, которые традиционно в нем перечислены. В один из голодных годов он сумел как будто достать продовольственные товары, пройдя через какую-то враждебную страну; на собственные средства как посол побывал, вероятно, дважды у легатов Нижней Мезии, возможно, даже у Т. Плавтия Сильвана Элиана; потом снова занимался доставкой продовольственных товаров; во время какой-то войны он еще раз, исполняя посольскую миссию, но неизвестно в каком месте, выполнил все то, что ему было поручено, в результате чего «...заполнил нашу местность вспомогательным отрядом, — что дало возможность возродить... мужество в отчизне и стремление деятельности». Потом в последнем отрывке речь идет о том, что этот деятель «совершил также и посольство к Умабию (...) величественных царей Аорсии».

Именно это сообщение, с точки зрения Ю.Г.Виноградова, дает аргумент, не подлежащий сомнению, что страну аорсов необходимо искать вблизи от Дуная и провинции Мезия, куда также путешествовал отмеченный декретом эвергет. А поскольку надпись будто бы синхронна чеканке монет Фарзоя, то ясно, что это могло быть только царство Умабия, Фарзоя и Инисмея (*Виноградов, 1994. — С.167,168*).

Тем не менее, информацию об Аорсии можно интерпретировать и совершенно иначе. В данной надписи посольская миссия какого-то деятеля к царям Аорсии стоит, отдельно, и совсем не обязательно ее связывать и синхронизировать с его остальными поездками, в том числе и в Нижнюю Мезию. Почетные декреты чаще всего устанавливались после смерти отличившихся граждан, и в них перечислялась их деятельность на протяжении всей жизни. Кроме того, для ольвиополитов, как и вообще для эллинов, топоним, — будь то город, полис, страна, — это то, что более или менее имеет давние границы и название. В декрете употреблен географический термин Аорсия, что, безусловно, указывает на страну или землю между Танаисом и Прикаспием, которую длительный период населяли аорсы, где они занимались не только кочевничеством, но и земледелием, имели свои укрепления, контролировали известные торговые пути, поддерживали теснейшие связи с Боспором.

В упомянутом отрывке надписи отсутствуют имена Фарзоя и Инисмея, на первое место поставлено Умабия, однако же золотые монеты Фарзоя выпускались в Ольвии около тридцати лет от имени одного царя с его собст-

венной легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΦΑΡΖΟΙΟΥ, тамгой и портретом. То же самое можно сказать о его преемнике Инисмее, чеканившем серебряные монеты. Исходя из этого, видно, что оба царя правили единолично, сменяя один другого на троне. Упоминание в декрете величественных царей Аорсии объясняется непротиворечиво лишь тем, что, согласно античной литературной традиции, существовали нижние и верхние аорсы, очевидно, как два царства.

Посольская миссия анонимного ольвийского деятеля в Аорсию стала возможной лишь в том случае, если сираки, объединившись с поздними скифами, начали притеснять ольвиополитов или пытались силой взять их город, как скифы Херсонес, требуя непомерную дань. В Ольвии не могли не знать о ходе боспоро-римской войны, тянувшейся несколько лет и ставшей причиной появления сираков вблизи юго-восточных границ Ольвийского государства, а, возможно, и на ее землях, поскольку в этот период оно еще не имело возможности вновь освоить и заселить принадлежащие ему в период экономического расцвета территории.

Кроме того, совсем не ясно, почему Фарзой чеканил свои монеты в Ольвии, если его царство находилось на далеком расстоянии от нее и ближайшими к нему в таком случае были нижнемезийские города, которые беспрепятственно могли выпускать его монету с разрешения Рима для его вассала.

Таким образом, даже при наличии новых и очень интересных источников еще нельзя уверенно утверждать, что Фарзой на самом деле правил царством (Аорсией), где бы ее ни локализовали: на безбрежных просторах без конкретно определенных границ от левого берега Борисфена до Тираса-Истра или только на границах с Нижней Мезией. Не понятно в таком случае и то, почему зависимые от Рима аорсы, располагаясь в непосредственной близости от него, не защищали границ империи от нападений других сарматов. И если уж существовал такой необычный альянс между ними, то почему он не упоминается ни в одном из письменных источников.

Вместе с этим возникает и второй вопрос: о так называемом подчинении Ольвии Фарзоем. П.О.Карышковский признавал его верховную власть над этим городом (1988. — С.108, 115). По мнению М.Б.Щукина, он вряд ли непосредственно захватил Ольвию, в данном случае, скорее всего, «сложился добровольный и взаимовыгодный симбиоз античного полиса и кочевников», при котором город все-таки находился под его контролем (1989. — С.44, 45). Чеканка всех монет разными царями варваров в античных городах имела не только экономическое или просто символическое значение, но являлась отражением определенной формы зависимости эллинов от этих царей, что в наибольшей мере отвечает протекторату, преимущественно экономическому, сводящемуся к уплате фороса и даров, считает Ю.Г.Виноградов (1989. — С.230 сл.). В.А.Анохин, наоборот, заявляет, что появление имени царя на золотых монетах можно рассматривать как чисто номинальное признание его власти, чему, однако, препятствует абсолютно суверенная городская чеканка, ибо как указание на эмитента этого золота, но не в понимании прямой зависимости, что, несомненно, привело бы к грабежам (1989. — С.66). Касаясь зависимости Ольвии от сарматов, В.В.Крапивина то признавала их протекторат, то совсем отклоняла какие-либо тесные связи, за исключением использования ольвийского монетного двора (ср.: 1993. — С.145 сл.; 1994. — С.126).

Действительно, прямой политической зависимости или полного подчинения города не было. Однако, как известно из «Борисфенитской речи» Диона Хрисостома, не было здесь не только экономического расцвета, но и относительного благополучия (*Orat. XXXVI*). Чеканя золотые монеты Фарзоя, Ольвия оставалась чрезвычайно бедным государством. Не исключено, что в зависимости от различных ситуаций на протяжении довольно длительного времени выпуска этих монет Фарзой, как в былые времена Сайта-

Терракотовая статуэтка воина.

Ольвия. I-II вв. н.э.

фарн (*IOSPE. I², 32*), собирал с ольвиополитов дань, или же, как Скилур, контролировал торговые пути, но помогал городу в случаях, когда ему угрожали нападением другие варвары, имел при себе советников и помощников из Ольвии, стремился внедрить сарматский элемент в культуру и этнический состав путем заключения межэтнических браков и тому подобное.

В декрете из-под Мангула, вероятно, на самом деле речь идет о нижне-мезийских легатах, к которым в тяжелых ситуациях Ольвия обращалась за помощью. Но если оттуда и поступала помощь, то она во второй половине I в. н.э. была краткой и эпизодичной и не внесла в жизнь ольвиополитов каких-либо существенных и заметных изменений. Безусловно, продолжались незначительные торговые связи с некоторыми городами, в том числе и теми, что входили в состав Римской империи, но постоянной базы римлян здесь еще не было. Разгромленный гетами город, еще очень маленький по количеству жителей и территории, обедневший и не способный быстро подняться в экономическом плане до уровня других греческих городов, к тому же расположенный на определенном расстоянии от главного морского пути, имевшем для римлян стратегическое значение, мало их интересовал по сравнению с Тирой, Пантикапеем и Херсонесом.

Однако, то, что синхронно с Фарзоевой золотой монетой Ольвия выпускала традиционно полисные медные монеты с собственной символикой и посылала посольские миссии в разные места, все-таки свидетельствует о ее политической независимости. Тем не менее, это не означает, что экономически она являлась полностью свободной. Именно этим можно объяснить чрезвычайно медленный подъем города после разорения его войском Бурбисты (ср.: *Dion. Chrysost. Orat. XXXVI*).

Ситуация в Ольвии и окружающем ее регионе меняется после похода Плавтия Сильвана в Херсонес в 63/62 г., получившего у современных исследователей большое количество гипотез и версий (см. лит.: *Зубар, 1988*). Любопытно, что во время осады Херсонеса скифами боспорский царь Котис не пришел ему на помощь. Неизвестно, как именно была снята эта осада нижне-мезийским легатом, однако заслуживает внимания то, что после этого римские отряды были оставлены для охраны в Херсонесе и Хараксе (Там же. — С.23). Крымская Скифия и весь Днепро-Березанский регион остался в это время без каких-либо опорных военных пунктов римлян.

Однако, когда «царя скифов было отогнано от взятого им в осаду Херсонеса» (*CIL, XIV. № 3608*), здесь установилось перемирие. Ни один из

письменных источников не указывает на то, что на протяжении 64–70 гг. здесь происходили военные стычки. Заслуга в этом могла принадлежать как Плавтию Сильвану, так и Фарзою, остававшимся или в стороне от осады Херсонеса, или, наоборот, бывшего тем царем, которого отогнали от этого города, как предполагал еще А.М.Зograф (1951. — С.138).

И в том, и в другом случае он сумел понять преимущество военных сил римлян, заключил с ними мир, чтобы окончательно не потерять свой приоритет на территории, находившейся под его властью и влиянием. Возможно, он установил с ними какой-то договор, в результате которого ему было предоставлено право чеканить золотые монеты по римской монетной системе, ибо до 64 г. его золотые стaterы относятся к традиционной в Ольвии эллинистическо-аттической системе (Карышковский, 1988. — С.112–115). Основные стратегические пункты на Северном Понте (Боспор, Херсонес, Тира) находились в значительной мере под сильным влиянием, а то и в определенной зависимости от Рима; Ольвия же оставалась, как и раньше, под опекой Фарзоа.

Что же наталкивает на предположение, что Фарзой захватил власть в Неаполе, или же она перешла к нему законным путем? Большое значение для выяснения этого вопроса имеет недавно высказанная гипотеза Ю.П.Зайцева относительно того, что известный царь Крымской Скифии и владыка Неаполя Скилур был выходцем из аристократического рода сираков Прикубанья (1999. — С.142, 143). В таком случае не исключена преемственность царствования, чем в итоге объясняются и теснейшие взаимоотношения между боспорскими правителями как во II в. до н.э., так и I в. н.э. Прежде всего, необходимо вспомнить, что отцом Митридата III, защищая которого так пострадали сираки, был Аспург, в жилах которого текла и сарматская кровь, на что указывает тамга на его монетах. Учитывая то, что еще при Митридате VI Евпаторе и Скилуре многочисленные династические браки привели к родственным связям представителей разных племен и Боспора, а также тот факт, что Митридат III спрятался в укреплении сираков и на его стороне выступила личная военная дружина Аспурга (Толстиков, 1989. — С.58), вполне допустимо, что и отца, и сына связывали с ними какие-то родственные отношения.

Известно, что боспорские цари тесно контактировали с сираками еще во время правления Евмела, опиравшегося в своей политике на них, а не скифов. Аспург женился на фракийской царевне Гепепии, а своих сыновей он мог женить на царевнах двух сильнейших соседних племен — аорсов и сираков или же отдать в жены их царям своих дочерей. В период своего тридцатилетнего правления Аспург уделял значительное внимание сиракам из Прикубанья. М.И.Ростовцев даже допускал, что какая-то часть сираков (аспургиане) поселилась в долине Кубани (1993. — С.92).

Особенно следует подчеркнуть, что под протекторатом Аспурга находился и Неаполь, который со времен Скилура и ольвийского Посидея теснейшими узами был связан именно с Ольвией (Виноградов, 1989. — С. 230 сл.; 1994. — С.154, 155; Русяева, 1995). Имеются разнообразные данные, чтобы считать, что Неаполь первоначально, как уже отмечалось выше, был основан ольвиополитами и название получил от них. Предположение Диона Хрисостома, что возрождение Ольвии после гетского нашествия в какой-то мере зависело от желания скифов, вполне возможно, поскольку торговля с ней как для Неаполя, так и для всех крымских и нижнеднепровских скифов всегда занимала важное место в их экономической жизни. При этом следует еще раз подчеркнуть, что термин «скифы» во многом условен: античные авторы называли так многие разрозненные племена, обитавшие на территории Скифии.

В своей кампании против поздних скифов Аспург использовал сарматов, а после победы посадил на троне Скифского царства в Крыму своего сарматского ставленника, возможно, даже родственника, что, естественно, спрово-

вождалось переселением какого-то числа сарматов в этот регион (*Виноградов, 1994. — С.154, 155*). Они занимались скотоводством и земледелием, в определенной степени были эллинизированы, в них усматривают то меотов, — но ведь к ним входило и население Прикубанья, то есть сираки, — то других сарматов, воспринявших некоторые эллинские обычаи ведения хозяйства и торговли (*Раевский, 1971. — С.149, 150; Пуздровский, 1989. — С.36, 37*).

Традиция ставить именную тамгу на монетах боспорских царей сарматского происхождения начинается с Аспурга (*Карышковский, 1973; Анохин, 1986. — С.150*). В тамгах Аспурга и Фарзоя, если брать во внимание общую схему и отдельные элементы, тоже можно найти общие черты. Соответственно наблюдениям П.О.Карышковского, тамга последнего не была канонической, и дело, вероятно, не в том, удачно или не очень точно изображали ее ольвийские чеканщики (с незамкнутым треугольником или полукольцом на концах прямой линии), а в ее большей сложности. Ни в одном случае не встречено ее одинакового изображения.

Если цари сарматского или полусарматского происхождения правили на Боспоре, то почему в Неаполе, со значительным проявлением сарматских элементов во многих сферах жизни, не мог царствовать Фарзой, будучи выходцем из сарматского царского рода? Кто именно царствовал в Неаполе после боспоро-римской войны и в период переселения сираков, неизвестно. Во всех возможных случаях при том, что сираки заняли земли возле границ Крымской Скифии, а возможно, и на ее территории, вполне допустимо, что здесь сложилась благоприятная ситуация, вследствие которой Фарзой стал верховным правителем, тем более, как наследник сарматского по происхождению царя Крымской Скифии, связанного брачными династическими узами с сираками и Аспургом. Поэтому они без препятствий заселили новую территорию вблизи Ахиллодрома или же захватили Неаполь силой, что менее вероятно.

Только правители такого царства, которое имело все традиции и компоненты царской власти, теснейшие и давние отношения с Ольвией и Боспорским царством, хорошо знали эллинскую культуру, могли выпускать собственные монеты со своими портретами и сложной эллинской и сарматской символикой, а не какой-то части кочевых аорсов, для локализации страны которых между Днепром и Дунаем нет ни столицы, ни укреплений, ни могильников.

Рассматривая вопрос о происхождении Фарзоя и локализации его царства, нельзя обойти и такой вопрос, как прямой континуитет между ним и Инисмеем. Уже стало обычным считать их отцом и сыном, хотя конкретно, насколько известно, никто установлением этого родства не занимался (*ср.: Карышковский, 1988. — С.108, 115; Анохин, 1989. — С. 70*). А между тем оно действительно требует отдельного исследования, поскольку при внимательном знакомстве с их монетами возникает целый ряд новых вопросов: в частности, какое значение они имели в торговле Ольвии, существовало ли денежное обращение в царстве Фарзоя-Инисмея, как могли использовать их сами цари, особенно Фарзой свою золотую монету; почему же так сразу эта монета отца была заменена на серебряную монету сына, почему такое разительное отличие в их монетной символике, которой они уделяли большое внимание; чем объяснить, что Фарзой предпочитал символ Гермеса — кадуцей, а не собственный символ, а сын, наоборот, взял его в основу своей именной тамги; почему на монетах Фарзоя ставилось сокращение ОΛ (название города или этникон?), в то время как на синхронных им ольвийских монетах и монетах Инисмея полное название этника (= демотикона) ΟΛΒΙΟΠΟΛΕΙΤΕΩΝ; почему на монетах Фарзоя изображались две разные тамги и на самом ли деле это тамги; почему портретные изображения царей имеют совершенно раз-

ный этнический вид и признаки власти; на самом ли деле монеты Фарзоя и Инисмея асинхронные и непосредственно продолжающие одни другие при смене правления; не может ли быть так, что они принадлежали двум разным царям, выпускавшим монеты через определенный промежуток времени, а не сразу же монета Инисмея была выпущена на второй год после последнего выпуска монет Фарзоя; указывает ли сложная символика на монетах на эллинизацию царей и почитание ими культов греческих божеств — Зевса и Гермеса Фарзоем, Гермеса, Аполлона и Тихе — Инисмеем и т.д.? Ответить на все эти вопросы без специального нумизматического и сравнительного анализа этих монет, с синхронными боспорскими и ольвийскими, а также между золотыми и серебряными царскими монетами, с учетом экономических и политических взаимоотношений, можно лишь при нагромождении одной гипотезы на другую, что не входит в задачи настоящей работы.

Ведь совсем не исключено, что золотая монета Фарзоя, помимо всего прочего, могла служить как один из ценных предметов для царских наград и даров с целью пропаганды своей силы и влияния, собственного имени и авторитета, принадлежности греческого города к его владениям при сохранении политической автономии, поскольку обширный регион находился под его контролем и охраной, а Ольвия располагалась на этой земле. Точно так же ольвиополиты по собственной инициативе могли выпускать эти монеты для удостоверения лояльного отношения при подношении ему даров или форося.

Скорее всего, Фарзой был хорошо знаком с эллинской культурой, религиозными культами и их символикой, представленной на его золотых монетах. Даже относительный и поверхностный сравнительный анализ монет Фарзоя и Инисмея показывает, что это были не просто дикие варвары, а достаточно эллинизированные правители, остававшиеся при всем этом верными своим этническим традициям. При наличии столь разнохарактерных черт, вытекающих даже из поставленных выше вопросов, вряд ли сейчас можно однозначно утверждать, что Инисмей унаследовал царство Фарзоя. Это возможно было бы только в том случае, если бы он оставил значительно ослабленное экономически царство. Однако все-таки не ясно, почему, до конца выпуская золотую монету, Фарзой не смог передать своему уже находившемуся в годах сыну не только сильную власть, но и царскую родовую символику на монетах, которая, несомненно, указывала бы на их генетическую преемственность.

В общем, отсутствие надежных и достоверных источников не дает пока уверенности в их полном решении. Тем не менее, комплексное рассмотрение письменных и археологических материалов, а также различных точек зрения других авторов свидетельствует, что царство Фарзоя необходимо искать в регионе оседлых скифо-сарматских племен. Не исключено, что царь сарматского происхождения Фарзой создал сильное царство с центром в Неаполе, куда входили непродолжительное время нижнеднепровские городища, земли сираков и Крымская Скифия. Географическая близость, политические и экономические контакты Ольвии, нижнеднепровских и крымских городищ, их постоянная обоюдовыгодная заинтересованность в торговле сделали этот город основным центром притяжения для всех уже достаточно эллинизированных варваров этого региона. Отсюда Фарзой с войском мог совершать военные походы, демонстрируя свою силу как перед греками, так и римлянами.

**РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И
РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ**

Камасария	248
Динамия	261
Гикия	269

На обороте:

Голова Деметры.
Роспись склепа. Керчь.
I в. н. э.
Фреска.

Сравнительно с мужчинами, женщины, если и играли активную роль в политической, культурно-религиозной и экономической жизни как эллинов, так и варваров Северного Причерноморья, то только о некоторых из них сохранились незначительные сведения. Они не стали столь знаменитыми, как отдельные женщины Эллады, восточных эллинистических монархий или Римской империи. Причем, очевидно, что деятельность женщины в общественной жизни была столь необычной для мировоззрения и эллинов, и варваров Северного Причерноморья, что о них были созданы даже легендарные рассказы, вызывающие у одних исследователей доверие, а другие, наоборот, видят в них лишь выдумки без каких-либо исторических реалий.

Однако, как бы то ни было, но данные источники существуют, заслуживают внимания и особого к себе отношения. Каким бы скептицизмом они не пользовались, нельзя забывать, что женщины так или иначе занимали значительное место в развитии каждого общества (см.: *Seltman, 1956; Zinserling, 1972; Gardner, 1986; Лубченков, Романов, 1990; Вардиман, 1990; Женщина в античном мире, 1995 — с лит.*). Другое дело, что их влияние на правителей происходило, чаще всего, за кулисами общественной жизни и оставалось тайной для многих. Лишь некоторым из них посчастливилось, и их имена остались в истории. Они раскрывают, насколько сильно эти женщины могли влиять на политику царей и архонтов, императоров и тиранов, их связи в обширном и неустойчивом античном мире (*Schuller, 1985; 1987*).

В Северном Причерноморье сохранилось мало свидетельств о женщинах-правительницах или тех, кто отличился разумными действиями, мужеством, влиянием на политику того или иного государства. Тем не менее, и в их характерах имеется немало привлекательного и интересного для понимания некоторых аспектов исторического развития древнего населения на территории Юга Украины.

Из разных — главным образом, эпиграфических памятников, в частности, надгробных эпитафий — ярко выступает образ женщины-матери и жены как ключевой фигуры античной семьи. В этом плане особенно богатую источниковую базу представляют надгробные надписи Боспора, которые совместно со скульптурными рельефами могут раскрыть много элементов из жизни женщин, их менталитета и мировоззренческой ориентации, зависимости от мужчин, социального состояния в семье и обществе.

Однако, все образы этих женщин в целом сходны между собой. Они не выделяются ни ярким характером, ни неординарным поведением или какими-то особыми действиями.

Вместе с тем, имеются редкие литературные и эпиграфические источники, благодаря которым вырисовываются очень интересные женские образы. Среди них наиболее известны боспорские царицы Камасария и Динамия, а также легендарная херсонеситка Гикия.

Камасария

Хронология и последовательность правления династии последних Спартокидов, к которым относится и Камасария, до сих пор точно не установлена и, пожалуй, наиболее запутана из-за количественно нарастающих в последнее время самых разных взглядов, гипотез и версий (*ср., например: КБН, 1965. — С. 832; Виноградов, 1987. — С. 61-66; Яйленко, 1990 а. — С. 306-307; Молев, 1994. — С. 17-22; Анохин, 1999. — С. 236*). Общее у большинства из них наблюдается только в том, что начало прихода к власти отца Камасарии Спартока V (по мнению В.П.Яйленко, Спартока VI) относится приблизительно к 200 г. до н.э. Это — своего рода точка отсчета, после которой так или иначе устанавливаются хронологические рамки царствования последних Спартокидов на протяжении около девяноста лет, до того времени, когда власть здесь была передана понтийскому царю Митридату VI Евпатору и в истории Боспора началась совершенно иная эпоха.

Очевидно, еще в большей зависимости от неоднозначных, а нередко и субъективных решений ученых находились бы конкретные датировки правления отдельных представителей этой династии во II в. до н.э., если бы среди них не оказалась царица Камасария. Как раз именно о ней и взаимосвязанных с нею родственными узами Спартокидах имеются более-менее точные даты, служащие своеобразными хронологическими реперами и для установления хотя бы относительной хронологии нахождения у власти правителей Боспорского государства в этот период.

Прежде всего, это список донаторов храма Аполлона в Дидимах, в котором названа царица Камасария, которую почти единодушно относят к боспорской династии Спартокидов (*СГ, II, 2855; Граков, 1939. — № 38*). Большинство современных ученых, вслед за А.Ремом, датируют ее дар 178/177 г. до н.э. (*Rehm, 1958. — № 463; КБН, 1965. — С. 83; Günther, 1971. — S.95; Виноградов, 1987. — С. 61*). Через год в почетном списке этого святилища оказался и ее супруг Перисад III (*Rehm, 1958. — № 464*). При этом следует добавить, что некоторые исследователи «разрывают» на десятилетия данные эпиграфические сведения, в одних случаях принимая передатировку А.Рема, в других — возвращаясь к датировкам А.Бёка, вследствие чего дар Камасарии относится ими к 178 г., а Перисада, но уже не мужа, а сына — к 154 г. до н.э. (*ср., например: Яйленко, 1990 а. — С. 307, прим. 169; Анохин, 1999. — С.93-94*). Однако такая хронология не увязывается с существующими именами в списках донаторов храма Аполлона в Дидимах, что достаточно убедительно доказано А.Ремом, а также, как будет сказано ниже, и с деятельностью самой Камасарии вкпе с ее первым супругом Перисадам.

Второй документ — дельфийская проксения с частично испорченной преамбулой и отсутствием конечной части надписи: «Постановлено полисом дельфийцев на полномочном собрании с законным голосованием. Поскольку царь Перисад и царица Камасария, (дети?) царя Спартока, остаются и сами и предки их почитающими (дельфийское) божество, а также человеколюбиво

обходятся с обращающимися к ним гражданами (Дельф), постановлено полисом...» (*SEG*, 23, 1968, № 314). Проксения не имеет абсолютной датировки: ее относят ко времени от 170 до 150 г. до н.э., в общем же — ко второй четверти II в. до н.э. (ср.: *Виноградов*, 1987. — С. 62-64). Соответственно этим датам и в сопоставлении с другими источниками, Камасария находилась у власти чаще всего совместно со своими мужьями и сыном Перисадом Филометором приблизительно с 180 по 150 г., а возможно, и несколько дольше.

Собственно, сама по себе царица крайне редко привлекала к себе внимание ученых. В основном она интересовала их лишь в том случае, когда пытались выяснить хронологию и последовательность смены боспорских царей. Так, например, Е.А.Молев вообще проигнорировал ее в списке правителей позднеэллинистического времени (1994. — С. 21, 22). Между тем Камасария относится к тем незаурядным личностям, благодаря которым на Боспоре произошел ряд коренных изменений как во внешней, так и внутренней политике, а также внутри рода Спартокидов. Попытаемся рассмотреть ее жизнь и деятельность в той мере, насколько позволяют прямые и косвенные источники.

Имеются определенные основания полагать, что имя Камасария стало наследственным в роду Спартокидов, по крайней мере, начиная с Комосарии — дочери Горгиппа, сына Сатира I, двоюродной сестры и жены выдающегося правителя Боспора Перисада I. Незначительное изменение имени с заменой лишь одной гласной — нередкое явление в ономастике Северного Причерноморья. Как известно, Комосария «по обету посвятила сильному богу Санергу и Астаре при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, всех майтов и фатеев» две скульптуры (мужскую и женскую), которые были установлены на невысоком известняковом постаменте (*КБН*, 1015). Скорее всего, это были рельефные фигуры в нише или же статуи, стоящие у стены храма, а может, и другого культового сооружения, так как тыльная сторона одной из них (женской, дошедшей до наших дней) осталась необработанной (*Иванова*, 1961. — С. 66).

Относительно этнического и социального происхождения Комосарии высказаны лишь отдельные гипотезы, поскольку доказать его не представляется возможным из-за отсутствия достоверных источников. Так, Р.Вернер предполагал, что она была дочерью Горгиппа от брака с синдской принцессой (1955. — S. 440), что представляется весьма правдоподобным и С.Р.Тохтасьеву (1994. — С. 82), хотя им и не приведено никаких мало-мальских доказательств именно о ее синдском происхождении, как и том, что божества Санерг и Астара почитались в среде этого земледельческого племени. Весьма сомнительно таковое особенно в свете трагических событий при вмешательстве в дела Синдики Сатира I после жестоких действий Тиргатао и смерти его сына и брата Горгиппа Метродора [*Polyaen.* VIII, 55].

Решительно настаивая на том, что «Спартокиды были скифами по происхождению и принадлежали именно к царским скифам — иранцам по языку и этносу», В.П.Яйленко возводит к ним, по-видимому, и Комосарию путем сопоставления культа Афродиты Урании, владычицы Апатура с Астартой и скифской Артимпасой (1995. — С. 238-253).

Действительно, большой интерес представляют два божества в посвящении Комосарии, имена которых в истории религии Боспора так и остались один раз упомянутыми. К тому же, точно такие имена вообще неизвестны в древнем мире. Можно лишь предположительно считать, что Астара, созвучная Астарте, в какой-то степени была близка ей и по своим функциям, однако вряд ли стоит прямо отождествлять ее с семитской богиней, тем более аскалонской Деркетой — полуженщиной-полурыбой или греческой Афродитой Уранией. В эллинистический период сравнительно широко

Греческая девушка с кувшинами.
Деталь росписи краснофигурной
амфоры.
V в. до н.э.

распространился в античном мире синкретический культ Афродиты — Астарты, в котором находят отражение определенные черты собственно греческой и сирийской Афродиты Урании, финикийской Ашторет, ассиро-вавилонской Иштар, анатолийской Кибелы и т.п. (см. лит.: Паппаеоругов, 1997. — Р. 94-101). В каждом отдельном случае этот культ развивался соответственно восприятию и пониманию его в том или ином коллективе и не носил типичный для всех святилищ характер.

Судя по скульптурам, оба божества представляли собой чисто эллинские образы в традиционной для эллинов одежде. На сохранившейся части статуи Астара изображена прямостоящей, в длинном хитоне и, возможно, гиматии; от фигуры Санерга частично сохранился торс в гиматии, конец которого был переброшен через левое плечо. Отсутствие голов и каких-либо атрибутов не дают никакой возможности для установления их функций и связи с какими-либо конкретными божествами.

Прямое отождествление Астары с Афродитой Уранией, владычицей Апатура, хорошо известной на Боспоре, или Анахитой Астартой, а Санерга с Сандоном, Гераклом и даже Митрой, несмотря на все попытки разных исследователей, не подкрепляется даже косвенными источниками, как и то, что божества со столь уникальными именами почитались всеми боспорцами (ср.: Розанова, 1949. — С. 92, 93; Гайдукевич, 1949. — С. 202; Тохтасьев, 1994. — С. 80-82; Яйленко, 1995. — С. 236-252; Ustinova, 1999. — Р. 51-53). Относительно сопоставления Санерга и Астары с теми или иными восточными, эллинскими, синдскими, скифскими или иными локальными божествами могут быть только предположения, которые никогда без получения в дальнейшем достоверных письменных данных не смогут служить доказательством этнического происхождения как этого культа, так и тем более Спартокидов.

В основу всех рассуждений об этих божествах в первую очередь ставится Астара, а не Санерг. А ведь только он наделен многозначным эпитетом «сильный (мощный, могущественный, крепкий» и т. п.), занимая в данном

посвящении, безусловно, главенствующее положение. Эта божественная диада сродни лишь отдельным диадам, как эллинских, так и восточных пантеонов, в которых мужской паредра (супруг или брат) играет первенствующую роль в совместном культе. Даже в этом случае их взаимосвязь с Афродитой Уранией, которая выступала здесь всегда самостоятельно в ипостаси верховной патронессы, кажется не совсем правдоподобной, так как она не имела паредра, которого можно было бы считать сродни Санергу, за исключением Арея, однако он никогда и нигде не играл первенствующей роли в ее святилищах.

Не меньшее значение для выяснения появления таковых божеств на азиатском Боспоре и их функций имеет местонахождение всех трех памятников, отсутствие собственно в Горгиипии и ее округе, — если только мать Комосарии со своим супругом Горгиппом жила в этом городе, — ранних источников о почитании Афродиты Урании сравнительно с более поздним временем (Алексеева, 1997. — С. 219-226). В данном аспекте, поскольку существует множество взглядов, можно высказывать лишь альтернативные гипотезы. К тому же, нельзя не отметить, что в настоящее время необходимо достоверно доказать, что сохранившаяся статуя Астары была на самом деле установлена на постаменте с посвящением Комосарии и представляла совместно с мужской фигурой единый памятник. В общем же, все это, совместно с другими находками, в особенности со сведениями о храме Артемиды Агротеры, сооруженном тоже в период правления мужа Комосарии Перисада в этой местности, а также интереснейшем посвящении ее родного дяди Левкона I Аполлону Фебу — владыке города Лабрита в Синдике, заслуживает отдельного рассмотрения, что выходит за рамки данной работы.

Здесь же, в предварительном плане, исходя в основном из поддержки взглядов тех исследователей, которые склоняются ко мнению о фракийском происхождении Спартокидов (см. лит.: Васильев, 1977; Шелов-Коведяев, 1985. — С. 83-84; Русяева, 1998 б. — С. 256-257), можно предположить, что оба божества восходят к малоазийскому происхождению. Они были перенесены на Боспор не в результате экономических отношений и прямого взаимодействия здесь этих культов из-за их близости к Афродите и Гераклу (Гайдукевич, 1949. — С. 202), а потому, что на азиатской части Боспора появилась представительница одного из малоазийских государств, в роду которой эти божества являлись наиболее почитаемыми. Таковой могла быть жена Горгиппа, привившая своей дочери Комосарии любовь к своим отечественным божествам и взявшая с нее обет поставить им памятник после ее смерти.

Став женой своего двоюродного брата, во исполнение этого обета, Комосария заказала его самому талантливому скульптору Пантикапея. Почему его воздвигли именно в этой сакральной зоне на берегу Ахтанизовского лимана, где в царствование ее мужа Перисада I был также построен на средства Ксеноклида, сына Посия, храм Артемиде Агротере (КБН, 1014; Розанова, 1949. — С. 173), ничего определенного сказать нельзя. Памятник якобы был установлен на вершине горы и обрушился в воды лимана вследствие подмыва или извержения вулкана (Köehler, 1805. — P. 9). В таком местоположении нет ничего удивительного, поскольку эллины для устройства государственных святилищ разных божеств чаще всего использовали холмистые или гористые участки земли. Культы Санерга и Астары не получили распространения среди жителей Боспора. При господствующей здесь греческой религии божества с такими именами или эпikleзами, по всей видимости, остались здесь чуждыми и могли какое-то время почитаться лишь в роду Спартокидов.

Если только первый Спарток происходил из малоазийских фракийцев, то вполне возможно, что его внук Горгипп был женат на знатной представительнице из его рода. К тому времени в культуре фракийцев из-за

тесных взаимоотношений и брачных союзов переплелись вифинские, анатолийские, сирийские, греческие, персидские и другие этнические элементы. Все это обусловило возникновение особых синкретических божеств, которыми, вполне вероятно, являлись Санерг и Астара. Взаимосвязь Санерга с Вифинией косвенным образом определяется множеством личных теофорных имен в Малой Азии с одинаковой основой (ΣΑΝΓΑΡΙΟΣ, ΣΑΓΑΡΙΟΣ), ведущих свое происхождение от речного божества, олицетворения одноименной реки Сангарий — одной из самых крупных на территории Вифинии (см. лит.: Максимова, 1956. — С. 344; Габелко, 1996. — С. 162 сл.). Ведь нет никакой уверенности в том, что имена Санерг и Астара произносились и запомнились Комосарии точно так, как они воспроизведены греческим резчиком в надписи.

Так как Комосария была женой Перисада I (347–310 гг.), то по прямой линии, несмотря на все трагедии, междоусобные войны и злоключения в дальнейшей судьбе Спартокидов, Камасария получила такое же имя через длительный промежуток времени. Это значит, что не только имя обожествленного боспорцами Перисада I, при котором государство достигло наивысшего экономического и культурного расцвета, но и имя его супруги Комосарии пользовалось уважением и передавалось по наследству. Вполне вероятно, что почитание этого царя особенно усилилось на Боспоре при Спартоке V, который хорошо знал историю Боспора, гордился своим происхождением и избрал для своих детей имена двух прославленных предков, которые, по его представлениям, могли принести счастье и былое процветание всему царскому дому и государству.

При этом возникает закономерный вопрос, в каких родственных отношениях состояли царь Перисад III и царица Камасария. Относительно него тоже нет единогласия среди ученых (ср.: Латышев, 1909. — С. 302; Minns, 1913. — P. 582; Гайдукевич, 1949. — С. 270; Виноградов, 1987. — С. 63, 64). Ю.Г.Виноградов решительно отвергает гипотезу Э.Дилиа о кровнородственном браке между Перисадом и Камасарией на основании патронимика ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ, стоящего после имен этих правителей в дельфийской проксении (Syll³. 439. 5–6). «Отсутствие отчества у Перисада в дельфийской надписи может означать, как мне кажется, — пишет этот ученый, — лишь одно: отец Перисада III не был царем, но — как предположил Латышев — лишь братом царя Спартока V, скончавшимся, видимо, раньше него. Очевидно, за неимением сыновей у Спартока власть впервые и единожды за всю историю спартокидовского Боспора наследовала его дочь Камасария, т.е. порядок наследования надо полагать иным, чем у Латышева: не Перисад, а Камасария, став единоличной наследницей престола, сразу или спустя некоторое время взяла себе в мужа двоюродного брата, что имело уже прецеденты в боспорской династийной истории» (1987. — С. 63, 64).

Однако, как видно из отдельных данных деятельности Камасарии, весьма сомнительно то, что Перисад III не относился к прямой линии царского рода Спартокидов. В таком официальном документе, как дельфийская проксения, не могло отсутствовать отчество Перисада, тем более, что таковое было указано для Камасарии, имя которой, помимо всего прочего, стояло на втором месте. Кроме того, в нем зафиксирован факт того, что они имели общих предков. Поэтому представляется, что все-таки более прав Э.Диль, который в этом политическом документе патронимик относит к обоим правителям. Вряд ли имя Перисад могло принадлежать представителю не царского происхождения, учитывая культ первого Перисада и дальнейшую преемственность этого имени в царском роду.

Действительно, в известных по истории Боспора письменных источниках не зафиксированы сведения о кровнородственных браках. Однако,

Афродита с Эротом.
Изображение на пластине
от шкатулки.
Боспор. IV в. до н.э.
Слоновая кость.

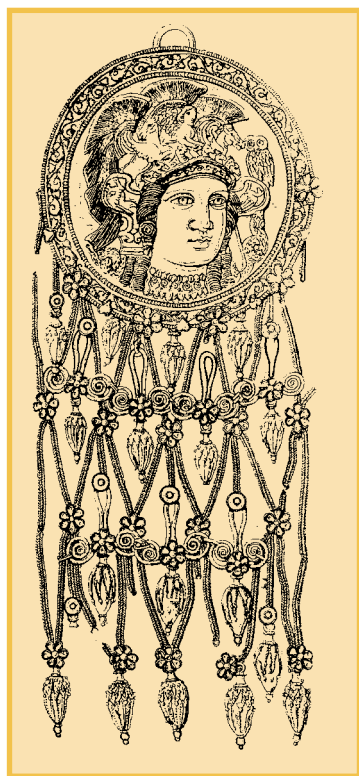
это вовсе не является доказательством того, что таковых вообще не было и быть не могло. Боспорское царство в это время было тесно связано с восточными эллинистическими государствами, где такие браки нередко практиковались и вполне могли заключаться в роду Спартокидов.

Предположительно можно считать, что Камасария была старшей дочерью Спартока V, а ее брат Перисад, родившийся позже, — не исключено, что и от второй жены, — не отличался крепким здоровьем. Судя по ее дальнейшей жизни и деятельности, она была более мудрой, энергичной, здоровой, властолюбивой и долгоживущей, чем ее рано умерший муж.

После смерти Спартока, а, возможно, еще при его жизни, во избежание распада царства и сохранения титула за сыном, был заключен этот брак между братом и сестрой. У нас нет оснований считать его беспрецендентным, если из эпиграфических источников известен только один случай о браке между двоюродными братом и сестрой — Перисадом I и Комосарией, дочерью Горгиппа. Но последняя, видимо, не имела официального титула царицы, так как он не отмечен в ее посвящении.

Беспрецендентным в истории Боспора следует считать именно то, что впервые на престоле появилась женщина. Титул царицы в это же время был особенно характерен для эллинистических государств. Супруги царей играли здесь важную политическую роль и при удобном случае становились единоличными правительницами или регентшами при малолетних наследниках царского трона. В деятельности Камасарии можно проследить ряд подобных моментов, что наталкивает на мысль о тесных контактах Боспора с эллинистическими державами, знакомстве с их законами, традициями и нравами.

Самым значительным событием во внешнеполитической обстановке в начале ее царствования является мирный договор 179 г. до н.э. после поражения понтийского царя Фарнака I, в который были включены разные владыки азиатских стран, «а из владык Европы сармат Гатал, из народов

Височная подвеска с изображением Афины Партенос.

Курган Куль-Оба вблизи Пантикапея.

IV в. до н.э.

Золото.

свободных гераклеоты, месембрияне, херсонессцы, наконец, кизикенцы» (*Polyb. XXV, 2*), а затем и двусторонний договор этого же царя с Херсонесом Таврическим (*IOSPE. I², 402*) — самым ближайшим западным соседом Боспора. Ни в одном случае в связи с происходившими в регионе событиями боспорские города не упоминаются, относительно причин которых высказаны самые разные взгляды (см. лит.: Молев, 1994. — С. 106-113). Как бы то ни было, но создается впечатление, что Боспор оказался в изоляции.

Включение Херсонеса и сарматского царя Гатала, который, исходя из сведений Полибия, уже властвовал в Европе, в текст чрезвычайно важного мирного договора 179 г. до н.э., юридически и политически укрепляло союз этого греческого города и сарматов перед лицом нового скифского вторжения и закрепляло возвращенные с сарматской помощью земли в качестве неотъемлемой части Херсонесского государства (*Сапрыкин, 1986. — С. 190 сл.; 1996. — С. 79*). Столь неожиданное сплочение соседних государств не могло оставить совершенно равнодушным любого правителя Боспора.

Камасария отреагировала на все эти события быстро и совершенно неадекватным образом. Правда, из всех ее мероприятий осталось зафиксированным в уже упомянутом списке донаторов дидимского святилища Аполлона подношение какого-то золотого сосуда или другого предмета весом 187 с половиной золотых статеров (*Граков, 1939. — № 38*). Симптоматично, что произошло это сразу же на следующий после договора год.

Трудно сказать, преподнесла ли Камасария лично свой дар, совершив в Дидиме нелегкое путешествие с целью обращения за оракулом и знакомства с другими политическими деятелями, которые могли прибыть сюда на празднества Аполлона, или же, по примеру Перисада II, отправила туда специальных послов. Не исключено, что в это время она еще не была замужем, и ей важно было узнать пророчество Аполлона как о судьбе царства, так и о собственной судьбе. Вряд ли случайным является тот факт, что лишь на следующий год в списке дидимских донаторов появляется имя

Перисада III, преподнесшего более дорогую фиалу весом 200 золотых стартеров (Граков, 1939. — № 39). При этом важно отметить, что каждый из них уже имел царский титул. Вполне вероятно, что Камасария получила в Дидимах прорицание Аполлона, содержащее одобрение ее действиям.

Обращает особое внимание и то, что дар Камасарии в списке донаторов поставлен после приношений царя Вифинии Прусия II, который упоминается здесь дважды: в первом случае отмечены присланные им начатки, а затем, после кизикенцев, — «две прусиады царя Прусия весом 810 и 830 александрийских драхм» (Граков, 1939. — № 38). Представляется, что в последнем случае Прусий II преподнес их лично, как, по всей видимости, и Камасария, иначе была бы использована такая же формула, как и относительно тех начатков, которые прислал вифинский царь. Исходя из данных сопоставлений, как-будто нет препятствий для предположения, что боспорская молодая царица имела возможность встретиться здесь с этим правителем.

Как и Боспор, Вифиния при царствовании Прусия II (180–149 гг. до н.э.), пришедшего к власти почти одновременно с Камасарией, находилась вне связи мирного договора 179 г. до н.э. Более того, на основании договора о союзе между Атталом II и Митридатом IV, поддержавшим первого в войне 156–154 гг. до н.э. против Прусия II (Polyb. XXXIII, 12, 1), высказана гипотеза, что он был установлен между Пергамом и Понтом еще при Фарнаке в 179 г. или же сразу после установления мира (Olshausen, 1980. — S. 416). Поэтому не исключено, что только что пришедшие к власти Прусий II и Камасария, государства которых не упомянуты в договоре 179 г., решили заключить свое соглашение о поддержке в случае военного вторжения. К тому же, как на Боспоре, так и в Вифинии могли помнить о дальних родственных связях между царскими родами, тем более, что таковые поддерживались и после основания династии Спартокидов, если только верны догадки о культах Астары и Санерга как малоазийско-фракийских, а также в первые века нашей эры.

Явно под воздействием Камасарии в дар богу Аполлону в Дидимах на следующий год после нее была преподнесена золотая фиала от ее супруга Перисада III. Возможно, эти дары привозили сюда специально во время проведения панэллинских аполлоновских празднеств, на которые традиционно съезжались представители тех государств, где почитали этого бога. Этим самым они открыто демонстрировали не только свою приверженность исконным божествам-покровителям, но и филэллинскую политику. Вряд ли прав Е.А.Молев, уверенно считая, что «Спартокиды никогда не объявляли себя защитниками эллинства и не были таковыми в действительности» (1994. — С. 108). Если бы это было на самом деле так, то Боспорское государство развивалось бы совершенно иными путями и не было бы столь эллинским по духу, культуре и религиозному мировоззрению до конца античности.

Судя по монетам, чеканившимся общиной пантикапейцев, на Боспоре превыше всех богов по-прежнему ставили Аполлона — своего исконного покровителя и защитника, рекомендованного дидимским оракулом для всех милетских колоний на Понте еще в первой половине VI в. до н.э. В последнее время В.А.Анохин выделил небольшие серии медных и серебряных монет времени Камасарии (1999. — С. 94–95). Автор считает, что в нумизматических памятниках отражено приношение ею в Дидимы золотого венка и что выпуском первых медных монет, свидетельствующих о слабых финансовых возможностях, она продемонстрировала самостоятельное правление. Однако сам Перисад, очевидно, предпочитал Афину, воспроизведение статуи которой являлось постоянным символом монет всех последних Перисадов. Вообще все Спартокиды с неизменным уважением

**Надгробная расписная стела Апфы,
жены Афиней.**

Пантикапей. IV в. до н.э.

По акварели Ф.И.Гросса.

относились ко многим греческим божествам, почитавшимся на Боспоре, не пытались насильственно ввести в своем государстве какие-либо иноземные культы, как и не препятствовали отдельным проникновениям их в частном порядке. Ведь только при Митридате Евпаторе и его наследниках произошли коренные изменения в религиозных воззрениях многих жителей на боспорской земле.

Дельфийская проксения, изданная во второй четверти II в., представляет в несколько ином свете царскую семью (*SEG. 1968. 28. № 314*) сравнительно с дидимскими списками донаторов. Имя Камасарии стоит в ней после Перисада, что, безусловно, указывает на первенствующую роль этого царя. Вполне вероятно, что царица, став матерью, на какое-то время отошла от государственных дел, хотя это не значит, что ей не пришлось управлять совместно с ним и не влиять на его политические взгляды, независимо от того, в каком ранге она выступала.

Именно возобновление или значительное расширение экономических и религиозных отношений с Дельфами можно относить к ее инициативе, как и в связях с Дидимами. Известно, что первые дары (золотые фиалы) в дельфийское святилище были преподнесены Перисадам II в 276 и 250 гг. до н.э. (*Граков, 1939. — № № 27, 28*). В роду Спартокидов, как и в храмовых хрониках святилища Аполлона, несомненно, сохранялись сведения об этих дарах, если общие предки Камасарии и Перисада III упоминаются в проксении и если они вновь установили тесные связи с дельфийцами.

Из сохранившегося фрагмента этого декрета ясно, что «царь Перисад и царица Камасария (дети) царя Спартока, остаются и сами, и предки их почитающими (дельфийское) божество». Среди последних прежде всего следует видеть Перисада II, оставившего там подписные дары. Не исключено также, что в период интенсивных контактов первых Спартокидов с Афинами в IV в. до н.э. не обойденными оставались и Дельфы, куда богатые цари могли посылать не только хлеб, но и драгоценные подарки.

Важно и то, что в проксении отмечено гуманное отношение боспорских правителей к дельфийским гражданам, которые непосредственно к ним обращались, пребывая по тем или иным причинам на их земле. Вследствие утраты ее конечной формулы не известно, какие привилегии в благодарность предоставлялись Камасарии и Перисаду в Дельфах, были ли здесь установлены их статуи, к чему стремились многие эвергеты святилищ Аполлона как в Дельфах, так и на Делосе. Вряд ли эта проксения носила лишь чисто формальный, ставший широко распространенным в античных городах декретом, а не являлась важным политическим документом не только о традиционных культурно-религиозных связях, но и экономических, а также межгосударственных, способствующих поддержке друг друга на международной арене в этот самый сложный период истории взаимоотношений восточных государств с греческими полисами, Македонией, Египтом, Родосом, Делосом и Римом, их нарастающим противостоянием и противоборством за право быть первыми в античном мире.

В отличие, например, от понтийских царей, которые предпочитали святилище Аполлона на Делосе и где им устанавливались статуи (*Durrbach, 1921*), и соседних херсонеситов, вспомнивших о первых основателях своего полиса, Камасария и Перисад укрепили давние связи с возрожденными после персидского разрушения Дидимами, а затем и Дельфами, продемонстрировав тем самым свою приверженность главному покровителю боспорских греков, стремление к дружбе и миру. Известно, что каждое из панэллинских святилищ Аполлона стремилось к собственному обогащению и возвеличиванию своего культа, что, разумеется, не способствовало дружеским связям. Вполне вероятно, что между ними велась тайная борьба за богатых эвергетов путем дипломатических переговоров и приглашений на празднества, а также благодаря пророчествам.

Совершенно иное представление складывается о Камасарии по данным в посвяtitельной надписи, высеченной на недорогой известняковой стеле и установленной на акрополе Пантикапея в святилище Афродиты Урании: «Перисада. Камасарии. Аргота. За архонта и царя Перисада, Филометора, за царицу Камасарию, дочь Спартока, Филотекну, и за Аргота, сына Исанфа, супруга царицы Камасарии, посвятили этот памятник Афродите Урании, владычице Апатура, синагог Феокрит, сын Деметрия и Фиаситы...» (*КБН, 75*). Когда точно возник религиозный фиа в культе этой богини, не известно. Но нельзя исключать, что его инициатором стала царица — судя по всему, религиозная женщина, уделявшая много внимания религиозно-политическим связям и культурному развитию страны.

Возможно, что благодаря Камасарии был значительно усилен культ Афродиты Урании — владычицы Апатура не только собственно на Тамани в ее древнейшем святилище, но и в перенесении ее культа в столицу Боспора. Эта надпись — самая ранняя из всех известных о ее культе в Пантикапее. Обращает внимание изображение Афродиты, сидящей на летящем лебеде (или гусе) со скипетром в руке. Здесь она олицетворяет как бы саму царицу, облетающую Боспорское царство во время своего триумфа. Это, бесспорно, образ эллинской Афродиты Урании, изображения которой в позе сидящей, в длинном хитоне и гиматии, на летящем лебеде или гусе известны с архаи-

ческого и раннеклассического времени, особенно в Аттике (*Simon, 1998. — S. 214–220*), откуда они были заимствованы и боспорскими эллинами.

Вполне вероятно, что для святилища этой богини в Апатуре был специально изготовлен в Афинах вотив со сходным изображением еще при ранних Спартокидах, хранившийся в нем как святыня. Как бы то ни было, но боспорскому мастеру рассматриваемого рельефа был хорошо знаком аналогичный образ Афродиты Урании. Две фигурки Ники на корабельных носках над фронтоном символизируют, с одной стороны, связь этой богини с морем, а с другой, победу на море при правлении семейной царственной диады (сына и матери).

Упомянутый в надписи супруг Камасарии не имел царского сана и не значится в ней, как выходец из какой-либо царской семьи, что заставляет с крайней осторожностью относиться к его характеристике. Ю.Г.Виноградов предполагал, что данная плита «была поставлена по совершенно конкретному поводу династийно-государственной декларации в связи с повторным браком Камасарии» (*1987. — С.64*). Однако этому препятствует то, что посвящение сделано фиасом в святилище Афродиты Урании, явно не обладавшим большими средствами для того, чтобы поставить мраморную стелу. Немаловажно и то, что супруг Камасарии в столь ответственном документе отмечен, как заурядная личность по традиционным греческим обычаям (имя и патронимик). Ряд сопоставлений не дает абсолютной уверенности в том, что это чисто иранское (скифское) имя. В такой же степени носителями сходных имен могли быть боспорские и малоазийские эллины, фракийцы, выходцы из Понтийского царства и т.д. Если бы факт повторного замужества Камасарии играл столь важное значение в жизни царского двора Боспора и всего государства, то это нашло бы отражение в надписи.

Тем не менее, в эпиграфических источниках Боспора впервые представлен столь редкий случай нахождения у власти трех правителей, если даже Аргот и не играл здесь особо важной роли. Из него можно почерпнуть крайне важные для истории этого государства сведения. Прежде всего, ясно, что царем стал сын Перисада и Камасарии, нареченный тоже Перисадом. Отсюда все исследователи единодушны в том, что Перисада III уже не было в живых, если царица вышла замуж вторично за некоего Аргота. Однако, когда именно это произошло, вряд ли достоверно можно установить. Вотив фиаса отнюдь не является источником для бесспорного вывода о том, что это произошло уже при взрослом, занявшем царский трон, сыне, когда Камасария была в возрасте около сорока или более лет, а Аргот, наоборот, был намного моложе (*Зайцев, 2000. — С.54*).

Перисад IV, как и его дальние предки, имел двойную титулатуру — архонта и царя. Причем на первом месте, как и прежде, стоял ставший уже традиционным титул архонта.

Существует гипотеза, что гражданская община и в это время следила за изменениями в престолонаследии и заключении брачных союзов, занималась их легализацией и обладала определенными правами. Однако вряд ли следует при этом безоговорочно утверждать о неразборчивости в употреблении боспорскими правителями терминов обоих потестарных титулов, начиная с III в. до н.э. (*Белова, 1984. — С. 81*).

Вполне вероятно, что уже Перисад III с Камасарией относились к законам своих предков с уважением, стремились следовать им и предоставили пантикапейцам дополнительные льготы. Как раз преподнесение даров в Дидимы и Дельфы, а также употребление в рассматриваемой надписи «архаизирующего» титула ΑΡΧΩΝ ΚΑΙ ΒΑΣΙΛΕΥΣ свидетельствуют о континуитете традиций предков, во всяком случае, начиная с Перисада I, когда Боспор являлся самым мощным государством. При нем в святилище Афродиты

диты Урании — владычицы Апатура близ Фанагории были установлены статуи на мраморных постаментах Аполлодором, сыном Фанагора, и Кассалией, дочерью Посия (*КБН*, 971, 972), а в Гермонассе, возможно, этой же богине посвятила бронзовую статую Акия, дочь Перисада (*КБН*, 1041). В свою очередь, пантикапеец Феномах посвятил Аполлону Фебу бронзовую статую своего отца Антистасия, на постаменте которой была высечена стихотворная эпитафия, в которой Перисад величался как «правитель всей земли, какая лежит между крайними пределами тавров и границами Кавказской земли» (*КБН*, 113; *Трейстер*, 1999. — С. 144 — с лит.).

Вообще, при правлении этого царя значительно возросла религиозно-энергетическая деятельность на Боспоре. Традиция пропаганды культа Афродиты Урании — владычицы Апатура, ее величия в ипостаси всесторонней защитницы, в том числе и царствующего дома значительно расширилась при Камасарии, покровительствующей культовому фиасу. А он, в свою очередь, делал все возможное, чтобы прославить царскую семью, уделяющую столь много внимания прославлению исконной боспорской богини.

В династической истории Боспора не было случаев, чтобы цари именовались такими эпитетами, как Филотекна (Любящая дитя) и Филометор (Любящий мать). Подобного типа эпитеты в это же время, что особенно важно, мы встречаем у правителей Понтийского царства. Придя к власти около 160 г. до н.э., Митридат IV женился на родной сестре Лаодике и царствовал до 150 г. до н.э. (*Сапрыкин*, 1996. — С. 86 сл.). Согласно Ю.Г.Виноградову, правление Перисада IV (сначала с матерью, а потом единолично) относится приблизительно ко второй четверти II в. до н.э., что, в свою очередь, дает основания полагать, что посвящение пантикапейского фиаса Афродите Урании относится ко времени до 150 г. до н.э. (*Виноградов*, 1987. — С. 64).

Митридат IV присвоил себе эпитеты Филопатор (Любящий отца) и Филадельф (Любящий сестру), а Лаодика, соответственно, именовалась Филадельфа (Любящая брата). Было бы неверно считать, что такое синхронное совпадение случайно, как и вряд ли случайно, то, что впервые на Боспоре правили трое: сын Перисад IV, мать Камасария и ее второй супруг Аргот. В такой же степени не случайно, что первый муж, сын, внук носили одно и то же имя — Перисад, вследствие чего последний из них в посвятельной надписи дочери царя Скилура Сенамотис, жены Гераклида, именовался трижды Перисадом (*Виноградов*, 1987. — С. 58).

Вопрос о времени установления боспоро-понтийских контактов сложен. Как известно, для этого времени, как и более раннего, не имеется никаких конкретных свидетельств о существовании таковых. Их отсутствие и дает право исследователям полагать, что до Митридата VI Евпатора их вообще не было или же они носили крайне спорадический характер (см.: *Молев*, 1994. — С. 106–109; *Сапрыкин*, 1996. — С. 95). Правда, Д.Б.Шелов все-таки на основании боспорских монет, чеканенных из желтой или светлой меди, а также отдельных символов, заимствованных из понтийской нумизматики, полагал о возможности каких-то отношений между боспорской правящей верхушкой и Митридатом V задолго до присоединения Боспора к Понту (1956. — С. 203). По мнению С.Ю.Сапрыкина, таковые, если и существовали, то только с крупнейшими южнопонтийскими полисами (1996. — С. 95), что имеет немаловажное значение для экономического развития Боспора. И все же, если исходить из сходства эпитетов, которые почти синхронно носили в 160–150 гг. до н.э. понтийские и боспорские правители, прямой передачи имени отца сыну-наследнику царской власти, до этого не свойственной для Боспора, хотя бы опосредованные связи могли существовать между ними благодаря инициативе Камасарии, стремившейся к тому, чтобы ее государство вновь заняло подобающее место в Причерноморье, как и во времена ее предков.

Поскольку Камасария и ее сын имели сходные прозвища с понтийскими правителями, то вполне вероятно, что именно она демонстрировала их официально ради установления и укрепления более тесных контактов не только с южнопонтийскими городами, входившими в Понтийское царство, но и с царским домом Митридата IV, известного своей филэллинской политикой. В такой же степени она могла найти какие-то пути для сближения с Понтом и в поисках подходящей супруги как для своего сына, так и внука Перисада V.

Имя второго мужа царицы — Аргот — считается принадлежащим к ираноскифскому ареалу, в результате чего устанавливается, что он, несомненно, происходил «из среды скифской знати, а наиболее вероятно, просто из правящего дома Скифского царства в Крыму» (Виноградов, 1987. — С. 61). Вполне допустимо, что после того, как Боспор и Малая Скифия в Крыму остались вне договора 179 г. до н.э., куда был включен Херсонес Таврический и сарматский царь Гатал, возобновилось укрепление родственных связей царствующих фамилий с целью борьбы против общего врага — сармат. Однако такому прямому решению этого вопроса мешает то, что Аргот в надписи отмечен как рядовой гражданин, сын какого-то Исанфа, если правильно восстановлено его имя.

Для окончательного решения этого вопроса на современном уровне наших знаний необходимо провести объективное сопоставление хронологических данных об образовании царства Скилура в Крыму, новых источников о его этническом происхождении, времени правления Камасарии и даты посвящения фиаса с упоминанием ее второго мужа (ср.: Виноградов, 1987. — С. 61 сл.; Vinogradov, 1997. — S. 532-538; Зайцев, 1999. — С. 128-147), а также недавно обнаруженной эпитафии Аргота в Неаполе, которого Ю.П. Зайцев уверенно отождествляет со вторым супругом Камасарии, не пытаясь при этом объяснить, почему же он оказался погребенным не в Пантикапее, а в этой скифской столице и насколько палеография надписи совпадает со временем жизни этого «повелителя Скифии» (Зайцев, 2000. — С. 52-54). Поскольку нам неизвестна полная публикация этой интереснейшей эпитафии, делать здесь какие-либо выводы преждевременно, тем более, что нас интересует прежде всего Камасария.

Можно только предполагать, что проявившая себя во всех отношениях как мудрая, стремившаяся к налаживанию дружественных контактов с цивилизованными государствами и панэллинскими святилищами, религиозная и явно хорошо образованная Камасария согласилась бы на такой явно не равный брак ради спасения и хотя бы относительного процветания государства, которым управлял ее любимый сын. Если Аргот на самом деле являлся братом Скилура, то он был достаточно эллинизированным варваром, чтобы воспринять легко и быстро обычаи боспорского царского рода и не претендовать на титул царя при царствующем по праву прямого наследования Перисаде IV.

Живейшим образом реагируя на все изменения в жизни причерноморских государств, честолюбивая и, очевидно, амбициозная Камасария предприняла все усилия, чтобы так или иначе сохранить за собой титул царицы и постоянно находиться у власти как при муже Перисаде III, так и при сыне Перисаде IV, которых она глубоко любила и ценила. Сохранение династии Спартокидов — в ее понимании, бесспорно Перисадов, — было для нее смыслом жизни и семейного благополучия. Второму супругу чадолюбивая Камасария отводила второстепенное место.

Скорее всего, что при ее жизни родился и внук Перисад — последний боспорский царь из династии Спартокидов. Ее кровнородственный брак мог сказаться именно на нем, если он на самом деле не имел детей, что

вынудило его усыновить Митридата VI Евпатора и передать ему в наследство Боспорское царство. Так стремление Камасарии к сближению с малоазийскими государствами в итоге способствовало рождению совершенно новой царской династии на Боспоре — Митридатидов. Главным итогом ее духовной жизни представляется возрождение и значительное усиление религиозных связей с панэллинскими святилищами Аполлона в Дидимах и Дельфах, расширение культа этого бога и Афродиты Урании в европейской части Боспора, что способствовало укреплению царской власти на Боспоре и уважительному отношению к ней гражданской общины Пантикапея.

Динамия

Царица Боспора Динамия время от времени привлекала к себе пристальное внимание исследователей. В основном, это было связано с находками новых эпиграфических и нумизматических источников, имеющих к ней непосредственное отношение. Вследствие этого о Динамии написано сейчас значительно больше, чем о некоторых других правителях Боспора (см. лит.: Сапрыкин, 1995. — С.183-192; Парфенов, 1997. — С.133-135). И все же при всем этом нельзя сказать с полной убежденностью, что все вопросы, касающиеся ее личности, времени царствования и взаимоотношений с Римом, однозначно решены.

Длительная дискуссия ведется, главным образом, о хронологии ее жизни и правления (ср.: Ростовцев, 1914; Фролова, 1978; Анохин, 1986. — С.253, 254; Сапрыкин, 1990). Много не удастся точно выяснить из-за отсутствия определенных письменных данных, хотя о Динамии известно гораздо больше, чем о других женщинах из античных государств Северного Причерноморья.

Прежде всего, весьма краткая справка, содержащая отдельные биографические факты, приведена Дионом Кассием. Соответственно ей, в консульство Марка Красса и Гнея Корнелия (т.е. в 14 г. до н.э.) произошел государственный переворот на Боспоре. «Ибо некий Скрибоний, утверждая, что он внук Митридата, получивший от Августа царскую власть после кончины Асандра, женился на его супруге, именуемой Динамией, которой муж передал власть и которая действительно была дочерью Фарнака и внучкой Митридата, и таким вот образом заполучил Боспор. Узнав об этом, Агриппа послал против него Полемона, царствовавшего над пограничной с Каппадокией частью Понта. Но тот уже не застал Скрибония в живых (ибо боспорцы, узнав о таком намерении, до этого убили его). Когда же они выступили против Полемона, боясь, чтобы ему не была дана царская власть над ними, он дал сражение и победил их. Однако он не принудил их к подчинению, пока Агриппа не прибыл в Синопу, чтобы тоже идти на них войной. Тогда они сложили оружие и сдались Полемону. А та женщина, Динамия, вышла за него замуж — несомненно, потому, что так решил Август» (*Dio. Cass. Liv. 24. 4-6*).

Из приведенного пассажа представляется достаточно ясным, что Динамия действительно являлась внучкой Митридата VI Евпатора, прозванного Великим, носившего титул «царя царей» и отождествлявшего себя с богом Дионисом. Ее отец Фарнак, сын этого понтийского властелина, прославился тем, что следовал традициям своих предков во что бы то ни стало восстановить Понтийское царство и вновь сделать его самым могущественным на Ближнем Востоке (Сапрыкин, 1996. — С.293-305). На Боспоре он проводил митридатовскую линию правления, даже присвоил

Бюст царицы Динамии.

Боспор. I в. до н.э.

Бронза.

себе ахеменидский титул «царя царей» и в подходящий момент открыто выступил против Рима с надеждой восстановить отцовское государство.

Поначалу победное шествие Фарнака в Малой Азии вскоре было остановлено, вследствие сопротивления большинства греческих городов из-за его жестокости и грабежей (*Там же.* — С.295). Через год после начала войны вспыхнуло восстание и на Боспоре. Потерпев поражение от Цезаря в бою при Зеле в 47 г., он возвратился на Боспор и с группой верных ему скифов и сарматов захватил главные города Пантикапей и Феодосию (*App. Mithr.* 120), восстановив власть в его европейской части. С азиатской он был изгнан предавшим его этнархом и, по всей видимости, родственником Асандром. В 46 г. он, воспользовавшись недовольством горожан антиримской и антиэллинской политикой Фарнака, выступил против него и убил этого царя.

Сыновья Фарнака Дарий и Аршак попеременно правили в Понте, продолжая политику своих предшественников (*Сапрыкин, 1996.* — С.302-305). Они были намного старше своей сестры Динамии. Не исключено, что Фарнак был женат вторично на местной уроженке из царского сарматского рода. Не известно, чтобы братья Динамии проявляли какой-либо интерес к Боспору.

Считается, что Динамия родилась приблизительно в конце 60 г. до н.э., если только послы Фарнака предлагали именно эту его дочь в жены Гаю Юлию Цезарю, чтобы выразить верноподданнические чувства к римлянам (*App. BC. II, 91.382*). Однако, несмотря на ее молодость и высокое царское происхождение, этот брак не состоялся. Возможно, прав Штейн, считавший, что ее изображение на монете «демонстрирует грубые, некрасивые черты — чисто варварский тип» (*Stein, 1905.* — *Sp.* 1879).

Приписываемый ей бронзовый бюст, хотя и дает несколько иное представление, тем не менее тоже указывает на варварские элементы в головном уборе и грубоватые черты лица. Исполненный в традициях римского портретного искусства, образ взрослой Динамии явно приукрашен, исполнен внутреннего достоинства и силы. Он вполне отвечает смыслу ее греческого имени («могущество», «сила», «власть»). Исходя из этого, можно предполагать, что Фарнак со дня рождения видел в дочери свою помощницу, если не преемницу на Боспоре.

Голова царицы увенчана оригинальной остроконечной шапкой с инкрустированными серебряными звездами. Именно эти символы в сочетании с монетной символикой являются подтверждением того, что бюст

принадлежит Динамии. В ее облике сквозит надменность и уверенность. М.И.Ростовцев полагал, что ее «история во многом напоминает историю многожущих и многопреступных, честолюбивых и выносливых, энергичных и умных женщин великих эллинистических дворов после Александра» (1914. — С.12). Для такой жесткой характеристики, тем не менее, не имеется соответствующих источников.

Из приведенного выше пассажа Диона Кассия известно, что она стала женой убийцы своего отца. Несомненно, многое было бы объяснено, если бы этот автор указал, когда это произошло: до или после смерти Фарнака. Ведь разгневанный царь из-за неудачной миссии своих послов выдать ее замуж за Цезаря, мог сразу же после его отказа отправить их на Боспор с целью укрепить там свое положение и еще более удержать на своей стороне Асандра в порученной ему роли наместника.

Динамия являлась простой игрушкой в руках своего отца и его советников. По всей вероятности, если бы она на самом деле была красивой и еще совсем юной, то Цезарь вряд ли бы отказался от брака с ней. Это также могло послужить одной из причин, чтобы отдать ее в жены старому Асандру. Но и в том случае, если она стала женой Асандра после смерти отца, не стоит столь однозначно утверждать, что она поступила так добровольно с определенной целью, а не под давлением новоиспеченного правителя, своей семьи и сторонников его правления.

Естественно, нельзя исключать, что Динамия как внучка Митридата Великого «с детства впитала обычаи восточных эллинистических деспотов, у которых корысть и политика, деспотизм и интриги тесно взаимодействовали», и в трудное для Боспора время «проявила большую тактическую мудрость зрелого политика», чтобы сохранить наследственную власть (Сапрыкин, 1995. — С.184).

В таком случае, возможно, уже не совсем молодая Динамия чересчур хладнокровно рассчитала бы все возможности, отказав более умудренному опытом, умному, хитрому и уже старому Асандру, в проявлении какой-либо личной инициативы по отношению к заключению с ней брачного союза. Ведь он показал себя решительным и храбрым человеком, не побоявшимся выступить против «царя царей», за спиной которого стояли мощные силы сторонников Митридата не только на Боспоре, но и в Малой Азии. Захватив власть и не получив поддержки Рима, Асандр мог начать добиваться согласия на брак с Динамией, что в глазах боспорцев, а также римлян, закрепило бы его легитимные права на престол. В таком случае царевна, боясь за свою жизнь и близких ей людей, согласилась на этот неравный брак.

Как бы то ни было, но именно брак с Динамией значительно укрепил позиции Асандра на Боспоре. Его филэллинская и проримская политика вряд ли могла полностью удовлетворить внучку Митридата VI и дочь Фарнака, непримиримых врагов Рима, особенно в первый период ее замужества, пока она не осознала, что без мирных контактов с императорами невозможно благополучие и семьи, и государства.

Совместно с Асандром она правила немногим более двадцати лет. Ее роль в период совместного правления очень мало известна. Судя по всему, она не стремилась к единоличному царствованию и не предпринимала никаких шагов, чтобы устранить престарелого Асандра, значительно укрепившего и расширившего территорию Боспора (Гайдукевич, 1949. — С.314 сл.; Молев, 1994. — С.53; Сапрыкин, 1996. — С.313). Возможно, ей импонировало, как постепенно, но неуклонно Боспор превращался в могущественное государство.

Даже надпись времени совместной жизни Динамии с Асандром свидетельствует о ее второстепенной роли (КБН, 30). В посвящении наварха

Пантелеонта богам-покровителям мореплавания Посейдону Сосинею и Афродите Навархиде на постаменте их статуй на первом месте указано царствование «царя царей, великого Асандра, друга римлян, спасителя», а после этой титулатуры просто «царицы Динамии». Богатая эпитетами титулатура Асандра свидетельствует, с одной стороны, что он следовал как митридатовским, так и римским традициям, а с другой, о признании им политической зависимости от Рима. Это двойственное положение не могло не сказаться на характере Динамии. Вполне вероятно, что в конце правления Асандра она воздействовала на него с целью в большей мере реанимировать ахеменидо-понтийскую монархию, как считают отдельные исследователи (ср.: *Ростовцев, 1914. — С.13; Rostovtzeff, 1919. — P.39; Macurdy, 1937. — P.30-33; Анохин, 1986. — С.78, 79; Сапрыкин, 1995а. — С.187).*

Время смерти Асандра точно не известно. Скорее всего, что в последние годы его жизни, если он на самом деле прожил 93 года (*Ps.-Luc. Macrob. 17*), Боспор фактически находился под управлением Динамии. Не имеется никаких данных для того, чтобы не верить Диону Кассию, что он передал власть Динамии (*Dio. Cass. Liv. 24.4*). Вмешивались ли еще при жизни Асандра Август и Агриппа в боспорские дела, сказать ничего определенного нельзя.

Вряд ли и монеты могут однозначно свидетельствовать о том, что они не санкционировали выпуск золотых монет Асандром от 22 и 20 годов до н.э., а Динамии разрешили выпустить золотой статер в 20 г. (*Сапрыкин, 1996. — С.204; 1995. — С.186*). Представляются явно ошибочными взгляды некоторых ученых, пытающихся доказать, что царица участвовала в заговоре против своего престарелого мужа (*Anderson, 1934. — P.267; Сапрыкин, 1990. — С.210 сл.*), не имея для этого никаких достоверных сведений. Если бы она действительно ставила своей жизненной целью единоличное управление Боспором, то, несомненно, сделала бы это намного раньше и потом не выходила бы замуж за Скрибония и Полемона. Следует думать, что она и так в последние годы жизни Асандра управляла государством и в такой ситуации она являлась более свободной и защищенной, чем при стремившихся завладеть Боспором новых ставленниках римских императоров.

Именно длительный период ее совместной жизни и царствования со старым Асандром находится в противоречии с теми взглядами ученых, которые приписывают ей деспотизм и жестокий нрав, сравнивают ее с правительницами эллинистических государств, где интриги и смерть, заговоры и государственные перевороты действительно превалировали над мирной и спокойной жизнью. Ничего подобного не наблюдается в семье Асандра и Динамии, несмотря на более чем пятидесятилетнюю разницу в возрасте.

Относительно дальнейшей судьбы Динамии существует еще больше разноречивых интерпретаций, вплоть до того, что одни считают, что она умерла около 12 г. до н.э., другие — в 8 г. до н.э., а третьи — только в 7 г. н.э. (см. *лит.: Фролова, 1978. — С.51-60; Анохин, 1986. — С.93; 1999. — С.129-130; Виноградов, 1992; Сапрыкин, 1995. — С.193*). Исходя из этих крайне противоречивых хронологических, а соответственно, и исторических разногласий, нельзя не согласиться с В.Н.Парфеновым, что «сейчас аргументы сторон многолетней дискуссии по этому поводу исчерпаны, и остается лишь надеяться на обнаружение новых монет и надписей... Как бы то ни было, делать далеко идущие выводы на основе различных вариантов дешифровки монограмм на боспорских монетах, выпущенных после 17/16 г. до н.э., следует осторожно и с учетом того, что новые находки всегда могут внести коррективы в эти, в сущности, чисто спекулятивные построения» (1997. — С.127, 128).

Действительно, в каждом из них звучит субъективный подход, собственное понимание происходивших на Боспоре событий, а нередко — и

Статер Динамии
21/20-17/16 гг.
до н.э.
Золото.

желание поспорить, лишь бы высказать собственное слово в этом дискуSSIONном вопросе.

Из сообщения Диона Кассия известно, что после получения Динамией власти на Боспоре появился некий Скрибоний, провозгласивший себя внуком Митридата и утверждавший, что Август предоставил ему права царя именно на Боспоре (*Liv.* 24.4). Скорее всего, он на самом деле был ставленником императора, судя по имени вольноотпущенника первой жены Октавиана (*Сапрыкин, 1990. — С.210; Яйленко, 1990. — С.135*). Согласно С.Ю.Сапрыкину, перед ним была поставлена специальная задача добиться ослабления Боспора путем ликвидации ненавистой Риму военно-административной системы управления царскими землями — основы власти Митридатидов в Понте и на Боспоре (*1995. — С.189*). Не выдержав борьбы со Скрибонием, престарелый Асандр умер около 16 г. до н.э. (*Ps.-Luc. Macrob.* 17).

Однако Скрибоний, даже если он и женился на Динамии, очень недолго правил на Боспоре, поскольку против него в 14 г. выступил не только посланный Агриппой царь Понта Полемон, но и боспорцы, убившие его прежде чем явился второй ставленник (*Dio. Cass. Liv.* 24.5). Они сражались и с войском Полемона, дабы не допустить его к царствованию над Боспором. Под давлением римлян боспорские войска якобы сдались Полемону, а Динамия вновь вышла замуж. Здесь Дион Кассий не скрывает, что этот брак был санкционирован Августом (*Liv.* 24.6).

Но была ли на самом деле Динамия замужем за Полемоном, точно не установлено (*ср.: Parfenov, 1996. — S.100 ff; Болтунова, 1989. — С.89-91*). Около 12 г. до н.э. Август соединил узами брака Полемона и Пифодориду, внучку Марка Антония. По одной гипотезе, это случилось после смерти Динамии в этом же году, по другой, — она порвала с Полемоном и удалилась на Азиатский Боспор, где ее поддерживали и греки, и местное население, и где она дожила до царствования своего сына Аспурга, рожденного ею от Асандра (*см. лит.: Сапрыкин, 1996. — С.321*).

Странно только, что этому Аспургу, которого она, как уже указывалось раньше, могла родить только в первые годы замужества, учитывая возраст Асандра, не была прямо передана власть отцом. При существовании прямого преемника на престол вряд ли бы здесь столь быстро появились Скрибоний, а затем Полемон. Удивительно и то, что Динамия и от этих мужей не имела детей. Все это наталкивает на мысль, что она вообще была бездетной, и Аспург не являлся ее сыном при всех возможных вариантах различных предположений.

С именем Динамии связано восемь надписей, найденных при раскопках разных городов Боспора. Их хронология и интерпретация до сих пор остается слабо разработанной. Одни исследователи отстаивают их более

Туалет замужней женщины.
Деталь росписи пиксиды.
IV в. до н.э.

раннюю дату (20–12 гг. до н.э.), другие, наоборот, предпочитают видеть в них свидетельство единоличного правления царицы после разрыва с Полемоном и ее борьбой против него на Азиатском Боспоре (ср.: *КБН*, 31, 38, 978, 979, 1041; *Ростовцев*, 1914; 1918. — С.146; *Каллистов*, 1940. — С.69; *Дьяков*, 1940. — С.75; *Гайдукевич*, 1949. — С.316; *Фролова*, 1978; *Анохин*, 1986. — С.93 сл.; 1999. — С.123–132; *Funck*, 1986. — S.32; *Яйленко*, 1987. — С.77; 1990. — С.147; 1995. — С.220–224; *Болтунова*, 1989. — С.91; *Kienast*, 1992. — S.281, 282; *Сапрыкин*, 1990. — С.211 сл.; 1995. — С.147; 1996. — С.314 сл.).

Однозначно решить этот вопрос в настоящее время невозможно, поскольку шрифт надписей и содержащиеся в них сведения не раскрывают конкретные даты. Однако, скорее всего, правы те исследователи, которые считают, что данные надписи относятся к периоду 20–14 гг. до н.э., и что Полемон получил разрешение на брак с Пифодоридой после смерти Динамии в 12 г. до н.э.

Из надписей Динамии вырисовывается отношение жителей Боспора к своей царице, ее религиозное мировоззрение, филэллинские и проримские взгляды, продиктованные внешнеполитической обстановкой. Правда, делать далеко идущие выводы о том, что ее очень любили боспорцы, вряд ли правомерно. Фанагорийцы уже после того, как их город был переименован в Агриппию в честь зятя Августа Марка Агриппы, поставили ее статую, на серомраморном постаменте которой была высечена надпись: «Царицу Динамию, друга римлян, дочь великого царя Фарнака, сына царя царей Митридата Евпатора Диониса, свою спасительницу и благодетельницу, (поставил) народ агриппейцев» (*КБН*, 979).

Создается впечатление, что Динамия способствовала спасению этого города, возможно, от нападения варваров. В надписи весьма откровенно отмечен «митридатизм» царицы, уважительное отношение и признание величия деда, его правомерного отождествления с Дионисом. Фанагорийцы, видимо, не помнили, какое восстание было поднято их согражданами против Митридата Евпатора, благодаря чему они получили автономию от римлян, или же установлением памятника его внучке с известной титулатурой понтийского царя пытались искупить свою вину перед ним и царицей.

В этом же городе Динамия от собственного имени поставила памятник супруге Августа Ливии, тоже на серомраморном постаменте с короткой надписью, где только указано «царица Динамия, друг римлян» (*КБН*, 978). Точно такая титулатура поставлена на постаменты памятников Августу в Пантика-

**Нагробный памятник Матиана,
сына Заугара,
поставленный царицей Динамией.
Последняя четверть I в. до н.э.
Известняк.**

пее и Гермонассе (*КБН*, 38, 1046). При восхвалении императора использовано множество хвалебных эпитетов («бог, сын бога», «спаситель и благодетель», «всей земли и всего моря правитель»). Очевидно, Динамия этими памятниками демонстрировала свою верность и преданность императорской семье за предоставление ей титула царицы. Возможно, она действительно побывала в Риме и лично познакомилась как с Августом, так и Ливией.

Ни в одной надписи от своего имени она не позволила или не осмелилась указать свое высокое происхождение, очевидно, прекрасно понимая, сколь ненавистно оно римлянам и многим боспорцам. Однако, она не препятствовала тому, чтобы на памятниках, поставленных ей, отмечалось, к какому роду она принадлежит. На более богатом, чем фанагорийский, беломраморном постаменте ее статуи, посвященной в святилище Афродиты Урании — владычицы Апатура в Пантикапее также было отмечено ее происхождение от великого Фарнака, сына царя Митридата Евпатора Диониса (*КБН*, 31). Возможно, боспорцы именно так величали свою царицу и в других случаях. Золотые статеры Динамии отражают наследование ею понтийской символики: восьмилучевая звезда над полумесяцем.

Совершенно новое понимание образа Динамии выдвинуто не так давно Ч.Б.Роузом (*Rose*, 1990. — P.453-467). Он предположил, что на южном фризе знаменитого Алтаря Мира рядом с Агриппой стоят Динамия с Аспургом. Эту гипотезу развил В.Н.Парфенов, пытаясь доказать принадлежность этих фигур боспорским правителям. Однако, вряд ли когда-либо появятся надежные источники, по которым эта любопытная гипотеза станет всеми признанной аксиомой. Пока же в противоречии с ней находится политика как Августа, так и Агриппы, сделавших все, чтобы при живой царице подчинить Боспор своим ставленникам — сначала Скрибонию, а затем Полемону.

Во всей сложной и противоречивой истории, связанной с Динамией, кроется немало странного и загадочного. И тем не менее, уже судя по тому, сколько разных ученых пытались разгадать время ее правления и перипетии личной жизни, она является одной из самых интересных личностей среди боспорских царей. Было бы большим преувеличением утверждать, что смыслом ее жизни была только политическая власть и борьба за нее.

В определенной степени это прослеживается по недавно опубликованной надписи из Темрюкского музея, время и место находки которой установить не удалось (*Яйленко*, 1995. — С.222-224). На небольшой известняковой надгробной стеле высотой 0.61 м и шириной 0.52 м под рельефным изобра-

Пелика «керченского стиля».

Аттика. Вторая пол. IV в. до н.э.

(Супруненко, 2000. — С.174. — Рис.).

жением всадника с собакой, между ног лошади, высечена надпись: «Царица Динамия (поставила стелу) Матиана, сына Заидара, памяти ради».

Для истории Боспора — это уникальный эпиграфический памятник. До этого здесь не зафиксировано надгробий, поставленных правителями. В.П.Яйленко считает, что Матиан был вождем племени аспургиан, погибшим в войне против бывшего супруга Динамии Полемона в 13-9 гг. до н.э. (1995. — С.224). Однако изображение Матиана в обычном всадническом убранстве и зашитном вооружении с собакой на дешевой известняковой плите, скромная надпись, без указания на титул Матиана, отсутствие каких-либо царских отличий не согласуются с такой точкой зрения, как и то, что оно служит доказательством его гибели в войне и на службе у Динамии. Вряд ли эту стелу можно безоговорочно вписывать в гипотезу М.И.Ростовцева об удалении Динамии на Азиатский Боспор после разрыва с Полемоном и ее войне против него, ведшейся силами аспургиан и завершившейся смертью этого царя.

На рельефе Матиан сходен со многими изображениями вооруженных всадников на надгробных стелах Боспора I в. до н.э. - I в. н.э. Поэтому вполне вероятно, что он был верным слугой Динамии, охранявшим ее во время ее путешествий по Боспору и выездов в город. Не исключено, что молодую царицу при престарелом Асандре связывала с ним дружба и любовь. Судя по изображению, Матиан умер или погиб еще в молодом возрасте. Во всяком случае, этот уникальный надгробный, хотя и очень дешевый памятник, поставленный царицей Динамией, свидетельствует еще об одной загадочной странице в ее непростой и запутанной жизни, а вместе с ней и истории Боспорского царства второй половины I в. до н.э.

Гикия

В значительно меньшей степени по сравнению с Боспорским царством, известна роль женщины в политической и общественно-культурной деятельности демократических государств Северного Причерноморья. Во всех сферах жизни, как известно, первое место занимали мужчины — полноправные граждане античных полисов, оставляя женщинам разнообразные домашние занятия и воспитание детей. Судя по редким эпиграфическим источникам, можно полагать, что только женщина-жрица играла важную роль в отдельных святилищах, в частности Матери-богов, Деметры и Артемиды в Ольвии, а также во время проведения религиозных празднеств этих богинь.

На довольно однообразном и малоосвещенном источниками фоне ярко выделяется лишь одна женская фигура. Это — Гикия из Херсонеса Таврического, рассказ о которой содержится в известном трактате Константина Порфирородного «Об управлении империей» (*De adm. imp.* 53). В научной литературе сложилось неоднозначное отношение к представленным в нем событиям (см. подр. библ.: Сапрыкин, 1987. — С.48-49). Около ста лет тому назад Р.Гарнетт отнесся к ним как к реальным фактам в истории города Херсонеса второй половины I в. до н.э. (*Garnett, 1897*). Тем не менее, в науке длительный период оставалась неоспоримой ранее высказанная точка зрения знаменитого историка Т.Моммзена о том, что глава «Истории города Херсона» из трактата Константина Порфирородного ничто иное, как «херсонесские сказки» (1885. — С.291). Поддерживали его и другие ученые. Так, Э.Миннз писал, что легенда о Гикии «не внушает доверия в своей правдоподобности» (1913. — С.528-530), и даже М.И.Ростовцев отмечал полуполюгендарность свидетельств Константина Порфирородного о Херсонесе и Боспоре (*Rostovtzeff, 1922. — С.217*).

Лишь постепенно, начиная с 40-х гг. XX в., в осторожной форме она стала использоваться как источник по истории Херсонеса то второй половины I в. до н.э., то рубежа III-IV вв. н.э. (*Белов, 1948. — С.98, 99; Гайдукевич, 1949. — С.460, 461*). Впоследствии критические сопоставления сведений византийского писателя с содержанием сасанидской надписи из Пайкули дали возможность доказать их достоверность (*Харматта, 1967. — С.204-208*). Однако только в 70-е гг. прошлого века с помощью нумизматических материалов вновь была возрождена концепция Р.Гарнетта (*Анохин, 1977. — С.75, 76*). В своей основе она уже воспринята, переосмыслена, углублена другими исследователями (*Зубарь, 1987. — С.121, 122; Сапрыкин, 1987. — С.48-57; Русяева, 1997; Русяева А., Русяева М., 1999*), так что в настоящее время вряд ли можно игнорировать легенду о Гикии как один из важнейших и интересных источников истории и культуры Херсонеса второй половины I в. до н.э. По стилю и характеру повествования, его краткости и насыщенности событиями, наличию диалогов и оригинальной концовки эта так называемая легенда о Гикии заслуживает определения исторической новеллы или исторического рассказа (*Русяева, 1997. — С.281 сл.*).

Все ученые рассматривали ее в аспекте херсонесско-боспорских взаимоотношений и времени установления херсонесской эры. Что касается образа Гикии и ее религиозных представлений, отдельные моменты которых нашли в ней яркое отражение, то они, по существу, никем не освещались. Между тем в новелле о Гикии имеется много упоминаний о безымянном божестве, с помощью которого эта херсонеситка смогла спасти свой город. Именно эта сторона в наибольшей степени придает сведениям Константина Порфирородного легендарный характер и заслуживает подробного рассмотрения.

В новелле описывается попытка боспорцев захватить Херсонес с помощью сына царя Асандра, женившегося на Гикии — богатой наследнице херсонесского аристократа Ламаха. В новелле он именуется венценосцем и первенствующим (ΛΑΜΑΧΟ ΣΤΕΦΑΝΗΦΟΡΟΥΝΤΟΣ ΚΑΙ ΠΡΟΤΕΥΟΝΤΟΣ ΤΗΣ ΤΩΝ ΧΕΡΣΩΝΙΤΩΝ), что свидетельствует о том, что его наградили золотым венком за особые заслуги перед городом, где он пользовался заслуженной славой и почетом, очевидно, исполнял разные государственные должности. После его смерти Гикия решила устраивать ежегодные поминальные пиршества для граждан.

Между тем ее муж совместно с боспорцами составил хитроумный план захвата города в день поминок, когда все жители, подвыпившие и уставшие, улягутся спать. Постепенно, в течение почти двух лет в подвалах огромного дома Гикии собралось около 200 боспорских воинов, доставленных сюда тайно в ночное время и готовящихся начать поголовное уничтожение херсонеситов.

Однако накануне поминального дня произошло первое, очень своеобразное знамение божества. За какую-то провинность Гикия заперла свою служанку в одной из комнат нижнего этажа дома. Когда провинившаяся девушка пряталась здесь, случайно с ее веретена соскочило пряслице и закатилось в глубокую щель у стены. Чтобы его вытащить, она вынуждена была вынуть кирпич и ее взору предстало множество мужчин внизу. Она тотчас позвала свою госпожу. «Гикия, по божьему внушению, пришла к девушке». Та ей все рассказала и, сняв кирпич, показала собравшихся в подвале воинов: «По воле божьей, без сомнения, упало у меня с веретена кольцо и закатилось в эту щель...», — сказала служанка. Догадавшись о намерениях своего мужа, Гикия расцеловала девушку и сказала: «Ничего не бойся, дитя мое, прощается твой проступок, так как богу угодно было, чтобы ты провинилась для обнаружения этого коварного замысла». Затем она вызвала к себе родственников и «первенствующих» в городе граждан, совместно с которыми был составлен уговор, как расправиться с засевшими в ее доме врагами.

Присутствовавшие на поминках херсонеситы притворились, что много выпили и разошлись по домам с тем, чтобы, когда стемнеет, поджечь дом Гикии, по ее согласию, а боспорцев перестрелять, если они начнут выскакивать из горящего дома. Когда она рассказала своим доверенным людям о коварстве мужа, то еще раз подчеркнула, что «бог случайно ныне открыл» ей это. В итоге боспорцы были уничтожены и город был спасен. «После всех этих событий херсонеситы, видя беспредельное благодеяние, оказанное им после бога Гикией, которая не пощадила ничего из своего «состояния», но предпочла всему спасение города, в благодарность воздвигли в ее честь на городской площади две медные статуи, изобразив ее в молодых летах, в каких она была во время этих событий, показывая этим и ее огромное благодеяние, и любовь к согражданам, что уже в юных летах она так сумела после бога спасти свое отечество... На пьедестале статуй изложили всю историю оказанных Гикией после бога благодеяний гражданам».

Возможно, что история Гикии дошла до Константина Порфирородного благодаря тому, что еще и в его время эти надписи не были уничтожены. Каждый, «кто хочет проявить любовь к прекрасному, — подчеркивает он, — очищает этот пьедестал с целью прочтения написанного на нем». В указанной новелле имеется ряд выражений, характерных для почетных декретов Херсонеса. Нет ничего удивительного в том, что в декрете в честь Гикии была подробно изложена вся история спасения города. Не исключено, что на ее надгробном памятнике также была высечена эпитафия с подробным рассказом о ее жизни.

Галечная мозаика
в Херсонесе.
III в. до н.э.

Во всяком случае, Гикия в рассказе наделена решительным характером. Она, безусловно, полисное порождение. Центральными здесь являются две соотносительные категории — реальность и языческая мистика, стягивающие в один узел все поступки Гикии. Содержание и смысл ее героизма, мера его объективного оправдания (смертью наказывается и муж) кроются в социально-политической и идеологической направленности полисных традиций, усиленных особым полувоенным укладом херсонесской, в основе дорийской, общины. Жестокая расправа над предателем-мужем и врагами воспринимается как акт справедливости ради спасения отечества благодаря вмешательству божества. И поведение служанки, и свои собственные решения Гикия воспринимает совершенно осознанно как его волю. Путем различных знаков, символов, поступков оно помогает ей во всех ее действиях, направляет ее мысли, подсказывает, как избавиться от боспорцев. Гикия всецело подчинена вере в это божество. В новелле несколько раз отмечено, что все, что сделано ею для своих сограждан, сделано с помощью бога, «после бога». Этот «бог» является как бы живым действующим лицом, без существования которого немислимы ни действия, ни решения Гикии.

Разумеется, что Константин Порфирородный в своей новелле всюду употребляет термин «бог», что закономерно вытекает из его христианской веры в единого Бога. Но думается, что в почетном декрете Гикии и ее эпитафии это божество имело свое имя, которое в христианскую эпоху могло быть совершенно непонятным. Его разгадка представляет особый интерес для подтверждения исторической реальности поступков Гикии и поэтому заслуживает более детального рассмотрения.

Прежде всего, в новелле указывается, с одной стороны, что Гикии было первоначально поставлено две статуи: первая — «в скромном убранстве», вторая — «в боевом виде защищающейся против злоумышленников города»; а с другой, выясняется, что вообще было всего две статуи: одна — после спасения города, а вторая стояла над ее могилой. Из содержания новеллы ясно, что Гикия не вооружалась и не защищалась в боевом виде, поэтому такой ее статуи в Херсонесе быть не могло. Поскольку она, по представлению херсонеситов и ее самой, смогла совершить «огромное благодеяние» «после бога», то вторая статуя, несомненно, принадлежала помогавшему ей божеству. В роли постоянной спасительницы и покровительницы полиса здесь всегда выступала Партенос. Приблизительно ко

времени спасения города Гикийей и установления ее статуи с надписью на пьедестале относится появление статуарного изображения Партенос с защитным оружием на херсонесских монетах. В.А.Анохин вообще считает, что описание второй статуи полностью соответствует раннему монетному типу Партенос (Анохин, 1977. — С. 76).

По случаю столь знаменательной победы над боспорцами, которая обошлась без особых потерь и которую херсонеситы выиграли благодаря хитрости и мужеству молодой женщины, понявшей знамения их верховной богини, такая статуя вполне могла быть установлена в городе.

Одним из проявлений культа Партенос являются эпифании и знамения, отмеченные в эпиграфических документах. Если таковые как свойство чудодейственной силы и приписывались кому-либо из божеств в античных городах Северного Причерноморья, то, в отличие от Херсонеса, они прямо не упоминаются ни в одной из надписей. Видимо, херсонеситы отличались от других понтийских эллинов особой приверженностью к вере в непосредственное участие своей патронессы во всех ответственных мероприятиях и военных делах. Реальность эпифаний и знамений Партенос не вызывала у них сомнений (Толстой, 1918. — С. 98-104). Помощь проявлялась в виде определенного знака — символа или сновидения. Целая цепь таких символических знаков представлена в новелле о Гикийи. Незримое божество внушает соответствующие действия служанке и самой Гикийи, через исполнение которых раскрывается заговор и в итоге совершается подвиг. Это единственный письменный документ, раскрывающий суть знамений Партенос, расшифровка которых происходит в сознании человека сразу же после выявления факта предательства.

Во многих регионах античного мира эллины приписывали свои победы божествам, их непосредственному участию в битвах. Издавна славилась своими эпифаниями Артемиды. Так, по преданию, перед поражением мессенцев в битве со спартанцами статуя Артемиды «выпустила из рук щит» (Paus. IV, 13, 1). Легенда о чудесном вмешательстве этой богини в исход битвы между персами Мардония и мегарцами была создана в Мегарах, в честь победы здесь была воздвигнута статуя Артемиды Сотейры (Paus. I, 40, 2). Если афиняне свои победы в боях с персами приписывали Афине, то мегарцы — Артемиде.

Герacleоты и херсонеситы, поддерживавшие тесные контакты с родственными им Мегарами, хорошо знали не только легенду об Артемиде, но и свойственные ее культу ритуалы. Возможно, вообще был разработан для психологического воздействия специальный обряд, в котором демонстрировались явления и знамения этой богини. Жрецы херсонесской Партенос способствовали распространению и упрочению ее сотерических функций на таврической земле.

Если в Херсонесе укрепились традиции эпифаний Партенос, то при ее храме должны были находиться официальные истолкователи, здесь же велись хроники с целью прославить ее святилище и расширить круг почитателей. Благодаря победам херсонеситов, которые приписывались их богине и ее знамениям, святилище обогащалось, становилось главным религиозным центром полиса, воздействовало на многие события и вмешивалось тем самым в политические и культурные мероприятия.

Во второй половине III в. до н.э. в Херсонесе было издано специальное постановление о том, чтобы его граждане хорошо устраивали служение богине Партенос и воздавали должным образом благодарность ее святилищу за неоднократное их спасение в разных случаях (IOSPE, I², 343). И чем больше подчеркивались и пропагандировались сотерические функции Партенос, тем большей популярностью пользовался ее культ.

В мировоззрении херсонеситов она приобретала постепенно подлинные, удостоверенные на деле, по сути, мистические качества спасительницы и защитницы. Строгая система обрядов, введенных в ее святилище, торжественное проведение партений с процессиями и жертвоприношениями также способствовали упрочению и расширению культа верховного божества в Херсонесе (Толстой, 1918. — С.91-151; Мецераков, 1979. — С.104-119; Пальцева, 1979. — С. 30-46; Русаева А., Русаева М., 1999).

Таким образом в представлениях херсонесских граждан развилась непоколебимая уверенность в особой силе Партенос, содействующей им постоянно в защите государства и спасении его жителей. Особое усиление именно этих свойств ее культа диктовалось географическим расположением Херсонеса и уникальностью развития мифа об Артемиде и Ифигении первоначально в Таврике, а затем, после «Ифигении в Тавриде» Еврипида, в других святилищах Артемиды в Элладе, целенаправленной пропагандой, что Партенос во всех случаях находится только на стороне эллинов (Русаева А., Русаева М., 1999).

Связь ее культа со знаменами, эпифаниями, мантикой, приобщение к ним широкого круга жителей, обнародование качеств Партенос в специально созданном сочинении Сирика и в почетных декретах наводит на мысль о его значительной местной универсализации уже в эллинистический период. В данном случае прослеживается интереснейший факт возвеличивания одного божества сравнительно со многими другими, которые почитались херсонеситами, но далеко не в той мере, как их главная патронесса.

Образ Партенос как символа спасения и защиты эллинов в Таврике на херсонесских монетах был тесно связан с их социально-экономической и политической жизнью. В процессе развития культа он менялся, приобретал новые смысловые нагрузки, нередко становился отражением легенд и даже самой легендой, хорошо понятной каждому жителю Херсонеса. Кроме чисто религиозного назначения, монетные символы выполняли как идеологическую в широком значении, так и эстетическую нагрузку. Система символов на херсонесских монетах служила постоянным источником пропаганды разносторонних функций Партенос. Ее образ не стал здесь устоявшимся каноном, не превратился в постоянный и незыблемый знак, он видоизменялся и не мог не вызывать определенные эмоции.

Так что ко второй половине I в. до н.э. — времени жизни Гикии и исполнения ею патриотического долга — культ Партенос как верховной покровительницы и защитницы полиса приобрел широкий размах и огромное воздействие на психику жителей Херсонеса. Вера Гикии в чудодейственную силу божества, способного подсознательно воздействовать на поведение людей, его постоянное благожелательное отношение к ним, и в тяжелейшие периоды, связанные со спасением города, представляется совершенно естественной и правомерной, если учесть, как развивался здесь культ Партенос с ее эпифаниями и знаменами (см. подробнее: Русаева А., Русаева М., 1999).

Естественно, в новелле Константина Порфирородного присутствуют отдельные преувеличения, свойственные каждому историко-литературному сочинению, придуманные диалоги, художественное осмысление образа героини. Но, вместе с тем, в ней имеются реальные географические названия, имена, факты из жизни как самой Гикии, которую, несомненно, следует считать исторической личностью, так и Херсонеса в один из критических периодов его существования.

«Первенствующие», вопреки установленным традициям, обещают Гикии почетное погребение внутри города за раскрытие заговора и связан-

Лицевая сторона гребня
из кургана Куль-Оба.
Золото, кость.
Реконструкция Н.А.Грач.

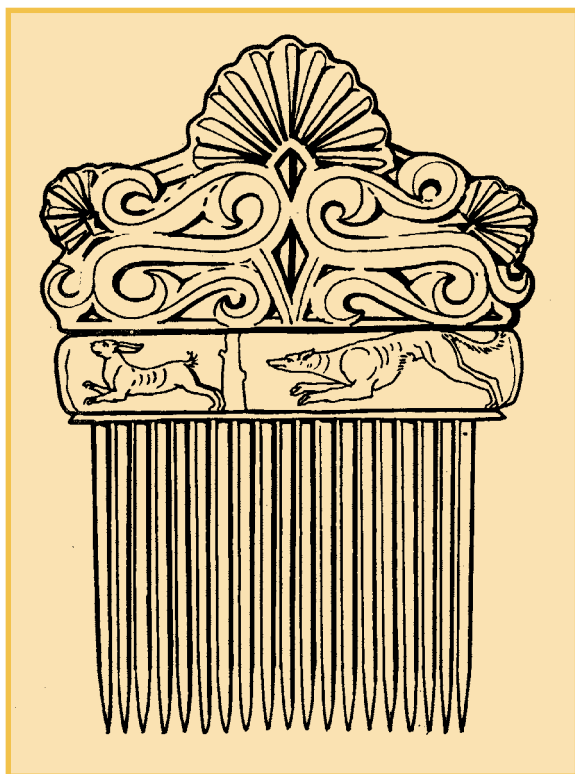
ных с ним последствий. Хотя это и выглядит как своего рода сделка, однако не принижает ее патриотизма и никем не осуждается. Если Гикия во всем, что касалось ее действий по уничтожению врагов и спасению города, как будто не своим собственным умом постигла суть происходящего, а понимала его по внушению божества, то в совершенно ином виде она предстает, когда придумывает хитрый план со своими псевдопохоронами для проверки клятвенных обещаний сограждан о погребении ее в пределах городской черты.

Гикия, видимо, знала, что в Мегарах и в Гераклея Понтийской находились древние могилы героев, которые обожествлялись; считалось, что они и после смерти приносят пользу, предотвращают несчастья и болезни, способствуют урожайности полей. Кроме того, и в самом Херсонесе возле оборонительных стен открыты склепы IV в. до н.э. с захоронениями не столько представителей зажиточной верхушки города (Сапрыкин, 1987. — С.50), сколько, как и в его метрополии, погибших за город героев.

Гикия имеет полное право на испытание первенствующих в Херсонесе граждан, давших клятву похоронить ее там, где она желает. Это в определенной степени религиозное самовыражение ее духовности и истинного желания находиться и в потустороннем мире внутри города. В нем, видимо, усматривается и ее страх: ведь боспорцы могли отомстить ей и после смерти уничтожением ее памятника и осквернением могилы. В защищенном крепостными стенами городе она могла надеяться на вечный покой и сохранение доброй памяти у херсонеситов.

Гикия не стремилась получить от города ничего невыполнимого, хотя и потеряла ради его спасения почти все свое состояние, — за исключением драгоценностей, унесенных, по ее просьбе, одной из верных служанок. Где и как она жила все последние годы своей жизни после смерти мужа-предателя, Константин Порфирородный не сообщает. В данном случае, очевидно, прав С.Ю.Сапрыкин, что сгоревший дом представлял собой, скорее

Оборотная сторона гребня
из кургана Куль-Оба.
Золото, кость.
Реконструкция Н.А.Грач.

всего, загородную усадьбу, поскольку городские херсонесские постройки на рубеже нашей эры не подходили для содержания больших стад, как о том рассказывается в новелле (1987. — С.50). Она, видимо, находилась довольно близко к крепостным стенам Херсонеса. Но поскольку Ламах исполнял важные государственные должности, то он мог иметь свой дом и в городе. Гикия, по всей видимости, переселилась туда и вряд ли одна выходила за его пределы после всего случившегося, если ей столь сильно хотелось быть похороненной в городской черте.

Гикия, несомненно, осознавала, что за ее героическим поступком, повлекшим за собой множество смертей боспорцев, в том числе и сына царя Асандра, тянулась ненависть и месть многих людей, живущих в соседнем государстве. Она не могла не знать, что боспорские цари после правления Митридата VI Евпатора постоянно стремились к тому, чтобы полностью овладеть ее родным городом.

Ведь незадолго до замужества Гикии он находился под властью Фарнака (см. лит.: Зубарь, 1994. — С.12). Только его убийство и захват Боспора Асандром в 47 г. до н.э., которого Рим не сразу признал царем, способствовало освобождению Херсонеса из-под верховной власти соседних правителей. В результате посольства херсонеситов в Рим и ходатайства Гераклеи Понтийской перед Цезарем около 44 г. до н.э. город окончательно освободился от боспорской зависимости и даже получил элевтерию от Рима (ср.: Кадеев, 1981. — С.14; Анохин, 1977. — С.74; Сапрыкин, 1987. — С.54, 55; Зубарь, 1994. — С.13). Бесспорно, что такое поведение херсонеситов вызвало крайнее недовольство Асандра и его ставленников. Более того, он, очевидно, предпринял разные меры, чтобы снова подчинить Херсонес. Когда же это ему не удалось, он женил своего сына от первой жены на знатной херсонеситке — явно с далеко идущими планами.

Относительно того, когда Гикия вышла замуж за Асандрового сына и когда именно спасла город, высказаны разные предположения. Так,

Фигурный лекиф.

Северное Причерноморье.

I в. до н.э. — I в. н.э.

(*Античная керамика, 1987. — С.26, 28*).

например, В.А.Анохин связывает это событие с установлением херсонесской эры в 24 г. до н.э. (1977. — С.74-76); С.Ю.Сапрыкин относит события, связанные с женитьбой сына Асандра, смертью Ламаха и подготовленными мероприятиями первого к захвату города боспорцами к 44-41 гг. до н.э. (1987. — С.54, 55); В.М.Зубарь, проанализировав все имеющиеся, хотя и косвенные, данные, предполагает, что попытка Асандра вернуть под свою власть Херсонес относится ко времени между смертью Цезаря (44 г. до н.э.) и битвой при Акции (31 г. до н.э.) (1994. — С.15).

Вместе с тем, нельзя исключать, что Асандр, не имея возможности силой захватить Херсонес, так как в самом Боспорском царстве было немало внутривластных дел, в том числе и относительно сохранения его территориальной целостности и непризнания его полноправным царем, с чисто восточной хитростью решил подчинить его своей власти другими средствами. Логично думать, что это произошло сразу после смерти Фарнака или даже во время его похода, когда Ламах, как один из первенствующих, лояльно относился к боспорским правителям. Иначе трудно понять, почему в период возросшего противостояния между Боспором и Херсонесом он отдал свою дочь в жены сыну Асандра. Исходя из этого, можно согласиться с С.Ю.Сапрыкиным, что спасение города Гикиею прошло в пределах 44-41 гг. до н.э., если при этом учитывать, что ее отец умер через два года после свадьбы, и приблизительно столько же времени ушло на тайную доставку боспорских воинов к ее дому или в какие-то укрытия возле города.

Наиболее уместным после этих трагических событий могло быть ходатайство Херсонеса о предоставлении ему Римом элевтерии. В пользу такого акта со стороны римского императора большую роль сыграло коварство боспорцев, в частности, Асандра, и расправа над ними херсонеситов, доказавших, насколько дорога им свобода и независимость.

**Портретное изображение
Макарии.**

Надгробная стела
Феагена и Макарии.
Херсонес. I-II вв. н.э.

Мрамор.

В данном аспекте правомерно сопоставление слов Гикий, сказанных после того, как она узнала о заговоре, с текстом Присяги херсонеситов: «Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса... ни эллину, ни варвару...» (2); «Я буду врагом замышляющему и предающему или отторгающему Херсонес...» (4); «...не буду разглашать ничего из сокровенного ни эллину, ни варвару...» (6); «Я не буду составлять заговора ни против херсонесской общины, ни против кого-либо из граждан...; если я вступил с кем-либо в заговор или связан какой-либо клятвой или закланием, то мне, нарушившему это... да будет лучшее, а соблюдающему — противоположное» (9); «Если я узнаю о каком-либо заговоре, существующем или зарождающемся, я доведу об этом до сведения должностных лиц» (10) (*IOSPE, I², 401; ср.: Сапрыкин, 1987. — С.51, 52*).

Создается впечатление, что херсонесская Присяга являлась действенным документом и во время жизни Гикий. Она стала своеобразным мерилom честности и достоинства гражданина и его семьи, ею измерялась правильность действий в жизни и деятельности всех херсонеситов. Гикия представляется воплощением чистой и преданной гражданскому коллективу жительницей Херсонеса. Она постоянно оказывает разные благодеяния менее зажиточным людям, совершает благотворительную деятельность, не подчеркивая свою доброту и бескорыстие. О ее доброте свидетельствует то, как верны ей служанки. Даже, наказанная ею за провинность, одна из них не держит зла против Гикий и сообщает ей об увиденном в подвале дома.

Гикия обладает талантом предвидения и необыкновенной решимостью. Она мгновенно догадывается, с какой целью ее муж собрал множество боспорцев и быстро принимает решение, что необходимо предпринять для предотвращения захвата города. Путем наблюдений и рассуждений за

теми, кто дал ей клятву, уже после свершения расправы над врагами, она предугадывает их действия в случае ее смерти и совершает новый неожиданный поступок — притворяется умершей и стойко выдерживает весь процесс собственных похорон до тех пор, пока не наступает кульминационный момент. С присущей ей откровенностью и решимостью она уличает всех граждан в нарушении клятвы. Им не остается ничего другого, как уверить ее вторичной клятвой: «Это обещание они исполнили: еще при Гикии они устроили ей гробницу в том месте, которое она сама избрала, и воздвигли ей другую медную статую, позолотили ее и поставили возле гробницы...» (*Const. Porphy. De adm. imp. 53*). Отсюда ясно, что Гикия разуверилась в честности своих соотечественников и, по существу, сама решила вопрос о своем захоронении внутри города и посмертном памятнике.

В поведении Гикии проявляется высшее гражданское качество — самопожертвование личным ради спасения всех, в котором идея полисного патриотизма достигает высшей формы. Подобными чертами чаще всего наделялись легендарные герои. Отсюда происходит явное представление о том, что рассказ Константина Порфирородного чаще всего называется легендой, хотя сам автор ни в одном случае не дал такого определения.

Действительно, в этой исторической новелле, а не легенде, удивительным образом сочетается единство реально происходивших событий с подсознательной и рациональной деятельностью Гикии, глубоко верящей в силу Партенос и не понявшей, что в итоге — это ее собственная сила и ум, мудрость и решимость, любовь к родному городу и верность его жителям.

Нет никаких сведений о том, что в Херсонесе был установлен хотя бы кратковременный культ Гикии, что, впрочем, вовсе не исключено. Она могла восприниматься как близкая к божеству героиня, сумевшая разгадать ее символическое знамение, удостоившаяся двух статуй, постоянно напоминавших о ее подвиге и благодеяниях. Как и Никерата в Ольвии, ее имя могли прославлять на празднествах партении, поскольку именно вера в сотерические свойства верховной херсонесской богини помогла ей спасти сограждан от завоевания и лишения свободы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На обороте:

Головка Деметры.

Курган № 2 у с. Великая Белозёрка
Запорожской обл.

IV в. до н. э.

Золото.

одной из проблем, все еще мало разработанных в отечественном антиковедении, является проблема культурно-политических взаимоотношений эллинов и варваров Северного и Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. В настоящем исследовании предпринята попытка ее решения на примере отдельных, известных по именам исторических личностей. В свою очередь, представляет большой интерес выяснение политической обстановки, в которой действовал тот или иной лидер, его государственная активность, нравственные качества, жизненные позиции и ценности.

Прежде всего, следует отметить, что далеко не обо всех рассмотренных деятелях сохранились свидетельства или хотя бы упоминания в античной литературной традиции. Нередко о них имеются лишь краткие сведения в эпиграфических источниках или портретное изображение и имя на монетах. Также не все северопонтийские полисы оставили память о своих государственных лидерах или чем-либо отличившихся гражданах. В первую очередь, это касается сравнительно слабо развитых и небольших городов — Тиры, Никония, Керкинитиды, но, вместе с тем, и боспорских. За исключением архонтов-царей и отдельных их наместников, на Боспоре Киммерийском не известны политики, которые, как, например, в Ольвии или Херсонесе Таврическом были бы удостоены демосом за заслуги перед отечеством разными памятниками и почетными декретами. К тому же мы остановились на рассмотрении только наиболее известных личностей, которые в той или иной степени отражали и эллино-варварские взаимосвязи и влияния.

В истории взаимоотношений эллинов Северного и Северо-Западного Причерноморья с различными иноэтническими объединениями Скифии на протяжении от времени основания Борисфена (около середины VII в. до н.э.) до первых контактов с Римом (I в. до н.э. — I в. н.э.) выделяется шесть главных этапов. Каждый из них так или иначе характеризуется деятельностью известных лидеров, проводивших, в основном, активную самостоятельную политику, реже — отличившихся незаурядным творчеством и тоже проявивших интерес к политической жизни. В период древнейших эллино-скифских контактов наиболее известными были Анахарсис, Леокс, сын Мольпагора, и Скил. В начале этого этапа существовали интенсивные связи эллинов Нижнего Побужья со скифами-земледельцами Лесостепи. Вообще, в истории этого населения, благодаря проникновению к ним эллинов, еще

в первой половине VII в. до н.э. началась совершенно новая эпоха. В результате этих связей и влияний оно поднимается на более высокую ступень своего социально-экономического и культурного развития, становится известным далеко за пределами собственных мест обитания, хотя и в незначительной степени вовлекается в сферу развития греческой цивилизации.

Самым ярким представителем этого этапа является Анахарсис. Его неординарная личность знаменует начало теснейших взаимоотношений эллинов с варварами. Время жизни Анахарсиса и тот интерес, который он проявлял к законам в земледельческих полисах — Афинах и Спарте, а также самые ранние контакты основателей Борисфена с населением Лесостепи при том, что в период его рождения в данном регионе еще не было ни кочевых скифов, ни, тем более, царевичем так называемой Великой Скифии, которой на самом деле тогда не существовало.

Хотя античные авторы нередко именуют его «скиф Анахарсис», он по происхождению был полуэллином, а по своей духовной культуре — эллинофил. Эллино-варварские брачные союзы дали античному миру немало известных ученых, писателей и политиков, но к одному из первых принадлежал Анахарсис — безусловно, историческая, а не легендарная личность, один из архаических греческих мудрецов, причисляемый иногда даже к группе Семи мудрецов.

В совершенно ином плане представлены образы ольвийского гражданина Леокса, сына Мольпагора, изображенного на уникальной надгробной двусторонней стеле со скифом-лучником, и скифского царя Скила, наиболее известного своей филэллинской политикой и приверженностью к культам и таинствам греческих божеств. Вполне вероятно, что он, будучи полуэллином по своему происхождению и имея жену в Ольвии, пытался видоизменить образ жизни своих соплеменников. Таковыми, скорее всего, были каллипиды, которые в период его царствования уже считались эллино-скифами, как и он сам. С его трагической гибелью приостановилась дальнейшая эллинизация этого небольшого этнического объединения в Северо-Западном Причерноморье.

Второй этап характеризуется деятельностью двух боспорских правителей Левкона I и его сына Перисада I, скифского царя Атея и значительно меньше известного предводителя демократических сил в Ольвии Евресибия, сына Сирикса. Внешняя политика боспорских царей была связана с Афинами, внутренняя — направлена на создание мощного государства путем присоединения автономных полисов и соседних иноэтнических объединений при помощи наемного войска, значительную часть которого составляли скифские всадники-стрелки.

Не исключено, что уже при Левконе набирают силу боспоро-скифские брачные союзы. Боспорские архонты-цари поддерживали интенсивные контакты с царскими скифами, составлявшими ядро Скифского царства в Северном Причерноморье. К сожалению, ни одно имя этих царей, за исключением некоего Агара, к которому сбежал Перисад — сын убитого Евмелом боспорского царя Сатира, не зафиксировано в античной литературной традиции. Это странно, так как в то время скифская элита получала различными путями от эллинов, главным образом, Боспора множество самых разнообразных товаров, в том числе и высокохудожественные изделия из драгоценных металлов, которые в новое время вызвали необыкновенный интерес кномадам IV в. до н.э. В общем, между северопонтийскими эллинами и скифами-кочевниками в это время существовали преимущественно мирные взаимоотношения благодаря поступающему к последним большому количеству дорогих даров и дани. Видимо, какие-то

Ручка чернофигурного кратера с изображением головы бородатого мужчины.
Ольвия. Сер. VI в. до н.э.

небольшие военные стычки со скифами при Перисаде I не изменили коренным образом экономическое развитие Боспорского государства.

Иная ситуация сложилась в небольшом скифском царстве Атея в Добрудже, вынужденного оборонять его от вторжений соседних племен, а затем и македонского царя Филиппа, разгромившего в итоге этих скифов и приведшего к гибели их царя. Как показывает ряд источников, Атей, в отличие от вождей Северопричерноморской Скифии, не обладал никакими богатствами, кроме великолепных лошадей. Таким образом, от Скила к Атею, а возможно, еще прославленного Геродотом Идантиса тянется нить пусть и косвенных данных о племени «прекрасноконных».

Третий этап представляет собой относительно короткий, но наиболее значительный момент в постепенном развитии эллинистических тенденций северопонтийских государств, нашедших яркое выражение в их территориальном расширении, появлении правителей эллинистического типа (боспорский царь Евмел), обожествлении предка-монарха Перисада I, увеличении эллино-варварских браков, освобождении рабов, принятии в гражданские общины иноземцев, установке статуй заслуженных деятелей и т.п. Он связан, прежде всего, с именем Каллиника, сына Евксена, борца за радикальную демократию в Ольвии, победителя в войне против македонского полководца Зопириона при помощи скифов и одного из зачинателей коренных преобразований как в городе, так и в территориальном увеличении полиса, что стало возможным лишь после ухода основных сил номадов с правобережья Нижнего Поднепровья.

Непродолжительное царствование самого жестокого боспорского царя Евмела красноречиво показывает, что в зависимости от того, насколько

четко воспринимается ответственность того или иного лидера перед собственным народом, зависят во многом его успехи, достижения в экономике и слава. Имеются все основания полагать, что царские скифы-кочевники как главное этнополитическое объединение в Северном Причерноморье постепенно теряет свою мощь к концу жизни Евмела, сумевшего нанести ему непоправимый ущерб в отместку за поддержку Сатира в междоусобной борьбе за царскую власть. После этого они уже не сумели подняться на тот высокий уровень своего социального и культурного развития, какого достигли в период правления ранних Спартокидов в конце V-IV вв. до н.э.

Впервые только на рубеже IV-III вв. до н.э. становится известным политический деятель из Херсонеса Таврического — Агасикл, сын Ктесия, которому, как и Каллинику в Ольвии, был установлен памятник за заслуги перед полисом. Если ольвиополит превзошел его наградой в тысячу золотых, то херсонесит — конной статуей и большим количеством золотых венков. Агасикл особенно отличился созданием оборонительной системы как Херсонеса, так и его хоры, что было весьма важно, поскольку кочевые скифы, хотя и не обладали былой мощью, после потери доходов и влияния в отношениях с Боспором, начали угрожать процветающему полису в Таврике. С этим этапом навсегда уходит в прошлое небывалый экономический и культурный расцвет не только всех античных государств Северного Причерноморья, но и Скифского царства. Никогда больше в их истории не повторятся такие тесные взаимоотношения и культурные взаимовлияния, как в предыдущие столетия.

Этот небывалый подъем во второй четверти III — второй четверти II в. до н.э. (четвертый этап) сменяется экономическим кризисом, охватившим в той или иной мере все северопонтийские государства. В каждом из них в его преодолении в разной степени и с разных позиций активную роль сыграли знаменитый ольвийский эвергет Протоген, херсонесский историк Сириск и его отец Гераклид, архонт Боспора Гигиенонт. Основные причины экономического кризиса были взаимосвязаны. Изменения экологических условий создали предпосылки для крупного движения иноэтнических группировок в поисках продовольствия и лучших земель для обитания. Неурожай в аграрных зонах античных государств и значительное снижение торговли зерном, выплата непомерной дани уже не только скифским, но и сарматским царям стали главным фактором как хлебного, так и финансового кризиса.

В наихудшем положении оказалась Ольвия. Протоген отличился не только своей эвергетической деятельностью, но и пониманием внешнеполитической ситуации. Во всех случаях, когда речь касалась тех или иных варваров, он стремился урегулировать отношения с ними дипломатическими переговорами и дорогими дарами; рискуя жизнью, лично с посольской миссией отправлялся к царю Сайтафарну, постоянно угрожавшему нападением на город. За собственные средства Протоген сумел в значительной мере укрепить оборонительную систему Ольвии, восстановить финансовое положение и финансовые средства, усилить позиции обедневшего демоса, ставшего его главной опорой в борьбе за сохранение отчизны в окружении разных, хотя и небольших, но не менее опасных племенных образований.

Иными путями преодоление трудностей происходило в Херсонесе. Его граждане видели свое спасение в возвышении культа их исконной защитницы и покровительницы Партенос, а также налаживании торговых связей с другими городами и царями. Для возобновления веры херсонеситов в эти духовные ценности и мероприятия Сириском — сыном известного в Херсонесе магистрата Гераклида — было написано и прочитано на народном собрании специальное историческое сочинение, в кото-

ром описывались эпифании верховной богини и дружественные отношения с государствами того периода, когда полис достиг наибольшего экономического расцвета.

Не исключено, что ко времени прихода к власти Гигиенонта, самого загадочного из правителей Боспора, носившего только титул архонта, были утрачены принадлежащие этому государству земли варваров. Символика на золотых монетах Гигиенонта показывает его приверженность старым демократическим традициям и взглядам Левконидов времени их теснейших контактов с Афинами, особенно Левкона I, когда ему больше импонировал титул архонта. Своей деятельностью при существовании мирных взаимоотношений с варварами, в том числе и сарматами, он сумел преодолеть не только денежный кризис, но и стабилизировать экономическое положение Боспора.

В последующее время (II в. до н.э.) в истории Северного Причерноморья выделяется новый этап с проявлением особых взаимоотношений со Скифским царством в Крыму и деятельностью таких личностей, как Никерат, сын Папия, в Ольвии, ольвиополит и неаполец Посидей, сын Посидея, во взаимосвязи со скифским царем Скилуrom и, возможно, относившийся к роду последнего Савмак — убийца последнего правителя из династии Спартокидов на Боспоре и претендент на царский престол.

Ставя превыше всего личную свободу и независимость родного полиса от всевозможных посягательств врагов, Никерат погиб, защищая сограждан во время празднеств в Гилее. При таком подходе, когда всеобъемлющей целью и жизненной необходимостью становится деятельность на благо отчизны, неизбежно особое проявление благодарности демоса и возведение таких, как Никерат, в ранг героя. В то же время совершенно очевидно, что он смог получить большие посмертные почести лишь в том случае, если демос обладал крупными средствами в период после небывалого в Ольвии кризиса.

Разнообразные данные дают возможность считать, что Посидей по происхождению был ольвиополитом. В силу различных обстоятельств он провел определенный период своей жизни на Родосе, где разбогател, занимаясь торговыми операциями. Возвратившись на родину, не нашел здесь поддержки, возможно, из-за желания внедрить исконно родосские культы божеств и вмешательство в политическую жизнь Ольвии. Очевидно, со своими политическими единомышленниками он основал в Крыму город Неаполь с храмом и статуями родосских божеств, который вскоре был захвачен Скилуrom или его сыновьями. Сакральная зона эллинов в Неаполе была превращена в царскую резиденцию.

Скилуr — единственный из крымско-скифских царей, пожелавший иметь собственные монеты, которые, в угоду ему, чеканились на ольвийском монетном дворе с его портретом, а также, возможно, изображением жены-ольвиополитки и религиозной символикой чисто эллинского характера. Между Ольвией и его царством установились особые отношения в виде экономического протектората, в которых, по всей вероятности, не последнюю роль играл Посидей, сын Посидея, и другие ольвиополиты, проживавшие в Неаполе. Резкие изменения в Неаполе и Малой Скифии в Крыму начали происходить после их смерти. Будучи сторонниками решения конфликтов мирным путем, они основное внимание уделяли развитию обоюдовыгодной торговли.

Рассмотрение многих научных работ о предводителе скифского восстания Савмаке на Боспоре дает возможность присоединиться к точке зрения тех ученых, которые считают, что не он и не Диофант являлись воспитанниками последнего Спартокида, а Митридат VI Евпатор, будущий

**Протома
Горгоны-Медузы.**
Керчь. VI-V вв. до н.э.

властелин Понта, получивший, таким образом, по праву наследования Боспорское царство. Савмак, скорее всего, благодаря боспоро-скифо-понтийским бракам приходился родственником, если не одним из многочисленных сыновей Скилура, Перисаду V и Митридату VI. Его попытка с помощью скифского войска захватить власть на Боспоре не увенчалась успехом и не принесла ничего, кроме разорения и смерти.

Греки и варвары Северного Причерноморья, став подвластными Митридату Евпатору и принимая участие в его войнах, рано познакомились с римлянами. После разгрома Понтийского царства Рим проявил особый интерес к Боспору и Херсонесу Таврическому. Ольвия и Тира после гетского нашествия более чем на полстолетия оказались как бы вычеркнутыми из истории. В довольно сложное время налаживания тесных контактов с римлянами в I в. н.э. (последний этап) наиболее активно действовали боспорский царь Аспург, относительно происхождения которого до сих пор существуют разные взгляды, «первенствовавший среди понтийского народа» ольвиополит Абаб, сын Каллисфена, и известный лишь по золотым монетам ольвийской чеканки сарматский царь Фарзой.

Породнившись с фрако-понтийскими царскими родами, Аспург заключил мирные договоры с Тиберием и соседними царями и тем самым получил разрешение Рима беспрепятственно править на Боспоре. Его рациональная деятельность, хитрость и предприимчивость способствовали укреплению государства и его авторитета, а впоследствии и значительному расширению территории за счет присоединения ранее принадлежавших Спартокидам варварских земель, а также подчинения крымских скифов и тавров.

Довольно быстро на международную арену вышел гражданин Ольвии Абаб, сын Каллисфена, построив на собственные средства в возрожденном после гетского нашествия городе стоя и посвятив ее обоженному Августу и его сыну Тиберию. Став известным этим императорам своей

Маска Сатира.
Херсонес.
I в. до н.э. — II в. н.э.

государственной и торговой деятельностью, он проявил себя как лидер не только в Ольвии, но и в Причерноморье. Испытывая большие трудности в период восстановления города и страх перед новым вторжением варваров, ольвиополиты, несомненно, были заинтересованы в поддержке римлян. Однако, тем, несмотря на усердие Абаба, в первой половине I в. мало интересовал этот бедный провинциальный городок.

В отличие от Скилура, сарматский царь Фарзой имел золотую монету, также чеканенную в Ольвии и почти полностью, за исключением тамги, повторяющую его религиозную символику. Ряд данных в виде гипотезы позволяет считать, что его царство находилось в регионе оседлых и полuosедлых скифо-сарматских племен с резиденцией в Неаполе. Он поддерживал политические и экономические связи с Ольвией, возможно, какое-то время являлся ее протектором и защитником от нападений других варваров. Несмотря на некоторую приверженность эллинской культуре, Фарзой, тем не менее, оставался верным своим родовым традициям. Его имя еще во II в. продолжало бытовать в Ольвии, что, возможно, указывает на то, что кто-то из его близких родственников был женат на ольвиополитке.

Как и во всем греческом мире, женщины в античных городах Северного Причерноморья были во многом ущемлены в правах, по сравнению с мужчинами. Только в позднеэллинистическое и римское время их роль в политической и религиозной жизни значительно возросла, хотя их свобода так и не достигла того уровня, на котором находились женщины Рима. По эпиграфическим и письменным источникам, наиболее известными стали две боспорские царицы — Камасария и Динамия, а также жительница Херсонеса Гикия. У каждой из них своя судьба и собственное отношение к родному государству. Все, — в той или иной мере, несмотря на титулы, высокое происхождение и волевой характер, — были зависимы от мужчин: будь то отец, муж или брат. Во всех случаях четко проступает тесная связь их деятельности и поступков с религией.

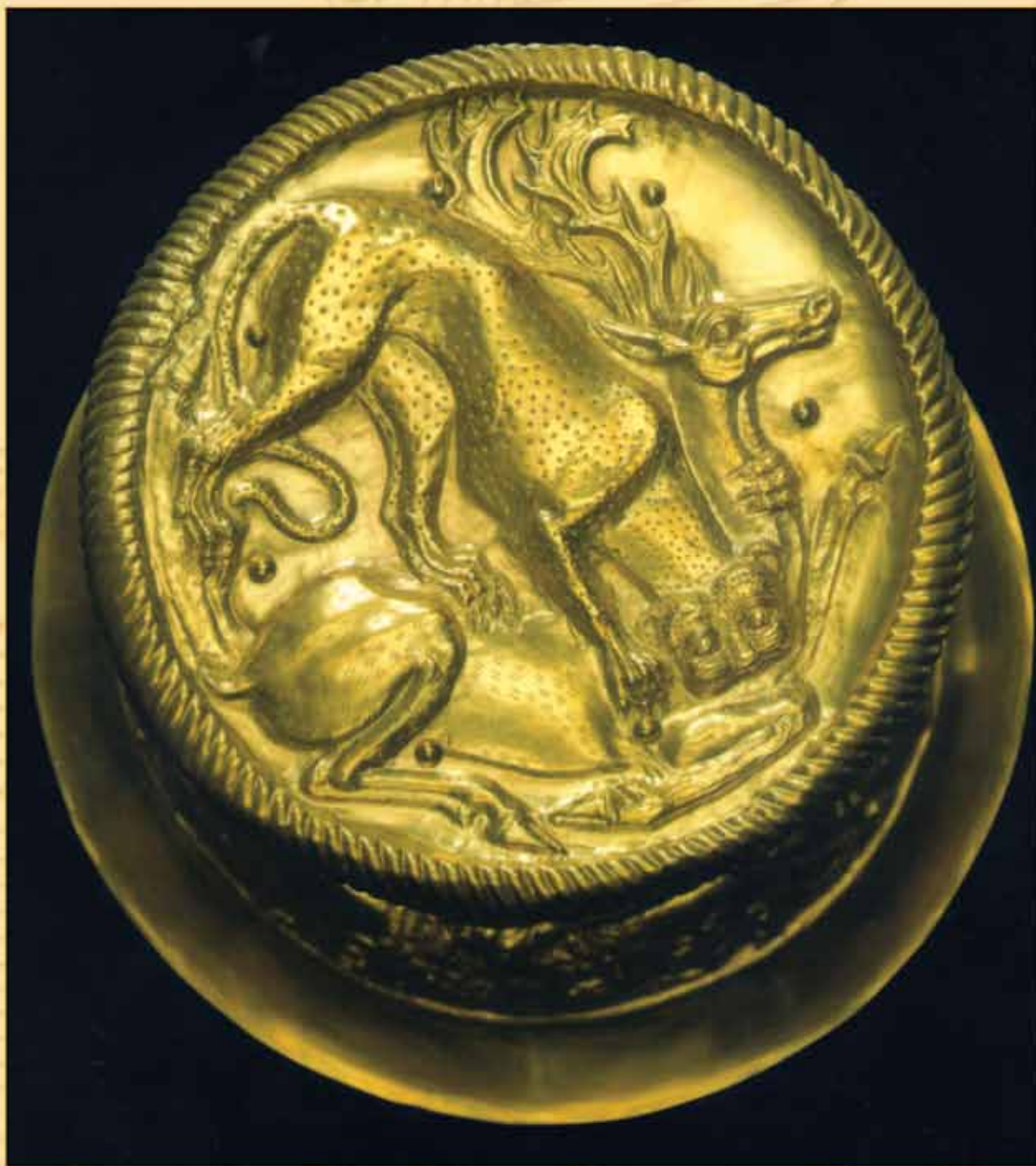
Для успешного решения государственных дел и внешнеполитических контактов, по сути, все лидеры так или иначе обращались к культам отечественных и иноземных божеств, пытаясь найти не только их покровительство и помощь, но и расположить к себе граждан других городов. Вообще, политика и религия во всех древних обществах, в том числе и в Северном Причерноморье, чаще всего были тесно взаимосвязаны, способствовали в своем единстве налаживанию мирных отношений как между отдельными правителями, так и государствами.

Взаимодействие между возникшими в процессе греческой колонизации городами с разными политическими режимами, меняющимися на протяжении веков пришлыми с Востока номадами с их традиционными установлениями, особым образом жизни, менталитетом, религиозными представлениями положило начало изменениям как с одной, так и с другой стороны. Тем не менее, во всех случаях в деятельности и жизни варварских лидеров значительный перевес имели политические и культурные достижения эллинов, как самые прогрессивные в то время. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в представлении эллинов, начиная с ионийских логографов и кончая поздними писателями, Скифия, а в римско-византийский период — Сарматия — это не государство, а обширная только в географическом понимании страна или область, населенная разными, часто сменяющими друг друга, племенами. На ее территории располагались и греческие государства. Так, ольвиополиты и боспорцы считали, что они живут на скифской земле.

Каждый варвар из этой северной страны считался скифом. Кличка «скиф» в VI-IV вв. до н.э. становится не только синонимом полицейского и стрелка в афинском языке, но и именем. Однако, однозначно решить, из каких именно местностей Скифии путем продажи попадали в Афины скифы-рабы, одно время служившие здесь даже полицейскими, сейчас вряд ли возможно. Это могли быть как скифы Лесостепи или Подунавья, захваченные в плен номадами или фракийцами, так и скифские кочевники, по той или иной причине ставшие невольниками. Если в жизни крупнейшего политического и культурного полиса Эллады — Афин — скифы играли важную роль, то бесспорно, что на более высоком уровне проявлялись их связи с эллинами северопоптийских и северозападнопоптийских городов, что в наибольшей мере нашло отражение в образах Анахарсиса, Скила, Атея, Скилура и, конечно, безымянных царей Северопричерноморской Скифии, тесно взаимодействующих в IV в. с боспорскими правителями.

В целом можно констатировать, что представленное исследование известных исторических личностей, базирующееся, главным образом, на первоисточниках, в значительно большей мере проясняет и общие вопросы взаимоотношений эллинов и варваров. На их фоне более четко проявляются основные пути доминирующих политических и культурных влияний, процессы эллинизации варварской элиты, в меньшей степени затронувшие рядовое население, и роль этих лидеров в общем развитии античных государств и иноэтнических образований.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Использованная литература	291
Список сокращений	302
Именной указатель	303
Географический указатель	310
Summary	314

На обороте:

Ритуальное навершие.
Братолюбовский курган у с.Ольгино Херсонской обл.
V в. до н.э.
Золото.

Использованная литература

А

- Абрамова М.П.** Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ Нижнего Днепра // МИА. — Москва, 1962. — № 115.
- Алексеев А.Ю.** Скифская хроника. — Санкт-Петербург, 1992.
- Алексеев А.Ю.** К идентификации погребений кургана Солоха // Тез. докл. Междунар. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». — Запорожье, 1994.
- Алексеева Е.М.** Античный город Горгиппия. — Москва, 1997.
- Андреев Ю.В.** Спарта как тип полиса // Античная Греция. — Москва, 1983. — Т.1.
- Андреев Ю.В.** Цена свободы и гармонии. — Санкт-Петербург, 1998.
- Андрух С.И.** Нижнедунайская Скифия в VI — начале I вв. до н.э. (этно-политический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1992.
- Андрух С.И.** Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н.э. (этно-политический аспект). — Запорожье, 1995.
- Анохин В.А.** Монеты скифского царя Атея // Нумизматика и сфрагистика. — Киев, 1965. — Вып. 2.
- Анохин В.А.** Монеты Атея // Скифские древности. — Киев, 1973.
- Анохин В.А.** Монетное дело Херсонеса. — Киев, 1977.
- Анохин В.А.** Монетное дело Боспора. — Киев, 1986.
- Анохин В.А.** Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1989.
- Анохин В.А.** История Боспора Киммерийского. — Киев, 1999.
- Античная керамика** в собрании Полтавского краеведческого музея: Кат. выст. / Сост. Супруненко А.Б. — Полтава, 1987.
- Артамонов М.И.** Общественный строй у скифов // ВДИ. — Москва, 1947. — № 9.
- Античная Греция.** — Москва, 1983. — Т.1-2.
- Анфимов Н.В.** Синдика в VI-IV вв. до н.э. // Труды Краснодарского ГПИ. — Краснодар, 1963. — Вып. 30.

Б

- Белов Г.Д.** Херсонес Таврический. — Ленинград, 1948.
- Белова Н.С.** Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н.э. // ВДИ. — Москва, 1984. — № 2. — С.80-85.
- Бессонова С.С.** Глиняні жертвенники Лісо-степового Подніпров'я ранньоскіфського часу // Археологія. — Київ, 1996. — № 4.
- Блаватская Т.В.** Западнопонтийские города в VII-I вв. до н.э. — Москва, 1952.
- Блаватская Т.В.** Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. — Москва, 1959.
- Блаватская Т.В.** Рескрипты царя Аспурга // СА. — Москва, 1965. — № 2.

- Блаватская Т.В.** Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. — Москва, 1965 а. — № 3.
- Блаватская Т.В.** Посвящение Левкона I // РА. — Москва, 1993. — № 1.
- Блаватский В.Д.** Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н.э. // ВДИ. — Москва, 1946. — № 1.
- Блаватский В.Д.** Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. — Москва, 1947.
- Блаватский В.Д.** Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА. — Москва, 1954. — № 20.
- Блаватский В.Д.** Об именах Спартокидов // Художественная культура и археология античного мира. — Москва, 1976.
- Блаватский В.Д.** Античная археология и история. — Москва, 1985.
- Богомолов А.С.** Античная философия. — Москва, 1985.
- Боженянов И.Н.** Женщина в Древней Греции. — СПб., 1908.
- Болтрик Ю.** Курган Чортотлик — могила царя Атея // АНТ. — Київ, 2000. — № 4-6.
- Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є.** Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н.е. (пошук історичних реалій) // Археологія. — Київ, 1995. — № 2.
- Болтунова А.И.** Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. — Москва, 1989. — № 1.
- Болтунова А.И.** О культе женского божества в Танаисе // КСИА. — Москва, 1991. — № 204.
- Боннар А.** Греческая цивилизация. — Москва, 1992. — Т.1-3.
- Брашинский И.Б.** Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н.э. — Москва, 1963.
- Брашинский И.Б.** Понтийское царство // ВДИ. — Москва, 1973. — № 3.
- Брашинский И.Б.** Методы исследования античной торговли. — Ленинград, 1984.
- Бритова Н.Н.** Искусство античных городов Северного Причерноморья // Искусство народов СССР. — Москва, 1975. — Т.1.
- Бузескул В.** Женский вопрос в Древней Греции. — Харьков, 1905.
- Буйских С.Б.** К проблеме территориальных владений Ольвийского полиса в IV в. до н.э. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. — Севастополь, 1997.
- Буяклиев Х.** Тракийский некрополь при Чаталка Старозагорский окръг // Розкопки и проучвания. — София, 1986.

В

- Вардиман Е.** Женщина в древнем мире. — Москва, 1990.
- Васильев А.Н.** К вопросу о фракийском происхождении Спартока // Вопросы политической истории СССР. — Москва, Ленинград, 1977.
- Вахтина М.Ю.** К вопросу о влиянии демографической ситуации на становление и развитие греко-варварских связей в различных районах Северо-Западного Причерноморья // ПАВ. — Санкт-Петербург, 1993. — № 6.

Виноградов Ю.Г. Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н.э. // Основные проблемы развития рабовладельческой формации. Тез. докл. конф. — Москва, 1978.

Виноградов Ю.Г. О методике обработки эпиграфических памятников (по ольвийским материалам) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. — Москва, 1978.

Виноградов Ю.Г. Милет и Ольвия. Проблема взаимоотношений метрополии и колонии на раннем этапе // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. — Тбилиси, 1979.

Виноградов Ю.Г. Перстень царя Скила // СА. — Москва, 1980. — № 3.

Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. — Москва, 1983.

Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. — Москва, 1984. — № 1.

Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. — Москва, 1987. — № 1.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. — Москва, 1989.

Виноградов Ю.Г. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. — Москва, 1992. — № 3.

Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. — Москва, 1994. — № 2.

Виноградов Ю.Г. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. — Севастополь, 1995.

Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. — Москва, 1997. — № 3.

Виноградов Ю.Г. Истрия, Тира и Никоний, покинутый и возрожденный // Нумизматика и эпиграфика. — Москва, 1999. — Т.XVI.

Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О. Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э. // ВДИ. — Москва, 1982. — № 4; 1983. — № 1.

Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. — Москва, 1990. — Т.1.

Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. — Севастополь, 1995.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху: Опыт периодизации истории // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. симпози., посвящ. памяти А.И.Тереножкина. — Кировоград, 1987.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху: Опыт периодизации истории // СА. — Москва, 1991. — № 1.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. — Москва, 1997. — № 3.

Виппер Б.Р. Искусство Древней Греции. — Москва, 1972.

Высотская Т.Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. — Киев, 1979.

Висотська Т.М. До питання про соціально-політичну структуру пізньоскіфської держави // Археологія. — Київ, 1992. — № 2.

Г

Габелко О.Л. Фрако-вифинское население в городах побережья Пропонтиды и Северо-Западной Малой Азии // История и культура древнего мира. — Москва, 1996.

Гаврилов А.К. Скифы Савмака — восстание или вторжение? (IRE.I².352 — Syll³.709) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. — Санкт-Петербург, 1992.

Гаврилов О.В. Сільська округа Феодосії у V-II ст. до н.е.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. — Київ, 1999.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. — Москва-Ленинград, 1949.

Гайдукевич В.Ф. Еще о восстании Савмака // ВДИ. — Москва, 1962. — № 1.

Гайдукевич В.Ф. Вотив Герее из Мирмекия // Культура античного мира. — Москва, 1966.

Гайдукевич В.Ф. О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н.э. // Античное общество. — Москва, 1967.

Гайдукевич В.Ф. К дискуссии о восстании Савмака // Археология, история и культура Северного Причерноморья. — Москва, 1968.

Герасимов Г. Истински ли са монетите с надпис АТАΙΑС и АТАΙΑ // Известия на Археологическият Институт. — София, 1967. — Т.XXX.

Голосовкер Я.Э. Логика мифа. — Москва, 1987.

Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. — Москва, 1957.

Горемыкина В.И. Из истории Боспора Киммерийского I в. до н.э. и начале I в. н.э. // Ученые записки Могилевского педагогического института. — Минск, 1956. — Вып.3.

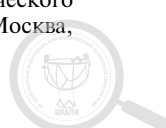
Горлов Ю.В. Эллинистический Родос // Эллинизм: экономика, политика, культура. — Москва, 1990. — Т. 1.

Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. — Москва, 1939. — № 3.

Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. — Москва-Ленинград, 1954. — №36.

Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. — Москва, 1980. — № 4.

Грач Н.Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. — Москва, 1984. — № 1.

Гребеников Ю.С. Памятники Степного Побужья IX–III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1989.
Гриневич К.Э. О достоверности сведений Геродота об Ольвии // ВДИ. — 1964. — № 1.

Д

Давня історія України. — Київ, 1998. — Т.2.
Дашевская О.Д. Четвертая надпись Посидея из Неаполя Скифского // СА. — 1960. — № 1.
Десятчиков Ю.М. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. — Москва, 1977.
Диамант Э.И. Монетные находки Кошарского поселения: (К вопросу о западной границе Ольвийского полиса) // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1978.
Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — Москва, 1979.
Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. — Москва, 1982.
Доманский Я.В. Ольвия и варвары в V в. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. — Тбилиси, 1981.
Домбровский О.И. Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954–1958 гг.) // Сообщения Херсонесского музея. — Севастополь, 1960. — № 1.
Домбровский О.И. О технике декоративной живописи Неаполя Скифского // СА. — Москва, 1961. — № 4.
Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. — Киев, 1975.
Дьяков В.Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. — Москва, 1940. — № 3–4.

Е

Елагина Н.Г. О родо-племенной структуре скифского общества по материалам четвертой книги Геродота // СА. — Москва, 1963. — № 3.
Ельницкий Л.А. Некоторые проблемы истории скифской культуры // ВДИ. — 1948. — № 2.
Емец И.А., Масленников А.А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // РА. — Москва, 1992. — № 4.

Ж

Ждановский А.М. Некоторые аспекты социально-политической истории племен Прикубанья в I–III вв. н.э. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. — Грозный, 1984.
Ждановский А.М. Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. — Краснодар, 1990.
Жебелев С.А. Северное Причерноморье. — Москва, Ленинград, 1953.
Женщина в античном мире. — Москва, 1995.

З

Загинайло А.Г. Литые монеты царя Скила из Никония // Древнее Причерноморье. — Одесса, 1989.

Загинайло А.Г. Литые монеты царя Скила // Древнее Причерноморье. — Одесса, 1990.
Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. — Ленинград, 1985.

Зайцев Ю.П. До питання про грецьке населення Неаполя Скифського // Археологія. — Київ, 1990. — № 1.

Зайцев Ю.П. Верховная знать Неаполя Скифского (новое исследование захоронения в каменной гробнице Мавзолея) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. — Санкт-Петербург, 1994.

Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя Скифского // Древности степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1995. — Вып. 5.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский во II в. до н.э. — III в. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1995.

Зайцев Ю.П. Скилур и его царство // ВДИ. — Москва, 1999. — № 2.

Зайцев Ю.П. Аргот — супруг царицы Комосарии (к реконструкции династийной истории Боспора и Крымской Скифии) // Таманская старина. Тез. докл. Междунар. конф. — Санкт-Петербург, 2000. — Вып. 3.
Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. — Москва, 1965.

Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев. — Москва, 1971.

Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. — Москва, 1951. — № 16.

Золотарев М.И., Буйских С.Б. Теменос античного Херсонеса: Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. — Москва, 1994. — № 3.

Золото степу. Археологія України: Науковий каталог виставки / Укл. Толочко П.П., Мурзін В.Ю. — Шлезвіг, 1991.

Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже н.э. // ВДИ. — Москва, 1987. — № 2.

Зубар В.М. Про похід Сільвана в Крим // Археологія. — Київ, 1988. — № 63.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху. — Киев, 1993.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. — Киев, 1994.

Зубарь В.М. Ольвия, сарматы и Рим во второй половине I в. // ВДИ. — Москва, 1994. — № 3.

Зубарь В.М. Культ римских императоров в Северном Причерноморье // РА. — Москва, 1995. — № 1.

И

Иванов В. Алкей и Сафо. Вступительный очерк // Алкей и Сафо. Песни и лирические отрывки. — Москва, 1914.

Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. — Киев, 1961.

Иванчик А.И. «Млекоеды» и «аби» «Илиады». Гомеровский пассаж в античной литературе и проблемы идеализации скифов // Древнейшие государства Восточной Европы. — Москва, 1999.

Ильинская В.А., Тереножкин А.В. Скифия VII–IV вв. до н.э. — Киев, 1983.

К

- Кадеев В.И.** Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Харьков, 1981.
- Казакевич Э.Л.** К полемике о восстании Савмака // ВДИ. — Москва, 1963. — № 1.
- Каллистов Д.П.** Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ. — Москва, 1940. — № 2.
- Каллистов Д.П.** Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. — Ленинград, 1949.
- Каллистов Д.П.** Северное Причерноморье в античную эпоху. — Москва, 1952.
- Каллистов Д.П.** Свидетельства Страбона о скифском царе Атее // ВДИ. — Москва, 1969. — № 1.
- Каришковский П.И.** Скифы на Дунае // УИЖ. — Київ, 1971. — № 9.
- Карышковский П.О.** Сарматские тамги на античных монетах Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир: Тез. докл. — Ленинград, 1973.
- Каришковский П.И.** Царські сармати у Страбона // Іноземна філологія. — Київ, 1973 а. — № 32.
- Каришковский П.И.** Про так звані портретні монети скифського царя Скілура // Археологія. — Київ, 1973 б. — № 9.
- Карышковский П.О.** О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1982.
- Карышковский П.О.** Монеты скифского царя Скила // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И.Тереножкина. — Кировоград, 1987.
- Карышковский П.О.** Монеты Ольвии. — Киев, 1988.
- Карышковский П.О., Клейман И.Б.** Древний город Тира. — Киев, 1985.
- Книпович Т.Н.** К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена // ВДИ. — Москва, 1966. — № 2.
- Кобылина М.М.** Античная скульптура Северного Причерноморья. — Москва, 1972.
- Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П.** Скифские курганы у с.Ковалевки Николаевской области // Курганы на Южном Буге. — Киев, 1978.
- Козаев А.И.** Анахарсис. — Цхинвали, 1982.
- Колобова К.М.** К вопросу о метеках эллинистического Родоса // ВДИ. — Москва, 1966. — № 1.
- Колосовская Ю.К.** Агафирсы и их место в истории племен Юго-Восточной Европы // ВДИ. — Москва, 1982. — № 4.
- Костенко В.И.** Сарматы в низовьях Днепра в первые века н.э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1990.
- Коцевалов А.С. Рец.:** Жебелев С.А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // Наукові записки Ін-ту історії матеріальної культури. — Київ, 1937. — Т.1.
- Коцевалов А.С.** Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании. — Мюнхен, 1955.
- Кошеленко Г.А.** Древнегреческий полис // Античная Греция. — Москва, 1983.
- Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.** Греческая колонизация Боспора: (В связи с некото-

- рыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. — Москва, 1992.
- Крапивина В.В.** Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. — Киев, 1993.
- Кравівіна В.В.** Про етнічний склад населення Ольвії в перші століття нової ери // Археологія. — Київ, 1994. — № 2.
- Крыжицкий С.Д.** Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. — Киев, 1985.
- Крыжицкий С.Д.** Боспор Киммерийский // Археология Украинской ССР. — Киев, 1986. — Т.2.
- Крыжицкий С.Д.** Архитектура античных государств Северного Причерноморья. — Киев, 1993.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.** Сельская округа Ольвии. — Киев, 1989.
- Крижицкий С.Д., Кравівіна В.В., Лейпунська Н.О.** Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. — Київ, 1994. — № 2.
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А.** Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. — Киев, 1999.
- Крюгер О.О.** Надгробие Леокса, сына Молпагора // ИРАИМК. — Петроград, 1921. — Т.1.
- Крюгер О.О.** Эпиграфические мелочи // ИРАИМК. — Ленинград, 1925. — Т. IV.
- Кузнецова Т.М.** Анахарсис и Скил // КСИА. — Москва, 1984. — № 178.
- Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.** Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий. — Москва, 1984.
- Куклина И.В.** *Ἀβιοι* в античной литературной традиции // ВДИ. — Москва, 1969. — № 3.
- Куклина И.В.** Анахарсис // ВДИ. — Москва, 1971. — № 3.
- Кулатова Г.М., Супруненко О.Б.** Охоронні дослідження на Перещепинському курганному некрополі у Більську 2001 року // Археологічні дослідження в Україні 2000–2001 рр. — Київ, 2002.
- Кутайсов В.А.** Античный город Керкинитида. — Киев, 1990.

Л

- Ланцов С.Б.** Западный Крым в составе Херсонесского государства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1991.
- Латышев В.В.** Исследования об истории и государственном строе Ольвии. — Санкт-Петербург, 1887.
- Латышев В.В.** Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. — Санкт-Петербург, 1893–1906. — Т. I–II.
- Латышев В.В.** ПОНТИКА. — Санкт-Петербург, 1909.
- Латышев В.В.** Гражданская присяга херсонессцев // ПОНТИКА. — Санкт-Петербург, 1909.
- Латышев В.В.** Заметки по греческой эпиграфике // ИРАИМК. — Петроград, 1922. — Т.2.
- Лейпунська Н.О.** Новый напис з Ольвії // Археологія. — Київ, 1990. — № 3.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.** Сиракский союз племен и Боспор // Скифия и Боспор. — Санкт-Петербург, 1989.

Литвиненко Ю.Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. (к вопросу о контактах) // ВДИ. — Москва, 1991. — № 1.

Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. — Тбилиси, 1979.

Лопухова О.Б. Делос во II в. до н.э. // Эллинизм: экономика, политика, культура. — Москва, 1990. — Т.1.

Лосев А.Ф. Диоген Лаэртский и его метод // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — Москва, 1979.

Лубченков Ю.Н., Романов В.И. Женщина и власть: О Клеопатре и Мессалине, Агриппине Младшей, Помпее Сабине. — Белгород, 1990.

Лурье С.Я. Культ Матери и Девы в Боспорском царстве // ВДИ. — Москва, 1948. — № 3.

М

Максимова М.А. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. — Москва-Ленинград, 1956.

Максимова М.А., Наливкина М.М. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья. — Москва-Ленинград, 1955.

Марти Ю.Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. — Ленинград, 1935. — № 104.

Марченко К.К. К вопросу о так называемом предместве Ольвии // ВДИ. — Москва, 1982. — № 3.

Марченко К.К. Еще раз к вопросу о каллипидах // СА. — Москва, 1983. — № 1.

Марченко К.К. Ойкеты декрета в честь Протогена (IOSPE. I². 32): К вопросу о зависимом населении Ольвии эллинистического времени // Причерноморье в эпоху эллинизма. — Тбилиси, 1985.

Марченко К.К. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья в VII-I вв. до н.э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Ленинград, 1991.

Марченко К.К. К вопросу о протекторате скифов в Северо-Западном Причерноморье V в. до н.э. // ПАВ. — Санкт-Петербург, 1993. — № 7.

Марченко Л.В. Топография и планировка Херсонесского городища // Херсонесский сборник. — Севастополь, 1997. — Вып. III.

Масленников А.А. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Москва, 1993.

Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. — Москва, 1998.

Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднестровье // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Ленинград, 1971. — Вып. 13.

Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. — Москва, 1979.

Мелюкова А.И. Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. — Тбилиси, 1988.

Мещеряков В.Ф. О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Актуальные про-

блемы изучения истории, религии и атеизма. — Ленинград, 1979.

Михайлова Э.Н., Чанышева А.Н. Ионийская философия. — Москва, 1966.

Мозолевский Б.М. Товста Могила. — Київ, 1979.

Молев Е.А. Митридат Евпатор. — Саратов, 1976.

Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. — Нижний Новгород, 1994.

Мурзин В.Ю. Скифская архайка Северного Причерноморья. — Киев, 1984.

Мурзин В.Ю. Формирование скифской государственности // Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В. Формирование раннеклассового общества на территории Украины. — Препр. — Киев, 1989.

Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. — Киев, 1990.

Н

Нахов И.М. Философия киников. — Москва, 1984.

Нахов И.М. Очерк истории кинической философии // Антология кинизма. — Москва, 1984 а.

Немировский А.И. Митридат Евпатор, Боспор и восстание скифов // Византиноведческие этюды. — Тбилиси, 1978.

Немировский А.И. Рождение Клио: У истоков исторической мысли. — Воронеж, 1986.

Николаенко Г.М. Организация хоры Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове // Причерноморье в эпоху эллинизма. — Тбилиси, 1983.

О

Ольховский В.С. Про дискусійні питання соціально-політичної історії пізньоскіфського царства // Археологія. — Київ, 1992. — № 2.

Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI — V вв. до н.э. — Киев, 1990.

П

Павленков В.И. Царь Атей в свидетельстве Страбона // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье, 1999.

Павленко Ю.В. Передісторія давніх русів у світовому контексті. — Київ, 1994.

Пальцева Л.А. Культ Девы в Херсонесе // Из истории античного общества. — Горький, 1979.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. — Киев, 1974.

Парфенов В.Н. Динамия, царица Боспора. Несколько штрихов к политическому портрету // Боспор и античный мир. — Нижний Новгород, 1997.

Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. — Москва, 1961. — № 96.

Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. — Москва, 1985.

Полин С.В. О сарматском завоевании Северного Причерноморья и современное состояние проблемы // Скифия и Боспор. — Новочеркасск, 1989.

Полин С.В. От Скифии к Сарматии. — Киев, 1992.

Пуздровський О.Є. Сарматы в Неаполі Скіфському // Археологія. — Київ, 1989. — № 3.
Пуздровський О.Є. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н.е. — першій половині III ст. н.е. // Археологія. — Київ, 1992. — № 2.

Р

Раевский Д.С. Скифы и сарматы в Неаполе // Проблемы скифской археологии. — Москва, 1971.
Рогалски А. К вопросу о монетах скифского царя Атея // Нумизматика и сфрагистика. — Киев, 1974.
Рогов Е.А. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum Plus. — Кишинев-Одесса-Санкт-Петербург, 1999. — № 3.
Розанова Н.П. Посвятительная надпись Санергу и Астаре // ВДИ. — Москва, 1949. — № 2.
Розанова Н.П. Монеты царя Фарзоя // МИА. — Москва-Ленинград, 1956. — № 50.
Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды Московского археологического общества. — Москва, 1916. — Т. XXV.
Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора // Сб. в честь Бузескула. — Харьков, 1914а.
Ростовцев М.И. Сирикс — историк Херсонеса Таврического // Журнал Министерства народного просвещения. — Петроград, 1915. — Апрель. — № 4.
Ростовцев М.И. Медь Динамии и Аспурга // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — Симферополь, 1918. — № 54.
Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. — Петроград, 1918.
Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. — Ленинград, 1925.
Ростовцев М.И. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. — Москва, 1989. — № 2.
Ростовцев М.И. Сарматы // ΣΚΥΘΙΚΑ. — Санкт-Петербург, 1993.
Рубан В.В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV-III вв. до н.э. // ВДИ. — Москва, 1985. — № 1.
Русяева А.С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII-V ст. до н.е. // Археологія. — Київ, 1979. — № 30.
Русяева А.С. Искусство // Археология Украинской ССР. — Киев, 1986. — Т.2.
Русяева А.С. Милет-Дидимы — Борисфен-Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. — Москва, 1986а. — № 2.
Русяева А.С. Скульптура // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. — Киев, 1987.
Русяева А.С. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. — Киев, 1987 а.
Русяева А.С. До історії взаємовідносин Ольвії з сарматами // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доп. — Одеса, 1989.
Русяева А.С. Каллисфен, сын Каллисфена из Ольвии // Древнее Причерноморье. Тез. докл. — Одесса, 1991.

Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. — Киев, 1992.
Русяева А.С. Протоген Ольвийский // Археологія. — Київ, 1993. — № 2.
Русяева А.С. До питання про подорож Геродота в Скіфію // Археологія. — Київ, 1993 а. — № 4.
Русяева А.С. Ольвійська демократія // Археологія. — Київ, 1994. — № 2.
Русяева А.С. Ольвійсько-сарматські відносини у другій половині I ст. н.е. // Археологія. — Київ, 1995. — № 4.
Русяева А.С. Религиозный аспект исторической новеллы о Гикии Константина Порфирородного // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. — Санкт-Петербург, 1997.
Русяева А.С. Эпифании и знамения Партенос в Херсонесе Таврическом // Херсонес в античном мире: Историко-археологический аспект. Тез. докл. — Севастополь, 1997 а.
Русяева А.С. Культ Аполлона Иетроса в Северо-Западном Причерноморье // Боговете на Понта. — Варна, 1998.
Русяева А.С. К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. — Москва, 1998 а. — № 1.
Русяева А.С. Боспорська держава у IV-I ст. до н.е. // Давня історія України. — Київ, 1998 б. — Т.2.
Русяева А.С. Про дати життя Анахарсіса і вік мудреців // Музейні читання. — Київ, 1998в.
Русяева А.С. Проникновение эллинов на территорию Украинской Лесостепи в архаическое время (к постановке проблемы) // ВДИ. — Москва, 1999. — № 4.
Русяева А.С. Славетний мудрець — скіф Анахарсіс. — Київ, 2001.
Русяева А.С., Виноградов Ю.Г. Лист жерця з Гілеї // Золото Степу. — Шлезвіг, 1991.
Русяева А.С., Скржинская М.В. Ольвийский полис и каллипыды // ВДИ. — Москва, 1979. — № 4.
Русяева А.С., Кравівіна В.В. До історії Ольвії IV-I ст. до н.е. // Археологія. — Київ, 1992. — № 4.
Русяева А.С., Зубарь В.М. Боспор Киммерийский: история и культура. — Николаев, 1998.
Русяева А., Русяева М. Верховная богиня античной Таврики. — Киев, 1999.
Русяева М.В. Елліно-скіфське мистецтво IV ст. до н.е.: Автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства. — Київ, 1998.

С

Самохина Г.С. Афины и ранние Антигониды (к вопросу об эволюции культа правителя в раннеэллинистический период) // Античная гражданская община. — Ленинград, 1986.
Сапрыкин С.Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве в VI-IV вв. до н.э. // Из истории античного общества. — Горький, 1983.
Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. — Москва, 1985. — № 2.
Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. — Москва, 1986.
Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии) // СА. — Москва, 1987. — № 1.

Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. — Москва, 1990. — № 3.

Сапрыкин С.Ю. Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // Женщина в античном мире. — Москва, 1995.

Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. — Москва, 1996.

Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI-IV вв. до н.э. — Киев, 1980.

Семь мудрецов древности. — Москва, 2001.

Сидоренко В.А. Фрагмент декрета раннеримского времени из раскопок под Мангутом // Тез. докл. Крымской научной конф. «Проблемы античной культуры». — Симферополь, 1988.

Симоненко А.В. Сарматские памятники Таврики // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1990.

Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? // ВДИ. — Москва, 1992. — № 3.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. — Киев, 1993.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. — Киев, 1989.

Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. — Киев, 1977.

Скржинская М.В. Скифские сюжеты в исторических преданиях ольвиополитов // ВДИ. — Москва, 1982. — № 4.

Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. — Киев, 1991.

Скорый С.А. Курган Переп'ятиха. — Київ, 1990.

Славин Л.М. Периодизация исторического развития Ольвии // Проблемы истории Северного Причерноморья. — Москва, 1959.

Славин Л.М. Здесь был город Ольвия. — Киев, 1967.

Славин Л.М. Мистецтво // Археологія УРСР. — Киев, 1971. — Т. 2.

Смирнов К.Ф. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // Античные государства и варварский мир. — Орджоникидзе, 1981.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — Москва, 1984.

Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Ленинград, 1983. — № 23.

Смолин В.Ф. Главная династия скифских царей по Геродоту // Гермес. — Петроград, 1915. — № 17.

Снытко И.А. О памятниках хоры Ольвии позднеллинистического времени (К вопросу проблемы кризиса полиса) // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. — Севастополь, 1997.

Соколов Г.И. Античное Причерноморье. — Ленинград, 1973.

Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. — Москва, 1975. — № 143.

Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // Нумизматика и эпиграфика. — Москва, 1962. — Т. 3.

Соломоник Э.И. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. — Москва, 1984. — № 3.

Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. — Симферополь, 1990.

Сопова Н.К. Правление Аспурга на Боспоре в освещении русской (дореволюционной) и советской историографии // Вопросы истории и археологии Боспора. — Воронеж-Белгород, 1991.

Спиридонов Д. Уроженцы северного побережья Черного моря в истории древнегреческой мысли // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — Симферополь, 1918. — № 54.

Струве В.В. Восстание Савмака // ВДИ. — Москва, 1950. — № 3.

Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. — Ленинград, 1968.

Супруненко О.Б. Археологія в діяльності першого приватного музею України (Лубенський музей К.М.Скаржинської). — Київ-Полтава, 2000.

Т

Таранов П.С. 120 философов. Жизнь, судьба, учение. — Симферополь, 1997. — Т.1.

Тахтаджан С.А. ΑΜΑΧΟΙ ΣΚΥΘΑΙ Геродота // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. — Санкт-Петербург, 1992.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. — Киев, 1988.

Тодуа Т.Т. Колхида в составе Понтийского Царства. — Тбилиси, 1990.

Толстиков В.П. Фанталівський укріплений район в історії Боспорського царства // Археологія. — Київ, 1989. — № 1.

Толстиков В.П. Пантикапей — столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. — Москва, 1992.

Толстой И.И. Остров Белый и Таврика в Понте Евксинском. — Петроград, 1918.

Тохтасьев С.Р. Боспорская легенда об Афродите Апатуре // ВДИ. — Москва, 1983. — № 2.

Тохтасьев С.Р. Вотив царицы Комосарии // ПАВ. — Санкт-Петербург, 1994. — № 8.

Трейстер М.Ю. Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. — Москва, 1985. — № 1.

Трейстер М.Ю. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // Херсонесский сборник. — Севастополь, 1999. — Вып. X.

Трофимова М.К. Из истории эллинистической экономики (к вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н.э. // ВДИ. — Москва, 1961. — № 2.

Трофимова М.К. Из истории эллинистического пиратства // ВДИ. — Москва, 1963. — № 4.

Тюменев А.И. Херсонесские этюды // ВДИ. — Москва, 1938. — № 2.

У

Устинова В.А. К вопросу о присоединении Синдикы к Боспорскому государству // ВДИ. — Москва, 1966. — № 4.

Устинова В.О. Аспург та аспургіани // Вісник Харківського університету. — Харків, 1969. — № 35. — Вип. 3. — Істор. серія.
Утченко С.Л. Политические учения древне-го Рима. — Москва, 1977.

Ф

Фармаковский Б.В. Памятники античной культуры, найденные в России. Мраморная стела Херсонского музея из Ольвии // ИАК. — Петроград, 1915. — Вып. 58.
Фармаковский Б.В. Отчет о раскопках в Ольвии в 1925 г. // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. — Ленинград, 1926. — Вып. I.
Фармаковский Б.В. Боспорські Спартокіди в атенському різьбярстві // Ювілейний збірник на пошану академіка Д.І.Багалія. — Київ, 1927.
Фол Ал. Политическа история на Траките. — София, 1972.
Фол Ал. Проблемы письменных источников о V в. до н.э. // Studia Thracica. — Sofia, 1975. — Т. I.
Фрагменты ранних греческих философов. — Москва, 1989. — Ч. I.
Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ. — Ленинград, 1986.
Фролов Э.Д. Скифы в Афинах // ВДИ. — Москва, 1998. — № 1.
Фролова Н.А. Монеты скифского царя Скилура // СА. — Москва, 1964. — № 1.
Фролова Н.А. О времени правления Гепеирии и Митридата III // ВДИ. — Москва, 1977. — № 3.
Фролова Н.А. О времени правления Динамии // СА. — Москва, 1978. — № 2.
Фролова Н.А. К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ. — Москва, 1979. — № 1.
Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. — IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. — Москва, 1992.

Х

Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. — Москва, 1967

Ч

Черненко Е.В. О влиянии военного дела скифов на военное дело античных колоний Северного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. — Тбилиси, 1979.
Черненко Е.В. Скифские лучники. — Киев, 1981.
Черненко Е.В. Битва Атея и Филиппа Македонского // Проблеми історії та археології давнього населення УРСР. Тези доп. — Київ, 1989.
Черненко Е.В. Легенда о царе Атее // Киммерийцы и скифы. — Тез. докл. Всесоюз. семинар, посвящ. памяти А.И.Тереножкина. — Кировоград, 1987.

Ш

Шауб И.Ю. Образ Горгоны в Северном Причерноморье // Древние культы и архео-

логические изыскания. — Санкт-Петербург, 1991.

Шевченко И.И. Сарматы в Восточном Приазовье (I в. до н.э. — II в. н.э.) // Кочевники Евразийских степей и античный мир. — Новочеркасск, 1989.

Шелов Д.Б. Феодосия, Гераклея, Спартокиды // ВДИ. — Москва, 1950. — № 3.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. — Москва, 1956.

Шелов Д.Б. Денежная реформа Левкона II // Нумизматика и эпиграфика. — Москва, 1960. — Т. 2.

Шелов Д.Б. Царь Атей // Нумизматика и сфрагистика. — Киев, 1965. — Вип. 2.

Шелов Д.Б. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира // Проблемы скифской археологии. — Москва, 1971.

Шелов Д.Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. — Москва, 1975.

Шелов Д.Б. История античных государств Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья. — Москва, 1984.

Шелов Д.Б. Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. — Москва, 1986. — № 1.

Шелов-Коведяев Ф.В. О периоде «протоэллинизма» на греческой периферии (на примере Боспора) // Причерноморье в эпоху эллинизма. — Тбилиси, 1983.

Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. — Москва, 1985.

Шульц П.Н. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака // КСИИМК. — Москва-Ленинград, 1946. — Вып. XII.

Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. — Москва, 1953.

Шульц П.Н. Исследования Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. — Симферополь, 1957.

Шульц П.Н. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. Труды конф. по изучению проблем античности. — Москва, 1967.

Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // МИА. — Москва, 1971. — № 177.

Шульц П.Н., Головкина В.А. Неаполь Скифский // По следам исчезнувших культур. — Москва, 1951.

Шульц П.Н., Зубарь В.М. Памятники позднескифской культуры в Крыму // Археология Украинской ССР. — Киев, 1986. — Т. 2.

Шургая И.Г. Импорт Александрии в Северном Причерноморье // ВДИ. — Москва, 1965. — № 4.

Щ

Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Ленинград, 1978.

Щеглов А.Н. Еще раз о причине денежного кризиса III в. до н.э. в античных центрах Северного Причерноморья // Древнейшее Причерноморье. Тез. докл. — Одесса, 1989.

Шукин М.Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // Сборник Государственного Эрмитажа. — Ленинград, 1982. — № 47.

Шукин М.Б. О галатах и дате декрета Протогена // Скифия и Боспор. Археологичес-

кие материалы к конф. памяти акад. М.И.Ростовцева. — Новочеркасск, 1989.

Шукин М.Б. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники евразийских степей и античный мир. — Новочеркасск, 1989 а.

Э

Эллинские поэты. — Москва, 1963.

Я

Яйленко В.П. Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. — Москва, 1985.

Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. — Москва, 1987.

Яйленко В.П. Локализация и происхождение каллиподов-миксэллинов // Проблемы истории та археології давнього населення

УРСР. Тези доп. — Київ, 1989.

Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. — Москва, 1990.

Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. — Москва, 1990 а.

Яйленко В.П. Женщина, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. — Москва, 1995.

Яценко И.В. Тарелка царицы Гипепирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. — Москва, 1962.

Яценко И.В. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н.э. // ПАВ. — Санкт-Петербург, 1993. — № 3.

Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV в. до н.э. (локализация и политическая история) // ПАВ. — Санкт-Петербург, 1993 а. — № 6.

А

Akurgal E. Zwei Grabsteine vorklassischer Zeit aus Sinope // 111 Berliner Winkelmannprogramm. — 1955. — 27. — № 17.

Alföldy G. Römische Statuen in Venetia et Histria. Epigrafische Quellen. — Heidelberg, 1984.

Alexandrescu P. Ataias // Studii clasice. — 1967. — № 9.

Alexandrescu P. Histria in archaischer Zeit // Xenia. — Konstanz, 1990.

Altheim A. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. — Halle, 1947. — Bd. I.

Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. — Göttingen, 1921.

Anderson J.G.C. The eastern Frontier under Augustus // Cambridge Ancient History. — Cambridge, 1934. — Vol. X.

Anochin V.A., Rolle R. Griechische Schleuderbleie bei den Mauern von Olbia // Veröff. Joachim Jungius. Ges. Wiss. — Hamburg, 1998. — № 8.

Armstrong C., Mac A. Anacharsis the Scythian // Greece and Rome. — 1948. — Vol. XVII.

Avram A. Die histrianische Territorium in griechisch-römischer Zeit // Xenia. — 1990. — 25.

В

Blinkenberg Ch. La chronique du temple Lindien. Explor. arch. de Rhodos. Fondation Calsberg VII // Oversigt over den Kgl. Danske Videnskabernes Selskabs Forhandlinger. — 1912. — № 5-6.

Bothmer D. Amasians in Greek Art. — Oxford, 1957.

Bravo B. Reformy polityczne Solona a struktura wspólnoty obywateli ateńskich w okresie archaicznym // Przegląd historyczny. — 1996. — T. LXXXVII, zes. 2.

Burkert W. Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. — Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1977.

Burstein S.M. Out post of Hellenism. The Emergence of Heraklea on the Black Sea. — Berkeley, Los-Angeles, London, 1976.

Buschor E., Hamann R. Die Skulpturen des Zeustempels zu Olympia. — Berlin, 1924.

С

Casson L. Ancient Trade and Society. — Detroit, 1984.

Clairmont Ch. W. Grabestone und Epigramm. — Mainz, 1970.

Colli G. La Sapienza greca. — Milano, 1977. — Vol. 1.

Conze A. Die attischen Grabreliefs. — Berlin, 1893. — Bd. 1-3.

Д

Defradas J. Les themes de la propagande delphique. — Paris, 1954.

Diehl E. Saumakos // RE. — 1935. — Bd. VI.

Diepolder H. Die attischen Grabreliefs. — Berlin, 1931.

Donlan W. Changes and Shifts in the Meaning of Demos in the Literature of the Archaic Period // Parola del Passato. — 1970. — № 25.

Durrbach F. Choix d'inscriptions de Delos. — Paris, 1921. — Vol. I.

Е

Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Couv. Cherson (Süd. Russland) // Prähistorische Zeitschrift. — Leipzig, 1913. — Bd. 5.

Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. — Frankfurt am Main, New York, 1983.

Ehrenberg V. Der Gesetzgeber von Sparta. — Reichenberg, 1927.

Ellis J.R. Philipp II and Macedonian Imperialism. — London, New York, 1976.

F

- Flaceliere R.** Les Aitolien a Delphes. — Paris, 1937.
Funck B. Das Bosporanische Reich und Rom zur Zeit des Kaisers Augustus // Altertum. — 1986. — Bd. 32. — H.1.

G

- Gajdukevič V.F.** Das Bosporanische Reich. — Berlin, 1971.
Gardner J. Women in Roman Law and Society. — Bloomington, 1986.
Garnett R. The Story of Gycia // Englih. Histor. Rev. — N.Y. and Bombay, 1897. — Vol. XII.
Gauthier Pl. Les cites grecques et leurs bien-paiteurs (IV-e — I-er S. avant J.C.). — Paris, 1985.
Gerlack J. Aner Agathos. — München, 1932.
Guarducci M. Epigrafia greca. — Roma, 1969. — Vol. II.
Gutschmid A. von. Die Skythen // Kleine Schriften. — Leipzig, 1892. — Bd.III.
Günther W. Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit // Istanbuler Mitteilungen. — Tübingen, 1971. — Beiheft 4.

H

- Hansen A.** Ost-Europa nach Herodot mit Ergänzungen aus Hippocrates. — Dorpat, 1844.
Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians. — Szeged, 1970.
Hatzopoulos M.B. Le Pont Euxin et le monde mediterrannien // Acta Centri Historiae Terra antiqua Balkanika. — Trinovi, 1987.
Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr. — Wiesbaden, 1972.
Heinze R. Anacharsis // Philologus. — London, 1891.

I

- Iliescu V.** Die Beziehungen zwischen dem Scythekönig Ateas und den griechischen Städten der Westlichen Schwarzmeerküste // Actes du premier Congres international des Etüdes Balkaniques et Süd-Est Europennes. — Sofia, 1969. — II.
Iliescu V. Aussenpolitische Krise der hellenischen Poleis Kleinscythens im 4. Th. V.U.Z. // Hellenische Poleis. — 1974. — Bd. 2.
Iliescu V. The Scythians in Doderudja and their Relations with the native Population // Relations between the autochthonous Populations. — Bucuresti, 1975.

J

- Jeffery L.H.** The Local Scripts of archaic Greece. — Oxford, 1961.
Jeffery L.H. Archaic Greece. — New York, 1976.
Joune A. The Greek City from Alexander to Justinian. — Oxford, 1940.

K

- Kindstrand J.F.** Anacharsis. The Legend und Apophtegmat. — Stockholm, 1981.
Kirk G.S., Raven J., Schofield M. The Presocratic Philosophers. — Cambridge, 1983.
Köchler H. Dissertation sur le monument de la reine Comasarye. — Санкт-Петербург, 1805.
Köchler H.K.E. Zwei Aufschrichten der Stadt Olbia. — Petrop., 1822.

- Koeppen P.** Alterthümer am Nordgestade des Pontus. — Vindob., 1823.
Kienast D. Augustus: Prinzeps und Monarch. 2. Aufl. — Darmstadt, 1992.

L

- Lacroix M.** Une famille de Delos // Revue des etudes grecques. — 1916. — Vol. XXIX.
Lang A. Myth, ritual and religion. — London, 1913. — Vol. 1-2.
Langlotz E. Frühgriechische Bildhauerschulen. — Neurnberg, 1927.
Levy E. Naissance du concept de barbare // Ktema. — 1984. — № 9.
Lippold G. Die griechische Plastik. — Berlin, 1950.
Luck G. Arcana mundi: Magic and the occult in the Greek and Roman World. — London, 1987.
Lurie S.J. Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa // Meander, 1959. — № 2.

M

- Macurdy G.** Vassal-Queens and Some Contemporary Women in the Roman Empire. — Baltimore, 1937.
Mansfeld M. Die Vorsokratiker. — Stuttgart, 1986.
Marcenko K., Vinogradov Ju. The Scythian Period in the Northern Black Sea Region (750-250 B.C.) // Antiquity. — 1989. — 63. — № 241.
Meuli K. Scythica // Hermes. — 1935. — № 70.
Minns E.H. Scythians and Greeks. — Cambridge, 1913.
Mommsen Th. Römische Geschichte. — Berlin, 1885. — Bd. V.

N

- Nachtergaele G.** Les Galates en Grece et les Soteria de Delphes // Recherches d`histoire et d`épigraphie hellenistique. — Brussel, 1977.
Nestle W. Vom Mythos zum Logos. — Stuttgart, 1942.

O

- Oliver J.H.** Demokratia, the Gods and the Free World. — Baltimore, 1960.
Osborne R. Demos: The Discovery of Classical Attica. — Cambridge, 1985.
Olshausen E. Pontos und Rom (63 v. Ch. — 64 n. Ch.) // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. — Berlin, 1980. — Bd. II.

Π

- ΠΑΠΑΓΕΩΡΓΙΥ Π. ΤΟ ΤΕΙΧΟΜΟΡΦΟ ΣΤΕΜΜΑ ΣΤΗΝ ΤΕΧΝΗ ΤΗΣ ΜΕΣΗΣ ΑΝΑΤΟΛΗΣ ΚΑΙ ΑΡΧΑΙΑΣ ΕΛΛΑΔΑΣ ΕΩΣ ΤΟ ΤΕΛΟΣ ΤΗΣ ΕΛΛΗΝΙΣΤΙΚΗΣ. — ΦΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ, 1997.

P

- Parfenov V.H.** Dynamis, Agrippa und der Friedensaltar. Zum militärischen und politischen Geschichte des Bosporanischen Reiches nach Asandros // Historia. — 1996. — Bd. 5.1.
Parlaska K. Das sog. Porträt Königin Dynamis in der Ermitage // Проблемы античной истории и культуры. — Ереван, 1979. — Т.2.
Peek W. Griechische Versinschriften. Grab-Epigramme. — Berlin, 1955.
Peek W. Griechische Grabgedichte // Schriften und Quellen der alten Welt. — Berlin, 1960.

Pfuhl E., Möbius H. Die ostgriechischen Grabreliefs. — Mainz, 1977.

R

Raaflaub K. Die Entdeckung der Freiheit. — München, 1985.

Rawlinson G. The History of Herodotus. — London, 1858-1859. — Vol. I-III.

Rehm A. Didyma. — Berlin, 1958. — Bd. 2.

Reinach Th. Mithridate Eupator roi de Pont. — Paris, 1890.

Reuters F. Die Briefe des Anacharsis. — Berlin, 1963.

Robert L. Hellenica. — Paris, 1940. — Vol. 1.

Robert J. et L. Bulletin epigraphique // Revue des etudes grecques. — Paris, 1965.

Robert J. et L. Bulletin epigraphique // Revue des etudes grecques. — Paris, 1984.

Roberts C.H. Catalogue the Greek and Latin Papyri in the John Rylands Librari. — Manchester, 1938. — Vol. III.

Roscher W.H. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. — Leipzig, 1884-1890. — Bd. 1.

Rolle R. Oiorpata // Materialhefte zur Ur- und Frühgeschichte Niedersachsens. Beiträge zur Archäologie Nordwest Deutschlands und Mitteleuropas. — 1980.

Rose Ch. «Princes» and Barbarians on the Ara Pacis // AJA. — 1990. — Vol. 94. — 3.

Rostovzeff M. Queen Dynamis of Bosphorus // JHS. — 1919. — Vol. 39.

Rostovzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. — Oxford, 1922.

Rostovzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. — Oxford, 1941.

Robinson Z.W. Saumakos: Ancient History, Modern Politics // Historia. — 1980. — 29.

Ruschenbusch E. Solonos Nomoi: Die Fragmente des solonischen Gesetzweskes. — Wiesbaden, 1966.

Rusjaeva A.S., Vinogradov Ju.G. Apollon Iet-ros, Herrscher von Istros, in Olbia // Civilisation grecque et cultures antiques peripheriques. — Bucarest, 2000.

S

Saprykin S. Ancient Farms and Land-Plots on the khora of Khersonesos Taurike. Research the Herakleian Peninsula 1974-1990. — Amsterdam, 1994.

Scharbonneaux J., Willard F. Grece classique. — Paris, 1968.

Schmid W. Anacharsis // Realencyclopaedie der classischen Altertumwissenschaft. — 1905.

Schuller W. Frauen in der griechischen Geschichte. — Konstanz, 1985.

Schuller W. Frauen in der römischen Geschichte. — Konstanz, 1987.

Seltman Ch. Woen in Antiquity. — London, New York, 1956.

Seyrig H. Monnaies hellenistiques de Bizance et de Calcedoine // Essays in greek coinage presented to Stanley Robinson. — Oxford, 1968.

Siedentopf H. Das hellenistische Reiterdenkmal. — Waldassen, 1968.

Simon E. Die Götter der Griechen. — München, 1998.

Simpson C.J. The Cult of the Emperor Gaius // Latomus. — 1981. — Vol. 40. — Fasc.3.

Stefan A. Die Getreidekrisen in den Städten an den westlichen und nördlichen Küsten des Pontos Euxeinos in der hellenistischen Zeit // Hellenische Poleis. — Berlin, 1974.

Stein H. Dynamis // RE. — 1905. — Bd.10.

Sympotica. A Symposium on the Symposium. — Oxford, 1990.

T

The Greek City: From Homer to Alexander. — Oxford, 1990.

U

Ustinova Yu. The Supreme Gods of the Bosphoran Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. — Leiden, Boston, Köln, 1999.

V

Vial Cl. Delos indepedante // BCH. — 1984. — Suppl. 10.

Vinogradov Ju. G. Die Stele des Leoxos, Molpagores Sohn, aus Olbia und die skythisch-griechischen Beziehungen im frühen 5. Jh. V. Chr. // Archäologischer Anzeiger. — 1991.

Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. — Mainz am Rhein, 1997.

W

Wan der Waerden B.L. Die Pythagoreer: Religiöse Bruderschaft und Schule der Wissenschaft. — Zürich, München, 1979.

Werner R. Die Dynastie der Spartokiden // Historia. — 1955. — IV.

Will E. Histoire politique que du monde hellenistique (323-30 av. J.C.). — Nancy, 1966. — Vol.1.

Wüst F. R. Philipp II von Makedonien und Griechenland in den Jahren von 346-338 v. Chr. // Münchener Historische Abhandlungen. — 1938. — I. — Heft 14.

Z

Zinserling V. Die Frauen in Hellas und Rom. — Leipzig, 1972.

Список сокращений

ВДИ	— Вестник древней истории
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
КБН	— Корпус боспорских надписей
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НО	— Надписи Ольвии
ПАВ	— Петербургский археологический вестник
РА	— Российская археология
СА	— Советская археология
УІЖ	— Український історичний журнал
AJA	— American Journal of Archaeology
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique
CIG	— Corpus Inscriptionum Graecarum
CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum
IG	— Inscriptiones Graecae
IGBR	— G.Michailov. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae
IOSPE (IPE)	— B.Latyshev. Inscriptiones Antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
JHS	— Journal of Hellenistic Studies
RE	— Pauly's Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumwissenschaft
SEG	— Supplementum Epigraphicum Graecum
Syll.	— Sylloge Inscriptionum Graecarum

Именной указатель

- Абаб, сын Калисфена — 4, 214, 225-232, 286, 287
 Абарис — 14, 16, 17
 Абрамова М.П. — 153, 291
 Август — 224, 226, 227, 229-231, 261, 264-267, 286, 294, 296
 Автокл — 136
 Агар — 89, 129, 282
 Агасикл, сын Ктесия — 4, 135-137, 139, 140, 143, 144, 163, 164, 284
 Агеситим — 164
 Агоракрит — 98
 Агриппа — 220, 223, 235, 261, 264, 265, 267
 Агриппина (Младшая) — 295
 Агрот — 188, 189
 Адраст — 120
 Акия — 92, 259
 Акусилай Аргосский — 34
 Акусилах — 179
 Александр — 123, 263
 Александр Великий — 122
 Александр Македонский — 115, 120, 121, 127
 Алексеев А.Ю. — 15, 66, 78, 291
 Алексеева Е.М. — 169, 220, 251, 291
 Али В. — 16
 Алкатоя — 170, 175
 Алкей — 28, 293
 Алкман — 28
 Альтхайм Ф. — 43
 Амасис — 20
 Аминта — 101
 Аммиан Мерцеллин — 227
 Анаксимандр — 28
 Анахарсис — 4, 9, 16-40, 51, 63-65, 96, 98, 281, 282, 288, 294
 Анахита Астарта — 250
 Андреев Ю.В. — 8, 27, 39, 73, 185, 291
 Андрух С.И. — 15, 56, 57, 95, 98, 101, 104, 291
 Анохин В.А. — 51, 57, 59, 62, 63, 76, 84, 104, 105, 109, 110, 118, 136, 143, 147, 150, 168-175, 181, 197, 199, 216, 217, 219-221, 223-226, 231-233, 240, 243, 248, 255, 261, 264, 266, 269, 272, 275, 276, 291, 294
 Антестерий — 147, 151, 292
 Антигон — 93, 133
 Антигон Гонат — 125
 Антигониды — 296
 Антиопа — 42
 Антистасий — 259
 Антисфен — 33
 Антония Трифена — 221, 224, 297
 Анфимов Н.В. — 78, 291
 Апатурий — 160
 Аполлон — 8, 26, 27, 31, 32, 72, 73, 78, 79, 84, 85, 90, 91, 94, 137, 152, 165, 172-174, 188, 189, 244, 248, 254-257, 261, 292
 Аполлон Борей — 26
 Аполлон Гиперборейский — 17
 Аполлон Дельфиний — 47, 60, 110, 161, 189, 193
 Аполлон Дидимский — 231
 Аполлон Иетрос — 13, 14, 60, 79, 91, 121, 172, 173, 296
 Аполлон Феб — 77, 78, 251, 259
 Аполлонид — 196
 Аполлоний, сын Левкона I — 73, 85-87, 176
 Аполлоний, херсонесит — 147, 154, 158
 Апфа — 256
 Аргот — 51, 53, 65, 201, 206, 209, 257-260, 293
 Арес — 217, 222
 Арета — 112
 Ариапиф — 15, 51-57, 63, 65, 66
 Ариарат IV Каппадокийский — 179
 Арион — 28
 Аристагор Милетский — 38
 Аристагор, сын Апатурия — 160
 Аристей Проконнеский — 16
 Аристокрит — 109
 Аристократ — 156
 Аристотель — 35
 Аристофан — 80
 Арифарн — 128-130, 134, 293
 Арсак — 89
 Артаксий — 179
 Артамонов М.И. — 53, 291
 Артемида — 104, 105, 137, 152, 165, 198, 269, 272, 273
 Артемида Агротера — 251
 Артемида Сотейра — 272
 Артемида Эфесская — 91
 Артемидор Эфесский — 199
 Артимпаса — 249
 Археанактиды — 69-72, 79, 84
 Аршак — 262
 Асандр — 170, 215-220, 223-225, 261-265, 268, 270, 275, 276, 296
 Асандрох — 215-217
 Асклепий — 176
 Аспург — 4, 9, 214-225, 233, 234, 242, 243, 265, 267, 286, 291, 296-298
 Аспург Рескупорид — 224
 Аспургигане — 218, 296, 298
 Астара — 91, 249-252, 255, 296
 Астарта — 249, 250
 Атей — 4, 9, 80, 95-106, 197, 282, 283, 288, 291, 294-296, 298
 Аттал II — 255
 Афина — 42, 60, 92, 165, 170, 171, 173, 174, 176, 198, 255, 272
 Афина-Лейодота — 43
 Афина Линдия — 164, 188, 194
 Афина-Паллада — 6
 Афина Партенос — 254
 Афиней — 256
 Афродита — 92, 193, 250, 251, 253, 257, 299
 Афродита Апатура — 297
 Афродита Навархида — 264
 Афродита Понтия — 188
 Афродита Урания — 91, 94, 249-251, 257-259, 261, 267
 Афродита Эвплойя — 188, 189, 193
 Ахемениды — 213
 Ахилл — 8, 136, 181, 183-185, 188, 190, 192, 194, 201
 Ахилл Понтарх — 12
 Ашторет — 250
 Багалій Д.І. — 298
 Бертье-Делагард А.Л. — 169
 Беккер П. — 190
 Белецкий А.А. — 107
 Белов Г.Д. — 165, 269, 291
 Белова Н.С. — 258, 291

- Бессонова С.С. — 24, 291
 Бёк А. — 248
 Биант — 20, 27, 30-31
 Блаватская Т.В. — 65, 73, 76-78, 97, 101, 220, 221, 223, 291
 Блаватский В.Д. — 42, 46, 115, 128, 133, 223, 231, 291
 Бларамберг Н.П. — 190
 Богомолов А.С. — 32, 33, 291
 Божерянов И.Н. — 291
 Болтрик Ю. В. — 89, 95, 101, 103, 291
 Болтунова А.И. — 219, 221, 265, 266, 291
 Боннар А. — 21, 29, 291
 Борисов Б.В. — 107
 Брандис Т. — 206
 Брашинский И.Б. — 132, 138, 151, 291
 Бритова Н.Н. — 42, 291
 Буйских С.Б. — 48, 56, 61, 109, 117, 122, 138, 147, 151, 152, 291, 294
 Бузескул В. — 291, 296
 Бунятян Е.П. — 65, 294
 Бураков А.В. — 48, 56, 61, 109, 117, 122, 147, 151, 152, 294
 Бурачков И.О. — 170, 206
 Буребиста — 117, 153, 181, 213, 226, 241
 Буюклиев Х. — 238, 291
- Вакх — 63
 Ван дер Ванден Б.Л. — 28
 Вардиман Е. — 247, 291
 Васильев А.Н. — 251, 291
 Вахтина М.Ю. — 25, 291
 Вернер Р. — 170, 249
 Веспасиан — 235
 Виаль К. — 189
 Виноградов Ю.А. — 15, 70, 105, 144, 151, 292
 Виноградов Ю.Г. — 10, 15-17, 20-22, 26, 28, 30, 41-43, 46, 48, 49, 51-53, 56, 57, 59, 61-63, 65, 69, 76, 81, 107-111, 116-120, 124, 125, 136-140, 143, 144, 150, 151, 153-155, 160, 163, 167, 170, 172, 176, 179-183, 188-190, 193, 195-199, 205-207, 209, 215, 220, 221, 224, 229, 230, 233-235, 239, 240, 242, 243, 248, 249, 252, 258-260, 264, 292, 296
 Виппер Б.Р. — 49, 292
 Высотская Т.Н. — 190, 195, 199, 233, 292
- Габелко О.Л. — 252, 292
 Гаврилов А.К. — 202, 205-208, 292
 Гаврилов О.В. — 79, 292
 Гаврилюк Н.А. — 4
 Гайдукевич В.Ф. — 70-72, 75, 76, 81, 127, 169, 173, 203-205, 207, 213, 215, 216, 222-225, 250-252, 263, 266, 269, 292
 Гармодий — 109
 Гатал — 179, 182, 253, 254, 260
 Гвардуччи М. — 125
 Гекатей — 71, 77, 79
 Гекатеон, сын Гикесия — 107, 108
 Гелиос — 188, 195
 Гелланик — 154
 Гепепирия — 215, 221-225, 242, 298
 Геракл — 8, 14, 25, 30, 99, 104, 105, 143, 168, 169, 198, 224, 250, 251
 Гераклид, сын Парменонта — 4, 149, 162-164, 167, 168, 198, 206, 259, 284
 Герасимов Г. — 292
 Герасимов М.М. — 196
 Герей — 292
 Германик — 223
- Гермес — 143, 166, 197, 198, 230, 238, 243, 244, 297
 Гермипп — 21, 31
 Геродор — 156
 Геродот — 8, 15-17, 19-26, 29-31, 33, 36-39, 48-56, 62-65, 70, 96, 105, 106, 151, 197, 283, 293, 294, 296, 297
 Геросонт — 4, 149, 153
 Гесиод — 27, 29
 Гесихий Александрийский — 80
 Гигиенонт — 4, 149, 169-176, 284, 285
 Гигия — 176
 Гикесий, сын Гекатеона — 107, 108
 Гикия — 4, 217, 248, 269-278, 287, 296
 Гилон — 81
 Гней Корнелий — 261
 Гнур, сын Лика — 22-24, 26
 Гобрий — 19
 Голенко К.В. — 170
 Голосовкер Я.Э. — 292
 Голубцова Е.С. — 216, 292
 Гомер — 27, 29, 35, 165, 226, 293
 Гонат — 125
 Горгипп — 72, 77, 91, 92, 176, 249, 251, 253
 Горгона — 298
 Горемыкина В.И. — 216, 220, 292
 Горлов Ю.В. — 193, 292
 Граков Б.Н. — 101, 105, 169, 188, 248, 254-256, 296
 Грантовский Э.А. — 63, 292
 Грач Н.Л. — 167, 274, 275, 292
 Гребенников Ю.С. — 65, 293
 Гриневиц К.Э. — 52, 293
 Гутшмит А. — 16
- Давкет — 23
 Дамасий — 32
 Дарий — 19, 21, 47, 51, 56, 59, 60
 Дарий, сын Фарнака — 262
 Дашевская О.Д. — 188, 189, 293
 Дева — 295
 Деметра — 91, 110, 124, 125, 186, 194, 197, 269, 296
 Деметрий — 93, 133, 257
 Деметрий Полиоркет — 132, 164
 Деметрий Фалерский — 32
 Демосфен — 81-83, 89, 90, 92, 97, 101, 138
 Демофонт — 92
 Десятчиков Ю.М. — 128, 293
 Диамант Э.И. — 117, 122, 293
 Диль Э. — 252
 Димагет — 38
 Динамия — 4, 9, 215, 217-220, 223, 248, 261-268, 287, 295-298
 Диоген Лазертский — 19-21, 31, 34, 39, 293, 295
 Диоген, сын Диогена — 160
 Диодор Сицилийский — 19-21, 29, 30, 36, 79, 89, 127, 128, 130-133, 162
 Диомед — 230
 Дион Кассий — 261, 263-265
 Дион Хрисостом — 39, 187, 229, 235, 240, 242
 Дионис — 53, 62, 64, 72, 79, 85, 92, 94, 109, 133, 137, 139, 160, 173, 261, 266, 267, 292
 Дионис Арей — 91
 Дионис Вакх — 62, 64
 Дионисий Младший — 93
 Дионисий, сын Агрота — 188
 Дионисий, сын Дионисия — 188
 Дионисий, сын Посидея — 189

- Диоскуры — 176
 Диофант — 140, 164, 191, 196, 197, 202-210, 285
 Деркетто — 249
 Доватур А.И. — 51, 52, 55, 57, 293
 Доманский Я.В. — 61, 293
 Домбровский О.И. — 138, 293
 Драчук В.С. — 238, 293
 Дросанис — 79
 Дурис — 74
 Дьяков В.Н. — 266, 293
- Евдор — 161
 Евмел, сын Пересада I — 4, 89-91, 93, 127-135, 161, 166, 176, 208, 242, 282-284
 Евмолп — 173
 Евник, сын Евдора — 161
 Еврипид — 273
 Евресибиады — 111, 112, 124, 229
 Евресибий, сын Калисфена — 112, 229
 Евресибий, сын Сирикса — 4, 106-109, 111, 282
 Елагина Н.Г. — 53, 293
 Ельницкий Л.А. — 17, 293
 Емец И.А. — 293
 Ехидна — 14
- Жебелев С.А. — 81, 88, 120, 139, 190, 195, 202-207, 293, 294
 Ждановский А.М. — 237, 293
- Загинайло А.Г. — 51, 57, 293
 Заидар — 267, 268
 Зевс — 14, 107, 111, 112, 125, 244
 Зевс Атабирий — 188, 194
 Зевс Ольвий — 112
 Зевс Освободитель — 107
 Зевс Полиарх — 112
 Зевс Сотер — 118, 120, 123, 124, 126
 Зевс Спаситель — 119, 124
 Зевс Элевтерий — 106-108
 Зельин К.К. — 29, 293
 Зенон — 167
 Зиновий — 201
 Златковская Т.Д. — 65, 293
 Зограф А.Н. — 168, 169, 242, 293
 Золотарев М.И. — 138, 293
 Зопирион — 118, 120, 122, 123, 125, 126, 283
 Зорсан — 233
 Зорсин — 233, 234
 Зубарь В.М. — 4, 72, 136, 138, 182, 195, 213, 214, 231, 241, 269, 275, 276, 293, 296, 298
- Иванов В. — 293
 Иванова А.П. — 42, 43, 46, 249, 293
 Иванчик А.И. — 19, 293
 Идантирс, сын Савлия — 19, 21-23, 56, 65, 66, 101, 106, 283
 Идантиюр — 19
 Имгоф-Блумер Ф. — 170
 Иненсимей — 235
 Инисмей — 233, 234, 238-240, 243, 244, 297
 Ино — 72
 Ино-Левкотей — 72, 85
 Ильинская В.А. — 89, 101, 105, 293
 Исанф — 257, 260
 Исмений — 98
 Иштар — 250
- Кадеев В.И. — 275, 294
 Кадунд, сын Гнура — 23, 24
- Казакевич Э.Л. — 204-206, 294
 Калигула — 223, 224
 Каллиад, сын Каллиада — 160
 Каллиник, сын Евксена — 4, 118-120, 123-127, 136, 283, 284, 292
 Каллиник, сын Евмела — 126, 161
 Каллистов Д.П. — 51, 52, 55, 57, 98, 103, 104, 127, 204, 216, 223, 266, 293, 294
 Каллисфен — 4, 112, 214, 225-229, 232, 286
 Каллисфен, сын Каллисфена — 112, 229, 296
 Камасария — 4, 176, 206, 207, 209, 248, 249, 252-261, 287
 Карышковский П.О. — 51, 57, 59, 103, 110, 118-120, 124, 125, 147, 150, 153, 170, 181, 197, 198, 214, 232-234, 240, 242, 243, 292, 294
 Келер Г. — 149
 Кеппен П. — 149, 190
 Кибела — 168, 250
 Киндstrand Я.Ф. — 16, 17, 34
 Кир — 18
 Кирилл Александрийский — 33
 Клавдий Птолемей — 238
 Клеарх — 76
 Клейман И.Б. — 59, 214, 294
 Клеобул — 31
 Клеопатра — 295
 Климент Александрийский — 19, 32, 34, 98
 Клио — 295
 Книпович Т.Н. — 150, 294
 Кобылина М.М. — 42, 46, 64, 294
 Ковпаненко Г.Т. — 65, 294
 Козаев А.И. — 18, 294
 Колобова К.М. — 192, 294
 Колосовская Ю.К. — 24, 294
 Колтухов С.Г. — 190, 195
 Комосария — 91, 92, 249, 251-253, 293, 297
 Константин Александрийский — 19
 Константин Порфирородный — 269-271, 273, 274, 278, 296
 Кора — 186
 Костенко В.И. — 234, 294
 Котис — 73, 221, 222, 224, 225, 234, 241
 Котис I — 215, 237, 299
 Котис III — 221
 Котис IV — 224
 Коцевалов А.С. — 204, 206, 294
 Кошеленко Г.А. — 14, 28, 294
 Крапивина В.В. — 63, 107, 110, 112, 120, 197, 214, 226, 240, 292, 294, 296
 Крез — 17, 18, 20, 21, 29, 30, 36
 Крыжицкий С.Д. — 4, 48, 56, 59, 61, 63, 64, 109, 117, 120, 122, 147, 151, 152, 184, 185, 191, 197, 226, 294
 Крюгер О.О. — 41, 42, 46, 294
 Ксанф — 60
 Ксеноклид, сын Посия — 251
 Ксифодр — 19
 Кузнецов В.Д. — 28, 294
 Кузнецова Т.И. — 52, 294
 Кузнецова Т.М. — 16, 17, 20, 22, 51, 61, 65, 294
 Куклина И.В. — 16, 17, 20, 33, 51, 294
 Кулатова И.Н. — 26, 294
 Курций Руф — 121
 Кутайсов В.А. — 138, 294
- Лакруа М. — 189
 Лактанций — 32
 Ламах — 270, 275, 276

Приложение

- Ланцов С.Б. — 138, 294
 Лаодика Филадельфа — 259
 Латона — 165
 Латышев В.В. — 41, 46, 107, 120, 121, 136, 137, 150, 153, 156, 158-161, 173, 175, 181, 182, 188, 189, 195, 215, 221, 226, 229, 233, 252, 294
 Леви Е.Н. — 124
 Левканор — 89
 Левкон I — 4, 70-89, 91, 92, 94, 95, 110, 111, 123, 127, 134, 138, 171, 174-176, 208, 251, 282, 285, 291
 Левкон II — 74, 170-176, 298
 Левконида — 71, 85, 285
 Левкотея — 72
 Лейодота — 42
 Лейпунская Н.О. — 63, 160, 188, 197, 294
 Леократ, сын Гипократа — 107, 111
 Леократиды — 124
 Леокс, сын Мольпагора — 4, 9, 16, 40-43, 45, 47-50, 281, 282, 294
 Лептин — 81
 Ливия — 266, 267
 Лик — 22, 23, 26
 Ликург — 26, 37, 38
 Лимберис Н.Ю. — 234, 294
 Лисимах — 123, 132
 Литвиненко Ю.Н. — 167, 295
 Лобай Б.Н. — 233, 297
 Ломоури Н.Ю. — 205, 295
 Лопухова О.Б. — 193, 295
 Лосев А.Ф. — 20, 295
 Лубченков Ю.Н. — 247, 295
 Лукиан Самосатский — 21, 89, 95
 Лурье С.Я. — 204-207, 295
- Майер Ф. — 136
 Макробий — 119
 Максимова М.А. — 42, 46, 252, 295
 Марк Агриппа — 266
 Марк Антоний — 265
 Марк Красс — 261
 Марк Юстин — 96
 Марти Ю.Ю. — 92, 295
 Марченко И.И. — 234, 294
 Марченко К.К. — 15, 25, 48, 55, 56, 59, 61, 63, 70, 105, 150, 151, 292, 295
 Марченко Л.В. — 138, 144, 295
 Масленников А.А. — 95, 147, 148, 293, 295
 Матиан, сын Заидара — 267, 268
 Мачинский Д.А. — 153, 295
 Мегистид, сын Пантима — 160
 Мейли К. — 17
 Мелюкова А.И. — 14, 24, 25, 48, 52, 56, 57, 295
 Мемнон — 97
 Менестрат, сын Менестрата — 215-217, 222
 Мениск — 128
 Менчинская Т.В. — 10
 Метродор, сын Сатира — 72, 176, 249
 Мещеряков В.Ф. — 273, 295
 Мигакл — 72
 Миллер Т.А. — 52, 294
 Мимнерм — 28
 Миннз Э. — 136, 143, 170, 206, 269
 Мисон Хинейский — 31, 34
 Митра — 250
 Митридат — 191, 202, 203, 206, 207, 209, 210, 213, 221, 224, 225, 234, 237, 261, 263, 265
 Митридат Великий — 263
 Митридат Евпатор — 9, 164, 180, 199, 202, 206-208, 213, 215, 219, 225, 256, 266, 267, 286, 295, 299
 Митридат Пергамский — 215
 Митридат II — 215
 Митридат III — 223-225, 234, 235, 242, 298
 Митридат IV — 255, 259, 260
 Митридат IV Филадельф — 259
 Митридат IV Филопатор — 259
 Митридат V — 259
 Митридат VI Евпатор — 69, 170, 179, 191, 196, 199, 201, 205, 207, 209, 210, 213, 215-217, 228, 242, 248, 259, 261, 263, 275, 285, 286
 Митридатиды — 97, 180, 216, 217, 221, 228, 261, 265
 Михайлова Э.Н. — 295
 Мнасистрат — 125
 Мозолевский Б.Н. — 10, 70, 89, 295, 297
 Молев Е.А. — 169-173, 175, 180, 202, 204, 207, 248, 249, 254, 255, 259, 263, 295
 Мольпагор — 4, 16, 40, 41, 43, 47, 50, 281, 282
 Моммзен Т. — 269
 Мурзин В.Ю. — 14, 16, 18, 25, 48, 295
- Наливкина М.Н. — 42, 46, 295
 Нахов И.М. — 20, 35, 36, 295
 Немировский А.И. — 52, 205, 295
 Несс — 25
 Низе Б. — 206, 207
 Ника (Нике) — 173, 174, 216, 223, 224, 258
 Никерат, сын Папия — 4, 159, 161, 169, 180-188, 278, 285
 Никитский А.В. — 41
 Николаенко Г.М. — 138, 295
 Николай Дамасский — 33, 39
 Никосфен — 12
 Никофан, сын Адраста — 120
- Овидий — 173, 175, 295
 Октавиан — 226, 230, 265
 Октамасад — 15, 52, 55, 62, 64-66, 78, 101, 105
 Ольховский В.С. — 233, 295
 Ономарх — 100
 Опоия — 52, 53
 Орешников А.В. — 169
 Орик — 52, 53, 62, 66
 Оронт — 227, 228, 230, 232
 Оронтобат — 228
 Оронтопад — 19
 Оросий — 98
 Отрешко В.М. — 48, 56, 61, 109, 117, 122, 147, 151, 152, 294
 Охотников С.Б. — 59, 61, 147, 295
- Павленко Ю.В. — 16-18, 21, 101, 102, 105, 295
 Павленков В.И. — 101, 295
 Палак — 164, 191, 196, 199-201, 207, 298
 Пальцева Л.А. — 273, 295
 Пантелеонт — 264
 Пантим — 160
 Папий — 4, 112, 159, 161, 169, 180, 184, 188, 285
 Парович-Пешикан М. — 155, 159, 295
 Партенос — 143, 162-165, 167-169, 271-273, 278, 284, 296
 Парфенов В.Н. — 261, 264, 267, 295
 Периандр Коринфский — 27, 34

- Перикл — 27, 29, 33, 83, 106, 108
 Перисад — 73, 86-95, 102, 127-129, 133-135, 175, 176, 202, 209, 225, 248, 249, 251-253, 255-259, 282, 294
 Перисад I — 4, 70, 79, 85, 87, 88, 91, 95, 101, 105, 123, 127, 128, 133, 135, 175, 176, 249, 251, 253, 258, 282, 283
 Перисад II — 166, 167, 172, 254, 256, 257
 Перисад III — 248, 252, 255, 256, 258, 260
 Перисад IV — 175, 204, 209, 258-260
 Перисад V — 169, 170, 176, 198, 201, 203, 205, 207, 209, 260, 286
 Перисады — 173-176, 260
 Писистрат — 20
 Питтак — 20, 27, 30, 31
 Пифия — 184
 Пифодорида — 215, 217-219, 221, 224, 265, 266, 291, 297
 Пичикян И.Р. — 96, 138
 Платон — 23, 31, 33-35, 226
 Плейстарх — 156, 158
 Плиний Старший — 234-237, 297
 Плутарх — 30, 98, 199
 Плутон — 186
 Погребова Н.Н. — 196, 295
 Подосинов А.В. — 173, 295
 Полемон — 218, 219, 261, 264-268, 292
 Полемон I — 215, 217, 218, 221
 Полемон II — 215, 221, 224
 Полибий — 162, 180, 254
 Полидем — 111
 Поликрат — 111
 Полимед — 111
 Полимедон — 111
 Полин С.В. — 148, 153, 295
 Полистрат — 111
 Полихарм — 111, 123, 157
 Полиэн — 73-76, 85, 88, 97-99
 Поллукс — 80
 Помпей Трог — 96, 99
 Помпея Сабина — 295
 Помпоний Мела — 237
 Посейдон — 92, 173, 174, 224
 Посейдон Сосиней — 264
 Посидей — 180, 188-195, 198-201, 242, 285, 293
 Посидоний — 196
 Притан — 128, 129, 176
 Прозерпина — 125
 Протоген — 4, 9, 63, 123, 147-162, 180, 181, 186, 192, 193, 195, 284, 294, 295, 297, 298
 Протоген Ольвийский — 296
 Прусий I Вифинский — 179
 Прусий II — 255
 Птоломеи — 167
 Пуздровский Е.А. — 190, 235, 236, 243
 Пуздровский О.Е. — 296
 Раевский Д.С. — 243, 296
 Рейнак Т. — 170, 206
 Рем А. — 248
 Реметалк III — 224
 Ренан Э. — 26
 Рескупорид — 224
 Рескупорид IV — 224
 Робер Ж. — 188, 192
 Робер Л. — 118, 188, 192
 Робинзон З. — 202
 Рогалски А. — 296
 Рогов Е.А. — 117, 138, 144, 292, 296
 Родос — 188, 194
 Розанова Н.П. — 91, 232-234, 250, 251, 296
 Романов В.И. — 247, 295
 Ростовцев М.И. — 16, 17, 20, 41, 74, 90, 92, 93, 128, 129, 162-167, 169, 175, 181, 188, 190, 196, 199, 206, 215, 219, 220, 237, 242, 261, 263, 264, 266, 268, 269, 296, 299
 Роулинсон Г. — 16
 Рубан В.В. — 122, 147, 151, 152, 296
 Русяева А.С. — 2-4, 16, 18, 20, 22, 26, 28, 30, 32, 42, 43, 46-48, 52, 55, 60, 61, 63, 70, 72, 78, 89, 105-107, 110-112, 116, 120, 150, 161, 163, 164, 185, 188, 193, 217, 226, 227, 229, 231, 233, 235, 237, 242, 251, 269, 273, 292, 294, 296
 Русяева М.В. — 10, 163, 164, 269, 273, 296
 Рыбаков Б.А. — 52
 Савлий — 21, 22
 Савмак — 170, 180, 199, 201-210, 285, 286, 292, 294, 297
 Савромат II — 234, 236
 Сайтафарн — 147, 150, 151, 153, 154, 156-158, 160, 161, 198, 240, 284
 Самохина Г.С. — 93, 133, 296
 Сандом — 250
 Санерг — 91, 249-252, 255, 296
 Сапрыкин С.Ю. — 69, 74, 75, 97, 136, 137, 139, 143, 163, 165, 166, 168, 179, 180, 182, 202, 205, 207, 208, 210, 213, 215-217, 219, 221, 222, 224, 228, 229, 254, 259, 261-266, 269, 274-277, 296, 297
 Сатир — 71-75, 77, 79, 81, 85, 92, 110, 111, 123, 128-130, 133, 134, 175, 282, 284, 287
 Сатир I — 173, 176, 216, 249
 Сатир II — 127
 Сатирион — 91
 Сафо — 28, 293
 Свида — 80
 Секерская Н.М. — 59, 297
 Семела — 72
 Сенамотис, дочь Скилура — 176, 198, 205, 206, 259
 Сидоренко В.А. — 239, 297
 Симоненко А.В. — 233, 234, 236, 238, 239, 297
 Сирах — 233
 Сириск — 4, 106, 107, 111, 162, 163, 282
 Сириск, сын Гераклида — 4, 149, 162-169, 210, 273, 284, 296
 Ситалк — 62, 64, 65
 Скил — 4, 9, 15-17, 24, 30, 50-57, 59-66, 78, 96, 105, 106, 176, 281-283, 288, 292-294
 Скилур — 4, 180, 188, 190, 191, 194-201, 205-207, 233, 241, 242, 259, 260, 285-288, 292, 293, 298
 Скорий С.А. — 25, 48, 297
 Скржинская М.В. — 16-18, 21, 22, 51, 52, 55, 61, 63, 105, 235, 294, 296, 297
 Скрибоний — 215, 217, 261, 264, 265, 267
 Славин Л.М. — 42, 120, 155, 195, 214, 297
 Смирнов К.Ф. — 153, 297
 Смирнова Г.И. — 24, 297
 Смолин В.Ф. — 16, 17, 20-22, 297
 Снытко И.А. — 148, 297
 Соколов Г.И. — 42, 297
 Соколова — 72, 79, 85
 Сокольский Н.И. — 219, 297
 Соломоник Э.И. — 137, 139, 188, 189, 205, 297
 Солон — 20, 21, 26-31, 35, 37-40
 Сопова Н.К. — 214, 216, 217, 219, 297

- Сосий — 86
 Сосикрат — 20, 21
 Софокл — 27
 Спаргапиф — 22, 26, 53
 Спартак — 70, 72
 Спарток — 70, 72, 73, 79, 85, 86, 131, 134, 172-176, 209, 248, 251-253, 257, 291
 Спарток I — 169
 Спарток II — 85, 87, 132
 Спарток III — 166
 Спарток V — 172-174, 176, 248, 252, 253
 Спарток VI — 248
 Спартокиды — 69-71, 73, 75-77, 79-81, 84, 85, 88, 91, 93, 95, 97, 110, 111, 116, 125, 127-131, 133-135, 169-171, 173-176, 180, 202, 206, 208-210, 214, 216, 222, 248-253, 255-258, 260, 284-286, 291, 298, 299
 Спиридонов Д. — 297
 Стесихор — 28
 Страбон — 24, 39, 47, 82, 88, 94, 96, 98, 101-103, 133, 148, 191, 194-196, 202, 217, 237, 294-296
 Стржелецкий С.Ф. — 136, 143
 Струве В.В. — 20, 74, 203, 297
 Сумароков П. — 136
 Супруненко А.Б. — 4, 26, 291, 294, 297
- Таранов А.С. — 20, 297
 Тахтаджян С.А. — 33, 297
 Тацит — 162, 234, 235
 Тейран — 93, 128
 Теопротид, сын Мигахла — 79
 Тереножкин А.И. — 89, 101, 105, 292-294, 297, 298
 Терес — 52, 56, 57, 64
 Тесей — 42
 Тиберий — 220, 221, 223, 235, 236, 286
 Тиберий Плавтий Сильван — 235, 239, 241, 242
 Тиберий Юлий — 225
 Тимахид, сын Агеситима — 164
 Тимн — 23, 51, 52, 63
 Тиргатао — 73, 249
 Тиртей — 28
 Тит Ливий — 294
 Тит Флавий Сабин — 235
 Титков А.В. — 10
 Тихе — 244
 Тодуа Т.Т. — 205, 297
 Толочко П.П. — 293
 Толстиков В.П. — 83, 90, 134, 173, 242, 297
 Толстой И.И. — 162, 163, 183, 272, 273, 297
 Томирис — 26
 Тохтасьев С.Р. — 249, 250, 297
 Трейстер М.Н. — 167, 259, 297
 Трофимова М.К. — 151, 159, 167, 297
 Тюменев А.И. — 167, 297
- Уваров А.С. — 190
 Умабий — 239
 Устинова В.А. — 77, 217, 297, 298
 Утченко С.Л. — 149, 298
- Фалес Милетский — 26-28, 30-32, 35, 39, 40
 Фанагор — 259
 Фарзой — 4, 9, 214, 232-234, 237-244, 286, 287, 294, 296-298
 Фармаковский Б.В. — 40-46, 85, 87, 122, 298
 Фармаковский М.В. — 122
 Фарнак — 179, 182, 213, 215-218, 225, 234, 255, 261-263, 266, 267, 275, 276
- Фарнак I — 180, 182, 253
 Фарнак I Понтийский — 179, 182
 Феб — 73, 85, 251, 259
 Фемистий — 39
 Фенипп — 87
 Феномах — 259
 Феодорит — 32, 34
 Феодосий — 86
 Ферекид — 19
 Ферекид Афинский — 19
 Ферекид Леросский — 19
 Ферекид Сиросский — 19, 34, 40
 Фиасита — 257
 Филометор — 249, 257, 259
 Филометора — 221
 Филипп — 96-106, 283
 Филипп Македонский — 95, 298
 Филипп II Македонский — 996-101, 104, 106
 Филотекна — 257, 259
 Фіалко О.Є. — 89, 95, 101, 103, 291
 Фол А. — 52, 298
 Формион — 89, 101, 158
 Фотий — 80
 Фролов Э.Д. — 80, 298
 Фролова Н.А. — 197, 216, 217, 219, 221, 223, 261, 264, 266, 298
 Фронтин — 98
- Хансен А. — 16
 Харматта Я. — 181, 269, 298
 Харон — 166
 Хед Б. — 170
 Хилон Лакедемонский — 19, 26, 27, 31, 37-39
 Хронос — 144
- Цезарь — 215, 262, 263, 275, 276
 Эвмен II Пергамский — 179
 Эврипид — 27
 Элиан — 239
 Эпиктет — 12
 Эпименид Критский — 34
 Эренберг В. — 38
 Эсхил — 27
 Эфор — 16, 24, 33, 39
- Черненко Е.В. — 100, 104, 128, 298
- Шевченко И.И. — 237, 298
 Шелов Д.Б. — 69, 74, 76, 95, 96, 99-101, 103-105, 127, 169, 172, 220, 233, 259, 298
 Шелов-Коведяев Ф.В. — 69-77, 79, 80, 87, 88, 97, 101, 115, 116, 127, 130, 251, 298
 Шишова И.А. — 51, 52, 55, 57, 293
 Шкорпил В.В. — 169
 Шульц П.Н. — 190, 195, 196, 200, 298
 Шургая И.Г. — 167, 298
- Щеглов А.Н. — 109, 117, 136-138, 140, 143, 147, 148, 163, 182, 292, 298
 Щукин М.Б. — 151, 233, 234, 240, 298, 299
- Юлиан — 39
 Юлий Цезарь — 262
 Юргевич В.Н. — 206
 Юстин — 95, 96, 99, 121
- Яйленко В.П. — 71, 92, 93, 115, 118, 120, 121, 123, 127, 131, 133, 150, 155, 170, 172, 219, 226, 230, 248-250, 265-268, 299

- Ясонида — 97
 Яценко И.В. — 222, 238, 299
 Яценко С.А. — 201, 299
- Akurgal E. — 42, 46, 299
 Alföldy G. — 227, 299
 Alexandrescu P. — 28, 104, 299
 Altheim A. — 43, 299
 Aly W. — 51, 299
 Anderson J.G.C. — 264, 299
 Anochin V.A. — 121, 299
 Armstrong C. — 17, 20, 299
 Avram A. — 59, 299
- Blinkenberg Ch. — 164, 299
 Bothmer D. — 44, 299
 Bravo B. — 29, 299
 Burkert W. — 299
 Burstein S.M. — 299
 Buschor E. — 42, 299
- Casson L. — 189, 299
 Clairmont Ch. W. — 41, 299
 Colli G. — 31, 299
 Conze A. — 299
- Defradas J. — 299
 Diehl E. — 299
 Diepolder H. — 42, 299
 Donlan W. — 29, 299
 Durrbach F. — 257, 299
- Ebert M. — 299
 Ehrhardt N. — 299
 Ehrenberg V. — 299
 Ellis J.R. — 97, 299
- Flaceliere R. — 165, 300
 Funck B. — 266, 300
- Gajdukevič V.F. — 175, 215, 300
 Gardner J. — 247, 300
 Garnett R. — 269, 300
 Gauthier Pl. — 150, 159, 300
 Gerlack J. — 27, 300
 Guarducci M. — 125, 300
 Gutschmid A. von — 300
 Günther W. — 248? 300
- Hamann R. — 42, 299
 Hansen A. — 300
 Harmatta J. — 179, 181, 195, 300
 Hatzopoulos M.B. — 118, 300
 Heinen H. — 165, 300
 Heinze R. — 20, 300
- Iliescu V. — 104, 300
- Jeffery L.H. — 27, 41, 300
 Jounes A. — 300
- Kindstrand J.F. — 16, 17, 34, 35, 300
 Kirk G.S. — 31, 300
 Köehler H. — 149, 151, 300
 Koeppen P. — 300
 Kienast D. — 300
- Lacroix M. — 189, 300
 Lang A. — 300
 Langlotz E. — 42, 300
- Levy E. — 19, 300
 Lippold G. — 42, 300
 Luck G. — 167, 300
 Lurie S.J. — 204, 300
- Mac A. — 17, 20, 299
 Macurdy G. — 264, 300
 Mansfeld M. — 31, 300
 Marcenko K. — 70, 105, 300
 Meuli K. — 17, 300
 Minns E.H. — 53, 155, 188, 252, 300
 Mommsen Th. — 300
 Möbius H. — 41-43, 46, 301
- Nachtergaele G. — 152, 165, 300
 Nestle W. — 300
- Oliver J.H. — 107, 300
 Osborne R. — 300
 Olshausen E. — 255, 300
- ΠΑΠΑΓΕΩΡΓΙΥ Π. — 250, 300
 Parfenov V.H. — 265, 300
 Parlaska K. — 300
 Peek W. — 41, 300
 Pfuhl E. — 41-43, 46, 301
- Raaflaub K. — 107, 301
 Raven J. — 31, 300
 Rawlinson G. — 301
 Reinach Th. — 228, 301
 Reuters F. — 301
 Robert L. — 301
 Robert J. et L. — 118, 188, 192, 301
 Roberts C.H. — 104, 301
 Roscher W.H. — 301
 Rolle R. — 42, 43, 46, 121, 301
 Rose Ch. — 267, 301
 Rostovzeff M. — 181, 188, 264, 269, 301
 Robinson Z.W. — 202, 301
 Ruschenbusch E. — 28, 301
 Rusjaeva A.S. — 60, 73, 78, 301
- Saprykin S. — 137, 139, 140, 301
 Scharbonneaux J. — 301
 Schmid W. — 301
 Schofield M. — 31, 300
 Schuller W. — 301
 Seltman Ch. — 247, 301
 Seyrig H. — 173, 301
 Siedentopf H. — 136, 301
 Simon E. — 258, 301
 Simpson C.J. — 227, 301
 Stefan A. — 147, 151, 160, 301
 Stein H. — 262, 301
- Ustinova Yu. — 250, 301
- Vial Cl. — 189, 301
 Vinogradov Ju. G. — 20, 41-43, 46, 60, 63, 70, 73, 78, 105, 110, 120, 181, 188, 205, 215, 226, 230, 231, 260, 301
- Wan der Waerden B.L. — 301
 Werner R. — 301
 Will E. — 167, 301
 Willard F. — 301
 Wüst F. R. — 301
- Zinserling V. — 247, 301

Географический указатель

- Абдеры — 79
 Агриппия — 266
 Аджигол — 59
 Аджи-Мушкой — 132
 Аирчи — 59
 Азиатский Боспор — 73, 80, 88, 130, 216, 224, 265, 266, 268
 Азия — 43, 79
 Азовское море — 101
 Аккра — 58
 Акий, мыс — 276
 Ак-Чокрак — 59
 Александрия — 298
 Александрия Египетская — 166, 167
 Александровка I — 59
 Александровка II — 59
 Алектор — 235, 236
 Амис — 165
 Амфиполь — 97
 Анатолия — 299
 Аорсия — 239, 240
 Апатур — 91, 249, 250, 257-259, 267
 Аркадия — 83, 111
 Армения — 237
 Артюховский курган — 170, 172
 Аттика — 37-39, 47, 48, 258, 268, 293
 Афанасьевка — 59
 Афины — 20, 21, 25-30, 32, 34, 37, 38, 70, 71, 73, 74, 79-83, 85, 86, 89-93, 95, 97, 106-108, 110, 111, 115-117, 121, 123, 127-129, 131-135, 139, 140, 147-149, 162, 166, 167, 169, 171-176, 180, 199, 201-210, 213-224, 233, 234, 239, 242, 243, 247-269, 275, 276, 283-286, 291-299
 Ахиллов Дром (Ахиллодром) — 181, 183, 185, 235-237, 243
 Ахтанизовский лиман — 92, 251

 Бактрия — 123
 Балканский полуостров — 292
 Балканский хребет — 101
 Балканы — 97, 102, 151, 152
 Більськ — 294
 Бейкуш — 59
 Белгород — 295, 297
 Белый, остров — 297
 Беляевка, с. — 58
 Беляус — 59
 Береговое, пгт. — 59
 Березанское поселение — 48
 Березань, остров — 58
 Ближний Восток — 18, 261
 Болгария — 238
 Большая Близница — 88
 Большая Корениха — 59
 Большая Черноморка — 59
 Большая Черноморка II — 48
 Борисфен — 13, 14, 16, 22, 24, 25, 28-30, 50-52, 54, 65, 70, 95, 109, 117, 123, 126, 148, 153, 156, 227, 233, 235, 237, 239, 240, 281, 282, 296
 Боспор — 4, 9, 54, 69-73, 75-77, 79-84, 87-95, 104, 105, 109-111, 115-117, 121, 123, 127-129, 131-135, 138, 140, 147-149, 162, 166, 167, 169, 171-176, 180, 199, 201-210, 213-224, 233, 234, 239, 242, 243, 247-269, 275, 276, 283-286, 291-299
 Боспор Киммерийский — 13, 79, 85, 236, 281, 291, 292, 294, 296
 Боспорское государство (царство) — 71, 73, 75, 76, 80, 85, 88, 89, 92, 94, 97, 102, 109, 110, 115, 116, 131, 169, 171, 172, 176, 180, 203, 210, 214, 221, 225, 229, 243, 248, 253, 255, 257, 261, 268, 269, 276, 283, 286, 292, 295-297
 Босфорский пролив — 98
 Брынзены, с. — 233
 Буго-Днепровское междуречье — 239
 Буджакская степь — 19, 56, 122

 Вавилон — 18, 37
 Вавилония — 237
 Варваровка, с. — 59
 Великая Белозерка — 281
 Великая Греция — 47
 Великая Скифия — 17, 18, 25, 51, 95, 96, 100, 102, 103, 282, 292
 Винничина — 233
 Византий — 95, 98, 99, 101, 170, 173, 227-229
 Викторовка, с. — 59
 Вифиния — 252, 255
 Волга, р. — 15, 101
 Воронеж — 87, 295, 297
 Восток — 13, 27, 171, 288
 Восточная Европа — 13, 117, 293, 295, 299
 Восточное Приазовье — 298
 Восточное Причерноморье — 292, 298
 Восточное Средиземноморье — 166, 167
 Восточный Крым — 25, 195, 203

 Гайманова Могила — 69, 82
 Гаргаза — 128, 129
 Геллеспонт — 29
 Гераклея — 76, 77, 110, 165-167, 171, 179, 275, 298
 Гераклея Понтийская — 75, 104, 168, 274, 296
 Гераклейский полуостров — 138, 182, 295
 Гермонасса — 58, 90-92, 259, 267, 291
 Гетская пустыня (Буджакская степь) — 19
 Гипанис, р. — 57, 65, 66, 70, 153, 156, 227, 232, 237
 Гилея — 30, 183, 285
 Гориппия — 58, 218, 220, 222, 251, 291
 Горький — 295, 296
 Греция — 27, 90, 193, 291, 292, 294
 Григоровское городище — 297
 Грозный — 293
 Гроты — 59

 Делос — 166, 167, 188, 189, 193, 257, 295
 Дельфинион — 47, 110, 123
 Дельфы — 27, 31, 32, 27, 97, 152, 165-167, 172, 188, 249, 256-258, 261
 Джан-Баба — 59
 Джангуль — 59
 Дидимы — 248, 254-258, 261, 296
 Дионисополь — 104
 Дмитриевка, с. — 59
 Днепр, р. — 101, 103, 121, 122, 198, 233, 234, 243, 291, 292, 294, 298
 Днепро-Березанский регион — 241
 Днепро-Бугский лиман — 235
 Днепро-Бугский регион — 152
 Днепро-Днестровский регион — 123, 187
 Днепро-Дунайский регион — 25
 Днепровское, с. — 59
 Днепропетровская обл. — 115, 213
 Днестр, р. — 24, 56, 57

- Добруджа — 15, 57, 64, 70, 95, 97, 100-102, 104-106, 188, 195, 197, 283
 Дон, р. — 8, 15, 101-103, 156
 Древняя Греция — 27, 291-293
 Дунай, р. — 8, 15, 24, 95, 101-104, 239, 243, 294
 Евразия — 148, 293, 298
 Европа — 16, 253, 254, 293
 Европейский Боспор — 295
 Египет — 18, 20, 37, 166, 167, 257, 295, 297
 Жеваховское, с. — 59
 Закавказье — 295
 Закисова Балка — 59
 Закубанье — 293
 Заморское, с. — 59
 Западная Таврика — 13, 208
 Западно-Донузлавское — 59
 Западное Причерноморье — 100, 147, 299
 Западный Понт — 53, 291
 Западный Крым — 138, 163, 294
 Запорожская обл. — 69, 281
 Запорожье — 291, 293, 295
 Зела — 216, 265
 Зенонов Херсонес — 58
 Змеиный, остров — 12
 Золотой Мыс — 59
 Золотое — 59
 Золотоношский р-н — 7
 Ивановка, с. — 59
 Илурат — 58
 Ильичевка — 58
 Индия — 237
 Иония — 25, 28, 46, 47
 Истр, р. — 25, 50, 59, 60, 65, 66, 95, 99, 103, 104, 233, 237, 239, 240
 Истрия — 15, 50-52, 57, 59-65, 98, 106, 123, 160, 166, 292
 Каборга — 59
 Кавказ — 294, 297
 Кавказская земля — 259
 Кавказские горы (хребет) — 88
 Каллатис — 104, 123, 132, 138, 160, 166
 Калос Лимен — 58, 138, 140
 Кальчукское — 59
 Каменка — 59
 Каменское городище — 101, 121, 292
 Канкит — 150, 156, 158
 Каппадокия — 261
 Кара-Тобе — 59
 Карпаты — 24
 Кастель — 59
 Кателино — 59
 Кепы — 58, 81, 129
 Керкнитиды — 13, 25, 110, 116, 138, 140, 281, 294
 Киев — 4, 291-298
 Київ — 291-298
 Кизик — 29, 30, 179
 Киликия — 20
 Киммерик — 58
 Киммерий — 58
 Кинбурн — 183, 235, 236
 Кипр — 20, 299
 Кировоград — 292, 294, 298
 Китей — 58
 Кишинев — 296
 Ковалевка — 294
 Козырка — 59
 Колхида — 297
 Коринф — 28
 Костырино — 59
 Кошарское поселение — 293
 Кошары — 59
 Краснодар — 291, 293
 Крокусово поле — 100
 Крым — 101, 148, 190, 194, 201, 207, 222, 223, 238, 239, 242, 260, 285, 293, 298
 Крымская Скифия — 190, 191, 195, 200, 236, 237, 241-244, 293
 Кубань — 242, 293
 Куль-Оба — 78, 254, 274, 275
 Куль-Тепе — 59
 Куцуруб — 59
 Лабрит — 73, 78, 251
 Лазурное — 59
 Лакедемон — 29, 37-39
 Левке, остров — 12, 136, 161, 190, 201, 234
 Левый Понт — 171
 Ленинград — 291-298
 Лесбос — 28
 Лесостепная Скифия — 24
 Лесостепное Правобережье — 102
 Лесостепь — 4, 7, 9, 13, 15, 16, 22, 24-26, 29, 39, 48-51, 65, 70, 281, 282, 288
 Лидия — 18, 20
 Лиманы — 59
 Лісостепове Подніпров'я — 291
 Лузановское — 59
 Лупарева Балка — 59
 Македония — 97, 98, 152, 193, 257
 Македонская держава — 97, 101, 123
 Малая Азия — 13, 20, 84, 147, 151, 171, 216, 252, 262, 263, 292, 299
 Малая Армения — 207, 224
 Малая Корениха — 59
 Малая Скифия — 15, 106, 188, 195, 197, 237, 260, 285
 Малая Черноморка — 59
 Мангуп — 239, 241, 297
 Марицинский могильник — 66
 Маслины — 59
 Маяк — 59
 Маяки — 59
 Мегарика — 13
 Мегары — 272, 274
 Межводное — 59
 Мезия — 239, 193
 Мелитопольский курган — 297
 Меотиды — 195, 239
 Месембрия — 179
 Мефона — 97
 Мидия — 237
 Милет — 28, 30, 37, 46-49, 106, 116, 227, 231, 292, 296
 Мирмекий — 58, 292
 Митридат, гора — 84, 90
 Молочное — 59
 Монголия — 238
 Москва — 291-299
 Мысовое — 59
 Мюнхен — 294
 Надлиманское — 59
 Неаполь — 188-196, 198-201, 214, 222, 233, 234, 236, 242-244, 260, 285, 287, 292, 296

- Неаполь Скифский — 236, 293, 295, 296, 298, 299
 Неврида — 102
 Нижнедунайская Скифия — 291
 Нижнее Побужье — 13, 16, 22, 56, 61, 63, 110, 160, 238, 281, 296
 Нижнее Поднепровье — 122, 123, 233, 236, 239, 240, 283
 Нижнее Поднестровье — 13, 59, 61, 63, 295
 Нижнее Подунавье — 15, 61, 96, 100, 106, 238
 Нижнее Приднепровье — 153
 Нижний Днепр — 234, 291
 Нижний Дунай — 104
 Нижний Новгород — 295
 Нижняя Мезия — 234, 235, 238, 239
 Николаев — 122, 296
 Николаевка — 58
 Николаевская область — 294
 Никоний — 13, 15, 50, 51, 57, 59, 60, 62, 65, 281, 292, 293, 297
 Нимфей — 13, 71, 72, 79, 81, 84, 85, 167, 217, 292
 Новая Богдановка — 59
 Ново-Отрадное — 59
 Новочеркасск — 295, 298, 299
 Ногайчинский курган — 222
- Огуз — 89, 103
 Одесс — 179, 180
 Одесса — 117, 122, 293, 296, 298
 Одрисское царство — 50, 52, 57, 62, 65, 79, 101
 Ойрат — 59
 Октябрьское — 59
 Олимп — 117
 Ольвия — 4, 13, 15, 16, 22, 26, 30, 40-43, 46-54, 57, 59-65, 70, 105-112, 116-127, 135, 147-162, 166-169, 179-195, 197-201, 213, 214, 225-235, 237, 239-244, 269, 278, 281-287, 291-299, 302
 Ольвия Понтийская — 50
 Ольвийский полис — 22, 40, 47, 48, 50, 63, 107, 109, 110, 112, 118, 119, 124, 126, 127, 136, 147-149, 190, 198, 291-293, 296
 Ольвийское государство — 152, 233, 240
 Орджоникидзе — 297
 Очаков — 58
- Пайкула — 269
 Панское, с. — 59
 Пантикапей — 13, 72-75, 77, 82-85, 90, 91, 93, 117, 128-131, 133-135, 168, 170, 171, 173, 174, 176, 202, 204, 207-209, 217, 222, 223, 241, 251, 254, 256, 257, 260-262, 266, 267, 292, 297
 Палакий — 191
 Парутино, с. — 40
 Парфений — 58
 Пафлагония — 79
 Пелопонесс — 111
 Пергам — 179, 255
 Передняя Азия — 13, 14, 25, 39
 Перекоп — 25, 198
 Перекопский перешеек — 103
 Переп'ятиха, курган — 297
 Перещепинский курган — 294
 Персеполь — 43
 Персидско-Мидийская держава — 18
 Персия — 18, 19
 Петроград — 294, 286-298
- Петуховка, с. — 59
 Північно-Західне Причорномор'я — 296
 Пидна — 97
 Пирей — 83, 132
 Поволжье — 238
 Поднепровье — 14, 102, 105, 117, 118, 151, 236
 Поднестровье — 295
 Подунавье — 22, 25, 50, 55, 56, 70, 98, 102, 103, 105, 106, 152, 215, 238, 288
 Полтава — 4, 291, 297
 Польша — 204
 Понт — 15, 28, 30, 53, 75, 81, 83, 88, 95, 106, 111, 132, 162, 167, 187, 192, 199, 202, 207, 213, 221, 223, 224, 225, 227, 229, 231, 255, 259-262, 265, 286, 293, 296
 Понт Евксинский — 7, 26, 69, 116, 135, 187, 235, 292, 297
 Понтийское государство (царство) — 69, 97, 180, 202, 205, 207, 213, 215, 228, 258-261, 286, 291, 295, 297
 Пороги, с. — 233, 238
 Порфмий — 58
 Приазовье — 89, 105, 151
 Приднепровская Скифия — 70
 Прикаспий — 239
 Прикубанье — 130, 201, 235, 237, 242, 243, 295
 Причерноморская Скифия — 14, 104
 Причерноморье — 4, 7, 82, 95, 97, 123, 125, 131, 135, 144, 151, 160, 162, 163, 168, 179, 199, 200, 214, 227, 259, 287, 292-298
 Пропонтида — 97, 171, 292
 Прут, р. — 233
 Прутско-Днестровское междуречье — 103
- Рим — 193, 213-215, 217-221, 223-226, 230, 231, 233-235, 237, 239, 240, 242, 257, 261-265, 267, 275, 276, 281, 286, 287, 292, 293, 298
 Римская империя — 4, 112, 214, 235, 237, 241, 247, 293
 Родос — 166, 188-190, 192-195, 201, 257, 285, 292, 294
 Россия — 16, 296, 298
 Рошава Драган — 238
- Самос — 18
 Санкт-Петербург — 291-299
 Саратов — 295
 Сарды — 20, 21, 30, 37, 38, 227
 Сарматия — 28, 295, 299
 Сарматское царство — 4
 Севастополь — 291-293, 295-297
 Северная Добруджа — 50, 51, 56
 Северный Кавказ — 14, 15, 22, 25, 234, 293
 Северный Понт — 13, 47, 69, 242
 Северный Прикаспий — 237
 Северное Причерноморье — 4, 7-10, 13, 16, 18, 22, 23, 55, 56, 59, 66, 70, 77, 105, 115-117, 127, 135, 138, 147, 149, 150, 153, 162, 179, 180, 185, 189, 192, 193, 200, 201, 210, 213, 232, 233, 247, 249, 261, 269, 272, 276, 281, 282, 284-288, 291-295, 297-299
 Северо-Восточное Причерноморье — 13, 75, 215
 Северо-Западная Малая Азия — 292
 Северо-Западная Таврика — 144, 195
 Северо-Западное Причерноморье — 9, 15, 50-55, 59-61, 63, 66, 239, 281, 282, 291, 293-297
 Северо-Западный Крым — 109, 110, 138, 151, 163, 182, 298

- Северо-Причерноморская Скифия — 22, 25, 283, 288
 Семенов Рог — 59
 Семеновка — 59
 Семибратнее городище — 73, 76, 78
 Сиверсов Маяк — 59
 Симболон-Лимен — 58
 Симферополь — 296-298
 Синдика — 73, 77-79, 132, 218, 249, 251, 291, 297
 Синопа — 106, 165, 180, 208, 209, 229, 261
 Сиракузы — 93
 Сицилия — 28
 Скелька — 59
 Скифия — 8, 14, 15, 18-30, 32, 35, 50-52, 54-57, 61, 63, 70, 80, 82, 84, 95, 96, 101, 102, 105, 110, 120, 121, 123, 134, 201, 207, 242, 260, 281, 288, 292-298
 Скифская Земля — 15
 Скифское царство (держава) — 4, 14, 59, 63, 96, 148, 188, 190, 199, 202, 242, 260, 282, 284, 285
 Солоха, курган — 66, 74, 291
 Софиевка — 59
 София — 291, 292, 298
 Средиземноморье — 62, 166, 191, 193
 Среднее Поднепровье — 22
 Спарта — 18, 26, 28, 29, 37-39, 282, 291
 Средняя Азия — 26, 297
 Станислав — 59
 Старая Богдановка — 59
 Старозагорский округ — 291
 Старый Крым — 59
 Степное Побужье — 293
 Степь — 14, 16, 26, 70, 89, 105, 151, 156, 237, 296
 Таврика — 116, 140, 168, 182, 194, 199, 208, 214, 234, 236, 273, 284, 296, 297
 Таманский полуостров — 78, 201, 146
 Тамань — 257
 Тамарино — 59
 Танаис — 70, 109, 237, 239, 291
 Тарасовка-Григорьевка — 115, 213
 Тарпанчи — 59
 Тасуново — 59
 Тбилиси — 292-295, 297, 298
 Темир-Гора — 25
 Тилигул — 117
 Тира — 13, 58, 70, 116, 117, 135, 136, 213, 214, 241, 242, 281, 286, 292, 294
 Тирас — 47, 56, 233, 235, 237, 238, 240
 Тиритака — 58, 84, 71
 Товста Могила — 295
 Томи — 104
 Украина — 4, 13, 18, 295
 Украинская Лесостепь — 24, 296
 Украинская ССР — 294, 296, 298
 Україна — 18, 22, 24, 25, 70, 89, 293, 294, 296, 297
 Українська РСР — 296
 Фанагория — 13, 90, 92, 213, 218, 259
 Фат — 128, 291
 Феодосия — 13, 71, 73, 75-79, 82, 84, 86-88, 110, 171, 202, 204, 215, 222, 249, 262, 292, 298
 Фессалия — 97, 100
 Филатовка — 25
 Финикия — 37
 Фокида — 97
 Фракия — 64, 65, 79, 84, 97, 101, 102, 222-225
 Фригия — 37
 Фронтное, с. — 59
 Хабей — 191
 Халкидика — 97
 Харакс — 58, 241
 Харьков — 291, 294, 296
 Херсон — 234, 269, 294, 297, 298
 Херсонес — 13, 105, 110, 116, 117, 121, 136-140, 143, 144, 148, 149, 158, 162-169, 179-182, 186, 187, 196, 198, 199, 202, 210, 213, 214, 240-242, 254, 269-278, 284, 287, 291-293, 295-297
 Херсонес Таврический — 4, 70, 75, 109, 116, 135, 136, 162, 169, 213, 215, 254, 260, 269, 281, 284, 286, 291, 293-296, 298
 Херсонес Фракийский — 50, 56, 57
 Херсонесский полуостров — 191
 Херсонесское государство — 138, 140, 143, 144, 223, 254, 292, 294, 296
 Херсонское городище — 295
 Херсонщина — 233
 Цхинвали — 294
 Чайка — 59
 Частые курганы — 87
 Чаталка — 291
 Черкасская обл. — 7
 Черное море — 13, 88, 297
 Чертоватое, с. — 59
 Чертомлык, курган — 83, 86, 94, 103
 Чоротай — 59
 Чугунно-Керпинка, с. — 214
 Эгеида — 18, 63, 75, 81, 86, 160, 167, 192
 Эллада — 13, 15, 17-31, 33-35, 37-40, 44, 60, 72, 73, 82, 97, 115, 152, 162, 247, 273, 288
 Ёфес — 227
 Широкая Балка — 59, 121
 Шлезвіг — 293, 296
 Шмидтовка, с. — 59
 Юг Украины — 54, 247
 Юго-Восточная Европа — 294
 Юго-Восточное Причерноморье — 295
 Южно-Донузлавское городище — 59
 Южный Буг — 294

Summary

One of the problems, in our native anti-quelore (the Study of the Classical period), which is still not enough elaborated, the problem of the cultural and political relationship of the Hellenes and barbarians of Northern and Northern-West littoral area of Black Sea in antique epoch.

In this research, there has been made an attempt to solve the problem on examples of some known (by their names) historical personalities. In turn part, it is interesting to recover the political situation while one or another leader was acting: his state activity, moral qualities, vital position and values.

We should mark that very frequently, we have not any evidences, in antique literary tradition, about many of the examined persons; sometimes, we have very concise mentions in epigraphical sources or a portrait and a name on the coin. Also, there is not all of Northern Pontus antique towns have left the memory concerning their state leaders, or about known citizens. First of all, it concerns to the weakly developed and small towns: Tyra, Nykonion, Kerkinitida, but with them and the Bosphorians. Excluding the archontes-kings and some of their governors, on Bosphor and in Cimmerians, we have not any information about the political leaders that were honored by their people for their merits in various monuments as for example in Olvia, or in Khersones in Taurike. Moreover, the book deal with the well-known personalities which are taken, more or less, as common examples of relationships and mutual influences between the Hellenes and the barbarians.

Since the foundation of Borsiphen (middle of VII B.C.) until the first contacts with Rome (in I B.C. - I A.D.) — the epoch of relationship, between the Hellenes of Northern and Northern-Western littoral area of Black Sea with the others different ethnic groups of Scythia, includes the six main phases. Each of them was marked by the activity of the known leaders pursued intensive, active, and independent policy, but rare noted by having some of remarkable works and in the same time interest to political life. Anacharsis, Leox the son of Molphagor, and Skyl are the most known leaders in the time of the first hellenic-scythian contacts. Then, there were intensive contacts (which later produced links) between the Hellenes living in area of the basin of the river Law Bug, and with the scythes-cultivators of the wooded-steppe. The new epoch had begun in the history of the people, inhabitants of this territory, owing to the Hellenic penetration and influence, since the first half of VII B.C. As a result of these contacts, there are growing the social, economical, and political development. Some of the inhabitants became widely known

far off the area of their dwelling. Though and in very unimportant degree, but they come in the sphere of development of the Hellenic Civilization.

Anacharsis is the most outstanding representative of the first phase.

His extraordinary personality signifies the beginning of the most closest contacts and relationship between the Hellenes and barbarians. The time of his life and the great interest which had been shown by Anacharsis to the low in the cultivators' towns, so as Athens and Sparta, and also the earliest contacts of the founder of Borsiphen with the inhabitants of the wooded-steppe, although to the moment of his birth, there were neither nomads nor the greek colonists. All these facts testify that he can be neither nomadic scyth nor the prince of the Greek Scythia which did not exist then.

Though the antique authors frequently called him as 'Scyth Anacharsis', but he was half-Hellen by his origin, and the Hellenist by his culture. The matrimonial unions, between the Hellenes and barbarians, produced many outstanding scholars, writers, and politicians which were grown on the antique ground. To one of the first of them belonged Anacharsis, who is surely historical, but not a legendary personality, one of the greek archaic wise-men, sometimes numbered among the group of the seven.

The images of the olbian citizen Leox the son of Molphagor were represented in absolutely different way; in the unique grave bilateral monument where he has been represented with a scythian bowman. Also and the scythian king Scyl, who is most known by his hellenistic policy and his attaching to the cults and mysteries of the greek gods. Perhaps, as a half-Hellen by birth, having a wife in Olbia, he tried to change the manner of life of his own fellow-tribesmen. Most probably, they were Callypids, which in his reign were numbered among Hellen-Scyths, such as he was. Since the moment of his tragical death, the hellenization of this little ethnic group has been suspended in the Northern-Western littoral area of Black Sea.

The second phase is characterized by the activity of the two bosphorian kings: Leukon I and his son Perisad I. The activity of the scythian king Ataias falls also on this time. Lesser known, In the same time, Eusebios the son of Sirisk achieves the democratic party in Olbia. Outward policy of the bosphorian kings had been linked with Athens; interior policy had been directed to build up the strong state joining autonomic towns and neighboring inethnic groups by the power of the hired army, and its main part was formed by scythian horsemen equipped with bows.

It is possibly that in the time of Leukon, the number of bosphorian-scythian matrimonial

unions grows. Bosphorian archontes-kings maintained the intensive contacts with the royal Scyths, which were the settled centre of the Scythian kingdom in the Northern littoral area of Black Sea. Unfortunately, no one name of these kings had not been fixed in antique literary tradition, excluding Agaros, who killed Perisad, whose father bosphorian king Satyros had been killed by Eumel. It is strange, because in the same time the scythian elite had receiving a lot of various goods, through Bosphorus and in many others ways, with the art-makes of valuable metals among them; what became a subject of great interest to the nomads of IV B.C. in the New Time. In common, between the Northern Pontus Hellens and Scyths-nomads, there were quite peaceful relationship, owing to the coming of the great gifts that were given to nomads by the Hellens. It seems to be some skirmishes with Scyths in the time of reign of Perisad I, but they did not change the development of Bosphorian State.

Another situation was in the small scythian kingdom of Ataias in Dobruge, he had to defend it of invasion of neighbouring tribes, and after that of Macedonian king Philip, who conquered these scyths and brought to death their king. As it has been shown in some sources, Ataias had nothing else except splendid horses, as against the leaders of the Northern littoral area of Black Sea.

Thus, from Scyl to Ataias, and probably famous Idantyrus (glorified by Herodot), we have some information about the tribe of 'beautifully - horsed'.

Third phase, it is quite short, but very important point in the gradual development of the hellenic tendencies of the Northern Pontus States. It found the striking expression in their territorial expansion, appearing the leaders of hellenic type (bosphorian king Eumelos), deifying the ancestor - monarch Perisad I. In this phase, there are growing the number of hellenistic-barbarian marriages, liberations of slaves, receiving strangers in the civil commons, mounting the statues of the outstanding citizens, etc. First of all, it linked with the name of Callynik the son of Euxenos defender of the radical democracy in Olbia, conqueror in the war against the macedonian general Zopirion, with the help of Scyths and one of important radical transformation such as in the town, so and in the territorial increase of the town, that became possibly just after the leaving of the right coast of the low basin of the river Bug by the main forces of nomads.

The short reign, of the most cruel bosphorian king Eumelos, shows that: and his glory, and his success, and the development in the sphere of economy so much depend on the clear understanding of the responsibility of one or another leader before his own people. We have the ground to suppose that the royal Scyths-nomads gradually loses their power of the main ethnic-political power in the Northern

littoral area of Black Sea, to the moment of death of Eumelos; which brought them to irreparable damage for the maintaining of Satyros, in internal struggle for royal authority. After that, they had never reached that high level of the social and cultural development that had been reached in the earliest Spartacyds, in the end of IV-III B.C.

Only on the border between the IV and III B.C., the new political leader becomes known, it was Agasiklos the son of Ctesey from Khersones in Taurike, whom there was builded a monument for his own merits before the people, as well as to Callinicus in Olbia.

And if the olbiapolitan overcame him by reward in a thousand golden coins that the khersonesian by the horse-statue with the many golden wreathes.

Agasiklos made the fortification system of Khersones, its choras; and it was very important, because the nomads-scythian treated the town in Taurike after the lost of revenues and influence in the relationship with Bosphorus, although, they had not the bygone powers. With this phase and forever, the unusual economical and cultural prosperity passes in the past, not only all of antique states of the Northern Littoral area of Black Sea, but and Scythian kingdom. Never more in the history, there will be repeated so close relationship, as well as the cultural mutual influences, as in foregoing centuries.

This unprecedented ascent in the second quarter of III-second quarter of II B.C. (fourth phase) was superseded by the economical crisis enveloped all of Northern-Pontus States in one or another degree. In each of them, in the overcoming of the crisis, in different degrees and from different positions the active role had been playing by famous olvian euergetes Protogenus, khersonesian historian Siriskus, by his father Heraclidus, and also Ygianontos archontes of Bosphorus. The general causes of the economical crisis were cohered. The changes of ecology made some pre-conditions for moving of inethnical groups in the quest for food and better staying places. Bad harvest in the agrarian zones of the antique States, and the Large decrease of grain-trade, the payment of the excessive tribute, not only to Scythian yet, but and to Sarmathian kings - all these became the basic factors as grain, so and financial crisis.

Olbia was in worst conditions. Protogenus was noted not only as benefactor, but and as the clever politician. In all cases what deal with the some barbarians, he tried to settle everything by the diplomatic negotiations and valuable tribute. With the great risk, he personally visited to the king Saytapharnos in the stuff of diplomatic mission, when the king continually threatened the town. By his own means, Protogenus (in great measure) reinforced the fortifications in Olbia, restored the financial position and financial means, enforced the positions of the people which became as the

main power in his struggle with the different and more or less dangerous inethnic groups.

In another way, the overcoming of crisis took place in Khersones, its citizens saw their salvation in the cult of their defender and patroness Parthenos, and also in the trade-links with the other towns and kings. For the resumption of faith of khersonesits in these spiritual valuables and actions, by Sirisk, the son of well-known in Khersones magistrate Heraclidus there was written and read in the people meeting special historical work which deal with the epiphanies of the highest goddess and her friendly relationship with the states of the time when the town reached its most height economical success.

We cannot exclude that to the time of reign of Ygianontos, the most anigmatical of the Bosporian governors, which bore the title of archontes, there were lost the lands of Barbarians belonging to its state. The symbols on the golden coins of Ygianontos shows us his attaching to the ancient democratic traditions and views of Leukonids of the time of their closest contacts with Athens, especially of Leukon I when he prefers the title of archonte. Owing to his activity, having the peaceful relationship with Barbarians and among them with Sarmaths, he overcame the financial crisis and brought stabilization in the economical situation on Bosporus.

In the following time (II cen. B.C.) in the history of the Northern Littoral area of Black Sea, comes the new phase with the new especial relationship with the Scythian Kingdom in Crimea and with the activity of the new personalities: Nykeratos the son of Papius in Olbia, olbiapolitan and neapolitan Posydeus the son of Posydeus, in cooperation with the scythian king Skilouros, and possibly, belonging to the genus of the Spartacyds' dynasty on Bosporus and the claimant to the kings throne.

Putting above all the freedom and independence of his own town of any enroachment of enemeis, Nykeratos panished defending his citizens in the time of feast in Galer. According to his approach, when by the universal aim and the vital necessary are becoming the activity for success of the fatherland, it is inevitably the special demonstration of the great fullness of the people and the raising the persons like Nykeratos in the rank of heroes. In the same time, and it is evidently, that he would have the great posthumous honours, just in case, if the people had quite wide opportunities after the Olbian crisis.

Various datum give the opportunity to suppose that Posydeus was olbiapolitan by his origin; but he spent some time of his life on Rhodes, where he became rich dealt in the trade operations. When he came back to his own country, he did not find any approval there, possibly, because he desired to enroot some of Rhodosian cults and for his interference in the political life in Olbia. Evidently,

that together with his own political like-minded he founded Neapolis, in Crimea, with the temple and the statues of the Rhodosian gods; which were captured soon by Scyluros and his sons. The sacred zone of Hellens in Neapolis became the residence of the king.

Scyluros — the sole of the scythian kings who desired to have his own coins, which were coining on the Olbian mint with his own portrait of his wife, and also with the hellenic religious symbols. Between Olbia and his kingdom, there were the special relationship, as the economical protectorate in which none the last role was played by Posydeus the son of Posydeus and other olbiapolitans living in Neapolis. The changes in Neapolis, and in the Scythia Minor, and in Crimea, were taking place just after their death. Being adherents of the peaceful resolution of the conflicts, they paid general attention to the development of the trade contacts.

The works of many scholars about the leader of the scythian insurrection (Saumakos on Bosporus) give the ground to join to the point of view of some scholars which suppose that neither Saumakos nor Diophant were not the forsters of Spartakydos, and Mythrydatos Eupator (Later Pontus master), who received the Bosporian kingdom in the way according to his right. As we can assume, Saumakos was a relative, and even he might be one of the many sons of Scyluros, in this way he might be in relation with Mythridatos, owing to the mixed bosporian-scythian-Pontus marriages.

His attempt to usurp the reign on Bosporus with the help of scythian troops failed, and brought nothing except destruction and death.

Hellens and Barbarians of the Northern Littoral area of the Black Sea under the reign of Mythridat Eupator and taking part in his wars, quite early made the acquaintance with the Romans.

After the destruction of the Pontus kingdom, Rome showed the great interest to Bosporus and to Khersones in Taurike. Olbia and Tyra were blotted out of history for more then a half of century after the Gettan invasion. In quite difficult time of the establishing of the closest contacts with Rome I B.C. (last phase) Bosporian king Aspurgos most active. His origin remains unknown today. Also in this time were well-known Abab the son of Callysphenos, and sarmathen king Pharzoy, which is known only by Olbian coins.

Coming in relations with the frak-pontian royal genuses, Aspurgos treated peace with Tyberius and with neighboring kings, and by it, he received the permission of Rome for his rule under the Bosporus. His rational activity, his cunning and enterprise contributed to strengthening of the State and his authority. Afterwards, he promoted to the widening of the territory, in the earliest time belonging to Sportakyds (barbarian lands), and also the submission of crimean scythians and taurs.

After the Gettian invasion, Abab the son of Callysphenos, citizen of Olbia, builded up a pillar, on his own mains, and dedicated it to divine August and to his son Tyberius. When he became known to these imperors by his own state and trade activity, he showed himself as a leader not only in Olbia but and in the littoral area of Black Sea. The olbiapolitans had great interest in Roman support, having the great difficulties in the restoring of the town and being afraid of new invasion of barbarians. Nevertheless, in spite of attempts of Abab, Romans did not have the great interest to this poor and provincial town, in this century.

As against Scyluros, the sarmathian kings Pharzoy had the golden coins which had been coined in Olbia and almost completely (excluding a 'tamga') represented religious symbols. Some information gives opportunity to suppose that his kingdom was situated in the region of the settled and half-settled Scythia-Sarmathian tribes with the residence in Neapolis. He kept political and economical links with Olbia, and probably, during some time he was its protector and defender of expansions of other barbarians. In spite of some attaching to the hellenic culture, Pharzoy remained faithful to his patrimonial traditions. His name was still mentioned in Olbia in II A.D., possibly it marks that somebody of his relatives were married to olbiapolitan.

In the antique towns of the Northern littoral area of Black Sea like all hellenistic word, the women were much restrained in their rights in compare with men. Just in later hellenistic and Romen time their role grew in political and religions life, although their freedom never reached the level of Roman women. According to the epigraphical and writing sources two of Bosporian queens became most known-Camasaria and Dynamia, and also inhabitant of Khersones - Gicia. Each of them had their own fate, their own attitude towards their State. Each of them in spite of the ranks, titles, high origin and powerful character was depended on men: her father, husband, or brother. In all cases we may mark that all their steps were in closest links with religion.

For successful resolution of the state affairs and foreign contacts all the leaders turned their sight to the cults of the patrimonial and foreign divines, trying to find not only their protection and help; but also and incline on own side the citizens of others towns.

Generally, policy and religion were closed united in all ancient societies, and in their number in the Northern littoral area of Black Sea; by their union, they promoted to establish-

ing of the peaceful relationship as between leaders so and between states.

Cooperation between the towns with the different political regimes arised in the process of the hellenistic colonization, changing during the centuries with coming from the east nomads with their own tradition establishments, in some special manner of life, their mentality, their religion, what put the beginning as from one, so and from another side. Nevertheless, in all cases, in activity and in life of barbarian leaders the very important role plays political and cultural attainments of Hellens, as most progressive in this time. At the some time we cannot forget that in hellenic imagination (we may start with Ionian logographes and end the latest writers) Scythia, and in Roman-Byzantion time — Sarmathia — it is not a state, but a quite large territory inhabited by the different tribes as well as there were situated and the greek states. So, olbiapolitans and bosporian decided they are living in the Scythian Land.

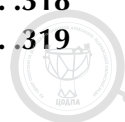
Every barbarian from this Northern country was considered to be a Scyth. The nickname 'Scyth' becomes not only the synonym with a policeman or bowman in Athens language (in VI-IV B.C.), but also and a name. We cannot say which part of Scythia from, through the slave-traders, the scythian slaves got to Athens, in some time serving as a policemen there.

It might be as scyths from wooded-steppe, or from the area of the basin of Dunai, which were captured by nomads or frakians, so and scyths-nomads which were enslaved in anothre cause. If in the life of Athens, the great politic and cultural town of Greece, the Scyths played quite important role, then on the highest level their links invinced with Hellens of Northern-Pontus and Northern-Western Pontus towns, and it found the great impressions in the images of Anacharsis, Scylos, Ataias, Scyluros, and of course, unknown by their names, kings of the Northern Littoral area of Black Sea, having the closest relationship with Bosporian kings in IV B. C. century.

On the whole, we may say that the research about outstanding historical personalities, which has been represented, it clears up and the main questions of relationship between Hellens and Barbarians. As a result, we may see more clear, the general ways of the main political and cultural influences, the processes of hellenization of the barbarian elite, in lesser degree concerned to ordinary people, and the role of these leaders in the common development of the antique states and inethnic groups.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ДРЕВНЕЙШИЕ ЭЛЛИНО-СКИФСКИЕ КОНТАКТЫ.	11
Анахарсис.	16
Леокс, сын Мольпагора	40
Скил	50
Глава 2. «ЗОЛОТОЙ ВЕК» ЭЛЛИНО-СКИФСКИХ КОНТАКТОВ. ...	67
Левкон I	70
Перисад I	85
Атей	95
Евресибий, сын Сируска.	106
Глава 3. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ПОНТИЙСКИХ ГРЕЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ	113
Каллиник, сын Евксена	118
Евмел	127
Агасикл, сын Ктесия	135
Глава 4. ВСЕОБЩИЙ КРИЗИС	145
Протоген, сын Геросонта	149
Сируска, сын Гераклида	162
Гигиенонт	169
Глава 5. ЭЛЛИНО-СКИФСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ	
ВО II в. до н. э.	177
Никерат, сын Папия	180
Посидей, сын Посидея, и Скилур	188
Савмак	201
Глава 6. ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ С РИМЛЯНАМИ	211
Аспург.	214
Абаб, сын Каллисфена	225
Фарзой	232
Глава 7. РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ	245
Камасария	248
Динамия	261
Гикия	269
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	279
ПРИЛОЖЕНИЕ	289
Использованная литература.	291
Список сокращений	302
Именной указатель	303
Географический указатель	310
Summary	314
СОДЕРЖАНИЕ	318
CONTENTS	319

Contents

INTRODUCTION	4
Chapter I. THE MOST ANCIENT HELLENIC-SCYTHIAN CONTACTS	11
Anacharsis	16
Leox the son of Molphagor	40
Scyl	50
Chapter II. «GOLDEN AGE» OF THE HELLENIC-SCYTHIAN CONTACTS	67
Leucon I.	70
Perisad I.	85
Ataius.	95
Euresibius the son of Siriscus.	106
Chapter III. THE HELLENIC TENDENTIONS IN THE DEVELOPMENT OF THE NORTHERN PONTUS GREEK STATES.	113
Callinicus the son of Euxenus	118
Eumel	127
Agasiklus the son of Kteseius.	135
Chapter IV. GLOBAL CRISIS	145
Protogenus the son of Herosontos	149
Siriscus the son of Heraclidus	162
Ygianontos.	169
Chapter V. HELLENIC-SCYTHIAN RELATIONSHIP IN II cen. B.C.	177
Nykeratus the son of Papius	180
Posideus the son of Posydeus, and Skilouros	188
Saumakos	201
Chapter VI. THE FIRST CONTACTS WITH ROME	211
Aespourgos	214
Ababos the son of Kallysthenos.	225
Pharzos	232
Chapter VII. THE WOMEN'S ROLE IN THE POLITICAL AND RELIGIOUS LIFE	245
Camasaria	248
Dynamia	261
Hikia	269
CONCLUSION	279
APPENDICIES	289
Bibliography.	291
Customary Abbreviations	302
Index of Names	303
Geographical Index	310
Summary	314
CONTENTS	319

Монографія

**Русяєва Анна Станіславівна
Супруненко Олександр Борисович**

ІСТОРИЧНІ ОСОБИСТОСТІ ЕДІНО-СКІФСЬКОЇ ЕПОХИ (культурно-політичні контакти та взаємовпливи)

Науковий та відповідальний редактор:
член-кореспондент НАН України,
доктор архітектури, професор *С.Д. Крижицький*

Російська та англійська мови.

*В оформленні видання використаний ескіз реконструкції С.Д. Крижицького
«Вигляд на місто Ольвію з боку лиману» (1993).*

На суперобкладинці:

Платівка з двома скіфами з ритонном, які п'ють на брудершафт.

IV ст. до н.е. Курган Куль-Оба в Криму. *Золото.*

Сережка у вигляді сфінкса з жіночою голівкою.

IV ст. до н.е. Старший Трибратній курган (№ 1) поблизу Керчі у Криму. *Золото, емалі.*

Перстень-печатка.

Сер. V ст. до н.е. Курган №2/2001 р. Перещепинського курганного некрополю
поблизу Більського городища на Полтавщині. *Золото.*

ВЦ «Археологія»

**Центру охорони та досліджень пам'яток археології
управління культури Полтавської облдержадміністрації**

36011, Україна, м.Полтава-11, вул. Комсомольська, 37,
тел./факс (053-22) 2-26-12, E-mail: cpram@atlasua.net (Центр археології).

Відповідальний за випуск — Стахів М.П.

Технічний редактор — Хорєв С.В.

Коректор — Курочка Т.Ф.

Переклад на англійську мову — Чернишов В.В.

Комп'ютерний набір — Хорєв С.В., Русяєва М.В.

Комп'ютерна верстка — Тітков О.В., Хорєв С.В.

Здано в набір 12.10.2001 р. Підписано до друку 12.05.2003 р. Формат 70х108/16.

Папір офсетний, крейдований. Гарнітура Ньютон. Друк офсетний.

Ум-друк. арк. 32,5+0,25. Ум-фарб. відб. 36,5. Обл.-вид. арк. 31,5+0,25.

Тираж 500 прим. Вид. № 93. Зам.№ 01/2003.

Поліграфічний центр ДП «Ферротранс», м.Комсомольськ Полтавської обл.

Тел. (05348) 7-80-80.

